

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2025 – № 3 (42)**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2025

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. № 3 (42). 275 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2025-3-42. EDN UOTYJA
2025, № 3 (42). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **А. С. Бокарев**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Видулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **М. А. Дударева**, доктор филологических наук, доктор культурологии, заведующая кафедрой общей и славянской филологии Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Л. Г. Кихней**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы Московского университета им. А. С. Грибоедова; **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сютао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, советник ректората по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленикова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухун**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский язык, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150066, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025

© Авторы статей, 2025

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2025. № 3 (42). 275 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2025-3-42. EDN UOTYJA
2025, № 3 (42). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **A. S. Bokarev**, doctor of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **M. A. Dudareva**, doctor of philology, doctor of cultural studies, head of the department of general and slavic philology, A. N. Kosygin Russian state university; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **L. G. Kikhney**, doctor of philology, professor, head of the history of journalism and literature department of A.S. Griboyedov Moscow university; **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, rector's advisor for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglicistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:

- 5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration number:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2025

© Authors of the articles, 2025

«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

- Филипповский Г. Ю., Зими́на Л. И.** Гёте – Жуковский – Пушкин – Лермонтов: типология сюжетных мотивов _____ 8
- Кудрина Е. В.** Письма ярославских детей М. Горькому _____ 21
- Смирнова И. Ю.** «Кнут» и «хомут» в прозе А. И. Эртеля: отражение проблемы телесных наказаний в художественной литературе _____ 30

Русский язык

- Супрун В. И.** Деревня и село в истории русской административно-территориальной терминологии _____ 42
- Кытманова Е. А.** Генезис жанра «рассуждение» в русском языке _____ 51
- Дементьев В. В.** Классификация жанров речи в журнале «Жанры речи» _____ 62
- Игнаткина А. Л., Фенина В. В.** Ортологическая и лингвопрагматическая систематизация типичных ошибок студентов в текстах выпускных квалификационных работ _____ 74
- Селезнева Л. В., Цзинянь Ма, Сяофэн Ли** Советские плакаты как источник прецедентных феноменов _____ 88
- Куранова Т. П.** Оказиональная трансформация фразеологических единиц как способ экспрессивизации в жанре спортивного комментария _____ 101

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Ахиджакова М. П.** Роль топонимов в формировании языковой картины мира _____ 110
- Уразаев М. Д.** Концептуальная метафора «опьянение – это бутылка»
(на материале английского и русского языковых корпусов) _____ 119
- Исаева М. Г.** Стилистические функции кодовых переключений на итальянский язык
в произведениях Андре Асимана _____ 132
- Ковлакас Е. Ф.** Семантика «свой / чужой» в топонимической картине мира _____ 140
- Чвягина Т. В., Бабаян В. Н.** Лингвопрагматические особенности научного
и публицистического видов дискурса _____ 150

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

- Ващенко Д. Ю.** Словацкое темпоральное наречие *peraz* на фоне немецких эквивалентов _____ 164
- Григорьева Е. М.** Англоязычные словарные порталы и их практический потенциал
(на материале словарной поисковой системы OneLook) _____ 172
- Карцева С. Е.** Лингвистический анализ компонентов имиджа города
(на материале англоязычных отзывов о Кембридже и Харбине в социальных медиа) _____ 182

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

- Бурак М. С.** Когнитивный и когнитивно-биологический подходы как новое видение
традиционных форм исследования языкового знака (на материале романских языков) _____ 190
- Дроздова Ю. А.** Лексико-грамматический анализ названий статей во французской
спортивной прессе _____ 201
- Яковлева А. М., Полякова Н. В.** Современные тенденции французской орфографии в аспекте
нормы и эволюции _____ 209
- Бочаров Е. В.** Стратегия самопрезентации и ее исчисление методом параметризации
в латиноамериканском политическом дискурсе _____ 218

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

- Новиков М. В., Пань Сюанье** Гастроли театра Мэй Ланьфана в СССР в 1935 г. и их отражение
в советской и китайской печати _____ 228
- Никифорова Е. М., Щур С. Ю.** Заводской храм в историко-культурной среде Сестрорецка _____ 242
- Летина Н. Н.** Аксиологические аспекты африканской образности в русской культуре _____ 250
- Яцкевич А. А.** Лингвокультурологическое прочтение лексических единиц тематической
группы «гастрономия» во французском языке _____ 260
- Смоленская А. И.** Визуальный образ вишневого сада и дома в отечественном театре
последней четверти XX века (А. П. Чехов «Вишнёвый сад») _____ 267

*«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

- Filippovsky G. Yu., Zimina L. I.** Goethe – Zhukovsky – Pushkin – Lermontov: typology of plot motifs ____ 9
- Kudrina E. V.** Yaroslavl children's letters to M. Gorky _____ 21
- Smirnova I. Yu.** «Whip» and «yoke» in A. I. Ertel's prose: the problem of corporal punishment
in fiction _____ 30

Russian language

- Suprun V. I.** 'Деревня' and 'село' in the history of russian administrative-territorial terminology ____ 42
- Kytmanova E. A.** Genesis of the genre «reasoning» in the russian language _____ 51
- Dementiev V. V.** Classification of speech genres in the journal «Genres of speech» _____ 62
- Ignatkina A. L., Fenina V. V.** Orthological and linguopragmatic systematization of students' typical errors
in graduate qualification works texts _____ 74
- Selezneva L. V., Jinyan Ma, Xiaofeng Li** Soviet posters as a source of precedent phenomena _____ 88
- Kuranova T. P.** Occasional transformation of phraseological units as a means of making the sports
commentary genre more expressive _____ 101

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

- Akhidzhakova M. P.** The role of toponyms in forming the linguistic worldview _____ 111
- Urzaev M. D.** Conceptual metaphor «insobriety is a bottle» (based on english and russian language
corpuses) _____ 119
- Isaeva M. G.** Stylistic functions of code-switching to italian in the works of André Aciman _____ 132
- Kovlakas E. F.** Semantics of «own / foreign» in the toponymic image of the world _____ 140
- Chvyagina T. V., Babayan V. N.** Linguopragmatic features of scientific and journalistic discourses ____ 150

Languages of foreign countries (germanic languages)

- Vashchenko D. Yu.** Slovak temporal adverb neraz compared with its german equivalents _____ 164
- Grigorieva E. M.** Dictionary portals in english and their practical potential (based on the dictionary
search engine OneLook) _____ 172

Kartseva S. E. Linguistic analysis of the city image components (based on english-language social media reviews of Cambridge and Harbin) _____	182
---	-----

Languages of foreign countries (romance languages)

Burak M. S. Cognitive and biological-cognitive approaches as a new vision of traditional forms in linguistic sign research (based on romance languages data) _____	190
Drozdova Yu. A. Lexical-grammatical analysis of article titles in french sports press _____	201
Yakovleva A. M., Polyakova N. V. Modern trends in french orthography in terms of the norm and evolution _____	209
Bocharov E. V. Self-presentation strategy as a method of parameterization of speeches by latin american politicians _____	218

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS
(CULTUROLOGY, ART HISTORY)**

Novikov M. V., Pan Xuanye The 1935 tour of the Mei Lanfang theater in the USSR and its coverage in the soviet and chinese press _____	229
Nikiforenko E. M., Shchur S. Yu. Factory church in Sestroretsk historical and cultural environment ____	242
Letina N. N. Axiological aspects of african imagery in russian culture _____	250
Yatskevich A. A. Linguoculturological interpretation of lexical units from the thematic group «gastronomy» in the french language _____	260
Smolenskaya A. I. Visual image of the cherry orchard and the house in the russian theater of the late XX century (A. P. Chekhov's The Cherry Orchard) _____	267

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-8

EDN: UYJGFI

Гёте – Жуковский – Пушкин – Лермонтов: типология сюжетных мотивов

Герман Юрьевич Филипповский¹✉, Лариса Ивановна Зимина²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹fil.gerr@yandex.ru✉, <https://orchid.org/0000-0002-6765-8451>

²larissazimina@mail.ru, <https://orchid.org/0000-0002-1137-3967>

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова с опорой на поэтические мотивы «там»–«туда» как знак «романтического иномирия». Оба поэта шли по стопам переводов В. А. Жуковского текстов великого немецкого предромантика И. В. Гёте. В его стихотворении «Миньон» (из Вильгельма Мейстера) в 1796 году впервые появляются знаковые поэтические мотивы «там»–«туда», романтического и чудесного «далёко». А. С. Пушкин использует эти мотивы уже в своем раннем стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» как образ Элизиума лицейских садов. И. М. Семенко, вслед за В. М. Жирмунским и Ю. М. Лотманом, пишет, что «поэту явилось видение, приоткрывшее завесу над таинственным миром». В стихотворении Гёте песня-греза девочки-Миньоны (начало: «Ты знаешь край?...») говорит о цветущих лимонах и померанцах, гордо стоящих лаврах и миртах, – райская картина. Песню Миньоны переводили Жуковский, Тютчев, Мей, Пастернак, Шервинский. Произведения Пушкина 1821 и 1827–1828 годов (с эпиграфом «Kennst du das Land? Wilhelm Meister» и «По клюкву, по клюкву, По ягоду, по клюкву...»), интерпретируя стихи Гёте, воспевают родную русскую красоту. Интерпретация М. Ю. Лермонтова 1829 г. «Жалобы турка (Письмо. К другу, иностранцу)» молодого Лермонтова начинается строками, близкими к Гёте: «Ты знал ли дикий край...». Однако прием романтического ландшафта у Лермонтова приводит не к чудесному преображению (как, например, у Пушкина), а – к крайне отрицательному, негативному: «Где хитрость и беспечность злобе дань несут, Где сердце жителей волнуемо страстями, И где являются порой Умы и хладные и твердые как камень ...». Духовная трансформация земного ландшафта переходит от Гёте и Пушкина к Лермонтову, покой и воля позднего Пушкина приходит к позднему Лермонтову, к его строкам «Я ищу свободы и покоя». Всё вышеприведенное можно считать поэтическим завещанием и Гёте, и Жуковского, и Пушкина, и Лермонтова.

Ключевые слова: романтическое иномирие; мотивы «там»–«туда»; духовная трансформация земного ландшафта; Гёте; Жуковский; Пушкин; Лермонтов

Для цитирования: Филипповский Г. Ю., Зимина Л. И. Гёте – Жуковский – Пушкин – Лермонтов: типология сюжетных мотивов // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 8–20. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-8>. <https://elibrary.ru/UYJGFI>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Goethe – Zhukovsky – Pushkin – Lermontov: typology of plot motifs

German Yu. Filippovsky^{1✉}, Larisa I. Zimina²

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

²Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

¹fil.gerr@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

²larissazimina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1137-3967>

Abstract. The article analyzes the works by A. S. Pushkin, V. A. Zhukovsky, and M. Y. Lermontov with reference to the poetic motifs «there» vs «thither» as a sign of «romantic otherworldliness». Both poets followed V. A. Zhukovsky's translations of texts by the great german pre-romanticist J. W. Goethe. In his 1796 poem «Mignon» (from Wilhelm Meister), the iconic poetic motifs of «there»–«thither», of romantic and marvelous «far away» appear for the first time. A. S. Pushkin uses these motifs in his early poem «Memories in Tsarskoe Selo» as an image of the lyceum gardens Elysium. I. M. Semenko, following V. M. Zhirmunsky and Y. M. Lotman, writes that «the poet had a vision that lifted the veil over the mysterious world». In Goethe's poem, the dream-song of the Mignon girl (the beginning is «Do you know the land?...») speaks of blossoming lemons and wild orange trees, proudly standing laurels and myrtles – a picture of paradise. Mignon's song was translated by Zhukovsky, Tyutchev, Mei, Pasternak, and Shervinsky. Pushkin's works of 1821 and 1827–1828 (with the epigraph «Kennst du das Land? Wilhelm Meister» and «For cranberries, for cranberries, for berries, for cranberries...») glorify native Russian beauty by interpreting Goethe's poems. The young M. Y. Lermontov's 1829 interpretation of «Complaints of a Turk (Letter. To a foreign friend)» begins with lines close to Goethe: «Did you know the wild land...». However, Lermontov's romantic landscape does not lead to a miraculous transformation (as, for example, in Pushkin's work), but to something extremely negative: «Where artifice and carelessness pay tribute to evil, Where the heart of people is troubled by passions, And where minds both cold and hard as stone appear at times...». The spiritual transformation of the earthly landscape transfers from Goethe and Pushkin to Lermontov, the peace and will of the later Pushkin comes to the later Lermontov, to his lines «I seek freedom and peace». All of the above can be considered a poetic testament of both Goethe and Zhukovsky, Pushkin and Lermontov.

Key words: romantic otherworldliness; motifs «there»–«thither»; spiritual transformation of the earthly landscape; Goethe; Zhukovsky; Pushkin; Lermontov

For citation: Filippovsky G. Yu., Zimina L. I. Goethe – Zhukovsky – Pushkin – Lermontov: typology of plot motifs. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):8–20. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-8>. <https://elibrary.ru/UYJGFI>

Введение. Юный Пушкин, как известно, на торжественном лицейском акте 1814 года прочитал свое «Воспоминания в Царском Селе». Внешне, с точки зрения жанра, «Воспоминания...» соотносились с популярными в начале XIX века элегиями. Хотя по содержанию, его героическому пафосу 1812 года это всё же скорее была ода. Именно так воспринял произведение престарелый Гавриил Романович Державин, до того дремавший за столом и вдруг, проснувшись, побежал обнимать и целовать юного поэта. Но не так прост был Державин, это была не просто эмоция. Сам великий новатор, разрушитель жанра оды классицизма, Державин и в юноше Пушкине безошибочно распознал поэта-новатора. Сам он в молодом сравнительно воз-

расте создал одно из первых своих произведений «Оду на рождение в Севере порфиородного отрока» 1788 года [Державин, 1985, с. 35–38]. Открывается она роскошной пейзажной картиной сказочного русского Севера (описание зимы здесь вполне может поспорить со знаменитым эпизодом созданной много позже поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный Нос»). Сказочные сюжеты переполняют названную оду Державина, произведение однозначно новаторское.

Конечно, пейзажная тема была развита у близкого Пушкину Жуковского. Например, элегическое обращение «К месяцу»: «Снова лес и дол покрыл блеск туманный твой. Он мне душу растворил Сладкой тишиной. Ты блеснул ... и просветлел Тихо темный луг; Так улыбкой наш

удел Озаряет друг ...» или в стихотворении «Жалоба пастуха»: «На ту знакомую гору Сто раз я в день прихожу; Стою, склоняся на посох, И в даль с вершины гляжу... Над милой хижиной светит, Видаю, радуга мне ... К чему? Она удалилась! Она в чужой стороне!» [Жирмунский, 1982, с. 85]. В связи с мотивами элегической мечтательности поэт считает, что поэзия то же, что музыкальный инструмент, в котором верность звуков должна уступать приятности. При кажущейся точности Жуковский незаметно стилизует стихотворение в свойственных ему элегических тонах, усиливая в нем те элементы, которые родственны его собственному восприятию жизни и послужили поводом для выбора данного стихотворения. Таким образом, создается новое, вполне цельное и жизнеспособное художественное единство [Жирмунский, 1982, с. 85].

А вот великолепный пейзаж (как бы вослед державинской оде 1778 года) открывает и Пушкин в «Воспоминаниях ...»: «Навис покров угрюмой ночи На своде дремлющих небес; В безмолвной тишине почил дол и рощи. В седом тумане дальний лес; Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы, Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях, И тихая луна, как лебедь величавый, Плывет в серебристых облаках» [Пушкин, 1936, с. 273]. Но если у Державина в отмеченной оде это сказочный пейзаж русского Севера с инеями, метелями, льдами, седобородым Бореем, то у Пушкина здесь романтический ночной пейзаж «угрюмой ночи», где «в безмолвии огромные чертоги, на своды опершись, несутся к облакам». Если у Державина «засыпали Нимфы с скуки Средь пещер и камышей», то у Пушкина появляются «наяды»: «С холмов кремнистых водопады Стекают бисерной рекой, Там в тихом озере плескаются наяды Его ленивою волной» [Пушкин, 1936, с. 273].

Ночной пейзаж прекрасных садов скорее напоминает идиллию, но романтическую, – здесь и «тихая луна», и «покров угрюмой ночи», оссианские мотивы [Левин, 1980]. Далее текст еще более близок романтикам с их характерным и таинственным «там»: «С холмов кремнистых водопады Стекают бисерной рекой, Там в тихом озере плескаются наяды Его ленивою волной; А там в безмолвии огромные чертоги, На своды опершись, несутся к облакам» [Пушкин, 1936, с. 273].

Прежде чем обратиться к героической теме России времен Екатерины Второй и Александра Первого, Пушкин в качестве «восклицательного

знака» поэтизирует сады лица: «Не се ль Элизиум полнощный Прекрасный царскосельский сад ...» [Пушкин, 1936, с. 273]. Важно подчеркнуть, что пушкинский «Элизиум» – это не просто рай античных поэтов, но – иное пространство, иномирие. Иными словами, это такое же «там», какое видели затем своим романтическим взглядом и современники, и сам Пушкин. Райская картина садов лица вполне соотносится с привлеченным юным Пушкиным романтическим «там», хотя оно и вполне реально, зримо, осязаемо. Очень точно на этот счет выразилась И. М. Семенко (правда, говоря о поэзии В. А. Жуковского): «Изображается „реально“ явившееся поэту видение, приоткрывшее завесу над таинственным миром» [Семенко, 1975, с. 99].

В целом картина идиллического паркового ансамбля в «Воспоминаниях...» Пушкина перекликается с элегией В. А. Жуковского «Славянка» [Жуковский, 1906, с. 201–203]. Однако она была создана в 1815 году, то есть Пушкин своим произведением реально опередил Жуковского (что и подчеркнула надпись на портрете «Победителю-ученику от побежденного учителя»). «Очарованное там», действительно, появляется в «Воспоминаниях ...» Пушкина ранее Жуковского. Характерный для романтиков отлет мечты от действительности ярко подчеркнут этим «там». Правда, у Жуковского в «Славянке» «там» откровенно связано с потусторонним миром, с жизнью души в иномирии: «О! Сколь они, в виду сей урны гробовой, для унывающей души красноречивы: Тоскуя ль полетит она за край земной – Там все утраченные живы». Романтическое «там» встречается в этой элегии Жуковского постоянно: «Там слышен на току согласный стук цепов; Там песня пастуха и шум от стад бегущих; Там медленно, скрипя, тащится ряд воев, Тяжелый груз снопов везущих» [Жуковский, 1906, с. 201–202]. По сути, это образ Элизия-Рая, который виделся поэту в идиллическом пейзаже Павловска с его живописной речкой Славянкой (как виделся этот пейзаж не только Жуковскому, но и императрице Марии Фёдоровне, главной вдохновительнице возникновения этого прекрасного ландшафтного чуда).

Тема пейзажного чуда, к которому стремится душа поэта или его героя, появляется в русской поэзии не без влияния немецких романтиков, Гёте, конечно, еще до Пушкина.

В «Бумагах Державина», образ которого выше уже связывался с юным Пушкиным, были обнаружены тексты переводов В. Бриммера, точнее,

вольная интерпретация Гёте, в том числе «Девушка» и «Юноша». В текстах стихотворений есть правки, может быть, даже рукою Державина [Литературное наследство Г. Р. Державина]. Владимир Карлович Бриммер, офицер, служивший в военно-сиротском корпусе, по сведениям С. А. Венгерова, «стихотворец, сотрудник журналов 20-х годов», пользовался поддержкой Державина и упоминается в его переписке в 1814–1816 годах. «Он человек с нарочитыми способностями, честный, но бедный, ... будучи на малом жаловании в службе военно-сиротского дома и недурно пишет по-русски и может быть с пользой употреблен на службе», – пишет Державин в своем письме Шишкову. По рекомендации Державина Бриммер перевёл на немецкий язык императорский манифест [Жирмунский, 1982, с. 94]. Тексты стихотворений «Девушка» и «Юноша» включили, по сути, уже романтический порыв лирического героя к прекрасной природе. Правда, характерного «там–туда» (как у Гёте или раннего Пушкина, или у Жуковского) пока еще нет. Но оно уже как бы «в воздухе», на подходе, в самом романтическом воображении, порыве. Вот тексты этих двух стихотворений: **Девушка** «Где скрылся мой милой? Какой это силой Влекусь я к нему! Его лишь примечу, То брошусь на встречу, Предамся ему. Ах нет! так забыться, Чтоб в том мне открыться! Скалы и деревья! Сокройте меня»; **Юноша** «Здесь должно прекрасной, Но ах! и бесстрастной Быть Девушке, здесь. Я, как ни пылаю, Скрывал и скрываю Страсть сердца по днесь. Но полно таиться, Уж время открыться. Скалы и деревья, Меж вами она» [Жирмунский, 1982, с. 95].

Другой поэт XVIII века И. И. Дмитриев (кстати, близкий приятель Г. Р. Державина), обращаясь к творчеству Гёте раннего веймарского периода, создал в 1795 году стихотворение «На случай грома. Подражание германскому поэту г. Гёте», переложение гётевского «Grenzen der Menschheit» («Границы человечества»), по термину В. М. Жирмунского «философической оды» [Жирмунский, 1982, с. 95]. Однако, по своей поэтической сути, произведение вполне предромантическое, с характерным природным колоритом и даже природной экстремальностью совсем в духе «Sturm und Drang». К слову сказать, И. И. Дмитриев, как и Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, имел непосредственное отношение к началу творческого пути А. С. Пушкина: все они были тогда частыми гостями в доме Василия Львовича Пушкина, своеобразной колыбе-

ли поэтического гения. Вот текст этого произведения И. И. Дмитриева (по мотивам Гёте):

«Гремит!.. благоговей, сын персти! Се ветхий деньми с небеси Из тихой, благотворной длани Перуны сеет по земли. Всесильный! с трепетом младенца Целую я последний край Твоей молниецветной ризы, И исчезаю пред тобой. Что человек? Стремится ль к тверди, Касается ли темем звезд? Нигде стопою ненадежной Не может опереться он, Игналище легчайших ветров! Мозговыми ли стал костями На землю тверду, долговечну: Пред дубом, ивой даже мал! Ты дхнешь, и двигнешь океаны, Речешь, и вспять они текут; А мы – одной волной подъяты, Одной волной поглощены! Вся наша жизнь, о безначальный! Пред тайной вечностью твоей – Мечтание часов крылатых, Луч бледный утренней зари» [Жирмунский, 1982, с. 65].

Здесь еще нет характерно-романтического «там–туда». Но порыв к тайнам и чудесам природы и даже «мечтания», «стремления» в этом стихотворении поэта XVIII века достойны предромантика и даже романтика. Можно с полным правом сказать, что Дмитриев, Державин, Жуковский – прямые предтечи Пушкина. Кстати, Жуковский был чтецом и учителем для императрицы-немки, жены Николая I, им же был обязан поездкой в Веймар, где встречался с Гёте, которого затем много переводил (впрочем, как и других поэтов-современников Гёте).

Основная часть. Примечательно, что апология романтической фантазии появляется у Жуковского в стихотворении 1810 года «Моя богиня (из Гёте)» [Жуковский, 1906, с. 63–64]. Всего он создал 18 переложений из Гёте, которого он буквально боготворил: «В далеком полуночном свете Твоею музою я жил, И для меня мой гений Гете Животворитель жизни был!» [Жирмунский, 1982, с. 81]. В. М. Жирмунский считал, что Жуковский был первым русским поэтом, который исходил из целостного восприятия поэтической личности Гёте, и явился, по сути, родоначальником «немецкой» школы русских поэтов (Венецианов, Тютчев, Фет, А. Толстой и др.). В. А. Жуковский много бывал в Европе, в своем творчестве обращался к мотивам Гёте, европейской теме. Например, в письме к Дашкову намечает целый ряд прозаических переводов из Гёте для закупаемого им литературного альманаха: «Проза. Гете: «Römischer Carnewal (Римский Карнавал из «Итальянского путешествия»), отрывки: Reisen nach Italien («Итальянское путешествие»),

Werthers Briefe aus der Schweiz («Письма из Швейцарии») [Жирмунский, 1982, с. 78].

«Моя богиня» В. А. Жуковского как «богиня-фантазия» обошлась без использования характерно-романтического «там». Еще раз повторим, что у Жуковского в «Славянке» этот поэтико-метафизический, ключевой ориентир «там» использован многократно. Пожалуй, впервые очарованный мир «там» создал великий Гёте в своем стихотворении «Миньон» [Данилевский, 2004, с. 99–100]. Оно появилось в составе «Вильгельма Мейстера» (1796) как песня-греза девочки-Миньоны:

Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn
 Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn,
 Im dunkeln Laub die Goldorangen glühn,
 Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht,
 Die Myrte still und hoch der Lorbeer steht?
 Kennst du es wohl? Dahin!
 Dahin möcht' ich mit dir,
 O mein Geliebter, ziehn.

Kennst du das Haus? Auf Säulen ruht sein Dach,
 Es glänzt der Saal, es schimmert das Gemach,
 Und Marmorbilder stehn und sehn mich an:
 Was hat man dir, du armes Kind, getan?
 Kennst du es wohl? Dahin!
 Dahin möcht' ich mit dir,
 O mein Beschützer, ziehn.

Kennst du den Berg und seinen Wolkensteg?
 Das Maultier such im Nebel seinen Weg,
 In Höhlen wohnt der Drachen alte Brut;
 Es stürzt der Fels und über ihn die Flut.
 Kennst du ihn wohl? Dahin!
 Dahin geht unser Weg!
 O Vater, laß uns ziehn!

Heiß mich nicht reden, heiß mich schweigen,
 Denn mein Geheimnis ist mir Pflicht;
 Ich möchte dir mein ganzes Innre zeigen,
 Allein das Schicksal will es nicht.

Zur rechten Zeit vertreibt der Sonne Lauf
 Die finstre Nacht, und sie muß sich erhellen;
 Der harte Fels schließt seinen Busen auf,
 Mißgönnt der Erde nicht die tiefverborgnen Quellen.

Ein jeder sucht im Arm des Freundes Ruh,
 Dort kann die Brust in Klagen sich ergießen;
 Allein ein Schwur drückt mir die Lippen zu,
 Und nur ein Gott vermag sie aufzuschließen [Goethe, 1960, s. 353].

На русский язык «Миньон» переводили многие поэты. По разным причинам первым приведем

перевод Льва Мея «Песня Миньоны» (1849). Конечно, переводы Тютчева, Пастернака, Шервинского великолепны, это высококлассные работы выдающихся поэтов, переводчиков. Однако представляется, что перевод Л. Мея ближе всего оригиналу высокой простотой, поразительной точностью образов, поэтической интонацией.

Мей Л. Песня Миньоны

Ты знаешь край, где лимонные рощи цветут,
 Где в темных листьях померанец, как золото, рдеет,
 Где сладостный ветер под небом лазоревым веет,
 Где скромная мирта и лавр горделивый растут?
 Ты знаешь ли край тот? Туда бы с тобой,
 Туда бы ушла я, мой друг дорогой!
 Ты знаешь ли дом? Позолотою яркой блестя,
 На легких колоннах вздымается пышная зала...
 Статуи стоят и глядят на меня с пьедестала:
 «Дитя мое бедное! Что с тобой случилось, дитя?»
 Ты знаешь ли дом тот? Туда бы с тобой,
 Туда бы ушла я, возлюбленный мой!
 Ты знаешь ли гору? Там в тучах тропинка видна;
 Там мул себе путь пробивает в туманах нагорных;
 Там змеи гнездятся в пещерах и пропасть черных;
 Там рушатся скалы и плещет на скалы волна.
 Ты знаешь ту гору? Туда мы с тобой,
 Туда мы умчимся, отец мой родной! [Гёте, 2019, с. 60].

Жуковский В. А. Мина. Подражание Гёте (1818)

Я знаю край! там негой дышит лес,
 Златой лимон горит во мгле древес,
 И ветерок жар неба холодит,
 И тихо мирт и гордо лавр стоит...
 Там счастье, друг! туда! Туда
 Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Там светлый дом! на мраморных столбах
 Поставлен свод; чертог горит в лучах;
 И ликов ряд недвижных стоит;
 И, мнится, их молчанье говорит...
 Там счастье, друг! туда! Туда
 Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Гора там есть с заоблачной тропой!
 В туманах мул там путь находит свой;
 Драконы там мутят ночную мглу;
 Летит скала и воды на скалу!..
 О друг, пойдем! туда! Туда
 Мечта зовет!.. Но быть ли там когда? [Жуковский, 1906, с. 237].

Если в оригинале Гёте знаковые романтические ориентиры «dahin», «dort» встречаются 7 раз, то есть знаково, то в переводе Жуковского

подобного рода «туда», «там» обнаруживаются намного чаще – 14 раз. Возможно, Гёте проявляет себя в «Миньоне» в лучшем случае как предромантик, в то время как Жуковский в полной мере использует романтические приемы обращенности в иномирие, скорее даже устремленности к высотам поэтического духа.

**Тютчев Ф. И. Из «Вильгельма Мейстера»
Миньона (1852)**

«Kennst du das Land?..»

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.

Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отроде змей живет,
Гремит обвал и водопад ревет?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Лежит наш путь – уйдем, властитель мой.

Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя?..»

Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Уйдем скорей, уйдем, родитель мой [Гёте, 2012,
с. 86–87].

**Шервинский С. В. Из «Вильгельма Мейстера»
Миньона (1935)**

Ты знаешь край? Лимоны там цветут,
К листве, горя, там померанцы льнут,
И нежный ветер под синевой летит,
Там тихо мирт и гордо лавр стоит.
Ты знаешь их?
Туда, туда
Умчаться б нам, о милый, навсегда.

Ты знаешь дом? Колонны стали в ряд,
Сверкает зал, и комнаты блестят,
Стоят и смотрят мраморы, грустя:
«Что сделали с тобой – увя! – дитя?»
Ты знаешь их?
Туда, туда
Умчаться б нам, о добрый, навсегда.

Ты знаешь гору с облачной тропой?
В тумане мул там путь находит свой,
В пещерах жив драконов древний род,
Крута скала, над ней же круча вод!
Ты знаешь их?

Туда, туда
Наш путь, отец, – умчимся ж навсегда [Гёте, 1975,
с. 147–148].

Пастернак Б. Л. Миньона (1950)

Ты знаешь край лимонных роц в цвету,
Где пурпур королька прильнул к листу,
Где негой Юга дышит небосклон,
Где дремлет мирт, где лавр заворочен?
Ты там бывал?
Туда, туда,
Возлюбленный, нам скрыться б навсегда.

Ты видел дом? Великолепный фриз
С высот колонн у входа смотрит вниз,
И изваянья задают вопрос:
Кто эту боль, дитя, тебе нанес?
Ты там бывал?

Туда, туда
Уйти б, мой покровитель, навсегда.

Ты с гор на облака у ног взглянул?
Взбирается сквозь них с усилием мул,
Драконы в глубине пещер шипят,
Гремит обвал, и плещет водопад.
Ты там бывал?
Туда, туда
Давай уйдем, отец мой, навсегда! [Гёте, Т. 1, 2022,
с. 88].

Если в переводе Жуковского ведущим лейт-мотивом «туда», «там» была **мечта**, то есть нечто воображаемое, несмотря на некоторые реальные черты этого желанного другого мира, то в переводах других поэтов XIX–XX вв. ориентир мечты меняется на нечто более осязаемое, земное. Если у Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» «там» синонимично не только Элизию древних, но и райскому царскосельскому саду конкретно, то у Жуковского уже в его раннем 1803 года «Сельском кладбище» «там» синонимично всецело иномирию потустороннего мира. «Там, может быть, лежит неведомый Мильтон, И в узах гробовых безмолвствуя хладет; Там, может быть, Кромвель неукротимый тлеет...» [Жуковский, 1906, с. 14].

Критерий Бога, как определяющий в стремлениях человека, обозначен в «Миньон» Гёте (скорее, как Бог-Слово). В русских переводах, как такового, прямого соответствия нет, несмотря на общую тональность духовного устремления лирического героя. Но прямой критерий мечты (и не только её, но и потустороннего мира) назван только у Жуковского. Всё это говорит, что основная масса переводов «Миньон» на русский

язык, в сущности, ближе к жизнелюбивости Гёте, включая его земное жизнелюбие (при всем космизме и всеохватности гения Гёте).

Ключевым поэтическим мотивом, по сути, лейтмотивом, характерным как для Гёте, так и для всех переводов, выступают принципиально романтические ориентиры «там» и «туда» (ранее подобное наблюдение было связано с Пушкиным в его «Воспоминаниях...» и с Жуковским — в «Славянке»). Отмеченные фантазии мира «там», прежде всего, поэтические фантазии мира «Миньон» Гёте, говорят, что в сознании поэта они существуют как особый край, романтическая реальность особого бытия, более того, этим «там» пронизано поэтическое сознание и Жуковского, и Пушкина, и Лермонтова, и многих других поэтов (не исключая переводчиков). Разумеется, эти ориентиры являлись важным критерием романтической фантазии. И. М. Семенко отмечает, что *«вера в чудесное, живущая рядом с нами и в нас самих, представляет в изображении Жуковского вечную потребность человеческого духа»* [Семенко, 1975, с. 234]. Следует добавить, что обсуждаемое чудесное тесно смыкается с поэтическим и магическим ориентиром «там» и «туда».

Одному из авторов данной статьи представляются возможными некоторые личные впечатления или наблюдения на этот счет. Известно, что «Миньон» Гёте возникла под впечатлением счастливой поездки поэта в Италию, прежде всего, в Рим («Römische Elegien»). Одному из авторов статьи довелось по приглашению Ватикана посетить Рим в марте — апреле 2004 года. Впечатления начала пребывания не только поразили воображение, но и неожиданно и парадоксально перекликались с романтическими фантазиями Гёте в его «Миньон». В первый же день по приезде, оказавшись в центре вечного города, минуя грандиозный Колизей и триумфальную арку императора Константина, направился к холму Целия, но ... заблудился, выйдя к пространству Большого Цирка, императорских руин на Палатине. Монахиня указала правильный путь, вернулся. Конференция, в которой затем принял участие, была посвящена 1500-летию памяти Папы Римского Григория I (Двоеслова), проходила в его монастыре на холме Целий. На подходе поднял голову и увидел два фруктовых дерева, лимонное и грушевое, снизу доверху осыпанных спелыми плодами («там»). На фоне этого поистине райского видения (совсем, как в «Миньон» Гёте) стоял средних лет мужчина со счастливым выражением лица, позировал для прохо-

дящих внизу. Через несколько шагов у подножия монументальной лестницы монастыря прелестные Миньоны (и не одна) в одежде средневековых пейзажников с характерными платами на головах репетировали сценки, посвященные Папе Григорию Великому. Поднялся по пустынной лестнице и неожиданно наткнулся (еще одно чудесное видение!) на большой кожаный кошелек. Несмотря на замешательство (все же только что прибыл в Рим), решил его не открывать, затем отнес и положил танцующим Миньонам. Этим чудеса в Риме не закончились: приглашение Ватикана предполагало личное участие в общей Пасхе (как представителя России), но этого ... не случилось из-за отъезда накануне Пасхи на родину в связи с датами авиабилетов и виз. Всё пребывание в Риме было под знаком «там» и «туда», с большим участием чудесного и фантастического (скорее, это было из области романтической фантазии, как в «Миньон» Гёте-Жуковского или, например, Пушкина в его ранних произведениях).

Поразительно, что в первой пушкинской поэме «Руслан и Людмила», которая была напечатана в 1820 году и принесла молодому поэту популярность и славу, магическое «там» уже во вступлении повторено 11 раз: «Там чудеса: там леший бродит, Русалка на ветвях сидит; Там на неведомых дорожках Следы невиданных зверей; Избушка там на курьих ножках Стоит без окон, без дверей; Там лес и дол видений полны; Там о заре прихлынут волны На брег песчаный и пустой ... Там королевич мимоходом пленяет грозного царя; Там в облаках перед народом Через леса, через моря Колдун несет богатыря ... Там ступа с бабою Ягой Идет, бредет сама собой; Там царь Кащей над златом чахнет; Там русский дух ... там Русью пахнет! И там я был, и мед я пил ...» [Пушкин, 1936, с. 3]. Как видим, магическое и романтическое «там» встречается у Пушкина, как и у Жуковского, весьма часто, в том числе, в его ранних произведениях.

Пушкинская реплика (1821) гётевской Миньон открывается весьма схожим с Гёте текстом: «Кто видел край, где роскошью природы ...» [Пушкин, 1936, с. 319]. Правда, у Пушкина лимонных рощ нет. Зато и «... лавровые своды, ... и шелковиц и тополей прохлады, В тени олив уснувшие стада, Вокруг домов решетки винограда ...» [Пушкин, 1936, с. 350]. Что главное, Пушкин сохраняет здесь ключевое романтическое «там»: «И там, где мирт шумит над падшей урной ...» [Пушкин, 1936, с. 350] Сохраняя луче-

зарные «туда» Гёте, Пушкин чуток к элегическому двоemiрию Жуковского: «Туда летят желания мои». Пушкин 1821 года, когда была со-здана элегия «Кто видел край ...», был уже Пушкин изгнания. Здесь его «там», «туда» уже не сказочный ориентир «Руслана и Людмилы» (1820), но и не ориентир потустороннего иноми-рия, как это было у Жуковского. Пушкин 1821 года был Пушкиным «Гавриилиады», с его лю-бовно-эротическими фантазиями. И здесь он намного ближе к Гёте, и раннему, и зрелому. В данном конкретном тексте он обращается к чита-телю: «Скажите мне: кто видел край прелестный, Где я любил, изгнанник неизвестный? Златой предел! Любимый край Эльвины, Туда летят же-лания мои!» [Пушкин, 1936, с. 319]. Поразитель-но, что, следуя Гёте («Миньон») отнюдь не в жанре элегии, а скорее идиллии, Пушкин всё же остается привержен и элегической тональности воспоминания.

В этом смысле раннее «Воспоминания в Цар-ском Селе» оказывается действительно про-граммным и с его элегической, и с возвышенно-романтической спецификой. Примерно таким же, только глубже и, разумеется, в чем-то ближе Гёте, видится «Кто видел край ...» (1821). Совсем как в «Воспоминания в Царском Селе» звучат слова «Я помню ...». Радостное приятие жизни, как у Гёте, прорывается в строках: «Прилива шум и говор водопада, И средь валов летучие суда – И яркие лучи златого Феба, И синий свод полуденного неба. ... И своды скал. И моря блеск лазурный И ясные, как радость, небеса – Утихнет ли волнение жизни бурной? Минувших лет воскреснет ли кра-са?...». Заканчивается произведение романтичес-кой, магической темой волшебного сна: «Приду ли вновь под сладостные тени Душой уснуть на лоне мирной лени». Это, конечно, еще ранний Пушкин, несомненно близкий и к Гёте, и к Жу-ковскому. И всё же обращенные к будущему ин-тонации («Приду ли ...») позволяют угадать в по-эте Пушкина-пророка («Деревня» 1819, опубли-ковано в 1825 году или, например, «Вновь я посе-тил» 1835). «Кто видел край ...» демонстрирует уже реальные богатства пушкинского поэтическо-го текста, его жанровой соотнесенности, связи с наследием Гёте, Жуковского и других поэтов-романтиков, но, и прежде всего, всю масштаб-ность и яркость его самобытности, как уже зрело-го великого поэта.

Р. Ю. Данилевский, соотнося личности Гёте и Пушкина, пишет, в частности, что «Пушкин, младший его современник, соотносил свое твор-

чество с достижениями Гёте, из его произведе-ний черпал идеи, темы, мотивы. Получал стиму-лы для создания ряда образов и характеров» [Да-нилевский, 1981, с. 99]. Автор утверждает, что «историческая миссия Пушкина в русской наци-ональной литературе и культуре в целом, состо-явшая в качественном их преобразовании и при-дании им всемирного значения, аналогична мис-сии Гёте в культуре стран немецкого языка, что современники отдавали себе отчет в этом функ-циональном сходстве двух гениев». Весьма правдоподобные сведения, в частности, польской пианистки Марии Шимановской, в её переписке, что в 1827 году Гёте принимал В. А. Жуковского в своем доме в Веймаре и передал через него свое перо для Пушкина с посвятельным четве-ростишием «Goethes Feder an***». Стихотворе-ние Жуковского «К Гёте», где немецкий поэт был поставлен почти вровень с Богом, Пушкин высоко оценил (в письме к Жуковскому не позд-нее 24 апреля 1825 года) [Данилевский, 1981, с. 99].

Тот же Р. Ю. Данилевский в томе «Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пуш-кин и мировая литература. Материалы к „Пуш-кинской энциклопедии“» называет несколько эпизодов в творчестве Пушкина, как бы откли-кающихся на текст «Миньон» Гёте: «С начала 1820-х в лирике Пушкина появляется мотив юга как идеальной страны искусства и свободы с ха-рактерным вопросительным зачином – тема пе-сенки итальянской девочки Миньоны из романа Гёте „Годы учения Вильгельма Мейстера“ („Wil-helm Meisters Lehrjahre“, 1796): „Кто видел край, где роскошью природы ...“ (1821), „Таврида“ (1822, с повторением эпиграфа из „Пролога в театре“), „Кто знает край, где небо блещет ...“ (1828, с эпиграфом из „Миньон“); отголоски те-мы – в стихотворении „К вельможе“ (1830), „Ко-гда порой воспоминанье...“ (1830), в словах Ла-уры („Каменный гость“, 1830, сцена 2). Проме-жуточным звеном этого мотива от Гёте к Пуш-кину могло служить вступление к „Абидосской невесте“ Байрона, зависящее от стихотворения Гёте» [Данилевский, 2004, с. 99–100].

Ещё одну реплику Пушкина на «Миньон» Гё-те Данилевский датирует 1828 годом, однако вы-дающийся пушкинист Б. В. Томашевский указы-вает 1827 год [Пушкин, 1936, с. 395]. Она открыв-ается немецким эпиграфом Гёте «Kennst du das Land? Wilhelm Meister». Начало текста несколько отличается от подобного же стихотворения 1821 года: «Кто знает край, где небо блещет Неизъяс-

нимой синевой, Где море теплою волной Вокруг развалин тихо плещет, Где вечный лавр и кипарис На воле гордо разрослись...» Сравним в тексте 1821 года: «*Кто видел край*, где роскошью природы Оживлены дубравы и луга, Где весело, синей, блещут воды И пышные ласкают берега, Где на холмы под лавровые своды Не смеют лечь угрюмые снега?». Поэт снова повторяет ключевые слова вступления Гёте «Скажите мне: *кто видел край* прелестный, Где я любил, изгнанник неизвестный». Далее снова повторяется *любимый край*, а вместе с ним и ключевой романтический ориентир «туда»: «Златой предел! Любимый край Эльвины, Туда летят желания мои!» [Пушкин, 1936, с. 319]. Возвращение Пушкина в 1821 и 1827 гг. к теме гётевской «Миньон» было «как сердцем повторенный звук», как «Воспоминания в Царском Селе» 1814 и 1827 гг., как ежегодные возвращения Пушкина и лицеистов первого выпуска к дате 19 октября, священному дню основания лица.

Несмотря на эпиграф из Гёте на немецком языке, стихотворение 1827 года «Кто знает край...» «*Kennst du das Land? Wilhelm Meister*» [Пушкин, 1936, с. 395] представляет собой оригинальную интерпретацию Пушкина, еще более далекую от Гёте, чем текст 1821 года «Кто видел край...». Здесь уже нет ни лимонных рощ, ни миртов (как у Гёте). Волшебный край «там» обозначен скорее великими именами поэтов, художников, скульпторов: Торквато Тассо, Байрона, Рафаэля, Кановы. Пушкин 1827–1828 гг. уже прошел Михайловское, весьма продуктивное поэтическое затворничество: эпиграф к данному стихотворению не ограничивается Гёте, добавлены слова из русской простонародной песни: «По клюкву, по клюкву, По ягоду, по клюкву...». Пушкин 1827–1828 года отнюдь уже не Пушкин 1821 года. В стихотворении «Кто знает край...» появляется образ Людмилы, видимо, персонажа пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». «Людмила северной красой» превосходит здесь и «флорентинскую Киприду», и «образ нежной Форнарины» Рафаэля. Поэт воспевае красоту своей северной Людмилы: «Скажите мне: какой певец, Горя восторгом умиленным, Чья кисть, чей пламенный резец Предает потомкам изумленным Ее небесные черты? Где ты, ваятель безымянный Богини вечной красоты?» [Пушкин, 1936, с. 395]. Слово «край» опять сохраняется, но уже в связи с любимой героиней Пушкина Людмилой: «Волшебный край, волшебный край,

Страна высоких вдохновений, Людмила зрит твой древний рай, твои пророческие сени...».

У Пушкина: «там», «туда» – не только Мир мечты, но – поэтического воображения, впрочем, вполне актуальный и осязаемый, как и у Гёте «посюсторонний», земной. Это край чудесных лимонных садов, миртовых рощ, чудесных ландшафтов. О романтической поэтизации хорошо сказал искусствовед Владимир Леньшин в альманахе «Времена года»: «В романтическом искусстве пушкинской поры, и шире – первой половины XIX века, роль пейзажа становится более заметной. Не только талант, но и общеевропейские художественные принципы ощущаются в пейзажных мотивах русских итальянцев... Актуально прослеживается „неутомимая фаустовская жажда познания, *духовного преобразования натуральных наблюдений*”» [Леньшин, 2016, с. 7].

Из ближайших друзей и современников Пушкина нельзя не упомянуть обращения к гётевской «Миньон» Петра Андреевича Вяземского и Владимира Григорьевича Бенедиктова. Они были созданы позднее переложений Жуковского и Пушкина, но заслуживают всяческого внимания с точки зрения особо бережного отношения к тексту оригинала Гёте. Немецкие вкрапления необычайно концептуальны, в том числе, относительно ключевого романтического лейтмотива «там–туда». Оба поэта, что характерно, включили, использовали немецкие оригинальные гётевские «*Dahin, dahin!*». Вяземский вслед за Пушкиным взял в заглавие своего переложения подлинное гётевское «*Kennst du das Land*». Вот отрывки из этого замечательного произведения П. А. Вяземского (1836):

Kennst du das Land!
Kennst du das Land,
wo blüht Oranienbaum?

Kennst du das Land, где фимиамом чистым Упоены воздушные струи, Где по холмам прохладным и тенистым Весна таит сокровища свои? Где негой роз и блеском их румянца Ковры лугов пестреют и цветут, И где срослись и злато померанца, И зелени душистый изумруд?.. Kennst du das Land, где север смотрит югом?.. Kennst du das Land, гнездо орлов и грома?.. Kennst du das Land, где пурпуром и златом... Dahin, dahin, Жуковский, наш Торквато! Dahin, dahin, наш Тициан – Брюллов!..

Другое переложение – В. Г. Бенедиктова (1884): «Была пора: я был безумно молод, И пыл страстей мне сердце разжигал, Когда ж подчас суровый зимний холод От севера мне душу проникал – Я думал: есть блаженный юг на свете, Край светлых гор и золотых долин, И радостно твердил я вместе с Гете: Dahin! – Dahin!...» [Жирмунский, 1982, с. 114–115].

Вообще, «Миньон» Гёте (с подачи Жуковского и Пушкина) было сверхпопулярно в романтически настроенной литературной среде России первой половины XIX века, в частности, В. М. Жирмунский в своей работе «Гёте в русской литературе» приводит большой фрагмент анализа песни Миньоны из писем Н. В. Станкевича: «И все это выражает „Kennst du das Land ...“ Как бы хотелось слышать это чувство, отлитое в звуки! Здесь их поле. Увлечь душу, обаять ее (иначе не могу выразить) должна музыка на эту песню... если она не такова, то музыкант – или не гений, или не знает Миньоны. Эта музыка должна заставить меня схватить тебя за руку и сказать: Dahin, dahin, Möcht' ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn!» [Жирмунский, 1982, с. 181].

Хотя М. Ю. Лермонтов остается в народной памяти как автор знаменитого стихотворения «Смерть поэта», написанного по поводу гибели великого поэта, всё же он не был лично знаком с А. С. Пушкиным. Зато он был очень близок к В. А. Жуковскому, который ему покровительствовал, как, впрочем, ранее и А. С. Пушкину. Достаточно сказать, что Лермонтов часто бывал дома у Жуковского, а также то, что именно Жуковский помог опубликовать «Песню про купца Калашникова». В русле данной статьи сразу стоит сказать о знаменитых переложениях Лермонтовым стихов Гёте «Wanderers Nachtlied» («Горные вершины спят во мгле ночной»). Если Жуковский, учитель Лермонтова, создавал всё же *переводы* Гёте, то Лермонтов, как бы вслед за Пушкиным, создавал свои *переложения, интерпретации*.

Таковы и интерпретации «Kennst du das Land...» Гёте и у Пушкина, и у Лермонтова, они не повторяют текст оригинала, а довольно-таки далеко от него отходят. «Жалобы турка (Письмо. К другу, иностранцу)» молодого Лермонтова начинается строками, близкими к Гёте: «Ты знал ли дикий край...». Однако, речь идёт совсем не об Италии, райском крае с лимонами и миртами. У Лермонтова это «дикий край, под знойными лучами, Где рощи и луга поблекшие цветут ...» Отмеченный выше прием романтического ланд-

шафта у Лермонтова приводит не к чудесному преобразению (как, например, у Пушкина). А – к крайне отрицательному, негативному: «Где хитрость и беспечность злобе дань несут, Где сердце жителей волнуемо страстями, И где являются порой Умы и хладные и твердые как камень, Но мощь их давится безвременной тоской, И рано гаснет в них добра спокойный пламень ...» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 28].

Лермонтов неслучайно вводит в заглавие образ турка, его письмо к другу-иностранцу. Характерное и для Гёте, и для Пушкина сакраментальное «там» у Лермонтова здесь соотнесено совсем не с райской, а, напротив, адской родиной «турка»: «Там рано жизнь тяжка бывает для людей, Там за утехами несется укоризна, Там стоит человек от рабства и цепей!.. Друг! Этот край ... моя отчизна!» (1829) [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 28–29]. В том же году молодой Лермонтов создает стихотворение «Черкешенка», открывая тем самым свою излюбленную кавказскую тему. Начинается оно, впрочем, как и «Жалобы турка», вслед за Гёте, «Я видел вас, холмы и нивы ...». Подобно началу «Жалобы турка», и в отличие от Гёте и Пушкина, речь идет о диком ландшафте: «Разнообразных гор кусты, Природы дикой красоты, Степей глухих ...». Вместе с тем, Лермонтов как бы возвращается к Гёте и Пушкину, рисуя «народ счастливый и нравы тихой простоты». Снова появляется сакраментально-романтическое «там». Речь идет о черкешенке как о чудесном видении: «Но там, где Терек протекает, Черкешенку я увидел, – Взор девы сердце приковал; И мысль невольно улетает Бродить средь милых, дальних скал...» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 29].

Романтический поэт слышит «звуки райские», лицезреет «небесный вид», слышит «стон любви, страстей и муки», и всё же, как бы это сделал Жуковский с его потусторонним «там», Лермонтов заканчивает стихотворение темой гроба: «Так дух раскаяния, звуки Послышав райские, летит Узреть еще небесный вид: Так стон любви, страстей и муки До гроба в памяти звучит». И отныне таков будет поэтический алгоритм Лермонтова: чудеса и муки любви, страсти и страдания, темы любви и смерти, трагический надлом. Исследователи считают, что молодой Лермонтов испытал сильное влияние Байрона (как, впрочем, и молодой Пушкин, который преодолел это влияние к зрелости). Но Лермонтов и зрелый отличен от Пушкина, потому что был близок Жуковскому с его потусторонним «там».

В 1830 году Лермонтов пишет, как бы вслед за Байроном, «Ночь I» и «Ночь II». Характерно, что начинается «Ночь I» темой смерти и души (как часто у Жуковского): «Я зрел во сне, что будто умер я; Душа, не слыша на себе оков телесных, Рассмотреть могла бы яснее Весь мир...» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 39]. Уже здесь у Лермонтова звучит характерная для романтиков, Гёте и Пушкина, тема пути, странствия в мировом пространстве: «Боязненное чувство занимало ее; я мчался без дорог...». И снова Лермонтов возвращается к Гёте, и снова уходит от него и Пушкина: «И снова я увидел край земной; Досадой вид его меня наполнил...». Однако это видение отнюдь не райское, а видение загробного сна: «... где твой труп зарыт; и там живи, и жди, Пока придет Спаситель, – и молись ... Молись – страдай ... и выстрадай прощенье...» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 40].

Лермонтов хорошо знал произведения Гёте, цитировал его стихи. Герои Гёте упоминаются в текстах Лермонтова. Вольный перевод четырех начальных стихов баллады Гёте «Рыбак» усматривается в наброске «Забывши волнения жизни мятежной...». Зачин песни Миньоны «Ты знаешь край» открывает стихотворение Лермонтова «Жалобы турка», в сатире «Пир Асмодея» действуют персонажи Гёте Фауст и Мефистофель. «Завещание» («Есть место близ тропы глухой») носит подзаголовок «Из Гёте» и представляет собой обработку части текста «Страданий молодого Вертера». И. Л. Андроников говорил, что современники называли Лермонтова «русским Гёте».

Заключение. Квинтэссенцией и реакцией русских поэтов на гётевские темы странника и Миньон, мотивов «там», «туда» являются у Пушкина: интерпретации гётевского «Kennst du das Land», но и «Воспоминания в Царском Селе», и даже «Вновь я посетил» с его пророческим взглядом в будущее; у Жуковского «Мина», «Путешественник и поселянка», где в консервативной ретроспекции поэта путь странника устремлен к местам Кумской Сивиллы. У Лермонтова «Из Гёте» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 197] устремлено не только к вершинам Кавказа, но это и путь к вечному покою в Вечности, как, впрочем, затем в его итоговом стихотворении «Выхожу один я на дорогу» (1841). Правда, здесь Лермонтов делает шаг от Жуковского в сторону Пушкина и Гёте, предполагая заснуть «не тем холодным сном могилы», но «чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб, дыша, вздымалась тихо

грудь. Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел, Надо мной чтоб, вечно зеленея, Темный дуб склонялся и шумел» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 222–223]. Духовная трансформация земного ландшафта приходит от Гёте и Пушкина к Лермонтову, покой и воля позднего Пушкина приходит к позднему Лермонтову, к его строкам «Я ищу свободы и покоя». Всё вышеприведенное можно считать поэтическим завещанием и Гёте, и Жуковского, и Пушкина, и Лермонтова.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Гёте и Пушкин (1749–1999) // Гётевские чтения 1999. Москва : Наука, 1999. С. 7–16.
2. Гёте И. В. Лесной царь. Санкт-Петербург : Амфора, 2012. 239 с.
3. Гёте И. В. Лесной царь. Санкт-Петербург : Азбука, 2019. 316 с.
4. Гёте И. В. Избранные стихотворения и проза / сост. и автор вступ. ст. Л. И. Мальчуков. Петрозаводск : Карелия, 1987. 335 с.
5. Гёте И. В. Лирика / сост. С. Тураев. Москва : Детская литература, 1975. 190 с.
6. Гёте И. В. Новая любовь, новая жизнь: избранная лирика, перевод с немецкого. Москва : Изд-во АСТ, 2022. 384 с.
7. Данилевский Р. Ю. Гёте // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург : Наука, 2004. С. 99–105.
8. Данилевский Р. Ю. Гёте // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.
9. Державин Г. Оды / сост. С. С. Аверинцев. Ленинград : Лениздат, 1985. 334 с.
10. Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе / отв. ред. М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин; изд. подгот. Н. А. Жирмунская-Сигал. Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1982. 559 с. URL: [https://cpcl.info/text/zhirmunskiy_gete-v-russkoy-literature_1982/\\$p2/](https://cpcl.info/text/zhirmunskiy_gete-v-russkoy-literature_1982/$p2/) (дата обращения: 06.05.2025).
11. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург : Изд. А. Ф. Маркса, 1906. Т. 1. 587 с.
12. Иезуитова Р. В. Жуковский // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.
13. Иезуитова Р. В. Образ Италии в лирической интерпретации Пушкина // Канаев И. И. Иоганн Вольфганг Гёте. Очерки из жизни поэта-натуралиста. Москва–Ленинград : Наука, 1964. 261 с.
14. Кнабе Г. С. Античная литература // Пушкин. Исследования и материалы. Том XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург : Наука, 2004. 445 с.
15. Лебедева О. Б. Рецептивная история стихотворения И. В. Гете «Mignon» в русской словесности XIX–XX вв. // Евразийский межкультурный диалог:

«свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007. С. 223–247. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000381237> (дата обращения: 07.05.2025).

16. Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). Ленинград : Наука, 1980. 212 с.

17. Лёняшин В. «... Всё тяготеет к ландшафту» // Времена года : Альманах. Вып. 469. Санкт-Петербург : Palace Editions, 2016. С. 7.

18. Лермонтов М. Ю. Сочинения. Том 1 / сост. и комм. И. С. Чистова. Москва : «Правда», 1988. 719 с.

19. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.

20. Литературное наследие Г. Р. Державина. URL: http://az.lib.ru/g/gete_i_w/text_1800_poe.shtml (дата обращения: 06.05.2025).

21. Найдич Э. Э. Пушкин // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.

22. Пушкин А. С. и мировая культура. Международная научная конференция. Материалы. Москва, 2-4 февраля 1999 года. Москва : Изд. МГУ, 1999. 281 с.

23. Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург : Наука, 2004. 445 с.

24. Пушкин А. С. Сочинения / сост., комментарии Б. В. Томашевского. Ленинград : Гос. изд-во «Художественная литература», 1936. 975 с.

25. Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Стихотворения 1813–1836. Санкт-Петербург : Библиополис, 1993. 599 с.

26. Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. Москва : Художественная литература, 1975. 256 с.

27. Словарь античности. Москва : Прогресс, 1989. С. 133.

28. Словарь литературоведческих терминов / сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. Москва : Просвещение, 1971. 509 с.

29. Томашевский Б. В. Комментарии // Пушкин А. С. Сочинения / сост., комментарии Б. В. Томашевского. Ленинград : Гос. изд-во «Художественная литература», 1936. 975 с.

30. Федоровская Л. А. Пушкин и Гёте (Отклик Пушкина на стихотворение Гёте) // Пушкин А. С. и мировая культура. Международная научная конференция. Материалы. Москва, 2-4 февраля 1999 года. Москва : Изд. МГУ, 1999. 281 с.

31. Фёдоров Ф. П. Смена культурных кодов, или Гёте в сознании Пушкина // А. С. Пушкин и мировая культура. Международная научная конференция. Материалы. Москва, 2-4 февраля 1999 года. Москва : Изд. МГУ, 1999. 281 с.

32. Филипповский Г. Ю. А. С. Пушкин: поэтика «отзывчивости». Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 291 с.

33. Johann Wolfgang von Goethe: Berliner Ausgabe. Poetische Werke [Band 1–16], Band 1. Berlin, 1960. S. 116–118.

34. The reader's companion to world literature. New York : The New American Library, Inc., 1973. 577 p. Goethe p. 218–221; Pushkin p. 436–437; Sturm und Drang p. 502–503; Romantic movement p. 457–460.

Reference list

1. Averincev S. S. Gjote i Pushkin (1749–1999) = Goethe and Pushkin (1749–1999) // Gjotevskie chtenija 1999. Moskva : Nauka, 1999. S. 7–16.

2. Gjote I. V. Lesnoj car' = The Forest King. Sankt-Peterburg : Amfora, 2012. 239 s.

3. Gjote I. V. Lesnoj car' = The Forest King. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2019. 316 s.

4. Gjote I. V. Izbrannye stihotvorenija i proza = Selected poems and prose / sost. i avtor vstup. st. L. I. Mal'chukov. Petrozavodsk : Karelija, 1987. 335 s.

5. Gjote I. V. Lirika = Poems / sost. S. Turaev. Moskva : Detskaja literatura, 1975. 190 s.

6. Gjote I. V. Novaja ljubov', novaja zhizn': izbrannaja lirika, perevod s nemeckogo = New love, new life: selected poems, translated from German. Moskva : Izd-vo AST, 2022. 384 s.

7. Danilevskij R. Ju. Gjote = Goethe // Pushkin. Issledovanija i materialy. T. XVIII–XIX. Pushkin i mirovaja literatura. Materialy k «Pushkinskoj jenciklopedii». Sankt-Peterburg : Nauka, 2004. S. 99–105.

8. Danilevskij R. Ju. Gjote = Goethe // Lermontovskaja jenciklopedija / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1981. 784 s.

9. Derzhavin G. Ody = Odes / sost. S. S. Averincev. Leningrad : Lenizdat, 1985. 334 s.

10. Zhirmunskij V. M. Gjote v russkoj literature = Goethe in Russian literature / otv. red. M. P. Alekseev, Ju. D. Levin; izd. podgot. N. A. Zhirmunskaja-Sigal. Leningrad : Nauka. Leningr. otdelenie, 1982. 559 s. URL: [https://cpcl.info/text/zhirmunskiy_gete-v-russkoj-literature_1982/\\$p2/](https://cpcl.info/text/zhirmunskiy_gete-v-russkoj-literature_1982/$p2/) (data obrashhenija: 06.05.2025).

11. Zhukovskij V. A. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works. Sankt-Peterburg : Izd. A. F. Marksa, 1906. T. 1. 587 s.

12. Iezuitova R. V. Zhukovskij = Zhukovsky // Lermontovskaja jenciklopedija / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1981. 784 s.

13. Iezuitova R. V. Obraz Italii v liricheskoj interpretacii Pushkina = The image of Italy in Pushkin's lyrical interpretation // Kanaev I. I. Iogann Vol'fgang Gjote. Oчерки iz zhizni pojeta-naturalista. Moskva–Leningrad : Nauka, 1964. 261 s.

14. Knabe G. S. Antichnaja literatura = Ancient literature // Pushkin. Issledovanija i materialy. Tom XVIII–XIX. Pushkin i mirovaja literatura. Materialy k «Pushkinskoj jenciklopedii». Sankt-Peterburg : Nauka, 2004. 445 s.

15. Lebedeva O. B. Receptivnaja istorija stihotvorenija I. V. Gete «Mignon» v russkoj slovesnosti XIX–XX vv. = Receptive history of J. W. Goethe's poem «Mi-

- gnon» in Russian literature of the XIX-XX centuries // *Evroaziatskij mezhekul'turnyj dialog: «svoe» i «chuzhoe» v nacional'nom samosoznanii kul'tury*. Tomsk, 2007. S. 223–247. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000381237> (data obrashhenija: 07.05.2025).
16. Levin Ju. D. *Ossian v russkoj literature (konec XVIII – pervaja tret' XIX veka) = Ossian in Russian literature (late XVIII – first third of XIX century)*. Leningrad : Nauka, 1980. 212 s.
17. Lenjashin V. «... Vsjo tjadoteet k landshaftu» = «... Everything gravitates toward the landscape» // *Vremena goda : Al'manah*. Vyp. 469. Sankt-Peterburg : Palace Editions, 2016. S. 7.
18. Lermontov M. Ju. *Sochinenija*. Tom 1 = Works. Volume 1 / sost. i komm. I. S. Chistova. Moskva : «Pravda», 1988. 719 s.
19. Lermontovskaja jenciklopedija = Lermontov encyclopedia / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1981. 784 s.
20. *Literaturnoe nasledstvo G. R. Derzhavina = G. R. Derzhavin's literary heritage*. URL: http://az.lib.ru/g/gete_i_w/text_1800_poe.shtml (data obrashhenija: 06.05.2025).
21. Najdich Je. Je. *Pushkin = Pushkin* // *Lermontovskaja jenciklopedija* / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1981. 784 s.
22. *Pushkin A. S. i mirovaja kul'tura = Pushkin A. S. and the world culture* // *Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Materialy*. Moskva, 2-4 fevralja 1999 goda. Moskva : Izd. MGU, 1999. 281 s.
23. *Pushkin. Issledovanija i materialy*. T. XVIII–XIX = Pushkin. Researches and materials. VOL. XVIII–XIX // *Pushkin i mirovaja literatura. Materialy k «Pushkinskoj jenciklopedii»*. Sankt-Peterburg : Nauka, 2004. 445 s.
24. *Pushkin A. S. Sochinenija = Works* / sost., komentarii B. V. Tomashevskogo. Leningrad : Gos. izd-vo «Hudozhestvennaja literatura», 1936. 975 s.
25. *Pushkin A. S. Sbranie sochinenij v pjati tomah*. Tom 1. *Stihotvorenija 1813–1836 = Collected works in five volumes. Volume 1. Poems 1813–1836*. Sankt-Peterburg : Bibliopolis, 1993. 599 s.
26. *Semenko I. M. Zhizn' i poezija Zhukovskogo = Zhukovsky's life and poetry*. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 256 s.
27. *Slovar' antichnosti = Dictionary of Antiquity*. Moskva : Progress, 1989. S. 133.
28. *Slovar' literaturovedcheskih terminov = Dictionary of literary terms* / sost. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moskva : Prosveshhenie, 1971. 509 s.
29. *Tomashevskij B. V. Kommentarii = Commentaries* // *Pushkin A. S. Sochinenija* / sost., komentarii B. V. Tomashevskogo. Leningrad : Gos. izd-vo «Hudozhestvennaja literatura», 1936. 975 s.
30. *Fedorovskaja L. A. Pushkin i Gjote (Otklik Pushkina na stihotvorenije Gjote) = Pushkin and Goethe (Pushkin's response to Goethe's poem)* // *Pushkin A. S. i mirovaja kul'tura. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Materialy*. Moskva, 2-4 fevralja 1999 goda. Moskva : Izd. MGU, 1999. 281 s.
31. *Fjodorov F. P. Smena kul'turnyh kodov, ili Gjote v soznanii Pushkina = Changing cultural codes, or Goethe in Pushkin's mind* // *A. S. Pushkin i mirovaja kul'tura. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Materialy*. Moskva, 2-4 fevralja 1999 goda. Moskva : Izd. MGU, 1999. 281 s.
32. *Filippovskij G. Ju. A. S. Pushkin: pojetika «otzyvchivosti» = A. S. Pushkin: the poetics of «responsiveness»*. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 291 s.
33. *Johann Wolfgang von Goethe: Berliner Ausgabe. Poetische Werke [Band 1–16], Band 1*. Berlin, 1960. S. 116–118.
34. *The reader's companion to world literature*. New York : The New American Library, Inc., 1973. 577 p. Goethe p. 218–221; Pushkin p. 436–437; Sturm und Drang p. 502–503; Romantic movement p. 457–460.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 22.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 82-6

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-21

EDN: VCHEMZ

Письма ярославских детей М. Горькому

Елена Викторовна Кудрина

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а
kelenvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-2671>

Аннотация. Статья посвящена исследованию писем детей, писавших Максиму Горькому в 1928–1936 гг. Письма хранятся в Архиве А. М. Горького ИМЛИ РАН в составе уникальной по полноте и сохранности коллекции детского эпистолярия. Положенный в основу отбора географический принцип позволил выбрать только те тексты, которые были написаны детьми, проживающими в Ярославле. При проведении источниковедческого анализа было выделено 10 писем, 6 коллективных и 4 индивидуальных. 5 писем, попавших в «детскую» коллекцию, были написаны взрослыми сотрудниками школы имени А. М. Горького в г. Ярославле, однако включение этих писем в данную коллекцию было продиктовано самим Горьким, который сделал на текстах пометки «Детское». Письма детей служили Горькому важным источником информации, полученной от непосредственных участников эпохи, поэтому он сознательно сохранял и берег письма своих корреспондентов, а также цитировал их в своих публицистических статьях. Анализ содержания писем позволил рассмотреть специфику обращений к Горькому. Образ Горького был мифологизирован, в массовом детском сознании 1930-х гг. писатель представал в виде «добротного дедушки», помощника и заступника. В подборке представлены письма разных жанров: письма-приветствия, письма-просьбы, письма-сообщения, письмо-рапорт. Предпринята попытка включить переписку М. Горького с ярославскими детьми в контекст ярославского локального текста, поскольку местное эпистолярное наследие является частью культурной географии. Письма ярославских детей Горькому публикуются впервые.

Ключевые слова: М. Горький; архив А. М. Горького; эпистолярное наследие; переписка; дети; детские письма; локальный текст; коллекция писем

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00167 <https://rscf.ru/project/25-28-00167/>

Для цитирования: Кудрина Е. В. Письма ярославских детей М. Горькому // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 21–29. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-21>. <https://elibrary.ru/VCHEMZ>

Original article

Yaroslavl children's letters to M. Gorky

Elena V. Kudrina

Candidate of philological sciences, leading researcher, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya str., 25a
kelenvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-2671>

Abstract. The article examines the letters of children who wrote to Maxim Gorky in 1928–1936. The letters are kept in the A. M. Gorky Archive at A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences, as part of a unique collection of children's epistolary. The geographical principle underlying the selection made it possible to choose only the texts written by children living in Yaroslavl. In the course of the source analysis, the author selected 10 letters, 6 collective and 4 individual ones. The 5 letters included in the «children's» collection were written by adult staff of the A. M. Gorky School in Yaroslavl. They were included in this collection by Gorky himself, who labeled the texts «Children's». Children's letters served Gorky as an important source of first-hand information, so he consciously kept and cherished the letters of his correspondents and quoted them in his journalistic articles. The content analysis of the letters helps to study the specifics of appeals to Gorky. Gorky's image was mythologized, and in the mass children's consciousness of the 1930s the writer appeared as a «kind grandfather», a helper and a protector.

The selection includes letters of different genres: letters of greetings and requests, informative and reporting letters. The author has made an attempt to include M. Gorky's correspondence with Yaroslavl children in the context of the Yaroslavl local text, since the local epistolary heritage is part of the cultural geography. Yaroslavl children's letters to Gorky are published for the first time.

Key words: M. Gorky; A. M. Gorky's archive; epistolary heritage; correspondence; children; children's letters; local text; collection of letters

The research is funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00167 <https://rscf.ru/project/25-28-00167/>

For citation: Kudrina E. V. Yaroslavl children's letters to M. Gorky. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):21–29. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-21>. <https://elibrary.ru/VCHEMZ>

Введение

«У меня накопилось множество писем школьников, пионеров, бывших „беспризорных” и „одинок”, – детей города и деревни со всех концов Союза Советов. Все это – документы высокого интереса и серьезнейшей социальной значимости, хотя большинство авторов писем – люди в возрасте от семи до шестнадцати лет. <...> Эти письма имеют серьезнейшее воспитательное значение и для отцов, а потому я бы предложил товарищам литераторам обрабатывать документы эти в очерки и публиковать их», – писал М. Горький в 1929 г. в четвертом очерке цикла «По союзу советов» [Горький, 1949–1955, т. 17, с. 192]. Эпистолярный диалог писателя с детьми длился несколько десятилетий, и интерес к юным собеседникам не ослабевал у него ни на минуту. Письма демонстрировали Горькому живой и требовательный интерес детей к литературе, литературе, общественно-историческим процессам. Писатель видел в молодом поколении ростки новой культуры, отмечал положительное влияние коллектива на детскую психологию, радовался детским успехам, старался ответить на разнообразные и сложные детские вопросы и сам интересовался нуждами своих собеседников.

К совету Горького о публикации детских писем прислушались редакторы журналов и газет, литераторы и педагоги. В 1929 г. Горький получил от редактора журнала «Пионер» И. М. Разина письмо с просьбой написать статью для журнала, на что Горький предложил издать сборник о пионерах, включив туда эпистолярный материал, с обязательным подзаголовком «для отцов» [Горький, 1997–наст. вр., т. 19, с. 82–83]. Спустя несколько месяцев, к августовскому всесоюзному пионерскому слету, вышла брошюра под названием «Кем хотят быть наши дети», в которой были опубликованы детские эпистолярные ответы на письмо в редакцию «Пионера» Шуры Климовой о выборе будущей профессии [Кем хотят быть наши дети, 1929]. Издание избранных детских писем, прошедших редактуру, стало в

руках взрослых мощным воспитательным и идеологическим орудием. С этого момента публикация детского творчества в изданиях СССР строго регламентировалась и попадала в разряд политических институций [Балина, 2013, с. 8], поскольку на идеологическом уровне формировала новые нормы, правила и традиции.

Сам Горький неоднократно использовал цитаты из полученных от детей писем в своих публицистических статьях: «О детях», «Об анекдотах и – еще кое о чем», «О писателях-самоучках», – и открытых письмах, публиковавшихся в центральной прессе.

Практика публикации детских писем была продолжена после смерти Горького. Так, в сборнике «Как мы живем» (1940), подготовленном редактором журнала «Пионер» Б. А. Ивантером и его сестрой Н. А. Ивантер, были представлены читателям 43 письма советских детей, живущих в самых разных уголках Советского союза. Книга, разделенная на три части «Дружба», «Сталинская забота» и «Мы – юные пионеры», демонстрировала читателям дружную, радостную и счастливую жизнь ребят в СССР [Как мы живем, 1940].

И по сей день письма детей, написанные по самым разным поводам, вызывают интерес ученых [Хромова, 2003; Кобак, 2012; Сухотерина, Евсеева, 2016; Никонова, Кравченко, 2023; Макеева, 2024] и публикуются в сборниках [«Дорогая Екатерина Павловна...», 2005; Детские письма о главном, 2020; Детские письма о главном, 2022; Письма папам, 2021 и др.]. Издание сборника детских писем, адресованных Максиму Горькому, – дело будущего.

В Архиве А. М. Горького в ИМЛИ РАН хранится уникальная по количеству, качеству и сохранности коллекция детских писем, насчитывающая более 3000 единиц. Собранные вместе, они составляют целостный текст, который имеет художественную, культурологическую, социологическую и историческую ценность для исследователей. Ценность эпистолярия заключается прежде всего в том, что он является собственно

«детским» текстом, написанным преимущественно без вмешательств взрослых. Анализ детского эпистолярия, адресованного Горькому, позволяет говорить об особом культурном феномене, изучение которого помогает посмотреть на мир первой трети XX в. глазами ребенка как важного участника исторических процессов и определить специфику досоветского и советского детства.

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью детального рассмотрения и всестороннего изучения материалов детской коллекции, хранящейся в Архиве А. М. Горького ИМЛИ РАН.

Цель статьи – описание и анализ коллекции детских писем, написанных М. Горькому детьми, проживающими в Ярославле, а также введение в научный оборот интересных, малоизученных и представляющих интерес для самых разных исследований документов.

Рассмотрению творческого наследия Горького в системе ярославского локального текста посвящена статья Н. Н. Иванова, в которой намечены биографические и историко-литературные контуры темы [Иванов, 2022]. Адресованные Горькому детские письма ярославских детей являются дополнительным источником локального ярославского текста и частью культурной географии, связывающей Горького с городом на Волге.

Методы исследования

Применяя источниковедческий анализ, на данный момент удалось изучить большую часть сохранившихся в коллекции материалов и выработать приемы для классификации и систематизации писем. Информационный, типологический и сравнительный подходы позволили выделить три группы писем – индивидуальные, коллективные и письма, написанные взрослыми за детей, – а также распределить письма по времени написания (написанные до революции 1917 г. или после революции, в 1920-е или 1930-е гг., недатированные), социальному (дошкольники, школьники, учащиеся ФЗУ, лишенцы, беспризорники, бывшие беспризорники, трудящиеся подростки и т. д.), возрастному (6–7 лет, 8–10 лет, 11–13 лет и т. д.) и географическому принципу. Последний из названных положен в основу данной работы.

Каждая группа писем в свою очередь подверглась жанрово-тематическому анализу, благодаря которому выделены письма-просьбы, письма-благодарности, письма-рецензии, пись-

ма-отчеты, письма-приветствия, письма-приглашения, письма-жалобы и проч. Анализ содержания позволяет рассматривать детское эпистолярное наследие, адресованное Горькому, в меняющемся социокультурном и историческом контексте. Письма детей вносят существенный вклад в историю изучения детства в России, единого и при этом неповторимо многообразного [Сальникова, 2007, с. 12–33], в изучение социальной истории, истории повседневности, эпистолярного наследия и литературного процесса первой трети XX в.

Ранее нами были проанализированы группы детских писем из Казани [Кудрина, 2023] и Самары [Кудрина, 2024]. Написанные М. Горькому в 1920–1930-е гг. письма казанских и самарских детей демонстрировали писателю «формирование новой молодежи», сообщали ему важные и интересные сведения о местных (локальных) событиях и такие факты повседневной жизни, о которых нельзя было прочесть в газете. Юные корреспонденты делились с писателем, которого воспринимали в качестве верного друга, опытного наставника и помощника личными переживаниями, сомнениями и надеждами. Кроме этого, индивидуальные авторские письма, объединенные по географическому принципу, позволяют современным исследователям не только анализировать текстологическую и содержательную специфику детского «наивного» эпистолярия, но и по-новому взглянуть на личность Горького, образ которого был сильно мифологизирован.

Результаты исследования

В Архиве А. М. Горького ИМЛИ РАН, в коллекции детских писем обнаружены 10 писем, написанных в Ярославле: 4 – индивидуальных (от одной девочки и трех мальчиков) и 6 – коллективных (пять от учеников и администрации школы им. А. М. Горького и одно от коллектива детского сада им. А. М. Горького). Письма охватывают период с 1928 по 1936 гг. Это время наивысшего расцвета горьковской переписки с детьми и их родителями и воспитателями, на этот период приходится около 2300 писем, что составляет около 80 % от всех сохранных в коллекции. Четыре коллективных письма из школы им. Горького не датированы, но по содержанию можно предположить, что это 1928 или 1932 гг. – время приезда писателя в Россию.

Обратимся к письмам коллективным. В эту группу попали официальные письма, адресованные Горькому и написанные коллективами учреждений, носящих имя Горького.

Первое письмо из Ярославля, адресованное Горькому и попавшее в коллекцию детских писем, написано 7 июня 1928 г. Формально оно к детским письмам не относится: администрация школы информировала Горького о появлении в газете «Северный рабочий» заметки Марка Волохова «Подарок Горькому» (1928. № 130. 7 июня) и просила писателя обратить на нее внимание.

Второе письмо написано 3 ноября 1928 г. По жанру это письмо-приветствие. Сотрудники школы от имени всех ребят писали Горькому:

«Преодолевая множество препятствий и затруднений, мы строим школу Вашего имени и крепко уверены, что рано или поздно так выстроим, что не стыдно будет пригласить Вас „в гости”.

Шлем Вам искренний привет от имени всего школьного коллектива! Просим Вас беречь свое здоровье и силы. Будем писать Вам и надеемся, что и Вы нас не забудете» [Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, ДПГ-19-39-1].

В письме чувствуется надежда и уверенность в благополучном разрешении проблемы постройки новой школы. Школа имени Горького в Ярославле, действительно, была выстроена на 700 учащихся, о чем свидетельствует следующее письмо-рапорт, написанное в 1932 г. педагогами. Рапорт – редко встречающийся жанр в коллекции, жанр преимущественно «взрослый» – это доклад о проделанной работе. Письмо напечатано на машинке, что говорит об официальном его характере и о том, что адресатом отчета был, очевидно, не только Горький. Здесь поводом написать Горькому стал не только юбилей литературной работы писателя, который широко отмечался в стране, но и присвоение имени Горького учебному заведению. Практика присвоения имени Горького всему и вся была так распространена с 1928 г., что это дало повод писателю пошутить в разговоре: «Всюду меня делают почетным. Я почетный булочник, почетный пионер... Сегодня я еду осматривать дом сумасшедших... и меня сделают почетным сумасшедшим, увидите» [Чуковский, 2013, с. 372].

Приведу выдержки из письма-рапорта:

«Считая, что лучшим подарком для Вас в день Вашего 40-летнего литературного юбилея будет то, как школа исполняет постановления ЦК ВКП(б) о школе, а поэтому примите небольшой рапорт Ярославской школы Вашего имени.

1. Школа приступила к занятиям 1-го сентября. За истекший период не было ни одного срыва занятий.

2. Со 2-го сентября организовано детское питание: сначала в столовой № 22 при Пединституте, а затем с 16-го сентября открыта своя столовая при школе, с охватом 90 %.

3. С 3-го сентября организовано групповое самоуправление на основе постановления ЦК ВКП(б) от 25/VIII–32 г. и 5/IX–31 г.

4. Во всех группах проработано постановление ЦК ВКП(б) о «Новых программах» и вынесены конкретные предложения для проведения в жизнь.

5. Во всех группах организовано социальное соревнование и ударные бригады. Несколько бригад носят Ваше имя.

6. Методом соревнования охвачено подпиской на заем 4-го, завершающего года пятилетки в среднем по 5 р. на ученика.

7. Организована самостоятельная помощь родителей в деле заготовки дров для школы.

8. Ко дню Вашего юбилея подано 11 заявлений учащихся о вступлении в ряды ВЛКСМ.

9. Развертывается методическая работа в школе путем организации цикловых предметных комиссий.

10. Возобновлена работа добровольных Обществ: МОПР, СВБ, ЮВБ и Осоавиахима» [Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, ДПГ-16-81-1].

В цитированном отрывке речь идет о постановлениях ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» и от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе». В последнем пункте имеются в виду следующие добровольные общества: Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Союз воинствующих безбожников (СВБ), Юные воинствующие безбожники (ЮВБ) и Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим).

Далее корреспонденты по пунктам представили Горькому планы своей работы на будущее и обязались выполнить следующее:

- «1. Укрепить сознательную дисциплину.
2. Повести борьбу за качество учебы и выполнить учебный план полностью.
3. Организовать литературный кружок.
4. Обеспечить соединение обучения с производственным трудом.
5. Провести производственную практику для 6-х гр. в кордном заводе и для 7 гр. в мех. зав. РАК.
6. Вовлечь в ряды добровольных обществ всех учащихся и проводить систематическую воспитательную работу в них.
7. Организовать свое пришкольное хозяйство путем разведения кроликов и свиней.
8. Всех учащихся снабдить обувью и одеждой и 35 % учащихся обеспечить бесплатными завтраками, одеждой и обувью.

9. Оборудовать полностью кабинеты учебными пособиями и всех учащихся снабдить учебниками» [Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, ДпГ-16-81-1].

Письмо примечательно в первую очередь своим содержанием, из которого мы узнаем об организации учебного и воспитательного процесса в 1930-е гг. непосредственно от участников этого процесса.

Еще одно, написанное не собственно детьми, недатированное письмо-сообщение принадлежит заведующей детским садом им. М. Горького Алисе Жгучевой, которая от имени всех воспитанников дошкольного учреждения и их воспитателей предположительно в 1932 г. приветствовала Горького и сообщала о своей работе. Письмо попало в детскую коллекцию, потому что было помечено самим Горьким как «детское»: синим или красным карандашом в верхнем левом углу писатель часто ставил пометы «Дет» (детское), «Прив» (приветствие), «Просьба» и др. Письмо, являющееся образцом письменного просторечия, посвящено будням детского учреждения, содержательно связано с дошкольниками, поэтому и архивисты при обработке и описании письма решили оставить его в ряду детских писем. Приведу это письмо полностью, исправив орфографические и пунктуационные ошибки.

«г. Ярославль

Глубокоуважаемый Максим Алексеевич! (sic!)

Наша детская площадка существует с 1928 г. К 15-й годовщине Октябрьской революции на собрании родителей и правления решили открыть детский сад Вашего имени. В детсаду 78 ребят, из них 30 октябрят. Детсад пользуется большим авторитетом среди родителей. Дружный коллектив детей, хорошая организация, 8-часовой рабочий день в две смены, во всех 3-х группах введен сон. Дети очень хорошие, я сижу за столом Вам пишу, они тоже сидят тихо, не мешают писать. 7-милетний Вова просит, чтобы Вы приехали к нам. Мы, говорит, покажем, как умеем писать, рисовать, лепить. Ребята сделали сами 9 лопат деревянных для младшей группы. Они любят пилить, строгать. Группа старшая разделена на пять бригад, которые меняются каждую неделю.

1. Бригада по столу раздает ложки, хлеб, разносит супы – 3 человека

2. бригада санитарная осматривает уши, шею, руки и ноги, чтобы были чистые

3. бригада по игрушкам. Когда ребята кончат играть, чтобы все было на месте

4. бригада по живому уголку, уход за аквариумом

5. бригада, тетради, книжки, чтобы все были в порядке, и берегли литературу (sic!)

Революционные праздники отмечаются ярко, детскими постановками, угощением гостинцами. Дети сами выступают со стихами, песенками, маршировкой, играми. Знают Ленина, Сталина, Ворошилова, Вас, т.к. я им много рассказывала и читала, показывала Ваши книги. Ваш портрет ребята украсили сухими желтыми листьями очень красиво. Они с гордостью говорят, когда у них спрашивают, в каком саду или как сад называется, отвечают: им. Максима Горького. Группа 6–7 лет. Несколько ребят хотят написать Вам свое имя, пером еще не умеют, будут писать карандашом.

МИТЯ.ЛИДА.ОВОА.ТОНЯ.СЕРЕЖА

Сердечный привет, зав. детсадом Алиса Жгучева.

Адрес: г. Ярославль, детский сад Им. Максима Горького при Культбазе № 6. Республиканская ул. д. 81. зав. Жгучевой» [Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, ДпГ-19-54-1].

Примечательно в этом письме обращение к Горькому – «Максим Алексеевич» – оно свидетельствует о путанице, которая часто возникала в детском (а здесь и во взрослом) сознании из-за настоящего имени и псевдонима писателя. Настоящее имя – Алексей Максимович Пешков, псевдоним – Максим Горький. Смешение имени и псевдонима нередко порождало такие формы обращения, как Максим Пешков, Алексей Горький, или, как в данном случае, – Максим Алексеевич. Так звали сына писателя.

Еще раз подчеркну, что формально все приведенные выше письма – взрослые, сообщающие сведения о детских учреждениях, и, конечно, должны храниться в коллекции писем учителей и педагогов. Однако содержательная составляющая писем говорит за включение их в детскую коллекцию, что и было сделано архивистами при обработке архива писателя.

Еще два недатированных коллективных письма Горькому написали сами учащиеся. Первое – выпускники ярославской школы. Они приветствовали писателя словами:

«Мы гордимся тем, что мы кончаем школу имени величайшего писателя и человека. Это обстоятельство заставляет нас стремиться вперед, приобретать знания и употребить их в пользу нашей молодой страны. Дорогой Алексей Максимович, мы говорим Вам эти слова от чистого сердца и без всякой лести. Если у Вас найдется хотя один свободный день, уделите его для приезда в нашу школу» [Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, ДпГ-16-80-1].

К сожалению, ни в 1928, ни в 1929, ни в 1930-е гг. Ярославль не вошел в список посещенных Горьким городов.

Второе – по поручению детского самоуправления (ДСУ) – отправили Горькому две ученицы школы имени Горького, Курицына и Успенская. Они рапортовали о том, что школа «заняла первое место по родному языку, хотя на общегородском конкурсе были только лучшие представители коллектива учащихся», что все ребята обязуются «поднять свою успеваемость путем помощи сильных слабым, дополнительных занятий и развертывания соцсоревнования и ударничества», а также обещали, что весь коллектив учащихся и преподавателей «образцово проведет проверочные испытания и сократит число второгодников до минимума» [Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, ДпГ-15-34-1]. Оба детских коллективных письма – приветствия, предполагающие начало переписки и сообщающие адресату об успехах и планах учеников.

Особо следует остановиться на письмах индивидуальных, собственно детских.

9 октября 1932 г. Горькому, обращаясь к нему «Дорогой товарищ Пешков», написал тринадцатилетний ученик 7 группы П. М. Башкович. Он делился с писателем своим стихотворением «Пятилетка», изобилующим восклицательными знаками и передающим эмоциональный подъем автора:

Удар за ударом!
Кирпич за кирпич!..
К социализму ударный клич.
Идет пятилетки четвертый год.
Удар за ударом – новый завод.
Быстрые темпы!
Подвиги метки!
Каждая стройка – деталь пятилетки.
С каждым днем заводы растут!
На каждой стройке ударный труд:
Удар за ударом!
Кирпич за кирпич!
К социализму ударный клич.
В великой стройке
Колхозы растут...
Ударные темпы и там, и тут.
Трактор за трактором в поле бегут.
К социализму хозяйство зовут,
Растут хозяйства!..
Крепнут заводы...
Даёшь пятилетку в четыре года!!

Мальчик, доверяя Горькому – мастеру и учителю – свое восторженное стихотворение, признавался в письме, что пишет с 12 лет, но «приходится мало писать ввиду отсутствия бумаги», и просил дать отзыв о стихе «поскорей» [Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, ДПГ-2-43-1].

Надо сказать, что писем с просьбой оценить творческие опыты в коллекции достаточно много. Около 700 писем (23 %) содержат приложения в виде детских художественных произведений, а 14 детских текстов – письма в стихах. Дети писали знаменитому литератору, прилагая к письмам не только стихи, но и рассказы, сказки, рисунки и спрашивали, стоит ли продолжать сочинять, просили дать писательский и редакционный совет, некоторые надеялись, что Горький поможет с публикацией текстов. Большинству Горький советовал продолжать учиться, читать классиков, а также высылал книги, например, свой сборник «О литературе» (1934), куда вошли его публицистические и критические статьи «О том, как я учился писать», «Беседы о ремесле», «Письма начинающим литераторам», «О литературной технике», «О пользе грамотности», «О возвеличенных и „начинающих“», «О начинающих писателях» и др., написанные специально для всех вступающих в литературу авторов.

21 ноября 1932 г. Горькому писала ученицы 1-й ступени, четырнадцатилетняя пионерка Лидия Солдатова: «Дорогой дедушка! Узнав о том, что Вы в Москве, мне захотелось с Вами завести переписку и познакомиться поближе. Переписку будем вести таким образом: я буду писать стихотворения и посылать Вам под вашу критику. Надеюсь, не откажете в моей просьбе и примете мое предложение». Девочка для начала предлагала оценить два первых её стихотворения «Лето» и «Мировой Октябрь» «для того, чтобы Вы подметили расширяются или сужаются мои поэтические способности и стоит ли мне писать». Она добродушно делилась с «дедушкой», что ей «давно хотелось завести переписку с кем-нибудь из вашего ядра», что у нее есть адрес Н. К. Крупской, которой она хочет «написать хотя бы несколько слов» и очень просила «не оставлять» её «в забытии и дать критику хотя бы только на эти стихотворения» [Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, ДпГ-12-115-1].

Одновременно деловой и доверительный тон письма Лидии многое говорит об образе Горького, который сложился в массовом восприятии благодаря статьям о писателе в детских газетах и журналах. Горький – «добрый дедушка», который любит и понимает детей, ждет от них писем, готов ответить и помочь каждому пишущему, поэтому к нему обращаются как к хорошему знакомому и близкому человеку.

16 декабря 1935 г. одиннадцатилетний пионер, ученик 5 класса школы № 32 при фабрике «Красный перекоп» Стасик Сергушев написал

Горькому письмо, в котором рассказал о себе, о своей учебе «по-стахановски», о руководящей работе в звене, о стихах в стенгазету, о прочитанных книгах и просил дать отзыв о посылаемом стихотворении «Знамя победы» [Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, ДПГ-12-14-1]. Письмо Стасика, искреннее, неуклюжее, наивное – пример типичного детского эпистолярия, демонстрирующее особенности детского мышления, отражающее бытующие представления о Максиме Горьком как добром наставнике и литературном помощнике.

Готовя эту публикацию, удалось выяснить, что автор письма Горькому – Станислав Алексеевич Сергушов (1923–1986) закончил с отличием школу, в 1942 г. был призван на фронт, прошел всю войну, был награжден орденом и медалями, после войны защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в Ярославском педагогическом университете, заведовал кафедрой математического анализа [Сергушов, 2025]. Судя по письму, Станислав родился в 1924 г. и мог приписать себе один год для мобилизации.

Следующее детское письмо представляет собой письмо-отклик. 13 апреля 1936 г. Боря Бутарев, ученик 3 класса школы ЯРАК (Ярославский резино-асбестовый комбинат) № 2, откликнулся на статью в газете «Всегда готов», поместившей открытое письмо Горького пионерам заполярного города Игарки: «Два раза перечитывал это письмо. Особенно запомнились мне Ваши дружеские теплые слова: „Сердечный привет вам будущие доктора, поэты, инженеры, артисты”» [Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, ДПГ-3-39-1]. В своем письме, написанном на обычном тетрадном листке в клеточку крупным каллиграфическим почерком, Боря написал о любви к стихам, о своей работе над рассказом «Одно дело» о пионере Ваське, спасшем поезд, об интересе к произведениям Максима Горького.

Нам не известны ответы Горького на письма ярославских детей, однако можно с уверенностью предположить, что очерк «Ярославцам» (1933) стал откликом не только на посещение писателя группой рабочих, поделившихся с ним рассказом о фабрике синтетического каучука, о коммуне, о промышленном и жилищном строительстве в городе и области, но и реакцией на детские письма и письма учителей края. Слова писателя: «Следовало бы расширить и ускорить работу по воспитанию „лучших людей”» [Горький, 1949–1955, т. 27, с. 92], – думается, обращены непосредственно к педагогам ярославских школ, которые писали Горькому. Руководству

края он советует обратить особое внимание на строительство новых школ, направить силы на воспитание детей, подготовить их к работам в области культуры.

Строчками писем с Горьким разговаривали дети рабочих и крестьян, пионеры и комсомольцы, дети лишенцев и заключенных, дети-сироты и беспризорники (последние социальные группы в данную подборку не попали). Письма, получаемые от самых разных корреспондентов, давали возможность писателю знакомиться с различными сторонами жизни народа, его горестями и радостями, и при необходимости реагировать на эту информацию и помогать.

Заключение

Проанализировав выбранные письма ярославцев Горькому из коллекции детских писем, можно констатировать, что в подборку попали не только письма детей, но и письма взрослых корреспондентов, связанных с детьми. Таковы 5 коллективных писем из 10, попавших в выборку. В целом сюжетно, композиционно, содержательно, текстологически, жанрово письма ярославских детей схожи с письмами детей из других крупных городов. Темы, которые затрагивают корреспонденты-дети и взрослые, работающие с детьми, связаны со школой, обучением, воспитанием, литературным образованием – типичные темы для большинства корреспондентов этой группы писем. Проблемы – общие для всей страны в 1920–30-е гг.: отсутствие бумаги, слабое материально-техническое обеспечение школ, недостаточная литературная подготовка учащихся. Все эти острые моменты были известны Горькому, который по мере сил и возможностей пытался их решать: писал письма и обращения во власть, публиковал публицистические статьи, материалом для которых нередко становились именно письма его корреспондентов. Например, при работе над статьей «О детях» (1930) Горький использовал 7 детских писем, 21 статью из отечественных и эмигрантских газет и журналов, а также книгу В. Лебедева «Мы живем в „Гиганте”», которые обильно цитировал [Горький, 1949–1955, т. 25, с. 420–436]. Присланные писателю письма добавляли существенные штрихи к локальной истории и повседневной жизни города, вносили личные ноты в мегатекст о стране, формировали представление о подрастающем советском поколении. Если говорить о гендерном и социальном аспекте ярославских писем, то здесь, как и в других подборках, осуществленных по географическому принципу, представле-

ны девочки и мальчики, школьники и дошкольники, пионеры, их воспитатели и учителя.

Три из четырех индивидуальных писем ярославских детей содержат стихотворения, а в четвертом юный автор делится с писателем художественными планами – содержанием своего рассказа о пионере-герое, что говорит о любви детей к литературе и стремлении к литературному творчеству. Дети хорошо понимали, кому и зачем пишут. Доверительный и серьезный, без заискивающего тона разговор с писателем-наставником подтверждает мысль о том, что Горький воспринимался юными современниками в качестве авторитетного мастера, с которым советовались, на которого равнялись, которому доверяли. Детские письма наглядно демонстрируют, что за Горьким закрепился образ влиятельного писателя, помощника и защитника, чьи произведения (и художественные, и публицистические), переписка и общественная деятельность имели в первую очередь огромное воспитательное значение. Другом по переписке Горький ни для кого из детей не стал, однако свою роль в судьбе каждого из писавших ему он, конечно, сыграл, сохранив уникальный архив детских писем для потомков.

Библиографический список

1. Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, коллекция ДпГ (Детские письма Горькому).
2. Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей, 1920-е – 1930-е гг. / сост. и ред. М. Р. Балина и В. Ю. Вьюгин. Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. С. 7–19.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. В 24 т. Москва : Наука, 1997–наст. вр.
4. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Москва : ГИХЛ, 1949–1955.
5. Детские письма о главном: Всероссийскому празднику «День семьи, любви и верности» 15 лет. Москва : Фонд социально-культурных инициатив, 2022. 131 с.
6. Детские письма о главном: 75-летию Великой Победы посвящается! Москва : Фонд социально-культурных инициатив, 2020. 131 с.
7. «Дорогая Екатерина Павловна...». Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920–1936. По документам фондов «Московский Политический Красный Крест», «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / сост. Л. Должанская и И. Осипова; подг. текстов, коммент. и вступл. Л. Должанская; науч. ред. Я. Леонтьев. Санкт-Петербург : журнал «Звезда», 2005. 446 с.
8. Иванов Н. Н. М. Горький и ярославский текст // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 39–45. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-39-45. <https://elibrary.ru/ENDOEQ>
9. Как мы живем (Письма советских детей) / Собрала Б. и Н. Ивантер. Москва : Молодая гвардия, 1940. 160 с. (Библиотечка пионервожатого).
10. Кем хотят быть наши дети: Сборник детских писем для отцов / сост. И. М. Разин; под ред. и с предисл. М. Горького. Москва; Ленинград : Гос. изд-во, 1929. 98 с.
11. Кобак И. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2012. Вып. 2. С. 142–148.
12. Кудрина Е. В. Переписка М. Горького с казанскими детьми. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 165, кн. 1–2, С. 168–180. DOI: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.168-180.
13. Кудрина Е. В. Переписка М. Горького с самарскими детьми и подростками. Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 2. С. 51–60. DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-51-60.
14. Макеева Т. В. Эволюция детско-юношеского эпистолярного жанра: от периода перестройки до цифровой эпохи // Журнал педагогических исследований. 2024. Т. 9. № 5. С. 74–81. DOI: 10.12737/2500-3305-2024-9-5-74-81
15. Никонова О., Кравченко Е. Детские тексты на страницах журналов для среднего и старшего возраста в России конца XIX – начала XX веков // Детские чтения. 2023. № 23(1). С. 77–100. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-1-23-77-100
16. Письма папам / сост. С. Анохина, М. Алиева, А. Мирмаксумова. Москва : АСТ, 2021. 224 с.
17. Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.
18. Сергушов Станислав Алексеевич. URL: <https://1418museum.ru/heroes/71099796/?ysclid=mbzhajft6u991078886> (дата обращения: 18.06.2025)
19. Сухотерина Т. П., Евсеева К. Р. «Детское письмо» как жанр естественной письменной речи // Культура и текст. 2016. № 1 (24). С. 20–29.
20. Хромова А. В. Письма детей Деду Морозу // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства / сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. Москва : ОГИ, 2003. С. 99–109.
21. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Дневник (1922–1935) / коммент. Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. Москва : Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 656 с.

Reference list

1. Arhiv A. M. Gor'kogo IMLI RAN, kolekcija DpG (Detskie pis'ma Gor'komu) = A.M. Gorky Archive, IWL RAS, CIG collection (Children's letters to Gorky).
2. Balina M. R. Sovetskaja detskaja literatura: neskol'ko slov o predmete issledovanija = Soviet literature for children: a few words on the subject of the study // «Ubit' Charskuju...»: paradoksy sovetskoj literatury dlja detej, 1920-e – 1930-e gg. / sost. i red. M. R. Balina i V. Ju. V'jugin. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2013. S. 7–19.

3. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma. V 24 t. = Complete works. Letters. In 24 volumes. Moskva : Nauka, 1997–nast. vr.
4. Gor'kij M. Sobranie sochinenij. V 30 t. = Collected works. In 30 vols. Moskva : GIHL, 1949–1955.
5. Detskie pis'ma o glavnom: Vserossijskomu prazdniku «Den' sem'i, ljubvi i vernosti» 15 let. = Children's letters about the main thing: 15-year anniversary of the All-Russian holiday «Day of family, love and fidelity». Moskva : Fond social'no-kul'turnyh iniciativ, 2022. 131 s.
6. Detskie pis'ma o glavnom: 75-letiju Velikoj Pobedy posvjashhaetsja! = Children's letters about something important: dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory! Moskva : Fond social'no-kul'turnyh iniciativ, 2020. 131 s.
7. «Dorogaja Ekaterina Pavlovna...». Pis'ma zhenshhin i detej. Pis'ma v ih zashhitu. 1920–1936. Po dokumentam fondov «Moskovskij Politicheskij Krasnyj Krest», «E. P. Peshkova. Pomoshh' politicheskim zaklju-chennym» = «Dear Yekaterina Pavlovna...». Letters from women and children. Letters in their defense. 1920–1936. Based on the documents of the funds «Moscow Political Red Cross», «E. P. Peshkova. Aid to political prisoners» / sost. L. Dolzhanskaja i I. Osipova; podg. tekstov, koment. i vstupl. L. Dolzhanskaja; nauch. red. Ja. Leont'ev. Sankt-Peterburg : zhurnal «Zvezda», 2005. 446 s.
8. Ivanov N. N. M. Gor'kij i jaroslavskij tekst = Gorky and Yaroslavl text // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 39–45. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-39-45. <https://elibrary.ru/ENDOEQ>
9. Kak my zhivem (Pis'ma sovetskih detej) = The way we live (Letters by Soviet children) / Sobrali B. i N. Ivanter. Moskva : Molodaja gvardija, 1940. 160 s. (Biblioteka pionerovozhatogo).
10. Kem hotjat byt' nashi deti: Sbornik detskih pisem dlja otcov = What our children want to be: A collection of children's letters for fathers / sost. I. M. Razin; pod red. i s predisl. M. Gor'kogo. Moskva; Leningrad : Gos. izd-vo, 1929. 98 s.
11. Kobak I. V. Pis'ma kak istoricheskij istochnik: zadachi i prijomny izuchenija = Letters as a historical source: objectives and methods of study // Vestnik SPbGU. Ser. 2. Istorija. 2012. Vyp. 2. S. 142–148.
12. Kudrina E. V. Perepiska M. Gor'kogo s kazan-skimi det'mi. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki = M. Gorky's correspondence with Kazan children. Academic papers of Kazan University. Series Humanities. 2023. T. 165, kn. 1–2, S. 168–180. DOI: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.168-180.
13. Kudrina E. V. Perepiska M. Gor'kogo s samarskimi det'mi i podrostkami. Semioticheskie issledovanija = M. Gorky's correspondence with Samara children and teenagers. Semiotic studies. Semiotic studies. 2024. T. 4. № 2. S. 51–60. DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-51-60.
14. Makeeva T. V. Jevoljucija detsko-junoshejskogo jepistoljarnogo zhanra: ot perioda perestrojki do cifrovoj jepohi = Evolution of children's and youth epistolary genre: from the perestroika period to the digital age // Zhurnal pedagogicheskikh issledovanij. 2024. T. 9. № 5. S. 74–81. DOI: 10.12737/2500-3305-2024-9-5-74-81
15. Nikonova O., Kravchenko E. Detskie teksty na stranicah zhurnalov dlja srednego i starshego vozrasta v Rossii konca XIX – nachala XX vekov = Children's texts on the pages of Russian magazines for middle and senior age in the late XIX – early XX centuries // Detskie chtenija. 2023. № 23(1). S. 77–100. DOI: 10.31860/2304-5817-2023-1-23-77-100
16. Pis'ma papam = Letters to fathers / sost. S. Anohina, M. Alieva, A. Mirmaksumova. Moskva : AST, 2021. 224 s.
17. Sal'nikova A. A. Rossijskoe detstvo v HH veke: Istorija, teorija i praktika issledovanija = Russian childhood in the XX century: History, theory and practice of research. Kazan' : Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V. I. Ul'janova-Lenina, 2007. 256 s.
18. Sergushov Stanislav Alekseevich = Sergushov Stanislav Alekseevich. URL: <https://1418museum.ru/heroes/71099796/?ysclid=mbzhajft6u991078886> (data obrashhenija: 18.06.2025)
19. Suhoterina T. P., Evseeva K. R. «Detskoe pis'mo» kak zhanr estestvennoj pis'mennoj rechi = 'Children's writing' as a genre of natural writing // Kul'tura i tekst. 2016. № 1 (24). S. 20–29.
20. Hromova A. V. Pis'ma detej Dedu Morozu = Children's letters to Father Frost // Detskij sbornik: Stat'i po detskoj literature i antropologii detstva / sost. E. V. Kuleshov, I. A. Antipova. Moskva : OGI, 2003. S. 99–109.
21. Chukovskij K. I. Sobranie sochinenij: V 15 t. T. 12: Dnevnik (1922–1935) = Collected works: In 15 vol. Vol. 12: Diary (1922–1935) / komment. E. Chukovskoj. 2-e izd., jelektronnoe, ispr. Moskva : Agentstvo FTM, Ltd, 2013. 656 s.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 22.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья
УДК 821.161.09«19»
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-30
EDN: VOMCVS

«Кнут» и «хомут» в прозе А. И. Эртеля: отражение проблемы телесных наказаний в художественной литературе

Ирина Юрьевна Смирнова

Аспирант кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет. 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17
Irisbaltan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4663-0160>

Аннотация. Статья посвящена проблеме телесных наказаний и ее отражению в русской литературе второй половины XIX в., в частности, в творчестве А. И. Эртеля. Автор работы отмечает, что вопрос телесных наказаний оставался в России актуальным вплоть до революции 1917 г., поддерживался законодательно закрепленным механизмом контроля порядка в общественно-культурной среде страны в целом. В задачи статьи входит осмысление изображения телесных наказаний в прозе А. И. Эртеля, анализ авторского отношения к указанной проблеме, а также уяснение художественных методов и средств изобразительности, использованных писателем для передачи актуальности и серьезности вопроса, без решения которого, по мнению Эртеля, не могла идти речь о правах человека в русском обществе, о гуманном отношении людей друг к другу. Автор статьи показывает своеобразный разрыв между стремлением писателя решить остро стоящие вопросы насущной жизни и его пониманием невозможности их однозначного разрешения. При этом в статье отмечается несомненная заслуга Эртеля в использовании тех художественных приемов, благодаря которым читатель видит порочность обрисованных мер, необходимость их искоренения. В работе показана распространенность наказаний во всех сословиях России конца XIX в. Автор статьи анализирует различные примеры из произведений Эртеля и приходит к выводу, что народ привык быть собственностью, практически утратил базовый инстинкт человека, заключающийся в защите своих границ. Кроме того, отмечается, что в самой крестьянской среде рукоприкладство стало неотъемлемым элементом контроля власти человека над человеком. Показана широкая распространенность самосудов, жестокостей в крестьянской среде, которые нашли воплощение в прозе Эртеля, особенно в его романе «Гарденины...». Писатель-реалист одновременно был и защитником, просветителем народа: не понаслышке зная о зверствах и издевательствах среди крестьян, Эртель был убежден в первостепенной необходимости освобождения народа от гнета, его просвещения и образования.

Ключевые слова: А. И. Эртель; «Записки Степняка»; телесные наказания; крестьяне; народный самосуд; помещики; крепостное право; жестокость; судебное законодательство; справедливость

Для цитирования: Смирнова И. Ю. «Кнут» и «хомут» в прозе А. И. Эртеля: отражение проблемы телесных наказаний в художественной литературе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 30–41. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-30>. <https://elibrary.ru/VOMCVS>

Original article

«Whip» and «yoke» in A. I. Ertel's prose: the problem of corporal punishment in fiction

Irina Yu. Smirnova

Postgraduate student at the department of russian philology, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky str., 17
Irisbaltan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4663-0160>

Abstract. The article focuses on the problem of corporal punishment and how it is reflected in Russian literature of the late XIX century, in particular, in A. I. Ertel's works.

The author of the study notes that the issue of corporal punishment remained relevant in Russia until the 1917 revolution, maintained by the legal mechanism of controlling order in the country's social and cultural environment.

The objectives of the article are to analyze the depiction of corporal punishment in A. I. Ertel's prose, and the writer's attitude to this problem, as well as to clarify the creative methods and artistic means used by the writer to

convey the urgent and serious issue, whose solution, in Ertel's opinion, was essential for human rights discussion in Russian society, for humane attitude of people to each other.

The author of the article shows a particular gap between the writer's desire to solve the urgent issues of daily life and his awareness that they can never be resolved unambiguously.

At the same time, the article notes Ertel's obvious merit in the use of creative methods, which show the reader the depicted vicious measures and the need to eradicate them.

The study shows widely spread punishments in all Russian social classes at the end of the XIX century. The author of the article analyzes various examples from Ertel's works and comes to the conclusion that the people got used to being someone's possession lacking the basic human instinct to protect their identities.

It is also noted that in the peasant community itself, abuse became an integral part of exercising controlling power of man over man. Widespread lynchings and cruelties in the peasant environment are depicted in Ertel's prose, especially in his novel *The Gardenins*...

The realist writer was also a protector and an educator of the people: knowing firsthand about the atrocities and abuse among the peasants, Ertel was convinced of the paramount need to free the people from oppression, to enlighten and educate them.

Key words: A. I. Ertel; Stepniak's Notes; corporal punishment; peasants; people's lynching; landlords; serfdom; cruelty; judicial legislation; justice

For citation: Smirnova I. Yu. «Whip» and «yoke» in A. I. Ertel's prose: the problem of corporal punishment in fiction. *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(3):30–41. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-30>. <https://elibrary.ru/VOMCVS>

Введение. Проблема телесных наказаний в России второй половины XIX в., ее отражение в литературе

Произведения художественной литературы нередко становятся одними из ярких свидетельств жизни народа в определенное время и раскрывают многие причины и следствия общественных проблем. В русской классической литературе XIX в. наиболее остро поставлены самые важные духовно-нравственные и социальные проблемы жизни людей. Ю. В. Лебедев точно отметил, что «художественное освоение жизни в русской классической литературе никогда не превращалось в сугубо эстетическое занятие, оно всегда преследовало живую духовно-практическую цель» [Лебедев, 2014, с. 305]. Главной задачей русских писателей было творческое преображение жизни, борьба с проблемами государственного устройства, общественными пороками, нравственными изъянами людей.

Тема телесных наказаний в России оставалась актуальной вплоть до 1910-х гг. и была особенно широко обсуждаема во второй половине XIX в., во время активного пробуждения в обществе гражданского сознания. Телесные наказания были неотъемлемым элементом не только негласной расправы помещиков над провинившимися крепостными в маленьких уездных городках и имениях, но и законодательно закрепленным механизмом контроля порядка в общественно-культурной среде страны в целом, излюбленной карательной мерой со стороны волостных судов. Стивен Фрэнк, описывая телесные наказания в

России, отметил, что «сельские полицейские чины и уездные предводители дворян могли просить суды выносить приговоры о телесных наказаниях для сельских жителей, которые нарушали административный или правовой порядок, в то время как недавно созданным мировым посредникам было дано прямое право приказывать сечь крестьян» [Frank, 1997, p. 401]. Отметим, что не менее частым явлением было наказание в народной среде, когда крестьяне устраивали собственные суды и жестоко расправлялись с виновными в различных преступлениях и проступках.

Многовековое крепостное право укоренило в сознании людей необходимость удерживать власть и авторитет путем применения социального преимущества и физической силы. Закрепленное на законодательном уровне право помещиков и властей на телесные наказания крестьян заставляло простой народ смиренно терпеть барский произвол. Даже отмена крепостного права не дала народу гарантии на неприкосновенность личности: в России в отношении непривилегированных сословий продолжали применяться телесные наказания. Эти пережитки жестокого режима распространялись на «крестьянство, мещан, солдат, учащихся школ, подсудных и осужденных, т. е. всех сословий и групп населения, которые согласно существовавшим законам и обычаям подвергались за различные провинности телесным наказаниям кнутом, розгами, шпичрутенами и другими средствами избиения человека в целях устрашения его и других, „чтобы неповядно было“ совершать провинности хотя бы и в виде „неповиновения“» [Смирнов, 2010,

с. 48]. Трепетали перед страхом физической расправы и чиновники, хорошо усвоившие господствовавшую в царской России «власть кулака», распространявшуюся жандармами и административной верхушкой.

Строгие наказания и зверства по отношению к простому народу, а нередко и среди самого простого народа возмущали передовую интеллигенцию в лице писателей, публицистов, критиков. Ю. В. Бубнова справедливо отметила, что при серьезной и глубокой изученности проблемы телесных наказаний в Российской империи в плане законодательства и судебной практики, вопрос восприятия этого факта обществом XIX в. в достаточной мере еще не освещен [Бубнова, 2020, с. 64]. В плане понимания отношения к телесным наказаниям разных групп населения, укорененности этой меры воздействия на человека в обществе одними из лучших свидетельств являются реалистические произведения русской литературы второй половины XIX в., которые дают наглядную картину истязания народа, долгое время остававшегося практически бесправным. Примечательно, что к вопросу телесных наказаний в русской классике обращаются даже исследователи-юристы [Урусов, 2004].

О телесных наказаниях писали как классики (Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.), так и писатели-народники (Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, Н. Г. Помяловский, Г. Успенский и др.), авторы демократического направления, большое внимание уделявшие жизни крестьян. Особенное внимание на вопросы жестокости в крестьянской среде, проблему телесных наказаний в применении к народу обратил А. И. Эртель.

В задачи данной статьи входит осмысление изображения телесных наказаний в прозе А. И. Эртеля, анализ авторского отношения к указанной проблеме, а также уяснение художественных методов и средств изобразительности, использованных писателем для передачи актуальности и серьезности вопроса, без решения которого, по мнению Эртеля, не могла идти речь о правах человека в русском обществе, о гуманном отношении людей друг к другу.

Эртель наглядно продемонстрировал в своих произведениях бесправное положение простого народа, его отсталость и забитость. Многолетний труд на должности управляющего имением позволил писателю запечатлеть в памяти и перенести в тексты произведений многочисленные образы представителей разных социальных слоев,

которые привыкли вымещать свою злость и недовольство на окружающих, унижая последних и вовлекая их в порочный круг физической расправы над слабыми. Эртель знал и все ужасы крестьянского мира. С детских лет он был близок с простым народом, знаком с мировоззрением крестьян, их привычками, нравами, понимал беды и темные стороны жизни мужиков, на протяжении всей жизни не только умел сочувствовать тяжелой доле людей, но и реальным делом стремился помочь им. В голодный 1891 г. Эртель выступил в качестве мецената, осуществляя сбор средств для пострадавших крестьян, по его инициативе в селе была построена школа для крестьянских детей (где впоследствии давала уроки его жена). В своей литературной деятельности Эртель выступил не только обличителем крепостнических пережитков, но и ярким противником народных жестокостей, самосуда, тех строгих или даже страшных мер наказания, которые нередко изобретались самими обитателями деревни друг для друга.

Мы уже писали о «своеобразных качелях» писателя «между стремлением решить остро стоящие вопросы насущной жизни и пониманием невозможности их однозначного разрешения» [Смирнова, 2023, с. 127]. Однако несомненная заслуга Эртеля заключается в трезвом и реалистичном изображении общественной проблемы и в тех художественных приемах, благодаря которым читатель видит порочность мер, необходимость их искоренения.

Н. А. Дегтярев, рассматривая проблематику телесных наказаний в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского, отмечает, что тема физического и морального воздействия на учащихся в русской литературе была поднята фактически только к 1860-м гг. [Дегтярев, 2019, с. 126]. Вопрос о наказании крестьян за провинности был освещен в литературе и середины XIX в., однако с максимальной силой он воплотился именно в пореформенных произведениях.

Телесные наказания в книге очерков А. И. Эртеля «Записки Степняка»

Изображению телесных наказаний посвящено немало ярких примеров в первом цикле очерков Эртеля «Записки Степняка» (1860–1862). В книге Эртель воссоздает картину освобожденного по сути, но продолжающего быть угнетаемым народом: «И народ не из бойких населяет эти поля. Угрюмая низменность и томительное однообразие края словно отозвались на нем <...> Зато он

помнит все ужасы крепостного права <...> Он прежде всего землепашец. Не уважает новшеств, презирает городские нравы, плохо верит начальству <...> Своеобразен и противоречив он (как и во всем) в своих понятиях о нравственности и праве» [Эртель, 1909, с. 15].

Эртель показывает, что система телесных наказаний развратила не только помещиков и управленцев, но сделала послушными рабами крестьян, которые стали обращать применяемые к ним меры в отношении еще более слабых. Парадокс, по мнению Эртеля, кроется в трепете и благоговении народа перед властями в лице волостных старшин, чиновников, господ, ворующих и наживающихся на их бедности, и неприкрытой «варварски холодной жестокостью», с которой этот же народ готов «забывать до смерти мелкого воришку, попавшегося с хомутом или холстами» [Эртель, 1909, с. 15]; в стремлении мирно, не прибегая к суду «по одной „мужицкой“ совести» развести мужа и жену и по этой же совести «пороть сноху, обрутавшую распутника-свекра „черным словом“» [Эртель, 1909, с. 16]. Не осуждая и не давая оценку явной неправомерности и даже жестокости этих нравов, писатель резюмирует: «Он [народ] таков, каким его воспитало многовековое ярмо» [Эртель, 1909, с. 16].

В Толковом словаре Ожегова слово «ярмо» имеет два значения: 1. Деревянный хомут для рабочего рогатого скота; 2. *перен.* Бремя, тяжесть, иго (высок.) [Ожегов, 1960, с. 57]. Данные определения помогают раскрыть семантику использованной Эртелем метафоры, из которой следует, что крепостное право для народа стало узаконенным способом эксплуатации человека человеком, подобно использованию рабочего скота; в нравственном (высоком) смысле крепостничество стало тем самым бременем для простого народа, которое возложило на его плечи многочисленные обязанности и обязательства перед баринем, заставляя терпеть бесконечную финансовую нужду, моральные унижения и даже телесные наказания. Эртель искренне сочувствовал русскому народу, как И. С. Тургенев в поздний период творчества, он искренне верил, что «не уникальная личность, а православный народ является выразителем исторической воли», что «главная мера и оценка всего» – «интерес народа и возможность его присутствия в деле» [Феномен, 2022, с. 444].

Из двадцати рассказов и очерков, вошедших в цикл «Записки Степняка», семь содержат в себе сцены применения телесных наказаний. Физиче-

ская расправа нашла свое выражение в лексемах и устойчивых сочетаниях: «палочек отведать», «лупить по пяткам», «сотворить звонкого подзатыльника или оглушительной затрешины», «намять бока», «всыпать», «полыснуть», «садануть», «высечь», «засыпать», «выпороть», «потрясти за виски». Упоминаются и орудия, к помощи которых прибегали для причинения наибольшего физического страдания: плети, кнут и розги.

Исходя из того, представителем какого сословия являлись истязатель и его жертва, нами были выделены в книге очерков три семантические группы: 1 – наказание крестьянина помещиком или человеком, представляющим интересы помещика; 2 – наказание крестьянина купцом (кулаком); 3 – расправа крестьянина над крестьянином.

Интересно отметить, что к первой смысловой группе мы отнесли всего два рассказа. В очерке «Визгуновская экономия» изображается имение Визгуновка, хозяева которой уже несколько лет живут за границей, а дворовые люди и крестьяне продолжают поддерживать в усадьбе строгие крепостные порядки, рьяно охраняют и контролируют которые управляющий – старик Пантелей Антипыч – и конторщик Ефрем Алкидыч. Именно они вершат суд над провинившимися мужиками и бабами. И только за неуважительное обращение к нему конторщик бросается с метелкой за бабой, поддерживаемый криками собравшегося народа: «*Луни её по пяткам-то!.. Луни её, шельму... Швырк-то в нее, Алкидыч!...<...>* Мужики и бабы помирали со смеху» (курсив автора статьи) [Эртель, 1909, с. 146]. Автор использует сниженную лексику и просторечия, подчеркивая отсутствие образования у крестьян. Слово «шельма» в толковом словаре Ушакова отмечено как *разг., бран.* Оно характеризует ловкого, плутоватого человека или того, кто уличен в мошенничестве – мошенника, негодяя [Толковый словарь, 1940, стб. 1332]. Бранные слова, равно как и нецензурная лексика, были широко распространены в речи крестьян. В момент эмоционального пика разбушевавшаяся толпа охотно поддерживает истязателя, выкрикивая оскорбления по отношению к жертве.

Физическая расправа являлась допустимой не только по отношению к мужчинам, но была применима и к женщинам, при этом стала методом, привычным для народа. Несчастные бабы порою не только не находили защиты в лице своих односельчан, но оказывались объектом для всеобщей потехи. Анализируя телесные наказания,

применяемые к женщинам в XIX в. в качестве меры воздействия на проступки и нарушение порядка, исследователь И. А. Попп показывает их двойственность. С одной стороны, подобное наказание было несомненным злом, которое унижало человека, с другой стороны, порочное отношение к женщине привело не только к забитости слабого пола, но и к примерам вызывающей распущенности. И. А. Попп отмечает, что простой народ порою не мог обходиться без физического усмирения, что в деревнях процветали кражи, прелюбодеяния со стороны женщин, без своеобразного физического внушения не понимавших оснований для необходимости изменения. «Некоторые образованные мировые судьи связывали рост краж в крестьянской среде с „мягким” отношением к слабому полу»; «Волостные судьи проявляли негативное отношение к крестьянкам, которые отличались „непокорностью”, изменяли своим мужьям или разрушали чужие семьи» [Попп, 2024, с. 240].

Как ни парадоксально, в очерке Эртеля именно на привычке подчиняться и бояться строилась «визгуновская экономия», позволяющая имениннику существовать в привычном крепостническом русле. С приходом нового хозяина — купца Мордолупова — Визгуновка быстро утратила свое величие, превратилась в источник дохода за счет строительства винокурни, свинарников и маслобойни. Потеряли прежнее равновесие жизни и мужики: «...избаловались мужичишки. Пьянство такое открылось, что Боже упаси!», — резюмирует Пармен спустя всего 3 года после продажи имения. Таким образом, дворянские усадьбы в 1870-е гг. если и продолжали функционировать, то жизнь в них поддерживалась по инерции, представляя собой скорее привычку людей существовать именно так, как было завещано поколением отцов и дедов, свято чтивших патриархальные законы и безоговорочно принимавших власть господ.

В очерке «Барин Листарка» «малодушный» дворянин Аристарх Алексеевич Тетеркин с ностальгией вспоминает о временах расцвета крепостного права и рассказывает о барине Антоне Рафаиловиче Воронове, который своих мужиков не щадил, а «чуть не по нем — плетями! В кнуты!.. Розог!» [Эртель, 1909, с. 190]. Хотя все перечисленные средства использовались для наказаний, отличавшихся жестокостью, именно розги были самым распространенным орудием наказания для всех сословий. В статье «Бить или не бить» И. А. Попп, ссылаясь на труды комиссии

сенатора М. Н. Любошинского, отмечает: «Телесное наказание розгами есть самое употребительное, ибо розог опасаются больше всех других наказаний» [Попп, 2024, с. 240]. Героя-дворянина Тетеркина в очерке Эртеля до глубины души оскорбляет тот факт, что нынешние дворяне считаются с мнением мужиков, позволяют им сидеть в присутствии господ и говорят «вы». В образе Тетеркина Эртель комично обличил пережитки помещичьих привычек и нравов, не случайно сами мужики дают своему хозяину ироничное прозвище «барин Листарка».

В. Г. Андреева отметила, что Эртель «прекрасно понимал, что былого великолепия дворянских усадеб не вернуть, он смог осознать и показать читателю причины заката дворянской усадебной жизни: практическую неспособность молодых помещиков к активному труду, отрыв от почвы, нежелание бороться за будущее благополучие родных мест» [Андреева, 2020, с. 117]. Тот факт, что в цикле «Записки Степняка» представлен всего один рассказ о зверстве помещика над крепостными, дает нам возможность сделать вывод о том, что в 1870-е гг. власть дворян находилась в сильнейшем упадке, авторитет господ перед народом больше не носил характера бесспорного рабского подчинения, поэтому мужики больше не «ломали шапок» при виде барина, ощущая себя свободными, но еще по инерции позволяли манипулировать собой.

Ведущую роль в формировании финансовых взаимоотношений и нравственных влияний в новую капиталистическую эпоху начали играть купцы и кулаки. Люди, сумевшие в эпоху смуты воспользоваться бедственным положением простого народа, нажить огромные состояния, приобрести влияние в высших кругах, умело манипулировали крестьянами, владели рычагами психологического воздействия на мужиков, а также не боялись прибегать к методам физических наказаний, допускаемых законом. Эртель изображает ту бездну безнравственности, в которую погружается общество, ставшее заложником власти Мамоны. В очерках «Криворожье», «Поплёшка» и «Крокодил» писатель касается вопроса телесных наказаний, применяемых со стороны зажиточных купцов и кулаков в отношении крестьян.

В рассказе «Криворожье» состоятельный мельник Лазарь Парамоныч за пропавшую с обеденного стола утку намеревается высечь кухарку Степаху. Не потому, что нечего есть, а для того, чтобы в следующий раз неповадно было. В

очерке «Поплётка» 25-летний «старик» жалуется на самодурство зажиточного попа (отца Агея), имеющего собственный каба́к и держащего всю деревню в финансовой кабале. Образы нищего бесправного мужика и богатого властного попа являются яркими антиподами. Эртель не случайно использует антитезу: мощный контраст в изображении героев не только помогает раскрыть ключевые качества героев, но и позволяет усилить впечатление от конфликта произведения. На вопрос, почему никто не жалуется на произвол, Поплётка скажет: «Попробуй-ка... Он тебе, брат, таких... Он тебе таких засыпет!... Поп он гордый, не любит жалоб» [Эртель, 1909, с. 65]. В этом отказе от борьбы за свои права видится губительное влияние крепостного строя, превратившего людей в рабов и так глубоко поразивших их сознание необходимостью подчиняться и терпеть.

Очерк «Крокодил» знакомит нас с начальником строительной артели Сазоном Психеичем (получившим прозвище Крокодил). Его власть над собой установили сами же работники, свято убежденные в том, что над мужиками обязательно должен быть контроль, а иначе не будет среди них ни порядка, ни заработка, а лишь разгул да пьянство. Наказание за нарушение дисциплины в артели Крокодила было самое жестокое: «...самая первобытная порка!.. У них, ежели закурил цыгарку парень на работе – пороть, зашел в каба́к – опять пороть, не послушал десятника или изругался матерным словом – снова и снова его пороть голубчик... Нравы спартанские!» [Эртель, 1909, с. 255]. Эртель намеренно вводит в контекст лексические повторы, акцентируя внимание читателя на слове «порка», указывая читателю не только на метод телесного наказания, но и на его регулярность и его продолжительность.

Даже самый юный «без малейшего признака пуха на бороде» [Эртель, 1909, с. 260] работник Ефим подчиняется этим первобытным порядкам. За курение цыгарки Сазон Психеич велит десятнику «потрясти его (Ефима) за виски» [Эртель, 1909, с. 260]. После трепки Ефимка в ноги поклонится Крокодилу и, сдерживая слезы, скроется в толпе.

Можно представить, насколько противоречивые чувства испытывает герой. Не случайно Эртель показывает контраст в поведении Ефимки: он ненавидит Сазона Психеича, остерегается его, а вместе с тем признает его авторитет. В. Б. Безгин точно отметил, что «крестьяне, по

их собственному свидетельству, боялись не физической боли, а оскорбления их человеческого достоинства позором публичного наказания. ... Лиц, подвергнутых публичной экзекуции, в деревне называли „поротыми“, и это клеймо оставалось на них до конца жизни» [Безгин, 2017, с. 83].

Несмотря на явное унижение, в очерке Эртеля мы видим добровольное закабаление мужиков, не способных к самостоятельному решению финансовых вопросов, социальных конфликтов и даже не владеющих навыком самодисциплины. Всё это были побочные явления многовековой крепостной зависимости, лишившей людей идентификации себя как полноценной личности.

Для крестьян применение телесных наказаний было обычным делом. Народ настолько привык быть собственностью, что практически утратил базовый инстинкт человека, заключающийся в защите своих границ. В самой крестьянской среде рукоприкладство также стало неотъемлемым элементом контроля власти человека над человеком. Согласно патриархальной традиции, закреплённой в «Домострое», старший мужчина в семье имел право применять физические наказания по отношению к остальным ее членам, отец мог побить прекословящего его мнению сына, муж мог проучить кулаком провинившуюся жену или непослушных детей. Для мужиков привычным было решать возникшие проблемы друг с другом путем применения грубой физической силы. В очерке «Мои домочадцы» Эртель рисует перед нами образ поистине русского богатыря – Михайло. Писатель сравнивает его по мощи и силе с былинным героем Бовою. «Михайло не пропускал ни единого живого существа без того, чтобы не сотворить этому существу *звонкого подзатыльника* или *оглушительной затрепщины*. Для чего это выделялось, он и сам не мог объяснить, – так, уж характер такой был у человека» (курсив автора статьи) [Эртель, 1909, с. 217]. Главной ценностью для мужика была сила: кто был сильнее, тот и прав, а «человек, не обладающий кулаком, подобным молоту, по мнению Михайлы, стоил лишь плевка» [Эртель, 1909, с. 217]. Герой даже не осознает, насколько безнравственно и опасно для окружающих его поведение. Он рассказывает другим «домочадцам», как, заночевав однажды в Улитиных двори́ках, совершил кулачную расправу над тремя мужиками, а потом заодно и над хозяином двора, имевшего неосторожность потребовать с Михайлы денег за ночевку. Повествует он об этом «са-

модовольно поглядывая на свой здоровенный кулачище» [Эртель, 1909, с. 223]. Самое удивительное, что никто из слушателей не осуждает Михайло, не пытается воззвать к его совести: «Опять никто ничего не ответил. Помолчали» [Эртель, 1909, с. 223]. Физическая расправа сильного над слабым была для крестьян привычной. Тем же, кто не обладал влиянием или физической силой, оставалось лишь смиренно терпеть, давая волю своему оскорбленному чувству человеческого достоинства и горькой обиде на несправедливость жизни. Так, мужичок Поплешка вымещает накопившуюся злость на убогой своей лошаденке: «...раза два подлетал он к лошаде и бил ее кулаком по морде, причем сердито и отрывисто кричал» [Эртель, 1909, с. 65]. Рассказывая о своей несчастной жизни, Поплешка то и дело «с какой-то детской злобой» [Эртель, 1909, с. 66] замахивается на скотину, словно стараясь на ней выместить всю горечь своих обид.

В. Г. Андреева замечает, что «крестьянский мир в книге Эртеля стеснен, темен, в нем идет непрекращающаяся борьба с бесом»: «Повторяющаяся в русской литературе XIX века сцена с истязанием лошади, непристойные песни, драки до увечий, семейные ссоры, избивание женщины, даже требование хомута соседу. Стало ли лучше крестьянину „на свободе“? Ответ на этот вопрос дает старичок на двадцать пятом году жизни — Поплешка, сообщающий герою, что по смерти барина в их деревне замудрил поп, ничего себе поп: „Поп гордый, поп богатый. ...В кабале мы у него, матушка!“». В очерке скрыто появляется мотив смерти. „Хомуточка, признаться, на шейку добывал...“, — говорит Поплешка и поясняет, что хомутом называется работа. Но у читателя, соотносящего изображение крестьянского мира в разных очерках, сразу воскресает в памяти фигура конокрадов из самой первой, вступительной главки, позволяя в полной мере раскрыть суть авторской метафоры: „Ты, как за хомут скотину-то у тебя пропили, легче бы петлю накинул на себя...“» [Андреева, 2013, с. 95].

Порка и избивание как приемы управления народом сверху и как методы расправы в народной среде

17 апреля 1863 г. Александром II был подписан указ, которым император «отменил клеймение, шпицрутены и кошки, отменил плечи для всех, кроме каторжников и ссыльнопоселенцев, освободил от телесных наказаний всех женщин,

кроме каторжанок и поселенок» [Смирнов, 2010, с. 49]. Таким образом, телесные наказания дольше всего применялись к заключенным и людям, отбывающим наказание в Сибири и других областях. В очерке Эртеля «Под шум выюги» перед нами предстает образ мужика Андреяна Семеныча, человека деятельного, умеющего здраво мыслить, усердно работать, потому имеющего крепкое хозяйство, просторную сосновую избу, стабильный доход. Из истории жизни Андреяна Семеныча мы узнаем, что за участие в бунте против насильного переселения крестьян, мужик был сослан в Сибирь, в Томскую, где и пришлось ему «палочек отвеждать» (курсив автора статьи) [Эртель, 1909, с. 31]. Речь идет о наказании розгами или шпицрутенами. Именно этот вид телесного наказания у заключенных считался наиболее жестоким и травмирующим, т. к. удары по телу даже через одежду приносили серьезные увечья (количество ударов обычно не ограничивалось). Уже по прошествии десятка лет Андреян Семеныч, сядя за стол, хватается за спину, сев на то, что «поясница одолевает... Должно, все палочки отзываются» [Эртель, 1909, с. 30]. Лишь в 1864 г. Судебная реформа полностью отменила телесные наказания в отношении людей, а «идея исправления человека получила значительный перевес перед идеей устрашения» [Смирнов, 2010, с. 49].

Несмотря на то, что на законодательном уровне физические наказания далее были запрещены, органы местного самоуправления еще на протяжении нескольких десятилетий применяли телесные наказания в отношении крестьян. Не сразу изменилось и народное сознание, произвол длительное время воспринимался как должное. Ю. В. Бубнова отмечает, что «...борьба за отмену телесных наказаний представляла собой часть комплекса мер, предусмотренных либеральной общественностью для уравнивания крестьян с другими сословиями в их правовом положении» [Бубнова, 2020, с. 66]. Вопросы об отмене телесных наказаний неоднократно поднимались земством. Цитируя статью «Хроника внутренней жизни», изданную в журнале «Русской богатство» за 1898 г. (этот уже конец XIX в.!) Ю. В. Бубнова отмечает негативное отношение земства и самих крестьян к наказаниям: «Об отрицательном влиянии телесных наказаний на общественную жизнь в деревне говорили и гласные саратовского земства от крестьян, упоминавшие, что „есть такие общества, в которых выбирать на общественную должность некого, пото-

му что все пороты”. „Сечение нисколько не исправляет, а только портит людей. Опозоренные крестьяне не занимаются и общественным делом. Вместо того, чтобы идти на сход, они идут в кабаки”» [Бубнова, 2020, с. 68].

В романе Эртеля 1889 г. «Гарденины: их дворян, приверженцы и враги» телесные наказания играют важную роль в процессе управления людьми. Власть над крестьянами в имении Гарденино сосредоточена в руках ярых сторонников патриархальной системы и преданных хранителей интересов господ – управляющего Мартына Лукьяныча Рахманного, конюшего Капитона Аверьяныча и конторщика Агея Данилыча Дымкина. Все они поддерживают свой авторитет строгостью по отношению к подчиненным, а также применением телесных наказаний. Первая же сцена в конюшне, где Капитон Аверьяныч проводит регулярный осмотр прекрасных барских лошадей, заканчивается избиванием молодого конюха Федотки, недосмотревшего за чистотой подстилки: «Капитон Аверьяныч внезапно побагровел <...> быстро подошел он к Федотке, у которого уж побелели и затряслись губы, *ткнул* его сжатым кулаком прямо в лицо» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 58]. Мы узнаем, что рукоприкладство является обычным делом в имении, и «зуботычина» или «удар костью» у конюхов не считались самой худшей мерой наказания. Страшнее было грозное слово: «В контору!», что означало бесповоротный и мгновенный расчет.

Образ управляющего имением – Мартына Лукьяныча – Эртель создавал, ориентируясь во многом на нрав и характер своего отца. Иван Александрович Эртель много лет занимал должность управляющего в имении Савельева, где зарекомендовал себя человеком твердой руки, беспощадным в своей власти над дворовыми и крепостными, требовательным до жестокости. В письме к В. Г. Черткову от 13 июля 1888 г. Эртель оставил характерные воспоминания об отце: «Будучи много лет управляющим во время крепостного права, прибегая много, конечно, раз к кулачной расправе и к другим жестокостям, он все-таки оставил после себя очень добрую память» [Письма А. И. Эртеля, 1909, с. 5]. Эти черты мы обнаруживаем в персонаже, созданном Эртелем. Особенно ярко проявились они в эпизоде, где во время объезда барских угодий Мартын Лукьяныч, Агей Данилыч, староста Ивлий и юный Николай Рахманный обнаруживают местных крестьян-однодворцев, ловящих сурков. При

виде этого произвола Мартын Лукьяныч «внезапно побагровел, сделал какое-то зверское, иступленное лицо с грубыми ругательствами помчался к рыжебородому <...> И, замахнувшись что есть силы, начал *хлестать* рыжебородого *нагайкой* по лицу и по чему попало» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 74]. Такая же участь ждала и «молодого малого в кафтане»: «Мартин Лукьяныч, наклонившись с седла, *ударом кулака* сшиб шапку с малого и, уцепившись *за волосы*, стал его *таскать*» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 75]. При этом несчастные контрабандисты не только не оказывают сопротивления, а покорно терпят удары, лишь «размазывая подолом кровь по лицу, и отчаянно ругаясь» [Эртель, 1985, с. 75].

Телесные наказания продолжали оставаться не только излюбленной мерой устрашения работников со стороны начальников, но и методом удержания власти старшего в семье. В роман «Гарденины» Эртель включает эпизод семейной «свары» (шумная перебранка, ссора), сопровождающейся дракой среди родственников [Эртель, 1985, с. 166]. В архиве ОР РГБ сохранился черновой листок, на котором Эртель сделал пометку: «Не забыть ввести главу: раздора в семье сельского старосты, это началось с того, что сын просится на заработку „на низ“ „в казаки“ а отец не пускает» (пунктуация автора) [Эртель, ОР РГБ Ф. 349 Картон 1 Ед. хр. 8 Л. 1]. Это примечание позволяет нам сделать вывод о том, что данная глава имела особое значение для писателя. Она вошла в первую часть романа под номером VII со следующей аннотацией: «„В казаки!“ – Домашний совет. – Из-за сапог и шапки. – Семейное побоище. – Распадение дореформенных крепей» [Эртель, 1985, с. 151]. Скандал в семье старосты Веденя разразился, когда сын Андрон решил жить своей жизнью, выйти из-под патриархальной власти отца, прямо заявив ему, что желает идти в казаки и распоряжаться своим заработком самостоятельно, отделиться от родителей, припомнив отцу, как тот запретил ему даже купить новые сапоги и шапку: «Андрон, стоя посреди избы и зуб-за-зуб выкладывая свои претензии» [Эртель, 1985, с. 166]. Отец же, пылая гневом, то и дело пытается схватить непослушного сына за бороду. Один раз старику удается подпрыгнуть и рвануть ее так, что «клок красно-рыжих Андроновских волос очутился в крючковых пальцах Веденя» [Эртель, 1985, с. 167]. С криком: «Ты, старый пес, уже при людях лезешь драться?» – бросается на защиту Андрона его

жена Авдотья, завязывается самая настоящая драка [Эртель, 1985, с. 167]. Дело о семейном раздоре в доме старосты решают на мирской сходке, во время которой и происходит «распадение дореформенных крепей», ведь старики решают встать на сторону Андрона и разрешить ему отделиться от отца. Таким образом, данная глава действительно становится очень важной. История конфликта в семье сельского старосты наглядно демонстрирует, насколько изжил себя патриархальный уклад крестьянской жизни: теперь угроза физической расправы оказывается бессмысленной перед стремлением человека отстаивать свои личные границы и право на счастье.

В раскрытии проблемы телесных наказаний в России пореформенного периода большое значение имеет эпизод первой части, главы XII. В канцелярии Фомы Фомича Турчанинова производится допрос подозреваемого в убийстве Агафокла – Кирюшки. Прежде чем представить мужика судебному следователю, становой распоряжается самостоятельно допросить его. В отвратительном вонючем чулане, по приказу Фомы Фомича, держат несчастного, не давая ему воды, но закармливая соленой селедкой. Когда молодой Николай Рахманный увидит, во что превратился подозреваемый, он содрогнется: «Закованный по рукам и ногам, в изорванной рубахе с какими-то подозрительными пятнами, босой, он выступал, как-то выпячивая грудь, откинув голову, беспокойно перебегая неестественно светлыми глазами. Лицо его было ужасно» [Эртель, 1985, с. 283]. Благодаря умело подобранным эпитетам, Эртель реалистично показывает читателю человека, лишившегося рассудка из-за истязаний. Его белое, бескровное лицо, лишенное эмоций, которые заменяют «мелкие неприятные судороги», его «однообразно скрипучий голос» позволяют осознать, что человеческую личность выбили из Кирюшки.

Николай сразу замечает, что Кирюшка не в себе. Фома Фомич бросается к подозреваемому с угрозами: «Запорю!.. Сгною!.. Вдребезги расшибу, ррракиля! Сознаться сейчас» [Эртель, 1985, с. 284]. Сцена выбивания из невинного признания до деталей продумана писателем. Эртель показывает нам человека, которого лишили возможности и права постоять за себя, решили добить или уничтожить без разбирательств. Глубоко и проникновенно представляет Эртель попытки Кирюшки изменить что-то, которые переданы через глаголы, иллюстрирующие тщетные действия и усилия: «...стоя среди

избы, он с неуловимой быстротой *шевелил* губами, что-то беззвучно *шептал*, *поводил* плечом, *переступал* с ноги на ногу, насколько позволяли кандалы» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 284]. Для передачи иступленного состояния героя, Эртель использует повторы, показывая одно и то же действие, одно и то же выражение: «Кирюшка продолжал шевелить губами с тем же видом мучительного напряжения» [Эртель, 1985, с. 284]. Во многом как и Ф. М. Достоевский Эртель в рассматриваемом эпизоде создает эффект телесного сопереживания – читатель вместе с Николаем Рахманным тяжело воспринимает каждое движение Кирюшки и сопереживает: «Вовлекаясь в мир романа, переживая все многообразие воздействий – психологических, идеологических, религиозных, которым мы подвергаемся в процессе чтения, мы „заражаемся“ и физиологией героев, их жестикуляцией, особенностями их пластики» [Степанян, 2024, с. 157].

Читатель понимает, что от Кирюшки уже не дожидаться вразумительного ответа, но страшнее всего то, что и на его когда-то еще толковые ответы, и на последующий бред следует один и тот же ответ: «Тогда Фома Фомич *с размаху ударил* его чубуком по лицу» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 284]. Далее следует безобразная сцена избия Кирюшки становым, караульными и даже «благобразным» старичком в очках [Эртель, 1985, с. 282]. Примечателен этот эпизод в плане изображения слепой ненависти простых русских людей друг к другу, а также в плане живущего в каждом человеке из народа рабского страха жуткого произвола. Не случайно «здоровый малый в красной рубахе с черною, как смоль, бородой, с медно-красным лицом» представляется Николаю палачом, а чуть позднее Рахманному приходит в голову дикая мысль: «Ну-ка выпорют?».

Кэти Фриерсон в статье «Преступление и наказание в российской деревне: сельские концепции преступности в конце девятнадцатого века» рассматривает данные статистики и приводит очень жестокие примеры самосуда – «сельской практики, посредством которой крестьяне брали дело в свои руки и улаживали дело с подозреваемым преступником посредством физического наказания, позора или требования компенсации» [Frierson, 1987, p. 55]. Случай с избием Кирюшки в романе Эртеля позволяет читателю понять, что «преступление и наказание имели определенное и устоявшееся значение в сельской культуре» [Frierson, 1987, p. 55].

В позднем романе Эртеля «Карьера Стукова» 1895 г. также присутствуют сцены телесных наказаний. Несмотря на проведенные реформы и работу земств, физическое насилие продолжало существовать в крестьянском быту, сохранившем патриархальные пережитки, согласно которым муж имел полную власть над женой и по своей воле мог вершить над ней расправу. Из рассказа няни семьи интеллигентов Стуковых мы узнаем, что солдат Максим свою жену «Фросю тиранит, как Иуда какой из-за ревности» [Эртель, 1984, с. 438]. Поражает тот факт, что историю про то, как Максим свою супругу «измордовал» [Эртель, 1984, с. 438], няня рассказывает с большой иронией, «уморительно передразнивая» «ирода» и отмечая, что до того, как не запретил «идол» Фросе ходить «на стирку», от рассказов несчастной «животики надрывали!» [Эртель, 1984, с. 439]. Эртель показывает, что крестьянский мир темен и жесток, не готов вступить за женщину, фактически оставшуюся долгое время бесправной просто потому, что она не могла противостоять мужчине в физической силе. Противоположное народному мнению относительно вопроса рукоприкладства в семье имеет Наташа Стукова. Эта история до глубины души потрясает её своей бесчеловечностью: «Но это так невозможно оставлять, – вдруг разгорячилась Наташа, – необходимо вмешаться, необходимо усовестить его», – в ужасе восклицает героиня [Эртель, 1984, с. 440]. Изображая полные взгляды на проблему домашнего насилия, Эртель демонстрирует фактическую неразрешимость последней. Читатель прекрасно знает, что все призывы и воззвания искренней Наташи в ее собственной семье разбиваются о равнодушие ее супруга.

Эртель, всей душой сопереживающий тяжелой доле крестьян, был ярким противником применения антигуманных и бесчеловечных методов. В неизданной статье «Падет ли русское общество?» (1896), представляющей ответ на статью Л. Н. Толстого «Стыдно» (1896), созданную по просьбе сельских учителей, жаловавшихся на применение телесных наказаний в отношении крестьян, Эртель отмечает, что проблема применения физических наказаний является настолько очевидной, что «говорить об этом становится трюизмом» [Эртель. ОР РГБ. Ф. 349. Картон 4. Ед. хр. 13. Л. 4]. По мнению Эртеля, «авторитетное слово» Толстого, к которому привык прислушиваться весь цивилизованный мир, возымеет в деле «освобождении русского народа от раз-

вращающего влияния телесных наказаний» отнюдь не меньшее значение, чем множественные ходатайства комитетов и земских собраний» [Эртель. ОР РГБ. Ф. 349. Картон 4. Ед. хр. 13. Л. 3]. Эртель отмечает необходимость юридического контроля над данным вопросом, который обеспечил бы безопасность прав и свобод людей разных социальных слоев.

Итак, проблема телесных наказаний в пореформенной России оставалась актуальной вплоть до конца XIX в. Изменения в судебном законодательстве произошли, но еще долгое время в сознании людей жило и процветало право применять в отношении слабых физическую расправу. В процессе ломки общественного сознания большую роль сыграли писатели, которые ставили перед собой задачу обличить зверства и бесчинства, ставшие за многовековой период крепостного права нормой. В творчестве Эртеля вопрос телесных наказаний получил яркую реализацию. Писатель показал героев разных социальных классов, прекрасно проиллюстрировав масштаб проблемы, ее укорененность в русской жизни, постарался обозначить круг обуславливающих это порочное явление причин. Изображенные писателем картины русской действительности необыкновенно реалистичны, однако в своих произведениях Эртель выступил лишь в роли обличителя, оставляя право суда над героями жизни и читателям. Писатель прекрасно передал полное отсутствие уважения к личности и ценностям человека, которое царило в русском обществе конца XIX в.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А. И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. № 1(52). С. 107–119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009>
2. Андреева В. Г. Художественный мир книги очерков А. И. Эртеля «Записки Степняка» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 1. С. 93–97.
3. Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. Москва : Common place, 2017. 334 с.
4. Бубнова Ю. Г. Борьба за отмену телесных наказаний по решениям волостных судов российской империи на рубеже XIX–XX веков // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 2. С. 65–75. <https://doi.org/10.24411/2309-1592-2020-10008>
5. Дегтерев Н. А. Аксиологическая проблематика телесных наказаний в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 1. С. 126–129.

6. Лебедев Ю. В. Уроки классической русской литературы // Лебедев Ю. В. «О слово русское, родное». Страницы истории отечественной литературы. Кострома : КГУ, 2014. С. 302–321.

7. Ожегов С. А. Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. Москва : ГИС, 1960. 900 с.

8. Письма А. И. Эртеля. Москва : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1909. 410 с.

9. Попп И. А. «Бить или не бить?»: К проблеме телесных наказаний женщин в пореформенный период // Историко-педагогические чтения. 2024. № 28. С. 238–242.

10. Смирнов А. Г. Противоборство консервативного и либерально-демократического общественного мнения за отмену телесных наказаний в годы реформ (60-70-е гг. XIX в.) // Клио. 2010. № 4(51). С. 48–50.

11. Смирнова И. Ю. «Просвещение» или «обогащение»: о ценностях и состоянии русского пореформенного общества в цикле А. И. Эртеля «Записки Степняка» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>

12. Степанян Е. В. О проблеме «телесного сопреживания» читателя героям «Преступления и наказания» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2(26). С. 147–160. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-147-160>

13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1940. 1502 стб.

14. Урусов А. А., Тимко С. А. Телесные наказания в классической русской литературе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2004. № 4. С. 207–209.

15. Эртель А. И. Собр. соч. А. И. Эртеля. С портретом и факсимиле автора и критико-биографической статьей Ф. Д. Батюшкова: в 7 т. Т. 1. Москва : Московское книгоиздательство, 1909.

16. Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги : роман. Москва : Сов. Россия, 1985. 560 с.

17. Эртель А. И. Волхонская барышня: Повести / сост., автор вступ. сатъи и примечаний К. Ломунов. Москва : Современник, 1984. 495 с.

18. Эртель А. И. «Гарденины»: роман [1888–1889]. Черновые наброски. ОР РГБ. Ф. 349. Картон 1. Ед. хр. 8.

19. Эртель А. И. «Падет ли русское общество?» – статья (Ответ на статью Л. Н. Толстого «Стыдно») 1895–1996 гг. ОР РГБ. Ф. 349. Картон 4. Ед. хр. 13.

20. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / В. Г. Андреева, А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева [и др.]. Кострома : Костромской государственный университет, 2022. 512 с.

21. Frierson, Cathy. Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century. Slavic Review, 1987. № 1. P. 55–69. <https://doi.org/10.2307/2498620>

22. Frank S. P. Emancipation and the Birch: The Perpetuation of Corporal Punishment in Rural Russia, 1861–1907. Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas, 1997. № 3. P. 401–416.

Reference list

1. Andreeva V. G. Obraz usad'by i rodnoj zemli v povestjakh i romanah A. I. Jertelja = The image of the estate and native land in A. I. Ertel's novels and novellas // Novyj filologicheskij vestnik. 2020. № 1(52). S. 107–119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009>

2. Andreeva V. G. Hudozhestvennyj mir knigi ocherkov A. I. Jertelja «Zapiski Stepnjaka» = The artistic world of A. I. Ertel's essay book Stepaniak's Notes // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2013. Т. 19, № 1. S. 93–97.

3. Bezgin V. B. Muzhickaja pravda. Obychnoe pravo i sud russkih krest'jan = Peasant's truth. Common law and Russian peasants' court. Moskva : Common place, 2017. 334 с.

4. Bubnova Ju. G. Bor'ba za otmenu telesnyh nakazaniij po reshenijam volostnyh sudov rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vekov = The fight for the abolition of corporal punishment according to the volost courts' decisions in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2020. № 2. S. 65–75. <https://doi.org/10.24411/2309-1592-2020-10008>

5. Degterev N. A. Aksiologicheskaja problematika telesnyh nakazaniij v «Ocherkah bursy» N. G. Pomjalovskogo = Axiological problems of corporal punishment in “Sketches of a Bursa” by N. G. Pomialovsky // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Т. 25, № 1. S. 126–129.

6. Lebedev Ju. V. Uroki klassicheskoi russkoj literatury = Lessons in classical Russian literature // Lebedev Ju. V. «O slovo russkoe, rodnoe». Stranicy istorii otechestvennoj literatury. Kostroma : KGU, 2014. S. 302–321.

7. Ozhegov S. A. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva : GIS, 1960. 900 s.

8. Pis'ma A. I. Jertelja = A. I. Ertel's letters. Moskva : Tipografija T-va I.D. Sytina, 1909. 410 s.

9. Popp I. A. «Bit' ili ne bit'?»: K probleme telesnyh nakazaniij zhenshin v poreformennyj period = «To beat or not to beat?»: On the problem of corporal punishment of women in the post-reform period // Istoriko-pedagogicheskie chtenija. 2024. № 28. S. 238–242.

10. Smirnov A. G. Protivoborstvo konservativnogo i liberal'no-demokraticheskogo obshchestvennogo mneniija za otmenu telesnyh nakazaniij v gody reform (60–70-e gg. XIX v.) = Confrontation of conservative and liberal-democratic public opinion on the abolition of corporal punishment in the reform years (60–70s of the XIX century) // Klio. 2010. № 4(51). S. 48–50.

11. Smirnova I. Ju. «Prosveshhenie» ili «obogashhenie»: o cennostjah i sostojanii russkogo poreformennogo obshhestva v cikle A. I. Jertelja «Zapiski Stepnjaka» = «Enlightenment» or «enrichment»: on values and conditions of Russian post-reform society in A. I. Ertel's cycle «Stepniak's Notes» // Dva veka russkoj klassiki. 2023. T. 5, № 3. S. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>
12. Stepanjan E. V. O probleme «telesnogo sope-rezhivanija» chitatelja gerojam «Prestuplenija i nakazani-ja» = On the problem of the reader's «bodily empathy» with the heroes of Crime and Punishment // Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Filologicheskij zhurnal. 2024. № 2(26). S. 147–160. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-147-160>
13. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. T. 4. = Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols. Vol. 4. / gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov; pod red. D. N. Ushakova. Moskva : Sov. jencikl.: OGIZ, 1940. 1502 stb.
14. Urusov A. A., Timko S. A. Telesnye nakazanija v klassicheskoj russkoj literature = Corporal punishment in classical Russian literature // Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami. 2004. № 4. S. 207–209.
15. Jertel' A. I. Sobr. soch. A. I. Jertelja. S portretom i faksimile avtora i kritiko-biograficheskoj stat'ej F. D. Batjushkova: v 7 t. T. 1. = Collected works by A. I. Ertel. With a portrait and facsimile of the author and a critical biographical article by F. D. Batiushkov: in 7 vols. Vol. 1. Moskva : Moskovskoe knigoizdatel'stvo, 1909.
16. Jertel' A. I. Gardeniny, ih dvornja, priverzhency i vragi = The Gardenins, their servants, followers and enemies: roman. Moskva : Sov. Rossija, 1985. 560 s.
17. Jertel' A. I. Volhonskaja baryshnja = A young lady of Volkhonka : povesti / sost., avtor vstup. sat'i i primechanij K. Lomunov. Moskva : Sovremennik, 1984. 495 s.
18. Jertel' A. I. «Gardeniny» = The Gardenins: roman [1888–1889]. Chernovye nabroski. OR RGB. F. 349. Karton 1. Ed. hr. 8.
19. Jertel' A. I. «Padet li russkoe obshhestvo?» – stat'ja (Otvét na stat'ju L. N. Tolstogo «Stydno») = «Will Russian society collapse?» – article (In response to L. N. Tolstoy's article «Shame») 1895–1996 gg. OR RGB. F. 349. Karton 4. Ed. hr. 13.
20. Fenomen jepicheskogo romana v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Tur-genev, L. N. Tolstoj, F. M. Dostoevskij = The phenome-non of the epic novel in Russian literature of the second half of the XIX century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky / V. G. Andreeva, A. V. Gulin, N. L. Ermolaeva [i dr.]. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2022. 512 s.
21. Frierson, Cathy. Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century. Slavic Review, 1987. № 1. R. 55–69. <https://doi.org/10.2307/2498620>
22. Frank S. P. Emancipation and the Birch: The Perpetuation of Corporal Punishment in Rural Russia, 1861–1907. Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas, 1997. № 3. R. 401–416.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 22.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Русский язык

Научная статья

УДК 811.161.1'37 + 81–112

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-42

EDN: UDOEXC

Деревня и село в истории русской административно-территориальной терминологии

Василий Иванович Супрун

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27
suprun@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории топографических терминов *село* и *деревня*, используемых в русском языке для обозначения сельских населенных пунктов. В истории русской административно-территориальной терминологии для обозначения разных типов (видов) населенных пунктов использовалось несколько терминов. Наиболее древними, имеющими неоспоримые соответствия в индоевропейских языках, являются лексемы *город*, *весь*, *село*. От глагола *селить* возник топографический термин-гипероним *селение*, который сузил свое значение до 'населенный пункт в сельской местности', в качестве гиперонима в языке стало использоваться терминологическое словосочетание *населенный пункт*. От префиксального глагола *поселить* возникли слова *поселок*, *поселение*. В древнерусском языке от глагола *драть* было образовано слово *деревня*, обозначающее первоначально 'очищенный от кустарника и деревьев участок, подготовленная в результате этих действий для посевов пашня'. У этих участков возникали сначала временные, а затем и постоянные постройки, на которые было перенесено слово *деревня*, ставшее топографическим термином, употребляющимся регулярно с XVIII века как обозначение небольшого сельского населенного пункта, хотя в диалектной речи на севере прежнее земледельческое значение сохранилось. В русской административно-территориальной терминологии возникла дихотомия *село* – *деревня*, предполагающая, что деревни находятся в подчинении селу в административном, духовном и социальном отношении. В южных регионах страны, где не было необходимости в специальных работах по расчистке земли от кустарников и деревьев, термин *деревня* ни в земледельческом, ни в топографическом отношении не использовался, поэтому возникла новая дихотомия *станица* – *хутор* на казачьей территории и *село* – *поселок* / *хутор* в прочих местах.

Ключевые слова: административно-территориальная терминология; топографический термин; гипероним; фразеологизм; село; деревня

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 25-28-20081 «Образ человека в зеркале региональной топонимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области)»

Для цитирования: Супрун В. И. *Деревня и село в истории русской административно-территориальной терминологии* // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 42–50. <https://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-42>. <https://elibrary.ru/UDOEXC>

Russian language

Original article

'Деревня' and 'село' in the history of russian administrative-territorial terminology

Vasily I. Suprun

Doctor of philological sciences, professor at the department of the russian language and methodology of its teaching, Volgograd state socio-pedagogical university. 400005, Volgograd, Lenin avenue, 27.
suprun@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Abstract. The article studies the history of the topographic terms село (a large village) and деревня (village), used in Russian to refer to rural settlements. In the history of Russian administrative-territorial terminology, several terms were used to denote different types of settlements. The most ancient lexemes, with indisputable correspondences in Indo-European languages, are город, весь, село. The topographical term-hyperonym селение, derived from the verb селить, narrowed its meaning to ‘settlement in the countryside’, and the terminological phrase населенный пункт was used in the language as a hyperonym. The words поселок, поселение derive from the prefixal verb поселить. In the old Russian language, the word деревня was formed from the verb драть, meaning originally ‘a plot cleared of bushes and trees, arable land ready for crops as a result of these actions’. By these plots, first temporary and then permanent buildings appeared, and the word деревня was transferred to them, which became a topographical term used regularly from the 18th century as a designation of a small rural settlement, although the former agricultural meaning remained in dialectal speech in the north. In Russian administrative-territorial terminology, there appeared the dichotomy село – деревня, suggesting that деревня was subordinate to село in administrative, spiritual and social terms. In the southern regions of the country, where there was no need for special work to clear the land of shrubs and trees, the term деревня was not used either agriculturally or topographically, so a new dichotomy станица – хутор arose on Cossack territory and село – поселок / хутор in other places.

Key words: administrative-territorial terminology; topographic term; hyperonym; phraseological unit; the words село; деревня

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation and the Administration of the Volgograd region, project No. 25-28-2001 «The image of a person in the mirror of regional toponymy (based on the names of settlements in the Volgograd region)»

For citation: Suprun V. I. ‘Деревня’ and ‘село’ in the history of Russian administrative-territorial terminology. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):42–50. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-42>. <https://elibrary.ru/UDOEXC>

Введение

После того как люди перешли к оседлости, у них возникла потребность в наименовании своих поселений и распределении их на типы (виды). Место для жилья восточные и южные славяне защищали оградой, поэтому крупное поселение называли: рус. город, белор. горад, болг., серб. град, хорв., босн. grad. Западные славяне, а вслед за ними словенцы и украинцы свое поселение называли просто местом (чеш. město, словац., словен. mesto, польск. miasto, укр. місто), но они защищали оградой свои сады и огороды: чеш. zahrada, словац. záhrada, польск. ogród. Этимологи предполагают, что на возникновение западнославянского топографического термина оказал влияние немецкий язык: ср.-верх.-нем. stat ‘место, город’ [Фасмер, т. 2, 1986–1987, с. 608], нем. Ort ‘locus’ i ‘civitas’ [Brückner, 1970, s. 330]. Из польского языка была заимствовано слово *мишанин* (польск. mieszczanin ‘горожанин’) [Фасмер, т. 2, 1986–1987, с. 616], которое первоначально использовалось для обозначения части горожан – мелких городских торговцев, ремесленников, низших служащих, домовладельцев и т. п., а затем получило отрицательную коннотацию ‘человек с мелкими, ограниченными интересами, узким кругозором; обыватель’ [БТС, 1998, с. 540]. В XII веке на территории Речи Посполитой появился административный термин miasteczko ‘городок’, которым обозначались поселения с

преимущественно торгово-ремесленным населением, городской инфраструктурой и планировкой, но уступающие по размерам и численности жителей городу. Важным признаком этих поселений была значительная доля еврейского населения, поэтому термин мог быть калькой слова на идиш שטעטל [штетл] ‘городок’. После присоединения Царства Польского к России в русском языке появился термин *местечко* [Хардин, 1897, с. 332], который сохранился и после того, как Польша обрела самостоятельность. Современные словари русского языка определяют значение этого слова ‘на Украине, в Белоруссии и в южных областях России: большое селение городского типа’ [БТС, 1998, с. 535], однако этот термин встречается также, например, в Ленинградской (14 местечек), Московской (3), Ярославской (10) областях.

У многих славян для обозначения небольшого поселения сохранилось праславянское слово *vīsi: белор. вёска, чеш. ves, vesnice, польск. wieś, wioska, словен. vas (судя по рефлексу редуцированного, заимствование из сербского), в.-луж. wjes, н.-луж. wjas. Лексема имеет убедительные соответствия в индоевропейских языках [ЭСШ, т. 1, вып. 3, 1968, с. 76]. В сербском и хорватском языках в XIV–XVI веках употреблялось слово с закономерным рефлексом редуцированного – vas и незаконным – ves. Оно зафиксировано в целом ряде топонимов, включая преобразованные с утраченной этимологией, впоследствии его заменил топографический тер-

мин *selo* [Skok, 1973, s. 567]. В древнецерковнославянских памятниках лексема ВЬСЬ встрети-лась более 100 раз. Помимо значения ‘деревня’, она имеет значение ‘поместье, усадьба, земель-ный участок’ [СтС, 1994, с. 162]. В древнерус-ском языке слово ВЬСЬ ‘селение’ также имело широкое хождение, словарь его фиксирует в 88 случаях [СДРЯ, т. 2, 2012, с. 280]. В современ-ном русском языке слово сохранилось с пометой *устар.*, оно входит в выражения *города и веси* и *по города и весям* ‘повсеместно, повсюду’ [БАС, т. 2, 2005, с. 458]. В XVIII веке его употребляли часто, слово *весь* ‘деревня’ встречается в трудах М. В. Ломоносова (1749), А. И. Богданова (1751) [НКРЯ]. В. Н. Татищев в 1750 году приводит ци-тату из Миней: «Родися Ольга в области Псков-ской в веси Выбутовской, яже ныне есть близ Пскова, града же онаго тогда не бе» [Татищев, 1995, с. 213].

Материал и методы исследования

Материалом для настоящей статьи послужили лексемы, обозначающие поселения разного типа в русском языке на фоне других славянских язы-ков. Слова для анализа черпались из словарей современного русского литературного языка, русских диалектных, этимологических словарей, текстов научной и художественной литературы, летописей, словарей славянских языков, данных Национального корпуса русского языка и тек-стов, размещенных в интернете. Основным ме-тодом исследования является описательный, ис-пользуются также элементы сравнительно-исторического и историко-сравнительного мето-дов, этимологический анализ, лингвокультуроло-гический и этнолингвистический подходы к рас-смотрению русской административно-территориальной терминологии.

Результаты исследования

У всех славян для обозначения поселения ис-пользовались слова, образованные от индоевро-пейской основы *сел-*, которая контаминировалась с основой *сед-* [Черных, т. 2, 1994, с. 152]. В древнецерковнославянских текстах слово *село* зафиксировано более 100 раз, оно имеет три зна-чения: 1. Место поселения, пребывания, мест-ность; 2. Жилище; 3. Пашня, поле [СтС, 1994, с. 600–601]. От этой же основы был образован глагол *селить* [СтС, 1994, с. 600], который дал гнездо приставочных дериватов, а они, в свою очередь, послужили основой для образования

существительных. Часть из них могла иметь промежуточную причастную стадию (*поселить* – *поселен* – *поселение*), но это могли быть и непо-средственные отглагольные суффиксальные производные: *селить* – *селение*. В русском языке отсутствовал напряженный ерь, поэтому появи-лась форма *селенье*. С помощью суффикса -ькь от глагола *поселить* было образовано существи-тельное *поселок* с последующей третьей лабиа-лизацией гласного [е]. Так возникли в русском языке новые топографические термины. К ним добавилось слово *посад*, образованное от основы *сед-/cad-*. В Хорватии и Сербии термином село/*selo* обозначалось поселение со своим кме-том – сельским старостой (*naselje kmetovske vlastele*) [Skok, 1973, с. 218]. Словенцы различали *vas* и *selo*, первое обозначало сельское поселе-ние, его дериваты и словосочетания были связа-ны с жизнью в сельской местности, а второе ста-новилось основой для слов, обозначающих кре-стьянский труд [Kotnik, 1950, s. 457, 573]. Болга-ры также связывают слова, образованные от ос-новы *сел-*, с крестьянским трудом: *селенец*, *сел-чанин*, *селаченин*, *селянец* и др. [Мичатек, 1910, с. 504]. В чешском языке для обозначения неко-рых типов селений и крестьян используются слова от основы *sed-*: *sídlíště*, *sídlo*, *sedlák*, однако прилагательное *selský* используется по отноше-нию к крестьянству, жителям деревни.

Особым лингвокультурным содержанием в русском языке обладает термин *деревня*. Он име-ет севернорусское происхождение, в других сла-вянских языках, включая близкородственные, неизвестен. Этимологически лексема связана с *драть*, *дерн*, *дергать* и др. Первоначально так обозначалось поле, освобожденное от деревьев и кустарников, подготовленное для выращивания злаков и других сельскохозяйственных растений, пашня. На нем мешающие заросли были удале-ны, *выдернуты*, *выдраны* из земли, что позволи-ло использовать участок для посевов. Позже сло-во *деревня* стало использоваться для обозначения небольшого поселения, расположенного у этого подготовленного для сельскохозяйственных ра-бот поля. Спустя много веков по этому же прин-ципу возникали хутора в разных местах России, но в качестве термина стал использоваться гер-манизм [Фасмер, т. 4, 1986–1987, с. 286].

В Словаре древнерусского языка XI–XIV ве-ков и в Словаре русского языка XI–XVII веков цитата из «Поучения» великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1053–1125), создан-ного на рубеже XI–XII веков [Гиппиус, 2003,

с. 68], отнесена к значению ‘небольшое крестьянское селение’ [СДРЯ, т. 2, 2012, с. 454], ‘поселение в один и ли несколько дворов с прилегающими к нему угодьями’ [СРЯ, вып. 4, 1975, с. 220]. Почитаем этот отрывок:

«И въ 20 того же мѣсяца, въ пятокъ, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Киеву внезапу, и мало в градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на монастырь, и възгоша Стефанечъ монастырь, и деревнѣ и Германечъ» [ПСРЛ, 1846, с. 99].

В тексте упомянуты два монастыря: Стефанеч — Кловский Влахернский монастырь, основанный преподобным Стефаном, настоятелем Печерского монастыря (1074–1077/78), позже епископом Владимира-Волынского (1090–1094), и Германеч — вероятно, Спасский Берестовский монастырь, основанный святителем Германом Новгородским (1078–1096) [Смолич, 1997; Мовчан, Харламов, 1976]. Половецкий хан Боняк (до 1070 — после 1113) в 1096 году дважды нападал на Киев. Во время первого набега он сжег загородный великокняжеский дворец в селе Берестове. В рассматриваемом отрывке описано второе нападение. Оно случилось 20 июля. Поскольку в то время использовался юлианский календарь, следует добавить к этой дате 5 дней, т. е. событие произошло ближе к концу месяца. *Безбожный* Боняк, больной чесоткой или иной болезнью кожи (*шелудивый*), сжег оба упомянутых монастыря и едва не въехал со своим войском в Киев. Он сжег также расположенное рядом с городом *болонье*. Этим словом в русских диалектах и сейчас называется ‘заливной луг, низменная луговая равнина у реки или озера’ [СРНГ, т. 3, 1968, с. 68]. Понятно, что на таком лугу жечь нечего, там должно что-то расти, что может сгореть. Известно, что приречная земля является плодородной, жители Киева должны были пользоваться ею для выращивания овощей и злаков. Эти посадки, которые в конце июля уже были готовы к сбору урожая, и сжег Боняк. Если на заливном лугу, на болонье, киевлянам не надо было проводить значительных работ по подготовке почвы для посадки растений, то другие места нужно было расчистить от кустарников и деревьев. В урочище около ручья Клов, притока Лыбеди, рядом с Влахернским монастырем [Киев, 1982, с. 264] киевлянами были расчищена от растительности земля и созданы *деревни* — участки пахотной земли, на которых выращивались злаки и другие растения. Боняк их тоже сжег. В

конце XI — начале XII века слово *деревня* еще не получило значение ‘поселение’.

Не все другие контексты, отнесенные в обоих словарях к топографическому значению слова *деревня*, являются убедительными. Так, в цитируемой грамоте купчей Михаила Федоровича и Юрия Вонцифорова конца XIV — начала XV века упоминается село Мидно (Медное), которое было вотчиной новгородского посадника боярина Онцифора Лукинича (†1367), а затем перешло к его сыну Георгию (Юрию) (†1417) [Собко, 1914, с. 460], продавшему его «з дере(в)нями и с пусто(ш)ми» [СДРЯ, т. 2, с. 454]. В словаре слово *пустошь* определяется как ‘незаселенный, неводеланный участок земли’ [СДРЯ, т. 4, с. 305]. Следовательно, покупателю Михаилу Федоровичу достались вместе с селом подготовленные и используемые для сельскохозяйственных работ участки — *деревни* и неподготовленные, неиспользуемые — *пустоши*.

О том, что еще в XVI и даже в XVII веке земледельческая семантика в слове *деревня* сохранялась, свидетельствуют однокоренные слова и дериваты этого слова, приведенные в словарях: *деревенный* (Учинились убытки великие въ деревенной недопашке. — 1626), *деревенский* (изъ деревеньской землѣ. — XV век), *деревениць* ‘тот, кто расчищает землю под пашню и селится на этом месте’, *деревный* (въ деревной недопашке. — 1627) [СРЯ, т. 4, 1975, с. 220]. Прилагательное *деревнинъ* отнесено к топографическому значению слова *деревня*, однако контекст свидетельствует о том, что оно является синонимом *деревный*: Убытковъ въ деревниномъ очищении не привести никоторыхъ (1596) [СРЯ, т. 4, 1975, с. 220]. В словаре приведено устойчивое словосочетание *деревенская празга* с отсылкой к слову *празга*, однако в соответствующей статье, а также в статьях *бразга*, *брызга*, *празда* ‘разновидность оброка, плата за пользование угодьем’ оно отсутствует [СРЯ, вып. 4, 1975, с. 220; вып. 1, 1975, с. 313; вып. 18, 1977, с. 126].

В «Домострое», составленном, по преданию, духовником царя Ивана IV Грозного протопопом Сильвестром (†1566), слово *деревня* используется только в значении ‘угодье, участок расчищенной земли’: «разсудный отец» «деревню пашет», «он с торгу, ей (дочери. — В. С.) выть (долю в имуществе, земельном участке и пр. — В. С.) наименит, а в деревне по тому же» [Домострой, 1867, с. 49]; «Всякому человеку с своего подворья, или с лавки поземь, и с деревни, и со всякаго угодия дани и пошлины, и всякие оброки плати-

ти...», «по смерти ему поминоки, дети его останутся с наделком, двор со всем запасом, или лавка с товаром, или деревня со всяким животом...» [Домострой, 1867, с. 115]; «Всякому человеку домовитому, у кого Бог послал свое подворейцо, или деревенку...» [Домострой, 1867, с. 143].

Земледельческое значение слова *деревня* сохранялось на севере России в XIX–XX веках: диалектный словарь фиксирует значение ‘пахотная земля и другие земельные угодья’ в 1822 году в Вологодской губернии, там же позже записаны свадебные причитания «Я думаю, батюшка, / Не деревню ли запродаю / Со полями, со чистыми, / Со лугами зелеными, / Со травами шелковыми». В 1933 году в Карелии записаны слова частушки «У милого за двором / Есть деревня-чернозем», значение ‘поле, пашня’ отмечено в Вологодской, Архангельской губерниях, в словаре В. И. Даля [СРНГ, т. 8, 1968, с. 13]. В 1885 году в Холмогорском и Шенкурском уездах Архангельской губернии записано слово *деревеница* ‘невеста, получающая в приданое пашню (деревню)’ [СРНГ, т. 8, 1968, с. 13].

В XVIII веке слово *деревня* как обозначение небольшого сельского населенного пункта уже употребляется регулярно. В записках и письмах В. Н. Татищева этим топографическим термином обозначаются сельские поселения не только в разных частях России, но и в зарубежных странах, куда выезжал автор. 10 мая 1717 года он занимался проверкой состояния пороха «из разбитого буера Люстига, которой лежит в деревне Папинцах» [Татищев, 1990, с. 33], 6 февраля 1721 года в доношении Я. В. Брюсу о целесообразности постройки нового металлургического завода на реке Исети сообщается об Ирбитской ярмарке, которая «в деревне малой и жителей только человек 10 или 20» [Татищев, 1990, с. 51], он предлагает «курени уктуские перевести к Арамили, Шиловой и к Косулиной деревням, дабы новому заводу здать простор», а «буде где есть в такой близости деревни, оныя и излишних бобылей от заводов свести в удобные места» [Татищев, 1990, с. 85]. В этом документе встречается любопытный контекст, в котором как бы восстанавливается этимология слова *деревня*, хотя, разумеется, это значение уже устарело к тому времени в языке: «леса под пашни росчищать в ближних деревнях весьма запретить» [Татищев, 1990, с. 86]. В документе от 13 февраля 1724 года устанавливаются иерархические отношения между терминами *слобода* и *деревня*: «Арамилской слободы деревню Щелкун

со всеми их владениями, и оные отмежевать» [Татищев, 1990, с. 96]. Однако деревни в это время могут обладать и самостоятельным статусом. 1 сентября 1724 года в памятной записке В. Н. Татищев отмечает: «Деревни, которые к заводам приписаны, оным быть в полной власти губернии или провинции» [Татищев, 1990, с. 103].

1 октября 1724 года Пётр направил указ сенату о направлении В. Н. Татищева в Швецию. В начале ноября 1724 года Василий Никитич выехал из Петербурга и 7 декабря прибыл в Стокгольм [Карелин, 1997, с. 21]. 23 сентября он выехал в морской порт Карлскруну, основанный королем Карлом XI в 1680 году как главная база шведского флота. В выписке из поденного журнала Татищева об осмотре им Арбугского канала и портовых сооружений в Карлскруне отмечается: «Прежде была деревня, жили 2 мужика, у которых король купил за 1200 битых талеров. <...> Купечества мало, и то самое убогое; более живут морские служители и мастера; матросов тут было малое число, человек до 100 на работе, а прочие живут в своих домах по деревням около моря и по островам...» [Татищев, 1990, с. 127]. Слово *деревня* встречается и в других документах В. Н. Татищева [Татищев, 1990, с. 142, 144, 145, 151 и др.]. Всего эта лексема упомянута в его записках и письмах 26 раз.

В современном русском литературном языке слово *деревня* используется в трех значениях: 1. Крестьянское селение. 2. Сельская местность (в противоположность городу). 3. Сельское население, крестьянство [БТС, 1998, с. 252]. В словарях не зафиксировано эмфатическое использование слова в значении ‘о недалеком, грубом, наглом, невоспитанном человеке’, как было произнесено это оценочное слово Раисой Захаровной (Людмила Гурченко) после ссоры с Надеждой (Нина Дорошина) в фильме «Любовь и голуби». С подобным значением в языке используется дериват *деревеница* [БТС, 1998, с. 252].

Слово *деревня* входит в состав нескольких устойчивых сочетаний. Термин *олимпийская деревня* ‘специально построенный поселок для участников Олимпийских игр’ является калькой англ. Olympic Village. Первое такое специально построенное для спортсменов жилье появилось в 1924 году в Париже. Это были простые деревянные постройки, которые были названы спортсменами и болельщиками *village olympique*. Впоследствии строились самые разные здания, включая многоэтажные дома и шедевры архи-

тектуры (Монреаль, 1976). За этими строениями закрепилось название Olympic Village, которое было переведено на все языки участников Олимпийских игр. В Олимпийскую хартию был включен раздел 39 «Олимпийская деревня» главы пятой [Глава 5. Олимпийские игры...].

Фразеологизмом с богатым историко-культурным контекстом является словосочетание *потёмкинская деревня* ‘о чем-либо специально устроенном для создания ложного впечатления видимого, показного благополучия, скрывающего истинное положение, состояние чего-либо’ [Фёдоров, 2008, с. 190]. Фразеологизм вошел во все словари, в них выдается за достоверность устройство по приказу князя Г. А. Потёмкина на пути следования императрицы Екатерины II в Крым декоративных подобий селений, чтобы якобы убедить её в успехах деятельности князя на юге России [Фёдоров, 2008, с. 190]. Однако академик А. М. Панченко убедительно доказал, что это был миф, сконструированный в окружении австрийского императора Иосифа II и посланников европейских держав, сопровождавших Екатерину II в Крым: «Их скепсис был скорее маской. За нею скрывался страх, что Россия сумеет осуществить свои грандиозные планы. В этой среде и появился миф о „потёмкинских деревнях”» [Панченко, 1999, с. 274]. Этот миф был подхвачен российскими конкурентами Г. А. Потёмкина, лег на почву событий из предшествующей биографии светлейшего князя Таврического, общего недоверия властям и стал частью русской фразеологии.

К литературным реминисценциям отсылает фразеологизм *на деревню дедушке* ‘по заведомо неполному, неточному адресу’ [БТС, 1998, с. 252]. Он является цитатой из рождественского (но по содержанию «антирождественского») рассказа А. П. Чехова, опубликованного 25 декабря 1886 года в «Петербургской газете». Главный герой рассказа Ванька Жуков пишет письмо дедушке, кладет его в конверт и подписывает адрес: «На деревню дедушке, Константину Макаровичу». Исследователи видят в этой фразе «эмблематический код русской ментальности» [Кучукова, Берберова, 2019, с. 62]. О. В. Захарова предлагает различать при понимании содержа-

ния рассказа эмпирический и художественный мир, в последнем адрес правилен, письмо доходит до адресата: «Чудо свершилось» [Захарова, 2020, с. 266]. Однако языковая действительность, использование фразеологизма носителями языка противоречит этой литературоведческой интерпретации.

Слово *деревня* входит также в состав паремий: *Что город, то норы, что деревня, то обычай. Какова деревня, такова и обьдня*. М. И. Михельсон, приводя эти поговорки, сравнивает их с аналогичными в немецком, английском, французском, итальянском языках и находит почти дословные варианты в текстах на греческом языке, особенно в сочинении византийского грамматика, математика и теолога Максима Плануда (Μάξιμος Πλανούδης, 1260–1305). Он также включает в статью русский эквивалент: *С волками жить, по-волчьи выть* [Михельсон, т. 2, 1994, с. 513].

Постепенно в русской административной системе сложилась дихотомия *село – деревня*. В селе был храм с церковным приходом, волостное правление, церковно-приходская или земская школа, лавка, мельница, кузница и другие учреждения промышленного и социального предназначения, а деревни входили в волость и приход. Однако в регионах могли быть отличия в реализации этой схемы: помимо сёл, существовали *слободы*, которые могли становиться волостными центрами, у казаков поселения делились на *станции* и *хутора*, а для неказачьего населения на этой территории использовался термин *посёлок*.

Поскольку на юге страны не было необходимости в серьезной подготовке земли под пашню, раскорчевке кустарников и деревьев, слово *деревня* в земледельческом значении здесь не было известно, а как топографический термин распространение получило только в конце XIX – начале XX века, да и то sporadически, в официальных документах, а в бытовой речи не использовалось, а затем и исчезло. В настоящее время в южных регионах России слово *деревня* в топографическом значении либо не используется, либо встречается крайне редко (табл. 1).

Таблица 1

Термин *деревня* среди административно-территориальных единиц регионов России

№ п/п	Регион	Количество сельских н. п.	Количество деревень	% от общего числа сельских н. п.
1.	Астраханская область	428	0	0
2.	Ставропольский край	737	0	0

№ п/п	Регион	Количество сельских н. п.	Количество деревень	% от общего числа сельских н. п.
3.	Краснодарский край	1725	0	0
4.	Республика Крым	1003	0	0
5.	Волгоградская область	1468	0	0
6.	Белгородская область	1574	1	0,06
7.	Воронежская область	1717	71	4,1
8.	Самарская область	1309	157	12
9.	Саратовская область	1778	218	12,3
10.	Пензенская область	1419	311	22
11.	Липецкая область	1600	891	56
12.	Рязанская область	2746	1544	56
13.	Кировская область	4320	3578	83
14.	Архангельская область	3929	3301	84
15.	Ярославская область	6024	5279	87,6
16.	Вологодская область	8006	7283	91

Многие населенные пункты на юге России возникли в результате переселения на свободные (*пустопорожние*) земли жителей центральных и северных регионов, которые приносили с собой и топографические обозначения. Так в некоторых южных губерниях появились деревни, но после ряда административных реформ они исчезли, были заменены другими административно-территориальными терминами. О том, что слово *деревня* использовалось ранее на юге страны, свидетельствуют некоторые топонимы: в Ростовской области имеются два хутора с названием Новая Деревня, в Ставропольском крае такие наименования у села и хутора, в Волгоградской области имеется хутор Красная Деревня.

Выводы

В истории русской топографической лексики для обозначения разных типов (видов) населенных пунктов используется несколько терминов. Наиболее древними, имеющими неоспоримые соответствия в индоевропейских языках, являются лексемы *город*, *весь*, *село*. От глагола *селить* возник топографический термин-гипероним *селение*, а от его префиксального деривата – *посёлок*, *поселение*. Позже в языке слово *селенье* было отнесено только к сельской местности, а гиперонимом стало словосочетание *населенный пункт*.

В древнерусском языке от глагола *драть* было образовано слово *деревня*, обозначающее первоначально 'очищенный от кустарника и деревьев участок, подготовленная для посевов пашня'. У этих участков люди строили сначала временные, а затем и постоянные здания, на которые было перенесено слово *деревня*, ставшее топографическим термином, употребляющимся регулярно с XVIII века как обозначение небольшого

сельского населенного пункта, хотя в диалектной речи на севере прежнее земледельческое значение сохранилось. Возникла дихотомия *село* – *деревня*, в которой село обозначало центр сельской территории и администрации, а деревня входила в их состав как подчиненная единица.

Перспективами настоящего исследования является рассмотрение регионально и исторически ограниченных топографических терминов *местечко*, *слобода*, *посад*, *погост*, *починок*, *станция*, *хутор* и др., определение их иерархических и синонимических отношений между собой и с рассмотренными нами словами.

Библиографический список

1. БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 2 / гл. ред. К. С. Горбачевич. Москва; Санкт-Петербург : Наука, 2005. 658 с.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1536 с.
3. Глава 5. Олимпийские игры. URL: <https://web.archive.org/web/20130812023544/http://noc.by/charter/chapter-5/> (дата обращения: 27.04.2025)
4. Гиппиус А. А. Сочинение Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. I // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2(6). С. 60–99.
5. Домострой: по рукописям Императорской публичной библиотеки / под ред. В. Яковлева. Санкт-Петербург : Тип ИАН, 1867. 196 с.
6. Захарова О. В. Рассказ Чехова «Ванька»: сюжет, жанр, интерпретации // Проблемы исторической поэтики (Петрозаводск). 2020. Т. 18. № 2. С. 160–267.
7. Карелин В. Г. В. Татищев в Швеции // Первые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН; УрГУ им. А. М. Горького, 1997. С. 21–24.
8. Киев : энциклопедический справочник / под ред. А. В. Кудрицкого. Киев: Глав. ред. Укр. совет. энцикл., 1982. 760 с.

9. Кучукова З. А., Берберова Л. Б. «На деревню де-душке»: некоторые особенности русской ментальности (на материале рассказов А. П. Чехова) // Научные известия (Нальчик). 2019. №16. С. 60–67.
10. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / предисл. и коммент. В. М. Мокиенко. В 2 т. Т. 2. Москва : Рус. словари, 1994. 936 с.
11. Мичатек : дифференциальный болгарско-русский словарь / сост. Л. А. Мичатек. Санкт-Петербург : Тип. В. Д. Смирнова, 1910. 664 с.
12. Мовчан И. И., Харламов В. А. Раскопки Кловского монастыря в Киеве // Археологические открытия 1974 года. Москва : Наука, 1975. С. 325–326.
13. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 27.04.2025)
14. Панченко А. М. «Потёмкинские деревни» как культурный миф // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. Санкт-Петербург : Юна, 1999. С. 462–475.
15. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. Том первый. Лаврентьевская и Троицкая летописи. Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1846. 270 с.
16. СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II / гл. ред. Р. И. Аванесов. Москва : Рус. яз., 1989. – 496 с. Т. IV / гл. ред. Р. И. Аванесов. Москва : Рус. яз., 1991. 559 с. Т. IX / гл. ред. В. Б. Крысько. Москва : Рус. яз.; ЛЕКСРУС, 2012. 480 с.
17. Смолич И. К. Русское монашество, 988–1917: [Возникновение, развитие и сущность]; Жизнь и учение старцев: [Путь к совершенной жизни]: [Пер. с нем.]. Москва : Православ. энцикл., 1997. 606 с. (Прил. к «Истории Русской Церкви»).
18. С[обко] Н. П. Георгий (Юрий) Онциферович // Русский биографический словарь / под ред. Н. П. Чулкова. Т. 4. Москва : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. С. 459–460.
19. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 3 / гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов. Ленинград : Наука, Ленингр. отд., 1968. 360 с. Вып. 8 / гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов. Ленинград : Наука, Ленингр. отд., 1978. 370 с.
20. СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 / гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. Москва : Наука, 1975. 372 с. Вып. 4 / гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. Москва : Наука, 1977. 405 с. Вып. 18 / гл. ред. Г. А. Богатова. Москва : Наука, 1992. 288 с.
21. СтС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Москва : Рус. яз., 1994. 842 с.
22. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. Москва : Наука, 1990. 440 с.
23. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Тома II и III: История российская. Часть вторая. Москва : Ладомир, 1995. 688 с. (Репринт с изд. 1963–1964 гг.).
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд., стер. Москва : Прогресс, 1986–1987.
25. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. Москва : Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
26. Х[ардин] Д. А. Местечки // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. Т. XX. Санкт-Петербург : Типо-литогр. И. А. Ефрона, 1897. С. 331–332.
27. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. 2-е изд., стер. Москва : Рус. яз., 1994.
28. ЭСШ – Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 3 / под руков. и ред. Н. М. Шанского. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 284 с.
29. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1970. 806 s.
30. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Uredili M. Deanović i L. Jónké. Su- rađivao u predradnjama i priredio za tisak V. Putanec. Knj. treća. Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973. 694 s.
31. Slovensko-ruski slovar / sest. J. Kotnik. Ljubljana : Državna Založba Slovenije, 1950. 736 s.

Reference list

1. BAS – Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka = The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Т. 2 / гл. ред. К. С. Горбачевич. Москва: Sankt-Peterburg : Nauka, 2005. 658 s.
2. BTS – Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language / гл. ред. С. А. Кузнецов. Sankt-Peterburg : Norint, 1998. 1536 s.
3. Glava 5. Olimpijskie igry = Chapter 5. Olympic games. URL: <https://web.archive.org/web/20130812023544/http://noc.by/charter/chapter-5/> (data obrashhenija: 27.04.2025)
4. Gippius A. A. Sochinenie Vladimira Monomaha: Opyt tekstologicheskoy rekonstrukcii. I = The Works of Vladimir Monomakh: Experience in textual reconstruction. I // Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii. 2003. № 2(6). S. 60–99.
5. Domostroj: po rukopisjam Imperatorskoj publichnoj biblioteki = Domostroy: from manuscripts of the Imperial Public Library / pod red. V. Jakovleva. Sankt-Peterburg : Tip IAN, 1867. 196 s.
6. Zaharova O. V. Rasskaz Chehova «Van'ka»: sju-zhet, zhanr, interpretacii = Chekhov's short story “Vanka”: plot, genre, interpretations // Problemy istoricheskoy po-jetiki (Petrozavodsk). 2020. Т. 18. № 2. S. 160–267.
7. Karelin V. G. V. Tatishhev v Shvecii = V. Tatishchev in Sweden // Pervye Tatishhevskie chtenija: tezisy dokla-dov i soobshhenij. Ekaterinburg : In-t istorii i arheologii UrO RAN; UrGU im. A. M. Gor'kogo, 1997. S. 21–24.

8. Kiev : jenciklopedicheskij spravocnik = Kiev : encyclopedic guide / pod red. A. V. Kudrickogo. Kiev: Glav. red. Ukr. sovet. jencikl., 1982. 760 s.
9. Kuchukova Z. A., Berberova L. B. «Na derevnju dedushke»: nekotorye osobennosti russkoj mental'nosti (na materiale rasskazov A. P. Chehova) = «To grandfather's village»: some features of Russian mentality (based on A. P. Chekhov's stories) // Nauchnye izvestija (Nal'chik). 2019. №16. S. 60–67.
10. Mihel'son M. I. Russkaja mysl' i rech'. Svojo i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznyh slov i inoskazanij = Russian thought and speech. Own and foreign. Experience in Russian phraseology. Collection of figurative words and allegories / predisl. i komment. V. M. Mokienko. V 2 t. T. 2. Moskva : Rus. slovni, 1994. 936 s.
11. Michatek : differencial'nyj bolgarsko-russkij slovar' = Michatek : differential Bulgarian-Russian dictionary / sost. L. A. Michatek. Sankt-Peterburg : Tip. V. D. Smirnova, 1910. 664 s.
12. Movchan I. I., Harlamov V. A. Raskopki Klovskogo monastyra v Kieve = Excavations at the Klovsky Monastery in Kiev // Arheologicheskie otkrytija 1974 goda. Moskva : Nauka, 1975. S. 325–326.
13. NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashhenija 27.04.2025)
14. Panchenko A. M. «Potjomkinskie derevni» kak kul'turnyj mif = «Potemkin villages» as a cultural myth // Panchenko A. M. Russkaja istorija i kul'tura: Raboty raznyh let. Sankt-Peterburg : Juna, 1999. S. 462–475.
15. PSRL – Polnoe sobranie russkih letopisej, izdanoe po vysochajshemu poveleniju arheograficheskiju komissieju. Tom pervyj. Lavrentievskaja i Troickaja letopisi = CCRC – The Complete Collection of Russian Chronicles, published by the highest command of the Archaeographic Commission. Volume one. The Laurentian and Trinity chronicles. Sankt-Peterburg : Tip. Je. Praca, 1846. 270 s.
16. SDRJa – Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.). T. II = Dictionary of the Old Russian Language (XI–XIV cc.). VOL. II / gl. red. R. I. Avanesov. Moskva : Rus. jaz., 1989. – 496 s. T. IV / gl. red. R. I. Avanesov. Moskva : Rus. jaz., 1991. 559 s. T. IX / gl. red. V. B. Krysko. Moskva : Rus. jaz.; LEKSRUS, 2012. 480 s.
17. Smolich I. K. Russkoe monashestvo, 988–1917 = Russian monasticism, 988–1917: [Voznikovenie, razvitie i sushhnost']; Zhizn' i uchenie starcev: [Put' k sovershennoj zhizni]: [Per. s nem.]. Moskva : Pravoslav. jencikl., 1997. 606 s. (Pril. k «Istorii Russkoj Cerkvi»).
18. S[obko] N. P. Georgij (Jurij) Onciferovich = Georgy (Yury) Ontsyferovich // Russkij biograficheskij slovar' / pod red. N. P. Chulkova. T. 4. Moskva : Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1914. S. 459–460.
19. SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 3 = Dictionary of Russian ethnic dialects. Issue. 3 / gl. red. F. P. Filin, red. F. P. Sorokoletov. Leningrad : Nauka, Leningr. otd., 1968. 360 s. Vyp. 8 / gl. red. F. P. Filin, red. F. P. Sorokoletov. Leningrad : Nauka, Leningr. otd., 1978. 370 s.
20. SRJa – Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. Vyp. 1 = Dictionary of the Russian Language XI–XVII cc. Issue I / gl. red. S. G. Barhudarov, red. G. A. Bogatova. Moskva : Nauka, 1975. 372 s. Vyp. 4 / gl. red. S. G. Barhudarov, red. G. A. Bogatova. Moskva : Nauka, 1977. 405 s. Vyp. 18 / gl. red. G. A. Bogatova. Moskva : Nauka, 1992. 288 s.
21. StS – Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam H–HI vekov) = Old Slavonic Dictionary (based on manuscripts of X–XI centuries) / pod red. R. M. Cejtin, R. Večerki, Je. Blagovoj. Moskva : Rus. jaz., 1994. 842 s.
22. Tatishhev V. N. Zapiski. Pis'ma 1717–1750 gg. = Notes. Letters 1717–1750 / otv. red. A. I. Juht. Moskva : Nauka, 1990. 440 s.
23. Tatishhev V. N. Sobranie sochinenij. Toma II i III: Istorija rossijskaja. Chast' vtoraja = Collected Works. Volumes II and III: History of Russia. Part Two. Moskva : Ladomir, 1995. 688 s. (Reprint s izd. 1963–1964 gg.).
24. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language. V 4 t. 2-e izd., ster. Moskva : Progress, 1986–1987.
25. Fjodorov A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka. 3-e izd., ispr. = Phraseological dictionary of the Russian literary language. 3rd ed., revised. Moskva : Astrel': ACT, 2008. 878 s.
26. H[ardin] D. A. Mestechki = Places // Jenciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona: v 86 t. T. HH. Sankt-Peterburg : Tipo-litogr. I. A. Efrona, 1897. S. 331–332.
27. Chernyh P. Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka = Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. V 2 t. 2-e izd., ster. Moskva : Rus. jaz., 1994.
28. JeSSh – Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language. T. I. Vyp. 3 / pod rukov. i red. N. M. Shanskogo. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1968. 284 s.
29. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1970. 806 s.
30. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Uredili M. Deanović i L. Jónké. Suradivao u predradnjama i priredio za tisak V. Putanec. Knj. treća. Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973. 694 s.
31. Slovensko-ruski slovar / sest. J. Kotnik. Ljubljana : Državna Založba Slovenije, 1950. 736 s.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 26.05.2025; approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-51

EDN: TAGGZR

Генезис жанра «рассуждение» в русском языке

Екатерина Александровна Кытманова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственный университет просвещения. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2

ekaterina__k@hotmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5200-2815>

Аннотация. Целью данной статьи является анализ происхождения жанра «рассуждение» и этапов его становления с позиций лингвокультурологического подхода и понимания жанра как культурной формы. Актуальность данного исследования вызвана необходимостью расширения теоретических представлений о жанре как о сложном лингвокультурном феномене, находящемся в непрерывном развитии и требующем интегрированного подхода, основанного на историческом принципе, для своего изучения.

В работе выделяются этапы «дореклексивной» стадии в становлении жанра, которые включают: формирование «социального заказа» на новую культурную форму; формирование личности, способной выполнить «социальный заказ» на новую культурную форму и «конкурс» культурных форм.

Доказывается, что «рассуждение» достигает «рефлексивной» стадии (т. е. появления номинации жанра) в произведениях протопопа Аввакума как в результате общих изменений, произошедших в коммуникативной ситуации и когнитивном развитии русского общества второй половины XVII в., так и благодаря индивидуальной рефлексии автора.

В ходе дискурсивного анализа полемической литературы представителей новообрядческой (Симеон Полоцкий) и старообрядческой (поп Лазарь, протопоп Аввакум) церкви делается вывод о формировании жанра «рассуждение» в рамках полемического дискурса в результате «конкурса» нескольких форм, которые, согласно риторической традиции, можно соотнести с судебным, совещательным и эпидейктическим типами речи.

Дается общая характеристика жанра «рассуждение» в его коммуникативном, когнитивном и семиотическом компонентах. Отмечено, что в коммуникативном компоненте жанр «рассуждение» отличается равностатусными отношениями автора и читателя и тяготеет к скрытому диалогизму, в когнитивном компоненте – основывается на сравнении, противопоставлении и оценке, а в семиотическом – сочетанием церковнославянского и русского языков.

Ключевые слова: жанр; «рассуждение»; культурная форма; полемический дискурс; лингвокультурологический подход; коммуникативный; когнитивный и семиотический компоненты жанра

Для цитирования: Кытманова Е. А. Генезис жанра «рассуждение» в русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 51–61. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-51>. <https://elibrary.ru/TAGGZR>

Original article

Genesis of the genre «reasoning» in the russian language

Ekaterina A. Kytmanova

Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of foreign languages, State university of education. 105005, Moscow, Radio str., 10A, bld. 2

ekaterina__k@hotmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5200-2815>

Abstract. This article aims at analyzing the origin of the genre «reasoning» and the stages of its evolution from the point of view of the linguo-culturological approach and understanding of the genre as a cultural form. The relevance of this study is caused by the need to expand theoretical understanding of genre as a complex linguo-cultural phenomenon which is constantly evolving and requires an integrative approach based on the historical principle for studying.

The author distinguishes the stages of the «pre-reflective» stage in the genre development, which include: forming a «social order» for a new cultural form; forming a personality capable of fulfilling the «social order» for a new cultural form and a cultural forms «competition». It is proved that «reasoning» reaches the «reflective» stage (i.e. the emergence of genre nomination) in the works of Archpriest Avvakum both as a result of general changes that occurred in the

communicative situation and cognitive development of the Russian society in the second half of the XVII century, and due to the author's individual reflection. The discourse analysis of the polemical literature written by representatives of New Believers (Simeon Polotsky) and Old Believers (priest Lazarus, Archpriest Avvakum) leads to the conclusion that the «reasoning» genre was formed within the framework of argumentative discourse as a result of the competition between several literary forms which, according to the rhetorical tradition, can be correlated with the judicial, deliberative and epideictic types of speech.

The article characterizes the genre in its communicative, cognitive and semiotic components. The communicative component features the equality of author–reader relationship and hidden dialogue, the cognitive one is based on comparison, opposition and assessment, and the semiotic component presents the combination of Church Slavonic and the Russian language styles.

Key words: genre; rassouzhdeniye (reasoning); cultural form; argumentative discourse; linguo-cultural approach; communicative; cognitive and semiotic components of the genre

For citation: Kytmanova E. A. Genesis of the genre «reasoning» in the Russian language. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):51–61. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-51>. <https://elibrary.ru/TAGGZR>

Введение

Если рассматривать жанр как историческое явление с позиций культурологии, то генезис жанровой формы, так же, как и культурной, осуществляется в несколько этапов: «возникновение новой потребности в обществе; осознание этой потребности; формулировка требований к необходимой новации; возникновение нескольких вариантов новации; конвенциональный выбор лучшего варианта. Далее происходит интеграция возникшей культурной формы в социальную практику, символическое освоение новации обществом в качестве своей; превращение культурной формы в норму или стандарт» [Флиер, 1998, с. 308].

Таким образом, первый этап формогенетического процесса в культуре представляет собой формирование «социального заказа» на новую культурную форму, за которым следует второй этап – появление людей, способных и готовых выполнить функции исполнителей этого «заказа»; на третьем этапе происходит «конкурс» предложенных обществу вариантов новой культурной формы, а заключительный этап генезиса культурной формы – интеграция этого варианта в действующую культурную систему.

Данное видение формогенеза можно сопоставить со стадиями развития жанра в концепции С. С. Аверинцева, согласно которой в историческом измерении жанр проходит две стадии: дорефлективную и рефлективную, соответственно двум состояниям литературы (дорефлективного и рефлективного традиционализма) [Аверинцев, 1986]. Функция речевого жанра на этапе его возникновения (начальная точка «дорефлективной» стадии) – вербальное обеспечение (обслуживание) некой деятельности, протекающей во внелитературной ситуации, следовательно, данную стадию можно соотнести с двумя первыми этапами гене-

зиса культурной формы. В процессе «конкурса» вариантов формы и конвенционального выбора происходит их осознание, рефлексия, которая ведет к обособленности жанра, его самостоятельности и закреплению за ним канона, что говорит о наступлении «рефлективной» стадии.

Ключевым моментом перехода от одной стадии к другой, на наш взгляд, является процесс номинации жанра. Несмотря на то, что жанр – результат коллективной деятельности, общественного сознания, в каждом конкретном авторском тексте мы имеем дело с индивидуальным сознанием, и момент рефлексии наступает у отдельно взятой личности, следовательно, момент зарождения жанра можно зафиксировать, по крайней мере в тех культурах, где личностное начало достаточно ярко выражено.

Об этом «проблеске» личностного сознания на фоне поддержки общественного сознания писал А. Н. Веселовский, анализируя условия становления эпической поэзии: «личный поэтический акт без сознания личного творчества, поднятие народно-политического самосознания, требовавшего выражения в поэзии; непрерывность предыдущего песенного предания, с типами, способными изменяться содержательно, согласно с требованиями общественного роста» [Веселовский, 2006, с. 61]. Концепции о том, что жанроопределение является прерогативой личности, придерживаются и современные ученые [Загуменнов, Маматов, 2023].

Целью данной статьи является анализ происхождения жанра «рассуждение» и этапов его становления с позиций лингвокультурологического подхода и понимания жанра как культурной формы [Кытманова, 2022].

Полемический дискурс в России XVII в. Формирование «социального заказа» на новую культурную форму

Несмотря на то, что научные тексты в жанре «рассуждение» появляются в русском языке лишь в XVIII в., формирование жанра начинается уже во второй половине XVII в. в полемическом дискурсе представителей официальной церкви и старообрядчества. В эпоху борьбы с расколом возникают новые формы коммуникации. Если письменная коммуникация в предыдущие эпохи протекала преимущественно в рамках религиозного и судебно-делового дискурсов, то с конца XVI – начала XVII вв. она осуществляется в полемическом (публицистическом) дискурсе.

Поводом к дискуссии послужило издание «Скрижали» (1656), труда некоего Иоанна Нафанаила, инициированное патриархом Никоном и призванное стать своеобразным комpendиумом текстов и обрядов православной литургии, объясняя её символичность.

В «Скрижали», однако, русские протопопы и попы увидели только апологию никоновских нововведений и разительные расхождения с основными положениями христианского вероучения предков и Символом веры. Их основные доводы против никоновских реформ были изложены в «Челобитной» Никиты Добрынина и «свитках» романо-борисоглебского попа Лазаря (1665–1666 г.). Со стороны официальной церкви последовал незамедлительный ответ в виде двух произведений: «Опровержения» Паисия Лигарида и «Жезла правления» Симеона Полоцкого, – хотя только последнее было утверждено Большим московским собором 1666–1667 гг. Ответом на «Жезл правления» были «Челобитная попа Лазаря царю Алексею Михайловичу» (1668) и «Книга бесед» (1668–1675) протопопа Аввакума, написанные ими в Пустозерске. Таким образом, интересующий нас дискурс охватывал около двадцати лет, за которые и был сформирован жанр «рассуждение».

В рамках нового полемического дискурса возникли новые коммуникативные отношения. Существовавшие в религиозном и судебном дискурсах отношения по типу «Я – Другой», где в качестве «Другого» были либо лица вышестоящие (Бог, царь, судья и другие представители власти), либо нижестоящие (ученики, паства), заменяются на отношения, предполагающие равенство и соперничество. В новых коммуникативных условиях респондентом говорящего/пишущего была уже не покорная паства, но

достойный и враждебно настроенный оппонент. Задача состояла в том, чтобы доказать свою правоту, разбив все доводы противника, что вызывало необходимость в аргументации.

В когнитивном плане изменения были также существенны. Спор о догматах веры перекрывался диспутом о «внешней» и истинной мудрости. Это был давний спор «латинства» с православием, который вел еще Максим Грек с Николаем Булевым, но особенно остро полемика проходила в русских юго-западных землях, где католическая контрреформация в лице иезуитов и униатов стремилась доказать православным несостоятельность их доводов в силу отсутствия в их землях образования и наук. Ожесточенные споры об этом вели Иван Вишенский с Петром Скаргой, а позднее – Исая Копинский с митрополитом Петром Могиллой.

Дискуссия охватывала не только вопросы веры и обрядовости, но знания, науки и языка. Так, иезуит П. Скарга, например, выступал не только против православия, но и церковнославянского языка, поскольку тот не имел школы, на нем не преподавались науки, свободные искусства, философия. Русские в противовес этому утверждали, что науки и литература – греховное дело, поэтому их нет на церковнославянском языке. Иван Вишенский рассуждал о «внешней мудрости», считая её *«хитрой и сварливой, любопретиральной»* премудростью, которая *«есть мерзска и глупа пред богом»* [Вишенский, 1955, с. 179].

В противостоянии Петра Могилы и Исая Копинского также возникают вопросы «истинного» и «ложного» знания: Исая Копинский горячо осуждал обращение Петра Могилы за научной помощью к своим религиозным противникам – католикам и протестантам, которые основывали обучение и познание на риторических традициях.

Аналогичная полемика сложилась и в России между никонианами и старообрядцами. Сосредоточенность данной полемики на проблемах невежества и знания показывает, что эти проблемы во второй половине XVII в. выходят на первый план. По замечанию Т. В. Панич, «обличение невежества в сочинениях, направленных против раскола, приобретает особое значение и используется их авторами в качестве средства дискредитации оппонентов» [Панич, 2024, с. 153].

Таким образом, «знание» становится новым референтом (темой сообщения) в полемическом дискурсе, а изменение референта, «предметно-смысловые (тематические) соображения», согласно Бахтину, являются одним из факторов,

подталкивающих говорящего к выбору определенного речевого жанра [Бахтин, 1986, с. 270]. Однако при отсутствии такового возникает необходимость приспособления старых жанровых форм к новым условиям коммуникации через разрушение конвенций средневековых жанров как религиозного (беседы, проповеди, толкования), так и судебного-делового дискурса (челобитные, послания).

В отличие от своих оппонентов, раскольники намеренно не хотели пользоваться инструментами диалектики и риторики, считая их неприемлемыми для истинных христиан, несовместимыми с православной верой, однако, беря за образец тексты апостольских посланий и отцов церкви и отталкиваясь от текстов никониан, они поневоле копировали риторические стратегии и приемы и тех и других, создавая своеобразный синтез аристотелевской риторики в её античной, новозаветной и схоластической формах, а также сочетая барочные приемы создания эмоциональности с сухой рациональностью судебной речи.

В плане формы сложилась парадоксальная ситуация: сторонники никоновских реформ и новой церкви использовали в своей полемике старые схоластические богословско-полемические трактаты, сочетая «традиции церковнославянской книжности с требованиями схоластического барокко» [Робинсон, 1974, с. 22], а старообрядцы вели активный поиск новых форм и в итоге стали создателями нового жанра – рассуждения.

Формирование личности, способной выполнить «социальный заказ» на новую культурную форму

Реформы в русской православной церкви, укрепление абсолютизма и ориентация на культурные модели западноевропейского общества, породившие раскол, способствовали также и развитию сознания русского человека, что отразилось в его речи и текстовой деятельности. Новым элементом в сознании стала самостоятельность мышления, относительная независимость от авторитетов Священного Писания и отцов церкви, на которые преимущественно опиралось средневековое мировоззрение.

Сознание русского человека «проснулось», приобрело самостоятельность в богословско-судебных дебатах второй половины XVII в. Согласно теории культурных формаций А. Н. Ужанкова, события указанного времени соответствуют третьей культурной формации, которая основана на «аутоцентризме» и для которой характерна «секуляризация сознания», «осознание

и выражение авторской позиции» [Ужанков, 2022, с. 18].

Однако это происходит далеко не сразу и не у всех русских писателей. Первоначально представители старообрядчества излагали свои взгляды на церковную реформу в челобитных, «свитках» и «росписях», обращенных к царю, которые даже были не столько взглядами, сколько подробным изложением несоответствий, которые раскольники принимали за проявление древних ересей.

Старообрядцы с надеждой писали царю свои челобитные, общаясь с ним на равных, в их текстах не было и намека на инвективу: «Тому единению челобитчика и царя способствовала особая целостность народа и власти, разрушенная Алексеем Михайловичем в его неудержимом стремлении укрепить абсолютизм» [Бекасова, Миронова, 2015, с. 86].

Однако жесткий отпор, который старообрядцы встретили со стороны властей и их приспешников в виде не только «возобличений» Симеона Полоцкого в «Жезле правления», но и в виде казней и ссылок, стал своеобразным триггером в запуске механизма рефлексии, которая и стала основой сопротивления и нового мышления.

По мнению психологов, саморефлексия является необходимым этапом в становлении теоретического мышления. Открытие рефлексии способствовало не только глубокому и тонкому постижению человеком своего внутреннего мира, осознанию своей личности, но также становлению абстрактного мышления, с механизмами самоанализа оттачивались и механизмы когниции. Согласно В. В. Давыдову, теоретическое мышление не вырастает из эмпирического, но имеет собственный цикл развития и ряд характерных черт, таких как анализ, рефлексия и мысленный эксперимент [Давыдов, 1986, с. 131].

Такой личностью, способной к рефлексивно-му мышлению и глубокому осознанию социальных процессов и духовных нужд русского народа, стал протопоп Аввакум. Через описание своего «Жития» протопоп Аввакум смог выработать свободу мысли, и её изложения на родном языке, отвлеченность от авторитетов прошлого, и был способен изменить вектор коммуникации – не от человека к Богу, а от человека к человеку (индивидуальный и массовый реципиент).

К существующим коммуникативным отношениям добавляется также тип «Я – Я», то есть возникает явление автокоммуникации, описанное Ю. М. Лотманом. По мнению ученого, передача информации по каналу «Я – Я» приводит к изменению самого этого «Я», перестраивает

сущность личности, делает её способной развивать большую духовную активность [Лотман, 2010].

Хотя рефлексия как личное отношение к предмету внимания пронизывает все тексты Аввакума, ему также не чужд тип коммуникации «Я – Другой», который позволяет ему оставаться в живейшем контакте с собеседником, запуская своеобразный маятник кодов и сообщений, составивший ритмический рисунок нового жанра. Здесь речь идет о способности «рассуждения» не только транслировать, но и генерировать новую информацию.

«Конкурс» культурных форм

Как уже было указано, в полемике вокруг порядовости и качества «старых» и «новых» книг участвовало несколько произведений, однако подлинное «состояние» новых форм, которое вылилось в полемическое обсуждение вопросов знания, его истинности, методов получения знания, обозначенное участниками спора как столкновение «внешней» и божественной мудрости, состоялось между «Жезлом правления» Симеона Полоцкого, «Челобитной царю Алексею Михайловичу» попа Лазаря и беседой «О внешней мудрости» протопопа Аввакума.

Хотя некоторые исследователи и относят «Жезл правления» к полемическим трактатам [Елеонская, 1978] или богословско-полемическим трактатам [Борисенко, 2015], полемическая ценность книги невысока. Система доказательств Полоцкого ограничена однотипными аргументами против раскольников, сводящимися, главным образом, к обвинениям последних в необразованности и глупости. Тексты раскольников, содержащие критику положений «Скрижали», предстают весьма сокращенными и лишены контекста, что позволяет Симеону Полоцкому создать «превратное впечатление о ходе мыслей своего оппонента» [Белянкин, 2013, с. 45].

Сомнения возникают также и по поводу отношения «Жезла» к трактатам, поскольку в трактате «обмен мнениями и критика занимают подчиненное место по сравнению с выражением собственной позиции; пересказ всех известных точек зрения фрагментарен, ссылки на авторитеты выполняют служебную функцию и предназначены для обоснования авторской идеи» [Касавин, 2009, с. 992]. Симеон Полоцкий ставил перед собой не столько задачу обоснования своей позиции в религиозном споре, сколько изложения постановлений и решений Большого Московско-

го собора 1667 г. Книга была обращена как к сторонникам старой веры, так и к широкой аудитории русского общества с целью перетянуть её на сторону официальной церкви и царской власти в полемике с раскольниками.

Многозадачность «Жезла» нашла отражение в его структуре. Это довольно объемное произведение (154 л.) содержит два обращения (к царю Алексею Михайловичу от патриарха Иоасафа и «Къ благочестивому читателю» от автора), два предисловия (к первой и второй частям книги), два эпиграфа из Псалтыри, 100 глав, каждая из которых разделяется на «обличение» и «возобличение», а также эмблему (графическое изображение жезла, составляющее единое целое с эпиграммой) и анаграмматические вирши, в которых автор зашифровывает свое имя.

«Возобличения» Полоцкого, по сути, представляют собой инвективы. Они редко посвящены абстрактным предметам, поскольку ставят своей целью опровергнуть конкретные высказывания раскольников, однако некоторые из «возобличений», касающиеся грамматических вопросов, могут быть рассмотрены в качестве примеров рассуждения, например «возобличение» на 10-е «обличение» Лазаря против изменений в написании имени Иисус.

Форма полемики, предложенная Полоцким, хотя и была малознакома русскому читателю XVII в., не знавшему схоластики, тем не менее, не отличалась новизной и вполне укладывалась в аристотелевские каноны судебной речи. Произносимые от имени судьи и обращенные к потенциальным судьям – читателям «возобличения» «Жезла» призывали «мысленными, блѣгоразумными смотрѣти очима», преследуя цель обвинять раскольников и оправдывать все постулаты новой церкви [Жезл, 1667, л. 18].

Аргументация Полоцкого в 10-м «возобличении» строится на доказательствах трех видов: использование топоса «аргументы от авторитета» (причем Грамматика Мелетия Смотрицкого является для автора более надежным источником, чем Священное Писание или Апостол (возможно, львовского издания 1639 г.), из которого Полоцкий приводит свидетельство Сивиллы о том, что в имени Спасителя заключается число 888); апелляция к «здравому» смыслу читателя (с помощью риторических вопросов: «ниже на оумъ комѹ ѿт православныхъ възиде, въ два лица Хрѣста Гда раздѣленіе») и собственные рассуждения.

Однако рассуждения Полоцкого не столько логические, сколько догматические. В них пре-

обладают глаголы «подобает», «годствует» и выражение «блюдомъ быти» [Жезл, 1667, л. 99–100]. Зачастую автор манипулирует фактами (например, утверждает, что в слове *Иисусъ* три слога в греческом, латинском и славянском языках, что не соответствует истине, поскольку в латинском языке — два слога (*Jesus*), а в славянском — четыре, но автор убирает неудобный «еръ» в еле заметный паерок — «с□с»), либо приводит суждения без всякого обоснования, а иногда даже нарушает нормы славянского языка.

Так, например, в ответе на 13-е обличение Лазаря о том, что в «Шестоднев» напечатано «Христосъ воскрьсе, никто же не върѣетъ», Полоцкий отвечает: «сѣѣбѣе ѿреченіе творить оувѣщаніе. Якоже здѣ, никтоже не върѣетъ, тожде знаменѣетъ, еже всакъ върѣетъ» [Жезл, 1667, л. 101].

Б. А. Успенский объясняет это явление тем, что Симеон Полоцкий «исходит при этом из латинской грамматики, где двойное отрицание означает утверждение; известно вообще, что он изучал церковнославянский язык по латинской грамматике — церковнославянский и латынь объединяются им как книжные языки» [Успенский, 1994, с. 347].

Несмотря на одобрение «Жезла» правящими кругами, в народе книга Полоцкого не пользовалась популярностью и ее агитационный посыл за новую церковь не привел к исчезновению старообрядчества. Возможно потому, что автору не удалось соблюсти ни одного из трех условий, вызывающих, согласно Аристотелю, доверие к говорящему, а именно: рассудительность, добродетельность и доброжелательность.

Никому не известный на Руси Симеон Полоцкий не мог похвастаться своей добродетельностью, его рассудительность, не опирающаяся на авторитетные для русского православия книги, не могла вызвать восхищения, а о доброжелательности в образе карающего жезла и говорить не приходится. Даже многочисленные афоризмы, к которым прибегал Полоцкий в надежде преодолеть «догматизм» русских людей, не вызывали ни понимания, ни сочувствия у читателей. Как справедливо отмечает Демин, «чем больше Симеон повторял или пояснял свои афоризмы, тем, следовательно, меньше он был уверен в читателях „Жезла“» [Демин, 1982, с. 72].

Таким образом, форма рассуждения, предложенная Полоцким и больше ориентированная на судебный тип речи, имела слабые стороны в коммуникативном (отсутствие контакта с массо-

вым реципиентом), когнитивном (догматизм) и семиотическом (опора на церковнославянский язык, а не живую русскую речь) не могла стать конкурентноспособной в русском полемическом дискурсе.

В отличие от Симеона Полоцкого, главная цель которого была угодить царю, старообрядцев интересовал поиск истины и восстановление справедливости. Так, поп Лазарь писал челобитную с целью предупредить царя о надвигающейся катастрофе, которая неизбежно наступит, если не отменить результаты церковной реформы.

Между тем «Челобитная» Лазаря нарушает жанровый канон как по объему (документ включает 30 глав), так и по содержанию. Структура челобитной представляла собой 3-частную композицию, включающую заголовок (формула адресата-адресанта); основную часть — содержание челобитной (подразделялась на казусную часть, где излагались обстоятельства дела, мотивы и основания обращения с просьбой и изложение просьбы, указание на те действия, которые были бы желательны для челобитчика в связи с его жалобой) и концовку — конечный протокол документа [Волков, 1974, с. 22].

Отступления от канона начинаются уже в заголовочной части, где Лазарь начинает не с привычного обращения к царю с перечислением всех его титулов, а с вопроса (*почто новіи учителя истожили крестъ Христовъ*), предваряемого краткой формулировкой обращения (*царю благородну*), за которой следуют цитаты из речей апостола Павла и Григория Богослова.

В заголовочной формуле также отсутствует фразеологизм *бе (бьют) челом* (или *бьет челом и извѣщает, бьет челом и являет, бьет челом и плачется*), который «всегда располагается между данными об адресате и сведениями о челобитчике. Отступления от этого правила необычайно редки» [Волков, 1974, с. 42–43]. Конечный протокол также не содержит необходимых формул, но раскрывает истинную цель «Челобитной»: «самъ себе вразумляй, насъ же юзниковъ благослови, содержащихъ законъ отецъ твоихъ, да и самъ отъ Бога благословенъ будешь» [Материалы, с. 284].

Примечательно, что в отсутствии обязательных частей «Челобитная» Лазаря содержит дополнительные, не свойственные челобитным, а именно «Преднаписаніе ко царю благородному». Постараемся определить назначение данной части исходя из семантики слова *преднаписаніе*. Словарь русского языка XI–XVII вв. дает следующее значение слова: «предварительные сведе-

ния, предисловие» [Словарь русского языка XI–XVII вв., 1992, с. 198], а Словарь русского языка XVIII в. наряду с «предисловием» упоминает «предписание» и «требование» [Словарь русского языка XVIII в., 2024, с. 216]. Хотя «Преднаписание» и помещается Лазарем в начало «Челобитной», его задачей является не вступление к основному тексту, а предписание, «советование» царю определенных действий, что позволяет отнести текст «Челобитной» к типу речей совещательных, согласно риторической традиции.

Что же касается способов убеждения, то в «Челобитной» используется больше примеров, чем рациональных доводов (энтимем). Лазарь апеллирует как к прошлому, начиная с истории рода Романовых, пример которого он являет царю Алексею Михайловичу, так и к апокалиптическим картинам будущего. Между тем, несколько глав «Челобитной» содержат части, которые сам Лазарь обозначил как «рассуждения» (глава 12 «О лживых учителях», 16 «О новой жертве», 21 «О святѣй церкви Христовѣ» и 26 «О горѣ, иже мимо ходитъ»).

В главе 12 Лазарь по сути ставит вопрос об истинном и ложном знании, хотя и формулирует его как рассуждение *«о лживых учителях»*, текст которого предваряется неточной цитатой из Евангелия от Матфея (6:22): *«Свѣтъильникъ тѣлу есть око, и аще око твое просто будетъ, не имый нѣкія части темны, все тѣло твое свѣтло будетъ; и аще око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ»*, вводящей тему ока-разума (*глаголетъ здѣ не чувственное око и тѣло, но умное*) [Материалы, 1876, с. 237]. Разум же, в понимании Лазаря, идет от церкви, отсюда и перифраз из 1 послания апостола Павла коринфянам (12:27) – *вы есте тѣло Христово и уди отъ части*, в котором речь идет о теле как церкви вселенской и ее частях (одной из которых являлась церковь коринфская) [Материалы, 1876, с. 238]. Таким образом Лазарь выходит на волнующую его тему разлада в русской православной церкви.

В следующей цитате содержится намек на никониан, которые считали себя сильными в языках, как и коринфяне (согласно толкованию Иоанна Златоуста) и которых апостол Павел намеренно оттесняет в последний ряд авторитетов: *«И ѿвохъ оубѣ положи бгѣ въ цркви пѣрвѣ айліѣвъ, второе пррѣоквѣ, третіе оучители: потомъ же силы, таже дарованіа исцѣлѣній, застѣплѣніа, правлѣніа, рѣди азѣкъвѣ»* (1Кор.12:28), а Лазарь относит к числу прочих: *«и овѣхъ положи Богъ въ церкви первое апосто-*

лы, второе пророцы, третіе учителя, потомъ же прочіхъ» [Материалы, 1876, с. 238].

Под «свѣтильником тела» Лазарь понимает учителей церкви, проводя параллель между евангельским текстом о друзьях и родственниках человека, которые могут оказаться людьми порочными, и чей развратный образ жизни может привести к гибели (Мф. 18:8), и ситуацией в русской новообрядческой церкви: *«Око есть свѣтитель, рука жѣ и нога прочіи учителя. И аще блаженное ученіе простирають намъ, подобаетъ такихъ откалатися и отскатися, аще и велики чиномъ будутъ. Унѣ есть съ послѣднимъ удомъ, еже есть учителемъ, внити въ царство небесное, нежели съ великими и многими учителями ввержену быти въ геену огненную»* [Материалы, 1876, с. 238], а их «блаженное ученіе» – в ложности и губительности для истинно верующих. Себе же автор приписывает дар *«разсужденіа дѣховимъ»*, то есть способность отделить истинное (от Духа Святого) учение от ложного, упоминание о котором также содержится в 12 главе апостольского послания.

Можно предположить, что «разсуждающий» тип речи был выбран Лазарем неслучайно: он пытался убедить царя принять правильное решение относительно судьбы русской церкви и опирался в этом на риторическое учение, возможно, почерпнутое им из так называемой Риторики Макария. Вероятность данного факта подтверждается тем, что Риторика была довольно распространена в церковных кругах, особенно у «справщиков» книг, к числу которых принадлежал и Лазарь. По данным исследователей [Анушкин, 2021], существовало не менее 34 рукописей, одна из которых была включена в сборник с «Книгой глаголемой Алфавит», созданный в Ярославле (Собр. Московской синодальной типографии № 1028), и, следовательно, вполне могла входить в круг чтения романо-борисоглебского попа Лазаря.

Тем не менее, форма рассуждения, избранная Лазарем, не могла быть конкурентоспособной по следующим причинам. Будучи частью челобитной, произведение имело не массового, а индивидуального реципиента, к тому же это было лицо не духовное (как Лазарь) и не располагающее достаточным знанием широкого контекста религиозной литературы, на который опирался автор в стремлении достичь своих целей. Препятствием к эффективной коммуникации был также низкий уровень рациональности и доказательности речи, с одной стороны, и высокая аллюзивная нагруженность и ригоризм – с другой.

В отличие от двух предыдущих рассмотренных нами «рассуждений», входивших в состав других текстов, беседа протопопа Аввакума «О внешней мудрости» является самостоятельным произведением, хотя и включенным в цикл. Это обстоятельство, а также то, что текст имеет подзаголовок, указывающий на то, что это именно «рассуждение», позволяет говорить о новации в области жанра.

Хотя Аввакум и ориентировался на беседы-гомилии Иоанна Златоуста, которого особенно почитал, однако между ними и беседой «О внешней мудрости» существует ряд характерных различий. Иоанн Златоуст преследовал цель распространения христианского вероучения. Его адресатом были прихожане церкви, паства, которую необходимо было наставлять и воспитывать. У протопопа Аввакума целью беседы была полемика с противниками, отступниками от истинной веры, его реципиентом является не только паства, но и люди одного с ним статуса – священники.

«Беседа» начинается с тезиса, выдвинутого в первом послании апостола Павла коринфянам, однако далее Аввакум не растолковывает, не объясняет текст послания, как это было в традиционных беседах, обращенных к пастве, а произносит собственную речь, имеющую острую полемическую направленность. Обращение к авторитету апостольского послания лишь стимулирует сопоставление двух абстрактных понятий, двух концептов, которые становятся темой рассуждения протопопа: истинной и «внешней» мудрости.

Истинная мудрость, по мнению Аввакума, основана на христианской вере, а внешняя – на пресловутой «учености», заключающейся в гадании по звездам и составлении гороскопов. Данные концепты противопоставляются Аввакумом по 3 пунктам: соотношение познания и веры; отношение к аскетизму; отсутствие / необходимость изменений в религиозном культе.

Рассуждение начинается со скрытого сравнения: никониане приравниваются к астрологам и составителям гороскопов (*алманашники, и звездочеты, и вси зодейшики*), которое далее по тексту проявляется во фразах: «*Виждь, гордоусец и алманашиник, Виждь безумной зодийшик, никониян окаянный*» [Аввакум, 1989, с. 105]. К этой же категории лиц Аввакум причисляет и библейских персонажей (*блядивый Неврод*), и древнегреческих богов (*Зевес прелатай, блудодей, Ермис пияница, Артемида любодейца*), и философов (*Платон, Пифагор, Аристотель, Диоген*)

и ученых (*Иппократ, Галин*). Действия их сравниваются с притязаниями дьявола, неточную цитату о котором Аввакум берет из Книги Исайи XIV (13–14): «*поставлю престол мой на небеси и буду подобен Вышнему*».

Представителям «внешней мудрости» противопоставляются истинные христиане, которые «*достизают не мудрости внешния, – поразумевати и луннаго течения, – но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы, и со ангелы сподоблятися славити Бога; души их во благих водворяются, а телеса их на земли нетленни быша и есть*» [Аввакум, 1989, с. 105].

Таким образом, в отношении познания и веры создается смысловой контраст: «внешняя» мудрость, являющаяся проявлением гордыни и себялюбия, обречена на смерть, забвение и адские муки, а истинная мудрость как проявление смирения, веры и любви к Богу – это путь к спасению и вечной жизни. В качестве аргументов предъявляются ссылки на факты истории иудейской и древнегреческой (Хронограф и хроники), подкрепленные цитатами из Ветхого Завета и аллюзиями к трудам святых отцов («Беседы» Иоанна Златоуста).

Следующим аспектом сравнения двух концептов является отношение к аскетизму как норме жизни христианина. Поведение никониан обличается, поскольку нарушает эту норму. Отмечается их склонность к гедонизму и невоздержанности: будь то еда или плотские утехы. Аввакум прибегает к наглядной аргументации, предлагая читателю-никонианину взглянуть на самого себя (*Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никониян окаянный*) и на лики святых (*Воззри на святые иконы*) [Аввакум, 1989, с. 105–106], чтобы ощутить зрительный контраст между собственным полным телом и изможденными телами святых. Здесь на помощь рассуждению приходит описание, от которого автор переходит к третьей части своей обличительной речи – доказательству враждебности никоновских реформ, исходящих от «внешней» мудрости, истинному христианству.

Главным аргументом третьей части полемики является повествование о поступках сторонников новой веры и «милых» христиан. Первые изменяли каноны иконописания и церковной службы, проводили несправедливые судилища, сопровождавшиеся жестокими наказаниями и гонениями, а вторые противопоставили им самосожжение как проявление истинной веры. Аввакум обращается к памяти читателей, вплетая в повество-

вание и события собственной жизни, и повседневные крестьянские будни.

В качестве заключения речи-беседы звучит нравоучение, завершаемое молитвой, возвращающей читателя к апостольскому посланию и символически обозначающей воссоединение с Богом, что и является единственной истиной для верующего человека.

Приводя систему доказательств, Аввакум создает не только смысловой, но и композиционный и стилистически экспрессивный контраст: в нейтральную аргументацию, которая поначалу стремится быть логической, прорываются эмоциональные пренебрежительные нотки просторечия как характеристика «внешней» мудрости, и противостоящее им торжественное церковно-книжное описание мудрости истинной. Данный контраст проявляется на интонационном, лексическом и синтаксическом уровнях.

Беседу «О внешней мудрости» можно отнести к речам эпидейктическим. Задача эпидейктической речи – восхвалять или порицать. Так, восхваляя истинных христиан и порицая никониан, Аввакум использует в большей степени преувеличение, а не доказательство, что характерно для речей эпидейктических, в которых чередуются энкомии и порицания.

В расчлененной структуре аргументации Аввакума присутствует аналитизм, а не догматизм, как у Полоцкого. Автор беседы «О внешней мудрости» не навязывает своего мнения, а через риторические вопросы ведет диалог-спор с читателем, причем как с церковником, так и с простым крестьянином. Обращаясь к родному разговорному языку, народной лубочной литературе и смеховой культуре, Аввакум создает обобщенный образ «никонианина» посредством пародии на столь популярные в высших церковных и светских кругах вирши. Отказываясь от символизма и опираясь на жизненные примеры, здравый смысл, Аввакум отрицает метафоры и аллегории и не стремится манипулировать сознанием. Он принимает лишь одну высшую абстракцию – Бога, что делает его свободным от мистицизма.

Таким образом, в беседе Аввакума «О внешней мудрости» выстраивается следующая модель нарождающегося жанра: 1) небольшой объем и обращенность к одной теме (предмету исследования); 2) коммуникация «Я–Другой» на основе равенства автора и читателя; 3) обязательное наличие сравнения или противопоставления через систему оценок; 4) сбалансированность

книжной (аллюзии и цитаты) и разговорной речи (авторские размышления).

Заключение

Исходя из понимания жанра как культурной формы, можно заключить, что жанр «рассуждение» сформировался в русском языке в рамках полемикального дискурса в ходе конкуренции различных жанровых форм религиозно-дидактического и судебно-делового дискурсов и достиг к концу XVII в. «рефлексивной» стадии (появление номинации жанра) в произведениях протопопа Аввакума.

В коммуникативном компоненте жанр «рассуждение» отличается равностатусными отношениями автора и читателя и тяготеет к скрытому диалогизму. В когнитивном компоненте – основывается на сравнении, противопоставлении и оценке. В семиотическом – сочетает стили церковнославянского и русского языков.

Анализ риторической структуры текстов, относящихся к жанру «рассуждение», показал наличие в них особого типа аргументации, свойственного эпидейктической речи, сочетающей положительную и отрицательную оценочность.

Библиографический список

1. Аввакум. Из «Книги бесед» // Пустозерская проза: Сборник / сост., предисл., коммент., пер. отд. фрагм. М. Б. Плюхановой. Москва : Моск. рабочий, 1989. С. 95–108.
2. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. Москва : Наука, 1986. С. 104–116.
3. Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. Изд. 3. Москва, 2021. 362 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. Изд. 2-е. Москва : Искусство, 1986. 445 с.
5. Бекасова Е. Н., Миронова Е. А. Образ автора и собеседника в челобитных протопопа Аввакума // Коммуникативные процессы в образовательном пространстве. 2015. С. 85–93.
6. Белянкин Ю. С. Проблема исправления Символа веры в антистарообрядческих произведениях второй половины XVII в // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 1. С. 39–50.
7. Борисенко К. Г. Богословско-полемикальный трактат Симеона Полоцкого «Жезл правления...» і традиції релігійної полеміки «Київської школи» // Полацкі музейны штогоднік : зборнік наукових артыкулаў за 2014 г., Полацк, 01 января – 31 2014 года. Полацк : Научно-исследовательское и просветительное учреждение культуры «Национальный Полоцкий ис-

торико-культурный музей-заповедник», 2015. Р. 206–219.

8. Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 668 с.

9. Вишенский И. Зачепка мудрого латынника з глупым русином. Москва–Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. 1955. 372 с.

10. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: Формуляр, традиц. этикетные и стилевые средства. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.

11. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментально-психологического исследования. Москва : Педагогика, 1986. 239 с.

12. Демин А. С. «Жезл правления» и афористика Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. 1982. С. 60–92.

13. Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1978. 271 с.

14. Загуменнов А. В., Маматов Г. М. Речевой жанр «толкование» в эпоху русского церковного раскола XVII века с позиций герменевтического и лингвоперсоналогического аспектов (на материале «Книги толкований и нравоучений» Аввакума) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 15–23.

15. Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва : Канон + РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

16. Кытманова Е. А. Жанр как культурная форма // Русский язык: образование, наука, культура: Материалы международной научно-методической сессии, Москва, 23–25 ноября 2022 года / под общ. ред. С. М. Колесниковой. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 26–32.

17. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Семиосфера. Санкт-Петербург : «Искусство – СПб», 2010. С. 163–177.

18. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита = Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / под ред. Н. Субботина. Т. 2.: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 2. Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года, Т. 2. Москва : Тип. Э. Лиссер и Ю. Роман, 1876. 430 с.

19. Панич Т. В. Церковные писатели второй половины XVII века в борьбе с расколом // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 147–155.

20. Полоцкий Симеон. Жезл правления. Москва : Печатный двор, [10 февраля – 10 июня 1667]. 154 л.

21. Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Москва : Наука, 1974. 404 с.

22. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. Выпуск 18 (Потка–Пренадельный). Москва : Наука, 1992. 288 с.

23. Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 23 (Потрата – Пресветлый). Москва : Издательский Дом ЯСК, 2024. 352 с.

24. Ужанков А. Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры: Категории русской средневековой культуры: монография // Министерство культуры Российской Федерации, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Москва : Ин-т наследия, 2022. 209 с.

25. Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века / Избранные труды: [в 2 т.]. Москва : Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 1994. С. 333–367.

26. Флиер А. Я. Форма культурная // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. Санкт-Петербург : Университетская книга. ООО «Алетейя», 1998. Т. 2. С. 307–308.

Reference list

1. Avvakum. Iz «Knigi besed» = From The Book of Conversations // Pustozerskaja proza: Sbornik / sost., pre-disl., komment., per. otd. fragm. M. B. Pljuhanovoj. Moskva : Mosk. rabochij, 1989. S. 95–108.

2. Averincev S. S. Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizacii = Historical mobility of the genre category: experience in periodization // Istoricheskaja pojetika. Itogi i perspektivy izuchenija. Moskva : Nauka, 1986. S. 104–116.

3. Annushkin V. I. Pervaja russkaja «Ritorika» XVII veka. Tekst. Perevod. Issledovanie = The first Russian «Rhetoric» of XVII century. Text. Translation. Research. Izd. 3. Moskva, 2021. 362 s.

4. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorčestva = Aesthetics of verbal art / sost. S. G. Bocharov; tekst podgot. G. S. Bernštejn i L. V. Derjugina; primech. S. S. Averinceva i S. G. Bocharova. Izd. 2-e. Moskva : Iskusstvo, 1986. 445 s.

5. Bekasova E. N., Mironova E. A. Obraz avtora i sobesednika v chelobitnyh protopopa Avvakuma = The image of the author and interlocutor in the petitions of Archpriest Avvakum // Kommunikativnye processy v obrazovatel'nom prostranstve. 2015. S. 85–93.

6. Beljankin Ju. S. Problema ispravlenija Simvola very v antistarobrjadčeskijh proizvedenijah vtoroj poloviny XVII v. = The problem of correcting the Creed in anti-Old Believers' works of the second half of XVII century // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. 2013. № 1. S. 39–50.

7. Borisenko K. G. Bogoslovsko-polemichnij traktat Simeona Polock'kogo «Zhezl pravlenija...» i tradicii religijnoj polemiki «Kiivs'koj shkoli» // Polacki muzejny shtogodnik : zbornik navukovyh artykulaŭ za 2014 g., Polack, 01 janvarja – 31 2014 goda. Polock : Nauchno-issledovatel'skoe i prosvetitel'noe uchrezhdenie kul'tury

«Nacional'nyj Polockij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik», 2015. P. 206–219.

8. Veselovskij A. N. Izbrannoe: Istoricheskaja pojetika = Selected works: Historical poetics. Moskva: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJEN), 2006. 668 s.

9. Vishenskij I. Zachapka mudrogo latynnika z glupym rusinom. Moskva–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1955. 372 s.

10. Volkov S. S. Leksika russkih chelobitnyh XVII veka: Formuljar, tradic. jetiketnye i stilevyje sredstva = Lexicon of Russian petitions of XVII century: Formular, traditional etiquette and style means. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1974. 164 s.

11. Davydov V. V. Problemy razvivajushhego obuchenija: Opyt teoreticheskogo i jeksperimental'nopsihologicheskogo issledovanija = Problems of educational development: Experience in theoretical and experimental-psychological research. Moskva: Pedagogika, 1986. 239 s.

12. Demin A. S. «Zhezl pravlenija» i aforistika Simeona Polockogo = «The rod of government» and the aphoristics of Simeon Polotsky // Simeon Polockij i ego knigoizdatel'skaja dejatel'nost'. 1982. S. 60–92.

13. Eleonskaja A. S. Russkaja publicistika vtoroj poloviny XVII veka = Russian journalism in the second half of XVII century / Akad. nauk SSSR, In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moskva: Nauka, 1978. 271 s.

14. Zagumennov A. V., Mamatov G. M. Rechevoj zhanr «tolkovanie» v jepohu russkogo cerkovnogo raskola XVII veka s pozicij germenevticheskogo i lingvopersonologicheskogo aspektov (na materiale «Knigi tolkovanij i nravouchenij» Avvakuma) = Speech genre «interpretation» at the time of the Russian church schism in the XVII century from the hermeneutical and linguopersonological aspects (based on Avvakum's «Book of Interpretations and Moral Teachings») // Zhanry rechi. 2023. T. 18, № 1 (37). S. 15–23.

15. Kasavin I. T. Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki = Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Moskva: Kanon + ROOI «Reabilitacija», 2009. 1248 s.

16. Kytmanova E. A. Zhanr kak kul'turnaja forma = Genre as a cultural form // Russkij jazyk: obrazovanie, nauka, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy sessii, Moskva, 23–25 nojabrja 2022 goda / pod obshh. red. S. M. Kolesnikovoj. Moskva: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 26–32.

17. Lotman Ju. M. Avtokommunikacija: «Ja» i «Dru-goj» kak adresaty (O dvuh modeljah kommunikacii v sisteme kul'tury) = Autocommunication: «I» and «Other»

as addressees (On two models of communication in the culture system) / Semiosfera. Sankt-Peterburg: «Is-kusstvo – SPB», 2010. S. 163–177.

18. Materialy dlja istorii raskola za pervoe vremja ego sushhestvovanija, izdavaemye Bratstvom sv. Petra mitropolita = Materials on the history of the schism during its early days, published by the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan = Materialy dlja istorii raskola za pervoe vremja ego sushhestvovanija, izdavaemye redakciej «Bratskogo slova» / pod red. N. Subbotina. T. 2.: Dokumenty, soderzhashhie izvestija o lichah i sobytijah iz istorii raskola za pervoe vremja ego sushhestvovanija. Ch. 2. Akty, odnosjashiesja k soboru 1666–1667 goda, T. 2. Moskva: Tip. Je. Lissner i Ju. Roman, 1876. 430 s.

19. Panich T. V. Cerkovnye pisateli vtoroj poloviny XVII veka v bor'be s raskolom = Church writers of the second half of XVII century fighting the schism // Istoricheskij kur'er. 2024. № 2 (34). S. 147–155.

20. Polockij Simeon. Zhezl pravlenija. = The rod of government. Moskva: Pechatnyj dvor, [10 fevralja – 10 ijunja 1667]. 154 l.

21. Robinson A. N. Bor'ba idej v russkoj literature XVII veka = The struggle of ideas in Russian literature of XVII century / AN SSSR. In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo. Moskva: Nauka, 1974. 404 s.

22. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries / AN SSSR, In-t rus. jaz.; redkol.: S. G. Barhudarov (otv. red.) [i dr.]. Vypusk 18 (Potka–Prenachal'nyj). Moskva: Nauka, 1992. 288 s.

23. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka. Vypusk 23 (Potrata – Presvetlyj) = Dictionary of the Russian language XVIII century. Issue 23 (Potrata – Precious). Moskva: Izdatel'skij Dom JaSK, 2024. 352 s.

24. Uzhankov A. N. Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury: Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury = The Old Russian scribe's world picture. Categories of Russian medieval culture: Categories of Russian medieval culture: monografija // Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii, Rossijskij nauchno-issledovatel'skij institut kul'turnogo i prirodnogo nasledija imeni D. S. Lihachjova. Moskva: In-t nasledija, 2022. 209 s.

25. Uspenskij B. A. Raskol i kul'turnyj konflikt XVII veka = The schism and cultural conflict of XVII century / Izbrannye trudy: [v 2 t.]. Moskva: Gnozis, 1994. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. 1994. S. 333–367.

26. Flier A. Ja. Forma kul'turnaja = Cultural form // Kul'turologija. XX vek: jenciklopedija: v 2 t. Sankt-Peterburg: Universitetskaja kniga. OOO «Aletejja», 1998. T. 2. S. 307–308.

Статья поступила в редакцию 24.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 24.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-62

EDN: TEFUKD

Классификация жанров речи в журнале «Жанры речи»

Вадим Викторович Дементьев

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет. 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83
dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. В исследовании анализируется речеганровая структура статей о речевых жанрах в журнале «Жанры речи». На основе структурных характеристик статей выделяются структурные типы. Проверяется предположение, что разным типам жанров соответствуют разные типы статей, в которых анализируются данные жанры. Типы статей, посвященных разным жанрам, могут служить основаниями типологии, которая может выступать в качестве самостоятельной, а может быть объединена с другими существующими типологиями речевых жанров (РЖ).

Осуществляется тематическая систематизация статей: отбираются статьи, в которых разбираются и отчасти упорядочиваются типологические концепции и характеристики РЖ. Типы статей выделяются на основе количества и качества содержащейся в них типологической информации.

Осуществляется структурная систематизация статей: они анализируются единообразно по структурно-речеганровой методике, включающей параметры: цели и задачи статей; сфера бытования анализируемого речеганрового материала, характер и объем материала (языковой или речевой, одноязычный или многоязычный, аутентичный или художественный, речеганрово гомогенный или гетерогенный); наличие / отсутствие в статье эксплицитной классификации, в т.ч. в заголовке.

Результатом исследования является прояснение структурных характеристик жанра статьи о РЖ, уточнение классификационных характеристик РЖ. На основе логики обратной выводимости показана значимость исследования для представления речеганровой картины современности: заинтересованное внимание жанроведа – автора статьи в «Жанрах речи» – чаще обращается на жанры, более, чем другие, актуальные для носителей языка; в свою очередь, анализ статьи позволяет сделать вывод об этой актуальности.

Ключевые слова: речевые жанры; жанр научной статьи; статья о речевых жанрах; журнал «Жанры речи»; типология речевых жанров; интегральное описание речевых жанров

Для цитирования: Дементьев В. В. Классификация жанров речи в журнале «Жанры речи» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 62–73. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-62>. <https://elibrary.ru/TEFUKD>

Original article

Classification of speech genres in the journal «Genres of speech»

Vadim V. Dementiev

Doctor of philological sciences, professor at the department of the theory and history of language and applied linguistics, Saratov national research state university. 410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83
dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The study analyzes the speech-genre structure of articles on speech genres in the journal «Genres of speech». The author identifies structural types of articles basing on their structural characteristics and verifies the hypothesis that different types of genres correspond to different types of articles, in which these genres are analyzed. The types of articles devoted to different genres can serve as the basis for a typology that can act independently or in combination with other existing typologies of speech genres.

The author classifies the articles into thematic groups, selecting articles in which the typological concepts and characteristics of speech genres are analyzed and sorted out to a certain extent. Types of articles are defined on the basis of the quantity and quality of typological information they contain.

The articles are all analyzed in the same way according to the structural and speech-genre methodology, which includes the following parameters: goals and objectives of articles; the sphere of using the analyzed speech-genre material, the nature and amount of the material (linguistic or speech, monolingual or multilingual, authentic or fiction, speech-genre homogeneous or heterogeneous); presence/absence of explicit classification in the article, as well as in the title.

The study results in clarifying the genre structural characteristics of speech-genre articles and specifying classification characteristics of speech genres. The article shows the significance of the study for presenting the speech-genre picture of the modern world on the basis of the logic of retroactive inference; the attention of genre experts – authors of the articles in «Genres of speech» – is more often turned to genres that are more relevant to native speakers; in turn, the article's analysis helps to draw a conclusion about this relevance.

Key words: speech genres; genre of scientific article; article on speech genres; journal «Genres of speech»; typology of speech genres; integral description of speech genres

For citation: Dementiev V. V. Classification of speech genres in the journal «Genres of speech». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):62–73. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-62>. <https://elibrary.ru/TEFUKD>

Введение

В настоящем исследовании получает дальнейшее развитие направление, представленное в работах [Дементьев 2021; Праско 2024, 2025; Белянина 2020; Колесникова 2020], в которых анализировалась речеганровая структура статьи о речевых жанрах в журнале «Жанры речи», выявлялись структурные признаки, более и менее обязательные для данной разновидности речевого жанра научной статьи (о структурных характеристиках научной статьи на другом материале см.: [Девяткин, Каджая, Салимовский 2019; Котюрова 2017; Стексова 2020; Contractor, Guo, Korhonen 2012; Kirschner, Eckle-Kohler, Gurevych 2015; Mizuta, Collier 2004; Swales 2004; Teufel, Carletta, Viens 1999]).

Структурными, в том числе жанроведческими, и статистическими методами выявлялись закономерности и тенденции, представлявшие значимыми не только для собственно журнала (наукометрического описания принципов его «работы» – отбора и представления речеганрового материала, точек зрения на данный материал, тенденций в развитии журнала, возможной практической оптимизации, например, при размещении в базах РИНЦ, Scopus), но и для теории речевых жанров (представления состояния теории и практики ТРЖ: задач, основных положений, членения на разделы, истории / этапов, актуальных тенденций, конкретных жанроведческих концепций и их обсуждения), и даже для речеганровой картины современности (осмысления описываемых в статьях жанров, их динамики).

В настоящей статье на том же материале делается следующий шаг: на основе структурных характеристик статей выделяются структурные

типы. Тем самым строится классификация жанровых разновидностей статей в журнале «Жанры речи». Структурные признаки, положенные в основу классификации, отчасти те же, что рассматривались в первом исследовании, но далеко не только они. Еще следующий шаг – предположение (по отношению к нему полученная на первом этапе информация имеет косвенный характер): возможно, эти структурные характеристики значимы не только для статей, но и для жанров, о которых говорится в статьях. То есть, возможно, разным типам жанров соответствуют разные структурные типы статей, в которых анализируются данные жанры, в журнале «Жанры речи». Если это предположение удастся подтвердить, наше исследование обогатит типологическое жанроведение. Наконец, в-третьих, некоторые из обсуждаемых статей написаны непосредственно по типологии РЖ. Эта типологическая информация, хотя наиболее очевидна, имеет и наиболее косвенное отношение к задачам, поставленным и на первом, и на втором этапах, но учитывать ее все же следует.

Методологически статья выполнена в парадигме *интегрального описания речевых жанров* [Дементьев, 2024], основой которого является комплексный отбор параметров анализа и по возможности непротиворечивое объединение их, обеспечивающие адекватное, полное, нетривиальное осмысление РЖ: в качестве одного из важных параметров описания РЖ предлагается способ представления РЖ в различных структурных типах статей о них.

Материал – тексты статей журнала «Жанры речи», – как думается, максимально соответствует данной задаче: а) статьи журнала посвящены РЖ; б) мы имеем в качестве объекта осмысле-

ния / материала определенный немаленький объем текстов статей по ТРЖ: архивы всех номеров журнала / выпусков сборника «Жанры речи»; в) многолетняя работа главным редактором научного журнала дает возможности и материал для разнообразных доброкачественных, интересных, часто неожиданных наблюдений, сопоставлений, в том числе собственно-речежанровых исследований.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. За время существования сборника / журнала «Жанры речи» в нем было опубликовано 627 статей, из них: «Жанры речи» как **сборник** (1997-2012, восемь (или девять – если считать сборник «Прямая и непрякая коммуникация» (2003)) выпусков – 281 статья) и как **международный журнал** (с 2014 по данный момент – конец 2024 – вышло 43 номера) (в журнале, наряду с членением на выпуски и конкретные номера, ведется сплошная / непрерывная нумерация – так, №3'2024 одновременно является 43-м) – 346 статей.

Более дробное членение: три периода издания **сборника** и два периода издания **журнала**, а именно:

I период – выпуски сборника 1 (1997), 2 (1999), 3 (2002) (на этом этапе они были нетематическими) – 88 статей,

II период – тематические выпуски сборника 4 (Жанр и концепт) (2005), 5 (Жанр и культура) (2007), а также сборник «Прямая и непрякая коммуникация» (2003) – 99 статей,

III период – тематические выпуски сборника 6 (Жанр и язык) (2009), 7 (Жанр и личность) (2011), 8 (Жанр и творчество) (2012) – 94 статьи,

IV период – неВАКовский журнал (два номера в год) (2014-2017) – 107 статей,

V период – ВАКовский «нескоповский» журнал (четыре номера в год) (2018-2020) – 105 статей,

VI период – «скоповский» журнал (четыре номера в год) (с 2021 по настоящее время, а именно: последний привлекаемый номер – № 3'2024(43)) – 134 статьи.

Берутся и лингвистические, и литературоведческие статьи (практически все литературоведческие статьи помещены в раздел «Жанры в художественном творчестве», не считая тех немногих, которые вошли в раздел «Общие проблемы теории речевых жанров»: В. В. Прозорова, И. А. Тарасовой), а также переводы. Не берутся публикации из раздела «Критика и библиография. Рецензии. Хроника».

Не берем описание/отображение/анализ этих и других жанров в других изданиях – данное ограничение, конечно, делает наш подход несколько искусственным (да и авторы нередко одни и те же), но и обеспечивает большую гомогенность.

Все это определило **задачу-максимум** настоящего исследования: а) будет лучше понят и

описан журнал (возможно, будет предложена практическая оптимизация); б) лучше поняты структурные характеристики статьи о РЖ / статьи в «Жанрах речи»: как константные, так и вариативные (и структурные типы их); в) будет лучше понята и описана наука о РЖ: современная жанроведческая картина и актуальные научные тенденции; г) будет лучше понята и описана современная речежанровая картина и актуальные «коммуникативно-речевые» тенденции; д) уточнены собственно классификационные характеристики жанров; е) уточнены существующие классификации РЖ; ж) (возможно) уточнены классификационные возможности, подходы в жанроведении вообще, их границы.

Исследование посвящено **типологии**, точнее, **метатипологии РЖ**, которая является одной из важнейших и наиболее очевидных задач интегрального описания речевых жанров: отражение во-первых, в тематике, во-вторых (главное), в структуре журнальных статей классификационных / типологических характеристик РЖ. Разные типы представления РЖ в статьях журнала, разные типы структуры статей, посвященных разным жанрам, являются основаниями типологии, которая может выступать в качестве самостоятельной, а может быть объединена с другими существующими типологиями РЖ, дополнить их.

Наиболее очевидна **тематическая** систематизация: отбираются статьи, в которых разбираются и отчасти упорядочиваются типологические концепции и характеристики РЖ (ряд статей посвящен непосредственно типологии РЖ, в других типологические характеристики РЖ используются).

Структурная систематизация статей менее очевидна, но более эвристична: в анализируемом материале – 627 статьях журнала «Жанры речи» (на данный момент – конец 2024) – выделяются параметры, которые представляются наиболее релевантными для решаемой проблемы – классификационных характеристик речевых жанров и их динамики – и которые выделяются и анализируются единообразно по структурно-речежанровой методике во всех статьях, что обеспечивает корректность использования методики, гомогенность материала и достоверность результатов. Такими параметрами нами избраны: цели и задачи статей; сфера бытования анализируемого речежанрового материала (отчасти отражаемая в разделе, например, жанры СМИ, жанры художественного творчества), наличие / отсутствие в статье эксплицитной классифика-

ции / выделяемых на данной основе типов жанров; заголовок (в том числе упоминание / неупоминание в заголовке имени / имен конкретных жанров и – еще важнее – их типов); наличие, характер и объем материала (языковой или речевой, одноязычный или многоязычный, аутентичный или художественный, речежанрово однородный или гетерогенный); тип и уровень анализируемых единиц (кроме собственно РЖ).

1. Тематический аспект

1.1. Классификационно-типологический подход в ТРЖ и его «болевы́е точки»

Классификационно-типологический подход интересует многих жанроведов и очень активно разрабатывался уже на раннем этапе развития ТРЖ (начиная с первых классификаций Бахтина) и не перестал сейчас. Особую значимость данный подход имеет для ИОРЖ [Дементьев, 2024]. С развитием данного направления ТРЖ увеличивается количество оснований классификации; и сами основания претендуют на большую надежность – уже тем, что вырабатываются в рамках разных концепций, сравниваются, «отсеиваются» лишние. Таким образом, типология РЖ через призму ИОРЖ есть метатипология.

Довольно большое количество исследований посвящено типологии РЖ внутри одной культуры, разрабатываются принципы такой типологии. Если типологические речежанровые разработки именно внутри одной культуры дают хорошие результаты, то попытки выйти за пределы культуры, механически перенести принципы речежанровой типологии на другую культуру часто оканчивались неудачей (например, попытки найти соответствие русского *разговора по душам* в англосаксонской культуре). Другое направление – сравнительное: сравниваются РЖ в разных культурах (см. сравнение *выражения сочувствия* в русской и англосаксонской культурах [Казачкова, 2006], *спора* в русской и англосаксонской [Горбачева, 2006], *small talk* в англосаксонской культуре и *светской беседы* в русской [Фенина, 2005]), выявляются различия как собственно речесистемные и языковые, так и общекультурного плана (как, например, А. Вежбицка сравнивает англосаксонские, польские, русские, японские, малайские и т. д. РЖ и жанроподобные явления, опираясь на лежащие в их основе разные культурные сценарии [Вежбицка, Годдард, 2002]). Сравниваются также сами культуры с точки зрения представленных в них наборов РЖ и прин-

ципов их организации (например, англосаксонской культуре присуща фатическая центростремительность, русской – фатическая центробежность [Фенина, 2005]). Особое направление типологического жанроведения – разработка типологических характеристик РЖ, используемых при описании отдельных жанров (среди них выделяются универсальные, присущие РЖ во всех культурах, и национально-специфические).

Трудности и возможные противоречия связаны с попытками некритично объединить принципы разных типологий, например, выделять, употреблять и оценивать в одном ряду типы РЖ, выделяемые в разных типологиях (ср. формулировку: «*императивные, художественные и вторичные РЖ») (подробнее см. в [Дементьев, 2024, с. 22–23]).

Хотя классификационный подход к объектам (а точнее, классификационно-типологический, к которому наиболее близок речежанровый, в отличие от классификаций субстанционально-генетического типа) по определению почти никогда не может полностью освободиться от субъективизма, следует подчеркнуть, что в журнале «Жанры речи» представлены принципиально разные школы, подходы, методики (конечно, не до бесконечности: не берем статьи, где «жанром объявляется всё то, что хочется»; впрочем, политика редакции ЖР как раз направлена на то, чтобы таких статей не было), что в целом сильно повышает объективность представляемой картины, прежде всего – объективность отображения жанров речи и их типов.

1.2. Тематические типы «классификационных» статей в журнале «Жанры речи»

Выделяются следующие типы статей на основе количества и качества содержащейся в них типологической информации:

0) статья непосредственно по классификации жанров (в том числе статьи, где предлагались новые речежанровые классификации):

0_а) классификации жанров в целом (раздел «Общие проблемы теории речевых жанров»): это статьи Т. В. Шмелевой, М. Ю. Федосюка, К. Ф. Седова, А. Г. Баранова, Ст. Гайды, Е. В. Бузальской;

0_б) классификации какой-то группы жанров (например, религиозного, медицинского дискурса (это может быть как раздел «Общие проблемы теории речевых жанров», так и «Исследования

отдельных жанров» (Т. В. Ицкович, Е. А. Пономаренко));

1) исследуется и характеризуется, в т.ч. классификационно, отдельный жанр:

1_а) данному жанру посвящена самостоятельная статья ≈ полноценное речежанровое исследование (такими являются многие статьи из раздела «Исследования отдельных жанров»). Не во всех таких статьях используется то, что мы называем речежанровой методикой: иногда предлагается взгляд стилиста, иногда – этнографа, иногда – «полевого» исследователя устной речи, а также публициста, биографа, путешественника и даже писателя. По нашему мнению (оно также является мнением редакции), все такие описания полезны, более того: необходимы для адекватного осмысления такого принципиально сложного и многоаспектного феномена, как жанр речи. Иногда то, что статья посвящена классификационным характеристикам жанра, специально подчеркивается (М. М. Халиков «*На полях типологии речевых жанров: кроссворд*»);

1_б) всё то же, но статья не непосредственно о жанре, а о жанроподобном явлении (речевой акт, жанроид, субжанр, стиль, стратегия и т.п.) (которое, впрочем, при определенном угле зрения можно толковать и как жанр): статьи Б. Ю. Нормана (полилог), О. П. Ермаковой (ирония), В. В. Прозорова (молва);

2) жанр достаточно подробно рассматривается – вместе с другими: в сравнении с этими другими, в составе более обширного образования (гипержанра, типа дискурса и подоб.) тоже наряду с другими, без какого-либо выраженного предпочтения данному жанру (на практике такое описание может быть даже полнее, чем в 1_а и 1_б): жанр научной рецензии в связи с категорией оценки (Л. Б. Никитина, К. Ю. Малышкин); принципиальный отказ в связи с категорией откровенности (С. Ю. Данилов);

3) жанр лишь упоминается и обсуждается в общих чертах с какой-либо (впрочем, скорее информативной) точки зрения – например, в рамках предлагаемой н о в о й типологии (так, например, в (тогда новой) типологии Шмелевой выделялся жанр *отказа* и др. подоб.);

4_а) жанр как таковой НЕ рассматривается подробно, а рассматривается какая-либо лингви-

стическая единица / механизм: иллокутивные (речевой акт, стратегия, тактика, событие, поступок), когнитивные (концепт, типаж), лексико-семантические, синтаксические (включая актуальное членение, предикативные, модусдиктумные характеристики), морфологословообразовательные, фонетические (включая фоносемантические), стилистические (стиль, подстиль) и т.п. в рамках / на материале определенного жанра («*Изыскательские конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения*» (Т. И. Стексова)), («*Особенности употребления наречий образа действия в научной статье*» (А. В. Дегальцева)), («*Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе*» (М. С. Бачурка));

4_б) также гипотетически выделим вторую разновидность: подразумевается, что, если в (4_а) информации непосредственно о жанре и немного, в сравнении с исследованием другой единицы, которая здесь находится в центре внимания, но она по-настоящему важна, содержательна, нетривиальна и для понимания жанра, то (4_б) – жанр лишь «притянут»: выглядит искусственным и вообще лишним (например, только чтобы статья была опубликована в журнале). Повторяем: этот тип выделяется чисто гипотетически, мы не можем привести ни одного реального примера из статей журнала. Точнее, такие статьи поступали в редакцию, но отвергались.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Здесь есть смысл напомнить о политике редакции: редакция все годы занимается селекцией (после приема в Скопус эта тенденция усилилась) поступивших статей на предмет соответствия главной – речежанровой тематике и проблематике. Безусловно приветствуется (1) постановка новых речежанровых проблем, как и (2) более глубокое рассмотрение «вечных» вопросов ТРЖ: Что есть речевой жанр? Жанр или не жанр? Речевой жанр или концепт (речевой акт, стиль)? (конечно, пункты (1) и (2) иногда трудно совместить).

Соединив перечисленные структурно-типологические типологические характеристики статей с непосредственно-тематическими – конкретными разновидностями речевого материала, – можем представить начальную тематическую картину количественно (Табл. 1):

Таблица 1

**Количественное представление структурно-типологических и непосредственно-тематических
типологических характеристик статей**

	1. фатические	2. художественные	3. политические	4. религиозные	5. медиадискурса	6. научного дискурса	7. педагогического дискурса	8. медицинского дискурса	9. официально- делового дискурса	10. рекламного дискурса	11. диалектные / фольклорные	12. детской речи
0_{а и б} статья непосредственно по классификации жанров	5	10	5	1	5	5	1	5	1	–	–	–
1_а исследуется и характеризуется, в т.ч. классификационно, отдельный жанр: данному жанру посвящена самостоятельная статья ≈ полноценное речежанровое исследование	10	10	5	5	5	10	1	1	5	1	1	1
1_б исследуется и характеризуется, в т.ч. классификационно, отдельный жанр: статья не непосредственно о жанре, а о жанроподобном явлении	1	5	1	1	5	5	1	1	1	–	1	1
2 жанр достаточно подробно рассматривается – вместе с другими	10	15	5	5	5	10	5	5	5	1	1	5
3 жанр лишь упоминается и слегка освещается с какой-либо точки зрения	15	25	10	10	15	20	10	10	15	5	5	5
4_{только а} жанр как таковой не рассматривается подробно, а рассматривается какая-либо другая лингвистическая единица / механизм	5	5	5	1	5	5	1	5	5	–	–	1

Небольшой комментарий к таблице: количественные показатели имеют предварительный и округленный характер и, конечно, могут и должны быть уточнены.

Например, в статье В. В. Прозорова «О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов» непосредственно затрагивается классификация жанров, при этом в ней речь идет о конкретных типах жанров – художественных

(эпос, лирика, драма), которые сопоставляются для прояснения их интенциональной и тематической природы с тремя разговорными жанрами, а также с тремя жанрами СМИ – считаем «единички» в соответствующих колонках графы 0_{а и б}; из этих жанров в статье подробно, как и следовало ожидать, исследуются и характеризуются три названных художественных жанра – ставим «единичку» во вторую колонку («художественные»)

графы 2; жанры же разговорной речи и СМИ упоминаются – ставим «единички» в графе 3.

В статье В. И. Карасика «Предсказание как речевой жанр» «единичка», конечно, будет в графе 1_а, при этом не одна «единичка» в одной колонке, а по «единичке» в колонках 1, 2, 4.

Вывод, что, например, фатические РЖ склонны к тому, чтобы анализироваться в статьях в качестве лишь иллюстративного материала, с примерами в основном из художественных произведений (и эту характеристику тогда, возможно, следует включить в описание данной группы жанров в энциклопедии), конечно, был бы принципиально преждевременным. Однако уже сейчас можно с достаточно большой уверенностью говорить, например, о том, что имеет место явная недостаточность аутентичного устного материала при изучении жанров детской речи, а также медицинского дискурса.

ПРИМЕЧАНИЕ 3. Анализ статей о РЖ последних лет оставляет неожиданное и невеселое впечатление: начавшись с РЖ разговорной речи в 1990-х, ТРЖ сейчас уходит от них. «Виновна» ли активизация интернет-коммуникации? Это объективное состояние науки о устной (русской) речи отразилось в 14 Шмелевских чтениях (2023), которые были посвящены разговорной речи, но фактически большинство исследований были или по лексической семантике, или по интернет-коммуникации.

Другой ряд количественных данных представлен для конкретных РЖ: в данном случае именно жанров разговорной речи (конечно, подобная статистика может и должна вестись и для неразговорных жанров):

Таблица 2

Количественное представление структурно-типологических и непосредственно-речевых характеристик статей

РЖ	1 _а и 1 _б		2	3	4 _{только а}
	1 _а	1 _б			
разговор	20	10	30	20	5
беседа	15	10	25	10	1
угроза	10	5	10	10	5
похвала	10	5	10	10	1
комплимент	15	5	10	10	5
флирт	5	5	15	15	1

Так, подробно проанализированная по предыдущей модели статья В. В. Прозорова «О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов» дает в данном случае всего две

«единички»: в графах «разговор» и «беседа» в колонке 3.

Конечно, тематические характеристики материала, в том числе имеющие высокую значимость для типологического анализа, значительно более многочисленны и разнообразны, чем выделенные нами. К перспективам исследования относятся, например, более детальные тематические характеристики (особенно нас интересуют типы 1_а и 1_б и 2): главные единицы анализа – лексика (имена жанров / жанроподобных явлений), фонетика, грамматика); есть ли непосредственно-текстовые примеры (среди последних – оригинальная РР, художественные стилизации, интернет-коммуникация).

2. Структурный аспект

2.1. Общие типологически значимые структурные характеристики статей

Наиболее очевидное основание классификации РЖ: то, что о тех или иных РЖ и их типах были статьи в журнале «Жанры речи», – может оправданно показаться механистично и малоинформативно; в действительности же в нем опосредованно отражается целый ряд других сложно взаимодействующих классификационных параметров.

Так, является очевидной классификационной характеристикой жанра отнесение статьи о нем к конкретному необщетеоретическому разделу журнала «Жанры речи» («Жанры в художественном творчестве», «Жанры СМИ», «Интернет-жанры», «Жанры новых культурных сфер», «Жанры в фило- и онтогенезе»). Статьи в этих разделах содержат много типологической информации, особенно разделы «Жанры в художественном творчестве» и «Интернет-жанры», внутри которых выделяется множество очень важных подтипов, причем если классификации художественных жанров более-менее традиционны (это не значит, конечно, что здесь не появляются новые и классификации и не появляются новые жанры), то типологические характеристики жанров Интернета изучены совершенно недостаточно.

Менее очевидная, но тоже значимая классификационная характеристика жанра – вхождение статьи о нем в раздел «Общие проблемы теории речевых жанров» (собственно, статьи по типологии РЖ в большинстве случаев и включались в этот раздел).

Отнесение статьи к разделу «Исследования отдельных жанров» как будто бы не является значимым; однако, во-первых, говорит о том, что, следовательно, анализируемый в статье жанр / жанры не относятся ни к одному из разделов, выделенных в журнале тематически ≈ наиболее распространенных (по мнению редакции журнала); во-вторых, статьи раздела «Исследования отдельных жанров», как правило, начинаются с определения анализируемого в них жанра, включающего его классификационные характеристики.

Кстати, именно из раздела «Исследования отдельных жанров» выделились впоследствии (когда сборник стал журналом) все тематические разделы – «Жанры в художественном творчестве», «Жанры СМИ», «Интернет-жанры» и т. д. Закономерный вопрос (одновременно теоретический и редакторско-издательско-практический): почему не выделили разделы: жанры политического, религиозного, медицинского, рекламного, научного / академического, образовательного-педагогического (в том числе вузовского), официально-делового, в том числе законодательного / правового и / или судебного дискурса? Почему нет даже раздела «устные речевые жанры»? А также «диалектные / фольклорные»? Статьи по всем этим типам жанров были, причем их иногда было даже больше, чем по выделенным в специальные разделы типам жанров. Так, внутри раздела «Исследования отдельных жанров» статей по жанрам разговорного дискурса было 34 (!), жанрам научного / академического дискурса – 13; официально-делового (в том числе судебного и / или законодательного / правового дискурса) – 12; политического – 11; образовательного / педагогического (в том числе вузовского) – 9; религиозного – 7; медицинского – 5; юмористического – 5. Статей в специальных разделах: «Жанры в художественном творчестве» – 56; «Интернет-жанры» – 53; «Жанры СМИ» – 18; при этом ряд статей, посвященных публицистическим и художественным интернет-жанрам, а также сравнению интернет- и неинтернет-жанров, оказался в разделе «Исследования отдельных жанров».

Понятно, что в одной статье может обсуждаться сразу несколько жанров одного типа (например, «Жанры письменного дискурса исполнительной власти», «Языковой образ пожилого человека через призму оценочных речевых жанров», «Фигуральная основа комических текстов минимальной структуры (на материале российских газет)») или разных типов («Комму-

никативное пространство междугородного общения в жанровом аспекте», «Конструкция „я бы на твоём / ты бы на моём месте“: о связи между „я-сферой“ и выбором речевого жанра», «Аксиогенные комические личные нарративы», «Запрет в системе речевых и фольклорных жанров»), поэтому количество статей и выделяемых нами жанров принципиально не совпадает.

Иногда сферу / тип РЖ определить достаточно трудно (вернее, отнести к одной / нескольким из тех сфер, что уже выделены нами), например, «письмо из упаковки», «мотивационное письмо», «рассказ студента-активиста».

Дополнительная сложность связана с тем, что некоторые жанры, которым были посвящены отдельные статьи, вообще не имеют привязки к конкретному типу дискурса / стилю: полилог, ирония, запрет, комиссив, предсказание, саботаж и т. д.

Что же касается раздела «Общие проблемы теории речевых жанров», сюда отнесены, с одной стороны, статьи, посвященные общим (иногда – более частным) вопросам **классификации** РЖ (например, «О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов», «Лингвокогнитивная типология речевых жанров: на материале эссе», «Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса»), с другой – статьи, не имеющие или почти не имеющие отношения к данному аспекту – классификационному (например, «О двух „детских болезнях“ современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры)», «Порождение речи в социосемiotическом аспекте», «Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания)», «„Новая грамотность“, новая неграмотность и речевые жанры»); тем не менее, и в них упоминаются те или иные жанры, их нередко относят к каким-либо типам, то есть используются классификационные характеристики.

На первом этапе, когда «Жанры речи» были сборником, не было таких конкретизированных тематически (по сути часто речевых) рубрик, но зато сами сборники (выпуски 4–8) были тематическими (см. выше). Впрочем, это почти не имело отношения к классификации как таковой.

2.2. Отдельные структурные аспекты

Как уже было сказано, то, что о тех или иных РЖ и их типах были статьи в необщетеоретических разделах журнала / сборника «Жанры ре-

чи», отражает целый ряд других, сложно взаимодействующих классификационных параметров.

Их исследование – дело будущего; здесь предлагаются лишь предварительные и предположительные соображения.

2.2.1. Словарь

Для решения поставленной задачи необходимо рассмотреть один из главных аспектов – **лексический** (≈составить словарь, вернее, несколько разных словарей).

Если говорить в целом о структурных характеристиках статей, которые должны быть систематизированы и на основе которых впоследствии могут быть выделены структурные типы РЖ, должны быть проанализированы и систематизирована в с я лексика статей (начальная систематизация трех типов терминов – речежанровых, лингвистических и общенаучных – уже осуществлялась нами в статье [Дементьев, 2021]; см. также [Белянина, 2020]). Однако для целей настоящего исследования наиболее логично начать с лексики: (а) названия непосредственно типов РЖ, а также жанроподобных единиц, таких как РА, стратегия и т. д.; (б) содержащие их в заголовке; (в) в ключевых словах; (г) в основном тексте статей:

- по форме, видам, регистрам (*письменный, межличностный, художественный, юмористический*);
- по сферам (*научный, религиозный, политический, фатический, рекламный, телевизионный, медиа-, интернет-*);
- по уровню базовых единиц / степени абстракции типизации (*элементарный жанр, сложный, комплексный; субжанр, гипержанр, жанроид*);
- по механизмам речепорождения (*вторичный, пародийный, квази-*) и др.;
- а также аспектов / характеристик, могущих быть положенными в основу классификации (скорее особенности изучения РЖ, подходы к ним) (*текстовый (структурно-текстовый, структурно-композиционный), лексико-семантический, иллюкутивный (прагматический, иллюкутивно-целевой), стилистический, тематический, статистический, компонентный, национальный, культурный, когнитивный, прикладной*);
- (возможно отдельное рассмотрение всех этих пунктов по разным национальным языкам /

культурам) / актуальности для ученого-жанроведа.

На первом этапе методика анализа словаря может быть следующей: имя жанра – по всем текстам всех выпусков журнала-сборника → таблица: жанры (имена) и количество упоминаний (пока только имен жанров) во всех текстах; потом – отдельно – количество определений, относящихся к данному имени жанра (ср.: *салонная, светская, научная, повседневная, приятная, пустая, глупая, бессмысленная беседа*).

То, какие избраны н а з в а н и я ж а н р о в (когда существуют синонимические и принятые в разных концепциях), может дать определенную информацию о принятой автором системе координат (например, стилистически ненейтральные слова, избранные в качестве полноценных названий жанров: *донос, сплетничество, лесть, болтовня, трактат*).

2.2.2. Синтаксис

При рассмотрении структурных характеристик статей синтаксический аспект является значимым, но имеет только общеструктурный характер, в отличие от словаря (где есть специальная группа «типологических», или «классификационных», слов). Одна из важных синтаксических характеристик была рассмотрена в [Дементьев, 2021, с. 27–29; Колесникова, 2020] – дедуктивный или индуктивный заголовок.

2.2.3. Материал

Наличие в статье оригинального практического материала (количество и качество):

- 1) нет материала (чаще всего в разделе «Общие проблемы теории речевых жанров»): это статьи К. А. Долинина, В. В. Красных, С. В. Мкртычян;
- 2) упоминаются / перечисляются лексемы, именующие жанры (или же, в случае отсутствия таких специальных лексем, используются описания, а не названия жанров) или другие звенья цепочек речежанровой системности (может быть несколько конкретных примеров: какие лексемы);
- 3) другой языковой материал (лексика (включая идиоматику) и грамматика или одна грамматика (синтаксис, морфология), а также фонетика (включая фоносемантику));
- 4) языковой и речевой (в том числе текстовый) материал;
- 5) полноценные обширные текстовые примеры: 5_а) естественные;

5_б) художественные.

В будущих исследованиях следует учитывать также то, используется ли статистика (абсолютные и относительные (проценты) количественные показатели); а также: на материале какого языка / национальной культуры и есть ли компаративный аспект.

3.2.4. Вписанность в жанроведческий контекст

Здесь не рассматривается такой важный пункт (равно тематический и структурный), как вписанность в жанроведческий контекст (направления, школы, авторы): как классификация жанров речи в журнале «Жанры речи» (отражение в структуре журнала, журнальных разделах и структурных, то есть речевых, характеристиках отдельных статей классификационных / типологических аспектов РЖ) соотносится с другими – традиционными жанроведческими – классификациями РЖ (+количество пересечений: статей (данного типа).

Представленность в статьях журнала «Жанры речи» наиболее упоминаемых в них авторов – исследователей-жанроведов и исследователей-нежанроведов – уже рассматривались нами в [Дементьев, 2021, с. 18–19].

Заключение

Какую полезную информацию жанроведу может дать настоящая статья – кроме информации чисто статистической (и тогда скорее наукометрической (или «журналометрической»), чем жанроведческой)?

О речевых картинах современности: какие процессы, тенденции сейчас особенно актуальны а) в обществе, б) в (интернет- и неинтернет-) коммуникации, а именно: с точки зрения жанров (преобладание определенного тематического типа дискурса, например политического об Украине, ведет и к активизации соответствующих жанров в составе данного дискурса – а возможно, и к появлению новых жанров (возможно отдельное рассмотрение всех этих пунктов по разным периодам).

О жанроведческой картине: какие процессы, тенденции сейчас особенно актуальны в науке (об обществе и коммуникации).

Конечно, о журнале и сообществе жанроведов – авторов журнала (опосредованно – и о редакционной политике и критериях ее работы и подхода к отбору и редактированию статей для журнала).

Статистика дает возможность для ряда практических выводов: можно задуматься, целесообразно ли в дальнейшем выделять разделы «Жанры новых культурных сфер» (за все время существования журнала было всего 2 статьи) и «Жанры в фило- и онтогенезе» (было 5 статей) и не следует ли зато ввести новые разделы для таких частотно представляемых в «Жанрах речи» типов жанров, как политические, религиозные, научного/академического, педагогического (в т.ч. вузовского) дискурса. «Жанры художественного творчества» (сейчас), вероятно, следует конкретизировать: художественная литература (в том числе, может быть, мемуарная литература, фантастика), кино, песни, литературная критика.

Возможно, следует выделить специальный раздел с трудно идентифицируемыми по типам / сферам жанрами.

Информация об объективных характеристиках того или иного жанра, его природе, функциях, динамике, а также актуальности или значимости тех или иных жанров или типов жанров для носителя языка / носителя того или иного языка, выявленная используемыми в настоящем исследовании структурно-речевыми, статистическими, наукометрическими методами, является *косвенной*: прямая информация содержится непосредственно в текстах (анализ, выводы) статей, входящих в журнал, и приводить в *сю* эту информацию значило бы просто пересказывать содержание всех статей.

Многое здесь дает *логика*, а именно: логика обратной выводимости: заинтересованное внимание жанроведа чаще обращалось на жанры, более, чем другие, актуальные для носителей языка; мы же, имея дело со статьями жанроведов в «Жанрах речи», делали вывод об этой актуальности. Точно так же большая членимость, структурность статей о тех или иных жанрах свидетельствует о том, что представление об этих жанрах более четкое, а тем самым они важны для носителей языка (немаркированы), то есть об объективной большей / меньшей актуальности тех или иных жанров / типов жанров для носителя языка / носителя того или иного языка (возможно отдельное рассмотрение всех этих пунктов по разным национальным языкам / культурам). Непредставленность исследований по какому-то жанрам в журнале может быть не менее показательной – хотя выводы такого рода всегда будут иметь промежуточный характер (журнал еще выходит, и то, какие статьи будут в будущем, пока неизвестно).

Структура любой науки – ее конкретные цели, методы, разделы, подходы и т.п. – «выстраивается» по значимым пунктам и аспектам своего объекта, и многие качества объекта отражаются в структуре науки. Поэтому рассмотрение жанров речи и через структуру жанроведения, и – уже – через способ отображения в журнале «Жанры речи» может дать немало для понимания жанров: отбор РЖ для анализа и частотность обращения авторов журнала к тем или иным РЖ и их типам, выделяемые у них аспекты, подходы к их анализу и конкретные методологические модели, постановка в связи с этим актуальных для теории и практики вопросов, терминология. Многие соответствующие параметры, зафиксированные в новейших наукометрических базах (РИНЦ, Scopus, Web of Science), выполняют подобную задачу – наряду со своими непосредственными задачами.

Видимо, главный практический аспект настоящего исследования – обогащение структуры статей о жанрах в будущей Энциклопедии / Антологии соответствующим пунктом: структурные характеристики жанроведческих статей о данном жанре. Данный пункт предполагает, конечно, достаточно детальный – структурный, содержательный, с позиций конкретной научной методики – обзор *всех* (в идеале) статей, посвященных данному жанру, и выявление и систематизацию наиболее распространенных структурных характеристик данных статей. Понятно, что одними статьями в журнале «Жанры речи» такой обзор не может быть ограничен (хотя эти статьи, представляется, весьма важная или даже главная часть всех статей о данном жанре – это прямо следует из политики журнала и его цитируемости, например, в РИНЦ), однако настоящее начальное исследование а) использует методику структурного (речежанрового) анализа статей о РЖ, б) разрабатывает сравнительную методику анализа разных статей об одном и том же жанре с целью выделения наиболее частотных и распространенных характеристик, в) предполагает продолжение на материале статей других журналов. В случае одного журнала разнообразие научных подходов, естественно, будет меньше, чем в многих разных изданиях (хотя все равно будет), что облегчает задачу сравнительного анализа, а значит, упорядочивает и облегчает выбор методики.

Библиографический список

1. Белянина В. А. Типы и динамика терминов в статьях журнала/сборника «Жанры речи» (1997–2019): компьютерный анализ: Выпускная квалификационная работа. Саратов, 2020. 84 с.
2. Колесникова А. П. Индуктивные и дедуктивные заголовки научных статей сборника и журнала «Жанры речи»: структура и функционирование. Саратов, 2020. 151 с.
3. Вежицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 118–156.
4. Горбачева Е. Н. Спор как лингвокультурный концепт. Волгоград, 2006. 20 с.
5. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : Изд-во иностранной л-ры, 1963. Вып. 3. С. 60–94.
6. Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Салимовский В. А. Жанры речи как объект компьютерного анализа (на материале научных текстов) // Жанры речи. 2019. №2(22). С.86–104.
7. Дементьев В. В. Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как... жанр речи? // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 12–33. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33.
8. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2024. 304 с.
9. Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект). Саратов, 2006. 20 с.
10. Котюрова М. П. Русский научный текст: с чего начать статью? // Жанры речи. 2017. №2(16). С. 210–215.
11. Крысин Л. П. Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров // Коммуникативные исследования. 2015. № 1 (3). С. 49–54.
12. Праско М. В. Вариативность проявления авторского начала в научной аннотации: сравнение гуманитарного и естественно-научного дискурсов // Жанры речи. 2024. Т. 19. №4(44). С. 338–346.
13. Праско М. В. Жанр научной аннотации: сравнение гуманитарного и естественно-научного дискурсов. Новосибирск, 2025. 20 с.
14. Стекова Т. И. Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения // Жанры речи. 2020. №4(28). С. 278–286. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286.
15. Фенина В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах. Саратов, 2005. 22 с.
16. Contractor D., Guo Y., Korhonen A. Using Argumentative Zones for Extractive Summarization of Scientific Articles. // Proceedings of the 23th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2012), Mumbai, India. 2012. P. 663–678.
17. Kirschner C., Eckle-Kohler J., Gurevych I. Linking the Thoughts: Analysis of Argumentation Structures in Scientific Publications // Proceedings of the 2nd Workshop on Argumentation Mining, Denver, Colorado, 2015. Association for Computational Linguistics. P. 1–11.
18. Mizuta Y., Collier N. Zone identification in biology articles as a basis for information extraction // Proceedings of the International Joint Workshop on Natural

Language Processing in Biomedicine and its Applications, Geneva, Switzerland, 2004. P. 29–35.

19. Swales J. Research Genres: Explorations and Applications. Cambridge University Press, 2004. 314 p.

20. Teufel S., Carletta J., Viens M. An annotation scheme for discourse-level argumentation in research articles // Proceedings of EACL'99: Ninth Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, 8-12 June 1999, University of Bergen, Norway. P. 110–117.

Reference list

1. Beljanina V. A. Tipy i dinamika terminov v stat'jah zhurnala/sbornika «Zhanry rechi» (1997–2019): komp'yuternyj analiz = Term types and dynamics in the articles from the journal Speech Genres (1997–2019): a computerized analysis. Saratov, 2020. 84 s.

2. Kolesnikova A. P. Induktivnye i deduktivnye zagolovki nauchnykh statej sbornika i zhurnala «Zhanry rechi»: struktura i funkcionirovanie = Inductive and deductive titles of scientific articles in Speech Genres journal: structure and functioning. Saratov, 2020. 151 s.

3. Vezhbickaja A., Goddard K. Diskurs i kul'tura = Discourse and culture // Zhanry rechi. Saratov : Kolledzh, 2002. Vyp. 3. S. 118–156.

4. Gorbacheva E. N. Spor kak lingvokul'turnyj koncept = Dispute as a linguocultural concept. Volgograd, 2006. 20 s.

5. Grinberg Dzh. Kvantitativnyj podhod k morfolo-gicheskoy tipologii jazykov = Quantitative approach to morphological typology of languages // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moskva : Izd-vo inostrannoj l-ry, 1963. Vyp. 3. S. 60–94.

6. Devjatkin D. A., Kadzhaja L. A., Salimovskij V. A. Zhanry rechi kak ob'ekt komp'yuternogo analiza (na materiale nauchnykh tekstov) = Speech genres as an object of computer analysis (based on scientific texts) // Zhanry rechi. 2019. №2(22). S.86–104.

7. Dement'ev V. V. Stat'ja po zhanram rechi v zhurnale «Zhanry rechi» kak... zhanr rechi? = A speech genres article in the journal Genres of Speech as... a genre of speech? // Zhanry rechi. 2021. № 1 (29). S. 12–33. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33.

8. Dement'ev V. V. Integral'noe opisanie rechevyh zhanrov = Integral description of speech genres. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2024. 304 s.

9. Kazachkova Ju. V. Vyrashenie sochuvstvija v russkom i anglijskom rechevom obshhenii (zhanrovyy aspekt) = Expressing sympathy in Russian and English speech communication (genre aspect). Saratov, 2006. 20 s.

10. Kotjurova M. P. Russkij nauchnyj tekst: s chego nachat' stat'ju? = Russian scientific text: what to start an article with? // Zhanry rechi. 2017. №2(16). S. 210–215.

11. Krysin L. P. Popytka social'no-rolevoj tipologii rechevyh zhanrov = An attempt at a social-role typology of speech genres // Kommunikativnye issledovaniya. 2015. № 1 (3). S. 49–54.

12. Prasko M. V. Variativnost' projavlenija avtorskogo nachala v nauchnoj annotacii: sravnenie gumanitarnogo i estestvenno-nauchnogo diskursov = The variability of authorship manifestation in scientific abstracts: a comparison of humanitarian and natural science discourses // Zhanry rechi. 2024. T. 19. №4(44). S. 338–346.

13. Prasko M. V. Zhanr nauchnoj annotacii: sravnenie gumanitarnogo i estestvenno-nauchnogo diskursov = The genre of scientific abstract: a comparison of humanitarian and natural science discourse. Novosibirsk, 2025. 20 s.

14. Steksova T. I. Iz'jasnitel'nye konstrukcii v nauchnom diskurse: zhanrovyje predpochtenija = Explanatory constructions in scientific discourse: genre preferences // Zhanry rechi. 2020. №4(28). S. 278–286. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286.

15. Fenina V. V. Rechevyje zhanry small talk i svetskaja beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turah = Speech genres of small talk and svetskaja beseda in Anglo-American and Russian cultures. Saratov, 2005. 22 s.

16. Contractor D., Guo Y., Korhonen A. Using Argumentative Zones for Extractive Summarization of Scientific Articles. // Proceedings of the 23th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2012), Mumbai, India. 2012. R. 663–678.

17. Kirschner C., Eckle-Kohler J., Gurevych I. Linking the Thoughts: Analysis of Argumentation Structures in Scientific Publications // Proceedings of the 2nd Workshop on Argumentation Mining, Denver, Colorado, 2015. Association for Computational Linguistics. R. 1–11.

18. Mizuta Y., Collier N. Zone identification in biology articles as a basis for information extraction // Proceedings of the International Joint Workshop on Natural Language Processing in Biomedicine and its Applications, Geneva, Switzerland, 2004. R. 29–35.

19. Swales J. Research Genres: Explorations and Applications. Cambridge University Press, 2004. 314 p.

20. Teufel S., Carletta J., Viens M. An annotation scheme for discourse-level argumentation in research articles // Proceedings of EACL'99: Ninth Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, 8-12 June 1999, University of Bergen, Norway. R. 110–117.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 21.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 80.808.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-74

EDN: ONOGQE

Ортологическая и лингвопрагматическая систематизация типичных ошибок студентов в текстах выпускных квалификационных работ

Анастасия Львовна Игнаткина¹, Виктория Владимировна Фенина^{2✉}

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия. 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104

²Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова. 410012, г. Саратов, пр-кт Столыпина, д. 1

¹anastasiaignatkina777@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6998-3>

²vvfenix12.vf@gmail.com✉, <http://orcid.org/0000-0002-9756-1407>

Аннотация. Статья посвящена анализу типичных ошибок при написании выпускных квалификационных работ студентов гуманитарных специальностей. Актуальность темы подтверждается снижением уровня речевой культуры среди студентов, что связано с влиянием интернета, массмедиа, недостаточными требованиями к грамотности студенческих текстов. Анализируются ошибки, свидетельствующие как об отсутствии общей грамотности, так и о недостаточном владении научным стилем. Цель данного исследования заключается в привлечении внимания к проблеме языковой и речевой грамотности в студенческих работах, систематизации основных ошибок и выявлении их возможных причин. С опорой на типологию компонентов культурно-речевой нормы Е. Н. Ширяева и типологию коммуникативных компетенций А. П. Сковородникова авторы разделяют ошибки на три основные группы – языковые, рече-коммуникативные и этико-эстетические ошибки. Каждая группа содержит различные типы ошибок. Около половины всех ошибок составляют языковые, в особенности пунктуационные и грамматические, среди рече-коммуникативных ошибок наиболее частотны прагма-синтаксические и стилиевые. Самая частотная ошибка связана со словом ‘также’, его орфографическим написанием и местом в предложении. Авторы высказывают ряд предположений о причинах возникновения того или иного типа ошибок, в частности, ошибки могут быть обусловлены влиянием «клипового мышления», переносом иностильных шаблонов в научную речь или специальностью студента. Проанализированный материал имеет практическое значение и может стать основой для создания методических пособий, направленных на улучшение качества выполнения выпускных квалификационных работ и повышение научной речевой культуры студентов в целом.

Ключевые слова: культура речи; языковые ошибки; речевые ошибки; коммуникативные ошибки; выпускная квалификационная работа; союз «также»; научный стиль

Для цитирования: Игнаткина А. Л., Фенина В. В. Ортологическая и лингвопрагматическая систематизация типичных ошибок студентов в текстах выпускных квалификационных работ // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 74–87. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-74>. <https://elibrary.ru/ONOGQE>

Original article

Orthological and linguopragmatic systematization of students' typical errors in graduate qualification works texts

Anastasiya Lvovna Ignatkina¹, Viktoria Vladimirovna Fenina^{2✉}

¹Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of foreign languages, Saratov state academy of law. 410056, Saratov, Chernyshevsky str., 104

²Candidate of philological sciences, lecturer at the department of humanitarian disciplines, Saratov state conservatoire named after L.V.Sobinov. 410012, Saratov, Stolypin ave., 1

¹anastasiaignatkina777@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6998-3>

²vvfenix12.vf@gmail.com✉, <http://orcid.org/0000-0002-9756-1407>

Abstract. The article analyzes typical mistakes made by students of humanitarian majors in their graduation papers. The relevance of the topic is due to the decline in the students' speech culture level, which is caused by the influence of the Internet, mass-media, and inadequate requirements to the literacy of student texts. The authors analyze errors indicating

both a lack of general literacy and a lack of proficiency in scientific style. The aim of this study is to draw attention to the problem of language and speech literacy in student papers and to classify the common errors and identify their possible causes. Based on the typology of cultural and speech norm components by E. N. Shiryayev and the typology of communicative competences by A. P. Skovorodnikov, the authors classify the mistakes into three main groups – linguistic, speech-communicative and ethical-aesthetic ones. Each group contains different types of errors. About half of all errors are linguistic, especially punctuation and grammar ones; among speech-communicative errors the most frequent are pragmatic-syntactic and style errors. The most common error is related to the word 'также' (also), its spelling and its place in the sentence. The authors make a number of assumptions about the reasons for the origin of this or that type of errors, in particular, that the errors may be due to the impact of «clip thinking», the transfer of foreign language patterns into scientific speech, or the student's major. The article has practical significance and can become the basis for academic manuals aimed at improving the quality of graduation papers and raising students' scientific speech culture in general.

Key words: speech culture; linguistic errors; speech errors; communicative errors; graduation paper; conjunction «также» (also); academic style

For citation: Ignatkina A. L., Fenina V. V. Orthological and linguopragmatic systematization of students' typical errors in graduate qualification works texts. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):74–87. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-74>. <https://elibrary.ru/ONOGQE>

Введение

В современном образовательном процессе одной из ключевых задач является формирование и поддержание высокой речевой культуры студентов, что особенно актуально при написании выпускных квалификационных работ (далее – ВКР). Правильность речи, выражающаяся в соответствии языковым и речевым нормам, играет важную роль в обеспечении грамотности и успешности будущих специалистов.

Однако исследования показывают, что уровень речевой культуры студентов неуклонно снижается [Падерина, 2015, с. 262; Фесенко, Божко]. Среди причин исследователи называют влияние интернета и массмедиа на формирование навыков чтения и письма [Цицкун, 2015, с. 163], отсутствие у современной молодежи языкового чутья и формирование «привычки к клавишному использованию языка» [Сиротинина, 2017, с. 33], последствия внедрения ЕГЭ по русскому языку [Селезнёва, 2008], приверженность учащихся, начиная со школы, к использованию шаблонов для написания сочинений [Уздинская, 2023, с. 35] и другие.

А. П. Сковородников, осуществив пилотажное исследование письменной речи студентов младших курсов в Сибирском федеральном университете, отмечает в целом высокий процент нарушений студентами культурно-речевых норм, в частности ошибки в построении предложений с деепричастным оборотом, ошибки в управлении, ошибки, связанные с порядком слов, актуальным членением предложения и др. [Сковородников, Копнина, 2008, с. 31].

В то же время уже на федеральном законодательном уровне принимаются меры, направленные на поддержание и укрепление грамотности. Так, в

феврале 2023 года в федеральный закон о русском языке была внесена поправка о том, что в важнейших сферах использования русского языка (к которым относится образование) «должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка», под которыми «понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках» [Федеральный закон от 28.02.2023 N 52-ФЗ, с. 2]. Кроме того, нельзя не отметить, что современные вузовские учебные планы практически по всем специальностям предусматривают не только курсы по русскому языку и культуре речи, но и относительно новый курс по созданию научных работ – «Основы научных исследований» (другие варианты – «Основы научно-методической деятельности», «Научно-исследовательская работа», «Организация научно-исследовательской работы студентов» и т. п.), где научному стилю (его языковому аспекту) также уделяется внимание [Рабочая программа по учебной дисциплине: Б.1.О.10 «Основы научных исследований», 2019, с. 15]. Однако, судя по содержанию программ, эти курсы носят больше теоретический, чем практический характер.

Анализируя трудности и ошибки, возникающие у студентов при написании ВКР, многие исследователи, к сожалению, не придают должного значения грамотному оформлению текста, называя языковые и речевые ошибки «ошибками технического плана» [Иванова, Волков, Бобров, 2022, с. 171]. В современных методических рекомендациях студентам о требованиях языковой и речевой грамотности обычно не говорится, основной акцент делается на соблюдение структурных и технических требований и следование образцу оформления ВКР [Методические рекомендации по подготовке выпускных квалификационных ра-

бот на образовательной программе «Современные социальные науки в преподавании обществознания в школе», 2024, с. 7–10].

Цель данного исследования – во-первых, привлечь внимание к проблеме общей и научной грамотности представляемых к защите студенческих работ; во-вторых, рассмотреть и систематизировать основные ошибки, допускаемые студентами при написании ВКР, выявить наиболее типичные ошибки; в-третьих, попытаться обосновать причины появления тех или иных ошибок. Предложенная начальная типологизация ошибок может стать основой для дальнейших исследований в этой области. Практическая значимость заключается в том, что с помощью полученных данных можно будет составить рекомендации и методические пособия по улучшению научной подготовки студентов вузов.

Понятия нормы и ошибки

Норма в языке обеспечивает устойчивость системы, гарантируя ее пользователям оптимальное взаимопонимание. Несмотря на то, что языковая норма не является однозначной и застывшей, она все же стремится к консервативности, поэтому даже в условиях массового порождения безграмотных текстов языковые и речевые ошибки не перестают восприниматься как таковые, по крайней мере, у представителей элитарного (полнофункционального) типа речевой культуры. Наиболее оптимальный, на наш взгляд, подход к языковой норме предложил Е. Н. Ширяев: «идеальной» норме (труднодостижимой) противопоставит «реальная объективная норма», обусловленная, с одной стороны, рамками литературного языка, с другой – целесообразностью, речетворчеством, языковым вкусом [Ширяев, 2000, с. 14].

Исходя из неоднородности нормы, Е. Н. Ширяев и его последователи выделяют в структуре культуры речи три компонента – собственно нормативный, коммуникативно-прагматический и этический (ориентация на систему языка и соблюдение ортологических норм, ориентация на взаимодействие с адресатом, на стиль и жанр; ориентация на морально-нравственные принципы коммуникации) [Ширяев, 2007, с. 287; Сковородников, 2012, с. 21].

При написании ВКР студенты должны соблюдать не только общие нормы литературного языка, но и основные принципы научного стиля, к которым принято относить отвлеченно-обобщенность, понятийную точность, эксплицитную логичность, гипотетичность, объективность [Купина, Матвеева,

2013, с. 147]. М. П. Котюрова и Е. А. Баженова говорят также о необходимости уделять особое внимание связности и целостности научного текста [Котюрова, Баженова, 2018, с. 111–122], употреблять средства авторизации и адресации, субтексты оценки, субтексты старого и нового знания [Котюрова, Баженова, 2018, с. 111–122].

При анализе различных нарушений в научных текстах встает проблема номинации этих нарушений. Под речевыми *ошибками* традиционно понимают «резкие и немотивированные отступления от императивных норм литературного языка», под речевыми *недочетами* понимают «нарушения языковых (речевых) норм, не являющихся строгими, императивными» [Культура русской речи, 2007, с. 578–579].

Вопрос выбора термина тесно связан с определением степени допустимости тех или иных отклонений от нормы в научной речи. Безусловно, нарушения общелитературной нормы более заметны, они вызывают раздражение у адресата, отвлекают от восприятия смыслового содержания текста и, следовательно, могут быть квалифицированы как недопустимые. Жанрово-стилевые отклонения менее заметны, но их наличие столь же недопустимо, поскольку препятствует адекватному восприятию текста, например, отсутствие или некорректное использование дискурсивов, средств авторизации и адресации может приводить к неразличению своего и чужого мнения в тексте научной работы. Таким образом, граница между ошибками и недочетами может быть весьма условной.

Материал и методология исследования

А. П. Сковородников формулирует понятие «культурно-речевая компетенция», под которым понимает совокупность знаний, умений и навыков, соответствующую высшему (полнофункциональному) типу речевой культуры. Основываясь на концепции Е. Н. Ширяева о компонентах речевой культуры и о типах норм, ученый выделяет три базовых компетенции – языковую, коммуникативную и этико-эстетическую (к ним он добавляет одну метакомпетенцию – общефилологическую, предполагающую владение базовыми филологическими понятиями). Внутри каждой компетенции выделяются субкомпетенции, которые отражают специфические аспекты культурно-речевых норм и качеств хорошей речи: правильность, точность, логичность, уместность, выразительность, информативность, доходчивость, чистоту, этичность, эстетичность, вежливость и т. д.

Общими для всех трех базовых компетенций являются так называемая эрратологическая субкомпетенция (от англ. *error* – «ошибка», умение видеть и исправлять речевые ошибки) и паралингвистическая субкомпетенция (культура владения невербальными средствами коммуникации). Ученый отмечает также, что практически все компетенции и субкомпетенции пересекаются, поэтому их разграничение весьма условно [Сковородников, Копнина, 2009, с. 16].

Соблюдение собственно *языковых норм* (грамотность) – это минимальное базовое требование к коммуникации. Коммуникативно-прагматические компетенции предполагают также соблюдение стиливых норм, которые обусловлены сферой употребления языка. Нарушения *коммуникативно-прагматической нормы* могут приводить к коммуникативным неудачам (общение не приносит желаемого и прогнозируемого результата). Наконец, *этико-эстетические нормы* апеллируют к фундаментальным моральным ценностям, таким как истина, добро, красота. С этими категориями тесно пересекаются ценности, основанные на максимах кооперации и вежливости Г. Ф. Грайса и Дж. Лича: содержательность, информативность, целесообразность, краткость, доброжелательность, правдивость, понятность [Грайс, 1985].

Итак, культура речи складывается из трех базовых компетенций: собственно языковой, коммуникативно-прагматической и этико-эстетической, которые реализуются в виде отдельных субкомпетенций. При этом коммуникативно-прагматическая компетенция может пониматься довольно широко, включая в себя не только универсальные умения строить речь логично, уместно, понятно, но и владение нормами текстопостроения, стиливыми, жанровыми нормами, нормами устной и письменной речи.

При анализе ВКР мы частично использовали модель культурно-речевых компетенций А. П. Сковородникова и Г. А. Копниной, разработанную для студентов вузов. С учетом выявленных нами ошибок мы рассматривали только *языковую, коммуникативно-прагматическую* и *этико-эстетическую* компетенции и не учитывали общефилологическую, которая предполагает выявление ошибок на уровне глубинного содержания тек-

ста. Для целей нашего анализа учитывались следующие субкомпетенции: правописная и структурно-текстовая (внутри языковой компетенции); логико-аргументативная, функционально-текстовая, жанрово-стилистическая (внутри коммуникативной компетенции); нормативно-ценностная и эстетико-речевая (внутри этико-эстетической компетенции). В соответствии с данными компетенциями ошибки поделены нами на три группы: *языковые; рече-коммуникативные; этико-эстетические*. Внутри этих групп выделяются подгруппы (Таблица 1).

Типы ошибок выделяются с опорой на следующие справочные материалы: 1) «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» под редакцией В. В. Лопатина (2018); 2) энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи» под редакцией Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева (2007 г.); 3) энциклопедический словарь-справочник «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» под редакцией А. П. Сковородникова (2005); 4) учебное пособие М. П. Котуровой, Е. А. Баженовой «Культура научной речи: текст и его редактирование» (2018). Рассчитывалась абсолютная и относительная частотность ошибок в процентах. Стоит отметить, что деление на типы и подтипы имеет иногда нежесткий и условный характер. Так, например, к этико-эстетическим ошибкам можно было бы отнести и стиливые ошибки, и эрратологические, и нарушения терминологической точности. Исходя из требований научной этики, в таком важном документе, как ВКР, практически любые ошибки и недочеты недопустимы.

Нами было проанализировано 13 ВКР студентов бакалавриата и магистратуры (общим объемом около 900 листов текста), написанных в 2020–2024 гг. по направлениям подготовки «Иностранный язык», «Зарубежная филология», «Журналистика», «Фундаментальная и прикладная лингвистика», «История», «Психология», «Международные отношения», «Международное налоговое право», «Народная художественная культура». ВКР анализировались на стадии финального представления студентами своих работ научному руководителю.

Таблица 1

Типы ошибок студентов в текстах ВКР

Языковые ошибки	Рече-коммуникативные ошибки/недочеты	Этико-эстетические ошибки/недочеты
1) орфографические, 2) пунктуационные, 3) лексические, 4) грамматические (структурно-синтаксические, морфологические, словообразовательные), 5) эрратологические ошибки (опечатки, небрежности)	1) прагматическо-синтаксические ошибки, 2) логические ошибки, 3) стилистические ошибки, 4) нарушение терминологической точности, 5) речевая недостаточность или избыточность, 6) тавтология, 7) дискурсивные недочеты: отсутствие или некорректное использование средств авторизации и адресации, субтекста старого и нового знания, субтекста оценки 8) жанровые ошибки	1) фактологические ошибки, 2) неблагозвучие, неудобочитаемость, 3) графические недочеты

В статье не рассматриваются нарушения, связанные с техническими требованиями к ВКР (оформление титульного листа, списка литературы, соблюдение полей, типа шрифта и т. д.), с техническими сбоями (например, «склеенные» слова и абзацы), а также ошибки, касающиеся структурирования ВКР, содержания по существу, раскрытия темы и т. п.

Анализ типичных ошибок студентов

Самой многочисленной группой ожидаемо стали **языковые ошибки** (51,3 % от общего числа ошибок). В данную группу вошли следующие типы: 1) пунктуационные (21 %), 2) орфографические (6,2 %), 3) грамматические (15 %), 4) лексические (6,2 %), 5) эрратологические (3 %) ошибки. Отметим, что выявленная нами частотность орфографических ошибок представляется не совсем объективной, потому что, как известно, при наборе текста в программе Word происходит автоматическая проверка орфографии и подчеркивание неправильных вариантов, и этим, конечно же, пользуются студенты. Однако автоматическая проверка не всегда выявляет сложные случаи орфографии (написание строчных и прописных букв, слитное, дефисное и раздельное написание слов и т. п.). К тому же студенты не всегда обращают внимание на подсказки правописания.

Рассмотрим данные типы подробнее.

Среди **пунктуационных ошибок** наиболее типичными были неправильная постановка запятой при союзах, союзных аналогах, частицах, вводных словах, лишние запятые на месте интонационной паузы, подмена знака тире знаком дефиса, например:

К тому же, мирное соглашение удовлетворило не всех представителей повстанческой организации, поэтому есть серьезные опасения, что

часть из них снова уйдет в джунгли и продолжит свою партизанскую миссию (лишняя запятая после союзного аналога);

Насмешка может быть выражена на лексическом уровне, с помощью эмоционально-оценочных существительных, прилагательных и наречий (лишняя запятая, вероятно, вследствие интонационной паузы);

Большинство исследователей склоняются к мнению, что именно в «стране пирамид» - в государстве Древний Египет - положено начало истории налогов и налогообложения (подмена тире дефисом).

Большие трудности вызывает у студентов пунктуационное оформление перечней. Так, в следующем отрывке студент смешивает два способа оформления перечней: первый – если текст рубрики начинается со строчной буквы, то после цифры ставится точка, а также точка после текста рубрики; второй – если текст рубрики начинается с прописной буквы, то после цифры ставится скобка, в конце рубрики ставится запятая или точка с запятой, а точка только в конце последней рубрики. Помимо этого, нарушено правило, состоящее в том, что между двумя предложениями внутри рубрики необходимо ставить точку, между словосочетаниями – точку с запятой. (Кроме пунктуационных – неправильное оформление перечня, отсутствие запятой в придаточном предложении, нарушение единообразия кавычек, – в данном абзаце содержатся и другие языковые ошибки: грамматические и эрратологические ошибки, лексические неточности, а также рече-коммуникативные – прагматическо-синтаксические, логические ошибки, плеоназм.):

Теплов подчеркнул такие трактования понятия «способность» – это:

1) *Индивидуальные психологические особенности, отличающие одного лица от другого; И если речь идет именно о «свойствах» в этом понятии все будут равны.*

2) *Индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешному выполнению какой-либо деятельности или даже нескольких деятельностей сразу.*

3) *умения, навыки и знания, которые уже сформированы у человека.*

Что касается **орфографических ошибок**, то наиболее «популярной» орфографической ошибкой (отчасти, видимо, из-за того, что ее «не видит» программа Word) стало раздельное написание союзов *также / а также* – 39 случаев из 194 словоупотреблений, например:

Ладовое чувство – это эмоциональный опыт и аффективная способность. Чувство гармонии так же раскрывает согласованность эмоционального и слухового аспектов музыкальности (раздельное написание союза ‘также’).

Кроме того, типичными были ошибки при написании наречий (*из вне, в последствии, по средством*), производных предлогов (*в заключении*), ошибки слитного и дефисного написания слов (*понастоящему, эмоционально-окрашенная лексика*), ошибки в использовании строчных и прописных букв, например:

И в заключении хотелось бы сказать о том, что на любом из этапов обучения чтение должно быть интересно и понятно для ребенка (ошибка в правописании производного предлога);

Иммигранты последних лет основали такие общества как Гражданская Ассоциация «Аист», Гуманитарная Помощь Международных Мигрантов, Культурный и Научно-Технический Центр Соотечественников «Наша Русь», Молодежное Движение «Славянка» (ошибки при использовании прописных строчных букв в названиях организаций).

Отдельно стоит отметить довольно частое некорректное использование буквы ё. Хотя это в целом не является ошибкой, но в научной литературе обычно не принято везде ставить ё, и большинство научных текстов пишутся без ё, кроме случаев, когда буква ё служит для различения смысла или является частью имен собственных. Однако многие студенты, видимо, не зная этого негласного правила, стремятся использовать букву ё (это может быть связано еще и с тенденцией последних лет употреблять букву ё во всех типах текстов, а не только в литературе для детей и иностранцев), при этом они часто используют ее непоследовательно, к тому же игнорируя случаи, где ё действительно необходима. Так, в следующем

примере студентка поставила ё в словах (причем не во всех), которые совершенно понятны без ё, но фамилию ученого (в английском варианте N. Bradburn) лишила этой буквы:

Существующая разница между такими аффектами служит показателем уровня психологического благополучия и передаёт общую картину ощущения как удовлетворённости, так и неудовлетворённости. Н. Бредберн позднее пришел к выводу, что... (некорректное и непоследовательное использование буквы ё).

Среди **грамматических ошибок** чаще всего встречались синтаксические ошибки, связанные со структурой предложения и словосочетания (14 %), такие как несогласованность однородных членов предложения по части речи, нарушение координации главных членов предложения, неправильное построение предложений с деепричастным оборотом, например:

Процесс разорения и последующего перехода богатых в класс бедняков порождало негативное отношение к богатым и как следствие ко всей правящей верхушке (нарушена координация между главными членами предложения);

Для усиления нужды героя в объекте любви, автор использует точное указание времени, как бы показывая, что, находясь в разлуке, время тянется долго (неправильное построение предложения с деепричастным оборотом).

Лексические ошибки представлены следующими видами: употребление слова в несвойственном ему значении, нарушение норм лексической сочетаемости, неправильный выбор синонима / антонима, смешение паронимов, не устраненная контекстом многозначность и двусмысленность, использование слов с нереализованной валентностью, нарушение сочетаемости в устойчивых оборотах (контаминация устойчивых выражений), кроме того, обращает на себя внимание незнание студентами устойчивых выражений и значений книжных слов, например:

Чтение на данном этапе направленно на обучение чтению с полным и точным пониманием. Обучение этому умению чтения дискутируется практической необходимостью (смешение паронимов – ‘диктуется / дискутируется’);

Данный вид спорта пользуется огромным интересом и спросом, благодаря чему в Бразилию съезжаются миллионы туристов (контаминация выражений ‘пользоваться успехом’ и ‘вызывать интерес’);

Аристотель сетовал за введение в государстве специальных должностей для хранения и перераспределения государственных доходов (контаминация выражений ‘сетовать на’ и ‘рато-

вать / выступать за’).

Стоит отметить и так называемые **эпистолические ошибки** (опечатки), возникающие вследствие невнимательности и небрежности, отсутствия привычки перечитывать набранный на компьютере текст. В целом они говорят о низком уровне как общей, так и научной грамотности, особенно в тех случаях, когда опечатки искажают важные термины, имена собственные или создают комический эффект, например:

В связи с этим можно сказать, что концептуальная оппозиция «любовь ~ страдание» для текстов данной группы является актуальной, чем и обоснован выбор материала исследования (опечатка);

[из оглавления] *Особенности реализации реальных стратегий и тактик конфликтной коммуникации в медицинском кинодискурсе (опечатка).*

Группа **рече-коммуникативных ошибок** (45,3 %) включает довольно многочисленные и разнообразные типы ошибок, общая особенность которых состоит в нарушении адекватного понимания текста адресатом и затемнения смысла высказывания. Термин «рече-коммуникативные» был выбран именно потому, что некоторые речевые ошибки могут не просто нарушать правила построения письменного текста, а приводить к непониманию со стороны адресата, то есть к коммуникативной неудаче. Исправление таких ошибок – часто сложный процесс дешифровки смысла, заложенного адресантом. К такого рода ошибкам относим: прагмасинтаксические (10 %), стилевые (7,8 %), ошибки на речевую избыточность и недостаточность (7 %), тавтологию (5 %), логические ошибки (4 %), терминологические неточности (3 %). Менее частотны дискурсивные ошибки (2 %).

Классические речевые ошибки (тавтология, плеоназмы, речевая недостаточность) были довольно частотны, они обусловлены, по всей видимости, не только бедностью языковой компетенции, но и невнимательностью при написании текста и неперечитыванием написанного, адресат же в итоге вынужден догадываться о смысле высказывания:

По окончании пройденной темы, можно проводить турнир по чтению. Класс делится на 4 группы. Жюри представляет собой 4-5 человека из старшей школы. Каждой выдается текст в зависимости от индивидуальных особенностей каждой группы (речевая недостаточность – не хватает слова «группе»; тавтология);

Сложное положение сложилось и на расположенных к северу от «Вечного города» территориях, на которых после распада империи Карла

Великого воцарилась глубокая феодальная раздробленность (тавтология);

Стилевые ошибки в ВКР связаны прежде всего с несоблюдением норм научного стиля. В основном это были неоправданные вкрапления из других стилей и подстилей:

- разговорного: *по большому счету, по факту, попросту, схожий, завлечь, подстегивает, речь идет про, в половину;*
- делового, канцелярского (так называемый канцелярит): *платежи получали свое закрепление, не приносит возможности, можно осуществлять наглядность, Клейменов И.М. (инициалы не до, а после фамилии ученого);*
- публицистического: *всенародный любимец, из-под пера, клеймить, производят фурор;*
- возвышенного, поэтического: *дабы, поведать, ратовать;*
- учебно-научного: *давайте рассмотрим; начинать надо с малого, следует использовать;*
- устной научной речи: *и в заключении хотелось бы сказать.*

Приведем примеры:

Роль Че Гевары и Кубинской революции, влияние, оказанное ими на развитие новых партизанских движений, рассматривают Шубин А.В. и Ларин Е.А. (вкрапление из делового стиля);

В то же время многие танцоры танго из России участвуют в международных конкурсах и соревнованиях, занимают призовые места и производят фурор среди зрителей (вкрапление из публицистического стиля);

Узнав о действиях Иоанна XII, император отправил в Рим «некоторых доверенных ему лиц», дабы разъяснить обстановку (неуместный архаизм);

В процессе перерождения и эволюции обществ в государства данные платежи получали свое закрепление уже непосредственно в качестве одного из главных инструментов для материального обеспечения функций государственного аппарата и его органов (канцелярит).

К дискуссионным стилевым ошибкам можно отнести слово «схожий», которое в современных словарях помечается как разговорное [Ефремова, 2000, с. 215], однако часто употребляется вместо нейтральных слов «сходный» и «похожий» в различных по стилю современных текстах, в том числе строго научных, что является, на наш взгляд, недопустимым. Слово «схожий» было употреблено в текстах ВКР 10 раз, при этом слово «сходный» было также употреблено 10 раз, причем «сходный» и «схожий» встречались в рамках

одной ВКР и даже одного абзаца, приводя еще и к тавтологии, например:

Как справедливо отмечает работающий в Колумбии испанский исследователь Р. Ортис, после нанесенных им ударов ФАРК могут отказаться от мечты захватить власть посредством партизанской войны и превратиться в классическую террористическую организацию, напоминающую баскскую ЭТА, ирландскую ИРА, или в подобие транснациональных движений, сходных с радикальным исламом. Схожего мнения придерживается политолог Хуан Пабло Миланесе (стилевая ошибка; тавтология).

Среди **прагма-синтаксических ошибок** выделяем такие ошибки, как 1) неудачную сочетаемость, создающую ненужные смысловые связи; 2) ошибочную или неудачную соотношенность дейктических элементов и замещаемых ими слов, приводящую к двусмысленности; 3) неправильный порядок слов; 4) неуместное использование номинативных предложений. В отличие от собственно синтаксических (языковых) ошибок, данные ошибки не противоречат системе русского языка, то есть анализируемое предложение/словосочетание является ошибочным не с точки зрения языка, а, например, с точки зрения научного стиля, с точки зрения жанра ВКР, с точки зрения восприятия адресатом. Например, в предложении ниже некорректно употребленная форма местоимения «каждому из них» создает двусмысленность: непонятно, будет ли внимание уделено средствам выражения авторской позиции или упомянутым исследователям:

В основе классификации средств выражения авторской позиции лежат работы исследователей языка СМИ: М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой и др. Уделим внимание каждому из них (неудачная соотношенность дейктических элементов и замещаемых ими слов).

Ошибки на порядок слов в предложении также способны приводить к затемнению смысла. В письменном научном тексте тема обычно предшествует реме, а не наоборот, иначе без интонационного выделения или выделительных частиц типа *а именно, только* сложно понять, какую мысль хотел выразить адресант, на чем сделать акцент. Так, в следующем примере синтагма «для эффективного запоминания финальной фразы» поставлена студентом в начало предложения, ей не предшествует выделительная частица, поэтому не сразу понятно, что именно ее автор текста считает ремой, то есть новой информацией об уже упомянутом «слогане»:

Завершение рекламного текста осуществляется с помощью слогана, в котором содержится

краткое сообщение с целью передачи основных преимуществ товара. Для эффективного запоминания финальной фразы в рекламных текстах используется краткий слоган (неправильный порядок слов).

Отдельного внимания заслуживает ошибка, связанная с местом в предложении союза *также*. По общему правилу, отмечаемому в работах авторитетных синтаксистов [Каверина, 2015, с. 8; Сиротинина, 2015, с. 99], союз *также* должен стоять после того слова, к которому относится, иначе может затемняться смысл сказанного. В исследованных нами ВКР наблюдается устойчивая тенденция употреблять *также* в абсолютном начале предложения, относя это слово ко всему предложению в целом (иногда после *также* студенты даже ставили запятую, тем самым выдвигая его на роль вводного слова):

Также Флекенштейн отмечает обострение отношений между Оттоном, который стал императором в 962 году (неправильный порядок слов в предложении с союзом ‘также’);

Данные тактики, чаще всего, используются в комплексе для усиления воздействия на оппонента. Также, на основании практического материала был выявлен ряд языковых маркеров, проявляющихся на грамматическом, синтаксическом и лексическом уровнях (неправильный порядок слов в предложении с союзом ‘также’, лишняя запятая).

Мы зафиксировали 80 случаев ошибочного употребления союза *также*. Учитывая еще 39 случаев его неправильного орфографического написания (итого 119 случаев), можно утверждать, что ошибки в слове *также* являются самыми типичными для студентов. Ввиду частотности данной ошибки не только в ВКР, но и в других современных научных и вообще письменных текстах считаем ее дискуссионной: можно предположить тенденцию к диффузии данного слова и постепенный сдвиг нормы. Тем не менее авторы статьи придерживаются консервативной позиции в отношении данного словоупотребления (особенно в научной речи): союз *также* должен стоять после того слова, к которому он относится, это помогает обеспечить точность понимания текста адресатом.

Еще одной серьезной прагма-синтаксической ошибкой в выпускных работах можно считать неуместное использование эллиптических и номинативных предложений, а также некорректное дробление длинных предложений (парцелляция). Номинативные предложения в научном тексте используются в заголовках и подзаголовках, в библиографическом списке, но не в самом тексте ВКР. Такие виды ошибок являются своего рода

приметой современной письменной речи, возможно, следствием «клипового мышления»: общаясь в чатах и мессенджерах, молодежь привыкает писать не полноценные предложения, а половинчатые фразы, между которыми нет средств связи, и эта модель (так называемая естественная письменная речь), к сожалению, иногда переносится в письменную научную речь, приводя к неумению развернуть мысль в связный текст:

*С помощью «белой доски» можно осуществлять наглядность обучения. **Отрабатывать** новые слова на произношение (можно прочитать слова, послушать их произношение диктором, а также посмотреть видеоролик), тут же выполнить задание самостоятельно, сгруппировав несколько слов по принципу наличия идентичных звуков. **Вывод на экран лексических списков** (слова, сгруппированные по темам: food, holidays, seasons). **Диалогические карты** (некорректное употребление номинативных предложений, нарушение связности текста).*

Рассматривая **логические ошибки**, следует отметить следующие их виды: 1) алогизмы (в частности нарушение гипо-гиперонимических отношений при составлении списков и перечислении), 2) несвязность рядом стоящих предложений или даже целых абзацев по смыслу, 3) нарушение причинно-следственных связей внутри предложения, 4) нарушение абзацного членения (либо близкие по смыслу предложения оказываются в разных абзацах, либо в одном абзаце присутствуют разрозненные по смыслу описания), 5) нарушение логики изложения (пример противоречит тезису, у тезиса нет доказательств и др.). В отдельных случаях текст может вызвать полное непонимание, например, в силу нарушения в нем причинно-следственных связей, например:

***Бразилия в наши дни – это страна необычайной красоты и удивительного многообразия. Бразильское руководство всё больше стремится включать компоненты «мягкой силы» в свои внешнеполитические стратегии с целью создания благоприятных внешних условий для внутреннего развития** (нарушение причинно-следственных связей в тексте: первое предложение не связано со вторым ни по смыслу, ни с помощью текстовых скреп).*

Серьезным, хотя и малочисленным типом ошибок (1,7 %) является **терминологическая неточность**. Сюда относятся такие виды ошибок, как 1) неоправданная синонимия терминов, приводящая к двусмысленности, 2) неправильное соотношение термина с обозначаемым явлением, 3) неудачные термины-окказионализмы, например:

*Первый **лозунг** поднимает вопрос, есть ли у нашего автомобиля или другого вида транспорта водительский интеллект. Другой **слоган** соединяет два обычно несравненных предмета, как кожа и жажда (синонимия терминов, приводящая к двусмысленности);*

*Используя местоимение 1-го лица, автор высказывания акцентирует свою личную позицию при помощи местоимения «я» и **глагола-волеизъявления** «не претендую» (неудачный термин-окказионализм, лучше было бы использовать общепринятый термин «перформатив»).*

Иногда наличие даже одной подобной ошибки в ВКР может приводить к серьезной коммуникативной неудаче. Рассмотрим, например, название одной из ВКР – «**Виды отступлений от культурно-речевой нормы в рекламных текстах**», где выделенный термин можно понимать двояко: отступление от нормы как речевая ошибка и отступление от нормы как стилистический прием, причем вначале при чтении приходит в голову именно первое значение данного термина. Далее в работе этот ключевой термин никак не поясняется, и только к концу первой главы становится понятно, что, оказывается, автор работы анализирует отступления от культурно-речевой нормы только во втором значении термина – как стилистический прием.

Тип **дискурсивных ошибок** включает такие виды, как: 1) неправильное использование средств авторизации и адресации или их отсутствие, 2) неразличение своего и чужого мнения в тексте, 3) неумение лаконично передать чужой текст и прокомментировать его, 4) неверные текстовые скрепы, нарушающие связность. Из-за подобных ошибок читателю ВКР трудно понять отношение автора к излагаемому материалу, трудно разграничить субтекст старого и нового знания, а также ориентироваться в пространстве научного текста. Авторами ВКР редко или недостаточно используются «ориентирующие» дискурсивы типа *рассмотрим..., перейдем к..., что касается..., по мнению..., безусловно, по-видимому* и др., что также затрудняет адекватное восприятие текста адресатом. Например, студент начинает абзац с цитаты, никак при этом не комментируя чужую точку зрения и не высказывая свою:

*«**Конститутивные признаки** включают участников, условия, организацию, способы и материал общения, т.е. людей в их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, знаковое тело общения» [Карасик, 2000, с. 11–12] (не-*

умение лаконично передать чужой текст и прокомментировать его).

В текстах ВКР встречались также единичные так называемые **жанровые ошибки**, связанные с неправильным построением самого жанра ВКР: 1) неправильная формулировка заголовков и подзаголовков, приводящая к смешению жанров (например, заголовок *К вопросу о возникновении налогообложения* вряд ли может использоваться как название теоретической главы ВКР, это скорее название для научной статьи), 2) отсутствие четкой рубрикации введения, в частности таких блоков, как *предмет, объект, научная новизна* и т.д., 3) отсутствие необходимых выводов по исследованию в разделе «Выводы» или представление ни на чем не основанных выводов, 4) отсутствие описания перспектив исследования в заключении.

Наконец, третья выделяемая группа – **этико-эстетические ошибки** – соотносятся с этико-речевой нормой и этической речевой компетенцией. К этой группе мы причисляем фактологические ошибки, неблагозвучие (неудобочитаемость), графические недочеты. Все эти нарушения связаны с нравственными категориями (истина, красота, скромность, ответственность). В исследованных нами ВКР данная группа ошибок занимает всего 3,1 % от общего числа.

Фактологические ошибки представляют собой искажения названий, имен, фамилий, научных терминов и понятий. Эти ошибки являются следствием незнания базовых или специализированных гуманитарных понятий, в результате чего может происходить подмена одного термина другим, несоответствие иллюстративных примеров толкуемым понятиям, изобретение несуществу-

ющих терминов, искажение признанных научных фактов, например:

Анализ рекламных текстов в русскоязычных журналах позволяет сделать вывод о том, что заимствование иноязычной лексики является нарушением языковых норм русского языка, хотя и выполняет информативную и экспрессивную функции (искажение общепризнанных научных фактов: ни заимствование, ни использование иноязычной лексики не является нарушением языковых норм).

К **эстетическим недочетам** относим: 1) неблагозвучие, неудобочитаемость, 2) графические недочеты (непоследовательные или разноплановые выделения в тексте):

Автор формулирует закономерность влияния налога на прибыль на цены, а также предложение товара (неудобочитаемость от близко расположенных одинаковых предлогов);

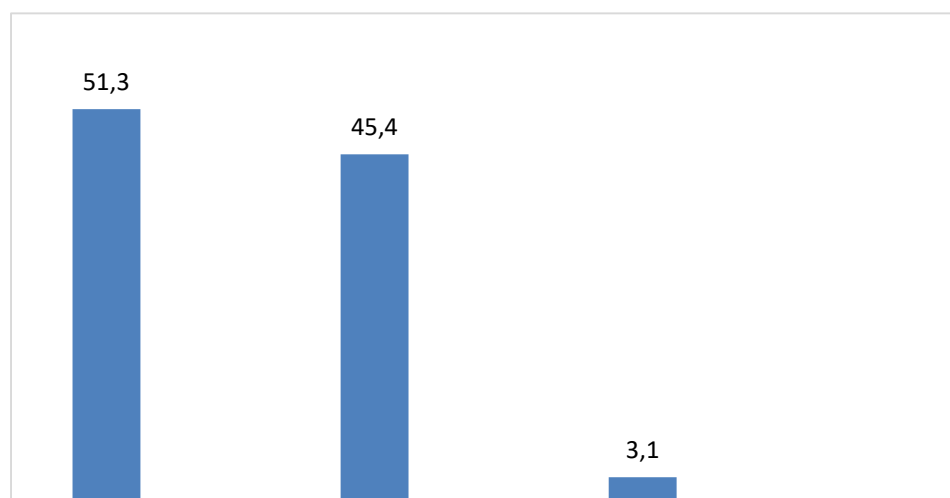
ГЛАВА 1 Теоретические аспекты проблемы обучения иностранному языку младших школьников

Глава 2 Методические аспекты формирования навыка иноязычного общения младших школьников при обучении чтению (непоследовательное графическое оформление элементов оглавления).

Суммарно в 13 ВКР нами было выявлено более 5 тысяч различных ошибок и недочетов, отдельные работы содержали более 600 ошибок, что, конечно, говорит о необходимости целенаправленного обучения студентов старших курсов научному стилю речи, повышения их общей культурно-речевой грамотности. На диаграмме 1 представлено количественное соотношение ошибок студентов в выпускных работах.

Диаграмма 1

Количественное соотношение групп ошибок студентов в текстах ВКР

Зависимость типа ошибок от специальности студента

Природа некоторых студенческих ошибок иногда может быть обусловлена особенностью специальности студента и темой его ВКР. Эта зависимость проявилась наиболее ярко в стилевых ошибках. Так, студенты факультета иностранных языков и лингводидактики тяготели к подмене строго научного стиля учебно-научным (стиль учебника); студенты-историки часто употребляли архаизмы (*дабы, поведать*), ВКР студента юридического факультета изобиловала канцелярскими штампами, перенесенными из официальных документов:

В рассматриваемом признаке налога не имеет место ограничения воли плательщика налога на этапе формирования юридических фактов, которые обуславливают зарождение налоговой обязанности (использование канцелярита в работе студента юридической специальности).

Иногда прослеживалась даже связь ошибок с полом и личностью студента, его личными интересами. Так, например, в одной юношеской работе встретилось несколько типичных ошибок при ссылке на ученых:

Стоит отметить, что швейцарец Ж. Сисмонди пошел дальше и разработал свою «теорию наслаждения» (подмена научного стиля спортивным штампом).

Можно предположить, что этот студент увлекается спортом и переносит речевые шаблоны спортивного дискурса в свой научный текст (ср. характерное название публицистической статьи на спортивную тему – *Испанец Рафаэль Надаль и швейцарец Роджер Федерер сыграют в финале теннисного турнира в Риме* [ТАСС, 2013]).

Студентка факультета иностранных языков иногда допускала ошибки в структуре предложения, вызванные интерференцией английской и русской синтаксических структур:

Здесь использованы все виды назывных предложений: именные фразы, глагольные фразы, наречные фразы, адъективные фразы. Они настолько лаконичны, точны, что являются довольно популярными среди создателей рекламы, поскольку они короткие и легкие, чтобы повторять и запоминать (интерференция русской и английской синтаксических структур: ср. англ. *‘they are short and easy to repeat and memorize’*).

Иногда ошибки могут быть отчасти обусловлены спецификой темы исследования. Например, одна студентка писала выпускную работу по рекламным текстам, которым свойственно обилие

назывных предложений и эллиптических конструкций, и, возможно, вследствие этого сама использовала эллиптические предложения, неуместные в научном тексте. Работа другой студентки, выполнявшей исследование по методике обучения младших школьников, страдала неуместной для научного стиля экспрессией и эмоциональностью:

В русскоязычном журнале реклама косметики для лица «Синержи»: «Очищает. Тонизирует. Увлажняет» (неуместное использование эллиптических предложений в ВКР по рекламе);

Итак, когда сложный многосторонний мир звуков, букв и транскрипционных значков освоен и исследован, наши маленькие ученики сами пытались соединить буквы в слова, сами выводили свои правила чтения (неуместная экспрессия и эмоциональность в ВКР по методике обучения младших школьников).

Работы студентов филологического факультета содержали, конечно, меньше ошибок, однако были представлены почти все их типы, включая орфографические, пунктуационные, синтаксические, в частности, на три филологические ВКР было допущено 16 ошибок со словом ‘также’.

В целом же четкой и постоянной зависимости типа ошибок от специальности студента нами обнаружено не было. Однако данный аспект нуждается в дальнейшем исследовании.

«Положительная» сторона ошибок в текстах ВКР

Несмотря на частотность в текстах ВКР различного рода ошибок, они могут служить неким дополнительным индикатором уникальности текста. Это особенно важно сегодня, в эпоху усиливающегося внедрения программ искусственного интеллекта типа ChatGPT или DeepSeek, которыми, к сожалению, очень активно пользуется студенческая молодежь и которые способны выдавать уникальные тексты практически на любой запрос таким образом, что эти тексты способны пройти проверку на антиплагиат.

В 2023 году мы проводили небольшой опрос вузовских преподавателей по поводу их отношения к ошибкам студентов; было предложено оценить те или иные фрагменты ВКР как содержащие ошибки или соответствующие норме (совершенно правильно/допустимо/скорее допустимо). Интересен в этой связи комментарий одного из преподавателей к фрагментам ВКР, содержащим ошибки: *Всё это либо просторечие, либо неуклюжие выражения. Но они допустимы, так как именно здесь видна «рука» автора.* Очевидно, препода-

вателям (научным руководителям) очень важно, чтобы студент умел прежде всего рассуждать, мыслить самостоятельно, высказывать критическое мнение. В связи с этим перспективным представляется исследовать сгенерированные искусственным интеллектом научные тексты на предмет ошибочных (неудачных) шаблонов и конструкций, а также сравнивать «живые» и «машинные» ошибки.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал примерно равное соотношение языковых (51,3 %) и рече-коммуникативных ошибок (45,4 %) и незначительное количество этико-эстетических ошибок/недочетов (3,1 %), при этом отдельные работы содержали более 600 ошибок, что, конечно, говорит о необходимости целенаправленного обучения студентов старших курсов научному стилю речи, повышения их общей культурно-речевой грамотности.

Анализ выпускных квалификационных работ позволил выявить наиболее распространенные проблемы в овладении студентами навыками построения научного текста – пунктуационными, орфографическими, синтаксическими, стилевыми, логическими его аспектами. Неумение связно и четко формулировать мысль может быть обусловлено переносом иностилевых шаблонов в научную речь, влиянием «клипового мышления», общей тенденцией к диффузии того или иного слова (случаи с «также» и «схожий»), специализацией студента, а также обычной невнимательностью – все это необходимо учитывать при обучении научному стилю.

Выделяемые и описываемые нами типичные ошибки могут быть значимы для дальнейших исследований и разработки практических рекомендаций, а тем самым – улучшения качества подготовки специалистов, повышения их речевой культуры. Кроме того, они могут послужить основой для будущей типологии. К перспективам исследования также относится изучение зависимости типа ошибок от специальности студента.

Библиографический список

1. Грайс Г. Ф. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : «Прогресс», 1985. Вып. 16. С. 217–237.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т. Т. 2. Москва : Рус. яз., 2000. 1088 с.
3. Иванова М. М., Волков П. Ю., Бобров А. Д. Анализ типичных ошибок выпускных квалификационных работ и пути их предотвращения // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-3. С. 170–173.
4. Каверина В. В. Слово также в современном русском языке: употребление и правописание // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. № 4 (18). 2015. С. 6–10.
5. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2018. 280 с.
6. Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. 2-е изд, испр. Москва : Флинта : Наука, 2007. 840 с.
7. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка : учеб-к для бакалавров. Москва : «Юрайт», 2013. 415 с.
8. Методические рекомендации по подготовке выпускных квалификационных работ на образовательной программе «Современные социальные науки в преподавании обществознания в школе» от «19» августа 2024 г. URL: https://www.hse.ru/data/2024/09/19/1894725495/Метод.рекомендации%20по%20подготовке%20ВКР_ССНвПО_2024.pdf (дата обращения 11.02.2025).
9. Падерина Л. Н. К вопросу «ликвидации безграмотности по русскому языку» у студентов вуза // Коммуникативные процессы в образовательном пространстве : материалы Междунар. науч.-практ. конференции в рамках IV Междунар. науч.-образоват. форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития». Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2015. С. 262–265.
10. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. Москва : АСТ-Пресс, 2020. 432 с.
11. Рабочая программа по учебной дисциплине: Б.1.О.10 «Основы научных исследований» Направление подготовки: 53.03.02 Музыкально-инструментальное искусство. Уровень образования: бакалавриат / разработчики Д. И. Варламов, Н. И. Тормозова. Протокол № 17 от 22 апреля 2019 г. С. 1–42. URL: https://oec-static.main.sgu.ru/textbooks/SGK/MII_bak_20-23/10_ONI_MII_bak_20-23.pdf (дата обращения 11.02.2025).
12. Селезнёва Е. В. К чему приведут тесты на выпускных экзаменах // Русский язык. № 8. 2008. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200800810> (дата обращения: 12.02.2025).
13. Сиротинина О. Б. О порядке слов // Чтобы Вас понимали. Культура русской речи и речевая культура человека : учебное пособие / под ред. О. Б. Сиротининой. Москва : ЛИБРОКОМ, 2015. С. 15–119.
14. Сиротинина О. Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 25–37.
15. Сковородников А. П. О содержании понятия «этико-речевая компетенция» // Мир русского слова.

2012. № 4. С. 20–27.

16. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Вестник Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 2. С. 5–18.

17. Сковородников А. П., Копнина Г. А. О формировании речевой культуры студента высшего учебного заведения (в аспекте компетентностного подхода) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 4(11). С. 30–35.

18. Уздинская Е. В., Струкова О. Н. Типичные речевые ошибки в итоговых сочинениях школьников // Русский язык в школе. 2023. № 84(5). С. 29–36.

19. Федеральный закон от 28.02.2023 N 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном языке Российской Федерации“». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (дата обращения 11.02.2025).

20. Фесенко О. П., Божко И. Ю. Проблема снижения языковой грамотности студентов как результат переориентации современной образовательной парадигмы. URL: https://www.ulspu.ru/upload/img/medialibrary/f7e/fesenko_bozhko_omsk_statya.pdf (дата обращения 11.02.2025).

21. Цицкун В. В. Опосредованное влияние интернета на грамотность современной молодежи // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oposredovannoe-vliyanie-interneta-na-gramotnost-sovremennoj-molodezhi> (дата обращения: 12.02.2025).

22. Ширяев Е. Н. Культура речи // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. 2-е изд, испр. Москва : Флинта : Наука, 2007. С. 287–289.

23. Ширяев Е. Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 13–20.

Reference list

1. Grajs G. F. Logika i rechevoe obshhenie = Logic and speech communication // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moskva : «Progress», 1985. Vyp. 16. S. 217–237.

2. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovno-slovoobrazovatel'nyj = The New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Word formation : v 2-h t. T. 2. Moskva : Rus. jaz., 2000. 1088 s.

3. Ivanova M. M., Volkov P. Ju., Bobrov A. D. Analiz tipichnyh oshibok vypusknih kvalifikacionnyh rabot i puti ih predotvrashhenija = The analysis of typical errors in graduation papers and the ways to prevent them // Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. № 75-3. S. 170–173.

4. Kaverina V. V. Slovo takzhe v sovremenном русском языке: upotreblenie i pravopisanie = The word takzhe in modern Russian: the usage and spelling // Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. Vyp. № 4 (18). 2015. S. 6–10.

5. Kotjurova M. P., Bazhenova E. A. Kul'tura nauchnoj rechi: tekst i ego redaktirovanie = Culture of academic speech: text and editing it : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2018. 280 s.

6. Kul'tura russkoj rechi : Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik = The culture of Russian speech: Encyclopedic reference dictionary / pod red. L. Ju. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shirjaeva i dr. 2-e izd, ispr. Moskva : Flinta : Nauka, 2007. 840 s.

7. Kupina N. A., Matveeva T. V. Stilistika sovremen-nogo russkogo jazyka = Stylistics of the modern Russian language : ucheb-k dlja bakalavrov. Moskva : «Jurajt», 2013. 415 s.

8. Metodicheskie rekomendacii po podgotovke vypusknih kvalifikacionnyh rabot na obrazovatel'noj programme «Sovremennye social'nye nauki v prepodavanii obshhestvoznaniya v shkole» ot «19» avgusta 2024 g. = Methodological recommendations for preparing graduation papers within the education programme Contemporary Social Sciences in Teaching Social Studies in Schools of August, 19, 2024 URL: https://www.hse.ru/data/2024/09/19/1894725495/Metod.rekomendacii%20po%20podgotovke%20VKR_SSNvPO_2024.pdf (data obrashhenija 11.02.2025).

9. Paderina L. N. K voprosu «likvidacii bezgramotnosti po russkomu jazyku» u studentov vuza = Towards the question of «eliminating illiteracy in the Russian language» among University students // Kommunikativnye processy v obrazovatel'nom prostranstve : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii v ramkah IV Mezhdunar. nauch.-obrazovat. foruma «Chelovek, sem'ja i obshhestvo: istorija i perspektivy razvitija». Krasnojarsk : Krasnojarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V. P. Astaf'eva, 2015. S. 262–265.

10. Pravila russkoj orfografii i punktuacii. Polnyj akademicheskij spravocnik = Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference book / pod red. V. V. Lopatina. Moskva : AST-Press, 2020. 432 s.

11. Rabochaja programma po uchebnoj discipline: B.1.O.10 «Osnovy nauchnyh issledovanij» Napravlenie podgotovki: 53.03.02 Muzykal'no-instrumental'noe iskusstvo. Uroven' obrazovaniya: bakalavriat = Work program for the academic discipline: B.1.O.10 «Introduction to Scientific Research» Direction of training: 53.03.02 Musical-instrumental art. Education level: Bachelor's programme / razrabotchiki D. I. Varlamov, N. I. Tormozova. Protokol № 17 ot 22 aprelja 2019 g. S. 1–42. URL: https://oec-static.main.sgu.ru/textbooks/SGK/MII_bak_20-23/10_ONI_MII_bak_20-23.pdf (data obrashhenija 11.02.2025).

12. Seleznjova E. V. K chemu privedut testy na vypusknih jekzamenah = Where tests in graduation exams will lead // Russkij jazyk. № 8. 2008. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200800810> (data obrashhenija: 12.02.2025).

13. Sirotinina O. B. O porjadke slov = On the word order // Chtoby Vas ponimali. Kul'tura russkoj rechi i rechevaja kul'tura cheloveka : uchebnoe posobie / pod red. O. B. Sirotininoj. Moskva : LIBROKOM, 2015. S. 15–119.

14. Sirotinina O. B. Chto meshaet jeffektivnosti sovremennoj kommunikacii? = What hinders the effectiveness of modern communication? // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2017. № 1. S. 25–37.
15. Skovorodnikov A. P. O sodержanii ponjatija «jetiko-rechevaja kompetencija» = On the meaning of the concept «ethical and speech competence» // *Mir russkogo slova*. 2012. № 4. S. 20–27.
16. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Model' kul'turno-rechevoj kompetencii studenta vysshego uchebnogo zavedenija = Cultural speech competence model of a University student // *Vestnik Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2009. № 2. S. 5–18.
17. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. O formirovanii rechevoj kul'tury studenta vysshego uchebnogo zavedenija (v aspekte kompetentnostnogo podhoda) = On forming speech culture of a University student (competence approach aspect) // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2008. № 4(11). S. 30–35.
18. Uzdinskaja E. V., Strukova O. N. Tipichnye rechevye oshibki v itgovykh sochinenijah shkol'nikov = Common speech errors in final essays of schoolchildren // *Russkij jazyk v shkole*. 2023. № 84(5). S. 29–36.
19. Federal'nyj zakon ot 28.02.2023 N 52-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon „O gosudarstvennom jazyke Rossijskoj Federacii”». = the Federal Law of 28.02.2023 N 52-FZ “On Amendments to the Federal Law „On the State Language of the Russian Federation”. ULR: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (data obrashhenija 11.02.2025).
20. Fesenko O. P., Bozhko I. Ju. Problema snizhenija jazykovoj gramotnosti studentov kak rezul'tat pereorientacii sovremennoj obrazovatel'noj paradigmy = The problem of declining students' language literacy as a result of the modern educational paradigm reorientation. ULR: https://www.ulspu.ru/upload/img/medialibrary/f7e/fesenko_bozhko_omsk_statya.pdf (data obrashhenija 11.02.2025).
21. Cickun V. V. Oposredovannoe vlijanie interneta na gramotnost' sovremennoj molodezhi = Indirect Internet impact on the literacy of modern youth // *Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina*. 2015. № 4. ULR: <https://cyberleninka.ru/article/n/oposredovannoe-vliyanie-interneta-na-gramotnost-sovremennoj-molodezhi> (data obrashhenija: 12.02.2025).
22. Shirjaev E. N. Kul'tura rechi = The culture of speech // *Kul'tura russkoj rechi: jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik / pod red. L. Ju. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shirjaeva i dr. 2-e izd, ispr.* Moskva : Flinta : Nauka, 2007. S. 287–289.
23. Shirjaev E. N. Tipy norm i vopros o kul'turno-rechevyh ocenkah = Types of the norm and the question of cultural-speech evaluation // *Kul'turno-rechevaja situacija v sovremennoj Rossii*. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. S. 13–20.

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 23.05.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-88

EDN: PMQPTF

Советские плакаты как источник прецедентных феноменов

Лариса Васильевна Селезнева^{1✉}, Цзинянь Ма², Сяофэн Ли³

¹Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Аспирант кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

³Аспирант кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

¹loramuz@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>

²majingyan1997@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9617-3805>

³Lxiaofeng@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0006-6923-8190>

Аннотация. Статья посвящена прецедентным феноменам, которые рассматриваются с точки зрения прагматической значимости их реализации в современных плакатах. Плакаты, являясь поликодовым текстом, активно используются в коммуникации как одно из средств агитации. Цель исследования заключается в установлении функционально-прагматических характеристик прецедентных феноменов в структуре поликодового текста и определении роли советских плакатов как сферы-источника при создании современных плакатов. В статье представлено лингвокультурное описание прецедентных феноменов из советских плакатов, которые используются в современных агитационных плакатах на тему профилактики коронавируса. Исследование показывает, что прецедентность проявляется на текстовом, изобразительном, цветовом и графическом уровнях. Отмечается высокий потенциал советских плакатов как средства аттрактивности. Их значение формируется на основе взаимодействия со сферой-источником и сферой-мишенью, при этом в современных агитационных плакатах могут быть использованы разные элементы советского плаката (образы, шрифт, цвет и т. п.), которые становятся прецедентными феноменами в силу того, что известны и понятны большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти и вызывают определенные эмоции (положительные и отрицательные, притяжения и отталкивания). Перенесение советских прецедентных феноменов в бытовой или медицинский дискурс может восприниматься как положительное или негативное явление. Анализ источников прецедентности позволяет утверждать, что существует корреляция между источником прецедентности и функцией связанного с ним компонента плаката. Были уточнены некоторые аспекты прецедентности и роль прецедентного феномена в формировании и восприятии плаката.

Ключевые слова: прецедентные феномены; плакаты; сфера-источник; сфера-мишень; прецедентное высказывание; прецедентные жесты; поликодовые тексты

Для цитирования: Селезнева Л. В., Цзинянь Ма, Сяофэн Ли Советские плакаты как источник прецедентных феноменов // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 88–100. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-88>. <https://elibrary.ru/PMQPTF>

Original article

Soviet posters as a source of precedent phenomena

Larisa V. Selezneva^{1✉}, Jinyan Ma², Xiaofeng Li³

¹Doctor of philological sciences, assistant professor, professor at the department of russian literature and cross-cultural communication, The Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin str., 6

²Postgraduate student at the department of general and russian linguistics, The Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin str., 6

³Postgraduate student at the department of general and russian linguistics, The Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Academician Volgin str., 6

¹loramuz@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>

²majingyan1997@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9617-3805>

³Lxiaofeng@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0006-6923-8190>

Abstract. The article considers precedent phenomena in terms of their pragmatic significance in modern posters. Posters, being a polycode text, are widely used in communication as a means of agitation. The aim of the study is to define functional and pragmatic characteristics of precedent phenomena in the structure of polycode text and to determine the role of soviet posters as a source for creating modern posters. The article presents a linguocultural description of precedent phenomena from soviet posters, which are used in modern propaganda posters on coronavirus prevention. The study shows that precedence is manifested at the textual, pictorial, color and graphic levels. The authors note a high potential of soviet posters as a means of attraction. Their meaning is formed on the basis of interaction with the source and target spheres, and modern propaganda posters can use different elements of soviet posters (images, font, color, etc.), which become precedent phenomena due to the fact that they are known and understood by the majority of the linguocultural community, they are kept in the collective memory and arouse certain emotions (positive and negative, acceptance and rejection). The transfer of soviet precedent phenomena into everyday or medical discourse can be perceived positively or negatively. The analysis of the precedence sources leads to the assumption that there is a correlation between the source of the precedence and the function of the component associated with the poster. The authors clarify certain aspects of precedence and the role of the precedent phenomenon in designing and perceiving the poster.

Key words: precedent phenomena; posters; source sphere; target sphere; precedent statement; precedent gestures; polycode text

For citation: Selezneva L. V., Jinyan Ma, Xiaofeng Li Soviet posters as a source of precedent phenomena. *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(3):88–100. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-88>. <https://elibrary.ru/PMQPTF>

Введение

Одной из характерных черт современной коммуникации является прецедентность, которая охватывает самые разные сферы [Брызгалова, Иванова, 2019; Денисова, 2020; Нахимова, 2007; Радбиль, Помазов, 2020; Чудинов, Сегал, 2023; Шумская, 2012] и находит яркое проявление в агитационных плакатах. Мы рассмотрим плакаты советского времени как источники прецедентных феноменов, которые активно используют при создании современных плакатов.

Плакаты считаются одним из самых эффективных средств агитации и пропаганды в массовой коммуникации с момента их появления. Они выполняют функцию передачи информации и привлечения внимания адресата с помощью таких характеристик, как четкая подача информации, легкая доступность и быстрое распространение.

Обычно плакат определяют как броское изображение с кратким текстом, основной целью которого является привлечение внимания к объекту. И в большинстве определений плаката выделяют лаконичность текста и броское изображение [БЭС, 2002; Евгеньева, 1999; Ожегов, 2023; Ушаков, 2008]. Под плакатом чаще всего понимают «большой цветной рисунок с кратким текстом, вывешиваемый на улице или в общественном помещении с целью объявления о чем-н. или рекламы» [Большой словарь иностранных слов]. Другими словами, плакат, соединяющий в себе семиотически разнородные элементы, представляет собой полимодальный текст, конститутивными свойствами которого являются лаконичность вербального компонента (текста), аттрактивность при

использовании невербального компонента, структурная и семантическая компрессия, то есть «свертывание» передаваемой информации.

Принципы плаката как жанра были сформулированы еще в первой половине XIX в. Жюлем Шере, французским графиком и декоратором сцены. Он определил условия, которые необходимо выполнить при создании плаката. Во-первых, изображение должно быть броским и восприниматься «на ходу», поскольку плакаты вывешивались на улице или в общественных местах. Если такое свойство отсутствует, плакат просто не будет замечен и коммуникация не состоится. Как отмечает Н. А. Басова, «плакат – это интерактивное средство сообщения: он всегда предполагает взаимодействие автора и зрителя» [Басова, 2009, с. 31]. Для этого на плакате изображается одна центральная фигура, на которой и концентрируется все внимание, а яркие цвета делают плакат легко различимым на расстоянии. И, во-вторых, на плакате не должно быть много текста: текст должен быть коротким, который можно прочитать быстро и понять его идею. Как сформулировал классик советского политического плаката В. Н. Денисов (Дени), «плакат есть стрела-молния к сознанию зрителя./ Будь зрителю вроде молниеносного учителя./ Взглянул зритель – и мыслью объят./ Вот это и есть плакат!» [Тростин, 2017]. С момента появления этого жанра плакат стал удобным, быстрым и информативным видом визуального искусства XIX века [Демосфенова, Нурок, Шантыко, 1962]. Плакаты создавались для быстрого привлечения внимания и были размещены на улицах или в общественных местах. Для этого акцент делался на одном главном образе,

простом и легком для восприятия, в то время как цвета помогали заметить плакат.

Таким образом, вербальные и невербальные знаки, количество которых ограничено в плакате, организованы так, чтобы оказывать максимальное воздействие на реципиента. Сочетание вербального и невербального (визуального, цветового, графического, шрифтового и др.) компонентов плаката позволяют рассматривать его как поликодовый текст. Он представляет собой взаимодействие вербальных и невербальных феноменов и функционирует в коммуникативном пространстве как источник информации и средство воздействия на аудиторию.

Одним из средств достижения наиболее полного взаимодействия с адресатом и воздействия на него является обращение к визуальным знакам и текстам, известным и понятным большинству лингвокультурного сообщества. Они хранятся в коллективной памяти и регулярно актуализируются в речи, что получило наименование – прецедентный феномен (далее – ПФ) [Гудков, 1997; Красных, 2003; Слышкин, 2000].

Для ПФ характерны: 1) отсылочность, то есть способность ПФ апеллировать к первоисточнику; 2) ценностная составляющая, обусловленная тем, что ПФ отражает различные ценности, присущие определенному лингвокультурному сообществу на определенном этапе его развития; 3) эталонность, которую рассматривают как способность ПФ быть неким образцом для факта или явления действительности; 4) семиотический способ существования, то есть возможность ПФ выступать в качестве целостной единицы обозначения [Назарова, Золотарев, 2015].

Сферы-источники и сферы-мишени ПФ могут быть разные. Под сферой-источником обычно понимают те дискурсы, которые стали первоисточником ПФ, то есть все то, что «позволяет воздействовать культурный фон аудитории, культурные знания адресата, которые служат объединяющим началом для членов лингвокультурного сообщества» [Павлина, 2023, с. 95]. Сфера-мишень – это тот дискурс, в котором ПФ подвергается трансформации и выступает сильным средством аттрактивности. Это обусловлено тем, что при восприятии «сохраняются именно представления о прецедентных конструкциях, а не сами конструкции» [Чудинов, Сегал, 2023, с. 243], поэтому даже изменение какой-то части ПФ, его расширение или сужение не затрудняет актуализацию в речи ПФ. Но при этом ценностная составляющая ПФ может меняться, так как на нее оказывает влияние новая информация, актуальная

для данного дискурса, или «культурные ценности лингвокультурного сообщества в актуальный период» [Марченко, 2024, с. 393]. Поэтому перенос прецедентных конструкций в иной дискурс наполняет их иным смыслом, что делает привлекательным материал советских плакатов, который был особенно востребован в агитационных антиковидных работах.

Цель исследования заключается в определении роли советских плакатов как сферы-источника при создании современных плакатов, эффективности их использования и описании функционально-прагматических характеристик прецедентных феноменов в структуре поликодового текста плаката.

Методы и материалы

Материалом исследования являются прецедентные феномены, сферой-источником которых являются советские агитационные плакаты, а сферой-мишенью – современные антиковидные плакаты, которые подготовлены Красноярским оперштабом [Репина 2020; ИА «Красная Весна», 2.01.2021], Рязанской опергруппой [ИНФО, 16.02.2021], Центром развития бурятской культуры Забайкальского края [МК в Бурятии, 20.5.2020]. Основными методами исследования при анализе материала стали дискурс-анализ, лингвокультурологическое описание. Было отобрано 12 антиковидных плакатов, использующих ПФ из советских плакатов. Сравнительно-сопоставительный анализ показал, как разные типы кодов могут выполнять роль ПФ в антиковидных плакатах.

Результаты

Проведенное исследование позволило доказать следующее:

1. Советские плакаты служат важным источником ПФ для русского национального лингвокультурного сообщества, будучи образцовыми и эталонными культурно значимыми единицами. Результаты ввода в современный плакат ПФ из советского плаката представляют собой актуализацию в памяти реципиента исторических, социально-политических событий советского времени, а также оценок этих событий.

2. ПФ в плакатах можно разделить на вербальные и невербальные. К вербальным ПФ мы относим прецедентные высказывания, к невербальным – прецедентные изображения, жесты, позы, образы (например, воин-защитник, врач, пьяница,

прогульщик, рабочий и т. п. – типичные персонажи советских плакатов).

3. Прецедентные высказывания в плакате могут представлять собой лозунги или афоризмы, взятые из текста-источника полностью или частично. Выделены два типа прецедентных высказываний: конструкция предложения и высказывание-слово, отражающее интенцию, заложенную в плакате. Высказывания становятся прецедентными только в том случае, если в современных плакатах сохраняется визуальный контекст, поддерживающий их (образы, фигура, поза, жесты), который отсылает к первоисточнику – советскому плакату. Жест в плакате становится прецедентным, когда узнаваема либо личность, которая использовала этот жест (например, поднятая рука Ленина, Гитлера и т. п.), либо коммуникативная ситуация, в которой он используется, либо произведение в целом, например, плакат «Родина-мать зовет», «Ты записался добровольцем?», «Не болтай» и т. п.

4. Использование ПФ из советских плакатов является сильным средством аттрактивности, которое, с одной стороны, стимулирует память о Советском Союзе, а с другой – выявляет отношение людей к СССР и к историческим событиям того времени, ведь советские плакаты создавались в рамках идеологии советского государства и формировали ту оценку к разным событиям, которая была характерна для официальной советской культуры. При этом перенесение советских ПФ в бытовой или медицинский дискурс воспринимается не только как положительное явление и продвижение ценностей советского времени, но и как насмешка над прошлым.

Обсуждение

В современном российском коммуникативном пространстве плакат представляет собой востребованный и популярный жанр массовой коммуникации. Несмотря на использование новейших технологий, создатели обращаются к советским плакатам, которые обладают огромной агитационной силой, и представленные в советских плакатах образы, отражающие разные этапы истории страны, оказываются востребованы и в настоящее время. История плакатов в России тесно связана с Российским телеграфным агентством (РОСТА), которое было образовано в сентябре 1918 года. Плакаты, созданные художниками и поэтами, работавшими в этом агентстве, выставлялись в витринах магазинов, потому и получили название «Окна сатиры РОСТА», или сокращенно «Окна РОСТА». В. В. Маяковский так описывал свое

появление в РОСТА: «Я увидел на углу Кузнецкого и Петровки, где теперь Моссельпром, первый вывешенный двухметровый плакат» [Маяковский]. В. В. Маяковский очень быстро стал вдохновителем и фактическим руководителем «Окон РОСТА», которые можно назвать его творческой лабораторией, в которой оттачивалось его простое, но действенное слово. Мощная пропагандистская роль Окон РОСТА заложила основу для плаката как средства массовой коммуникации в России. Как свидетельствует В. В. Маяковский, темы для плакатов выбирались самые разные: «Агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих, борьба с Врангелем и с тифозной вошью, плакаты о сохранении старых газет и об электрификации» [Маяковский]. Постепенно плакат стал важным средством пропаганды, популяризации идей: он информировал и побуждал к действиям, был одним из средств массовой информации, наряду с прессой, радио и кино, и осуществлял контроль за распространением информации [Данилова, Нуриева, 2015, с. 409].

Такая пропагандистская задача, которую решал плакат, была обусловлена его свойствами: простотой и доступностью восприятия информации, выразительностью и зрелищностью форм, а также способностью воздействовать на подсознание и эмоции зрителей [Басова, 2009, с. 31]. Хотя жанр плаката меняется со временем, превращаясь в интерактивный и новый по форме, но его роль по привлечению адресата к сообщению остается прежней. Коммуникативность плаката обусловлена его главной особенностью – способностью визуализировать информацию. Как отмечает Н. И. Тарабуко, плакат – «это сведенное в общую визуальную формулу сообщение» [Тарабуко, 2020, с. 6]. Плакаты созданы на основе взаимодействия языковых знаков со знаками других семиотических систем, что предопределяет их поликодовую природу. При этом каждый из компонентов выполняет определенную функцию: визуальный компонент – аттрактивную функцию, в то время как вербальный компонент – функцию идентификации.

Вербальный компонент – это, как правило, лозунги, слоганы, короткие предложения, по мнению Д. Р. Нуриевой и Ю. Ю. Даниловой, «обладает смысловой самостоятельностью вне изобразительного компонента» [Данилова, Нуриева, 2015, с. 409]. Невербальный компонент плаката обычно призван быстро «захватить» внимание читателя с помощью ярких цветов, преувеличенных шрифтов и размеров шрифта, необычного графического оформления. Цель изображения – стать «ловуш-

кой», привлечь адресата и «заставить» его включиться в коммуникативную ситуацию, созданную автором плаката. Кроме того, невербальный компонент плаката играет важную роль в его семантике, помогая аргументировать и убеждать, при этом функции изображения обусловлены коммуникативно-прагматическими задачами. Невербальный компонент разнообразен, в нем могут быть персонажи, предметы, символы и т. д.

Плакаты с изображениями персонажей обладают наибольшим коммуникативным потенциалом, поскольку фигуры, изображенные на плакате, передают коммуникативные намерения с помощью жестов, мимики, положения тела. Кроме того, они типизированы и представляют чаще всего, например, на плакате *«Изучать военное дело родина-мать велела!»* (Иванов В. С., 1941 г.) изображен советский солдат 40-х годов XX века, держащий винтовку в одной руке, а другой – показывающий на то, как нужно владеть оружием. Внимание привлекает, прежде всего, фигура солдата, который занимает большую часть плаката. Его рука вытянута вверх по направлению к сражающимся людям. Использование декларативного указательного жеста позволяет определить тему плаката, его коммуникативные намерения, которые полностью разъясняет текст: *«Изучать военное дело родина-мать велела!»*.

Рисунок 1. *«Изучать военное дело родина-мать велела!»*
(В. С. Иванов, 1941)

В советских плакатах персонажи обычно представляют собой типичное изображение определенной группы людей: солдат, рабочий, колхозница, пьяница и т. д. Эти типы в современных плакатах используются в другом контексте. Например, официальное представительство «Международного союза десантников» в Республике Крым и городе Севастополе анонсирует проведение бесплатных занятий по боевой подготовке, используя известный плакат 1941 г. в современной ситуации.

Рисунок 2. *«Изучать военное дело родина-мать велела! Наше время пришло! Победа – это общее дело!»* (Плакат официального представительства «Международного союза десантников» в Республике Крым и городе Севастополе)

Таким образом, под влиянием исторических событий в российском коммуникативном пространстве появились самые распространенные «типовые» советские плакаты, высокий коммуникативный потенциал которых обусловлен гармоничным сочетанием вербальных и невербальных компонентов. Помимо этого, исследователи высоко оценивают советские плакаты и отмечают их востребованность в настоящее время: «Яркие образы, красочность, простота и мощный эмоциональный заряд советских плакатов оказываются востребованными в современном медиaprостранстве, перенасыщенном глянцевыми фотоснимками» [Александрова, Багновская, 2018, с. 369]. В них использовалась особая цветовая гамма, характерная для советского конструктивизма (белый, черный, красный); социалистическая символика (например, серп и молот); знаки масштабного социалистического строительства (заводы, механизмы); образы народного единства и сплоченности (люди, идущие стройными рядами); жестовые знаки (поднятая левая рука, символизирующая призывное обращение к народу) и т. п. [Дзюба, Рогозинникова, 2022].

Использование вербального и невербального кода в поликодовом тексте плаката позволяет говорить об иерархии кодов с точки зрения значимости их организации в плакате:

- визуальные коды: тип изображения – цветная литография; размер, композиция, цветовая гамма, цветовой минимализм;
- культурные коды: важные исторические события, ценности, типы и составляющие элементы образа (например, доброволец: гимнастерка, будёновка, ружье), цвет;
- текстовые коды: вопрос-обращение; вопрос-инвектива, общий вопрос с точки зрения языковой формы, восклицательное предложение и т. п.;
- коммуникативные коды: установление адресатом непосредственного контакта между адресантом и центральной фигурой плаката; обращение на «ты», положение фигуры, глаза, указательный палец – мимика и жест, поддерживающие прямое обращение к адресату [Степанов 2010, с. 92–100].

Все эти элементы советского плаката успешно используются в настоящее время при создании современных плакатов. Обращение авторов к советским плакатам в качестве источника прецедентности обнаруживает апелляцию авторов к той агитационной силе, которой обладали эти плакаты. Тем более, что часть русского лингвокультурного сообщества помнит эти плакаты:

они отражают значимые для России события (Гражданская война, Великая Отечественная война и др.), хранятся в коллективной памяти, имеют четко выраженную систему ценностей (патриотизм, здоровый образ жизни, борьба за мир и т. п.). Все это позволяет оценивать советские плакаты как образцовые и эталонные культурно значимые единицы и использование их в качестве прецедентных текстов в плакатах о COVID-19 дает возможность сконцентрироваться на выражении таких ценностей, как человеческая жизнь, гигиена, защита, единство и патриотизм [Вепрева, Ян, 2023].

Отмечается, что «первостепенными задачами агитационных материалов о прививочной кампании становится не только пропаганда, но и просвещение населения» [Фадеева, 2022, с. 269]. Плакаты помогают людям помнить правила поведения во время эпидемии: что надо делать и чего нельзя. Антиковидные плакаты призывают граждан чаще мыть руки, не трогать лицо руками, не забывать надевать маски в общественных местах, правильно их носить, вакцинироваться. Составители этих плакатов отметили, что «старые добрые советские плакаты» не потеряли актуальности и сейчас [ИА «Красная Весна», 2.01.2021].

Учитывая, что плакат представляет собой поликодовый текст, можно говорить о ПФ вербальных и невербальных [Захаренко и др., 1997]. К вербальным ПФ мы относим прецедентные высказывания, к невербальным – изобразительные ПФ (жест, поза, образ).

Прецедентные высказывания (ПВ) в плакате могут представлять собой лозунги или афоризмы, взятые из текста-источника полностью или частично. В современных плакатах о COVID-19 чаще всего воспроизводится не сам текст советского плаката, а конструкция предложения или ключевое слово – выразитель эмотивной функции плаката. Ю. Н. Караулов отмечает, что «в дискурс языковой личности прецедентный текст редко вводится целиком, а всегда только в свернутом, сжатом виде – пересказом, фрагментом или же <...> намеком, семиотически» [Караулов, 2010, с. 218].

Например, известный советский плакат «Ты записался добровольцем?» Д. С. Моора (1920 г.) служит источником различных высказываний: *А ты надев медицинскую маску? Ты знаешь меры профилактики? Ты сделал прививку от COVID-19? А ты будешь делать прививку от коронавируса?* Выражение «Ты записался добровольцем?» можно рассматривать как прецедентную

конструкцию: вопросительное предложение с неизменным и выделенным графически первым элементом – местоимением «ты», которое обозначает адресата речи, и следующим за местоимением глаголом (*надел, знаешь, сделал* и т. п.). Использование такой конструкции в сочетании с фигурой красноармейца и его характерным жестом – протянутой вперед правой рукой, указывающей на читателя, делает современный плакат узнаваемым, создавая ассоциативные связи со временем Гражданской войны и с агитационной культурой того времени.

Рисунок 3. «А ты надев медицинскую маску?» (антиковидный плакат канала ОКЕЙ ГОРОД Рыбинск 24)

Рисунок 4. «Ты знаешь меры профилактики?» (антиковидный плакат из документов по профилактике заболеваний на сайте МАДОУ «Детский сад №70»)

Рисунок 5. «Ты сделал прививку от COVID-19?» (антиковидный плакат сайта ГБОУ ООШ с. Покровка)

Рисунок 6. «Ши! Маска, перчаткаа үмдөөгүй!» (антиковидный плакат на бурятском языке в Забайкальском крае)

Рисунок 7. «А ты будешь делать прививку от коронавируса?» (антиковидный плакат официального сайта ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Жуковского района»)

ПВ из советских плакатов могут состоять как из нескольких слов, так и из одного слова, например, «НЕТ!», «Долбанем!», «СТЫДНО!», которые представляют собой либо «прямые формы побудительных конструкций, в составе которых глаголы в форме повелительного наклонения и модальная лексика долженствования» [Вепрева, Ян, 2023, с. 107], либо частицы или категории состояния. ПВ поддерживаются прецедентными изображениями и жестами, при этом в новой коммуникативной ситуации, связанной с ковидом, первоначальный текст приобретает новые черты в результате реконтекстуализации.

Так, например, в плакате «НЕТ!» (В. Говорков, 1954 г.), который создавался в рамках антиалкогольной компании в СССР в 60-е годы, используется частица «нет», которая «употребляется как отрицательный ответ или выражение несогласия (может выступать в качестве предложения)» [КартаСлов.Ру.]. В советском плакате эта частица выражает ответ на предложение выпить, что символизирует протянутая кем-то стопка. В антиковидном плакате «нет» также является выражением отказа от того, что противоречит общепринятым нормам поведения, но контекст ее использования другой: герой плаката отказывается от прогулки во время эпидемии ковида или от обработки рук водкой вместо антисептика. Жест и мимика усиливают эффект: движением руки персонаж отстраняется от того, что противоречит нормам. Советский плакат содержит имплицитный диалог между соблазнителем и главным персонажем плаката, реализуемый при помощи жестов и отрицательной частицы «нет». В современных плакатах диалогизация становится эксплицитной: на рис. 9 добавлен текст со стороны так называемого соблазнителя: «Погода такая хорошая! Че они нагнетают! Пойдем гулять?», на рис. 10 – ответ главного персонажа расширен: «Нет! Только антисептик!». При этом слово «Нет!» сохраняет место размещения на плакате и графику написания – строчные буквы, восклицательный знак. Именно в таком контексте эта частица будет выполнять функцию ПВ.

Рисунок 8. «НЕТ!» (В. Говорков, 1954)

Рисунок 9. «НЕТ!» (антиковидный плакат с сайта газеты «Коммунист»)

Рисунок 10. «НЕТ! Только антисептик!» (антиковидный плакат с сайта «Комсомольская правда»)

Плакат «Долбанем!» (В. Дени, 1930 г.) был создан во время антиалкогольной компании и изображал рабочего с молотом – символом «культурной революции».

В современном плакате полностью сохраняются визуальные элементы и графика написания слова «Долбанем», которое относится к просторечной лексике и означает «сильно, резким движением ударить». ПВ выступает как означающее коммуникативной ситуации – борьба с коронавирусом, и орудием этой борьбы является вакцина «Спутник», которая должна убить коронавирус.

Рисунок 11. «Долбанем!» (В. Дени, 1930)

Рисунок 12. «Долбанем!» (антиковидный плакат из сайта «Фото 4x4» <https://4x4photo.ru/>)

Плакат «Стыдно!» (Н. Вележева, Н. Кузовкин, 1958 г.) продолжает антиалкогольную компанию в СССР: *Напился, ругался, сломал деревцо – стыдно смотреть людям в лицо!* Выделение слова «Стыдно» и вынесение его на первый план подчеркивает эмотивную функцию плаката: основная задача – передать чувство стыда нарушителя при помощи обозначения категории состояния и позы – закрытое руками лицо. Антиковидный плакат описывает ситуацию нарушения норм поведения во время пандемии: *Гулял, игнорил запреты, снимал в инстаграм деревцо – стыдно смотреть людям в лицо.* Стихотворение представляет собой прецедентную конструкцию: три разных последовательных действия, последнее из которых связано с деревцем, и последняя часть высказывания передает чувства героя – «стыдно смотреть людям в лицо», выполняет интерпретирующую функцию для раскрытия состояния центрального образа – человека, который закрыл лицо руками.

Рисунок 13. «Стыдно!» (Н. Вележева и Н. Кузовкин, 1958)

Рисунок 14. «Стыдно!» (антиковидный плакат из сайта газеты «Коммунист»)

Таким образом, мы выделили два типа прецедентных высказываний: высказывание-конструкция и высказывание-слово, отражающие интенции, заложенные в плакате. Высказывания из советских плакатов могут быть произнесены в разных ситуациях, например, слова «нет», «стыдно» часто используются в устной речи, не вызывая ассоциаций с плакатом и не являясь ПФ. Прецедентными высказывания становятся только в тех случаях, если в современных плакатах сохраняется визуальный контекст, поддерживающий их (образы, фигура, поза, жесты), который отсылает к первоисточнику – советскому плакату.

Прецедентные жесты. Жест представляет собой движение руки, сопровождающее речь для усиления ее выразительности или заменяющее ее. Жест в плакате становится прецедентным, когда узнаваема либо личность, которая испол-

зовала этот жест (например, поднятая рука Ленина, Гитлера и т. п.), либо коммуникативная ситуация, в которой он используется, либо произведение в целом, например, плакат «Родинамать зовет», «Ты записался добровольцем?», «Не болтай» и т. п.

Одним из свойств ПФ является способность апеллировать к первоисточнику, который может быть соотнесен к определенным событиям в истории России и хранится в коллективной памяти. Так, например, суровый, пронзительный взгляд с указательным пальцем, направленным прямо на тебя, мы ассоциируем с плакатом «Ты записался добровольцем?» Д. С. Моора (1920 г.). Идея использовать этот жест в плакате появилась ранее в Великобритании в 1914 г. в плакате «Британцы»: *Британцы хотят тебя видеть! Вступай в армию своей страны! Боже, храни короля*. Затем этот жест повторяется в итальянском плакате «Все выполняйте свой долг!» [ГрафАрхив, 2023, 03.11.]. Сохраняя военную тематику, итальянский плакат, однако, не призывал граждан идти на фронт, а убеждал вкладывать деньги в банк, брать кредит.

По подобию данных плакатов в годы Гражданской войны художник Д. С. Моор создал работу «Ты записался добровольцем?», а затем в годы Великой Отечественной войны он перерисовал свой плакат, изменив образ солдата, а позу и жест оставив прежними. Таким образом плакат «Ты чем помог фронту?» (1941 г.) отсылает к плакату Д. С. Моора 1920 г., создавая временную проекцию между важными историческими событиями. В сороковые годы XX века в коллективной памяти сохранялись сведения о Гражданской войне, и они были актуальны для советского общества. Прецедентность в этих плакатах проявляется, прежде всего, на изобразительном уровне за счет использования одинаковых жеста и позы.

Рисунок 15. «Ты записался добровольцем?» (Д.С. Моор, 1920)

Рисунок 16. «Britons / Join your country's army!» (плакат из канала ГрафАрхив)

Рисунок 17. «Fate tutti il vostro dovere!» (плакат из канала ГрафАрхив)

Рисунок 18. «Ты чем помог фронту?» (Д.С. Моор, 1941)

Применительно к тексту плаката «Ты записался добровольцем?» Д. Моора устанавливается следующая иерархия кодов с точки зрения значимости их организации и восприятия адресатом:

- визуальные коды: тип изображения – цветная литография; размер, композиция, цветовая гамма, цветовой минимализм;
- культурные коды: Гражданская война, патриотизм, доброволец, гимнастерка, будёновка, ружье; цветовой символизм и контраст «красный – черный – белый»;
- текстовые коды: вопрос-обращение; вопрос-инвектива, общий вопрос с точки зрения языковой формы;
- коммуникативные коды: установление адресантом неформального непосредственного контакта между адресатом и центральной фигурой плаката – добровольцем; обращение на «ты», положение фигуры, глаза и указательный палец – мимика и жест, поддерживающие прямое обращение к адресату.

Описание изображения советского плаката, как правило, такое: в левом верхнем углу плаката располагается аббревиатура «Р. С. Ф. С. Р.» (официальное название страны в 1918–1936 гг.); в правом верхнем углу – лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Вербальная часть плаката распределена на плоскости плаката относительно фигуры красноармейца в красной будёновке и красной гимнастерке с оружием в левой руке: эта фигура направляет указательный палец прямо на адресата-зрителя, глаза как будто смотрят непосредственно на зрителя того, к которому обращен вопрос «Ты записался добровольцем?». Обращение ТЫ размещено в правой верхней части большими буквами, внизу в двух строчках на черном фоне белыми буквами меньшего размера написан вопрос: «записался добровольцем?». Этот вопрос – не только призыв записываться в Красную армию, но и некоторая инвектива-сомнение со смыслом «записался или нет в Красную армию». Отметим, что расположение вербальных компонентов плаката не абсолютно линейно за счет «разрыва» высказывания на плоскости плаката, отсутствия контакта между его элементами. Изображение, рисунок размещен на светлом, желтоватом, практически белом фоне.

Плакаты Д. С. Моора «Ты записался добровольцем?» (1920) и «Ты чем помог фронту?» (1941) выступают в качестве ПФ, которые выполняют роль темпоральных показателей (термин Г. Л. Денисовой, 2020), так как для них ха-

рактерна непосредственная привязка к историческим событиям и способность реконструировать эти события в новом дискурсе, например, в антиковидных плакатах.

Еще одним примером яркого проявления прецедентности на изобразительном уровне является использование плаката «Родина-мать зовет», в котором женщина с поднятой рукой является центральной фигурой. Этот плакат, появившийся в начале Великой Отечественной войны, был создан художником Ираклием Тоидзе в 1941 году. Успех создания плаката заключался в разработке образа матери – «Россия-Матушка», которая подняла руки и отчаянно звала своего ребенка. Плакат стал типичным примером патриотической пропаганды, призывая адресатов любить свою страну, общий дом так же сильно, как они любят своих матерей. В антиковидном плакате при сохранении общего визуального кода изменены некоторые детали, актуальные для борьбы с ковидом: маска, перчатки, и вместо военной присяги героя держит антиковидный плакат. В соединении с женской фигурой жест становится прецедентным и является символом борьбы с вирусом.

Рисунок 19. «Родина-мать зовет» (И. Тоидзе, 1941)

Рисунок 20. «Коронавирус! Гэртээ байгты!» (антиковидный плакат на бурятском языке в Забайкальском крае)

Таким образом, результаты ввода в современный плакат ПФ из советского плаката представляют собой актуализацию в памяти реципиента исторических, социально-политических событий советского времени, а также оценок этих событий: как отмечал Ю. Н. Караулов, «прецедент вступает в игру» [Караулов, 2010, с.217]. И в этой игре используются разные виды кодов: визуальные, культурные, текстовые и коммуникативные.

Эффективность использования ПФ советских плакатов. В любом культурном сообществе есть набор ПФ, которые определяются этой культурой, они характерны только для нее и составляют часть культурной памяти. К таким ПФ относятся советские плакаты, которые являются носителями идеологии советского государства и формируют ту оценку разных событий, которая была характерна для официальной советской культуры. При этом используемые как ПФ в другой коммуникативной ситуации, они сами начи-

нают воздействовать на культуру, «предопределяя, например, ценностное отношение говорящих к явлениям действительности» [Банникова, 2011, с. 230].

Например, плакат «Не болтай!» (художник Н. Ватолина), который был создан во время Великой отечественной войны, в 90-е годы часто становился объектом насмешек. Автор плаката Нина Ватолина писала об этом: «Плакат создавался в трагическое время, он должен был помочь выстоять в борьбе со смертельным врагом. Это очень искренняя работа. А сейчас он появляется на кепках, майках... Сначала, может, и было смешно. Но когда плакат используют для всяких „забав“ – и, кстати, без разрешения автора – это меня оскорбляет. Плакат должен напоминать именно о своем времени, а не обслуживать нынешнее, во многом пошлое...» [Плакат «Не болтай!»]. Это подтверждает наблюдения М. В. Александровой и Н. М. Багновской о том, что «реинкарнация советского плаката в продуктах современной массовой культуры связана с двумя тенденциями: интересом к советской эстетике и новой, зачастую ироничной, трактовки иллюстрируемых ими лозунгов» [Александрова, Багновская, 2018, с. 369].

Плакаты о COVID-19, созданные с использованием ПФ из советских плакатов, с одной стороны, могут стимулировать память о Советском Союзе, а с другой – выявлять отношение людей к СССР и к историческим событиям того времени. Как, например, пишет С. В. Мошкин о революции 1917 г.: «Для одних это поистине „великая социалистическая революция“, для других – „переворот“ политических маргиналов» [Мошкин, 2021, с. 67].

Бинарные позиции проявляются как у авторов плакатов, так и у читателей. Например, автор статьи «Оренбургжье решило рекламировать вакцинацию советскими плакатами. Но зачем?» [ИА Красная Весна, 2021, 21.02] считает обращение к культурным образам из СССР издевательством. Пользователь под ником «Karabas Barabas» посетовал на современные плакаты, использующие советские плакаты: «Вот она, современная власть. Единственное что может – это пользоваться советским наследием. Даже плакаты сами не могут сделать» [ИА Красная Весна, 2021, 2.01]. Но независимо от положительного или отрицательного отношения к советскому прошлому советские плакаты сохраняются в коллективной памяти, актуализируются и выполняют роль источника прецедентных феноменов.

Бинарные позиции авторов-создателей к вакцине от ковида (использовать или не использовать ее) могут проявляться в плакатах, созданных с использованием одной сферы-источника. Например, плакат «Страну индустрии, державу науки построили наши рабочие руки» (худ. Иванов В. Ю., 1964) символизирует достижения научно-технической революции – ядерную энергетику и ракетостроение СССР: рабочий держит в руках спутник и модель атома. Сохраняя образ рабочего, жесты, мимику, классическую цветовую гамму, композицию, авторы антиковидных плакатов создали два плаката с противоположным значением (рис. 22 и рис. 23).

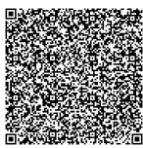

Рисунок 21. «Страну индустрии, державу науки построили наши рабочие руки!» (советский плакат из поста группы ВКонтakte «Россия – моя страна»)

Рисунок 22. «Товарищ, выбирай – болезнь или прививка» (антиковидный плакат официального сайта ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Жуковского района»)

Рисунок 23. «Товарищ, выбирай – болезнь или прививка и болезнь» (плакат из канала «Вечевой Набат»)

На этих плакатах рабочий вместо спутника и атома держит в руках вакцину «СПУТНИК V» и «коронавирус». При одинаковом невербальном компоненте в плакатах используется вербальный контент с противоположным значением: (1) «Товарищ, выбирай – болезнь или прививка» (рис. 22), (2) «Товарищ, выбирай – болезнь или прививка и болезнь» (рис. 23). Первый вариант плаката призывает делать прививку вакциной «СПУТНИК V», а второй вариант, напротив, приводит к размышлению о негативной стороне вакцинации и агитирует за то, чтобы прививку не делать.

Необходимо отметить, что само название вакцины «СПУТНИК V» выступает в качестве прецедентного имени, так как вакцина получила свое название в честь первого советского космического спутника, и создатели вакцины, отвечая на вопросы о ее названии, сопоставляли изобретение вакцины с запуском первого спутника. Отношение к вакцине в ковидные времена вызывало споры: делать или не делать, какую вакцину

делать? Соответственно, и отношение к антиковидным плакатам может быть противоположное.

Заключение

Таким образом, исследование вербальных и невербальных ПФ в современных антиковидных плакатах, созданных на основе советских плакатов, позволяет утверждать, что каждый семиотический код способен устанавливать связи с созданными ранее текстами. Их значение формируется на основе взаимодействия со сферой-источником и сферой-мишенью, при этом в современных агитационных плакатах могут быть использованы разные элементы советского плаката (образы, шрифт, цвет и т. п.), которые становятся ПФ в силу того, что известны и понятны большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти и вызывают определенные эмоции (положительные и отрицательные, притяжения и отталкивания). Прецедентность проявляется на разных уровнях поликодового текста плаката, в котором задействованы разные виды кодов: визуальные, культурные, текстовые, коммуникативные. Анализ ПФ показал, что существует корреляция между источником прецедентности и функцией связанного с ним компонента плаката, что способствует как позитивному, так и негативному влиянию на реципиента, который может воспринимать перенесение советских ПФ в бытовой или медицинский дискурс как положительное явление и продвижение ценностей советского времени, так и как негативное явление – насмешка над героическим прошлым.

Отмечая высокий потенциал советских плакатов как средства аттрактивности, нельзя исключить и тот факт, что в ряде случаев создатели современных плакатов некорректно используют их, не учитывая сферу-источник ПФ, которые порой механически переносятся в новую языковую среду.

Библиографический список

1. Александрова М. В., Багновская Н. М. Стилистика советского плаката в современной массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 367–372.
2. Банникова С. В. Прецедентные феномены в рамках диахронических исследований (на примере прецедентного феномена «Чернобыль») // Современная лингвистика и литературоведение. 2011. № 7. С. 230–233.
3. Басова Н. А. Коммуникативный потенциал рекламного плаката // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2009. № 1(3). С. 31–32.

4. Большой словарь иностранных слов // Gufo.me: сайт. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 22.04.2024).
5. Брызгалова Е. Н., Иванова И. Е. Прецедентность как авторская стратегия (на материале современной колумнистики) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1. С. 114–121.
6. БЭС / под ред. А. М. Прохоров. Москва, Санкт-Петербург : Советская энциклопедия; Фонд «Ленингр. галерея», 2002. 1628 с.
7. В Чите повесили антикоронавирусные плакаты на бурятском языке // МК в Бурятии. 2020. 20 мая. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2020/05/20/v-chite-povesili-antikoronavirusnye-plakaty-na-buryatskom-yazyke.html?ysclid=m118ji4fjy541916420> (дата обращения: 22.04.2024).
8. Вепрева И. Т., Ян Ч. Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 102–123.
9. Гудков Д. Б., Красных В. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вест. Моск. ун-та. 1997. № 4. С. 106–118.
10. Данилова Ю. Ю., Нуриева Д. Р. Советские плакаты как средство визуально-вербальной политической агитации // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2 (51). С. 408–411.
11. Демосфенова Г. Л., Нурок А. Ю. Советский политический плакат / под общ. ред. Ф. Калошина. Москва : Искусство, 1962. 443 с.
12. Денисова Г. Л. Прецедентные феномены в карикатуре Великой Отечественной войны как креолизованном тексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 77–91.
13. Дзюба Е. В., Рогозинникова Ю. В. Функционирование прецедентных феноменов советского происхождения в англоязычной массовой коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 207–217.
14. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1. Москва : Рус. яз.; Полиграф ресурсы, 1999. 702 с.
15. Захаренко И. В., Красных В. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 1. С. 82–103.
16. История самого известного агитплаката. // ГрафАрхив. 2023. 03 ноября. URL: <https://vc.ru/design/901782-istoriya-samogo-izvestnogo-agitplakata-korotko?ysclid=m1104n6tzt944680162> (дата обращения: 22.04.2024).
17. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
18. Красноярский оперштаб переделал советские плакаты в антиковидные // ИА Красная Весна. 2021. 2 января. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/4239f794> (дата обращения: 22.04.2024).
19. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва : Гнозис, 2003. 375 с.
20. Кулаев А. Оренбуржье решило рекламировать вакцинацию советскими плакатами. Но зачем? // ИА Красная Весна. 2021. 21 февраля. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/6cae40bd> (дата обращения: 11.04.2024).
21. Марченко Т. В. Маркеры поликодовой объективации прецедентных феноменов в семиотически осложненном тексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 388–395.
22. Маяковский В. В. Прошу слова. URL: <http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/articles/proshu-slova.htm> (дата обращения 11.03.2025)
23. Мошкин С. В. Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 64–75.
24. Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2. С. 17–23.
25. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т социального образования, 2007. 207 с.
26. НЕТ // КартаСлов.Ру. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/нет> (дата обращения: 19.04.2024).
27. Ожегов С. И., Скворцов Л. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Вып. 27-е изд. Москва : АСТ Мир и Образование, 2023. 1357 с.
28. Павлина С. Ю. Функционирование прецедентных феноменов в визуальной политической коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 93–101.
29. Плакат «Не болтай!» (художница Нина Ватолина) // Монетник.ру. URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/istoriya-rossii/plakat-ne-boltaj-1941/> (дата обращения: 10.04.2024).
30. Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 140–153.
31. Репина Л. Красноярский штаб подготовил антиковидные плакаты в ретростиле // Наш Красноярский край. 2020. 29 декабря. URL: <https://gnkk.ru/news/krasnoyarskiy-shtab-podgotovil-antiko/?ysclid=m118uk5j6r265898429> (дата обращения: 22.04.2024).
32. Рязанская опергруппа опубликовала плакаты в советском стиле о прививках от коронавируса // ИНФО. 2021. 16 февраля. URL: <https://62info.ru/news/zdorove/66959-opergruppa-opublikovala-plakaty-v-stile-sssr-prizyvayushchie-sdelat-privivku-ot-koronavirusa/> (дата обращения: 22.04.2024).
33. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. Москва : Academia, 2000. 141 с.

34. Степанов В. Н. Семиотические коды в рекламном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Рязань : Изд-во Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010 № 2 (13). С. 92–100.
35. Тарабуко Н. И. Плакат / сост. Н. И. Тарабуко. Витебск : УО «ВГТУ», 2020. 60 с.
36. Тростин Е. Ученик Ульянова // Историк – 2017. – июль. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--plai/journal/post/5307> (дата обращения: 10.09.2024).
37. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: современная редакция. Москва : Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
38. Фадеева И. В. Текстовая и визуальная пропаганда вакцинации COVID-19 в новых медиа Астраханского региона // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Vol. 2. № 2 (38). С. 268–275.
39. Чудинов А. П., Сегал Н. А. Прецедентный феномен «Преступление и наказание» в русскоязычном медиадискурсе // Русистика. 2023. Т. 21. № 2. С. 242–253.
40. Шумская Э. Н. Прецедентность – реальность какого времени? // Филология и литературоведение. 2012. № 7. URL: <https://philology.snauka.ru/2012/07/300> (дата обращения: 24.04.2024)

Reference list

1. Aleksandrova M. V., Bagnovskaja N. M. Stilistika sovetskogo plakata v sovremennoj massovoj kul'ture = Stylistics of the Soviet poster in modern mass culture // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 5. S. 367–372.
2. Bannikova S. V. Precedentnye fenomeny v ramkah diahronicheskikh issledovanij (na primere precedentnogo fenomena «Chernobyl») = Precedent phenomena within the framework of diachronic research (based on the precedent phenomenon «Chernobyl») // Sovremennaja lingvistika i literaturovedenie. 2011. № 7. S. 230–233.
3. Basova N. A. Kommunikativnyj potencial reklam-nogo plakata = Communicative potential of the advertising poster // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2009. № 1(3). S. 31–32.
4. Bol'shoj slovar' inostrannyh slov = The Great Dictionary of Foreign Words // Gufo.me: sajt. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (data obrashhenija: 22.04.2024).
5. Bryzgalova E. N., Ivanova I. E. Precedentnost' kak avtorskaja strategija (na materiale sovremennoj kolumnistiki) = Precedent as an author's strategy (based on contemporary columnists) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2019. № 1. S. 114–121.
6. BJeS / pod red. A. M. Prohorov. Moskva, Sankt-Peterburg : Sovetskaja jenciklopedija; Fond «Leningr. galereja», 2002. 1628 s.
7. V Chite povესili antikoronavirusnye plakaty na buryatskom jazyke = Anti coronavirus posters in Buryat were put up in Chita // MK v Burjatii. 2020. 20 maja. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2020/05/20/v-chite-povesili-antikoronavirusnye-plakaty-na-buryatskom-yazyke.html?ysclid=m118ji4fjy541916420> (data obrashhenija: 22.04.2024).
8. Vepreva I. T., Jan Ch. Aksiosfera social'nogo reklamnogo plakata o koronaviruse v Rossii i Kitae = Axiosphere of social advertising posters about coronavirus in Russia and China // Nauchnyj dialog. 2023. T. 12. № 2. S. 102–123.
9. Gudkov D. B., Krasnyh V. V. Nekotorye osobennosti funkcionirovanija precedentnyh vyskazyvanij = Some features of precedent statements functioning / D. B. Gudkov, V. V. Krasnyh, I. V. Zaharenko, D. V. Bagaeva // Vest. Mosk. un-ta. 1997. № 4. S. 106–118.
10. Danilova Ju. Ju., Nurieva D. R. Sovetskie plakaty kak sredstvo vizual'no-verbal'noj politicheskoy agitacii = Soviet posters as a means of visual and verbal political propaganda // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2015. № 2 (51). S. 408–411.
11. Demosfenova G. L., Nurok A. Ju. Sovetskij politicheskij plakat = Soviet political posters / pod obshh. red. F. Kaloshina. Moskva : Iskusstvo, 1962. 443 s.
12. Denisova G. L. Precedentnye fenomeny v karikature Velikoj Otechestvennoj vojny kak kreolizovannom tekste = Precedent phenomena in the caricature of the Great Patriotic War as a creolized text // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2020. № 65. S. 77–91.
13. Dzjuba E. V., Rogozinnikova Ju. V. Funkcionirovanie precedentnyh fenomenov sovetskogo proishozhdenija v anglojazychnoj massovoj kommunikacii = Soviet precedent phenomena functioning in English-language mass communication // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2022. № 1. S. 207–217.
14. Evgen'eva A. P. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language: V 4-h t. T. 1. Moskva : Rus. jaz.; Poligraf resursy, 1999. 702 s.
15. Zaharenko I. V., Krasnyh V. V. Precedentnoe imja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnyh fenomenov = Precedent name and precedent utterance as symbols of precedent phenomena / I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh, D. B. Gudkov, D. V. Bagaeva // Jazyk, soznanie, kommunikacija. 1997. № 1. S. 82–103.
16. Istoriya samogo izvestnogo agitplakata = The history of the most famous propaganda poster // GrafArhiv. 2023. 03 nojabrja. URL: <https://vc.ru/design/901782-istoriya-samogo-izvestnogo-agitplakata-korotko?ysclid=m1104n6tzi944680162> (data obrashhenija: 22.04.2024).
17. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and the linguistic personality. Moskva : Izd-vo LKI, 2010. 264 s.
18. Krasnojarskij opershtab peredelal sovetskie plakaty v antikovidnye = Krasnoyarsk operational headquarters turned Soviet posters into anti-Covid ones // IA Krasnaja Vesna. 2021. 2 janvarja. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/4239f794> (data obrashhenija: 22.04.2024).
19. Krasnyh V. V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost' = «One of ours» among the «Foreign»: myth or reality? Moskva : Gnozis, 2003. 375 s.

20. Kulaev A. Orenburzh'e reshilo reklamirovat' vakcinaciju sovetskimi plakatami. No zachem? = Orenburg region decided to advertise vaccination with Soviet posters. But why? // *IA Krasnaja Vesna*. 2021. 21 fevralja. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/6cae40bd> (data obrashhenija: 11.04.2024).
21. Marchenko T. V. Markery polikodovoj ob#ektivacii precedentnyh fenomenov v semioticheski oslozhnennom tekste = Markers of polycode objectifying precedent phenomena in a semiotically complicated text // *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*. 2024. T. 11. № 2. S. 388–395.
22. Majakovskij V. V. Proshu slova = I ask to speak. URL: <http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/articles/proshu-slova.htm> (data obrashhenija 11.03.2025)
23. Moshkin S. V. Politika pamjati ob Oktjabr'skoj revoljucii 1917 g. = The policy of remembering the October revolution 1917 // *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*. 2021. T. 18. № 3. S. 64–75.
24. Nazarova R. Z., Zolotarev M. V. Precedentnye fenomeny: problemy definicii i klassifikacii precedentnyh fenomenov = Precedent phenomena: problems of definition and classification of precedent phenomena // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika*. 2015. T. 15. № 2. S. 17–23.
25. Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii = Precedent names in mass communication. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t; In-t social'nogo obrazovanija, 2007. 207 s.
26. NET = NO // *KartaSlov.Ru*. URL: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/net> (data obrashhenija: 19.04.2024).
27. Ozhegov S. I., Skvorcov L. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij = Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 100,000 words, terms and phraseological phrases. Vyp. 27-e izd. Moskva : AST Mir i Obrazovanie, 2023. 1357 s.
28. Pavlina S. Ju. Funkcionirovanie precedentnyh fenomenov v vizual'noj politicheskoj kommunikacii = Precedent phenomena functioning in visual political communication // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2023. № 1. S. 93–101.
29. Plakat «Ne boltaj!» (hudozhnica Nina Vatolina) = The poster «Don't Talk!» (the painter Nina Vatolina) // *Monetnik.ru*. URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/istoriya-rossii/plakat-ne-boltaj-1941/> (data obrashhenija: 10.04.2024).
30. Radbil' T. B., Pomazov A. I. Precedentnye fenomeny kak sredstvo sozdanija attraktivnosti v polikodovom tekste interneta = Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the Internet polycode text // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie*. 2020. T. 19. № 1. S. 140–153.
31. Repina L. Krasnojarskij shtab podgotovil antiko-vidnye plakaty v retrostile = Krasnojarsk headquarters prepared retro-style anti-COVID posters // *Nash Krasnojarskij kraj*. 2020. 29 dekabnja. URL: <https://gnkk.ru/news/krasnojarskij-shtab-podgotovil-antiko/?ysclid=m118uk5j6r265898429> (data obrashhenija: 22.04.2024).
32. Rjazanskaja opergruppa opublikovala plakaty v sovetskom stile o privivkah ot koronavirusa = Ryazan task force publishes Soviet-style posters about coronavirus vaccinations // *INFO*. 2021. 16 fevralja. URL: <https://62info.ru/news/zdorove/66959-opergruppa-opublikovala-plakaty-v-stile-sssr-prizyvayushchie-sdelat-privivku-ot-koronavirusa/> (data obrashhenija: 22.04.2024).
33. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov = Linguocultural concepts of precedent texts. Moskva : Academia, 2000. 141 s.
34. Stepanov V. N. Semioticheskie kody v reklam-nom tekste = Semiotic codes in advertising text // *Inostrannye jazyki v vysshej shkole. Rjazan'* : Izd-vo Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2010 № 2 (13). S. 92–100.
35. Tarabuko N. I. Plakat = The poster / sost. N. I. Tarabuko. Vitebsk : UO «VGTU», 2020. 60 s.
36. Trostin E. Uchenik Ul'janova = Ulyanov's student // *Istorik* – 2017. – ijul'. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/5307> (data obrashhenija: 10.09.2024).
37. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: sovremennaja redakcija = Explanatory dictionary of the Russian language: modern edition. Moskva : Dom Slavjanskoj kn., 2008. 959 s.
38. Fadeeva I. V. Tekstovaja i vizual'naja propaganda vakcinacii COVID-19 v novyh media Astrahanskogo regiona = Textual and visual propaganda of COVID-19 vaccination in new Astrakhan region media // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva*. 2022. Vol. 2. № 2 (38). S. 268–275.
39. Chudinov A. P., Segal N. A. Precedentnyj fenomen «Prestuplenie i nakazanie» v russkojazychnom mediadiskurse = The precedent phenomenon of «Crime and Punishment» in Russian media discourse // *Rusistika*. 2023. T. 21. № 2. S. 242–253.
40. Shumskaja Je. N. Precedentnost' – real'nost' kakogo vremeni? = Precedent – the reality of what time? // *Filologija i literaturovedenie*. 2012. № 7. URL: <https://philology.snauka.ru/2012/07/300> (data obrashhenija: 24.04.2024)

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 17.05.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 19.05.2025; approved after reviewing 17.05.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья
УДК 811.161.1'42
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-101
EDN: SOPKLY

Окказиональная трансформация фразеологических единиц как способ экспрессивизации в жанре спортивного комментария

Татьяна Петровна Куранова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kuranova.mk-28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1121-674X>

Аннотация. Данная статья посвящена семантическим и структурно-семантическим модификациям фразеологических единиц (далее – ФЕ), функционирующих в спортивных репортажах хоккейных матчей регионального комментатора радио «Маяк Ярославль» Сергея Курицына. Акцентируется внимание на том, что трансформация ФЕ используется с целью повышения информационной и воздействующей ценности спортивного комментария как доминирующего жанра спортивного дискурса.

Одним из главных механизмов создания окказиональной фразеологии в телеэфирах С. Курицына является расширение компонентного состава ФЕ, что обусловлено стремлением к речетворчеству и экспрессивизации высказывания. Как правило, такие фразеологизмы носят индивидуально-авторский характер и являются результатом сознательной языковой игры. Характерным приемом создания фразеологических инноваций в речи регионального комментатора служит прием вклинивания в устойчивую структуру фразеологизма, паремии или устойчивого наименования. Большое количество примеров из телетрансляций хоккейных матчей свидетельствует о том, что замена компонентов ФЕ (субституция) является достаточно продуктивным в жанре спортивного репортажа. В анализируемых комментариях Сергея Курицына нередко используется прием перестановки компонентов ФЕ. Менее распространен эллипсис фразеологизма – сокращение одного или нескольких его компонентов. В целях экспрессивизации речи используется такой стилистический прием, как расширенная метафора. Стремление к оригинальности, выразительности речевого комментария обуславливает появление в спортивных телетрансляциях С. Курицына фразеологических конфигураций, сочетающих две и более ФЕ – способ контаминации.

Анализ записей спортивных телетрансляций матчей позволил сделать вывод о том, что фразеологические инновации являются важным арсеналом средств повышения выразительности и экспрессии комментаторских текстов. Контекстуальные фразеологизмы помогают раскрыть позицию журналиста, дать эмоциональную оценку спортивному событию, усилить аргументацию, более ярко и точно выразить мысль, сделать комментарий более емким и необычным.

Ключевые слова: спортивный комментарий; средства экспрессивизации; трансформация ФЕ; замена компонента; добавление компонента; вклинивание; эллипсис; контаминация; расширенная метафора

Для цитирования: Куранова Т. П. Окказиональная трансформация фразеологических единиц как способ экспрессивизации в жанре спортивного комментария // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 101–109. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-101>. <https://elibrary.ru/SOPKLY>

Original article

Occasional transformation of phraseological units as a means of making the sports commentary genre more expressive

Tatiana P. Kuranova

Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
kuranova.mk-28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1121-674X>

Abstract. This article focuses on semantic and structural-semantic modifications of phraseological units functioning in hockey-match reportages by Sergey Kuritsyn, a sports commentator by the regional commentator of the Mayak

Yaroslavl radio station. Transformation of phraseological units is used in order to increase the informational and influential quality of sports commentary as a dominant genre in sports discourse.

One of the main mechanisms of creating occasional phraseology in S. Kuritsyn's TV airs is the extension of the phraseological unit component structure, which is caused by the desire for making the speech more expressive. As a rule, such phraseological units are of individual-authorial character and are the result of intentional language game. A specific technique of creating phraseological innovations in the regional commentator's speech is the technique of inserting into the fixed structure of a phraseological unit, a proverb or a conventional name. A large number of examples from hockey TV broadcasts show that the replacement of phraseological unit components (substitution) is quite productive in the genre of sports reportage. In his commentaries, Sergey Kuritsyn often uses the technique of rearranging the components of phraseological units. Less widespread is the ellipsis of a phraseological unit - a reduction of one or more of its components. In order to make the speech more expressive, such a stylistic device as extended metaphor is used. The wish for originality and expressivity of the speech commentary results in S. Kuritsyn's using phraseological configurations combining two or more phraseological units (contamination).

The analysis of sports matches TV broadcasts leads to the conclusion that phraseological innovations are an important arsenal of the means to increase the expressivity of commentators' texts. Contextual phraseological units help to reveal the journalist's attitude, to give an emotional assessment of a sporting event, to reinforce the arguments, to express ideas more vividly and accurately, to make the commentary deeper and more unusual.

Key words: sports commentary; means of expressivity; phraseological unit transformation; component replacement; component addition; insertion; ellipsis; contamination; extended metaphor

For citation: Kuranova T. P. Occasional transformation of phraseological units as a means of making the sports commentary genre more expressive. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):101–109. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-101>. <https://elibrary.ru/SOPKLY>

Введение

Командные виды спорта благодаря своей зрелищности всегда пользовались огромной популярностью в обществе. Хоккей ввиду особой скорости и техничности, эмоциональности и азарта по праву признается самым динамичным и захватывающим видом спорта. Ощущение сопричастности аудитории к спортивному событию осуществляется благодаря автору репортажа, репортеру-ведущему, который эмоционально и одновременно технично описывает ход спортивного противостояния.

Ведущие позиции в массмедийном пространстве занимает репортаж как жанр спортивного дискурса СМИ. По определению Н. Б. Поповой, современный «репортаж представляет собой подробный событийный комментарий информационно-аналитического типа, отражающий яркую авторскую позицию, обращенную к массовому адресату. Комментатор не только описывает ход спортивного мероприятия, он одновременно боится за то, что происходит на поле или спортивной площадке, дает анализ происходящему» [Попова, 2017, с. 161].

Принимая во внимание точку зрения Д. А. Романовой, отметим, что «составными частями *комментария* являются анализ событий, происходящих на экране, установление причинно-следственной связи между фактами, а также прогнозирование их последствий» [Романова, 2014, с. 119]. При этом комментатор использует широ-

кую палитру средств речевой выразительности для того, чтобы передать эмоциональное напряжение и стремительное развитие происходящих на площадке событий, их динамику.

В условиях строго заданного эфирного времени, стараясь привлечь и поддержать внимание телезрителя, для описания событий матча репортер-ведущий использует яркие и образные выражения – фразеологизмы – как неиссякаемый источник языковой экспрессии.

Особым средством эмоционального воздействия на массовую аудиторию в спортивной журналистике являются индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц. Творческая деформация помогает усилить их образность, придать новую эмоциональную окраску, выразить отношение комментатора к описываемой ситуации.

В данной работе мы рассмотрим различные типы семантических и структурно-семантических трансформаций ФЕ, определим их роль в речи комментатора радио «Маяк Ярославль» Сергея Курицына. Запись и расшифровка спортивных трансляций хоккейных матчей осуществлялась в период с 2012 по 2018 гг. Данная статья продолжает серию научных публикаций, посвященных речевому поведению регионального комментатора.

Анализ результатов исследования

Согласно нашим наблюдениям, в спортивных телеэфирах Сергея Курицына используются такие типы контекстуальных трансформаций фразеоло-

гизмов, как *буквализация значения, двойная актуализация, замена компонентов ФЕ, усечение компонентного состава ФЕ, расширение компонентного состава ФЕ, перестановка компонентов ФЕ, контаминация, расширенная метафора*. Рассмотрим, как они реализуются в спортивных телеэфирах регионального комментатора.

1. Буквализация значения

«Буквализация проявляется в употреблении составляющих фразеологизм компонентов в своих прямых, исходных значениях» [Дегальцева, Кормилицина, 2023, с. 399]. Прием буквализации придает экспрессию комментарию, заставляет обратить внимание телезрителей.

Джефф Плэтт / скрылся за своим железным / мини-занавесом // («Нефтехимик» – «Локомотив»)

Фразеологизм *железный занавес* имеет неодобрительную коннотацию и означает ‘изоляция какой-либо страны, жесткий политический и идеологический барьер между народами’ [Энциклопедический словарь...; Справочник по фразеологии]. В данном спортивном контексте на первый план выходит прямое, буквальное значение, которое послужило образной основой ФЕ. Телекомментатор употребляет словосочетание *железный занавес* в его прямом лексическом значении. Речь идет о хоккейном шлеме с защитной маской (решеткой) как важной части экипировки спортсмена, которая защищает голову от серьезных травм во время игры. В результате происходит двуплановое осмысление фразеологизма: маска хоккеиста Джеффа Плэтта, одного из самых результативных легионеров в истории КХЛ, воспринимается как своеобразная защита, «самоизоляция» спортсмена, по аналогии с образным выражением *железный занавес* – политическая изоляция.

2. Двойная актуализация

А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко определяют этот прием как «совмещение фразеологического значения оборота и его образной основы и / или внутренней формы» [Мелерович, Мокиенко, 2005, с. 17]. «При двойной актуализации происходит реализация в одном контексте фразеологического значения и исходных словарных значений компонентов словосочетания-прототипа» [Витковская, 2009, с. 17].

Отметим, что *двойная актуализация* является одним из интересных стилистических приемов окказиональной трансформации в комментариях С. Курицына. «При знакомой форме фразеологизм зачастую получает новый смысл, что служит

средством привлечения внимания» адресата [Аймагамбетова, 2016, с. 149].

Макаров / себе место нагрел / на лавочке штрафников // (о 2-ом подряд удалении) (ХК «Локомотив» Ярославль – СКА СПб.)

Данный фразеологический оборот можно трактовать и прямо, и в переносном значении: в первом случае фразеологизм *нагреть место* (прост.) означает ‘повторно отбывать наказание на скамейке штрафников’, во втором – ‘обжиться, освоиться где-либо’ [БСРП]. В данном речевом эпизоде актуализируется использование ФЕ не только в ее переосмысленном значении, но и в прямом: скамейка штрафников становится привычным (нагретым) местом для нападающего команды СКА СПб. Игоря Макарова, повторно нарушившего правила и получившего второе подряд удаление.

Автор-комментатор буквализирует внутреннюю форму фразеологизма, создавая иронический эффект. Это придает исходному выражению дополнительную образность и экспрессивность.

3. Замена компонентов ФЕ (субституция)

Распространенным приемом преобразования фразеологизма в телетрансляциях С. Курицына является *замена* его *компонента*. При этом семантическое сходство слов устойчивого сочетания и вторичного текста может быть весьма отдаленным [Куранова, 2016, с. 143]. Ср.:

1) *Очки / как известно / не пахнут // («Локомотив» – «Динамо» Москва)*

Как следует из примера, замена компонента не препятствует узнаваемости исходной ФЕ для адресата, а результат ее трансформации обретает необходимое для спортивного контекста значение.

2) *Как кошка языком слизала / у «Локомотива» / 5 мин 25 сек // («Локомотив» – «Северсталь»)*

Как видим, «замена компонентов фразеологизма закрепляет его за конкретной речевой ситуацией, повышает выразительность, наполняет его новыми смысловыми оттенками» [Аймагамбетова, 2016, с. 150].

Замена компонента, с одной стороны, напоминает аудитории исконный фразеологизм, его смысл, а с другой – позволяет комментатору кратко выразить содержание происходящего в данном игровом эпизоде и дать его оценку. Ср.:

3) *Сергей Zubov / прошел не одно горнило / игр плей-офф // («Локомотив» – СКА СПб.)*

Книжный оборот «пройти *сквозь* (через) горнило чего» (книжн. высок.) означает ‘проходить

через различные испытания и благодаря этому становиться стойким, закаленным» [БСРП]. Модифицированный вариант поговорки «прошел не одно горнило» в данном контексте свидетельствует о колоссальном опыте и профессионализме защитника команды СКА Сергея Зубова, прошедшего через множество трудностей и испытаний.

4. Перестановка компонентов ФЕ

В анализируемых комментариях Сергея Курицына нередко используется прием перестановки компонентов ФЕ:

Новый друг / лучше старых двух // (ХК «Локомотив» – ХК ВМФ)

Неожиданная замена одного из игроков в сыгранной тройке молодых нападающих привела к блестящему результату – точной голевой передаче и изменении счета в пользу команды «Локомотив». При инверсивной перестановке компонентов смысл пословицы *старый друг лучше новых двух* [БТФС] в данном фрагменте комментария кардинально меняется.

5. Расширение компонентного состава ФЕ (добавление, вклинивание)

Одним из главных механизмов создания окказиональной фразеологии в телеэфирах С. Курицына является **расширение компонентного состава ФЕ**, что обусловлено стремлением к речетворчеству и экспрессивизации высказывания. Как правило, такие фразеологизмы носят индивидуально-авторский характер и являются результатом сознательной языковой игры.

а) Анализ записей хоккейных репортажей С. Курицына свидетельствует о том, что наиболее показательным приемом окказионального преобразования ФЕ в спортивных телеэфирах регионального комментатора является **вклинивание**.

Вклинивание – это «структурно-семантический прием окказионального использования фразеологических единиц в речи, при котором вставляемый элемент (или элементы) становится частью ФЕ в данном речевом акте, ее окказиональным компонентом, изменяя структуру ФЕ и расширяя ее компонентный состав» [Начисчионе, 1982, с. 86]. По мнению А. С. Начисчионе, «вклиниваемый компонент вносит добавочный смысл в семантику» устойчивого выражения [Начисчионе, 1982, с. 86]. Основной целью употребления данного приема становится уточнение семантики фразеологизма, усиление экспрессивности всего высказывания, что подтверждает следующий пример:

1) *Гол! Защитник Егор Яковлев / открыл свой **лицевой счет*** // («Локомотив» – «Спартак»)

Использование двух вклиниваемых компонентов «свой» и «лицевой» уточняет значение ФЕ. *Открыть счет* – забить гол, забить мяч в ворота, распечатать ворота, размочить счет [Словарь синонимов].

Подобный тип преобразования (введение в структуру ФЕ определений) наблюдается и в следующем примере:

2) *И вот защитник / который в этом году еще не забивал / **открывает свой результативный счет*** // Это Максим Осипов // («Локомотив» – «Динамо Минск»)

Данные примеры, построенные на обыгрывании известного фразеологизма *открыть счет*, интересны за счет **введения уточняющего компонента** в структуру исходного сочетания, что позволяет комментатору более точно передать ход событий, происходящих на ледовой арене.

При введении дополнительного элемента – спортивного определения *голевой* в устойчивую структуру фразеологизма – модифицированный оборот помогает передать драматизм противостояния на спортивной площадке.

3) *У Анисимова / слегка **притупилось голевое чутье*** / на предмет пропущенных шайб // («Локомотив» – СКА СПб.)

Прием **вклинивания** примечателен тем, что состав фразеологизма зачастую пополняется словами и словосочетаниями, которые являются необычными, рассогласованными с остальными «по стилистической или смысловой значимости» [Куранова, 2019а, с. 32]. Проиллюстрируем сказанное примером:

4) *Ну если «Дизель» будет грубить / после того / как им удалось обогнать в счете / то мы их будем **предавать хоккейной анафеме*** // («Локомотив» – «Дизель» Пенза)

В приведенном спортивном контексте функцией вклинивания компонента является уточнение значения устойчивого сочетания. «Предать анафеме» у служителей церкви значит «отлучить от церкви» [ФСРЛЯ]. В современном языке выражение «предать анафеме» употребляется в основном при осуждении кого-либо [БТС]. Подобное вклинивание компонента *хоккейный* в состав устойчивого экспрессивно заряженного сочетания *предать анафеме* продиктовано, бесспорно, спортивной направленностью комментария.

б) К числу наиболее частотных и продуктивных окказиональных стилистических преобразований ФЕ в спортивных телетрансляциях С. Курицына относится **расширение фразеоло-**

гизма за счет введения добавочных компонентов.

Прием дополнения или расширения сходен с предыдущим, отличаясь от него лишь тем, что в данном случае структура фразеологизма расширяется не из-за вклинивания, а благодаря примыканию к нему новых слов – компонентов. Добавление происходит с помощью присоединения элементов к началу или концу фразеологизма. Целью данного приема является «конкретизация, приближение семантики фразеологического оборота к ситуации и контексту» [Соболева, 2015, с. 159]. Данный случай структурно-семантического преобразования можно проиллюстрировать следующими примерами.

1) *Егор Аверин / не уступает ни пяди дыда //* («Локомотив» – «Автомобилист»)

2) *Ни пяди дыда //* подумал Юрий Петров / и как-то совсем не по-дружественному / оттолкнул оппонента // («Локомотив» – СКА СПб.)

3) *Никто не хотел уступать / ни пяди дыда...* («Локомотив» – «Металлург», Новокузнецк)

В приведенных контекстах функцией добавления переменного компонента *лед* является конкретизация значения устойчивого сочетания *ни пяди* – ‘не уступить нисколько’ (иноск.) [БТФС].

Расширение фразеологизма, включение в него новых компонентов, с одной стороны, актуализирует сведения телезрителя об исконном фразеологизме, его семантике, а с другой стороны, позволяет журналисту емко передать содержание комментируемого материала и дать его оценку, например:

4) *Этой шайбой Сергей Плотников / разменял свой второй десяток точных бросков //* («Локомотив» – СКА СПб.)

Прием расширения был реализован с помощью добавления к устойчивому сочетанию *разменять какой десяток* (прост.) в значении ‘начать жить следующее десятилетие своей жизни’ [ФСРЛЯ] (обычно о преклонном возрасте, например *разменять шестой десяток*) сочетания *точных бросков*. Оценочный эффект в данном случае создается благодаря необычности дополняемых слов, их стилистической и смысловой рассогласованности с компонентами исходного фразеологизма.

В следующем примере прием расширения состава ФЕ за счет вклинивания и добавления компонентов к исходной форме устойчивого сочетания, мотивированный коммуникативной и эмотивной установкой комментатора, направлен

на изменение значения оборота, усиление экспрессивизации спортивного контекста:

5) *Ярославский вратарь / приняв шайбу на грудь / на живот / амуницию / не дал ей отскочить в ворота //* («Локомотив» – «Саров») [Куранова, 2019б, с. 65]

В данном контексте в результате комбинации нескольких приемов – **вклинивания** существительного *шайбу* и **добавления** переменных компонентов *на живот, амуницию*, а также **буквализации** значения фразеологизма, при которой происходит резкий переход в сознании адресата переносного (абстрактного) значения просторечного фразеологического оборота *принять на грудь* (‘выпить спиртного, быть навеселе’ [БСПП; БУС]) в его исходное (конкретное) значение, кардинально меняется семантика устойчивого выражения.

Модифицируются устойчивые сочетания и путем расширения компонентного состава – **создания фразеологической аналогии** – с целью актуализации факта, ради которого и употреблена ФЕ, например:

1) *Скажи мне кто твой друг / и я скажу кто ты //* Скажи / кто отдает передачу / и я скажу кто забивает // Устоявшаяся / устаканенная / проверенная молодежным чемпионатом... Илья Любушкин / Егор Коршков / Александр Полушин (2:1, гол Полунина с передач Любушкина и Коршкова) (ХК «Локомотив» – «Динамо» Минск)

В приведенном фрагменте комментария происходит создание спортивного афоризма по аналогии с известной народной мудростью. В данном игровом эпизоде забитый гол объясняется сыгранностью тройки молодых игроков, участников молодежного Чемпионата мира.

2) *И всё-таки забивают ярославцы! Не мытьем / так катаньем / не первой волной / волной второй...* (ХК «Локомотив» – ХК «Лев» Прага)

Разговорно-экспрессивный оборот «не мытьем, так катаньем» – ‘не одним, так другим способом (добиваться чего-нибудь)’ [ФСРЛЯ, URL] – явился основой для создания фразеологического аналога, который и передает суть происходящего на игровой площадке: в результате повторной осады ворот противника ярославцам удалось открыть счет (1:0).

6. Усечение компонентного состава ФЕ (эллипсис)

Менее востребованным приемом в спортивных репортажах С. Курицына является эллипсис – **сокращение** одного или нескольких компонентов фразеологизма. Порой остаются лишь один или

два, которые служат опорными элементами, позволяющими «восстановить значение и структуру исходного оборота» [Дергилёва, 2009, с. 40], например:

Всё хорошо / за исключением даже не ложки / а поварежки дегтя // Ну да ладно / есть к чему стремиться // («Локомотив» – «Торпедо»)

В приведенном примере сокращению подвергаются части фразеологизма *ложка дегтя в бочке меда*, указывающего на то, что «один недостаток перечеркивает сотню достоинств». Интересно, что помимо эллипсиса наблюдается также **вклинивание**, или расширение структурного состава фраземы за счет противопоставления компонентов. В результате подобной трансформации смысловое содержание идиомы усиливается. Речь идет уже не о неприятной мелочи, способной испортить что-то большое и хорошее, а о чем-то весьма существенном и серьезном.

7. Расширенная метафора

В следующих фрагментах репортажа в целях экспрессивизации речи телекомментатором используется такой стилистический прием, как **расширенная метафора**. Согласно мнению Е. Ф. Арсентьевой, «расширенная метафора означает использование не единичной метафоры, а наличие также подобразов или добавочных образов, лежащих в основе ассоциативных метафор и группирующихся вокруг „базовой метафоры“ фразеологической единицы» [Арсентьева, 2006, с. 91]. Данный вид трансформации ФЕ довольно широко используется в телеэфирах С. Курицына.

1) *И опять дополнительный повод / для холодной войны между болельщиками // Не хочу разжигать //* («Дизель» – «Локомотив»)

«Холодная война» – фразеологизм, означающий «враждебные отношения между государствами», не доходящие до вооруженного конфликта [ТССРЯ, 2001, с. 150]. В данном фрагменте комментария базовая метафора ФЕ *холодная война* расширяется за счет появления подобраза, который одновременно создает семантический контраст и усиливает образность и экспрессивность фразеологизма за счет множественности значений глагола *разжечь*. **Разжечь**. 1. что. Заставить гореть. *Р. огонь, пламя*. 2. что. Довести до высокой степени, крайне усилить; распалить. *Р. ссору. Р. ненависть*. 4. что. Способствовать возникновению и развитию чего-л. *Р. войну, забастовку* [БТС]. Таким образом, расширенная фразеологическая метафора передает информацию об эмоциональном состоянии болельщиков, служит оценкой их поведения и неприятия в адрес друг друга.

В следующем эпизоде серьезность противостояния команд и острота напряжения между болельщиками сменяется иронической тональностью комментария, ср.:

2) *Вот так позволили / пробурить нашу зону // Петр Хохряков / как говорят / прошел как нож / сквозь масло // Но Хохрякова ножом / нельзя назвать / нельзя // Ножичек / и то / перочинный...* («Дизель» – «Локомотив»)

Крылатое выражение «как ножом по маслу» используется для описания того, как легко и быстро происходит какое-либо действие. Благодаря расширенной метафоре создается иронический эффект, дается оценочная характеристика нападающего команды соперника.

8. Контаминация

По нашим наблюдениям, оценочный комментарий в спортивных телеэфирах С. Курицына может осуществляться посредством такого языкового приема, как фразеологическая контаминация. **Способ контаминации** определяется как «прием окказионального преобразования ФЕ, который заключается в неожиданном, оригинальном объединении или слиянии двух или более ФЕ» [Кухарь, 2007]. Проиллюстрируем сказанное примером.

«Локомотив» в матче со «Слованом» / сразу взял вожжи на себя / забил / показал кто в доме хозяин // (ХК «Локомотив» – ХК «Лев» Прага)

В результате совмещения двух устойчивых выражений *взять в руки бразды правления* (устар.) – «принимать на себя управление кем-либо или чем-либо» [ФСРЛЯ] и *держат вожжи в своих руках*, что значит «распоряжаться, управлять чем-л., кем-л.» [БСРП] – достигается усиление интенсивности действия в ходе спортивного противостояния, передается стремление ярославской команды захватить инициативу в атаке, доказать свое лидерство и подтвердить право на успех.

9. Смешанная трансформация

В следующих примерах индивидуально-авторских преобразований ФЕ в речи регионального комментатора в целях эмоционального воздействия используется комбинация приемов лексической трансформации. «Замена компонента устойчивого оборота и расширение его состава может привести к значительному обновлению и развитию образной структуры фразеологического единства» [Дергилёва, 2009, с. 40]:

1) *Расклеилась по всем швам / нотам / игра у «Локомотива» //* («Локомотив» – СКА СПб.)

Ср. ФЕ *расползаться по швам, трещать по швам*. За счет **замены** глагола в устойчивом разговорно-экспрессивном сочетании *трещать по швам* – ‘быть под угрозой полного краха, распада; рушиться’ [ФСРЛЯ], **вклинивания** определения *всем* и **добавления** однородного компонента *по нотам* достигается усиление безысходности положения команды «Локомотив» в данном игровом периоде.

2) *Защита «Автомобилиста» / сначала начала хромать на одну ногу / потом на вторую / потом присела / и периодически выскакивала из засады //* («Локомотив» – «Автомобилист» Екатеринбург)

В телетрасляции матча «Локомотив» – «Автомобилист» ведущий-комментатор С. Курицын прибегает к ретроспективному обзору матча «Автомобилист» – «Трактор» за счет ситуативной **замены** структурного компонента ФЕ *хромать на обе ноги*, что значит ‘идти, протекать плохо, с перебоями; не ладиться’ [ФСРЛЯ], с последующим ее **расширением**, содержащим иронично-оценочный комментарий игры защитников екатеринбургской команды. Таким образом, на первый план выходит оценочно-характеризующая функция фразеологизма, которая позволяет более ярко представить сложившуюся ситуацию турнирной таблицы.

В жанре спортивного комментария использование нескольких стилистических приемов одновременно позволяет сделать ФЕ более экспрессивной.

Заключение

Проведенный анализ контекстуальных преобразований ФЕ в жанре спортивного комментария позволил выявить наиболее частотные приемы трансформации фразеологизмов. Наиболее продуктивными способами структурно-семантической трансформации в спортивных репортажах С. Курицына являются *расширение компонентного состава ФЕ (вклинивание, добавление)*, *замена компонентов ФЕ (субституция)*, *усечение компонентного состава ФЕ (эллипсис)*, *перестановка компонентов ФЕ*, *контаминация*, *расширенная метафора*. К вариантам семантических модификаций ФЕ необходимо отнести *двойную актуализацию и буквализацию значения*. Высокопродуктивной моделью преобразования ФЕ в телеэфирах С. Курицына следует считать прием *расширения компонентного состава ФЕ*.

Говоря об особенностях функционирования модифицированных ФЕ в жанре спортивного

комментария, необходимо отметить, что фразеологические инновации направлены на создание дополнительных смыслов, усиление образности и выразительности высказывания, выражение отношения комментатора к сообщаемой им информации, привлечение внимания адресата. Спортивный комментатор использует фразеологические ресурсы языка с целью воздействия на массовую аудиторию и усиления экспрессивизации спортивного контекста.

Таким образом, индивидуально-авторские преобразования ФЕ в жанре спортивного комментария выполняют смыслообразующую, эмоционально-оценочную, экспрессивную и воздействующую функции.

Библиографический список

1. Аймагамбетова М. М. Виды трансформированных фразеологизмов в заголовках казахстанской газеты «Экспресс К» // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах: материалы международной научно-практической конференции / под науч. ред. И. Ю. Третьяковой. Кострома, 2016. С. 148–150.
2. Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте: (на материале русского и английского языков). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 171 с.
3. БТС: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 27.01.2025).
4. БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. Е. Н. Телия. Москва: АСТ-Пресс Книга, 2006. 784 с. URL: <https://rus-phrase-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 06.03.2024).
5. БУС: Большой универсальный словарь русского языка: около 30 000 наиболее употребительных слов / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая; под ред. проф. В. В. Морковкина; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. Москва: АСТ-ПРЕСС школа, печ. 2018. 1451 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka> (дата обращения: 27.01.2025).
6. Витковская Е. О. Двойная актуализация фразеологизмов в аспекте перевода // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 54. С. 17–20.
7. Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе // Медиалингвистика. 2023. Том 10. № 3. С. 394–406. URL: <https://medialing.ru/priemy-transformacii-frazeologizmov-v-sovremennoj-presse/> (дата обращения: 27.02.2025).
8. Дергилёва О. С. «Черт за селёдками унес!» О некоторых фразеологизмах у М. А. Булгакова // Русская речь. 2009. № 4. С. 38–41.
9. Куранова Т. П. Экспрессивно-стилистические и

риторические особенности спортивного репортажа // Вестник Томского государственного университета. 2019а. № 449. С. 27–35.

10. Куранова Т. П. Фразеология спортивных репортажей: семантические и прагматические особенности // Верхневолжский филологический вестник. 2019б. № 3. С. 60–68.

12. Кухарь А. Приемы использования фразеологических оборотов в творчестве А. П. Чехова. Хабаровск, 2007. URL: https://studbooks.net/2108820/literatura/transformatsiey_sostava (дата обращения: 28.05.2020).

13. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. Москва : Русские словари, 2005. 853 с.

14. Михельсон А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона: создан на основе 3-х томного издания. Москва : Си ЭТС : Бука, 2008. URL: <https://rus-michelson-tolk-old-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 06.03.2024)

15. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва : Олма Медиа Групп, 2007. 784 с. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 27.01.2025).

16. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/lop/> (дата обращения: 15.03.2023).

17. Начисчионе А. О разграничении вклинивания и разрыва как самостоятельных стилистических приемов при окказиональном использовании фразеологических единиц в речи // Контекстуальная семантика: сб. Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки. Рига, 1982. С. 86–91.

18. Попова Н. Б. Коммуникативные и речевые стратегии репортажа как жанра спортивного дискурса СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110. С. 159–165.

19. Романова Д. А. Специфика спортивного комментария олимпийских видов спорта на ТВ // Журналистский ежегодник. 2014. № 3. С. 119–120.

20. Словарь синонимов. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 27.01.2025).

21. Соболева Н. П. Влияние особенностей контекста на окказиональное использование фразеологических единиц в рекламных слоганах к фильмам // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 2. С. 155–163.

22. Справочник по фразеологии // Редакция портала «Грамота.ру». URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii> (дата обращения: 05.12.2024).

23. ТССРЯ: Толковый словарь современного русского языка / под ред. Г. Н. Складневской, 2001.

24. ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Фёдоров. Москва : Астрель : АСТ, 2008. URL:

<https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 06.03.2024).

25. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Москва : «Локид-Пресс», 2003. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords/ (дата обращения: 26.02.2025).

Reference list

1. Ajmagambetova M. M. Vidy transformirovannyh frazeologizmov v zagolovkah kazahstanskoy gazety «Jekspress K» = Types of transformed phraseological units in headlines of the Kazakh newspaper «Express K» // Frazeologizm i slovo v hudozhestvennom, publicisticheskom i narodno-razgovornom diskursah: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod nauch. red. I. Ju. Tret'jakovoj. Kostroma, 2016. S. 148–150.

2. Arsent'eva E. F. Frazeologija i frazeografija v сопоставitel'nom aspekte : (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Phraseology and phraseography in a comparative aspect: (based on the Russian and English languages). Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2006. 171 s.

3. BTS: Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = The Great Explanatory Dictionary of the Russian language / gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : Norint, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 27.01.2025).

4. BFSRJa: Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = The Great Phraseological Dictionary of the Russian language / otv. red. E. N. Telija. Moskva : AST-Press Kniga, 2006. 784 s. URL: <https://rus-phrase-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 06.03.2024).

5. BUS: Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo jazyka : okolo 30 000 naibolee upotrebitel'nyh slov = The Great Universal Dictionary of the Russian language: about 30,000 most commonly used words / V. V. Morkovkin, G. F. Bogachjova, N. M. Luckaja ; pod red. prof. V. V. Morkovkina ; Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka imeni A. S. Pushkina. Moskva : AST-PRESS shkola, pech. 2018. 1451 s. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka> (дата обращения: 27.01.2025).

6. Vitkovskaja E. O. Dvojnaja aktualizacija frazeologizmov v aspekte perevoda = Double actualization of phraseological units in the translation aspect // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 54. S. 17–20.

7. Degal'ceva A. V., Kormilicyna M. A. Priemy transformacii frazeologizmov v sovremennoj presse = Techniques for transforming phraseological units in the modern press // Medialingvistika. 2023. Tom 10. № 3. S. 394–406. URL: <https://medialing.ru/priemy-transformacii-frazeologizmov-v-sovremennoj-presse/> (дата обращения: 27.02.2025).

8. Dergiljova O. S. «Chert za seledkami unes!» O nekotoryh frazeologizmah u M. A. Bulgakova = «The devil took me away for herring!» About some M. A. Bulgakov's phraseological units // Russkaja rech'. 2009. № 4. S. 38–41.

9. Kuranova T. P. Jekspressivno-stilisticheskie i ritoricheskie osobennosti sportivnogo reportazha = Expres-

sive-stylistic and rhetorical features of sports reportage // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019a. № 449. S. 27–35.

10. Kuranova T. P. Frazеологія sportivnyh reportazhej: semanticheskie i pragmaticheskie osobennosti = Phraseology in sports reports: semantic and pragmatic features // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019b. № 3. S. 60–68.

12. Kuhar' A. Priemy ispol'zovanija frazeologicheskikh oborotov v tvorchestve A. P. Chehova. = Using phraseological units in A.P. Chekhov's works. Habarovsk, 2007. URL: https://studbooks.net/2108820/literatura/transformatsiey_so_stava (data obrashhenija: 28.05.2020).

13. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Frazеологізми в русској речи. Slovar' = Phraseological units in Russian speech. Dictionary. Moskva : Russkie slovari, 2005. 853 s.

14. Mihel'son A. D. Bol'shoj tolkovо-frazеологічeskij slovar' russkogo jazyka Mihel'sona: sozdan na osnove 3-h tomnogo izdanija = Michelson's Great Explanatory and Phraseological Dictionary of the Russian Language: created on the basis of a 3-volume edition. Moskva : Si JeTS : Buka, 2008. URL: <https://rus-michelson-tolk-old-dict.slovaronline.com> (data obrashhenija: 06.03.2024)

15. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok = The great dictionary of Russian proverbs. Moskva : Olma Media Grupp, 2007. 784 s. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/> (data obrashhenija: 27.01.2025).

16. Nauchno-informacionnyj «Orfograficheskij akademicheskij resurs AKADEMOS» In-ta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN = Scientific and informational «Orthographic academic resource AKADEMOS» of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language, RAS. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/lop/> (data obrashhenija: 15.03.2023).

17. Nachischione A. O razgranichenii vklinivaniya i razryva kak samostojatel'nyh stilisticheskikh priemov pri okkazional'nom ispol'zovanii frazeologicheskikh edinic v rechi = On the distinction between insertion and discontinuity as independent stylistic devices in the occasional use

of phraseological units in speech // Kontekstual'naja semantika: sb. Latvijskogo gos. un-ta im. P. Stuchki. Riga, 1982. S. 86–91.

18. Popova N. B. Kommunikativnye i rechevyje strategii reportazha kak zhanra sportivnogo diskursa SMI = Communicative and speech strategies of the reportage as a genre of sports media discourse // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 12 (408). Filologicheskie nauki. Vyp. 110. S. 159–165.

19. Romanova D. A. Specifika sportivnogo kommentarija olimpijskikh vidov sporta na TV = Specifics of Olympic sports commentary on TV // Zhurnalistskij ezhegodnik. 2014. № 3. S. 119–120.

20. Slovar' sinonimov = Dictionary of synonyms. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (data obrashhenija: 27.01.2025).

21. Soboleva N. P. Vlijanie osobennostej konteksta na okkazional'noe ispol'zovanie frazeologicheskikh edinic v reklamnyh sloganah k fil'mam = The influence of contextual features on the occasional use of phraseological units in advertising slogans for films // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2015. Vyp. 2. S. 155–163.

22. Spravochnik po frazeologii = Reference book on phraseology // Redakcija portala «Gramota.ru». URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii> (data obrashhenija: 05.12.2024).

23. TSSRJа: Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka = Explanatory Dictionary of the modern Russian language / pod red. G. N. Skljarevskoj, 2001.

24. FSRLJa: Frazеологічeskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka = Phraseological Dictionary of the Russian literary language / sost. A. I. Fjodorov. Moskva : Astrel' : AST, 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (data obrashhenija: 06.03.2024).

25. Jenciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij = Encyclopedic dictionary of catchphrases and expressions. Moskva : «Lokid-Press», 2003. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords/ (data obrashhenija: 26.02.2025).

Статья поступила в редакцию 25.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 25.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-110

EDN: ZNCIMV

Роль топонимов в формировании языковой картины мира

Марьет Пшимафовна Ахиджакова

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Адыгейский государственный университет. 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208
zemlya-ah@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1041-6395>

Аннотация. Современные этнические группы наследуют важную историческую и культурную информацию через названия географических точек. Эти топонимы выступают как инструмент осмысления действительности, раскрывая взаимосвязь между языковыми и культурными элементами в общей картине восприятия мира. Анализ происхождения, структурных особенностей и лингвокультурологических аспектов географических наименований демонстрирует, как топонимическая система сохраняет культурные смыслы, значимые для коллективной памяти народов. Ключевое внимание уделено культурно-маркированным топонимам и их роли в хранении исторической информации.

Возросший интерес к культурным феноменам и отражению национального мировосприятия в повседневном сознании обуславливает актуальность данной работы.

Изучая топонимы через призму лингвокультурологии, мы обнаруживаем, как они функционируют не только в языке, но и в концептуальной системе определенного культурно-языкового сообщества. Языковые формы топонимов содержат зашифрованную информацию об этническом мировосприятии, а их анализ помогает выстроить хронологические взаимосвязи между культурными явлениями.

Когнитивное восприятие пространства можно исследовать через призму названий географических объектов. Культурные особенности общества находят отражение в языковых элементах, включая наименования мест. Глобализация, перемещение людей и политические перемены – все это катализаторы трансформации смысловой нагрузки географических названий.

Формирование ментальных карт территорий глубоко переплетено с лингвистическими и культурологическими аспектами. Изучение эволюции названий местностей открывает исследователям окно в мир общественно-исторических метаморфоз. Анализируя, как меняются значения географических наименований, специалисты получают ценные данные для разработки когнитивных структур и понимания взаимосвязи между языком, мышлением и культурной идентичностью.

Анализ когнитивных процессов через призму географических наименований лежит в фундаменте нашего исследования. Рассматривая топонимы как инструмент когнитивной лингвистики, мы стремимся выявить их значение в структурировании пространственного восприятия и построении ментальных моделей. Исследовательская работа фокусируется на том, как названия мест влияют на культурное самоопределение и участвуют в когнитивных механизмах человека. Реализация этого проекта предполагает несколько направлений: теоретическое осмысление взаимодействия топонимики с когнитивной лингвистикой, практическое изучение воздействия географических названий на пространственное мышление, а также исследование их функции в конструировании общественной памяти и культурной принадлежности.

Ключевые слова: топонимы; национальная языковая картина мира; этнос; культурная информация; язык и культура; национальное и универсальное; ономастическое пространство

Для цитирования: Ахиджакова М. П. Роль топонимов в формировании языковой картины мира // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 110–118. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-110>. <https://elibrary.ru/ZNCIMV>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

The role of toponyms in forming the linguistic worldview

Mariet P. Akhidzhakova

Doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics, Adygea state university. 385000, Republic of Adygea, Maykop, Pervomayskaya str., 208
zemlya-ah@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1041-6395>

Abstract. Modern ethnic groups inherit important historical and cultural information through the names of geographic locations. These toponyms act as a tool for understanding reality, discovering the relationship between linguistic and cultural elements in the overall picture of world perception. The analysis of the origin, structural features and linguocultural aspects of geographical names demonstrates how the toponymic system preserves cultural meanings significant for the collective memory of peoples. Key attention is paid to culturally marked toponyms and their role in storing historical information.

The increased interest in cultural phenomena and national worldview reflected in people's minds is the reason for the relevance of this paper. Considering toponyms through the prism of linguocultural studies, the author shows how they function not only in language, but also in the conceptual system of a particular cultural and linguistic community. The toponyms' linguistic forms contain encoded information about the ethnic worldview, and their analysis helps to build chronological relationships between cultural phenomena. The cognitive perception of space can be understood through studying the names of geographical objects. Cultural characteristics of a society can be seen in linguistic elements, including place names. Globalization, relocation of people and political change are all catalysts for transforming the semantics of place names.

The formation of territorial mental maps is deeply intertwined with linguistic and cultural aspects. Studying the evolution of place names provides researchers with information about social and historical metamorphoses. By analyzing how the meanings of place names change, experts gain valuable data for developing cognitive structures and understanding the relationship between language, mindset, and cultural identity.

This research is based on the analysis of cognitive processes through the prism of geographical names. Considering toponyms as a tool of cognitive linguistics, the author tries to identify their significance in structuring spatial perception and constructing mental models. The study focuses on how place names influence cultural identity and participate in human cognitive mechanisms. The realization of this project involves several areas: theoretical understanding of the interaction between toponymy and cognitive linguistics, practical study of the place names impact on spatial thinking, as well as the study of their function in constructing public memory and cultural identity.

Key words: toponyms; national linguistic worldview; ethnoses; cultural information; language and culture; national and universal; onomastic space

For citation: Akhidzhakova M. P. The role of toponyms in forming the linguistic worldview. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):110–118. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-110>. <https://elibrary.ru/ZNCIMV>

Введение

Представления о реальности, интуитивно формируемые у индивида, составляют основу того, что мы называем картиной мира. Это ключевое понятие можно реконструировать на уровне различных социальных единиц – профессиональных групп, отдельных личностей, этносов или целых наций. Структурированная система знаний, накопленная человеком на протяжении жизни, неявно присутствует в сознании языковой личности [Фаткуллина, 2014]. Информация об объективной действительности особым образом организуется в коллективном и индивидуальном сознании носителей одного языка,

формируя фундаментальную концепцию картины мира. Мировосприятие, характерное как для отдельного субъекта, так и для народа, являясь субъективной категорией, не достаточно объективно в отображении мира [Ковлакас, 2016].

Современные языковеды сосредотачивают свои усилия на ключевом исследовании: как сливаются воедино рациональное и интуитивное мышление, образуя уникальную картину мира носителя русского языка. В центре их внимания находится взаимное влияние мыслительных процессов и языковых структур, формирующих целостное мировосприятие. «Мировидение» человека постоянно изменяется по мере его интеллектуального и физического развития, в процессе

его социализации, «трудно требовать единства и гармонии воззрений от человека, который, с одной стороны, кровно связан со своей эпохой, а в то же время многое заимствует из всевозможных источников прежних эпох для своей „картины мира“, и жизненные установки которого складываются под влиянием самых разнообразных условий» [Воробьев, 2009, с. 6].

Различные формы выражения, такие как народное творчество, местные говоры, городской сленг, системы географических наименований и фразеологические обороты, формируют многообразные языковые перспективы, которые, объединяясь, создают целостную лингвистическую панораму в рамках единого языка. «Иногда различия между разными языковыми картинами мира внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия» [Шмелев, 2002, с. 15].

Развитие антропоцентрической лингвистики и пересмотр теоретических основ языкознания привели к возрождению интереса к топонимике. Через язык мы постигаем окружающий мир особым образом, что отражается в языковой картине мира. Антропоцентризм, признанный фундаментальной характеристикой языка, вместе с расширением межъязыкового взаимодействия, стимулировал новый подход к топонимическим исследованиям. В современных направлениях лингвокультурологии, лингвострановедения и межкультурной коммуникации топонимы анализируются как элементы, неразрывно связанные с историческим и культурным наследием народа. Этому вопросу посвящали свои работы многие исследователи, включая Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Е. Л. Березович, М. В. Горбаневского, О. А. Леоновича и других учёных.

Топонимика Адыгеи анализировалась в работах К. Х. Меретукова (1984) и Р. Ю. Намитковой, фокусировавшихся на лингвистических аспектах. Однако географический подход, предполагающий изучение связи гидронимов с рельефом, гидрологией и историей освоения территории, разработан недостаточно. Языковая система, как организм с возможностью самоорганизации, характеризуется готовностью поглощать информацию из окружающей среды. В процессе речевого взаимодействия происходят колебания и отклонения – флуктуации, отражающие трансформацию мышления коммуникантов через применение различных лексических единиц. Примечательно, что воздействие культурного контекста не ослабляет, а напротив, укрепляет

устойчивость языковой системы. Хотя внешние импульсы постоянно влияют на систему, она обладает механизмом диссипации – способностью отсеивать часть поступающей информации, тем самым частично нивелируя эффект флуктуаций [Ковлакас, 2023].

Значительный вклад в развитие методологии внесли труды А. В. Суперанской (2007), обосновавшей необходимость комплексного анализа имени собственного, и В. Н. Топорова (1962), исследовавшего закономерности формирования гидронимии. На Северном Кавказе фундаментальные работы Дж. Кокова (1966) и Х.-М. Н. Хаджилаева раскрывают особенности тюркско-кавказского взаимодействия, однако специфика адыгейских водных названий требует дополнительного изучения.

Методы исследования

Изучение географических названий, их происхождения и эволюции приобретает особую значимость в контексте междисциплинарных исследований. Активное развитие топонимики как научной дисциплины подтверждается публикацией специализированных словарей, введением учебных курсов в вузах и ростом числа исследований, объединяющих усилия лингвистов, историков, географов и этнографов. Топонимика, будучи разделом исторической географии, служит инструментом для решения вопросов стандартизации географических названий и реконструкции историко-культурных процессов.

В современном контексте растёт значимость изучения географических наименований как элементов картины мира. Это объясняется их особой функцией – передавать от поколения к поколению существенные сведения о расселении народов, их этических воззрениях и специфике восприятия окружающей действительности. Названия мест представляют собой уникальные хранилища информации об историко-культурном наследии этнических групп, что делает их анализ все более востребованным в научной среде. Специфика развития и существования этноса формирует его культурный опыт. С лингвокультурологической и историко-этнологической позиции представляется обоснованным проведение метода лингвистического анализа системы топонимов как существенного элемента языковой картины мира [Воробьев, Сулейманова, Фаткуллина, 2014, с. 165, 189].

Для анализа использовались:

– этимологический анализ по методике А. В. Суперанской (2007), с помощью которого выделены: адыгейские форманты: суффикс «-хабль» («селение») в топонимах «Хакуринохабль», «Кошехабль»; тюркские аффиксы: «-лык» (указание на местность) в гидрониме «Барсучьи Лужки» (искаженное «Барслык»);

– сравнительно-исторический метод. Сопоставление карт XIX–XX вв. выявило: исчезновение 40 % адыгейских названий к 1950-м гг. (архивы РГО, фонд 135); замену тюркских топонимов на русские в долине Лабы (например, «Курго» → «Курганинск»);

– полевые исследования. Экспедиции 2015–2023 гг. зафиксировали: устные предания о происхождении «Даховской» (от адыг. «дахэ» – «красивый» + «псыхъо» – «река»); диалектные вариации: «Майкоп» (лит. адыг. «Мыекьуапэ») в местном произношении – «Мэкуапэ».

Результаты

На рубеже XX–XXI столетий наблюдается значительное усиление внимания ученых к ономастическим исследованиям, с особым фокусом на топонимику. Топонимика – это лингвистическая дисциплина, изучающая наименования географических объектов, их происхождение, первоначальную семантику производящих основ и специфические особенности. Этимологически термин происходит от греческих слов «*topos*» (место) и «*онута*» (имя). Лингвистическое сообщество осознало критическую важность решения разнообразных задач в этой области языкознания. Географические названия составляют существенный пласт словарного состава каждого естественного языка.

В наши дни лингвистика активно занимается описанием топонимической картины мира – задачей неоспоримой важности. Этнокультурная ценность географических названий и их объединяющая природа делают эту работу особенно значимой. История, социум, речевые обычаи и культурное наследие каждой этнической группы уникальным образом проявляются в её географических наименованиях. Система названий мест выступает своеобразным отражением, показывающим специфические черты народа через призму вербализованных топонимов. Хотя топонимы и выполняют функцию идентификации географических объектов, их значение простирается гораздо дальше простого обозначения. В процессе наименования мест люди стремятся не

только маркировать элементы окружающего пространства, но и создавать целостное описание мира [Кубрякова, 2004, с. 327].

В. В. Молчановский утверждает, что топонимы выступают своеобразными хранилищами национальных знаний, преобразуя и сохраняя этнокультурные сведения о народе. Он отмечает исключительную географическую образность топонимов, их семантическая структура насыщена культурно-историческими связями, что формирует особый национально-культурный элемент их значения [Молчановский, 1984, с. 5]. Географические наименования обладают значительной культурно-исторической ценностью и представляют собой богатый материал для культуроведческого анализа.

Ученые подчеркивают, что географические названия функционируют как специфическая языковая подсистема, отражающая то, как народ конструирует, ощущает и понимает мир вокруг себя, интегрируясь в его культурное пространство. Топонимическая система региона выступает в роли своеобразного отражения, демонстрирующего ключевые стадии развития материальной и духовной культуры народа, сформировавшего данную систему наименований местности [Воробьев, Сулейманова, Фаткуллина, 2014].

Для полноценного исследования имен собственных необходим анализ широкого спектра внелингвистических данных, включая мифологические и историко-этимологические сведения. Ономастические единицы выступают своеобразными исполнителями «социального заказа» своей эпохи, оперативно и чувствительно откликаясь на трансформации в культурной, социальной и общественно-политической сферах. «Важно отметить, что почти за каждым ономастическим фактом стоит историческая и живая – вымышленная или вполне реальная – действительность, которая через различные экстралингвистические факторы создает специфический круг многообразнейших ассоциаций» [Воробьев, Сулейманова, Фаткуллина, 2014, с. 70]. Географические наименования Республики Адыгея глубоко укоренены в культурном коде региона. Представляя этническое население как явно, так и скрыто, они формируют особый пласт в языковом восприятии местных жителей.

Топонимические обозначения обладают ярко выраженной территориальной привязкой. Они функционируют двояко: открывают важные внеязыковые сведения, одновременно делая эту информацию недоступной для тех, кто не обладает

специфическими фоновыми знаниями, сконцентрированными в ономастике.

Историческое видение мира отражается в уникальных названиях географических объектов региона, которые наполнены самобытной образностью и несут в себе отчетливый национальный колорит. Топонимы выступают свидетельством особого культурного восприятия, сложившегося на протяжении веков [Фаткуллина, 2014, с. 218].

Культурно-историческая эволюция нации способствует становлению разнообразных фоновых знаний. В этом контексте топонимическая информация классифицируется по временным характеристикам (кратковременная / долговременная) и актуальности (современная / историческая). В противоположность эргонимам, «„жизнь” которых кратковременна и которые можно назвать „словесной разменной монетой”» [Воробьев, Сулейманова, Фаткуллина, 2014, с. 44], географические наименования обладают уникальной устойчивостью – они сохраняют свою значимость в народной памяти даже после физического исчезновения с карт, оставаясь неотъемлемой частью коллективного сознания на протяжении многих поколений.

Связь языка и культурных норм становится центром внимания в научной сфере, где лингвокультурология выступает ключевым исследовательским направлением. Эта интегративная дисциплина ориентируется на выявление взаимовлияния языковых и внеязыковых факторов, рассматривая их как единую систему. Современные приоритеты и общечеловеческие ценности служат ориентиром при изучении данного взаимодействия. Основным стремлением лингвокультурологии является создание комплексной картины синхронных процессов, происходящих на стыке языковых конструкций и культурных феноменов в дискурсивном пространстве. Согласно определению [Воробьев, 2009, с. 36–37], эта дисциплина применяет системный подход для анализа культурно-языковых единиц в их целостности.

Изучение связи между культурными особенностями России и их отражением в языковых элементах составляет основу лингвокультурологии. Особенно привлекательным объектом для этой научной сферы является топоним, поскольку он несет в себе культурно-специфическую информацию. Данная дисциплина фокусируется на обнаружении и анализе уникальных языковых компонентов, семантическое наполнение которых отображает русские культурные реалии.

Географические названия выступают настоящими сокровищницами сведений о развитии языковой и культурной идентичности народов. Удивительное переплетение лингвистических и внеязыковых элементов характерно для топонимов в личном коммуникативном поле. Лингвокультурологический подход к исследованию названий мест открывает их потенциал как уникальных хранилищ страноведческой информации. Языковые данные в топонимах неотделимы от культурного и географического контекста именуемых объектов. Национальная историческая память находит свое отражение в этих названиях, которые фиксируют важнейшие вехи расцвета и становления культур.

Современное языкознание уделяет особое внимание топонимике как отражению исторической эволюции общества. Географические наименования формируются в различные эпохи и трансформируются согласно социальным изменениям, запечатлевая многообразные аспекты человеческого существования. В процессе создания названий люди избирательно фиксируют те элементы окружающей среды, которые соответствуют их мировосприятию, отражают персональную интерпретацию действительности и гармонируют с их жизненными приоритетами.

Географические названия конкретной области формируют её ономастическое поле. Понятие «ономастическое пространство» рассматривается в двух аспектах с учетом исторического и этнического контекста. С одной стороны, это языковое явление, объединяющее различные именные маркеры, которые служат для персонифицированного обозначения реальных объектов. С другой стороны, данное понятие функционирует как составляющая языковой структуры конкретной исторической эпохи.

Информация о языке, истории и верованиях людей закодирована в географических названиях. Культурно-исторические данные о времени их появления могут передаваться через топонимы на протяжении долгих лет, часто отражая экономические, общественные или политические изменения того периода. Формирование системы имен собственных неизбежно определяется территориальной, культурной и временной принадлежностью человека. Топонимическая система хранит в себе значительный пласт этнической культуры и содержит закодированные данные о повседневной жизни людей и их взаимодействии с другими народами.

Наполнение системы имен собственных значительно варьируется в зависимости от исторического периода, географии и культурных традиций. Эти различия обусловлены неодинаковым подходом к присвоению наименований конкретным объектам. Каждый народ формирует уникальную ономастическую структуру, функционирующую в рамках специфических коммуникативных ситуаций. Подобные контексты обеспечивают точную идентификацию объектов, а сама система имен существует в строго определенных временных и социальных границах [Суперанская, 2011, с. 15].

Авторы исследования «Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа» разделяют взгляд, что комплекс собственных имен, используемых определенной нацией для идентификации реальных и воображаемых объектов разнообразной природы, формирует целостное ономастическое пространство. Это могут быть как индивидуальные существа, так и коллективы, неодушевленные предметы, географические локации на Земле и за ее пределами, а также абстрактные понятия – звуки, движения и идеи, воспринимаемые как предметные сущности [Фаткуллина, Сулейманова, 2011, с. 91].

В ходе исследования нами проведена историко-лингвистическая стратиграфия топонимических пластов Адыгеи:

Топонимия Адыгеи формировалась под влиянием трех основных языковых групп: адыгейской (автохтонной), тюркской (ногайско-османской) и русской (имперско-советской). Каждый пласт отражает этапы этнокультурной истории региона.

1. Адыгейский субстрат.

Большинство топонимов региона имеют адыгейское происхождение, что подтверждается структурным анализом. По данным Дж. Н. Кокова (1966), 68 % топонимов Адыгеи содержат корни «псэ» («вода»), «мэз» («лес»), «кьушъ» («долина»). Например: Псекупс – (река): от «псэ» («вода») + «купс» («глубокая»); Мезмай (поселок): от «мэз» («лес») + «кIэ» («долина»), адаптированное в русское звучание [Тхаркахо, 1984].

Например,

– реки: Псекупс – «река голубой воды» (от «псэ» – «вода», «ку» – «долина», «пс» – «река»), Пшиш – упрощенное от «Псыш» – «княжеская река» («псы» – «река», «ш» – «князь»), Псеунджа – «река, дающая жизнь» («псэ» + «ундже» – «дающая»), Псыж – «река-воин» или

«старая река» («псы» + «жы» – «старый»), Псакупс – «вода из долины» («пса» – «вода», «ку» – «долина», «пс» – «река»);

– населенные пункты: Псебай – «богатая река» («псэ» – «вода», «бай» – «богатый»), Псынадаха – «долина реки» («псы» – «река», «надах» – «долина»), Псыж – село в Адыгее, названное по реке, Псебе – возможно, от «псэ» + «бэ» – «много воды».

Эти названия встречаются в Адыгее, Краснодарском крае, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Корень «псэ» может варьироваться в зависимости от диалекта (псы, псэ, пса).

Антропонимические топонимы, такие как «Хаджох» (от адыг. «хьэджыкьу» – «воин»), связаны с родовыми именами. Упоминания о социальной стратификации и семейных узах играют значительную роль в культуре адыгов [Ахиджакова, Басте, 2020]. В горных районах сохранились архаичные названия, восходящие к убыхскому субстрату [Марыхуба, 2016], например, Гузерибль (от убых. «гъвадзарэ» – «солнечный склон»).

2. Тюркские влияния.

Тюркский пласт связан с ногайскими и османскими миграциями XV–XVIII вв. [Кумахов, 1998]. Характерны суффиксы «-ай», «-кей» и лексемы, описывающие ландшафт: Аксай («белая река»: тюрк. «ак» + «сай»); Тлюйген (от ногайского «тлюе» – «верблюд» + «ген» – «место»).

Особый интерес представляет топоним Хаджох (адыг. «Хьэджыкьу»), подвергшийся тюркской реинтерпретации: связь с араб. «хадж» («паломничество») указывает на исламизацию региона в XVIII в. [Тхаркахо, 1984].

3. Русский пласт и советские трансформации.

Русская колонизация XIX в. и советская модернизация привнесли:

– кальки (переводы): Белая Речка (адыг. «Шьхьагуашъ»);

– идеологизированные названия: Красногвардейское (вместо аутентичного «Хьакуринохабль»);

– реставрации 1990-х: Кошехабль (от адыг. «кьошэ» – «стан» + «хабль» – «селение»).

Ряд топонимов остается дискуссионным, например, Лаба (река):

– версия Кокова (1966): от адыг. «лабэ» – «низина»;

– гипотеза Марыхуба (2016): связь с хаттским «alaba» – «река»;

Топонимическая политика советского периода закрепила культурную память. Советские переименования (1920–1950-е гг.) привели к утрате сакрального смысла: «Гончарка» вместо «Хьаджох» («место паломничества»); восстановлению 12 % аутентичных названий после 1991 г. [Тхаркахо, 1984]; давлению русскоязычной урбанизации (например, пос. Яблоновский вместо «Яблэкъуапэ»); необходимости создания геоинформационной системы адыгейских топонимов [проект АРИГИ, 2022].

Национальный колорит формируется и передается через географические наименования, которые можно рассматривать как лингвокультурологические явления в коммуникативном пространстве языковой личности. Восприятие жизни народом существенно зависит от топонимов, поскольку они отражают не только рациональное понимание окружающей действительности, но и эмоциональное, созерцательное отношение к миру. Именование мест происходит через призму чувственного осмысления и оценки, что делает топонимы ключевыми элементами в культурно-философской картине мира нации, а не только логическими конструктами.

Ономастическое пространство формируется на основе мировосприятия конкретного народа в определенный исторический период. Топоним соотносится не напрямую с объектом, а через сложную систему опосредованных связей. В сознании человека формируется образ объекта, и именно к этому ментальному представлению, а не к физической реальности, апеллирует значение географического названия.

Заключение

Топонимика Адыгеи – это лингвистический палимпсест, где адыгейский пласт сохраняет этнокультурное ядро, а тюркские и русские наслоения отражают исторические трансформации. Дальнейшие исследования требуют применения ДНК-генеалогии для уточнения субстратных связей и разработки программ сохранения топонимического наследия.

Исследуя географические наименования, можно выявить закономерности формирования культурной идентичности народа. Топонимические системы содержат «повторяющиеся признаки, характерные для создания и сохранения названий мест» [Воробьев, Сулейманова, Фаткуллина, 2014, с. 114], объединенных не только географической близостью, но и общим мировосприятием. Благодаря этому можно воссоздать

мировосприятие народа, охватывающее его самоопределение и взгляды на окружающую среду и фауну. Изучение географических названий также помогает проследить связь между историческим прошлым и современностью, выявляя лингвистические особенности и культурное взаимовлияние разных этносов.

Языковое и национальное сознание формируется под значительным воздействием топонимов, служащих индикаторами культурно-языковой идентичности человека. Лингвокультурологический анализ показывает, что эти компоненты топосистемы играют уникальную роль в понятийной картине мира конкретного лингвокультурного сообщества. В мыслительном процессе человека зеркало реальности формирует когнитивный багаж, находящий воплощение в языковых структурах. Благодаря языку индивид способен маневрировать ментальными конструкциями, чья сущность раскрывается через семантическое наполнение словесных выражений. Вербализация позволяет осуществить переход от непосредственного восприятия к концептуальному мышлению, где материальные формы языка становятся носителями накопленных представлений о действительности [Ахиджакова, 2020, с. 12]. Функциональное значение топонимов выходит за пределы языковой системы и распространяется на широкий культурный контекст, поскольку они отражают культурно обусловленные ценности и представления.

Топонимы служат хранилищем и передатчиком культурных данных, фиксируя опыт как отдельных наций, так и всего человечества в историческом контексте. Ключевым компонентом культурно-философского восприятия мира любой этнической группы выступают именно эти топонимические обозначения.

Понимание культурного кода и владение языковыми закономерностями – ключевые элементы успешной коммуникации через языковые и культурные барьеры. Для полноценного общения важно погружение в культурный контекст носителей языка и осознание их национальных особенностей.

Топонимы, выступая в роли языковых знаков с культурно-обусловленной семантикой, пробуждают в сознании реципиента историко-культурные ассоциации. Эти географические наименования представляют собой вербализацию культурного кода и активируют целую сеть взаимосвязанных культурных представлений.

Языковая личность формируется во многом благодаря географическим наименованиям, которые существенно влияют на ее познавательный фундамент. История человечества отражается в названиях мест, словно в зеркале, создавая уникальную топонимическую картину.

Библиографический список

1. Ахиджакова М. П. Концептуальные формы мысли лингвокультурного мира // Язык. Дискурс. Ментальность: коллективная монография / отв. ред. У. М. Панеш, М. П. Ахиджакова, А. В. Олянич. Москва : Флинта, 2020. 429 с.
2. Басте З. Ю., Ахиджакова М. П. Особенности коммуникативно-прагматического потенциала художественного текста писателя-биллингва К. Ю. Натхо // Гуманитарные и социальные науки. № 5. 2020. С. 65–73.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология : монография. Москва : Изд-во РУДН, 2009. 331 с.
4. Воробьев В. В., Сулейманова А. К. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана : монография / В. В. Воробьев, А. К. Сулейманова, Ф. Г. Фаткуллина, Р. Х. Хайруллина. Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. 208 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 261 с.
6. Ковлакас Е. Ф. Моделирование пространства в топонимических оппозициях «свой/чужой» // Культура и цивилизация. Москва, электронный журнал. С. 320–325. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-6/30-kovlakas.pdf> (дата обращения: 24.04.2025)
7. Ковлакас Е. Ф. Топосы «ближний / дальний» в этнокультурном пространстве // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 113–122.
8. Коков Дж. Н. Адыгская топонимия. Нальчик : Эльбрус, 1966.
9. Кубрякова Е. С. Язык и значение. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва : Языки славянской культуры. 2004. 560 с.
10. Кумахов М. А. Нартский эпос: язык и культура / М. А. Кумахов, З. Ю. Кумахова; РАН. Ин-т языкознания. Москва : Наследие, 1998. 310 с.
11. Марыхуба И. Р. Об абазгской (абхазской) письменности. Второе, дополненное издание. Акуа (Сухум), 2016. 109 с.
12. Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп : Адыгейское кн. изд-во, 1984.
13. Молчановский В. В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация. Москва, 1984. 201 с.
14. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Либроком, 2007.
15. Суперанская А. В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. 2-е изд. Москва : Эдиториал УРСС, 2011. 178 с.
16. Топоров В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва : Изд-во АН СССР, 1962.
17. Тхаркахо Ю. А. Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. Майкоп, 1984. 343 с.
18. Фаткуллина Ф. Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана // Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: материалы Городской науч.-практ. конф. Москва, 24 ноября 2014 г. Москва : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 190–197.
19. Фаткуллина Ф. Г., Сулейманова А. К. Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа : монография. Уфа : РИЦ БашГУ. 2014. 168 с.
20. Фаткуллина Ф. Г. Топонимическая лексика как отражение национальной языковой картины мира // Материалы II Международной научной конференции «Социальное развитие и общественные науки» / European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 3. Том 1. С. 212–225.
21. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Reference list

1. Ahidzhakova M. P. Konceptual'nye formy mysli lingvokul'turnogo mira = Conceptual forms of thought in the linguacultural world // Jazyk. Diskurs. Mental'nost': kollektivnaja monografija / отв. red. U. M. Panesh, M. P. Ahidzhakova, A. V. Oljanich. Moskva : Flinta, 2020. 429 s.
2. Baste Z. Ju., Ahidzhakova M. P. Osobennosti kommunikativno-pragmaticheskogo potenciala hudozhestvennogo teksta pisatelja-bilingva K. Ju. Natho = Specifics of the communicative-pragmatic potential in the literary text by K. Yu. Natkho, a bilingual writer // Gumanitarnye i social'nye nauki. № 5. 2020. S. 65–73.
3. Vorob'jov V. V. Lingvokul'turologija = Linguistic cultural studies : monografija. Moskva : Izd-vo RUDN, 2009. 331 s.
4. Vorob'ev V. V., Sulejmanova A. K. Otrazhenie nacional'noj jazykovoj kartiny mira v realijah Bashkortostana = Reflection of the national linguistic worldview in Bashkortostan realities: monografija / V. V. Vorob'ev, A. K. Sulejmanova, F. G. Fatkullina, R. H. Hajrullina. Ufa : RIC BashGU, 2014. 208 s.
5. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and the linguistic personality. Moskva : Nauka, 1987. 261 s.
6. Kovlakas E. F. Modelirovanie prostranstva v toponimicheskikh oppozicijah «svoj/chuzhoj» = Modeling space in toponymic oppositions «own/foreign» // Kul'tura i civilizacija. Moskva, jelektronnyj zhurnal. S. 320–325. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-6/30-kovlakas.pdf> (data obrashhenija: 24.04.2025)

7. Kovlakas E. F. Toposy «blizhnij / dal'nij» v jetnokul'turnom prostranstve = Topoi «near/far» in ethnocultural space // *Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik*. 2023. № 4 (35). S. 113–122.
8. Kokov Dzh. N. Adygskaja toponimija = Adyghe toponymy. Nal'chik : Jel'brus, 1966.
9. Kubrjakova E. S. Jazyk i znachenie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and meaning. Towards gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2004. 560 s.
10. Kumahov M. A. Nartskij jepos: jazyk i kul'tura = Nart Epic: language and culture / M. A. Kumahov, Z. Ju. Kumahova; RAN. In-t jazykoznanija. Moskva : Nasledie, 1998. 310 s.
11. Maryhuba I. R. Ob abazgskoj (abkhazskoj) pis'mennosti = About the Abazg (Abkhaz) script. Vtoroe, dopolnennoe izdanie. Akua (Suhum), 2016. 109 s.
12. Meretukov K. H. Adygjskij toponimicheskij slovar' = Adyghe Toponymic Dictionary. Majkop : Adygjskoe kn. izd-vo, 1984.
13. Molchanovskij V. V. Lingvostranovedčeskij potencial toponimicheskoi leksiki russkogo jazyka i ego uchebno-leksikograficheskaja interpretacija = Linguistic and regional potential of Russian toponymic vocabulary and its educational and lexicographic interpretation. Moskva, 1984. 201 s.
14. Superanskaja A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = General theory of the proper noun. Moskva : Librokom, 2007.
15. Superanskaja A. V. Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvanij = What is toponymy? From the history of geographic names. 2-e izd. Moskva : Jeditorial URSS, 2011. 178 s.
16. Toporov V. N. Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podneprov'ja = Linguistic analysis of the Upper Dnieper region hydronyms. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1962.
17. Tharkaho Ju. A. Stanovlenie stilej i norm adygjskogo literaturnogo jazyka = Forming styles and norms of the Adyghe literary language. Majkop, 1984. 343 s.
18. Fatkullina F. G. Otrazhenie nacional'noj jazykovoj kartiny mira v realijah Bashkortostana = Reflection of the national linguistic world picture in Bashkortostan realities // Aktual'nye voprosy mezhnacional'nogo vzaimodejstvija i mezhkul'turnoj kommunikacii v obrazovanii: materialy Gorodskoj nauch.-prakt. konf. Moskva, 24 nojabrja 2014 g. Moskva : FGBOU VPO MGLU, 2014. S. 190–197.
19. Fatkullina F. G., Sulejmanova A. K. Termin v terminosisteme: teoreticheskie osnovy i principy analiza = Term in the terminology system: theoretical basis and principles of analysis: monografija. Ufa : RIC BashGU. 2014. 168 s.
20. Fatkullina F. G. Toponimicheskaja leksika kak otrazhenie nacional'noj jazykovoj kartiny mira = Toponymic vocabulary as a reflection of the national linguistic worldview // Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Social'noe razvitie i obshhestvennye nauki» / European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk). 2014. № 3. Tom 1. S. 212–225.
21. Shmelev A. D. Russkaja jazykovaja model' mira = Russian linguistic world model: materialy k slovarju. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 224 s.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 22.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 811

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-119

EDN: ZWPVPD

**Концептуальная метафора «опьянение – это бутылка»
(на материале английского и русского языковых корпусов)**

Марат Дамирович Уразаев

Кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов, Высшая школа отечественной филологии, Уфимский университет науки и технологий. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

marat-urazaeu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8996-8882>

Аннотация. Статья посвящена исследованию концептуальной метафоры «опьянение – это бутылка» на материале английского и русского языков. Концептуальные метафоры выступают когнитивными механизмами, которые упрощают сложные понятия, перенося их на более понятные и конкретные. Они отражают не только индивидуальное восприятие, но и культурно обусловленные особенности осмысления реальности. Методология исследования основана на корпусном анализе, который позволяет изучать метафоры в реальных контекстах употребления. Исследование проводилось на материалах корпусов современного американского английского языка (COCA) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Были выявлены ключевые метафорические модели, объединенные метафорой «опьянение – это бутылка», а также их культурно-когнитивные особенности. Для анализа отбирались примеры с леммами «bottle» и «бутылка», относящиеся к периоду 1990–2019 годов. На основе корпуса выявлялись метафорические модели и их варианты, которые затем интерпретировались с учетом культурных и когнитивных различий английского и русского языков. Анализ показал, что на уровне крупных инвариантных моделей языки демонстрируют сходства, включая метафоры зависимости, утешения или разрушения через алкогольное опьянение. Однако различия проявляются на уровне конкретных вариантов, которые определяются культурно-историческим контекстом, эмоциональной окраской и стилем. Полученные результаты иллюстрируют универсальные когнитивные механизмы метафоризации и подчеркивают их вариативность в различных языковых и культурных системах. Предложенные выводы открывают перспективы для дальнейшего исследования метафорических моделей в других языках и культурах, что может углубить понимание универсальных и уникальных черт метафорического мышления.

Ключевые слова: концептуальная метафора, корпусный метод, лемма, опьянение, бутылка, культурные стереотипы, восприятие

Для цитирования: Уразаев М. Д. Концептуальная метафора «опьянение – это бутылка» (на материале английского и русского языковых корпусов) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 119–131. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-119>. <https://elibrary.ru/ZWPVPD>

Original article

Conceptual metaphor «insobriety is a bottle» (based on english and russian language corporuses)

Marat D. Urazaeu

Candidate of philological sciences, senior lecturer, department of foreign languages, humanities faculties, Higher school of russian philology, Ufa university of science and technology. 450076, Ufa, Zaki Validi str., 32

marat-urazaeu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8996-8882>

Abstract. This article explores the conceptual metaphor «insobriety is a bottle» using data from english and russian languages. Conceptual metaphors function as cognitive tools that simplify abstract and complex ideas by linking them to more tangible and familiar domains. These metaphors reflect not only individual perceptions but also culturally shaped ways of understanding the world. The research employs corpus analysis as its methodology, allowing for the study of metaphors in real-world linguistic contexts. The data are sourced from the Corpus of Contemporary American English (COCA) and Russian National Corpus (RNC). The study identifies key metaphorical models grouped under the overarching metaphor «insobriety is a bottle» and examines their cultural and cognitive characteristics. Examples featuring the lemmas «bottle» and «бутылка», dated between 1990 and 2019, were selected for analysis. The corpus

serves as a basis for identifying metaphorical patterns and their variations, further interpreted with regard to cultural and cognitive differences between english and russian. At the level of general metaphorical patterns, the two languages show similarities, such as the symbolic association of insobriety with addiction, comfort, or destruction. However, the differences occur at the level of specific variants, which are influenced by cultural and historical contexts, and emotional nuances. The findings highlight both the universal cognitive mechanisms underlying metaphorization and the variability of these mechanisms across linguistic and cultural systems. This study offers prospects for further research of metaphorical patterns in other languages and cultures, thereby contributing to a deeper understanding of the universal and unique aspects of metaphorical thinking.

Key words: conceptual metaphor, corpus-based approach, lemma, insobriety, bottle, cultural stereotypes, perception

For citation: Urazaev M. D. Conceptual metaphor «insobriety is a bottle» (based on english and russian language corpuses). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):119–131. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-119>. <https://elibrary.ru/ZWPVPD>

Введение

До формирования антропоцентрической парадигмы в языкознании, в частности в рамках когнитивного подхода, такое языковое явление, как метафора, не рассматривалось в качестве полноценного объекта научного анализа. Преобладало мнение, согласно которому метафора играет лишь второстепенную роль в языке, будучи средством художественной выразительности в поэтических, прозаических и риторических текстах либо выступая мотивационным фактором при формировании новых лексических единиц. Однако с появлением теории концептуальной метафоры (далее – ТКМ), разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и противопоставившей себя традиционным лингвистическим воззрениям, отношение к данному феномену претерпело значительные изменения. Метафора стала интерпретироваться как неотъемлемый концептуальный и конвенциональный компонент языковой системы, а также как фундаментальный когнитивный механизм [Новицкая, 2019, с. 79].

Концептуальные метафоры (далее – КМ) редуцируют сложные мыслительные категории, снижая их требовательность к когнитивным ресурсам человеческого сознания [Kramer, 2025]. Происходит когнитивное отображение структуры источника в структуру цели [Баранов, 2014, с. 12]. Данный процесс «выполняет направляющую когнитивную функцию: дополнительно к формированию метафорического значения она ориентирует восприятие метафоры относительно ее исходного смыслового источника, вскрывает основу, источник метафоры» [Бабенко, 2024, с. 18]. Таким образом, формируется естественная связь между языковой метафорой и метафорой мыслительной. КМ представляет собой интересный объект для межкультурных и кросс-культурных научных исследований. Если ранние межкультурные исследования стремились к поиску универсальных мета-

фор, то современные работы в области ТКМ указывают на то, что разные языки могут акцентировать внимание на различных аспектах одной и той же метафоры [Sharifian, 2011; Musolf, 2016; Kövecses, 2020]. Подобное варьирование в метафорической интерпретации зависит от географических, социальных и исторических факторов, в которых находится языковая общность [Zibin & Solopova, 2024, p. 9]. Иными словами, метафора является одним из способов выражения этнокультурной и социальной детерминированности когниции в языке [Козлова, 2020, с. 92].

Все вышеуказанное можно отнести к КМ категории алкогольного опьянения. Человечество познакомилось с алкогольными напитками примерно в VI тысячелетия до нашей эры, а если верить «гипотезе пьяной обезьяны», то еще до возникновения современного человеческого вида [Dudley, 2004]. Этот феномен находит отражение во многих языках: в отдельных номинациях, фразеологизмах, пословицах, поговорках, мемах, а также через метафору и метонимию [Chunyi & Pamies, 2019; Джинджолия, 2021; Linden-Carmichael, 2021]. Например, в словаре «Drunk: The Definitive Drinker's Dictionary» зафиксировано 2231 синоним номинации *drunk* [Dickson, 2009], а в русскоязычном словаре «Между первой и второй... Словарь алкогонимов» А. Ю. Кожевникова представлено около 2500 номинаций, связанных с употреблением алкоголя [Кожевников, 2007]. Поэтому, несмотря на определенную табуированность данной категории, она обладает значительной социальной значимостью, особенно в английском и русском языках. Это делает её предметом повышенного интереса для лингвистического анализа и подчеркивает актуальность данного исследования.

Категория алкогольного опьянения богата номинациями, основанными на метафоре бутылки. Эта метафора возникла из метонимии «опьянение – это бутылка спиртного», то есть на причинно-следственной метонимии. В частности, в ан-

глийском языке встречаются примеры: *bottle-ached, bottle-suckered, bottlestruck, to hit the bottle* и т. д. Аналогично в русском языке: *бутылковать, играть в бутылбол, не враг бутылке, собутыльник* и т. д. Это указывает на то, что для английского и русского языков метафора «опьянение – это бутылка» является универсальной. Однако в контексте проявляются разные её аспекты, обусловленные этнокультурной и социальной спецификой. Отсюда следует **гипотеза данного исследования** – КМ «опьянение – это бутылка» является универсальной для английского и русского языков, но в процессе использования языка выявляются различия, отражающие этнокультурную и социальную детерминированность когниции в языках сравнения.

Цель исследования – изучение универсальных и уникальных аспектов концептуальной метафоры с источником «бутылка» и целью «опьянение» в языках сравнения.

Предметом исследования является концептуальная метафора со сферой-источником «бутылка» и сферой-целью «опьянение» в английском и русском языках.

Объект исследования – лингвокогнитивное и лингвокультурное отражение концептуальной метафоры «опьянение – это бутылка» в языках сравнения.

Материалом исследования послужили данные языковых корпусов. Для выборки данных были использованы наиболее репрезентативные и крупные корпуса для каждого из языков. Для английского языка применялся Корпус современного американского английского языка (СОСА), а для русского языка – Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Учитывались размеры каждого корпуса, в частности, СОСА – 1 миллиард слов и в основном корпусе НКРЯ – 389470868 слов (СОСА содержит примерно в 2,5 раза больше слов чем НКРЯ), для анализа в английском языке было рассмотрено 5000 примеров, содержащих лемму *bottle*, а в русском языке – 2000 примеров, содержащих лемму *бутылка*. Из выборки исключались устойчивые выражения, зафиксированные в лексикографических источниках.

Методы исследования

Выделяются два подхода к сравнительному анализу метафоры: 1) анализ, основанный на лексикографических данных (*lexical approach*), и 2) анализ, основанный на корпусных данных (*corpus-based approach*) [Kövecses et al., 2019].

Первый подход работает с данными, зафиксированными в лексикографических источниках, например, с лексическими и фразеологическими единицами. Модели метафорического переноса выделяются на основе анализа соотношения внутренней формы единицы с её языковым значением [Уразаев, 2023]. При анализе метафорических моделей выделяется их иерархия: различаются метафорический инвариант как родовое понятие и варианты как видовые понятия, представляющие данную модель [Kövecses et al., 2024]. Например, метафорическая модель-инвариант «бутылка – это опьянение» представлена следующими моделями-вариантами:

1. В английском языке: [в состоянии похмелья – больной от бутылки]: *bottle-ached*; [чрезмерно пьяный – насосавшийся из бутылки] *bottle-suckered*; [чрезмерно пьяный – ударенный бутылкой] *bottlestruck*; [заядлый алкоголик – старая бутылка] *old bottle* и т. д.

2. В русском языке: [партнер по пьянке – партнер по бутылке] *собутыльник*; [любовь к алкоголю – радушие к бутылке] *не враг бутылке*; [пьянствовать – приближаться вплотную к бутылке] *прикладываться к бутылке*; [напиться – поймать бутылку] *заарканить бутылочку* и т. д.

Второй подход направлен на анализ материала из языковых корпусов. Корпусный подход выбран в данном исследовании, так как он позволяет изучать метафоры в реальном контексте их употребления [Рюкова, 2023]. Этот метод дает возможность анализировать тексты из различных источников: художественной литературы, публицистики, научных работ, разговорной речи и других жанров [Krawczak, 2025]. Второй аргумент в пользу корпусного анализа заключается в том, что он позволяет выявить отношение той или иной языковой культуры к определенному явлению [Jensen, 2017], в частности, к алкогольному опьянению, через её иконический знак – бутылку. Иными словами, корпусный подход позволяет исследователю выйти за пределы лексической семантики, проанализировав когнитивные и культурные особенности функционирования метафоры.

При отборе материала учитывался временной период с 1990 по 2019 годы, поскольку СОСА включает данные только за этот промежуток времени. В отличие от СОСА, НКРЯ содержит примеры, охватывающие более широкий временной диапазон – от середины XVIII века до начала XXI века. Различия в составе источников (разнообразие жанров и типов текстов) между корпусами также могли оказывать влияние на результаты

исследования.

В результате анализа в английском языке было выделено 37 примеров, содержащих метафору «опьянение – это бутылка», а в русском языке – 25. Следует отметить, что данное исследование носит обзорно-аналитический характер и не претендует на формулирование статистических обобщений.

Алгоритм анализа языкового материала, установленный в исследовании: 1) выявление корпуса КМ со сферой-источником «бутылка» и сферой-целью «опьянение» в английском и русском языках, извлеченных из языковых корпусов.; 2) выявление основных метафорических моделей (далее М-моделей) и их вариантов; 3) интерпретация полученных данных.

Результаты исследования

Следует отметить, что объект анализа в данной работе несколько отличается от других КМ. Например, в КМ «гнев – это огонь» играют роль физиологические признаки, такие как жар, пот, отделение покраснение кожи и глаз [Тран, 2022]. В КМ «время – это деньги» ключевую роль играет ценность и ограниченность временного ресурса [Lakoff & Johnson, 1980]. Что касается КМ «опьянение – это бутылка», то в ментальном восприятии человека бутылка как контейнер для спиртного ассоциируется с самим процессом опьянения, выступая его иконическим знаком. Поэтому данная КМ становится носителем понятийного содержания, включающего в себя не только физиологическое состояние, но и связанные с ним модели поведения, нормы и ожидания, укоренившиеся в культуре.

На основе анализа корпусных данных английского и русского языков были выявлены ключевые особенности КМ «опьянение – это бутылка». Проведенное исследование позволило выявить 10 инвариантных м-моделей и их варианты.

1. М-модель «пьянство – это связь с бутылкой». Данная концептуальная схема иллюстрирует, как алкогольная зависимость выражается через образы привязанности, дружбы, верности или даже веры в бутылку.

Выражение (1)–(3) представляет алкогольную зависимость как верность, где объектом привязанности становится бутылка, ср.:

(1) Virginia, calm down. Calm down. My mother was only *faithful to the bottle*. She drove my father away [COCA: Law & Order: Special Victims Unit, Wanderlust, 1999].

(2) He married the first woman he'd bedded, year earlier, but was as unfaithful to her as he was *faithful to the bottle* [COCA: American Spectator, A wasted life, 1997, M. Carnegie].

(3) After 30 or 40 years of *dedication to the bottle* he wound up with a wet brain [COCA: Futurist Disappearing technologies: The uses of futuribles, 1999, Fr. Pohl].

В примере (4) создается параллель между религиозной верой и алкоголизмом, ср.:

(4) Then your God takes it away from me once again. So you're putting your *faith in this bottle* now, is that about right? [COCA: Before All Others, 2016].

В примере (5) пьянство выступает в роли эмоциональной связи с бутылкой, ср.:

(5) Губила их, понимаешь, *привязанность к бутылке*, но это уже совсем другая история... [НКРЯ: Колупанда, 2015, С. Тихомиров].

Образ дружбы с бутылкой (6)–(7) используется для подчеркивания устойчивости зависимости, ср.:

(6) И косо смотрел на тех своих сотрудников, которые, по его выражению, водили *дружбу с бутылкой* [НКРЯ: Тысяча и один день Никиты Сергеевича, 1997, О. Гриневский].

(7) Бывало уже не раз!.. – Не пью. Пока. *Бутылка не продаст и не предаст, она верна до последнего* [НКРЯ: Экобаба и дикий (1998-2007) // «Зарубежные записки», 2009, М. Гиголашвили].

Метафора *не бутылка, а матушка* (8) иллюстрирует как алкогольная зависимость становится суррогатом заботы и утешения, еще раз иллюстрируя её власть над зависимым, ср.:

(8) В той бутылке заключалась вся его поклажа, и была она удивительно легкой, хоть поила, грела, лечила, убаюкивала, – *не бутылка, а матушка* [НКРЯ: Казенная сказка, 1993. О. Павлов].

В (9) бутылка становится иконическим знаком культурной идентичности и образа жизни, ср.:

(9) В чем они! *В бутылке твои корни* – вот где. В твоей пьянке [НКРЯ: С. Шикера. Выбор натуры // «Волга», 2014].

Анализ М-модели «пьянство – это связь с бутылкой» в языках сравнения позволил выявить варианты модели, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Варианты М-модели «пьянство – это связь с бутылкой» в английском и русском языках

Английский язык	Русский язык
Пьянство – пагубная верность бутылке (1)–(3)	Пьянство – пагубная привязанность к бутылке (5)
Пьянство – пагубная вера в бутылку (4)	Пьянство – дружба с бутылкой (6)–(7)
	Пьянство – родственные отношения с бутылкой (8)
	Пьянство – культурная связь с бутылкой (9)

2. М-модель «опьянение на фоне жизненных проблем – это эскапизм через бутылку». М-модель «опьянение на фоне жизненных проблем – это эскапизм через бутылку» указывает на когнитивный механизм, через который алкогольное опьянение воспринимается как способ утешения, бегства или ложного товарищества.

Примеры (10)–(11) демонстрируют алкогольное опьянение как сомнительный источник утешения, сопоставляя бутылку с неуместной и ненадежной помощью, ср.:

(10) There had to be somebody you could have gone to for *help or for comfort*. There was. *A bottle*. *Not the strongest solution*. [COCA: Beauty and the Beast: A Later-Day Tale, 2007].

(11) Мама, не смотрите так! – заорала Валька. – Вы уже тоже *нашли утешение*, *бутылка с утра*, сигарета с травкой в зубы – и никаких проблем [НКРЯ: Л. Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996].

Примеры (12)–(13) подчеркивают роль опьянения как иллюзорного источника уверенности в себе, иллюстрируя его способность маскировать страхи, ухудшать суждение и усугублять уязвимость в моменты кризиса, ср.:

(12) The driver of the coach was a little old man with nervous movements and *a half-empty bottle sitting next to him for comfort*. [COCA: Give me a Texas ranger, 2010, Th. Jodi et al.].

(13) When a messenger came with news that Washington's men were crossing the Delaware, the *Hessians became jittery*. *Rall didn't*. *He had a cure – a bottle*. [COCA: Hessians in the Revolutionary War, 1992].

В примере (14)–(16) опьянение выступает в качестве механизма преодоления трудностей, ср.:

(14) Before the fall that had crippled him, he'd drunk too much and beaten his wife and boy. Afterward with only Kane to take care of him, Pop had been reduced to a bitter shell of a man who sought *solace and relief from the bottle* [COCA: Whispers, 2017, L. Jackson].

(15) Военные невольно искали *отдушину и зачатую находили ее в бутылке* [НКРЯ: В. Быков. Волчья яма (1999) // «Дружба народов», 15.07.1999].

(16) Из дома, где коллективы предателей живут и жены-стукачки процветают. Ни здесь, ни там мне никогда ничего не откроется, кроме бутылки. И *страсть его на дне бутылки давным-давно, давным-давно!* [НКРЯ: Новый сладостный стиль, 1997. В. Аксенов].

В примерах (17)–(21) показана метафора эскапизма, общественная и индивидуальная борьба с глубокими эмоциональными или психологическими проблемами посредством изменения сознания с помощью алкогольного опьянения, ср.:

(17) Tracy Parks tried to *hide in a bottle*. T-PARKS: I just drank because that's how I hid my pain as a teenager [COCA: CNN Newsroom, 2008, Escape from Jonestown].

(18) It got bad, *I hid in the bottle*. – Regret for the past is a waste of spirit [COCA: NYPD Blue (1993–2005), You Bet Your Life, 1994].

(19) Well, no offense to your mother, Olivia, but you can't *hide behind a bottle*. [COCA: Law & Order: Special Victims Unit, 2009, Hammered].

(20) He said that the department is doing a better job of caring for its own than it did 20 years ago, pointing to efforts such as the San Francisco department's critical incident response teams that debrief officers involved in shootings and other traumatic events. «Prior to that, guys would just go *hide it in a bottle*», Ryan said. «It was the drill sergeant attitude from World War II» [COCA: San Francisco Chronicle, 1996, Stress on the Beat, S. Sward].

(21) You can't *hide yourself in a bottle*. People are dying here! We need you [COCA: SeaQuest 2032, Knight of Shadows, 1993].

В примерах (22)–(23) бутылка в руке опьяневшего предстает средством эскапизма, ср.:

(22) As we rode along a hot and dusty road, there was a man lying on the ground, unshaven, red-faced, *bottle in hand*, obviously hitting bottom [COCA: America Magazine, Carrots, sticks and children: A revolution in drug policy, 2001, Joseph A Califano Jr].

(23) Of course, I'm upset. Then why aren't you showing it? How many times have you told us keeping things bottled up is a great way to end up with *a bottle in your hand*? [COCA: Mom, 2013 (2018), Flying Monkeys and a Tank of Nitrous].

В (24) близость к бутылке указывает на то, что чрезмерное употребление спиртного используется как средство утешения, особенно во времена эмоциональных потрясений, ср.:

(24) Didn't really look like Sarah wanted my help. Not the last time I saw her. She was *curled up with her boyfriend and a bottle*. [COCA: Beverly Hills, 90210, 1992, Cardio-Funk].

В примерах (25)–(27) бутылка – это эмоциональное отстранение от проблем через некое забытие и приподнятое настроение, которое вызывает алкогольное опьянение, ср.:

(25) But tonight, your memory found me much too sober, couldn't drink enough to keep you off my mind. *Tonight, the bottle let me down and let your memory come around* [COCA: Fresh Air 12:00 AM EST, 2016].

(26) *It was numbness in a bottle, oblivion in liquid form*. Demeter knew this because she had already systematically run through every drop of alcohol in her parents' house [COCA: Summerland, 2012, E. Hilderbrand].

(27) It was a hutch for quick rabbit-matings, *a cell where lonely men could beat themselves to sleep with a dark brown bottle* [COCA: The Way Some People Die, 2012, J.R. Macdonald].

В (28)–(29) бутылка ассоциируется с утешением, возможностью отвлечься от повседневных трудностей. В этих контекстах опьянение стано-

вится способом не только поднять настроение, но и элементом праздника души или эмоционального освобождения, ср.:

(28) Как говорит Задорнов, оптимист и на кладбище видит плюсики; так и здесь – глухое общежитие, *нищие люди, создающие праздник при помощи бутылки*, они все равно действительно жили... [НКРЯ: Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо», 2008–2011].

(29) Помню, как мы, провожая его взглядом, держали пари: что сегодня в портфеле Давуда – кусок колбасы? свежая рыбина, которая неминуемо будет зажарена в ближайшей чайхане? *початая бутылка для праздника души?* [НКРЯ: Любовь моя – мелодия, 1999, М. Магомаев].

Анализ М-модели «опьянение на фоне жизненных проблем – это эскапизм через бутылку» в языках сравнения позволил выявить варианты модели, приведенные в табл. 2.

Таблица 2

Варианты М-модели «опьянение на фоне жизненных проблем – это эскапизм через бутылку» в английском и русском языках

Английский язык	Русский язык
Опьянение на фоне проблем – сомнительное утешение в бутылке (10)	Опьянение на фоне проблем – сомнительное утешение в бутылке (11)
Опьянение на фоне проблем – утешение в бутылке (14)	Опьянение на фоне проблем – утешение в бутылке (15)–(16)
Опьянение на фоне проблем – уверенность через бутылку (12)–(13)	Опьянение на фоне проблем – праздник с бутылкой (28)–(29)
Опьянение на фоне проблем – убежище в бутылке (17)–(21)	
Пьянство на фоне проблем – бутылка в руках (22)–(24)	
Опьянение на фоне проблем – забытие через бутылку (25)–(27)	

3. М-модель «избавление от алкогольной аддикции – это отдаление от бутылки». Эта модель основана на метафоре дистанцирования от бутылки и отражает процесс избавления от алкогольной аддикции.

В (30)–(33) *give up the bottle* предполагает отказ от алкогольной аддикции, ср.:

(30) Say you're an alcoholic. One day you decide to *give up the bottle* [COCA: Crime Scene Investigation (2000–2015), 2005, Big Middle].

(31) ALBJ, as we shall call him, told five funny stories, including the one about the old boy advised by his doctor that his hearing problem would be improved if he *gave up the bottle* [COCA: Austin American Statesman, 2012].

(32) Praise the Lord! – Amen! I say to you, if you wanna *give up the bottle*, who you gonna talk to? [COCA: Leap of Faith, 1992].

(33) A 50-year study of alcoholic men indicated that depression rarely leads to uncontrolled alcohol use, although alcoholics often get depressed, and suggested that hard-core alcoholics stand the greatest chance both of *giving up the bottle* and of dying young [COCA: Science News, 1993 (Dec18), Science news of the year, P. Young].

В примере (34) вышеописанная метафора расширяется для описания пьянства в качестве проблемы американской нации, ср.:

(34) We're depressed because we thought this was the day our Uncle Sam would *throw down the bottle* and acknowledge that he has an addiction problem [COCA: <http://www.peekinthewell.net/blog/lets-come-up-with-some-names-for-things>, 2012].

Примеры (35)–(37) напрямую соотносятся с метафорой движения, где подразумевается физическое и метафорическое дистанцирование от употребления алкоголя как источника вреда, ср.:

(35) You know where to find me. Alcohol's a depressant, Chief. *Step away from the bottle*. is that your professional opinion? Nope. It's personal, empirical and anecdotal [COCA: Dirty Sexy Money: Ep. Bad Guy, 2009].

(36) У нас мы это видим в среде небольшого контингента опустившихся людей, прежде всего алкоголиков, но это другое дело, они в каком-то смысле счастливы и не хотят *оторваться от бутылки* [НКРЯ: «Совок» вспоминает свою жизнь, 1998, С. Г. Кара-Мурза].

(37) Помню один любопытный звонок: просили «деликатно» *отстранять* Хасбулатова «от бутылки» ... [НКРЯ: Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства, 1999, А. Бовин].

Пример (38) отражает внешние социальные усилия по борьбе с алкогольной зависимостью, ср.:

(38) В числе других мер по борьбе с пьянством были и неоднократные попытки отдельных предпринимателей *отвлечь рабочих от бутылки* посредством организации культурного досуга [НКРЯ: Ю. Демиденко. Что пили в старом Петербурге // «Теория моды», 2011].

Анализ М-модели «избавление от алкогольной аддикции – это отдаление от бутылки» в языках сравнения позволил выявить вариантные модели, приведенные в табл. 3.

Таблица 3

Варианты М-модели «избавление от алкогольной аддикции – это отдаление от бутылки» в английском и русском языках

Английский язык	Русский язык
Излечиться от алкоголизма – отойти от бутылки (35) Излечиться от алкоголизма – порвать с бутылкой (30)–(33) Излечиться от алкоголизма – отклонить бутылку (34)	Излечиться от алкоголизма – отойти от бутылки (36)–(37) Излечиться от алкоголизма – отвлечься от бутылки (38)

4. М-модель «душевный подъем на фоне опьянения – это бутылка как причина хорошего настроения». В этой модели бутылка является своеобразным маркером веселья или хорошего настроения.

В примерах (39)–(40) отражается пьяное удовольствие или удовлетворение, получаемое от опьянения, ср.:

(39) She remembered it well, the angrylooking young man, how the ball in his throat rose and fell with simple *pleasure from the bottle*; it ran for years [COCA: Ploughshares 2000].

(40) By the time she is finished, Evelio will be gone with a bent pride that she may not be able to re-erect, and then the only night's *pleasure will come from a bottle* [COCA: Literary Review, 2002, At Least It's Free, L. Albritton].

В выражении (41) бутылка становится метафорой хмельной радости, перенесенной на праздничное настроение, особенно в контексте социальных взаимодействий, ср.:

(41) Крестьяне будут работать, но вот городские гости привезут с собой столько *праздничного настроения (в том числе и в бутылках)*, что может тяжело сказаться на работе [НКРЯ: Г. В. Мясников. «Душа моя спокойна...»: из дневников разных лет. // Наше Наследие. 2001. № 59-60., 2001].

Бутылка (42)–(43) воспринимается как необходимый атрибут торжества, ср.:

(42) А тут у дочери как раз *день рождения, бутылка пригодилась* [В. В. Ершов. Дневник (1991) // Летные дневники. 1984–2002 годы].

(43) Боже мой, *какое это счастье!*.. Немедленно *бутылка достается, чтобы отметить*. [НКРЯ: Л. Якубович, А. Политковский, А. Мазепа. Очень мужской диалог о детях // «Общая газета», 1998].

Анализ М-модели «душевный подъем на фоне опьянения – это бутылка как причина хорошего настроения» в языках сравнения позволил выявить вариантные модели, приведенные в табл. 4.

Таблица 4

Варианты М-модели «душевный подъем на фоне опьянения – это бутылка как причина хорошего настроения» в английском и русском языках

Английский язык	Русский язык
Подъем настроения на фоне опьянения – наслаждение из бутылки (39)–(40)	Подъем настроения на фоне опьянения – праздничное настроение в бутылке (41) Подъем настроения на фоне опьянения – бутылка как атрибут праздника (42)–(43)

5. М-модель «пьянство – это утрата свободы воли через бутылку». Через данную М-модель бутылка приобретает роль порабошающей силы, которая, в свою очередь, представляет собой алкогольная зависимость в жизни человека.

Метафора в (44)–(45) представляет алкоголизм в виде порабошающей силы, иными словами, она отражает способность алкоголизма лишать людей силы воли и личной свободы действий, ср.:

(44) «Free», she said, «but enslaved to a bottle. Don't forget that. The booze, and the drugs, and the wild parties... the sex!» [COCA: Sewanee Review, 1996, Lucky's blues, Th. Bontly].

(45) If I could sit within arm's reach of a whole bar full of alcohol and not touch a drop, I'd prove that I was still my own man, not a slave to the bottle [COCA: Fantasy & Science Fiction, 2014, The End of the Silk Road, Levine, David D].

В примере (46) отражается восприятие алкогольной аддикции в виде добровольной тюрьмы, из которой трудно сбежать, ср.:

(46) Любое слово, поставленное в кавычки, обретает таинственную многозначительность. *Тюрьма для алкоголиков: «Бутылки»* [НКРЯ: Заметки на полях шляпы, 1997, Н. Богословский].

Выражение (47) показывает психологическую доминацию алкогольной зависимости над индивидом, ср.:

(47) When the Expressionist nightmare of the giant bottle enveloping the consciousness of the alcoholic hero ruptures the film's wonderfully, meticulously detailed realist tone... [COCA: We Need to Talk About Terry: A Roundtable on The Tree of Life, 2012].

Анализ М-модели «пьянство – это утрата свободы воли через бутылку» в языках сравнения позволил выявить варианты модели, приведенные в табл. 5.

Таблица 5

Варианты М-модели «пьянство – это утрата свободы воли через бутылку» в английском и русском языках

Английский язык	Русский язык
Пьянство – порабошающая сила бутылки (44), (45) Пьянство – поглощение сознания бутылкой (47)	Пьянство – бутылка как тюрьма (46)

6. Метафорическая модель «пьянство как национальный стереотип – это бутылка как культурный атрибут». Данная модель выходит за рамки личной зависимости и включает культурные ассоциации, усиливая идею о том, что бутылка практически неотделима от жизни некоторых людей.

Пример (48) подчеркивает стереотип, связывающий ирландскую идентичность с пьянством, ср.:

(48) I've never seen an Irish male w/o a bottle in hand or mouth. And, no, the jobs are not coming back to Amerikwa [COCA: Presenting the World's Biggest Hedge Fund You Have Never Heard, 2012].

В примере (49) метафора бутылки олицетворяет социальные привычки, укоренившиеся в советское время, где алкоголизм был серьезной государственной проблемой (Фокин, 2014), а спиртное часто выступало посредником повседневной жизни, ср.:

(49) Дешевое пока спиртное у нас – уступка люмпену, расплата за совковый образ жизни, где все – через бутылку [НКРЯ: В. В. Ершов. Дневник, 1992].

Анализ М-модели «пьянство как национальный стереотип – это бутылка как культурный атрибут» в языках сравнения позволил выявить варианты модели, приведенные в табл. 6.

Таблица 6

Варианты М-модели «пьянство как национальный стереотип – это бутылка как культурный атрибут» в английском и русском языках

Английский язык	Русский язык
Пьянство как ирландский стереотип – ирландец с бутылкой (48)	Пьянство как постсоветский стереотип – постсоветская жизнь через бутылку (49)

7. М-модель «опасное поведение на фоне опьянения – это бутылка как причина». Эта модель демонстрирует, как «бутылка» использу-

ется для объяснения, оправдания или переложения вины за безрассудное, аморальное или опасное поведение на состояние алкогольного опьяне-

ния. Эта концепция отражает тенденции связывать употребление алкоголя с потерей контроля, безрассудством или агрессией

В примерах (50)–(52) опьянение играет роль козла отпущения, то есть происходит попытка снять ответственность за аморальное действие, ср.:

(50) Number one is that he has taken the cowards way out here, and I think people have to understand that his initial excuse for this behavior of his was exactly the same excuse that Richard Allen Davis used when he murdered my daughter, Polly. «The devil made me do it. *The bottle made me do it*» [COCA: CNN, 2006, Breaking News in Foley's Case].

(51) *Blaming it on the bottle* is a pretty weak move, but at least he didn't? [COCA: An Apology | Slog, 2012].

(52) Democrats accuse Republicans and their lobbyist allies of being motivated by greed. Ney, who recently checked himself into an alcohol rehabilitation clinic, *blames the bottle* [COCA: Washington Monthly, 2006, Poison Pill, Dreyfuss, Barbara T.].

В примере (53) отражается причинно-следственная связь между алкогольным опьянением и рискованными, саморазрушительными действиями индивида, ср.:

(53) What? Accidents. Four, five times in the hospital. I mean, *it's got to be the bottle*, right? Which hospital? February, cracked collarbone [COCA: Law & Order, 1993, Pride and Joy].

Анализ позволяет выделить следующие М-модели в английском языке: 1) аморальное поведение на фоне опьянения – бутылка как козел отпущения (46)–(47); 2) рискованное поведение на фоне опьянения – бутылка как фактор риска (48).

8. М-модель «опьянение как показатель упадка – это бутылка как ценность». Данная модель демонстрирует как опьянение становится своего рода наградой социально-экономических отношениях. Она отражает уровень отчуждения, при котором труд или услуги оцениваются через призму алкогольной компенсации.

Примеры (54)–(57) иллюстрирует восприятие бутылки как «естественного» средства взаиморасчета в трудовых или межличностных отношениях, ср.:

(54) Я был всегда (а сейчас твердокаменно) уверен: *рабочему надо* то-то и то-то, и много, и – от сих до сих. *И бутылку* [НКРЯ: Дневник, 1991, В. В. Ершов].

(55) Сколько, сколько!.. *На бутылку... Отработай...* – Знаю я вашу работу. – Вера Ивановна запустила руку под тюфяк [НКРЯ: Поп и работник, 1991, С. Е. Каледин].

(56) «Не посадишь!» – огрызался тот. И *требовал на бутылку* [НКРЯ: Подиум, 2000, Т. Моспан].

(57) А почему торт, *а не бутылка*? У вас борьба за трезвый образ жизни? [НКРЯ: Мужские игры, 1997, А. Маринина].

Пример (58) отражает крайнее проявление этой метафоры – бутылка становится маркером утраты моральных ценностей, ср.:

(58) *За бутылку родину продаст* – изверг, враг народа, морда каторжная! [НКРЯ: Земля – Сортировочная, 1990–1991, А. Иванов].

Анализ позволяет выделить следующие М-модели в русском языке: 1) опьянение как награда – бутылка как валюта (54)–(57); 2) пьянство как деградация – бутылка как наивысшая ценность (58).

9. М-модель «опьянение – это конфронтация с бутылкой». М-модель «опьянение – это конфронтация с бутылкой» представляет опьянение как некую конфронтацию, в которой бутылка выступает противником, что подчеркивает борьбу человека с зависимостью.

В примере (59) алкогольная зависимость концептуализируется как буквальное сражение с бутылкой, ср.:

(59) Loveless is 39, married, grew up poor, of course, *battled the bottle* [COCA: CBS_48Hours, 1996].

Выражение (60) метафорически описывает чрезмерное опьянение как бой с бутылкой, ср.:

(60) Last night I had *a fight with a bottle* A bottle full of whiskey bourbon I started a fight with a bottle [COCA: God's Pocket, 2014].

Анализ данной М-модели позволил выделить следующие варианты в английском языке: 1) пьянство – битва с бутылкой как саморазрушение (59); 2) чрезмерное опьянение – бутылка как серьезный противник (60).

10. М-модель «пьянство – это погоня за бутылкой». В модели «пьянство – это погоня за бутылкой» зависимость от алкоголя представлена как некое стремление или неустанная гонка за алкоголем, который становится главной целью в жизни, ср.:

(61) *Погоня за бутылкой* приводит людей в состояние близкое к помешательству [НКРЯ: Долина смертной тени, 1999, А. Приставкин].

(62) Кто у них там заведует правой гусеницей, кто левой, кто стреляет из пушки, кто из пулемета, кто по рации разговаривает, кто управляет оборотами двигателя ... кто на гауптвахте сидит, *кто бежит за бутылкой...* [НКРЯ: Русская книга военных, 1999, В. Тучков.].

Обсуждение и выводы

При обсуждении межъязыковых сходств и различий важно учитывать несколько их аспектов и уровней, так как метафорические универсалии и уникалии в разных языках проявляется по-разному. Исследование отражает многообразие

специфических моделей с в языках сравнения, варьирующих более крупные инвариантные структуры. Языки показывают сходство на уровне инвариантных метафорических моделей, хотя выражают различные аспекты на уровне вариантных моделей (см. табл. 7).

Таблица 7

М-модели «опьянение – это бутылка»

Модели-инварианты	Модели-варианты	
	Английский язык	Русский язык
Пьянство – это связь с бутылкой	Пагубная верность бутылке (1)–(3) Пагубная вера в бутылку (4)	Пагубная привязанность к бутылке (5) Дружба с бутылкой (6)–(7) Родственные отношения с бутылкой (8) Культурная связь с бутылкой (9)
Опьянение на фоне жизненных проблем – это эскапизм через бутылку	Сомнительное утешение в бутылке (10) Утешение в бутылке (14) Уверенность через бутылку (12), (13) Убежище в бутылке (17)–(21) Бутылка в руках (22)–(24) Забывшие через бутылку (25)–(27)	Сомнительное утешение в бутылке (11) Утешение в бутылке (15)–(16) Праздник с бутылкой (28)–(29)
Избавление от алкогольной аддикции – это отдаление от бутылки	Отойти от бутылки (35) Порвать с бутылкой (30)–(33) Отклонить бутылку (34)	Отойти от бутылки (36)–(37) Отвлечься от бутылки (38)
Подъем настроения на фоне опьянения – это бутылка как причина хорошего настроения	Наслаждение из бутылки (39)–(40)	Праздничное настроение в бутылке (41) Бутылка как атрибут праздника (42), (43)
Пьянство – это утрата свободы воли из-за бутылки	Порабощающая сила бутылки (44)–(45) Поглощение сознания бутылкой (47)	Бутылка как тюрьма (46)
Пьянство как национальный стереотип – это бутылка как культурный атрибут	Ирландец с бутылкой (48)	Постсоветская жизнь через бутылку (49)
Опасное поведение на фоне опьянения – это бутылка как причина	Бутылка как козел отпущения (46)–(47) Бутылка как фактор риска (48)	—
Опьянение как показатель упадка – это бутылка как ценность	—	Бутылка как валюта (54)–(57) Бутылка как наивысшая ценность (58)
Опьянение – это конфронтация с бутылкой	Битва с бутылкой как саморазрушение (59) Бутылка как серьезный противник (60)	—
Пьянство – это погоня за бутылкой	—	Погоня за бутылкой (61)–(62)

Анализ КМ «опьянение – это бутылка» позволил выделить следующие схожие характеристики в языках сравнения:

1. **Связь как метафоры зависимости.** В языках сравнения бутылка – иконический знак алкогольной зависимости (*faithful to the bottle, привязанность к бутылке*).

2. **Метафоры эскапизма.** Бутылка в обоих языках ассоциируется с бегством от реальности, способом справиться с трудностями или «скрыться» от проблем (*hide in the bottle, искать отдушины в бутылке*).

3. **Отдаление как избавление от алкоголизма.** В обоих языках отдаление от бутылки отражает излечение от алкоголизма (*give up the bottle, отстранять от бутылки*).

4. **Разрушительные последствия пьянства.** Оба языка подчеркивают деградацию личности под влиянием алкоголя, используя метафоры, акцентирующие потерю человеческого облика (*bottle in hand, obviously hitting bottom; за бутылку родину продаст*).

5. **Поднятие настроения.** В обоих языках бутылка воспринимается как некое средство для со-

здания приятного настроения (*pleasure from the bottle, праздничное настроение в бутылках*).

6. **Культурные стереотипы.** Опьянение связывается с определенными национальными или социальными особенностями (*an Irishman with a bottle in hand; расплата за совковый образ жизни, где все – через бутылку*).

7. **Зависимость как метафора порабощения.** Алкогольная зависимость в обоих языках воспринимается как нечто, ограничивающее свободу человека (*slave to the bottle, тюрьма для алкоголиков: «Бутылки»*).

Также были выделены аспекты, которые показывают различия в восприятии данной метафоры в языках сравнения:

1. **Восприятие связи с бутылкой.** В английском языке эта связь чаще изображается через абстрактные категории, такие как верность или вера (*faithful to the bottle, faith in the bottle*). В русском языке персонификация бутылки более выражена – она становится другом, товарищем или даже материнской фигурой (*водит дружбу с бутылкой, бутылка – матушка*).

2. **Эмоциональный контекст.** В английском языке употребление алкоголя изображается как индивидуальный способ справиться с проблемами или поднять настроение (*solace in the bottle, pleasure from the bottle*). В русском языке данный аспект связан с коллективными ритуалами, отражая культурное представление о праздниках и застольях (*праздник при помощи бутылки, бутылка пригодилась для дня рождения*).

3. **Отношение к национальным стереотипам.** В английском восприятии национальные стереотипы юмористичны и связаны с образом алкоголика в конкретной культуре (*an Irishman with a bottle*). В русском языке национальный стереотип воспринимается через призму социально-экономических проблем, таких как бедность или упадок (*расплата за совковый образ жизни, где все – через бутылку*).

4. **Восприятие пьянства как морального падения.** В английском языке бутылка становится виновником аморального или рискованного поведения (*blame the bottle, the bottle made me to do it*). В русском языке бутылка воспринимается в контекстах, в которых труд или услуги обесцениваются, а опьянение становится некой наградой, что отражает деградацию, социальное отчуждение и экономическую нестабильность (*требовать на бутылку, отработать за бутылку*).

5. **Восприятие алкоголизма.** В английском языке описывается как сражение, а пьянство – как

борьба с самим собой, где бутылка становится противником, часто сильным и опасным (*battled the bottle*). В русском языке алкоголизм показан как бесконечное стремление к алкоголю, где бутылка становится конечной целью (*погоня за бутылкой*).

Анализ показал, что смыслы, которыми оперирует данная КМ, выходят далеко за пределы словарный дефиниций. Они формируются в динамическом взаимодействии контекста и лексических единиц, где контекст представляет изменчивую, ситуативную сторону, а лексические единицы – фоновые знания и культурные коды. Таким образом, метафора становится инструментом осмысления не только алкогольного опьянения, но и широкого спектра социально-культурных явлений. Понимание механизмов метафоризации, как в рамках одной культуры, так и в межкультурной перспективе, важно для более глубокого осмысления универсальных и уникальных черт человеческого мышления. Таким образом, исследование не только иллюстрирует роль языка как инструмента концептуализации реальности, но и открывает новые горизонты для анализа взаимодействия культуры и когнитивных механизмов.

Библиографический список

1. Бабенко Л. Г. Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели / Л. Г. Бабенко, М. А. Романова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 17–28.
2. Баранов А. П. Дескрипторная теория метафоры. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 630 с.
3. Джинджолия Г. Фразеологизмы, описывающие состояние опьянения // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9. № 4(33). С. 66–72.
4. Козлова Л. А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925.
5. Кожевников А. Ю. Между первой и второй...: словарь алкогонимов. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 311 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 23.03.2025)
7. Новицкая И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. 2019. № 46. С. 76–101.
8. Рюкова А. Р. Корпусные исследования метафоры (на примере метафоризации номинаций явлений природы) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 10 (46). С. 4. DOI: 10.18454/RULB.2023.46.4.
9. Уразаев М. Д. Структурно-семантический анализ эвристивной лексики (на материале русского, ан-

глийского и немецкого языков). 2023. 180 с.

10. Фокин А. А. Зачем делают водку? // Родина. 2014. № 10. С. 159–160.

11. Chunyi L. A comparative study of idioms on drunkenness in Chinese and Spanish / L. Chunyi, A. Pamies // Yearbook of Phraseology. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 89–112. <https://doi.org/10.1515/phras-2019-0006>.

12. Dickson P. Drunk: The Definitive Drinker's Dictionary. New York : Melville House Publishing, 2009. 202 p.

13. Dudley R. Ethanol, fruit ripening, and the historical origins of human alcoholism in primate frugivory // Integrative and Comparative Biology. 2004. Vol. 44, No. 4. P. 315–323. <https://doi.org/10.1093/icb/44.4.315>.

14. Jensen K. E. Corpora and Cultural Cognition: How Corpus-Linguistic Methodology Can Contribute to Cultural Linguistics // In: Sharifian F. (ed.). Advances in Cultural Linguistics. Singapore : Springer, 2017. P. 477–505. https://doi.org/10.1007/978-981-10-4056-6_22.

15. Kövecses Z. Extended Conceptual Metaphor Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 220 p. DOI: 10.1017/9781108859127

16. Kövecses Z. et al. The lexical vs. corpus-based method in the study of metaphors / Z. Kövecses, L. Ambrus, D. Hegedüs, R. Imai, A. Sobczak // In: Bolognesi M., Brdar M., Despot Š. (eds.). Metaphor and metonymy in the digital age: Theory and methods for building repositories of figurative language. Amsterdam : John Benjamins Publ., 2019. P. 149–173. DOI: <https://doi.org/10.1075/mlcc.8.07kov>.

17. Kövecses Z. et al. Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology / Z. Kövecses, R. Benczes, A. Rommel, V. Szélid // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, No. 1. P. 55–79. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34834>.

18. Kramer O. Conceptual Metaphor Theory as a Prompting Paradigm for Large Language Models // arXiv. 2025. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.01901> (дата обращения: 19.03.2025).

19. Krawczak K. Corpus evidence for lexical and genre effects in the metaphorical conceptualization of negative self-evaluative emotions: The case of shame and embarrassment // Language and Cognition. 2025. Vol. 17. Article e23. <https://doi.org/10.1017/langcog.2024.57>.

20. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 256 p.

21. Linden-Carmichael A. N. et al. The language of subjective alcohol effects: Do young adults vary in their feelings of intoxication? / A. N. Linden-Carmichael, H.K. Allen, S. T. Lamza // Experimental and Clinical Psychopharmacology. 2021. Vol. 29, No. 6. P. 670–678. <https://doi.org/10.1037/pha0000416>.

22. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. London/Oxford/New York/New Delhi/Sydney : Bloomsbury Publishing Plc, 2016. 194 p.

23. Sharifian F. Cultural conceptualizations and language: Theoretical framework and applications. – Am-

sterdam and Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2011. 256 p.

24. The Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 19.03.2025)

25. Tran B. T. Universality vs. cultural specificity of anger metaphors and metonymies in English and Vietnamese idioms // Russian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 26, No. 1. P. 74–94. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24951>.

26. Zibin A. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda / A. Zibin, O. A. Solopova // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, No. 1. P. 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837>.

Reference list

1. Babenko L. G. Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели = The feeling of love in the metaphorical space of the Russian language: main projections and models / L. G. Babenko, M. A. Romanova // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 17–28.

2. Baranov A. P. Deskriptornaja teorija metafory = Descriptive theory of metaphor. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 630 s.

3. Dzhindzholija G. Frazеологизмы, opisывajushhie sostojanie op'janenija = Phraseological units describing the state of intoxication // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. 2021. T. 9. № 4(33). С. 66–72.

4. Kozlova L. A. Metafora kak otrazhenie jetnokul'turnoj determinirovannosti kognicii = Metaphor as reflecting ethnocultural determination of cognition // Russian Journal of Linguistics. 2020. T. 24. № 4. С. 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925.

5. Kozhevnikov A. Ju. Mezhdju pervoj i vtoroj...: slovar' alkogonimov = Between the first and the second...: dictionary of alcoholonyms. Moskva : OLMA Media Grupp, 2007. 311 s.

6. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian Language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija 23.03.2025)

7. Novickaja I. V. Teorija konceptual'noj metafory i razvitie al'ternativnyh koncepcij v ramkah kognitivnogo napravlenija metaforologii (po materialam sovremennoj anglistiki) = Theory of conceptual metaphor and the development of alternative concepts within the framework of metaphorology cognitive direction (based on modern English studies) // Jazyk i kul'tura. 2019. № 46. С. 76–101.

8. Rjukova A. R. Korpusnye issledovanija metafory (na primere metaforizacii nominacij javlenij prirody) = Corpus studies of metaphor (based on metaphorization of natural phenomena nominations) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 10 (46). С. 4. DOI: 10.18454/RULB.2023.46.4.

9. Urazaev M. D. Strukturno-semanticheskij analiz jebrietivnoj leksiki (na materiale russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov) = Structural and semantic analysis

of ebriety vocabulary (in the Russian, English and German languages). 2023. 180 s.

10. Fokin A. A. Zachem delajut vodku? = Why do they make vodka? // Rodina. 2014. № 10. S. 159–160.

11. Chunyi L. A comparative study of idioms on drunkenness in Chinese and Spanish / L. Chunyi, A. Pamies // Yearbook of Phraseology. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 89–112. <https://doi.org/10.1515/phras-2019-0006>.

12. Dickson P. Drunk: The Definitive Drinker's Dictionary. New York : Melville House Publishing, 2009. 202 p.

13. Dudley R. Ethanol, fruit ripening, and the historical origins of human alcoholism in primate frugivory // Integrative and Comparative Biology. 2004. Vol. 44, No. 4. P. 315–323. <https://doi.org/10.1093/icb/44.4.315>.

14. Jensen K. E. Corpora and Cultural Cognition: How Corpus-Linguistic Methodology Can Contribute to Cultural Linguistics // In: Sharifian F. (ed.). Advances in Cultural Linguistics. Singapore : Springer, 2017. P. 477–505. https://doi.org/10.1007/978-981-10-4056-6_22.

15. Kövecses Z. Extended Conceptual Metaphor Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 220 p. DOI: 10.1017/9781108859127

16. Kövecses Z. et al. The lexical vs. corpus-based method in the study of metaphors / Z. Kövecses, L. Ambrus, D. Hegedűs, R. Imai, A. Sobczak // In: Bolognesi M., Brdar M., Despot Š. (eds.). Metaphor and metonymy in the digital age: Theory and methods for building repositories of figurative language. Amsterdam : John Benjamins Publ., 2019. P. 149–173. DOI: <https://doi.org/10.1075/milcc.8.07kov>.

17. Kövecses Z. et al. Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology / Z. Kövecses, R. Benczes, A. Rommel, V. Szelid // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, No. 1. P. 55–79. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34834>.

18. Kramer O. Conceptual Metaphor Theory as a Prompting Paradigm for Large Language Models // arXiv.

2025. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2502.01901> (data obrashhenija: 19.03.2025).

19. Krawczak K. Corpus evidence for lexical and genre effects in the metaphorical conceptualization of negative self-evaluative emotions: The case of shame and embarrassment // Language and Cognition. 2025. Vol. 17. Article e23. <https://doi.org/10.1017/langcog.2024.57>.

20. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 256 p.

21. Linden-Carmichael A. N. et al. The language of subjective alcohol effects: Do young adults vary in their feelings of intoxication? / A. N. Linden-Carmichael, H. K. Allen, S. T. Lamza // Experimental and Clinical Psychopharmacology. 2021. Vol. 29, No. 6. P. 670–678. <https://doi.org/10.1037/pha0000416>.

22. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. London/Oxford/New York/New Delhi/Sydney : Bloomsbury Publishing Plc, 2016. 194 p.

23. Sharifian F. Cultural conceptualizations and language: Theoretical framework and applications. – Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2011. 256 p.

24. The Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (data obrashhenija: 19.03.2025)

25. Tran B. T. Universality vs. cultural specificity of anger metaphors and metonymies in English and Vietnamese idioms // Russian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 26, No. 1. P. 74–94. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24951>.

26. Zibin A. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda / A. Zibin, O. A. Solopova // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28, No. 1. P. 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837>.

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 23.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 81.1131

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-132

EDN: YSTZST

Стилистические функции кодовых переключений на итальянский язык в произведениях Андре Асимана

Мария Геннадьевна Исаева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет. 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5
mashasuprugina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0465-9788>

Аннотация. Литературное кодовое переключение – это противопоставление двух и более языков в тексте произведения. Все многообразие стилистических и прагматических функций литературных кодовых переключений изучается художественным многоязычием, одним из направлений контактной лингвистики. Кодовые переключения на итальянский язык – одна из составляющих художественного многоязычия и индивидуального стиля современного американского писателя А. Асимана. Анализ стилистических функций литературных кодовых переключений осуществляется на основе классификации, включающей следующие функции: средство создания стилистического приема; принцип стилистического выдвижения в тексте; речевую характеристику самого автора или персонажа; добавление в художественный текст элементов разговорного стиля; создание «эффекта присутствия»; внесение в текст деталей местного (национального) колорита; логическое выделение частей предложения (темы/ремы высказывания); передачу идиоматических единиц; эвфемизацию. Стилистический анализ автобиографических произведений автора «Out of Egypt. A memoir» и «Alibis. Essays on Elsewhere» показал, что КП на итальянский язык могут выполнять стилистические функции на трех уровнях художественного произведения. На смысловом уровне переключения помогают выделить основные темы произведения при помощи ключевых слов. Ключевые слова являются одной из сильных позиций текста, то есть принципом стилистического выдвижения в произведении. В исследуемом материале переключения на итальянский язык вводят в текст темы прошлого и истории, а также национальной идентичности. На сюжетном уровне иноязычные единицы выступают в качестве средства характеристики персонажей и описания места действия (в анализируемых произведениях – Италии, а именно Рима, Венеции, региона Тосканы). На языковом уровне кодовые переключения непосредственно участвуют в образовании тропов и фигур речи. В эссе и романе А. Асимана иноязычные единицы участвуют в образовании антитезы, анадиплосиса, аллюзии, игры слов, иронии.

Ключевые слова: кодовое переключение; художественное многоязычие; матричный язык; гостевой язык, стилистическая функция; Андре Асиман; итальянский язык

Для цитирования: Исаева М. Г. Стилистические функции кодовых переключений на итальянский язык в произведениях Андре Асимана // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 132–139. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-132>. <https://elibrary.ru/YSTZST>

Original article

Stylistic functions of code-switching to italian in the works of André Aciman

Maria G. Isaeva

Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of german philology and cross-cultural communication, Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharsky ave., 5
mashasuprugina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0465-9788>

Abstract. Literary code-switching is a juxtaposition of two or more languages in literary text. Literary multilingualism as one of the fields of contact linguistics studies all the stylistic and pragmatic functions of literary code-switches. Code-switches into Italian are a component of literary multilingualism and an individual style of the contemporary american writer André Aciman. The stylistic functions of literary code-switching are analyzed on the basis of a classification including the following functions: 1. a means of creating a stylistic device; 2. the principle of foregrounding in text; 3. speech characterization of the author or the protagonists; 4. adding colloquial style elements to

a literary text; 5. creating the «presence effect»; 6. introducing details of local (national) coloring into the text; 7. logical emphasis on some parts of the text (theme or rheme); 8. idiomatic units; 9. euphemization. The stylistic analysis of A. Aciman's autobiographical works «Out of Egypt. A memoir» and «Alibis. Essays on Elsewhere» shows that code-switches into Italian can perform stylistic functions on three levels of the text: 1. At the semantic level, code-switches help to highlight the main themes of the work by using key words. Key words are a strong position of the text, i.e. a principle of foregrounding. In the material under study the code-switches into Italian introduce the themes of the past, history and national identity to the text. 2. At the plot level, foreign language units act as a means of characterizing the characters and describing the place of action (in the analyzed works it is Italy, namely Rome, Venice, and the Tuscany region). 3. At the linguistic level, code-switching is directly involved in forming tropes and figures of speech. In A. Asiman's essay and the novel, foreign-language units participate in the formation of antithesis, anadiplosis, allusion, puns, and irony.

Key words: code-switch; literary multilingualism; the Matrix Language; the Embedded Language; stylistic function; André Aciman; italian language

For citation: Isaeva M. G. Stylistic functions of code-switching to italian in the works of André Aciman. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):132–139. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-132>. <https://elibrary.ru/YSTZST>

Введение

Особенностями стиля современного американского писателя Андре Асимана являются многоязычие и мультикультуральность, которые обусловлены фактами биографии автора и нашли отражение в автобиографических произведениях «Из Египта. Мемуары» и «Мои алиби». В романе «Из Египта. Мемуары» А. Асиман описывает свое детство и отрочество, проведенные в Александрии (Египет) в мультикультурном окружении из родственников, друзей и прислуги, говорящих на сефардском (ладино), арабском, французском, итальянском, греческом и немецком языках. В Александрии автор учился в британском лицее. В сборнике эссе «Мои алиби» А. Асиман описал свою жизнь с семьей в Италии (в Риме) и Америке (в Нью-Йорке), а также свои путешествия по Испании, Франции и Италии. Среди языков, которыми владеет автор в той или иной степени, биографы указывают английский, французский, итальянский [Greenblatt, 2024]; в других источниках, помимо выше перечисленных языков, фигурирует также арабский [Washburn 2011]. Свое многоязычие автор характеризует следующим образом: «People have asked me „What language do you dream in?“» he said. «And I don't even know. I would love to say I speak in English or I think in French. My mother tongue is French, and I love speaking Italian. But at the same time, I wouldn't dare write anything in French, but I do dare to write in English.» («Меня как-то спросили: „На каком языке вы мечтаете?“». А я даже не знаю. Я бы хотел сказать, что говорю на английском или что я думаю на французском. Мой родной язык французский, но я люблю говорить и на итальянском. В то же самое время, я бы не осмелился писать на французском языке, но я осмеливаюсь писать на

английском»). Еще более сложные отношения у Андре Асимана с национальной идентичностью, ставшей отдельной темой его произведений, а также темой научных исследований лингвистов, литературоведов и философов [Banks, 2021; Caetano, 2021; Doaa, 2023; Zonana, 2016], в центре которых понятия «irrealis identity» и «irrealis temporality». В произведениях А. Асимана тема национальной идентичности реализуется посредством обращения к иноязычным единицам, а именно кодовым переключениям как особому литературному приему.

Кодовое переключение – это «структурная единица гостевого языка (от морфемы до группы предложений) в высказывании на матричном» [Исаева, 2021, с. 122]. Матричный язык считается принимающим и оформляет высказывание с точки зрения морфосинтаксиса, гостевой язык – источник иноязычных единиц [Myers-Scotton, Jake, 2020]. Литературное кодовое переключение – это в широком смысле, противопоставление двух языков в пределах одного текста – пьесы, стихотворения, романа [Weston, Gardner-Chloros, 2015, с. 196]. При этом кодовое переключение (далее – КП) выполняет ряд стилистических функций, характерных преимущественно для художественного текста: например, миметическую (подражательную) функцию, характеристику персонажа через его речь, создание комического эффекта, введение в текст аллюзий и цитат, то есть для интертекстуальности, переключение функциональных регистров в пределах одного текста и т. д. [Gardner-Chloros, Weston, 2015, с. 186]. Кроме того, литературное КП может выполнять прагматические функции, характерные для живой речи (устной и письменной) и художественной литературы: в исследованиях последних лет уделяется много внимания металингвистической функции

литературного КП как одной из ведущих [Ala-Risku, 2024].

Все многообразие стилистических и прагматических функций литературных КП изучается художественным многоязычием, одним из направлений контактной лингвистики. Под художественным многоязычием, в широком смысле, мы понимаем явное (*manifest*) и скрытое (*latent*) использование форм языкового взаимодействия в художественном тексте [Deganutti, 2024, с. 594–595]; в узком смысле, это только лингвистическая составляющая художественного текста, а именно соединение автором в одном высказывании единиц двух и более языков с определенной целью [Domokos, Deganutti, 2021, с. 58–59]. В настоящем исследовании мы придерживаемся узкого понимания художественного многоязычия и анализируем стилистические функции литературных КП.

Методология исследования

Стилистическая функция – это «выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, обеспечивающий передачу наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации» [Арнольд, 2002, с. 42].

Стилистическим анализом функций КП в литературном произведении занимаются как отечественные, так и зарубежные лингвисты. Например, И. Ю. Кожина (Мишинцева) предлагает следующий перечень стилистических функций литературных КП: 1. Речевая характеристика самого автора или его персонажей. 2. Добавление в художественный текст элементов разговорного функционального стиля. 3. Создание «эффекта присутствия» при описании места и времени действия произведения. 4. Внесение в текст деталей местного (национального) колорита. 5. Логическое выделение частей предложения (темы / ремы высказывания). 6. Передача идиоматических единиц (разнообразных имен собственных). 7. Эвфемизация (замена неприятного выражения нейтральным, в нашем случае иноязычным) [Мишинцева, 2011, с. 158]. Помимо выше перечисленных стилистических функций, КП могут выступать в качестве инструмента для образования стилистического приема, например, иронии, эпитета, межъязыкового каламбура, аллюзии, риторического вопроса, обращения в экспрессивной форме, лексического повтора в комбинации с графическими средствами [Исаева, Гунько, 2023, с. 98–99; Gamalinskaya, 2020, с. 475].

Зарубежные исследователи предлагают также следующие стилистические функции литературных КП:

1. КП в тексте художественного произведения может рассматриваться как принцип стилистического выдвижения, а именно фокусирования при помощи иноязычных единиц внимания читателя на темах, которые волнуют автора анализируемого художественного произведения в первую очередь (*foregrounding of the writer's thematic concerns*) [Otegbale, Tonukari, 2023].

2. Литературное КП преимущественно выполняет функцию характеристики персонажа, а именно могут подчеркивать в определенном контексте его социальный статус, уровень образования и его предпочтения в рамках социокультурных норм своего окружения. Зарубежные исследователи, рассматривая стилистическую функцию характеристики персонажа при помощи КП, делают акцент на ее социальной (социолингвистической) составляющей [Azuike, 2000; Azuike, Onoja, 2023].

3. КП в художественном произведении может выступать в роли стилистического приема, но в данном случае зарубежные исследователи понимают под КП средство передачи эмоций – гнева, радости, удивления, шока [Ibhawegbele, Edokpayi, 2012, с. 16].

Целью данного исследования является анализ стилистических функций КП в автобиографических произведениях А. Асимана – «*Out of Egypt. A memoir*» (1995 г.) и «*Alibis. Essays on Elsewhere*» (2011 г.). **Материал исследования** представлен 131 кодовыми переключениями на итальянский язык, собранными методом сплошной выборки (52 примера КП – из романа «*Out of Egypt. A memoir*», 79 примера КП – из сборника эссе «*Alibis. Essays on Elsewhere*»). В анализируемых произведениях английский язык является матричным, итальянский язык – гостевым. В данных произведениях также встречаются другие гостевые языки. Выбор для стилистического анализа КП на итальянский язык обусловлен несколькими следующим: 1. Итальянский язык входит в перечень языков, которыми свободно владеет А. Асиман. 2. Автор обращается к КП на итальянский язык в большинстве своих произведений, начиная с романа «*Out of Egypt. A memoir*» 1995 г. и заканчивая автобиографическим произведением «*A Roman year. A memoir*» 2024 г.

Для анализа стилистических функций КП на итальянский язык в произведениях А. Асимана мы используем классификацию И. Ю. Мишинце-

вой (Кожиной), дополненную такими стилистическими функциями, как 1. КП в качестве средства создания стилистического приема (лексического, синтаксического, графического и фонетического), 2. КП в качестве принципа стилистического выдвигания.

Результаты исследования

КП на итальянский язык в автобиографическом романе «Out of Egypt. A memoir» выполняют следующие стилистические функции:

1. Функция характеристики персонажа (родственника рассказчика, друга или гостя его семьи). В произведении КП на итальянский язык – характерная черта речи Вилли, двоюродного дедушки автора, а также Уго и его жены, друзей Исаака, еще одного дедушки повествователя. Все они по происхождению евреи (турецкие или румынские), но пытаются скрыть свое происхождение, бесконечно меняя фамилии и места проживания. Они выдумывают свою национальную идентичность (в данном случае, они мимикрируют под итальянцев) для того чтобы выжить во времена гонений на еврейскую нацию, а также для того чтобы поправить свое материальное положение. Язык для Вилли, Уго и его жены – это также способ «маскировки», средство создания легенды о своем происхождении. Лейтмотивом произведения является следующее КП на итальянский язык в речи Вилли: «„So, are we or aren't we, *siamo o non siamo*”, boasted my Great-uncle Vili when the two of us finally sat down late that summer afternoon in a garden overlooking his sprawling estate in Surrey» [Aciman, 1995, с. 6]. КП можно перевести как «Те ли мы на самом деле, кем мы себя считаем?». Многие герои произведения не те по национальности, за кого себя выдают в силу внешних обстоятельств (политических или экономических) или по внутренним убеждениям. У Вилли много обличий – турецкого еврея, итальянского солдата и фашиста, агента британской разведки. Всю свою жизнь ему приходится притворяться и менять страны, поэтому неслучайно данное КП на итальянский язык вложено в уста данного персонажа, который является типичным представителем своей семьи.

Еще один интересный персонаж – Уго да Монтефельтро, урожденный Хуго Блумберг из Черновца (Румыния), еврей, эмигрировавший в Турцию, затем в Палестину, а оттуда в Египет. Несколько раз менял фамилию и остановился на фамилии да Монтефельтро, купив итальянский паспорт с регистрацией в Монтальчино. Уго и его жена постоянно

переключаются на итальянский язык, подерживая легенду своего итальянского происхождения на публике. Например: А) «„*Evviva signora*”, cheered the Italian gentleman who had overheard the mawkish conversation and who suddenly began singing „*Viva il vino spumeggiante*” in a loud stentorian voice, motioning to the band and to all those around him to join him in a chorus...» [Aciman, 1995, с. 92]. Уго переключается на итальянский язык во время большого светского приема в честь столетнего юбилея прабабушки автора, его слова адресованы одной из бабушек Андре. Б) «„*È finite* – ” said the gentleman, „that's what you should make of it. *La commedia è finita*”, he crooned with blithe consternation ... „But *siamo seri*, let's be serious”, said his wife. „*Siamo in due*”, rejoined her husband, breaking into song yet again ...» [Aciman, 1995, с. 115]. Дедушка Исаак и автор наносят визит семье да Монтефельтро, чтобы предупредить их об опасности очередных гонений на евреев в Александрии. Уго и жена постоянно переключаются на итальянский по привычке или из страха, что их примут не за итальянцев, а за евреев.

2. Стилистический прием, образованный при помощи КП (аллюзия, антитеза). КП на итальянский язык – это средство создания интертекстуальности в романе, а именно аллюзий. Самая яркая аллюзия – в речи Вилли: «I tried to speak to him of Alexandria, of time lost and lost worlds, of the end when the end came, of Monsieur Costa and Montefeltro and Aldo Kohn...He cut me short and made ... „That was rubbish. I live in the present”, he said almost vexed by my nostalgia. „*Siamo o non siamo?*” he asked, standing up to stretch his muscles, then pointing to the first owl of the evening» [Aciman, 1995, с. 11]. Автор навещает дядю Вилли в Англии, в его поместье в графстве Суррей. КП содержит в себе аллюзию на знаменитые слова Гамлета (to be or not to be). Аллюзия заключает в себе иронию, так как Вилли в прошлом – английский шпион. Таким образом, аллюзия еще раз подчеркивает многоликость Вилли, его множество национальных «масок». Следующее КП является отрывком из «Божественной комедии» Данте Алигьери, которую Андре проходит вместе с репетитором по итальянскому языку синьором Далль'Абако: «When Signor Dall'Abaco began teaching me Dante, he was particularly gratified when my father knocked at the dining room door to ask if he might sit at the end of the table and listen in. Uninvited, Roxane would do the same... She understood what it meant to have lost everything and eat salted bread when all your life you'd had the unsalted Tus-

can kind. And she understood what it was to rely on others for income, small income.

Tu proverai si come sa di sale

lo pane altrui, e come e duro calle

lo scendere e'l salir per l'altrui scale» [Aciman, 1995, с. 178]. Все герои, присутствующие при изучении отрывка из «Божественной комедии», – Андре, его отец, Роксана, синьор Далль'Абако – лишены возможности проживать на родной земле по тем или иным причинам, все они скитальцы с непростой судьбой, чем и обусловлено использование аллюзии на 17 песнь произведения.

В следующем примере КП служит для создания антитезы: «The irony behind Uncle Vili's patriotic histrionics is that, all the while proclaiming his undying allegiance to the *fascio*, he had already become an agent of British intelligence» [Aciman, 1995, с. 17]. КП на итальянский образует контекстуальную антитезу вместе с английским выражением «an agent of British intelligence»: так в Вилли уживаются итальянский фашист и британский шпион – две «маски».

3. КП как принцип выдвижения. При помощи КП на итальянский язык «*siamo o non siamo*» автор вводит в роман тему национальной идентичности и, в частности, тему трудностей в осознании и принятии героями этой идентичности. Неслучайно, именно данное КП – на первой строке романа.

4. Идиоматические КП – это различные виды имен собственных (названия улиц, площадей, газет, журналов, произведений искусств, личных имен и т. д.), которые служат средствами лингвистического реализма в произведении. Например: «Up ahead, scattered light posts studding the lagoon tipped their heads above sea level, while the moonless city drifted behind me as I caught the fading outline of *Punta della Dogana* and further off the dimmed tower of *San Marco* looming in the late night haze» [Aciman, 1995, с. 62]. Герой навещает свою тетю Флору, живущую в Венеции. Использование идиоматических единиц в данном предложении – названия венецианской улицы и площади – обусловлено местом действия.

5. Создание «эффекта присутствия» при помощи КП при описании места действия произведения. Одна из глав произведения посвящена поездке главного героя в Италию (Венецию), что объясняет использование КП на итальянский язык. Например, «As soon as I reached the ill-lit floating platform, a beggar, the only soul in sight, told me that I had missed the *vaporetto* to the Lido. „*Bisognerà aspettare*, you'll have to wait”, she said»

[Aciman, 1995, с. 60]. В данном случае КП создают «эффект присутствия»: КП «*vaporetto*» обозначает речной трамвайчик, типичное средство передвижения по каналам Венеции. КП «*bisognerà aspettare*» подчеркивает, что окружение главного героя говорит на итальянском. Идиоматические КП также служат для создания «эффекта присутствия», то есть объединяют две стилистические функции. Например, «After *San Zaccaria*, the *vaporetto* took a wide, swooping turn and headed across the lagoon toward the Lido...» [Aciman, 1995, с. 62]. КП является идиоматической единицей (топонимом) и служит для описания места действия (Венеции).

Что касается КП на итальянский язык в сборнике эссе «*Alibis. Essays on Elsewhere*», также имеющего автобиографический характер, то основная часть иноязычных единиц выполняет стилистическую функцию создания эффекта присутствия, когда место действия произведения – Италия. В эссе «*My Monet Moment*» место действия – Бордигера, город на морском побережье Италии, в провинции Лигурия. События, описываемые в эссе «*Roman Hours*», происходят непосредственно в Риме, куда семья А. Асимана переехала после бегства из Александрии (Египет). Место действия произведения «*In Tuscany*» – итальянский регион Тоскана, «*The Sea and Remembrance*» – Венеция. Например: 1. «Houses with or without swimming pool, ... with or without vista panoramica – we wanted vista panoramica. And we wanted the cypresses and the ocher-tiled roofs ... and all around we wanted pomodori (tomatoes) and girasoli (sunflowers) and fattened zucche (squash) ...». Автор рассказывает о планировании своей поездки в Тоскану с семьей и использует КП для описания атмосферы региона Тосканы и своих ожиданий от отпуска в этом регионе Италии. 2. «The lavish *palazzi* lining the canal are no better» [Aciman, 2012, с. 72]. КП «*palazzi*» обозначает здания, типичные для Венеции, которые располагаются вдоль Большого канала. Еще одним типичным для эссе «*The Sea and Remembrance*», где место действия – Венеция, является «*vaporetto*» (средство передвижения по каналам Венеции). 3. «By evening, the jittery caffè crowd spills over into the street. Nearly everyone holds a telefonino in their hand, because they expect it to ring at any moment but also because it's part of the dress code...» [Aciman, 2012, с. 66]. Автор описывает привычки современного поколения итальянцев, проживающих в Риме. 4. «... in the background looms not the snowcapped mountains but Bordighera Alta – the città alta, the oldest part of the

city – which like so many old towns in Italy is perched on top of a hill and predates the borgo marino on the shore» [Aciman, 2012, с. 32]. Выделенные КП обозначают части Бордигеры, итальянского города, который рассказчик посещает с целью найти дом с картины Клода Моне. Немного ранее используется идиоматическое КП для обозначения картины Моне с итальянским пейзажем, который так заинтересовал автора: 5. «The second painting, Strada Romana, depicts an identical view of the same unpaved road with villas farther off ...» [Aciman, 2012, с. 30]. 6. «Tension and premonition are brewing beneath, but on the surface is only the most serene, unruffled strains of Mahler's *Adagietto* strumming to Mann's „splashing of the oar as the wave struck dull against the prow”» [Aciman, 2012, с. 71]. Идиоматическое КП – название части симфонии № 5 Густава Малера. Кроме того, данное КП вводит любимую автором тему музыки в текст произведения. В целом, КП как идиоматическая единица – вторая по частотности стилистическая функция в сборнике автобиографических эссе.

Наименее частотными стилистическими функциями в эссе А. Асимана являются КП как стилистический прием и принцип выдвижения. Например: 1. КП как стилистический прием. «Start a new life. A vita nuova – the title of Dante's earlier collection of poems dedicated to his beloved Beatrice» [Aciman, 2012, с. 89]. В данном случае мы имеем дело со сложным стилистическим образованием, включающим анадиплосис (повтор словосочетания на матричном (new life) и гостевом языках (vita nuova) в конце фразы и в начале следующей) и аллюзию (упоминается название раннего сборника стихов Данте, который читал Николо Макиавелли, находясь в Тоскане, в деревушке Кьянти). «Their bricks are ingots of history, cluttered, crammed, packed together; if each one could speak, Venice, despite its reputation for inventing the art of *sotto voce*, would be the loudest city on earth. Unlike Neapolitans, Venetians are by temperament quiet... and secretive» [Aciman, 2012, с. 73]. КП участвует в образовании приема антитезы (*sotto voce* – the loudest), которая подчеркивает скрытность венецианцев и их богатую зловещую историю, находящуюся за фасадом роскошных палаццо.

КП служит принципом стилистического выдвижения, а именно выделения ключевого слова и темы, в эссе «My Monet Moment», где автор одержим поисками здания с картин художника. Долгие поиски связаны с исторической частью итальянской Бордигеры – città alta: данное КП на

итальянский язык используется на протяжении всего эссе и входит в тематическую сетку прошлого и загадок истории в качестве ключевого словосочетания.

Заключение

Приведенные выше примеры позволяют сделать следующие выводы:

1. КП на итальянский язык в автобиографических произведениях А. Асимана «Out of Egypt. A memoir» и «Alibis. Essays on Elsewhere» – важная составляющая авторского многоязычия, которая помогает писателю в реализации идейного замысла произведения. В романе «Out of Egypt. A memoir» КП на итальянский выполняют преимущественно стилистическую функцию характеристики персонажа, а именно его сложных отношений с национальной идентичностью и гражданством ввиду исторических и политических обстоятельств. В сборнике эссе «Alibis» преобладает другая стилистическая функция КП – создание «эффекта присутствия», а именно атмосферы итальянских городов и деревень, по которым путешествует рассказчик.

2. В классификацию стилистических функций КП в художественном произведении, разработанной И.Ю. Мишинцевой (Кожинной), следует добавить две функции: 1. КП-средство создания стилистического приема; 2. КП-принцип стилистического выдвижения в тексте. В рассмотренных произведениях А. Асимана КП участвуют в образовании приемов антитезы, аллюзии, лексического повтора, языкового каламбура а также выступают в качестве ключевых слов (key words), представляющих собой сильную позицию текста как принцип стилистического выдвижения. Ключевые слова в данном случае входят в состав лексикотематических сеток, при помощи которых автор вводит в текст определенные темы, например, истории, прошлого, музыки, стиля жизни итальянцев и др.

3. Стилистический анализ КП на итальянский язык в произведениях А. Асимана позволяет утверждать, что переключения могут выполнять стилистические функции на всех уровнях художественного текста: а) на смысловом уровне КП помогают выделить основные темы произведения при помощи ключевых слов; б) на сюжетном уровне иноязычные единицы выступают в качестве средства характеристики персонажей и описания места действия; на языковом уровне КП участвуют непосредственно в образовании тропов и фигур речи.

4. КП на итальянский язык не выделены графически в тексте оригинала. Пояснения значения итальянских слов не осуществляется, либо иноязычные единицы далее в предложении дублируются на матричном языке (английском).

Перспективой дальнейших исследования КП на итальянский язык в произведениях А. Асимана является структурно-прагматический анализ иноязычных единиц, а также сопоставления оригинального англоязычного текста с его переводами на русский и другие языки с целью определения стратегий передачи КП.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Москва : Флинта: Наука, 2002. С. 42.
2. Исаева М. Г. Кодовые переключения на сицилийский диалект в романе Дж. Куликкья «Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale» // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2021. №1 (24). С. 121–127.
3. Исаева М. Г., Гунько Л. А. Кодовое переключение как средство художественной выразительности в произведениях Сергея Минаева // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 95–102.
4. Мишинцева И. Ю. Переключения кодов в художественных произведениях. Череповец, 2011. С. 158.
5. Aciman A. Out of Egypt. A memoir. Faber & Faber, 2019. 352 p.
6. Aciman A. Alibis. Essays on Elsewhere. Picador, 2012. 208 p.
7. Ala-Risku R. The Metalinguistic Dimension of Literary Multilingualism: Linguistic Biographies in Italian Fiction // Forum for Modern Language Studies. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/378681211_The_Metalinguistic_Dimension_of_Literary_Multilingualism_Linguistic_Biographies_in_Italian_Fiction
8. Banks O. Irreal Temporality: André Aciman and a New Theory of Time // History. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/353517318_Irreal_Temporality_Andre_Aciman_and_a_New_Theory_of_Time (дата обращения: 05.02.2025).
9. Azuiké M. N. Character-Code Concordance: A Stylistic Technique // Work in Progress. 2000. №11. P. 1–18.
10. Azuiké M. N., Onoja G. O. Character and Code Blending in Chika Unigwe's Selected Novels // Veritas Journal of Humanities. 2022. V. 4 (1-2). URL: <https://acjol.org/index.php/veritas/article/view/3459/3386>
11. Caetano J. Aciman, André, Homo Irrealis: Essays, London, Faber & Faber Limited. Recensão // Cadernos de Letteratura Comparada. 2021. V. 44. P. 377–382.
12. Doaa A. I. Home and Counter-home in André Aciman's Out of Egypt // British Journal of Translation, Linguistics and Literature. 2023. V. 3(2). P. 58–75.
13. Deganutti M. Literary multilingualism: exploring latent practices // Textual Practice. 2024. V. 38 (4). P. 594–613.
14. Domokos J., Deganutti M. Four major literary code-switching strategies in Hungarian literature. Decoding monolingualism // Hungarian Studies Yearbook. Walter de Gruyter GmbH, 2021 (III). P. 43–63.
15. Gamalinskaya A. A. Typology of Code Switching Functions in the Space of a Literary Text (Based on the Novel Shantaram by G. D. Roberts) // Kne Social Sciences. 2020. P. 471–479.
16. Gardner-Chloros P., Weston D. Code-switching and multilingualism in literature // Language and Literature. 2015. V. 24 (3). P. 182–193.
17. Greenblatt L. How the Writer André Aciman Learned to Live in Exile // The New-York Times. 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/10/21/books/andre-aciman-italy-memoir-roman-year.html#> (дата обращения: 05.02.2025)
18. Ibhawagbele F. O., Edokpayi J. N. Code-Switching and Code-Mixing As Stylistic Devices in Nigerian Prose Fiction: A Study of Three Nigerian Novels // Research on Humanities and Social Sciences. 2012. V. 2 (6). P. 12–19.
19. Myers-Scotton C., Jake J. L. Matching lemmas in a bilingual language competence and production model: evidence from intrasentential code-switching // The Bilingualism Reader / ed. by Li Wei. London : Routledge, 2020. P. 244–279.
20. Otegbale E. S., Tonukari U. E., Ubiri V. Code-mixing and code-switching as foregrounding techniques in Ojo-Ade and Sanusi selected novels // International Journal of Arts, Languages, Linguistics and Literary Studies. 2023. V. 12 (3). P. 10–15.
21. Washburn M. The Perfume of Experience: A Profile of André Aciman // Poets & Writers Magazine. 2011. V. 39 (6). P. 62.
22. Weston D., Gardner-Chloros P. Mind the gap: what code-switching in literature can teach us about code-switching // Language and Literature. 2015. V. 24 (3). P. 194–212.
23. Zonana J. «Enta Omri, You Are My Life»: Embracing the Arab Self in André Aciman's Harvard Square // Studies in American Jewish Literature. 2016. V. 35. P. 33–51.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk = Stylistics. The modern English language. Moskva : Flinta: Nauka, 2002. S. 42.
2. Isaeva M. G. Kodovye perekljuchenija na sicilijskij dialekt v romane Dzh. Kulikk'ja «Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale» = Code switches to Sicilian dialect in G. Culicchia's novel «Sicilia, o cara. Un viaggio sentimentale» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2021. №1 (24). S. 121–127.
3. Isaeva M. G., Gun'ko L. A. Kodovoe perekljuchenie kak sredstvo hudozhestvennoj vyrazitel'nosti v proizvedenijah Sergeja Minaeva = Code switching as a means of literary expression in Sergei Minaev's works // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 1 (32). S. 95–102.

4. Mishinceva I. Ju. Perekljuchenija kodov v hudozhestvennyh proizvedenijah = Code switching in literary works. Cherepovec, 2011. S. 158.
5. Aciman A. Out of Egypt. A memoir. Faber & Faber, 2019. 352 p.
6. Aciman A. Alibis. Essays on Elsewhere. Picador, 2012. 208 p.
7. Ala-Risku R. The Metalinguistic Dimension of Literary Multilingualism: Lingusitic Biographies in Italian Fiction // Forum for Modern Language Studies. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/378681211_The_Metalinguistic_Dimension_of_Literary_Multilingualism_Linguistic_Biographies_in_Italian_Fiction
8. Banks O. Irreal Temporality: André Aciman and a New Theory of Time // History. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/353517318_Irreal_Temporality_Andre_Aciman_and_a_New_Theory_of_Time (data obrashhenija: 05.02.2025).
9. Azuiké M. N. Character-Code Concordance: A Stylistic Technique // Work in Progress. 2000. №11. P. 1–18.
10. Azuiké M. N., Onoja G. O. Character and Code Blending in Chika Unigwe's Selected Novels // Veritas Journal of Humanities. 2022. V. 4 (1-2). URL: <https://acjoi.org/index.php/veritas/article/view/3459/3386>
11. Caetano J. Aciman, André, Homo Irrealis: Essays, London, Faber & Faber Limited. Recensão // Cadernos de Letteratura Comparada. 2021. V. 44. P. 377–382.
12. Doaa A. I. Home and Counter-home in André Aciman's Out of Egypt // British Journal of Translation, Linguistics and Literature. 2023. V. 3(2). P. 58–75.
13. Deganutti M. Literary multilingualism: exploring latent practices // Textual Practice. 2024. V. 38 (4). P. 594–613.
14. Domokos J., Deganutti M. Four major literary code-switching strategies in Hungarian literature. Decoding monolingualism // Hungarian Studies Yearbook. Walter de Gruyter GmbH, 2021 (III). P. 43–63.
15. Gamalinskaya A. A. Typology of Code Switching Functions in the Space of a Literary Text (Based on the Novel Shantaram by G. D. Roberts) // Kne Social Sciences. 2020. P. 471–479.
16. Gardner-Chloros P., Weston D. Code-switching and multilingualism in literature // Language and Literature. 2015. V. 24 (3). P. 182–193.
17. Greenblatt L. How the Writer André Aciman Learned to Live in Exile // The New-York Times. 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/10/21/books/andre-aciman-italy-memoir-roman-year.html#> (data obrashhenija: 05.02.2025)
18. Ibhawagbele F. O., Edokpayi J. N. Code-Switching and Code-Mixing As Stylistic Devices in Nigerian Prose Fiction: A Study of Three Nigerian Novels // Research on Humanities and Social Sciences. 2012. V. 2 (6). P. 12–19.
19. Myers-Scotton C., Jake J. L. Matching lemmas in a bilingual language competence and production model: evidence from intrasentential code-switching // The Bilingualism Reader / ed. by Li Wei. London : Routledge, 2020. P. 244–279.
20. Otegbale E. S., Tonukari U. E., Ubiri V. Code-mixing and code-switching as foregrounding techniques in Ojo-Ade and Sanusi selected novels // International Journal of Arts, Languages, Linguistics and Literary Studies. 2023. V. 12 (3). P. 10–15.
21. Washburn M. The Perfume of Experience: A Profile of André Aciman // Poets & Writers Magazine. 2011. V. 39 (6). P. 62.
22. Weston D., Gardner-Chloros P. Mind the gap: what code-switching in literature can teach us about code-switchin // Language and Literature. 2015. V. 24 (3). P. 194–212.
23. Zonana J. «Enta Omri, You Are My Life»: Embracing the Arab Self in André Acoman's Harvard Square // Studies in American Jewish Literature. 2016. V. 35. P. 33–51.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 28.05.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 81.373.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-140

EDN: XUXEHS

Семантика «свой / чужой» в топонимической картине мира

Елена Федоровна Ковлакас

Кандидат филологических наук, доцент кафедры таможенного дела и международных отношений, Московский гуманитарно-экономический университет (Новороссийский филиал). 353900, г. Новороссийск, ул. Коммунистическая, д. 36

amica.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Аннотация. В статье поднимается вопрос о формировании топонимической картины мира на основе семантических оппозиций. Культурные ценности и традиции того или иного народа, значимые для этого народа и нашедшие свое воплощение в языковых единицах – топонимах. Культура этноса, ментальность, обряды и обычаи народов, заключенные в топонимической картине мира как ментальные составляющие, формируют топонимическую систему в целом. Носитель определенного языка использует в речи слова, в которых закреплены смыслы, не осознавая, принимает и разделяет их. При сопоставлении топонимов мы можем учитывать только существенные для данной топонимической системы признаки. Выбор метода оппозиций обусловлен тем, что оппозиция включает в себя при сходстве основных признаков семантически релевантное различие по одному признаку. Изучение семантических оппозиций помогает проникнуть в сущность топонимического материала, представить некоторые особенности социокультурного развития общества. Семантические оппозиции помогают вычленив семантические поля топонимов, ряд скрытых смыслов и основу мировидения.

Ментальное бытие топонимической картины мира является одним из компонентов мировидения этноса, совокупностью индивидуальных и общенациональных знаний о мире. Топонимы отражают менталитет народа, запечатлевая его духовные ценности и материальную культуру в языковых обозначениях. Исследование показывает, что в сознании людей формируется особая топонимическая реальность, которая кодирует объективный мир через пространственные наименования. В культурной памяти социума хранятся определенные стереотипы, которые воплощаются в информационно насыщенных топонимах-знаках. Закрепляя познавательный и историко-культурный опыт в символах ландшафта, народ создает уникальную картину мира через систему географических наименований.

Ключевые слова: метод семантической оппозиции; топонимическая картина мира; пространственные отношения; концепт; топоним; метафоризация; этноориентированность

Для цитирования: Ковлакас Е. Ф. Семантика «свой / чужой» в топонимической картине мира // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 140–149. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-140>. <https://elibrary.ru/XUXEHS>

Original article

Semantics of «own / foreign» in the toponymic image of the world

Elena F. Kovlakas

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of customs and international relations, Moscow university of humanities and economics (Novorossiysk branch). 353900, Novorossiysk, Kommunisticheskaya str., 36

amica.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Abstract. The article raises the question of forming a toponymic picture of the world based on semantic oppositions. Cultural values and traditions of a certain nation, significant for this nation are embodied in linguistic units – toponyms. The culture of an ethnos, peoples' mentality, rites and customs, as mental components of the toponymic worldview, form the toponymic system as a whole. A native speaker of a particular language uses words in speech with fixed meanings, not consciously accepting and sharing them. When comparing toponyms, only the features essential for a given toponymic system can be taken into account. The choice of the opposition method is conditioned by the fact that

the opposition includes semantically relevant difference in one feature when the main features are similar. The study of semantic oppositions helps to understand the essence of toponymic material and to present some specific features of sociocultural development of society. Semantic oppositions help to identify semantic fields of toponyms, a number of hidden meanings and the basis of worldview.

The mental life of the toponymic world picture is a component of the ethnos' worldview, a totality of individual and national knowledge about the world. Toponyms reflect the mentality of the people, capturing their spiritual values and material culture in linguistic designations. The study shows that people's minds form a special toponymic reality that encodes the objective world through spatial names. The society's cultural memory stores certain stereotypes, which are materialized in toponyms – signs rich in information. By fixing cognitive and historical-cultural experience in landscape symbols, people create a unique picture of the world through the system of geographical names.

Key words: semantic opposition method; toponymic picture of the world; spatial relations; concept; toponym; metaphorization; ethnic orientation

For citation: Kovlakas E. F. Semantics of «own / foreign» in the toponymic image of the world. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):140–149. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-140>. <https://elibrary.ru/XUXENS>

Введение

Этноориентированных и сопоставительных исследований в лингвокультурологии достаточно много, поэтому упомянем лишь некоторые из них, касающиеся специфики восприятия этносами пространства и формирования «картины мира». Представления о действительности, сформированные в коллективном сознании определенной этнической группы и отраженные через призму повседневного мышления, выражаются в языковой картине мира (ЯКМ). Это своеобразное зеркало, в котором специфическим образом преломляется объективная реальность для конкретного языкового сообщества.

Так, Е. С. Яковлева исследует русскую языковую картину мира, заключенную в моделях Пространства, Времени и Восприятия [Яковлева, 1994]; место пространства в русской языковой картине мира анализируется Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым [Булыгина, Шмелев, 1998], а также Анной А. Зализняк [Зализняк, 2000]; китайский исследователь Тань Аошуан изучает специфику представления пространства в китайской языковой картине мира [Тань Аошуан, 2004]; А. Б. Чернышев исследует специфику способов вербализации движения и пространства человека в итальянской языковой картине мира [Чернышев, 2017]; формирование пространственной языковой картины мира англичан – объект исследования Л. Я. Козловой [Козлова, 2016]; испанская пространственная картина мира и ее языковые параметры (лексико-грамматический и синтаксический способы объективации пространственной картины мира в испанском языке) оказались в центре внимания В. В. Корневой [Корнева, 2008]. Пространственные аспекты немецкой языковой картины мира в сопоставлении с русской рассматриваются М. А. Железняк [Железняк, 2005].

Нельзя также пройти мимо и не упомянуть интереснейший анализ восприятия пространства и его рефлексии в языковых картинах мира русских, болгар, киргизов, грузин и армян, предпринятый Г. Д. Гачевым в его лингвокультурологическом исследовании «Национальные образы мира» [Гачев, 1988].

Достаточно подробно исследована картина мира в когнитологии: она представлена этой наукой как *когнитивная картина мира*, представляющая собой «...ментальный образ мира, познанный этносом, формировавшийся в течение всего его существования, зафиксировавшийся в этносознании как результат чувственной рефлексии мира и его апробации мышлением» [цит. по Янушкевич, 2009, с. 10]. В основе когнитивной картины мира лежит информация об окружающей человека действительности, репрезентированная как конгломераты когний – ментальных образов, структурированных и систематизированных в «кванты переживаемого знания» [Карасик, 2012], то есть концепты, которые, в свою очередь, упорядочены в концептосферы. Конфигурация последних детерминирована этноспецификой национальной культуры, см. высказывание Н. М. Лебедевой: «Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую „картину мира“» [Лебедева, 1999, с. 21].

Оязыковление концептов, то есть в терминологии И. В. Приваловой, их ‘означивание’ – вербализация при помощи языковых знаков-номинаций [Привалова, 2005] как раз и есть языковая картина мира.

Для специалистов в сфере семиотики картина мира представляет собой знаковый конгломерат, то есть является *семиотической картиной мира*; в этой связи интересно мнение А. С. Демьшевой: «Картина мира реализуется в различных семиоти-

ческих воплощениях, скоординированных между собой в единую универсальную знаково-символическую систему, <...> систему специальных языковых знаков, которые несут информацию о картине мира» [Демышева, 2016, с. 157].

Для нашего исследования актуальной является наивная картина мира, закреплённая в топонимах. Топонимическая картина мира полиэтнического региона [Ковлакас, 2008], репрезентируемая топонимами, отражает материальный и духовный опыт народа, говорящего на одном языке.

Методы исследования

Для всестороннего исследования такого языкового материала, как топонимы, применение только одного лингвистического метода было бы малоэффективным. Сам объект и цель исследования предполагают специфику выбора научно-исследовательских методов.

Б. А. Серебренников [Серебренников, 1959], рассматривая методы топонимических исследований, предлагает 4 метода: сбор и классификация топонимического материала, этимологизация, установление фонетических и грамматических адаптаций, использование данных летописей архивов фольклорных материалов. В. А. Жучкович [Жучкович, 1965] выделяет 5 методов, необходимых при топонимических исследованиях: картографический, географический, статистический, сравнительно-исторический, метод лингвистического анализа. Н. В. Подольская [Подольская, 1988] уже предлагает различать 11 методов, добавляя ареальный дескриптивный, форматный, метод реконструкции. Авторы научной работы «Теория и методика ономастических исследований» [Суперанская и др., 1986] указывают по 19 методов ономастических исследований.

Нами применяется метод оппозиции, наилучшим образом позволяющий установить внутренние связи топонимов и народа-номинатора.

Используя метод реконструкции, можно определить понятийные, ценностные и образные компоненты в структуре лексико-семантических групп и всей топонимической системы.

Результаты

Осмысление «Пространства» и формирование топонимической картины мира происходит в результате осмысления человеком пространственных отношений, которые представляют собой сложную ментальную структуру, позволяющую репрезентировать мировоззрение, традиции и обычаи общества, к которому принадлежит вос-

принимающий субъект. Следует отметить, что названия получали те объекты действительности Краснодарского края и Республики Адыгея, на которые направлялась деятельность человека и которые имели утилитарное значение для него. Хотя само пространство меняется от эпохи к эпохе (расширяется его география, появляются новые социальные центры), но содержание пространственных представлений с трудом поддается трансформации. Образ Пространства в топонимической картине мира предстает в виде разнонасыщенных сфер, в которых выделяются свои ориентиры, центры и периферия.

Выделенные нами в топонимической картине мира круги отношений человека в социальном Пространстве могут быть обнаружены в любой культуре и являются характерными для мифологической модели мира. Согласно этой модели, человек является центром Вселенной, а самый ближайший круг – это сам Человек. Топонимическая картина мира полиэтнического региона не исключение, и космическим центром в ней является Человек.

Границы топонимической картины мира расходятся от человека все большими и большими кругами. Человек – Семья (несколько людей) – Род (несколько семей) – Племя (несколько родов) – Народ (несколько племен).

Например, «топонимы, в основе которых родовые имена, фамилии, имена князей, основателей аулов: **аул Адамий** (Адам), **аул Ассоколай**, **Бабук-аул**, **ст-ца Баговская** (родовая фамилия), **ст-ца Баракаевская** (родовая фамилия), **аул Беноково**, **аул Бечмизай** и т. д.» [Ковлакас, 2008].

Или например, «топонимы, в основе которых имена легендарных адыгов: **ст-ца Ахметовская** (легендарный абрек Ахмет), **ст-ца Нижнебаканская**, **ст-ца Верхнебаканская** (в честь легендарного предводителя Беслана Бакана)» [Ковлакас, 2008].

Граница, репрезентируемая топонимами и описываемая вокруг человека, – это граница «своей» земли, Родины, не-чужбины. Закреплённая в сознании граница «своей», малой, родины реконструируется этнонимами Массовое переселение, миграции извне родины воспринималось, скорее всего, как трагедия. Эмотивный слой топонимов, который закрепляет названия малой родины и освоение новых земель, стал интерпретироваться как «окультуривание» «чужого» пространства, попытка сделать его «своим». Народ-номинатор (в нашем случае переселенцы), изначально отрицательно оценивая «чужое» пространство, переносит на него ценности «своего» пространства,

называя его или именем своей родины, или названием своего полка. «Чужое» Пространство должно стать «своим». Поэтому, начиная с названия, новая родина постепенно становится «не-чужбиной». Возникает, таким образом, «вторично-родное» [Сандомирская, 1999] Пространство.

В топонимической картине мира полиэтнического региона «свое» пространство равнозначно концепту «Родина». Внутри «своего» пространства можно обнаружить противопоставление свои / чужие; роды, племена, «свой» народ / чужой». Но «Родина» не позволяет разделить, она всегда выступает как объединяющий член оппозиции. «Изначально-родное» пространство сливается со «вторично-родным» пространством: в чужой стороне что-то должно напоминать родину. Этой цели служат топонимы, закрепляя за собой мемориальную функцию.

В структуре концепта «Свое» Пространство Родина является и денотатом (объектом действительности) и ментальным образом, концептуализируя разные сущности: Человек, Не-чужбина, Род, Племя, Народ. Происходит переосмысление, относительно родственной близости, на первый план выходит географическое Пространство, охватывающее огромную территорию, населенную большим количеством людей, не объединенных ни родственными связями, ни национальной и религиозной принадлежностью. Но это огромное Пространство и есть Родина для всех людей.

Например, «гидронимы: **Баканка** (Бакан) (абхаз.) – предводитель Беслан Бакан; **Скобидо** (Альдеби, Слобидо, Схапето, Сшххаблдий) – этноним „схапете“ – название этноса, вошедшего в состав шапсугов; **Псекупс** (Псакупс, Пшикупс, Пскупс) (адыг.) – „голубая вода“, **Гунайка** – „долина гуннов“; **Убинка** – (Убын, Убин) – этноним, название племени; **Курджипис** (Кудьпис Курджипис) (адыг.) – „грузинская река“» [Ковлакас, 2008].

С одной стороны, «свое» Пространство – это часть личной идентичности человека, а с другой стороны – это возможность и необходимость социализации и аккультурации. Концепты «Река», «Гора», «Земля» и «Вода» являются ключевыми компонентами топонимической системы многонационального региона. Интересно, что хотя такое пространство может восприниматься как «чужое», оно не несет негативной коннотации. Напротив, эти концепты отражают жизненно важные объекты реальности. Топонимическая картина мира, включающая элементы «чужого» пространства, фактически является составной частью мифологического мировосприятия, что под-

тверждается структурой топонимической системы. Восприятие «чужого» Пространства человеком традиционной культуры всегда мистично, поэтому в названиях рек и гор сохраняются мифологические представления, культурные стереотипы, а переселенцы, давая названия населенным пунктам, оставляют названия рек и гор на языке народа-номинатора.

Например, «гидронимы, в основе которых языческие представления: **Кудахо** (Кубэжьо, Кудакьо) (адыг.) – „невинный как Бог“; **Неберджай** (Ныбэджай) (адыг.) – „кровожадный орел“; **Афипс** (Афыпс, Ахупс) (абазин.) – „река Бога“; **Яшамба** (Ашампе, Ашамбе, Яшимба) (адыг.) – „место Аша“; **Кодеш** (Кодес, Кьодэс) – божество Кодес; **Тхаб** (Тхыб, Тхиб) (адыг.) – „многобожие“; **Чекон** (Шекон, Шеккон) (адыг.) „шы“+„кьо“ – „конская могила“» [Ковлакас, 2008].

Или например, «оронимы, отражающие аспекты христианской и мусульманской религий: **Аджара** (Аджарра, Аджаре) (абхаз.) – „крестовая гора“; **Индюк** (Хьиндыкьушхь) (адыг.) – „индусская гора“» [Ковлакас, 2008].

Топонимическая оппозиция «свой-чужой» отражает пространственные представления человека в трех направлениях:

во-первых, человек воспринимает окружающий мир как противопоставленное ему, «чуждое» пространство;

во-вторых, человек осмысливает связь с окружающим миром («своим» пространством);

в-третьих, человек мыслит себя как представителя некоего мультикультурного сообщества и начинает осваивать некогда «чуждое» пространство.

Человек всегда находится в центре топонимического пространства. Оппозиция «свое / чужое» Пространство является важнейшим концептом не только любой национальной картины мира, но и исследуемой нами топонимической картины мира полиэтнического региона. Определяя отношение народа-номинатора к окружающему миру, свое / чужое пространство характеризуется специфической структурой, актуализируя этнические корреляты в процессе коммуникации.

Выявление концепта «Свое-чужое» Пространство позволяет обозначить культурные ценности, которые лежат в основе мировоззрения народа-номинатора, и избежать межкультурного непонимания.

Все части топонимических оппозиций образуют единства, на основе которых конструируется топонимическая картина мира. Являясь знаковы-

ми единицами, топонимы реализуются в топонимической системе, отражают топонимическую картину мира и выполняют помимо основных (номинативной, кумулятивной, дескриптивной, адресной, идентификационной, социальной) дополнительные, выделенные нами функции: воспитательную, познавательную, функцию ландшафтных символов, мировоззренческую, межкультурную / этническую.

Дополнительные функции топонимов были выделены нами на основе следующих выводов:

- топонимы могут описать не только топонимическую картину мира, но и воссоздать картину мира, характерную для народов-номинаторов;

- топонимы могут описать не только топонимическую картину мира народа-номинатора, но и мифологическую картину мира воспринимающих субъектов;

- топонимы могут служить посредниками при переходе с одного кода картины мира на другой. Межкультурная коммуникация позволяет включить особый механизм передачи культурных традиций, в результате чего осуществляется наполнение топонимов новым содержанием;

- топонимы заключают духовно-нравственный идеал и формируют этическую парадигму;

- топонимы включают языковую образность и способны репрезентировать чувства, идеи, настроения, при этом способность отражать окружающий мир снижается.

Человек наделяет окружающий мир собственными пространственными представлениями и распространяет их на все предметы. Выражая особенности восприятия человеком окружающего мира, Пространство само становится контекстом, в котором формируется топонимическая картина мира. На формирование топонимической картины мира оказали влияние представление о Пространстве, лежащие в основе первичной номинации и представления о Пространстве народов, переселившихся на исследуемую территорию гораздо позднее. Изначально на формирование представлений о Пространстве влияли непосредственные ощущения, непосредственная реакция и рефлексия на окружающий мир. Эмоционально-эстетическое восприятие Пространства передает связь человека с окружающим миром и способы его освоения. Этот способ восприятия является одной из первых ступеней познания, который нашел закрепление в названиях водного и горного Пространства.

Например, «гидронимы, отражающие эмоциональное восприятие: **Аюк (Аюко)** (адыг.) – „плохая, недобрая долина”; **Сосына** – „гнилой запах”;

Схошток (адыг.) – „собачий куток”» [Ковлакас, 2008].

Или особенности водного потока (полноводность), тоже эмоциональный уровень: **«Уллукам** (карачаевское) – „многоводная река”; **Псебепс (Псебебс, Псепс)** (адыг.) – „многогоречье”; **Гечепсин (Гошепсин)** (адыг.) – „река княжна”; **Псекупс (Псакупс, Пшикупс, Пскупс)** (адыг.) – „глубоководная река”» [Ковлакас, 2008].

«Гидронимы, закрепившие особенности водного потока (мелководье): **Псижий (Псыжый)** (адыг.) – „речушка”; **Чохрак (Чехрак, Чеграк, Шехурадз)** (адыг.) – „ручеек”, „источник”; **Челбас** (тюрк.) – „мелководная река”; **Нечепсухо (Нечепсух, Ниджипсизу, Ндепсхко)** (адыг.) – „обнаженное русло реки”» [Ковлакас, 2008].

Следующий уровень познания – логический – находит отражение в номинации населенных пунктов, образованных от оронимов и гидронимов. Увиденное и прочувствованное Пространство (горы и реки) трансформируется на новом понятийном уровне. Географические объекты, особенно водные источники и рельефные формации, стали основой для названий множества поселений. Человек создает свое представление о территориальном устройстве, ориентируясь на природные элементы, которые играют ключевую роль в его существовании.

Например,

«р. Кубань: ст-ца Кубанская, пос. Кубанец, хут. Кубанская степ, три хут. Кубанский, пос. Кубань строй, пос. Кубанский, хут. Кубань, пос. Кубань, гор. Новокубанск, г. Славянск-на-Кубани

р. Лаба: г. Лабинск, г. Усть-Лабинск, ст-ца Новолабинская, пос. Новолабинский, старицы Старый Лабёнок и Лабёнок

р. Бейсуг: р. Бейсужек, р. Бейсужек Левый, р. Бейсужек Правый, ст-ца Новобейсугская, с. Бейсугское, пос. Бейсуг, с. Большой Бейсуг, хут. Бейсуг, хут. Бейсужек, хут. 2-й Бейсужек» [Ковлакас, 2008].

Или, например, «оронимы, отражающие непосредственную связь с водой: **Агепса** (абхаз.) – „прибрежное ущелье”; **Ассара** (абхаз.) – „мелководье, мелкота, мелкоречье”» [Ковлакас, 2008].

Пространство, формирующее топонимическую картину мира, характеризуется следующими характеристиками:

- Пространство представляет собой Физическую, Ментальную и Культурную сущности;

- Пространство структурируется когнитивными моделями;

- все сущности Пространства взаимосвязаны;

– ментальное и культурное Пространства образуют идеализированные когнитивные модели.

В топонимической картине мира наблюдается интересный феномен: когнитивные и социокультурные аспекты вытесняют географические координаты. Иными словами, территориальные представления в сознании человека всё более формируются под влиянием культурных кодов и ментальных конструкций, отодвигая на второй план физические параметры местности. Онтологический статус отсутствует у культурного и ментального пространств вне рамок мыслительного процесса. Понятие пространства в физическом, ментальном и культурном измерениях уже само по себе концептуально. Символы формируют основу ментального пространства, тогда как семантическое поле значений соотносится с пространствами культурным и физическим.

Опираясь на теорию Идеальных Когнитивных моделей, предложенную Факонье, мы выявили в топонимической картине мира полиэтнического региона 4 когнитивные Пространственные модели: модель образных сем, метонимическую, метафорическую и символическую модели.

Модель образных сем включает в себе гипотезу о пространственном воплощении формы, то есть характеризуются физические величины Пространства: часть – целое, большой – маленький, верх – низ, новый – старый. В топонимической картине мира пространственная модель образных сем включает в себя топонимы, структура и значение которых понимается непосредственно на их собственной основе.

Например, «с. **Виноградное** – пос. **Виноградный**; с. **Кабардинка** – ст-ца **Кабардинская**; г. **Майкоп** – с. **Майкопское**; ст-ца **Старомышастовская** – ст-ца **Новомышастовская**; ст-ца **Старовеличковская** – ст-ца **Нововеличковская**; ст-ца **Новодеревянковская** – ст-ца **Стародеревянковская**» [Ковлакас, 2008].

Метонимическая когнитивная пространственная модель предполагает отношения «замещения», то есть в результате когнитивной деятельности формируется когнитивная структура, посредством которой объект Пространства может быть описан как метонимический Прототип. Самое большое количество топонимов описываемого региона относится к данной когнитивной модели.

Например, «гидронимы, указывающие на расположение в пространстве (по отношению к горам): **Учкулан** (карачаевское) – „три ущелья”; **Шуха** (**Шухо**, **Шегуо**, **Шхго**) (адыг.) (адыг.) „шыго” – „плоский, Юашхъ” – „курган” – „плоский курган”» [Ковлакас, 2008].

Например, «**оронимы, отражающие непосредственную связь с водой: Агепса** (абхаз.) – „прибрежное ущелье”; **Ассара** (абхаз.) – „мелководье, мелкота, мелкоречье”; **Ахцу** (тюрк.) „аксу” – „белая вода”; **Безепс** (турец.) „без” и „псе” – „пять рек”» (Ковлакас, 2008).

Метафорическая когнитивная пространственная модель тесно связана с метонимической когнитивной пространственной моделью. Перекатегоризация языковых единиц осуществляется посредством метафор, благодаря чему происходит взаимодействие нескольких когнитивных сфер в результате концептуализации одних мыслительных категорий через другие. В топонимической картине мира метафора выполняет функцию получения нового знания на основе уже имеющихся. Доконцептуальная структура картины мира воссоздается в топонимах через метафоризацию объектов действительности.

Например, «гидронимы, заключающие аллерегию (несущая добро): **Псезуапсе** (**Псезюе**, **Псезюапсе**) (адыг.) – „светлая вода”, „псы” + „шу” – „добрая река”; **Афипс** (**Афыпс**, **Ахупс**) (абазин.) – „река Бога”, (адыг.) – „сладкая река”; **Супс** (**Суп**, **Супипс**, **Шупс**) (адыг.) – „добрая река”; **Дыш** (**Дишь**) (адыг.) – „золотая, добрая”» [Ковлакас, 2008].

«Гиронимы, содержащие метафору: **Мацеста** (шапсуг.) – „огненная вода”, (абхаз.-абаз.) – „огненное ущелье”; **Неберджай** (**Ныбэджай**) (адыг.) – „кровожадный орел”; **Бугай** (адыг.) – „племенной бык”; **Шепси** (**Сепсе**) (адыг.) – „молочная река”, „сто рек”» [Ковлакас, 2008].

Символическая когнитивная пространственная модель в топонимической картине мира предстает как модель совокупности знаний о Пространстве. Символы в ТКМ репрезентируют собственный денотат и отвлеченный, абстрактный референт. Концепт, смыслопорождающая интерпретация символа более сложен. Конкретика Пространства достигается в метафоро-метонимических топонимических образованиях на основе ассоциативно-смысловых связей.

Чтобы воссоздать топонимическую картину мира, необходимо погрузиться в культурный контекст, а не просто анализировать значения географических названий. В символической когнитивной пространственной модели ключевую роль играет именно толкование и применение топонимов в культуре создавших их народов. Хотя смысловой символ скрыт от непосредственного восприятия, он материализован в географических наименованиях. Для восстановления этой скрытой

символики наблюдатель должен обратиться к культурным кодам народов-номинаторов.

Например, «оронимы, связанные с языческими представлениями о божествах: **Афипс большой** (абхаз.) – „Афы” – „бог молнии и грома”; **Ац** (абазин.) – „место, где ударила молния”; **Ацетук** (Адзипуко) (абхаз.-адыг.) (Ачъэтыку) (адыг.) – „кут козлов”» [Ковлакас, 2008].

«Гидронимы, заключающие языческие представления: **Кудахо (Кубэжьо, Кудакьо)** (адыг.) – „невинный как Бог”; **Неберджай (Ныбэджай)** (адыг.) – „кровожадный орел”; **Афипс (Афыпс, Ахупс)** (абазин.) – „река Бога”» [Ковлакас, 2008].

В топонимической картине мира полиэтнического региона представлена еще одна, предложенная нами, когнитивная пространственная модель – перцептивная. Топонимические единицы изначально антропо- и этноцентричны. Принцип антропоцентричности реализуется в аксиоме: человек есть мера всех вещей. Этноцентризм проявляется в том, что топонимы закрепляют традиции и ценности, свойственные народу-номинатору. Этноцентризм отражает в топонимических единицах лингвокультурную специфику и лежит в основе символической когнитивной пространственной модели.

Человек – это не только отдельная личность, отражающая свое собственное восприятие мира, но и представитель определенного этноса, выражающий пространственные объекты через призму традиций и ценностей своего этноса. Поэтому топонимические единицы позволяют выявить языковые репрезентации стереотипов народа-номинатора, экспрессивно-оценочные коннотации, в основе которых мировоззренческие, культурно-исторические значения представителей данного этноса.

Например, «оронимы, образованные на основе личных имен и названий племен: **Абадзеш** (адыг.) – „абадзехи” – этнические группы адыгов; **Алек** (Алику, Алыкьо) (адыг.) – хребет „эллинов” (греческий); **Папай** – название племени „папаги”; **Нагойчук** (Негой шигу, Нэгъой шыгу) – „земля татар, нагойцев”» [Ковлакас, 2008].

Антропоцентризм в топонимической картине мира формирует перцептивную когнитивную пространственную модель. Выделение ПКПМ обусловил тот факт, что в топонимической картине мира образ Пространства нагружен семантическим содержанием и в перцептивном видении обретают новую форму. ПКПМ нельзя рассматривать обособленно, она органически взаимосвязана с другими когнитивными пространственными моделями.

Заключение

Исследование топонимов многонациональной области показывает, что восприятие пространства человеком фиксируется в географических названиях, придавая им стабильное значение. Когнитивная модель пространственного восприятия представляет собой систематизацию чувственных впечатлений при освоении окружающей среды, отражающую объективную реальность на уровне сенсорного познания. В процессе осмысления пространства субъективные ощущения трансформируются в образ и закрепляются в топонимах, которые могут нести как позитивную, так и негативную эмоциональную окраску, что во многом определяется контекстом их употребления.

Антропоцентризм реализуется в перцептивной когнитивной пространственной модели в трех ситуациях. Первая ситуация связывается с осмыслением Пространства посредством ощущения: «Гидронимы, образованные по характеру течения спокойное / беспокойное: **Кубань (Къобхан, Кубан, Кубан, Губань, Гопанис)** (др.-греч.) – „конская река, буйная, сильная”, (др. – тюрк.) – „река, поток”, (карачаево – балкарское) – „быстрый, бурливый, беспокойный”» [Ковлакас, 2008].

Вторая ситуация порождения и закрепления смысла в топонимических единицах связана с внутренним опытом субъекта-номинации, его памятью. Известные смыслы пространственных объектов обретают в памяти субъектов номинации новые коннотации и дополнительные ценностные смыслы. Например, «**пос. Каноково** (адыгская родовая фамилия), **аул Кончукохабль** («поселение Кунчука сына»), **аул Лакшукан, пос. Лоо, аул Мамруковых** (ст-ца Новосвободная), **с. Шах-Гиреевское** (по адыгской родовой фамилии), **аул Шенджий** (от имени Шенджий)» [Ковлакас, 2008].

Третья ситуация описывает паритетность между субъектом номинации и Пространственными объектами, выражает отношение номинирующего субъекта в процессе смыслопорождения (отриц. или положит., оценка примера). В чувственно-эмотивном отношении к Пространству, закреплённому в топонимических единицах, раскрывается ценностная оценка. Отношение субъекта номинации к Пространству может быть далеко от объективности. Чувства со временем изменяются, человек перестает фиксировать в сознании то, что раньше было актуальным, да и Пространство со временем претерпевает изменения. Топонимические единицы фиксируют чувственно-ориентационную способность личности к познанию реальности в момент номинации, доказывая

ценностное отношение субъекта номинации в объективном пространственно-временном континууме.

Например, «топонимизация на основе сравнений (гидронимы): **Хоцетай (Хотечей, Хотецай, Хопецай, Хомстой)** (адыг.) – „бешеная собака”; **Наужи (Неуж, Нэужь)** (адыг.) – „ворчливая старуха”; **Бугай** (адыг.) – „племенной бык”; **Тарапанки** – „тарапам” – дикая лошадь, (тат.) – „каменное корыто”; **Адагум (Адагим, Атакума, Атагум)** (тюр.) – „песчаный остров”» [Ковлакас, 2008].

В топонимической картине мира ведущую роль играют метафорическая, пропорциональная и метонимическая пространственные модели, которые следует рассматривать как логические конструкции с высокой степенью обобщения и образности. Однако было бы ошибкой воспринимать их изолированно друг от друга. Эти модели не охватывают полностью содержание символической и перцептивной пространственных моделей, а лишь составляют их основу. Важно понимать, что базовые пространственные характеристики, отраженные в логических моделях, обогащаются этническими особенностями и субъективным восприятием. Таким образом, топонимическая картина мира представляет собой взаимосвязанную систему пространственных моделей разного типа, дополняющих друг друга.

Когнитивные модели пространства, включающие символический и перцептивный типы, можно классифицировать как субъектно обусловленные, когда они содержат сенсорные образы, обогащенные личным интеллектуальным опытом и накопленными знаниями о мире.

Топоним, являясь формой социальной памяти этноса, упорядочивает и вербализует фрагменты реального мира, закрепляя их в человеческом сознании. В центре топонимической картины мира, сформированной в сознании индивидуума, находится сам человек и Вселенная вокруг него. Национальная ментальность и культура непременно отражаются в каждом представителе определенной этнической группы. Когда мы обращаемся к концепту «Пространство» в топонимике, мы видим проявление духовно-языковой активности общества. Этот концепт представляет части языковой картины мира, отражая многовековой культурно-исторический опыт нации. Через язык закрепляются этические стереотипы, веками формируемые верованиями, традициями и обычаями народа, демонстрируя непрерывную связь между территорией, названием и ментальностью.

Топоним отражает определенный способ восприятия мира, конвенционально принятый носителями данного языка. Реальное постижение окружающей действительности и вербальные средства неразрывно переплетены во взаимовлиянии. Мыслительная деятельность и языковые возможности создают двойственное отражение мироздания: с одной стороны – система понятий, с другой – географическая номенклатура. Первоначально формируется именно концептуальное восприятие, без участия слов, которое предшествует лингвистическому отображению. Географические наименования впоследствии фиксируют эту понятийную систему мировосприятия, облекая ее в знаковую оболочку. Топонимическая картина мира выполняет по отношению к концептуальной картине мира две функции: означивание основных ее элементов и ее экспликация.

Топонимическая картина мира является совокупностью концептов сформированных через анализ ландшафтных образов, которые, в свою очередь, являются своеобразной географической призмой, позволяющей народам представлять мир. Топонимическая картина мира закрепляет индивидуальное и общенациональное в восприятии географического пространства. Топонимы, как и другие лексические единицы, являются культурным кодом, сохраняя и формируя наивную картину мира. Топонимическая концептуализация пространства синтезирует восприятие мира на уровне коллективного и индивидуального бессознательного.

Библиографический список

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Неожиданности в русской языковой картине мира. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. Москва, 1998. URL: <https://inslav.ru/publication/polytropon-k-70-letiyu-vladimira-nikolaevicha-toporova-m-1998> (дата обращения 23.03.2025)
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Москва : Советский писатель, 1988. 233 с.
3. Дёмышева А. С. Концептуальные аспекты языковой картины мира в сознании младшего школьника // Педагогическое образование в России. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. 2016. 3. С. 156–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-aspekty-yazykovoy-kartiny-mira-v-soznanii-mladshego-shkolnika> (дата обращения 23.03.2025)
4. Железняк М. А. Сравнение немецкой и русской языковых картин мира на материале анализа элементов архитектурно-домообустроительного кода ‘угол’, ‘стена’ и ‘дверь’. /Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва : МАКС Пресс, 2005. Вып. 31. С. 4–22.

5. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск : Высшая школа, 1965. URL: <https://g.eruditor.one/file/1128651/> (дата обращения 23.03.2025)
6. Зализняк А. А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол «добираться» // Логический анализ языка. Языки пространств. Москва, 2000. URL: https://vuzdoc.org/63319/literatura/anna_zaliznyak_preodolenie_prostranstva_russkoy_yazykovoy_kartine_mira (дата обращения 23.03.2025)
7. Карасик В. И. Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (033) 2012. С. 5–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17949407> (дата обращения 23.03.2025)
8. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 240 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/tan_aoshuan_kitajskaja_kartina_mira_jazyk_kultura_mentalnost_2004/16-1-0-1664 (дата обращения 23.03.2025)
9. Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : монография. Краснодар : Изд-во КубГУ, 2008. 250 с. URL: <https://g.eruditor.one/file/3515629/> (дата обращения 23.03.2025)
10. Козлова Л. Я. Формирование языковой картины мира англичан // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5 (19-2). С. 53–64.
11. Корнева В. В. Наречия и параметры пространственной картины мира: монография. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2008. 300 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004228743> (дата обращения 23.03.2025)
12. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1999. 262 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2000-04-026-lebedeva-n-b-polisituativnost-glagolnoy-semantiki-na-materiale-rus-prefiksialnyh-glagolov-tomsk-izd-vo-tomsk-gos-un-ta-1999-260-s> (дата обращения 23.03.2025)
13. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Москва, 1999. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000618834> (дата обращения 23.03.2025)
14. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1988. 192 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001458126> (дата обращения 23.03.2025)
15. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. Москва : Гнозис, 2005. 472 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002863674> (дата обращения 23.03.2025)
16. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. Москва : Наука, 1986. 254 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001316594> (дата обращения 23.03.2025)
17. Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50 (Венский альманах славистики. Спецвыпуск 50). Wien: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien, 2001. 286 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (дата обращения 23.03.2025)
18. Серебrenников Б. А. О методах изучения топонимических названий // Вопр. языкознания, 1959, № 6. С. 49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41409933> (дата обращения 23.03.2025)
19. Чернышев А. Б. Движение и пространство человека в итальянской языковой картине мира // Филология и человек. 2017. №2. С. 71-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-i-prostranstvo-cheloveka-v-italyanskoj-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения 23.03.2025)
20. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Москва : Гнозис, 1994. 344 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001704372> (дата обращения 23.03.2025)

Reference list

1. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Neozhidannosti v russkoj jazykovoj kartine mira. K 70-letiju Vladimira Nikolaevicha Toporova = Surprises in the Russian linguistic world-image. To the 70th anniversary of Vladimir Nikolaevich Toporov. Moskva, 1998. URL: <https://inslav.ru/publication/polytropon-k-70-letiyu-vladimira-nikolaevicha-toporova-m-1998> (data obrashhenija 23.03.2025)
2. Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira = National world images. Moskva : Sovetskij pisatel', 1988. 233 s.
3. Djomyshcheva A. S. Konceptual'nye aspekty jazykovoj kartiny mira v soznanii mladshego shkol'nika = Conceptual aspects of the linguistic worldview in the minds of primary school students // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. 2016. 3. S. 156–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-aspekty-yazykovoy-kartiny-mira-v-soznanii-mladshego-shkolnika> (data obrashhenija 23.03.2025)
4. Zheleznyak M. A. Sravnenie nemeckoj i russkoj jazykovyh kartin mira na materiale analiza jelementov arhitekturno-domoobustroitel'nogo koda 'ugol', 'stena' i 'dver' = Comparing German and Russian linguistic worldviews based on the analysis of the architectural and house-building code 'corner', 'wall' and 'door' // Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. statej / otv. red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. Moskva : MAKSS Press, 2005. Vyp. 31. S. 4–22.
5. Zhuchkevich V. A. Obshhaja toponimika = General toponymy. Minsk : Vysshaja shkola, 1965. URL:

<https://g.eruditor.one/file/1128651/> (data obrashhenija 23.03.2025)

6. Zaliznyak A. A. Preodolenie prostranstva v russkojazykovoj kartine mira: glagol «dobirat'sja» = Negotiating an area in the Russian linguistic worldview: the verb «dobirat'sja» // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv. Moskva, 2000. URL: https://vuzdoc.org/63319/literatura/anna_zaliznyak_preodolenie_prostranstva_russkoj_yazykovoy_kartine_mira (data obrashhenija 23.03.2025)

7. Karasik V. I. Semioticheskie tipy konceptov = Semiotic concept types // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. № 4 (033) 2012. S. 5–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17949407> (data obrashhenija 23.03.2025)

8. Kitajskaja kartina mira: Jazyk, kul'tura, mental'nost' = Chinese worldview: Language, culture, mentality. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 240 s. URL:

https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/tan_aoshuan_kitajskaja_kartina_mira_jazyk_kultura_mentalnost_2004/16-1-0-1664 (data obrashhenija 23.03.2025)

9. Kovlakas E. F. Osobennosti formirovanija toponimicheskoi kartiny mira: leksiko-pragmaticheskij i jetnokul'turnyj aspekty = Specifics of forming the toponymic worldview: lexical-pragmatic and ethnocultural aspects: monografija. Krasnodar : Izd-vo KubGU, 2008. 250 s. URL: <https://g.eruditor.one/file/3515629/> (data obrashhenija 23.03.2025)

10. Kozlova L. Ja. Formirovanie jazykovoi kartiny mira anglichan = Forming the linguistic worldview of the English // Voprosy metodiki prepodavanija v vuze. 2016. № 5 (19-2). S. 53–64.

11. Korneva V. V. Narechija i parametry prostranstvennoj kartiny mira = Adverbs and parameters of the spatial world image : monografija. Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2008. 300 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004228743> (data obrashhenija 23.03.2025)

12. Lebedeva N. B. Polisituativnost' glagol'noj semantiki (na materiale russkikh prefiksalnykh glagolov) = Polysituational verb semantics (based on Russian prefixal verbs). Tomsk : Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 1999. 262 s. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2000-04-026-lebedeva-n-b-polisituativnost-glagochnoy-semantiki-na-materiale-rus-prefiksalnykh-glagochnov-tomsk-izd-vo-tomsk-gos-un-ta-1999-260-s> (data obrashhenija 23.03.2025)

13. Lebedeva N. M. Vvedenie v jetnicheskuju i kross-kul'turnuju psihologiju = Introduction to Ethnic and

Cross-Cultural Psychology. Moskva, 1999. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000618834> (data obrashhenija 23.03.2025)

14. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology. Moskva : Nauka, 1988. 192 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001458126> (data obrashhenija 23.03.2025)

15. Privalova I. V. Interkul'tura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoi kommunikacii) = Interculture and the verbal sign (linguocognitive foundations of intercultural communication) : monografija. Moskva : Gnozis, 2005. 472 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002863674> (data obrashhenija 23.03.2025)

16. Teorija i metodika onomasticheskikh issledovanij = Theory and methodology of onomastic research / A. V. Superanskaja, V. Je. Stal'tmane, N. V. Podol'skaja, A. H. Sultanov. Moskva : Nauka, 1986. 254 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001316594> (data obrashhenija 23.03.2025)

17. Sandomirskaja I. Kniga o Rodine: opyt analiza diskursivnykh praktik = A Book about the Motherland: Experience in analyzing discursive practices // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50 (Venskij al'manah slavistiki. Specvypusk 50). Wien: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien, 2001. 286 s. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (data obrashhenija 23.03.2025)

18. Serebrennikov B. A. O metodah izuchenija toponimicheskikh nazvanij = On the methods of studying toponymic names // Vopr. jazykoznanija, 1959, № 6. S. 49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41409933> (data obrashhenija 23.03.2025)

19. Chernyshev A. B. Dvizhenie i prostranstvo cheloveka v ital'janskoj jazykovoi kartine mira = Movement and space of man in the Italian linguistic worldview // Filologija i chelovek. 2017. №2. S. 71–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-i-prostranstvo-cheloveka-v-italyanskoy-yazykovoy-kartine-mira> (data obrashhenija 23.03.2025)

20. Jakovleva E. S. Fragmenty russkoj jazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija) = Fragments of the Russian linguistic worldview (models of space, time and perception). Moskva : Gnozis, 1994. 344 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001704372> (data obrashhenija 23.03.2025)

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 26.05.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 81'316.772.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-150

EDN: WSKRFC

Лингвопрагматические особенности научного и публицистического видов дискурса

Татьяна Владимировна Чвягина^{1✉}, Владимир Николаевич Бабаян²

¹Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественно-научных факультетов, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

²Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹cht15@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0003-2929-7725>

²vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Аннотация. Данная работа предпринята с целью определения понятия «дискурс» в современном языкознании на основе различных подходов ученых, занимающихся исследованием этого явления во многих научных областях, например, лингвистике, антропологии, философии, литературоведении, этнографии, социологии, социолингвистике, психолингвистике, когнитивной психологии и др. Такое большое количество дискурсивных теорий способствует развитию и раскрытию новых аспектов в понимании дискурса, что делает это понятие все более сложным и актуальным для изучения. В ходе предпринятой работы установлено, что дискурс представляет собой совокупность как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста, являющегося одним из основных компонентов дискурса. Важно отметить, что авторы придерживаются коммуникативного и социолингвистического подходов в определении понятия «дискурс», принимая во внимание не только его непосредственных продуцентов, но и всю коммуникативно-речевую ситуацию в целом. Цель настоящей работы – исследовать два типа институционального дискурса – научный и публицистический в качестве основных его видов. В статье представлены лингвопрагматические особенности научного и публицистического типов дискурса, их стилеобразующие признаки, а также цели их применения в той или иной коммуникативно-речевой ситуации. Выявлено, что научный дискурс характеризуется рациональностью, объективностью и логичностью, в отличие от публицистического дискурса, который является динамичным, диалогичным и изменчивым. В настоящей статье также исследуется проблема сегментации дискурса и определения его элементарной дискурсивной единицы. В работе рассмотрены различные структурообразующие параметры дискурса, включающие макроструктуру и микроструктуру, и их членение на крупные и минимальные составляющие, соответственно. В свою очередь, в представленной работе основной единицей дискурса признается высказывание, и приводятся разные точки зрения относительно определения этого «атома» речевой практики. Кроме того, в статье проанализирована смысловая структура двух лексических единиц английской и русской экологической лексики на предмет сопоставления случаев их употребления в научных и публицистических текстах. Таким образом, исследование представляет собой интегративный комплексный подход к определению понятия «дискурс» и его основных видов.

Ключевые слова: дискурс; лингвистические и экстралингвистические факторы; коммуникативный подход; социолингвистический подход; институциональный дискурс; научный дискурс; публицистический дискурс; стилеобразующие признаки; интертекстуальность; адресант – адресат; сегментация дискурса; высказывание

Для цитирования: Чвягина Т. В., Бабаян В. Н. Лингвопрагматические особенности научного и публицистического видов дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 150–163. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-150>. <https://elibrary.ru/WSKRFC>

Original article

Linguopragmatic features of scientific and journalistic discourses

Tatiana V. Chvyagina^{1✉}, Vladimir N. Babayan²

¹Senior lecturer at the department of foreign languages for the faculties of natural sciences, Yaroslavl Demidov state university. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14

²Doctor of philological sciences, professor at the department of theory and practice of translation, Yaroslavl state peda-

gological university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

¹cht15@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2929-7725>

²vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Abstract. This article aims to define the concept of «discourse» in modern linguistics based on different approaches of scientists engaged in studying this phenomenon in many scientific fields, such as linguistics, anthropology, philosophy, literary studies, ethnography, sociology, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive psychology, etc. Numerous discursive theories contribute to the development of new aspects in understanding discourse, which makes this concept much more complex and important for research. In the course of the study the authors have come to the conclusion that «discourse» is a combination of both linguistic and extralinguistic factors required for text understanding. It is worth noting that the present work is based on communicative and sociolinguistic approaches in defining the concept of «discourse», taking into account not only discourse producers, but the communicative situation as a whole. In addition, the aim of the study is to consider two types of institutional discourse – scientific and journalistic ones as principal kinds of discourse. The article presents their specific and style-forming features as well as the purposes of their use in a particular communicative situation. The authors show that scientific discourse is characterized by rationality, objectivity and logical consistency in contrast to journalistic discourse which is dynamic, dialogical and changeable. The study also considers the problem of discourse segmentation and determine its elemental discursive unit. Various structure-forming discourse parameters, including macrostructure and microstructure, and their division into large and minimal components are considered respectively. In its turn, the main discursive unit is recognized to be an utterance, and different viewpoints concerning the definition of this «atom» of speech practice are demonstrated. In addition, the paper analyses the semantic structure of two lexical units from english and russian ecological vocabulary with the aim of comparing their use in scientific and journalistic texts. Thus, the study is an integrative approach to defining a «discourse» concept and its principal types.

Key words: discourse; linguistic and extralinguistic factors; communicative approach; sociolinguistic approach; institutional discourse; scientific discourse; journalistic discourse; style-forming features; intertextuality; addresser – addressee; discourse segmentation; an utterance

For citation: Chvyagina T. V., Babayan V. N. Linguopragmatic features of scientific and journalistic discourses. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):150–163. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-150>. <https://elibrary.ru/WSKRFC>

Введение

На протяжении длительного времени усилия ученых различных областей направлены на исследование понятия «дискурс». Это довольно сложный для понимания и определения термин, поскольку он охватывает такие дисциплины, как лингвистика, психолингвистика, социолингвистика, философия, антропология, литературоведение, социология, этнография, психология и др. В современном языкознании существуют различные подходы к определению понятия «дискурс», что ведет к появлению значительного количества дискурсивных теорий. Такая неоднозначность в трактовке данного явления делает его актуальным в свете развития новых тенденций в языкознании.

До середины XX в. лингвистика как научная дисциплина занималась решением проблем только лишь уровней языковой иерархии: от фонетического до синтаксического. Не наблюдалось решения проблем антропоцентрического плана, т. е. не учитывались ни коммуникант как носитель того или иного языка, ни его социальный статус, уровень образования, национальность и т. д. Однако во второй половине XX в. все изменилось: при исследовании языка стали обращать особое

внимание на особенности коммуниканта, его вербальное и невербальное поведение в процессе акта коммуникации, его культуру, образование и прочие факторы, влияющие на его язык. Таким образом, по мнению современных исследователей, совокупность всех этих лингвистических и экстралингвистических факторов подразумевает **дискурс** – «сложное языковое явление, которое состоит из ряда связанных по смыслу высказываний-реплик и представляет собой целостную коммуникативно-речевую ситуацию (контекст)» [Бабаян, 2020, с. 20]. В настоящее время особая научная область, дискурсология, занимается вопросами дискурса и, будучи кросс-дисциплиной, решает проблему интегративного комплексного подхода к его пониманию.

Теоретические основания исследования

Первоначально слово «дискурс» (от фр. *discours* – речь) использовалось в лингвистике в значении «речь, присваиваемая говорящим», речь индивидуальная [Бенвенист, 1974, с. 139]. Далее исследуемое понятие в лингвистике эволюционировало и получило следующее определение. Дискурс сейчас – это сложное коммуникативно-

языковое явление, включающее в свою структуру сам текст как результат определенного акта коммуникации, а также целый комплекс экстралингвистических факторов, таких как знания о мире, коммуникативные интенции и цели участников определенной коммуникативно-речевой ситуации, их оценка создавшейся ситуации, мнения, установки и др., учет которых способствует более глубокому пониманию этого текста [Караулов, 1989, с. 8].

Исследователи выделяют разные аспекты при рассмотрении понятия дискурс. Ряд ученых, например В. В. Красных и М. Фуко, признавая наличие в структуре **дискурса** как собственно лингвистических, так и экстралингвистических признаков, понимают его как совокупность *процесса и результата*. При этом, согласно М. Фуко, эта совокупность представлена в виде разговора со своими сложившимися способами, правилами и логикой [Фуко, 1996, с. 72]. По мнению В. В. Красных, *результат* и *процесс* отражают лингвистический и лингвокогнитивный аспекты дискурса, соответственно, где в первом случае подразумевается совокупность текстов, являющаяся результатом коммуникации, а во втором – вербализуемая речемыслительная деятельность, которая влияет на процесс порождения и восприятия текстов [Красных, 2001, с. 200].

Социокультурный аспект дискурса прослеживается в работах многих исследователей. Так, Ю. С. Степанов считает, что **дискурс** через язык создает особый «ментальный мир», что отражается в особой грамматике и правилах лексики [Степанов, 1995, с. 38–39]. Н. Д. Арутюнова пишет, что **дискурс** – это «речь, погруженная в жизнь», поскольку речь – это социальный акт, нацеленный на взаимодействие людей и механизмов их сознания [Арутюнова, 1998, с. 136–137]. По справедливому мнению И. Н. Горелова и К. Ф. Седова, **дискурс** представляет совокупность когнитивных и социокультурных характеристик «живой речи» [Горелов, 2001, с. 147, 165]. Подобной точки зрения придерживается и А. Е. Кибрик, называя **дискурс** «коммуникативной ситуацией, включающей сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» [Цит. по: Красных, 2001, с. 200].

Т. М. Николаева приводит определение дискурса с лингвистических позиций. Исследователь понимает **дискурс** как термин, обладающий многозначностью и включающий в себя такие понятия как: связный текст, диалог, письменное или устное речевое произведение, группа семантиче-

ски связанных между собой высказываний [Николаева, 1978, с. 479]. В. З. Демьянков, так же, как и Т. М. Николаева, считает, что **дискурс** представляет собой фрагмент текста, который содержит такие элементы, как: отраженные в нем события, сопутствующие этим событиям обстоятельства, сами участники и их оценка этих событий [Демьянков, 1982, с. 7]. По мнению В. Г. Борботько, **дискурс** – это текст, представляющий собой цельное образование связанных по смыслу коммуникативных единиц языка – предложений и более крупных объединений предложений [Борботько, 1981, с. 8]. Г. А. Орлов рассматривает **дискурс** как содержательно и структурно-цельное речевое произведение в устной или письменной форме, которое может быть как отдельным предложением, так и целым рассказом, беседой и т. п. [Орлов, 1991, с. 14].

Однако, несмотря на различные подходы к определению понятия «дискурс», наиболее полное понимание этой проблемы, на наш взгляд, выразил Т. А. ван Дейк, который принимает **дискурс** за сложное коммуникативное явление, которое состоит непосредственно из самого текста как языкового фактора, а также из внеязыковых факторов, влияющих на производство этого текста и его восприятие читателем (слушающим). Дискурс, по мнению Т. А. ван Дейка, – это коммуникативное действие, которое совершают участники акта коммуникации (говорящий, слушающий, наблюдатель и др.) в определенной ситуации (пространственном, временном и другом контексте). Это коммуникативное действие может быть речевым или письменным, оно может характеризоваться вербальными и невербальными признаками [ван Дейк, 1989, с. 121–122]. Т. А. ван Дейк также ввел понятие прагматического контекста, который помогает правильно понять дискурсную информацию. Согласно Т. А. ван Дейку, «понятие прагматического контекста является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных ... ситуаций» [ван Дейк, 1989, с. 19]. Подобный прагматический подход предоставляет возможность заключить, что к дискурсу можно отнести «не только события / действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информацию, аккумулированную в отношении более „ранних“ состояний и событий» [ван Дейк, 1989, с. 21]. Всё это представляет собой интегративный подход к пониманию дискурса, совмещающий коммуникативный, прагматический, психолингвистический, социолингвистический аспекты в структуре дискурса.

Анализ результатов исследования

На основе проведенного обзора понятия «дискурс» в современной науке о языке, подчеркнем, что настоящая работа придерживается *коммуникативного и социолингвистического подходов* в определении изучаемого феномена, приведенного в серии работ В. Н. Бабаяна. Исследователь подчеркивает, что **дискурс** представляет собой связный текст, который состоит из семантически и грамматически связанной последовательности предложений-высказываний (реплик), представлен в устной или письменной форме в виде монолога или диалога и непременно обращен к слушателю / читателю / наблюдателю. Он является целостной коммуникативно-речевой ситуацией (контекстом), включающей в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников, как активных (участников акта коммуникации), так и «пассивных» (наблюдателей) [Бабаян, 2017, с. 79]. Важно подчеркнуть, что *коммуникативный и социолингвистический подходы* рассматривают дискурс, выходя за рамки его отождествления с «текстом» или «речью», это, как подчеркивает исследователь, более сложная форма коммуникации, так как для понимания текста учитывает и экстралингвистические факторы, представляющие дискурс в более полной форме.

Постановка дополнительных проблем и методология их исследования

Что касается типологии дискурса, то она основывается, прежде всего, на понимании дискурса как текста, существующего в ситуации общения.

С точки зрения социолингвистики, то есть с позиции участников общения, выделяют два типа дискурса – *персональный (лично ориентированный)* и *институциональный (статусно-ориентированный)*.

Лично ориентированный дискурс существует в виде *бытового (обиходного)* общения, в котором отражается индивидуальный и профессиональный опыт человека, его социальное положение, характер, эмоциональное состояние и др.

Статусно-ориентированный дискурс выражается в виде *статусно-ролевого* общения, в котором учитывается принадлежность людей к определенному социальному институту, или которое применяется к определенной речеповеденческой ситуации [Карасик, 2004, с. 233–234].

В. И. Карасик в рамках современного социума выделяет различные виды институционального дискурса: *юридический, педагогический, военный,*

политический, медицинский, спортивный, религиозный, деловой, научный, массово-информационный и др. Ученый также замечает, что институциональный дискурс является специализированной клишированной формой общения между людьми, которая предполагает соответствие нормам данного социума. В свою очередь Е. И. Шейгал добавляет, что институциональный дискурс характеризуется собственной системой профессионально ориентированных знаков, которыми могут являться узкоспециальная лексика, специальная фразеология и паремиология [Шейгал, 2004, с. 14].

С точки зрения прагмалингвистики в изучении дискурса выделяют признаки способа и канала общения. Так, например, по *способу общения* могут противопоставляться информативный и факцинативный типы дискурса, содержательный и фатический дискурс, несерьезный и серьезный дискурс, ритуальный и обыденный дискурс, протоколируемый и непротоколируемый типы дискурса. А по *каналу общения* выделяют устный и письменный типы дискурса, контактный и дистантный дискурс, виртуальный и реальный типы дискурса [Бабаян, 2008, с. 100].

Поскольку в работе выделяется *научный дискурс* и *публицистический дискурс* как основные виды дискурса, считаем необходимым рассмотреть их основные характеристики. Отметим, что, являясь составными элементами общей системы, они обладают собственными отличительными признаками.

Специфика **научного дискурса** – это его особая проблематика, поскольку любое научное исследование является «развитием, продолжением или опровержением ранее признанных положений, полемикой с другими направлениями или отдельными учеными и пр.» [Гальперин, 2006, с. 66]. Следует также добавить, что «научное произведение всегда ретроспективно и проспективно связано с другими имеющимися работами, выступает как своеобразный микротекст в общенаучном макротексте» [Колесникова, 2015 с. 101]. Таким образом, структура научного текста подчинена принципу *интертекстуальности*, что является комплексной связью отдельного научного текста с иными текстами, связанными с его специальностью или определенной отраслью научного знания. Такое межтекстовое взаимодействие способствует развитию различных представлений о мире, основанных на восприятии, мировоззрении и фундаментальных знаниях о действительности,

которые формируют в сознании людей «научную картину мира» [Ахтаева, 2010, с. 147].

В научном дискурсе подобное взаимодействие между чужим и своим текстом выражается в использовании особых средств — маркеров. *Маркированность* выявляется через прямое и косвенное цитирование, фоновые ссылки, примечания, библиографические сноски, всё это позволяет читателю идентифицировать интертекстуальность [Чернявская, 2006, с. 48–50]. При этом, чтобы ввести чужое высказывание-мнение в научный текст, необходимо владение комплексом речевых формул-клише, оформляющих цитаты и ссылки в научных произведениях.

Научный дискурс — это соотношение нового (авторского) знания, ранее неизвестного научному сообществу, и старого знания, созданного другими авторами и теперь принадлежащего «общественно-ценному континууму науки» [Данилевская, 2002, с. 132]. Такое интертекстуальное взаимодействие старого и нового знания создает научно-теоретическую базу для формирования совершенно нового научного знания, что помогает исследователю «осуществить акт преемственности, предписанный самой культурой научного поиска» [Данилевская, 2005, с. 331].

Это же интертекстуальное соотношение старого и нового знания требует соблюдения норм речевого поведения, а именно: точности и достоверности в указании источников, выражения преемственности при оформлении собственных мыслей, связи с наблюдениями и выводами предшественников, что является так называемым «этическим кодексом автора» [Котурова, 2008, с. 70]. Поэтому *нормативность* — это обязательное условие научного стиля, которое способствует правильному восприятию научных текстов.

Научный дискурс, будучи вербализованным способом мышления, обладает такими стилиобразующими факторами, как *рациональность* и *объективное отношение к предмету высказывания*, а его содержательными единицами являются *понятие*, *суждение* и *умозаключение*. Именно благодаря своим коммуникативным особенностям научная речь характеризуется письменной формой существования, монологической сущностью и логической завершенностью. *Отвлеченно-обобщенный характер*, *объективность изложения*, *точность*, *логичность* и, следовательно, *безличность изложения* — всё это стилиобразующие признаки научного дискурса, основной прагматической целью которого, прежде всего, является

информировать реципиента [Ахтаева, 2010, с. 149].

В свою очередь **публицистический дискурс** отличается своей *динамичностью*, *диалогичностью*, *открытостью*, *максимальной интертекстуальной проницаемостью* и *изменчивостью*. Он представляет собой текст, который актуализируется в конкретных ситуативных условиях, ассоциируется с определенным событием в одном и том же времени и пространстве [Павлушкина, 2010, с. 254].

В публицистическом дискурсе реализуется как функция воздействия языка (агитации и пропаганды), так и его информативная функция (сообщение нового), передача информации осуществляется вместе с оценкой автора. В публицистических текстах, как правило, освещаются актуальные политические, экономические, культурные, спортивные и другие вопросы, которые представляют интерес для современного общества, и находят свое отражение в СМИ, общественно-политической литературе, ораторской речи, на радио, телевидении и т. д. [Ляпун, 2011, с. 109].

Согласно функциональной составляющей публицистический дискурс направлен на *сбор*, *обработку* и *распространение* информации, содержащей социально-значимые данные о человеке, культуре и обществе. Что касается содержательного аспекта, то данный дискурс сочетает в себе *принципы рационализма* (поиск истины и истинности в публицистике) и *релятивизма* (зависимость процесса творческого познания действительности от характера социальных условий). Всё это, как справедливо считает Г. Н. Немец, «способно адекватно выявлять как новые теоретические, так и новые практические знания в публицистике» [Немец, 2010, с. 90].

Помимо этого, можно выделить и особую цель публицистического дискурса — *убеждение*, *внушение*, *манипулирование мыслями адресата*. Поэтому публицистический дискурс имеет политико-идеологический подтекст, он призван воздействовать на субъект [Клушина, 2008, с. 70]. Адресатом публицистического дискурса является либо обособленная группа людей (социальная, политическая, религиозная и т. п.), либо общество в целом с выражаемым им общественным мнением; они и выступают объектом коммуникативного воздействия [Присяжнюк, 2012, с. 103].

Убеждая адресата в правильности своей авторской трактовки действительности, адресант обращается как к логическим доводам, так и к специфичным манипулятивным речевым приемам. С

этой точки зрения публицистический текст имеет два способа лингвистического воздействия: *эксплицитный* – явное убеждение адресата сообщения, непосредственно и прямо воздействующее на него; и *имплицитный* – воздействующий на адресата опосредованно [Гутнер, 1982, с. 28].

Следует также обратить внимание на тот факт, что коммуникативная цепочка «адресант – адресат» подразумевает равноправные отношения между коммуникантами, их понимание друг друга, что приводит к так называемой *успешной коммуникации*. Адресант стремится быть правильно понятым адресатом, а последний, в свою очередь, стремится получить объективную информацию. Однако сегодня можно говорить о всё возрастающей *субъективности* в публицистическом дискурсе, когда автор использует любые лингвистические способы, чтобы манипулировать общественным сознанием, интерпретируя описываемые им события и факты действительности в соответствии со своим коммуникативным намерением. Именно благодаря этой авторской интенции и происходит отбор *особых языковых средств и приемов, характерных для публицистического дискурса*. К ним относятся: *лаконичность и информативность подачи материала; использование различных лексических единиц и фразеологизмов, пословиц и поговорок, что связано с более широким диапазоном тематики текстов; большая диверсификация стилистических изобразительно-выразительных средств языка, что находит свое выражение в лексической полисемии, авторских неологизмах-окказионализмах, использовании эмоционально-экспрессивных лексических единиц языка, риторических вопросов и восклицательных структур и пр.; переосмысление и, соответственно, интерпретация узкотерминологической лексики и специальных лексических единиц языка для целей публицистики; разнообразие жанровых стилей – от научно-публицистического, литературно-художественного до повседневно-разговорного*.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что публицистический дискурс по праву считается самым живым, динамичным, активным и постоянно меняющимся. Публицистический дискурс характеризуется такими конститутивными признаками, как: языковая свобода, обусловленная большим выбором используемых языковых единиц; личностно-ориентированный характер, так как предполагает диалог между адресантом и адресатом с целью формирования мировоззрения и поведения членов общества; и, наконец, ситуа-

тивно-обусловленной направленностью, поскольку связан с реальными событиями и явлениями в конкретном «пространственно-временном континууме» [Калажокова, 2015, с. 1404].

В рамках данной статьи особо коснемся проблемы сегментации дискурса и выявления его структурирующей единицы.

Одним из основных вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе, является вопрос о структурной организации дискурса. Отметим, что в современной лингвистике нет единства в определении дискурсивной единицы при его сегментации. Поэтому стоит рассмотреть разные структурообразующие параметры дискурса и начать с того, что выделяют два уровня структуры дискурса. Первый уровень – *макроструктура*, или глобальная структура, второй уровень – *микроструктура*, или локальная структура. Составляющие **макроструктуры** – это более крупные подразделения дискурса (эпизоды в рассказе, абзацы в статье, группы реплик в диалоге и т. д.), что, согласно Т. А. ван Дейку, является обобщенным описанием основного содержания дискурса, которое адресат составляет по определенным макроправилам, таким как сокращение, обобщение и построение (комбинация), превращая макроструктуру в полноценный текст [ван Дейк, 1989]. Интересно также отметить, что макроструктура соответствует системе долговременной памяти. Она обобщает информацию, которая надолго сохраняется в памяти людей, услышавших или прочитавших дискурс.

В отличие от макроструктуры, **микроструктура** – это деление дискурса на более мелкие составляющие, такие как предикации, или клаузы (англ. clause), что в результате представляет дискурс в виде цепочки клауз. По мнению Я. Г. Тестельца, клауза – любая группа, включая и не предикативную, где главную роль играет глагол, а при его отсутствии – связка или грамматический элемент в той же функции [Тестелец, 2001, с. 256]. В русской лингвистической литературе клауза также обозначает «элементарное предложение». Однако по результатам психолингвистических экспериментов выясняется, что в структуре дискурса понятие клаузы имеет более существенное значение, чем понятие предложения [Боженкова, 2016, с. 49].

В своих работах А. А. Кибрик также говорит, что дискурс имеет структуру, выделяя при этом письменный и устный виды дискурса. Макроструктура письменного дискурса имеет вид абзацев и более крупных компонентов, а микрострук-

тура передается пунктуацией. В свою очередь устный дискурс, как выявило транскрибирование, довольно хорошо структурирован на уровне микроструктуры. Этот тип дискурса создается не плавным потоком, а определенными квантами, получившими название «элементарных дискурсивных единиц». Литература, посвященная проблеме сегментации устного дискурса, чаще приводит другие термины — фраза, интонационная группа, интонационная единица, а в российской лингвистике чаще используется термин «синтагма». Однако, по мнению исследователя, термин «элементарная дискурсивная единица» наиболее точно описывает сущность и функционирование данных единиц, и позволяет применить этот универсальный термин при обсуждении как устного, так и письменного дискурса [Кибрик, 2006, с. 139].

Вместе с тем следует обратить внимание, что большинство функциональных исследований дискурса противопоставляет дискурс и текст. Дискурс и текст, как правило, противопоставляют по критериям: актуальность — виртуальность, функциональность — структурность, динамичность — статичность, процесс — продукт. При этом дискурс относят к понятию речевого действия, а текст — к языковому понятию, охватывающему систему лингвистических знаний. Поэтому предложение считается основной структурной единицей текста, а **высказывание** принято считать основной единицей дискурса [Емельянова, 2018, с. 23–25]. Следует отметить, что такого же мнения придерживаются многие исследователи [Алефиренко, 2007; Арутюнова, 1998; Бабаян, 2017; Борботько, 1981; Тюкина, 2020].

Так, одни ученые считают **высказывание** «строительным материалом в процессе речевого порождения текста-дискурса» [Алефиренко, 2007, с. 299]. Другие же исследователи принимают **высказывание** за минимальную структурную единицу вербального общения (дискурса), которое порождается сочетанием, по крайней мере, двух отдельных реплик-высказываний участников определенного акта коммуникации. Некоторые исследователи, занимающиеся изучением вопроса о сегментировании дискурса, определяют **высказывания** как предельные, независимые и самостоятельные по смыслу компоненты в составе целого дискурса, что позволяет исследователю считать и, следовательно, анализировать эти речевые отрезки как целостные коммуникативные образования.

Многие исследователи придерживаются подобного мнения о высказываниях как основополагающих, структурообразующих единицах дискурса [Фуко, 1996; Бахтин, 1996; van Dijk, 1972], например, называя **высказывание** «атомом» речевой практики, то есть реальной единицей речевого общения, что создает некое первоначальное обобщение, образ для продолжения разговора. Кроме того, добавим, что **высказывания** определяются и как эмпирические единицы, которые принимают непосредственное участие в процессе речепроизводства.

Тем не менее, ряд исследователей отмечает и *коммуникативную ориентированность* высказывания [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2008, 2017; Гак, 1998; Орлов, 1991; Тюкина, 2020], когда **высказывание** подразумевает речевое произведение, содержательная составляющая которого связана с определенной коммуникативно-речевой ситуацией. Кроме того, **высказывание** как единица речи учитывает всех её участников и отличается ситуативностью и избирательностью, представляя собой целостный отрезок действительности. Особо подчеркивается, что все **высказывания** соответствуют действительному коммуникативному акту, они представляют реакцию на полученный стимул и сами являются речевым стимулом [Бабаян, 2017; Тюкина, 2020]. Вышеизложенный материал позволяет прийти к выводу о том, что *коммуникативная ориентированность* есть основная характеристика высказывания.

Практическая реализация результатов исследования

Далее предлагаем рассмотреть, как проявляются особенности научного и публицистического типов дискурса в различных контекстах, связанных с областью экологии и полученных методом сплошной выборки языкового материала из *National British Corpus*, *NOW Corpus (News on the Web)* и *Национального корпуса русского языка*. С этой целью, в качестве примера, проанализирована смысловая структура двух лексических единиц — английского слова *habitat* и соответствующего ему в русском языке слова *среда обитания* на предмет сопоставления случаев их употребления в научных и публицистических текстах.

Выбор экологической тематики не случаен, поскольку в нынешней неблагоприятной обстановке экологические проблемы приобретают в обществе первостепенное значение. В связи с чем и востребованность экологии как науки значительно возрастает, что ведет к активному обсуж-

дению экологических аспектов как в научной среде, так и в средствах массовой коммуникации.

Что касается английского слова **habitat**, одного из основополагающих терминов английской экологической лексики, входящих в коммуникативное ядро лексико-семантического поля ECOLOGY, то здесь встречаются следующие значения, сформулированные из контекстов и представленные в порядке убывания частотности их употребления в этих контекстах [Чвягина, 2017, 2018].

1. Среда / место обитания (животного, растения), ареал

«Further, the human-caused global warming is causing the Arctic sea, the bears' **habitat** and hunting ground, to melt and decline. If the trend of sea ice decline continues as it has done, at the rate of about 13 per cent a decade, then polar bears would suffer a loss of **habitat**, and consequently food» (Daily Times. Polar bears vulnerable to extinction, 2016). – Более того, вызванное человеческой деятельностью глобальное потепление способствует тому, что в Арктическом море, **среде обитания** и месте охоты медведей, льды тают и площадь **среды обитания** сокращается. Если эта тенденция продолжится в том же темпе, примерно 13 процентов за десятилетие, то полярные медведи страдают от потери **среды обитания** и, следовательно, пищи (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

2. Относящийся к среде / месту обитания

«Studies show that **habitat restoration** is an effective way to increase bee and other pollinator populations. Restoration work involves planting flowers and shrubs on marginal land, typically narrow strips and edges that border crop fields» (A. Moodie. Bee's knees: a new \$4m effort aims to stop the death spiral of honeybees, 2016). – Исследования показывают, что **восстановление среды обитания** – это эффективный способ увеличить популяцию пчел и других насекомых-опылителей. Восстановительные работы предполагают высаживание цветов и кустарников на маргинальных землях, обычно это узкие полосы и края участков, примыкающих к сельскохозяйственным полям (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

3. Естественная / природная среда

«As towns and cities grow, human beings live together in higher densities, and natural **habitat** is removed and replaced with hard, impermeable structures such as roads and buildings» (K. Park. Planet Earth II: why most animals can't hack city living, 2016). – По мере того как поселки и города разрастаются, плотность проживания людей воз-

растает, а **естественная среда** сокращается и заменяется твердыми, непроницаемыми сооружениями, такими как дороги и здания (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

4. Хабитат (международная общественная организация, занимающаяся вопросами устойчивого развития городов и других населенных пунктов, а также проблемами проживания в них людей).

«The Women's Community Based Savings Group in Sri Lanka's Northern Province (NP) has launched a reconciliation programme for war-affected families through women empowerment. The programme, funded by the Government of Japan and administered by the **UN Habitat**, helps women make a living through self entrepreneurship» (R. Shankar. Japan funds rehabilitation in the North View(s), 2016). – Сберегательная группа женского сообщества в Северной провинции Шри-Ланки запустила программу примирения для семей, пострадавших от войны, по линии расширения прав и возможностей женщин. Эта программа, финансируемая правительством Японии и управляемая **ООН-Хабитат**, помогает женщинам зарабатывать на жизнь посредством индивидуального предпринимательства (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

«If you have pipes or other building materials you no longer need, as well as furniture in good condition, pack it up and donate it to one of **Habitat for Humanity's** local ReStores» (URL: <https://www.habitatuc.org/restore>). – Если у вас есть трубы или другие строительные материалы, которые вам больше не нужны, а также мебель в хорошем состоянии, то упакуйте всё это и передайте в дар в один из местных магазинов **Хабитата для человечества** (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

5. Социальная среда

«They should become more socially engaged and be more concerned about service to the community, the human **habitat**, and the environment in general. Buddhists need to broaden their spiritual practices to include both family and community and the social and environmental concerns of the broader world» (Dr. Daya Hewapathirane. Socially Engaged Buddhism, 2020). – Они должны больше заниматься социально важными делами на благо общества, **человеческой среды** и окружающей среды в целом. Буддистам нужно расширить спектр своих духовных практик, чтобы вовлечь в сферу своей деятельности как семью, так и общество, как социальные, так и экологические проблемы более широкого круга (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

6. Место (с определенными экологическими условиями)

«*Dam removal is predicted to benefit migratory fish species and other organisms that need stronger flowing water. Walleye, in particular, will have access to additional upstream spawning habitat*» (K. Graham. World Hogansburg hydroelectric dam taken down by Native American, 2016). – Предсказывают, что удаление плотины принесет пользу мигрирующим видам рыб и другим организмам, которым необходимо более сильное течение воды. Судак, в частности, будет иметь доступ к дополнительному **месту нереста** выше по течению (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

7. Жилище, убежище, «дом»

«*Take just about any old stuff you have around the garage and build a habitat for beneficial insects and small animals, such as toads, frogs, snakes and salamanders*» (Pilliod, D.S. and E. Wind (editors). Habitat Management Guidelines for Amphibians and Reptiles of the Northwestern United States and Western Canada, 2008). – Просто возьми любые старые вещи, которые найдешь у гаража, и построй **жилище** для полезных насекомых и маленьких животных, таких как жабы, лягушки, змеи и саламандры (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

8. Позиция на игровом поле (в спорте)

«*At this time of the year, it's all about building a squad, not just a team, so that you have options and reliable cover in all positions. Over the three seasons I've been manager, we've been unfortunate in suffering a number of injuries to key players. That's the reason why, for example, we had a right-winger playing at full-back for the league and cup run-in. Now, Steven Beattie did a great job for us there but he could also have done a great job for us in his natural habitat further up the pitch*» (E. Laurie. Tactical Theory: Influencing Space in possession – The three ways space is manipulated, 2021). – В это время года наша задача заключается в том, чтобы создать отряд игроков, пока не команду, для того чтобы иметь варианты и надежное прикрытие всех позиций. На протяжении трех сезонов я был менеджером и, к сожалению, мы перенесли несколько травм ключевых игроков. Вот почему, например, правый нападающий играл на позиции крайнего защитника в чемпионатах лиги и кубка. Так вот, Стивен Битти прекрасно сыграл на этой позиции, но он мог также прекрасно сыграть и на своей **естественной позиции** дальше по полю (перевод наш. – Т. Ч., В. Б.).

Теперь обратимся к не менее важному термину русской экологической лексики, также представленному в ядерной структуре лексикосемантического поля ЭКОЛОГИЯ, слову **среда обитания** и его основным значениям [Чвягина, 2017, 2018].

1. Социальная среда

«В настоящее время человек существует в пространстве компьютеров, телевидения, радио, мобильной связи и электронной почты, с их помощью познавая мир и общаясь с другими людьми. Такие устройства быстро входят в сферу обыденного опыта, делаются само собой разумеющимися, естественными, рожают новые возможности, формы понимания и чувствования, свободы и зависимости. Эта **среда обитания** для человека постепенно становится всеобъемлющей» (В. Зверева. Репрезентация и реальность // Отечественные записки, 2003).

2. Естественная / природная среда

«Десятилетиями уничтожалась естественная **среда обитания** якутов, энцев, эвенов, юкагиров и других коренных народов, для которых традиционно иное, неиндустриальное, хозяйство, связанное в первую очередь с природными условиями территории. В результате появилось немало районов, где коренное население находится на грани вымирания... Выходит, это плохо, когда имеешь богатые недра. Подчас смертельно плохо...» (Вокруг света. А. Борисов, М. Яковлев. Преобразованная природа, 1990).

3. Среда / место обитания (животного, растения), ареал

«Конечно, гораздо более серьезную угрозу местной популяции представляют не машины, а растущее день ото дня население штата. Что случится, если естественная **среда обитания** пум будет разрушена? Этот вопрос задают сегодня многие специалисты, обеспокоенные дальнейшей судьбой животных. Нельзя же заставить диких животных жить в городских кварталах или апельсиновых рощах...» (Вокруг света. А. Солнцев. Позывные для пумы, 1993).

4. Окружающее пространство

«Дело в том, что местные ТСЖ управляют не только своими домами, подъездами и «трубами», но и окрестной дворовой территорией. Создавая ассоциации домовладельцев, они берут под свою опеку целые кварталы и микрорайоны, сами определяют, как должна выглядеть их **среда обитания**, заботятся о поддержании порядка близ жилищ, строят детские и спортивные площадки – словом, по своему усмотрению распоряжаются

собственностью» (Бизнес-журнал. Т. Бахвалов, Е. Ленц. Чем помогут власти, 2004).

5. Способ существования

«Что делать и куда тебе деться, если готовишь сына для общества, где ложь не только **среда обитания**, но больше того – тот самый воздух, которым стало дышать привычно, – настолько привычно, что без него можно, пожалуй, и задохнуться» (Новый Мир. Л. Зорин. Отец, 2008)?

«Помните, что скандал для такого человека – привычная **среда обитания**, он им питается, а вот милая улыбка полностью выбьет у него почву из-под ног...» (Д. Донцова. Микстура от косоглазия, 2003).

6. Место распространения

«Автобусы семейства 3205 во многих городах используют в качестве маршрутных такси. Машина дешевая, хорошо известная, в меру надежная, но... **Среда обитания** «пазика» – не улицы мегаполисов, а линии село-город, во всяком случае, таким его создавали» (За рулем. А. Чуйкин, С. Казанников. Минибус для мегаполиса, 2004).

7. Родина, родная земля, «дом»

«Один из самых ценных даров, данных человеку от рождения, – цельность натуры. Младенчество, детство, обретение профессии, первая любовь, семья, дети, зрелость – все это ступени естественного роста человека. Но когда ты покидаешь родину – нарушаешь эту естественность, по сути, рвешь связь времен внутри себя. Ведь всех нас формирует определенная **среда обитания**. В том числе – географическая» (Ю. Башмет. Вокзал мечты, 2003).

8. Окружение

«Моя бабушка говорила мне после моего замужества: «если ты хочешь опереться на мужчину – обопришься лучше на воду». Хорошо, что Вы совладелица квартиры. Вы умница, что не согласились на «добрые» схемы свекрови. Ну а на мужа (как, собственно и на Вас) всегда что-то или кто-то будут влиять (друзья, мама, не дай Бог, любовница – короче, **среда обитания**)» (Женщина + мужчина: Брак (форум), 2004).

Проанализировав все приведенные выше примеры, представляющие собой отдельные, самостоятельные по смыслу высказывания или цепочки высказываний, связанные с определенной коммуникативной ситуацией, можем сделать вывод о том, что данные речевые / лексические единицы представляют целостные отрезки действительности, которые несут определенное лексическое значение и служат определенной коммуника-

тивной цели в рамках научного и публицистического дискурса.

Сравнительный анализ приведенных контекстов – случаев употребления экологического термина **habitat** в английском языке и соответствующего ему термина **среда обитания** в русском языке – позволил прийти к заключению, что свои наиболее частотные и коммуникативно важные значения, а именно: *среда / место обитания, ареал; относящийся к среде / месту обитания; естественная / природная среда; место; жилище, убежище* – термин **habitat** реализует по большей части в научном дискурсе. В этих контекстах он сохраняет свое первоначальное естественнонаучное значение, оставаясь в сфере научной проблематики с её рациональным подходом и объективным отношением к предмету высказывания. Содержание, как видим, отличается наличием различных понятий, суждений и умозаключений, которые приведены в отвлеченно-обобщенной и безличной манере изложения, что соответствует основной прагматической цели *научного дискурса* – дать достоверное представление о мире, основанное на фундаментальных знаниях о действительности.

Однако встречаются случаи, когда узкоспециальные научные термины детерминологизируются и становятся общеупотребительными лексическими единицами, применяемыми и в других коммуникативных сферах. Так, например, произошло с английской лексемой **habitat** в значении *позиция на игровом поле*, которое в своем употреблении вышло за пределы научной речи и нашло применение *в спортивной сфере*, или слово **Habitat**, которое теперь входит в названия *международных общественных организаций*, занимающихся вопросами устойчивого развития городов и других населенных пунктов, а также проблемами проживания в них людей (**UN Habitat, Habitat for Humanity**). Стоит отметить, что в процессе сравнительного анализа различных контекстов, выявлено, что этот английский термин заимствован и русским языком приемом транслитерации с той же коммуникативной целью (**ООН-Хабитат, Хабитат для человечества**).

В свою очередь следует отметить, что русский термин **среда обитания** преимущественно реализуется в *публицистическом дискурсе*, где он получил активное семантическое развитие и приобрел яркий социальный характер путем детерминологизации и перехода в другие контексты. Анализ эмпирического материала позволил прийти к выводу о том, что социально релевантные значения

социальная среда, окружающее пространство, место распространения, родная земля значительно преобладают по степени частотности их использования в публицистических контекстах над естественно-научными значениями *естественная / природная среда, среда / место обитания, ареал*. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что содержание *публицистического дискурса* отражает социально-значимую информацию о человеке и обществе в целом.

Кроме того, в таких значениях, как *способ существования, окружение*, проявляется особая функция *публицистического дискурса* – вместе с передачей информации передается и оценка автора определенного контекста, описывающего конкретную коммуникативную ситуацию, преследующую цель повлиять на мысли адресата посредством убеждения, внушения и манипулирования. Этот потенциал, как видим, вербализируется через использование особых языковых средств (многозначность слов, эмоционально-экспрессивная лексика, риторические вопросы, восклицания и др.), а также через личностно-ориентированное взаимодействие автора с читателем публицистического текста. Все эти коммуникативные методы и приемы позволяют читателю наглядно увидеть в приведенных контекстах иронический подтекст, оценить живость и динамичность публицистического дискурса.

Заключение

Вышеизложенный в настоящей работе теоретический и эмпирический материал позволяет сделать вывод о том, что любой тип дискурса, включая *научный* и *публицистический*, является сложным коммуникативным явлением, в основе которого лежит *высказывание* как предельный сегмент дискурса, обладающий *смысловой независимостью* и *коммуникативной ориентированностью*. Процесс порождения дискурса состоит в том, что адресант произносит соответствующее высказывание-реплику (группу высказываний), и этот процесс является его реакцией на возникшую проблемную ситуацию. Другими словами, в дискурсе происходит взаимодействие между языком и действительностью, которое, в конечном итоге, порождает соответствующее данной ситуации высказывание-реплику, а также способствует усвоению общечеловеческих знаний и миропониманию.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс : уч. пос. для студ. филол. спец. вузов. Москва : Академия, 2007. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Ахтаева Л. А. Научный дискурс как специфическая разновидность дискурсивной деятельности // Молодой ученый. 2010. № 7 (18). С. 144–150.
5. Бабаян В. Н. Об основных категориях и типах дискурса // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2008. № 6. С. 95–100.
6. Бабаян В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2017. № 1. С. 76–81.
7. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Москва : Русское слово, 1996. 731 с.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва : Прогресс, 1974. 446 с.
9. Боженкова Н. А. Общая теория дискурса : методические указания для подготовки преподавателей к проведению практических занятий / Юго-Зап. гос. ун-т; сост. : Н. А. Боженкова, Д. В. Атанова. Курск, 2016. 106 с.
10. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса : уч. пособие. Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. 112 с.
11. Гак В. Г. Высказывание // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва : Советская энциклопедия, 1998. С. 90.
12. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : КомКнига, 2006. 144 с.
13. Горелов И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. Москва : Лабиринт, 2001. 304 с.
14. Гутнер М. Д. Пособие по переводу с английского языка на русский общественно-политических текстов. Москва : Высшая школа, 1982. 164 с.
15. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.
16. Данилевская Н. В. «Старое» и «новое» как структурные компоненты научного знания // Изменяющийся языковой мир : доклады на междунар. науч. конф. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. С. 131–139.
17. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ. Москва : Прогресс, 1989. 310 с.
18. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста // Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов. 1982. № 39. 108 с.
19. Емельянова Е. И. Анализ дискурса как лингвистической единицы, определяющей речевое обще-

ние, его прагмалингвистическая и когнитивная организация // Общее и прикладное языкознание. Ученые записки... 2018. № 1 (61). С. 22–28.

20. Калажокова Р. З. Дискурс : разновидности, специфика, мнения // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1403–1405.

21. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Москва : Гнозис, 2004. 390 с.

22. Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация : вступительная статья. Москва : Прогресс, 1989. С. 5–11.

23. Кибрик А. А. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего / А. А. Кибрик, В. И. Подлеская // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. Вып. 1 / под ред. В. Д. Соловьёва. Москва : Институт психологии РАН, 2006. С. 138–158.

24. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (в аспекте культуры речи) // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения : тезисы межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2008. С. 70–71.

25. Колесникова Н. И. Категория интертекстуальности в научных текстах магистрантов и аспирантов (методический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 3 (45). Ч. 1. С. 100–103.

26. Котурова М. П. Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие / М. П. Котурова, Е. А. Баженова. Москва : Флинта; Наука, 2008. 280 с.

27. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.

28. Ляпун С. В. Газетная публицистика в парадигме лингвистических исследований XXI в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 109–115.

29. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.03.2025).

30. Немец Г. Н. Публицистический дискурс как методологический конструкт // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 86–91.

31. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Вып. VIII. Москва : Прогресс, 1978. 479 с.

32. Орлов Г. А. Современная английская речь. Москва : Высшая школа, 1991. 240 с.

33. Павлушкина Н. А. Релевантность массовой прессы как основа взаимодействия с аудиторией // СМИ в современном мире : Петербургские чтения : тезисы межвуз. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2010. С. 254–255.

34. Присяжнюк Т. А. Дискурс печатных СМИ vs. Газетно-публицистический стиль / Т. А. Присяжнюк, Р. З. Назарова // Известия Саратовского университета. Серия : Филология. Журналистика. 2012. № 4. С. 102–106.

35. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. Москва : Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 35–73.

36. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 798 с.

37. Тюкина Л. А. К вопросу о единице диалогического дискурса / Л. А. Тюкина, В. Н. Бабаян // Лингводидактика в неязыковом вузе : традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 14–16 мая 2020 года. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2020. С. 20–23.

38. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности / сост., пер. с фр., комментарий и послесловие С. Табачковой; общ. ред. А. Пузырева. Москва : Касталь, 1996. 447 с.

39. Чвягина Т. В. О некоторых особенностях перевода английских экологических терминов // Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова : сб. материалов всероссийской научной конференции. Ярославль : ЯрГУ, 2018. С. 139–144.

40. Чвягина Т. В. Сопоставительный анализ семантики лексических единиц НАВИТАТ/СРЕДА ОБИТАНИЯ // Сопоставительные исследования 2017 : сб. научных трудов III Всероссийской научной конференции. Вып. 14. Воронеж : издательство «Истоки», 2017. С. 123–126.

41. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. Москва : КомКнига, 2006. 128 с.

42. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

43. Dijk T. A. Some Aspects of Text Grammars. A Study in theoretical Linguistics and Poetics. The Hague-Paris, 1972. 375 p.

44. National British Corpus (BYU-BNC). URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 21.02.2025).

45. NOW Corpus (News on the Web). URL: <http://corpus.byu.edu/now/> (дата обращения: 10.03.2025).

Reference list

1. Alefirenko N. F. Teorija jazyka. Vvodnyj kurs : uch. pos. dlja stud. filol. spec. vuzov = Theory of language. Introductory course: teaching aid for universitn students of philological specialty. Moskva : Akademija, 2007. 384 s.

2. Arutjunova N. D. Diskurs = Discourse // Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Jarceva. 2-e izd. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. S. 136–137.

3. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and human world. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
4. Ahtaeva L. A. Nauchnyj diskurs kak specificheskaja raznovidnost' diskursivnoj dejatel'nosti = Scientific discourse as a specific type of discursive activity // Molodoj uchenyj. 2010. № 7 (18). S. 144–150.
5. Babajan V. N. Ob osnovnyh kategorijah i tipah diskursa = On the main discourse types and categories // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. Rjazan', 2008. № 6. S. 95–100.
6. Babajan V. N. Razlichnye podhody k opredeleniju ponjatija «diskurs» i ego osnovnye harakteristiki = Different approaches to defining the concept «discourse» and its main characteristics // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2017. № 1. S. 76–81.
7. Bahtin M. M. Sobranie sochinenij = Collected Works. Moskva : Russkoe slovo, 1996. 731 s.
8. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika = General Linguistics. Moskva : Progress, 1974. 446 s.
9. Bozhenkova N. A. Obshhaja teorija diskursa = General theory of discourse: metodicheskie ukazaniya dlja podgotovki prepodavatelej k provedeniju prakticheskikh zanjatij / Jugo-Zap. gos. un-t; sost. : N. A. Bozhenkova, D. V. Atanova. Kursk, 2016. 106 s.
10. Borbot'ko V. G. Jelementy teorii diskursa = Elements of discourse theory: uch. posobie. Groznyj : Izd-vo Checheno-Ingush. gos. un-ta, 1981. 112 s.
11. Gak V. G. Vyskazyvanie = Utterance // Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Jarceva. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1998. S. 90.
12. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as a object of linguistic research. Moskva : KomKniga, 2006. 144 s.
13. Gorelov I. N. Osnovy psiholingvistiki = Basic psycholinguistics / I. N. Gorelov, K. F. Sedov. Moskva : Labirint, 2001. 304 s.
14. Gutner M. D. Posobie po perevodu s anglijskogo jazyka na russkij obshhestvenno-politicheskikh tekstov = Manual for translating socio-political texts from English into Russian. Moskva : Vysshaja shkola, 1982. 164 s.
15. Danilevskaja N. V. Rol' ocenki v mehanizme razvertyvaniya nauchnogo teksta = The role of assessment in the mechanism of developing scientific text. Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2005. 360 s.
16. Danilevskaja N. V. «Staroe» i «novoe» kak strukturnye komponenty nauchnogo znanija = «Old» and «new» as structural components of scientific knowledge // Izmenjajushhij jazykovoj mir : doklady na mezhdunar. nauch. konf. Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2002. S. 131–139.
17. Dejk T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija = Language. Cognition. Communication : sb. rabot. Moskva : Progress, 1989. 310 s.
18. Dem'jankov V. Z. Anglo-russkie terminy po prikladnoj lingvistike i avtomaticheskoy pererabotke teksta. Metody analiza teksta = English-Russian terms in applied linguistics and automatic text processing. Text analysis methods // Vsesojuzn. centr perevodov. Tetradi novyh terminov. 1982. № 39. 108 s.
19. Emel'janova E. I. Analiz diskursa kak lingvisticheskoy edinicy, opredelajushhej rechevoe obshhenie, ego pragmalingvisticheskaja i kognitivnaja organizacija = Analysis of discourse as a linguistic unit determining speech communication, its pragmatic, linguistic and cognitive organization // Obshhee i prikladnoe jazykoznanie. Uchjonye zapiski... 2018. № 1 (61). S. 22–28.
20. Kalazhokova R. Z. Diskurs : raznovidnosti, specifika, mnenija = Discourse: varieties, specificity, opinions // Molodoj uchenyj. 2015. № 10 (90). S. 1403–1405.
21. Karasik V. I. Jazykovoj krug : lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Moskva : Gnozis, 2004. 390 s.
22. Karaulov Ju. N. Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa = From text grammar to cognitive discourse theory / Ju. N. Karaulov, V. V. Petrov // T. A. van Dejk. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija : vstupitel'naja stat'ja. Moskva : Progress, 1989. S. 5–11.
23. Kibrik A. A. Problema segmentacii ustnogo diskursa i kognitivnaja sistema govorjashhego = The problem of oral discourse segmentation and the speaker's cognitive system / A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaja // Kognitivnye issledovanija : sb. nauch. tr. Vyp. 1 / pod red. V. D. Solov'jova. Moskva : Institut psihologii RAN, 2006. S. 138–158.
24. Klushina N. I. Intencional'nye kategorii publicisticheskogo teksta (v aspekte kul'tury rechi) = Intentional categories of journalistic text (the aspect of speech culture) // Sredstva massovoj informacii v sovremennom mire. Peterburgskie chtenija : tezis mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 2008. S. 70–71.
25. Kolesnikova N. I. Kategorija intertekstual'nosti v nauchnyh tekstah magistrantov i aspirantov (metodicheskij aspekt) = The category of intertextuality in scientific texts of master's and postgraduate students (methodological aspect) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2015. № 3 (45). Ch. 1. S. 100–103.
26. Kotjurova M. P. Kul'tura nauchnoj rechi : tekst i ego redaktirovanie = Culture of scientific speech: text and editing it: ucheb. posobie / M. P. Kotjurova, E. A. Bazhenova. Moskva : Flinta; Nauka, 2008. 280 s.
27. Krasnyh V. V. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii = Basic Psycholinguistics and Communication Theory: kurs lekcij. Moskva : ITDGK «Gnozis», 2001. 270 s.
28. Ljapun S. V. Gazetnaja publicistika v paradigme lingvisticheskikh issledovanij XXI v. = Newspaper journalism in the paradigm of linguistic studies in XX century // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2 : Filologija i iskusstvovedenie. 2011. № 1. S. 109–115.
29. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian Language. URL:

<http://www.ruscorpora.ru/> (data obrashhenija: 21.03.2025).

30. Nemec G. N. Publicisticheskij diskurs kak metodologicheskij konstrukt = Publicistic discourse as a methodological construct // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. 2010. № 3. S. 86–91.

31. Nikolaeva T. M. Kratkij slovar' terminov lingvistiki teksta = Concise dictionary of linguistics text terms // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvistika teksta. Vyp. VIII. Moskva: Progress, 1978. 479 s.

32. Orlov G. A. Sovremennaja anglijskaja rech' = Modern English speech. Moskva: Vysshaja shkola, 1991. 240 s.

33. Pavlushkina N. A. Relevantnost' massovoj pressy kak osnova vzaimodejstviya s auditoriej = Relevance of the mass media as a basis for interacting with the audience // SMI v sovremennom mire: Peterburgskie chtenija: tezisy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. Sankt-Peterburg, 2010. S. 254–255.

34. Prisjazhnjuk T. A. Diskurs pechatnyh SMI vs. Gazetno-publicisticheskij stil' = Print media discourse vs. newspaper-journalistic style / T. A. Prisjazhnjuk, R. Z. Nazarova // Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2012. № 4. S. 102–106.

35. Stepanov Ju. S. Al'ternativnyj mir, diskurs, fakt i princip prichinnosti = Alternative world, discourse, fact and the principle of causality // Jazyk i nauka konca 20 veka / pod red. Ju. S. Stepanova. Moskva: In-t jazykoznanija RAN, 1995. S. 35–73.

36. Testelec Ja. G. Vvedenie v obshhij sintaksis = Introduction to general syntax. Moskva: Rossisk. gos. humanit. un-t, 2001. 798 s.

37. Tjukina L. A. K voprosu o edinice dialogicheskogo diskursa = Towards the question of the dialogical discourse unit / L. A. Tjukina, V. N. Babajan // Lingvodidaktika v neязыkovom vuze: tradicionnye i

innovacionnye podhody: sbornik nauchnyh statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Jaroslavl', 14-16 maja 2020 goda. Jaroslavl': Izd-vo JaGTU, 2020. S. 20–23.

38. Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti = The Will to the truth: beyond knowledge, power and sexuality / sost., per. s fr., komentarii i posleslovie S. Tabachkovoj; obshh. red. A. Puzyreva. Moskva: Kastal', 1996. 447 s.

39. Chvjagina T. V. O nekotoryh osobennostjah perevoda anglijskih jekologicheskikh terminov = On some features of translating English ecological terms // Filologicheskie chtenija JarGU im. P. G. Demidova: sb. materialov vserossijskoj nauchnoj konferencii. Jaroslavl': JarGU, 2018. S. 139–144.

40. Chvjagina T. V. Sopostavitel'nyj analiz semantiki leksicheskikh edinic HABITAT/SREDA OBITANIJa = Comparative analysis of lexical units HABITAT/ SREDA OBITANIJa semantics // Sopostavitel'nye issledovanija 2017: sb. nauchnyh trudov III Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Vyp. 14. Voronezh: izdatel'stvo «Istoki», 2017. S. 123–126.

41. Chernjanskaja V. E. Interpretacija nauchnogo teksta = Science text interpretation. Moskva: KomKniga, 2006. 128 s.

42. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Political discourse semiotics. Moskva: ITDGK «Gnozis», 2004. 326 s.

43. Dijk T. A. Some Aspects of Text Grammars. A Study in theoretical Linguistics and Poetics. The Hague-Paris, 1972. 375 p.

44. National British Corpus (BYU-BNC). URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (data obrashhenija: 21.02.2025).

45. NOW Corpus (News on the Web). URL: <http://corpus.byu.edu/now/> (data obrashhenija: 10.03.2025).

Статья поступила в редакцию 18.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 18.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 8.37, 811.16

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-164

EDN: LYXRQR

Словацкое темпоральное наречие *neraz* на фоне немецких эквивалентов

Дарья Юрьевна Ващенко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения, Российская академия наук. 119991, г. Москва, Ленинский пр-т., д. 14

daranis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1628-3861>

Аннотация. В статье рассматривается словацкое наречие *neraz*, относящееся к семантической группе фреквентативных темпоральных наречий с общим значением многократно повторяемого действия и обладающее определенной спецификой значения, которая нуждается в дальнейшей верификации в контрастивно-сопоставительном аспекте. Работа выполнена на материале параллельного словацко-немецкого корпуса, входящего в Словацкий национальный корпус. К анализу привлекаются переводы с немецкого языка на словацкий, рассматриваются немецкие стимулы для словацкого *neraz*. Показано, что словацкое наречие имеет в немецких оригиналах значительный разброс стимулов, при этом контексты появления *neraz* в переводах достаточно стабильны. Таковыми являются: сопоставление прошлого и настоящего в ракурсе прошедших изменений; противопоставление говорящего некоторой группе лиц; противопоставление большего и меньшего множества со спецификацией последнего; указание на значимое отсутствие кого-либо; употребление темпорального наречия в контексте непосредственно проживаемой либо непосредственно наблюдаемой ситуации с ментальными, эмотивными и перцептивными предикатами. Основными стимулами для *neraz* в немецком языке являются, в порядке убывания вхождений в Параллельный корпус, наречия *oft* ‘часто’, а также формы компаратива от *oft*, то есть *öfter* и *öfters* ‘чаще’; *manchmal* ‘иногда’; *nicht selten* ‘не редко’, *schon* ‘уже’, *immer* ‘всегда’. Обширную группу составляют случаи безэквивалентного употребления *neraz*, где в немецком оригинале отсутствует какое-либо наречие; это высказывания с *es ist* ‘есть, бывает’, *es gibt* ‘есть, бывает’, *es kommt* ‘есть, происходит’, и контексты, предполагающие противопоставление прошлого и настоящего, либо говорящего окружающим. Все это позволяет говорить об определенной лингвоспецифичности словацкого фреквентативного наречия *neraz*, специфика которого состоит в маркировке ситуации, соотносимой в плане ее соответствия ожиданиям говорящего и принадлежности его личной сфере.

Ключевые слова: семантика; фреквентативность; темпоральные наречия; словацкий язык; параллельный корпус; немецкий язык; лингвоспецифичность

Для цитирования: Ващенко Д. Ю. Словацкое темпоральное наречие *neraz* на фоне немецких эквивалентов // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 164–171. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-164>. <https://elibrary.ru/LYXRQR>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Slovak temporal adverb *neraz* compared with its german equivalents

Daria Yu. Vashchenko

Candidate of philological sciences, senior researcher, Institute of slavic studies, Russian academy of sciences. 119991, Moscow, Leninsky avenue, 14

daranis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1628-3861>

Abstract. The article examines the slovak adverb *neraz*, which belongs to the semantic group of frequentative temporal adverbs with the general meaning of a repeated action and has a certain specificity of meaning, which requires further verification in the contrastive aspect. The work is based on the material of a parallel slovak-german corpus, part

of the Slovak national corpus. The analysis involves translations from German to Slovak; German incentives for the Slovak adverb *neraz* are considered. The author shows that the Slovak adverb has a significant variation of equivalents in the German originals, while the contexts of *neraz* in translations are quite stable. They are: comparing the past and the present in terms of past changes; contrasting the speaker with a certain group of people; contrasting a larger and smaller set with the specification of the latter; indicating the significant absence of someone; using a temporal adverb in the context of a directly lived or directly observed situation with mental, emotive and perceptual predicates. At the same time, the main incentives for *neraz* in German are, in descending order of entries in the Parallel Corpus, the adverbs *oft* 'often', as well as the forms of the comparative from *oft*, *öfter* and *öfters* 'more often'; *manchmal* 'sometimes'; *nicht selten* 'not infrequently', *schon* 'already', *immer* 'always'. There is an extensive group of cases with non-equivalent use of *neraz*, lacking any adverb in the German original; these are statements with *es ist* 'it is', *es gibt* 'there is', *es kommt* 'it's coming', and contexts suggesting the opposition of the past and the present, or the speaker and the others. All this leads to the conclusion about a certain linguistic specificity of the Slovak frequentative adverb *neraz*, the specificity of which consists in labeling the situation, correlated in terms of its compliance with the speaker's expectations and belonging to the speaker's personal sphere.

Key words: semantics; frequency; temporal adverbs; the Slovak language; parallel corpus; German language; linguistic specificity

For citation: Vashchenko D. Yu. Slovak temporal adverb *neraz* compared with its German equivalents. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):164–171. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-164>. <https://elibrary.ru/LYXRQR>

Словацкие наречия группы «часто»: корпусные и словарные данные

В статье будет рассматриваться словацкое темпоральное наречие, принадлежащее к семантической группе с общим значением «часто». Данное значение предполагает, что некоторая ситуация с большей или меньшей регулярностью повторяется, причем число повторов говорящий считает высоким – ср. в [Падучева, 2009, с. 234–235]: «особенность значений *часто* и *редко* в том, что они включают количественную оценку, основанную на понятии нормы». В словацком языке к группе «часто», согласно толковым и синонимическим словарям, относятся следующие лексемы, частотность которых мы приводим согласно её убыванию в Национальном корпусе словацкого языка (*Slovenský národný korpus*, далее SNK): *často* насчитывает 514 790 вхождений (312,08 на миллион), *neraz* – 63 807 (38,68 на миллион), у *viackrát* 43 153 вхождений (26,16 на миллион), у *mnohokrát* 16 333 (9,90 на миллион), у *veľakrát* 13 851 (8,40 на миллион), и у *častokrát* 9 964 (6,04 на миллион). Для сравнения приведем здесь частотность словацких фреквентативных наречий в корпусе *Araneum Slovacum VI Pentaplex Majus Beta* (далее AS), который по объему сопоставим с SNK, однако базируется на текстах из интернета и отражает не литературный, а обиходно-разговорный узус. В нем *často* представлено 541 348 вхождениями (433,10 на миллион), у *neraz* 31 123 вхождений (24,90 на миллион), у *viackrát* представлено 26 409 (21,10 на миллион), у *mnohokrát* 19 776 (15,80 на миллион), у *veľakrát* 15 679 (12,50 на миллион), наконец, у *častokrát*

17 671 (14,10 на миллион). Мы видим, что в обоих случаях основным наречием для группы является *často*, а встречаемость второго по частотности *neraz* ниже примерно в 10 раз в SNK и в 20 раз в AS. Подробнее о корпусах группы *Aranea* см. [Benko, 2014].

В статье мы хотели бы сосредоточиться на анализе наречия *neraz*. Отдельное рассмотрение данной леммы вызвано спецификой ее семантики на фоне остальных близких синонимов. В словацких толковых и синонимических словарях значение *neraz* описывается достаточно сжато. Так, имеющий кодификационный статус «Краткий словарь словацкого языка» [KSSJ] приводит в соответствующей словарной статье только синонимы *nie raz*, *často*, *veľa ráz*. В толковании для *neraz* в «Синонимическом словаре словацкого языка» [SSS] опять-таки не содержится развернутого определения, а в качестве синонимов указываются два наречия: *často* и *veľakrát*. Академический многотомный «Словарь современного словацкого языка» [SSSJ], который является наиболее современным и наиболее полным лексикографическим описанием литературного словацкого языка, выделяет у данного наречия два значения: «*neraz*... 1. в относительно интенсивной, регулярной частотности ... 2. повторение в различных интервалах...», то есть речь идет о том, что в значении *neraz* могут быть акцентированы как собственно фреквентативная сема (значение 2), так и экзистенциальная (значение 1).

Методика анализа

На русском материале различия между наречиями группы «часто» рассматривались в ракурсе актуального членения предложения – см. работы М. В. Всеволодовой, Е. В. Куликовой и Ф. И. Панкова [Панков, 2009; Всеволодова, Куликова, 2009; Всеволодова, Панков, 2009; Всеволодова, 2016], также более раннее исследование Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев, 1988]. Е. В. Степаныхева пишет также о семантических различиях между *часто* и *зачастую* [Степаныхева, 2010, с. 72–73]. В работе Е. С. Яковлевой различия между наречиями трактуются с позиции модальной отмеченности [Яковлева, 1994, с. 299–300].

Как мы постарались показать ранее в [Ващенко, 2021], в случае с *neraz* речь идет именно об обозначении качественной нестандартности маркируемой ситуации, когда речь идет не о нейтральной количественной множественности, а о множественности на фоне минимальных ожиданий говорящего. Дальнейшего прояснения требует специфика данного наречия относительно иноязычных эквивалентов: *neraz* будет рассмотрено на фоне его коррелятов в немецком языке, который имеет давнюю историю контактов со словацким языком. Славянско-немецкие семантические параллели анализируются в работах М. М. Кондратенко ([Кондратенко, 2013; Кондратенко, 2015; Кондратенко, 2016] и др.), где в том числе о сходствах и различиях в славянской vs немецкой картины мира говорится преимущественно в семиологическом ракурсе исследования на диалектном полиязычном материале.

Корпусно ориентированный контрастивный анализ лексики может производиться двумя методами, которые в идеале должны дополнять друг друга. В первом случае рассматриваются сочетаемостные характеристики лексем в отдельных языках, полученные результаты сопоставляются, что позволяет выявить принципы, по которым строится конфигурация семантической группы в каждом языке. Второй метод, применяемый в статье, состоит в обращении к параллельному корпусу и в установлении возможных соответствий для выбранных лексем.

Словацко-немецкий параллельный корпус в том варианте, на котором основывается наше исследование (par-skde 3.0), включает в себя 468 млн. токенов, 318 млн. слов и базируется по большей части на произведениях художественной литературы. Особенность работы с ним состоит в том, что преобладающую часть здесь составляют

переводы с немецкого языка на словацкий, либо же с третьего языка на словацкий и немецкий. Переводы со словацкого на немецкий доступны в ограниченном объеме, выборка параллельных текстов будет репрезентативной лишь у частотных лексем – для *neraz* она составляет всего порядка 15 примеров, поэтому мы будем рассматривать лишь то, эквивалентом каких немецких наречий может становиться данная лексема, сколько вхождений имеет соответствующий коррелят, и каковы основные контексты его употребления. Хотя мы осознаем, что для полной картины необходим двунаправленный анализ, применяемая в статье методика представляется нам правомерной и достаточной минимум для дальнейшей спецификации значения словацкого наречия – ср. в работе Д. О. Добровольского и А. А. Зализняка «...исследование „стимулов“ появления той или иной языковой единицы в переводе может выявить неочевидные компоненты значения этой единицы» [Добровольский, Зализняк, 2022, с. 801].

Немецкие стимулы словацкого наречия *neraz*

1. Наиболее обширную группу соответствий составляют случаи, когда в качестве стимула выступает немецкое наречие *oft* ‘часто’ (277 вхождений). Это может быть:

1.1. Констатация события – речь о некоторых существенных изменениях в настоящем сравнительно прошлого, либо о противопоставлении «говорящий / окружающие».

1) Es ist **oft** etwas bestimmt worden, was später anders wurde, antwortete der Häuptling. // **Neraz** sa stáva, že sa pôvodné rozhodnutie musí zmeniť, odvetil náčelník. // **Часто** бывает, что первоначальное решение приходится изменить, ответил командир.

2) Das läßt sich nicht ändern, und **so oft** ich auch in Lebensgefahr gewesen bin, daran hab' ich nie gedacht. // Viete, i ja som **už neraz** bol v nebezpečenstve, ale na to som akosi nemyslel. // Вы знаете, и я уже **не раз** был в трудной ситуации, но об этом я как-то не думал.

1.2. Употребление с ментальными предикатами в контекстах вида «часто думает», «часто чувствует». Говорится о значимом отсутствии кого-либо вне сравнения с прошедшим.

4) Habe **oft**, wenn von Euch die Rede war, gedacht, wie sehr ich mich freuen würde, wenn ich Euch einmal zu sehen bekäme. // Ked' som počul o vás hovoriť, **neraz** som si pomyslel, že by ma nadmieru tešilo zoznámiť sa s vami. // Когда я только

услышал, что говорят о Вас, я **не раз** думал, что мне бы было бы несказанно приятно познакомиться с Вами.

Сюда же примыкают контексты с перцептивными предикатами. Ср. примеры, где показано не значимое отсутствие, но значимое наличие.

5) Habe **oft** davon gehört, daß Ihr mit List und heiler Haut Dinge fertig zu bringen versteht, die andre mit blutigen Opfern nicht erreichen würden. // Už som **neraz** počul, že ste ľstou bez krviprelatia dosiahli, čo iní nemohli ani krvavými obeťami. // Я уже **не раз** слышал, что лестью без кровопролития вы добивались того, что иным не удавалось даже при помощи кровавых жертв.

2. *Manchmal* ‘иногда’ фигурирует в качестве стимула 75 раз.

2.1. Обозначение «крайних» ситуаций – в переводе употребляются словосочетания *neraz dokonca* ‘иногда даже’ (6), *neraz aj* ‘иногда даже’ (7):

6) Und **manchmal** rief er: // **Neraz dokonca** skríkol: // **Иногда** он даже выкрикивал:

7) **Manchmal** kehren sie aber auch wieder zu den Ihrigen zurück, – sagte der Alte mit etwas freudigerer Stimme. // Ale **neraz** sa aj vrátia, – povedal starec pokojnejším hlasom. // Но **иногда** они могут вернуться, – сказал старик уже более спокойным голосом.

2.2. Наречие обозначает подмножество в рамках более широкого множества.

8) **Häufig** weilte er in Montepoort, **manchmal** als Gast des Musikmeisters, **manchmal** als Teilnehmer an einem musikgeschichtlichen Seminar. // **Často** býval v Montepoorte, **neraz** ako hosť majstra hudby, **neraz** aj ako účastník nejakého hudobnohistorického seminára. // Он **часто** бывал в Монтепорте, **иногда** как гость известного музыканта, **иногда** в качестве участника музыкально-исторического семинара.

2.3. Обширную группу составляет употребление наречия с ментальными предикатами, чаще в контексте воспоминаний на фоне перемен:

9) **Manchmal** glaube ich, ich war glücklicher, als mein Vater Lucius mich mit der Rute schlug wie einen unbeugsamen Sklaven. // **Neraz** si myslím, že som bol šťastnejší, keď ma môj otec Lucius mlátil palicou ako neposlušného otoka. // **Порой** я думаю, что был счастливее, когда мой отец Луций молотил меня палкой, как непослушного раба.

3. Стимулом для *neraz* может служить компаратив от *oft*: *öfter* ‘чаще’ (19 вхождений), *öfters* ‘чаще’ (15 вхождений).

3.1. Противопоставляются прошлое / настоящее, настоящее экзemplифицирует прошлое.

(10) Ich spürte den Magen – wie **öfter** in der letzten Zeit, nicht schlimm, nicht schmerzhaft, ich spürte nur, dass man einen Magen hat, ein blödes Gefühl. // Pocítil som si žalúdok – ako **už neraz** v poslednom čase – nie v zlom, nie bolestivo, iba som pocítil, že ho mám, hlúpy pocit. / Я почувствовал свой желудок – как бывало уже **не раз** в последнее время – это не боль или что-то дурное – просто почувствовал, что он у меня есть, глупое ощущение.

В оригинале может быть употреблена конструкция *schon öfter*, *schon öfters* досл. ‘уже (даже) чаще’: ситуация многократно повторялась в прошлом и потому реализуема в настоящем.

11) Das hatte den drei Detektiven bei ihren Recherchen **schon öfters** geholfen. // Trom pátračom to **už neraz** pomohlo pri ich výskumoch. // Трем следователям это **уже не раз** помогло в работе.

Сюда же примыкают контексты вида «часто бывает», «часто будет», говорится о нестандартной, но распространенной ситуации:

12) Das gibt es ja **öfter**, daß Leute mit ihren Pfunden auch den letzten Rest an Vitalität verlieren. // **Neraz** sa stáva, že ľudia strácajú s kilami aj posledné zvyšky vitality. / **Часто** бывает, что люди вместе с килограммами теряют последние остатки витальности.

13) Vor dieser Klippe werden wir im Verlauf unseres Gesprächs **noch öfter** stehen! // V našom rozhovore ešte **neraz** nadabíme na tento kameň úrazu! / В нашем разговоре мы еще **не раз** встретимся с этим камнем преткновения!

3.2. Противопоставляются большее и меньшее множества – в (15) идет градация по степени нагнетения эмоций – в оригинале оба раза употреблено наречие *öfters*, в переводе более спокойные новости маркированы *často*, более пугающие – через *neraz*.

14) **Öfters** lese ich von Ruhe und Festigkeit, **öfters** freilich vorläufig noch von anderem und zum Schluß gar: «reelní hrůza». // **Často** v nich čítam o pokoji a pevnosti, **neraz** však zatiaľ aj o všeličom inom, ba na záver dokonca: «reelní hrůza». / **Часто** я читаю в них о покое и силе, при этом **не раз** также обо всем ином, и даже в конце: «реelní hrůza».

4. Выражение *mehr als einmal* досл. ‘больше, чем один раз’ в качестве стимула встречается 29 раз.

4.1. Употребление при ментальных предикатах, когда речь идет о сильных эмоциях (15); об отрицании чего-либо (16):

15) *Mehr als einmal* hatte er den Tag, an dem er Hella in das Geheimnis seiner Entdeckung eingeweiht hatte, verflucht. // *Neraz* preklial deň, keď Hellu zasvätil do svojho objavu. // *He raz* он проклял тот день, когда посвятил Геллу в свое открытие.

16) *Mehr als einmal* wies er das Persönliche ihm gegenüber klar und scharf zurück. // *Neraz* jasne a ostro odmietol všetko osobné voči sebe. // *He raz* он ясно и остро отвергал все личное вокруг себя.

4.2. Высказывание с темпоральным наречием содержит подтверждение наблюдаемой ситуации:

17) Auf reines Wasser war da zwar nicht zu hoffen, aber das giebt es in Gran Chaco außerhalb der Flüsse überhaupt nicht, und ich hatte schon *mehr als einmal* aus Pfützen getrunken. // Pravda, netešili sme sa klamnou nádejou, že azda natrafíme na čistú vodu, tej v Gran Chacu vôbec niet, iba v prameňoch, *neraz* som už pil vodu aj z kaluží. // Правда, мы не тешили себя бесплодной надеждой, что найдем вдруг чистую воду, её в Гран Чаке вообще нет, только в источниках, *не раз* я пил воду даже из канавы.

5. Большую группу вхождений представляют случаи с наречием *nicht selten* ‘нечасто’ (23 вхождения).

5.1. Речь о нежелательной, по мнению говорящего, ситуации.

18) Es bedeutet weiterhin, dass es Unfug ist, das Mysterium, wie es freilich *nicht allzu selten* geschieht, als Ausflucht für das Versagen des Verstandes vorzuschützen. // A ešte to znamená, že je neprípustné, ako sa to *neraz* deje, predstierať tajomstvo ako výhovorku tam, kde zlyhal rozum. / А еще это означает, как это *не раз* бывает, что недопустимо прикрываться таинством там, где бессилён разум.

19) Er ließ sich am Ende *nicht selten* herab, sie zu bitten, doch wieder gut zu sein. // A naostatok sa *neraz* znížil až k tomu, že ju poprosil, nech sa nehnevá. / В итоге он *порой* унижался даже до того, что просил ее, чтобы она не сердилась.

5.2. Повторяемость ситуации, маркированной наречием, есть следствие положения дел в прошлом.

20) Er hatte mich nun eingefangen und interessiert, und ich blieb eine kleine Weile bei ihm, und von da an kam es *nicht selten* vor, daß wir auf der Treppe oder auf der Straße... // Zaujal ma, upútal, chvíľu som ostal uňho a odvtedy sme sa *neraz* pristavili na kus reči, keď sme sa stretli na schodoch alebo na ulici. / Он заинтересовал меня, привлек внимание, я ненадолго зашел к нему и с тех пор мы *часто* останавливались перекинуться

словом, когда встречались на улице или на лестнице.

6. В 28 случаях *neraz* в немецком оригинале соответствуют конструкции с наречием *schon* ‘уже’. Говорится о непосредственно наблюдаемой ситуации:

21) Hat man *schon* erlebt. // *Neraz* sme to zažili. // Мы *уже не раз* это испытали.

22) Mein Mann kennt *das schon*, ich renne einfach wortlos, peinlich berührt und lachend aus aufregenden Diskussionen weg und schließe mich im Gästeklo ein. // Môj muž *neraz* zažil, že počas vážnej diskusie bez slova náhle vyskočím a zavriem sa na záchode. // Мой муж *не раз* видел, что во время серьезных споров я могу не говоря ни слова, выскочить вон и запереться в туалете.

7. 13 вхождений насчитывает наречие *immer* ‘всегда’ из них 7 – в составе конструкции *immer wieder* в значении ‘всё ещё’:

23) Ich hab' *immer* gehört, daß die Sachsen die gemütlichsten Kerle sind. // *Neraz* som už počul, že Sasi sú dobrosrdeční ľudia. / Я *несколько раз* слышал, что саксонцы добросердечные люди.

24) Im Laufe der letzten Jahre haben wir *immer wieder* die Erfahrung gemacht, dass Erwachsene uns erst glauben, wenn wir handfeste Beweise in der Hand haben. // Za posledné roky sme *neraz* skúsili, že dospelí nám uveria až vtedy, keď máme v rukách neklamné dôkazy. / За последние годы мы *часто* сталкивались с тем, что взрослые нам верят лишь тогда, когда у нас на руках неопровержимые доказательства.

8. Наконец, рассмотрим случаи безэквивалентного употребления *neraz*.

8.1. В немецком языке употреблена конструкция вида *es ist* ‘есть, бывает’ (26), *es gibt* ‘есть, бывает’ (27). В словацком языке появляется *neraz*, подчеркивающее несоответствие ситуации представлениям говорящего о норме:

25) Und *es ist* überhaupt komisch mit dem Wünschen. // A vôbec, naše želania bývajú *neraz* smiešne. // И вообще, наши желания *порой* бывают смешными.

26) *Es gibt* Verhältnisse, die man zwar durchmachen und erleben kann, niemals aber in einem Buche miterzählen darf. // *Neraz* sa človek dostane do takých okolností, ktoré musí prekonať a prežiť, ale o ktorých nemôže písať v knihe. // *Порой* человек попадает в такие обстоятельства, которые он должен преодолеть и пережить, но которые он не сможет описать в книге.

8.2. В контексте утверждается существование некой значимой ситуации в прошлом:

27) «Ja, *das wollte er*», bestätigt der Freund. // «Áno, *neraz* to spomínal», prisvedčí jeho priateľ. // «Да, он *не раз* вспоминал об этом», подтверждает его друг.

28) Die Male, die sie diese Methode angewendet hatten, waren sehr erfolgreich verlaufen. // Táto metóda sa im *neraz* veľmi osvedčila. / Этот метод у них *не раз* доказывал свою эффективность.

8.2. Говорящий может противопоставляться третьему лицу:

29) Wenn mein Vater früher in wilden aber leeren Drohungen zu sagen pflegte: // Kedysi sa mi otec *neraz* zúrivo, no zbytočne vyhrážal: / Когда-то мне отец *подчас* яростно, но напрасно угрожал.

8.3. Контекст предполагает противопоставление двух ситуаций вида «наступает Y, несмотря на то, что X». В словацком языке одну из них маркирует *neraz*, в немецком наличие наречия необязательно.

30) Zwar wurden sie erst dreizehn Jahre alt, aber sie hatten Jagdgeschick bewiesen. // Mali síce ešte len trinásť rokov, no *neraz* už preukázali svoju šikovnosť. // Им было всего тринадцать, но они уже *не раз* доказывали свою ловкость.

Выводы

Основным эквивалентом *neraz* в немецком языке является наречие *oft* ‘часто’. *Neraz* соответствует ему, если актуальная ситуация сравнивается с предшествующей в аспекте изменений; частотным является употребление с ментальными и перцептивными предикатами при обозначении значимого отсутствия / наличия кого-либо. Вместе с тем словацкое *neraz* обнаруживает в немецком языке большой разброс иных стимулов. Оно служит эквивалентом немецкого *manchmal*: при обозначении «крайних» ситуаций, и при маркировке подмножества в рамках более широкого множества. Стимулами могут становиться формы компаратива от *oft*; конструкция *mehr als einmal*, в контексте противопоставления настоящего и прошлого / большего и меньшего множеств (более типичного vs менее типичного); маркировка значимого отсутствия. Еще одним немецким эквивалентом *neraz* является *nicht selten*; значимую группу составляют конструкции с *schon, immer*, где *neraz* появляется при описании непосредственно наблюдаемой ситуации. Обширную группу представляют случаи безэквивалентного употребления *neraz*, в немецком оригинале отсутствует какое-либо наречие: сюда относятся экзистенциальные высказывания с *es ist, es gibt, es kommt*; контексты, предполагающие противопо-

ставление прошлого и настоящего; значимое соотношение говорящего группой лиц. Перечисленное позволяет говорить об определенной лингвоспецифичности *neraz*. Согласно утверждению А. А. Шмелева, «...для проникновения в семантические секреты русских лингвоспецифичных слов более показательным может оказаться анализ переводов не с русского языка, а на русский язык. В самом деле, если лингвоспецифичное слово появляется в переводе, закономерным оказывается вопрос, какие особенности оригинала побуждают переводчика употребить это слово...» [Шмелев, 2025, с. 590], что подтверждает правомерность использования модели «немецкий стимул / словацкий перевод» для подобных выводов. См. в работе А. А. Зализняк: «если мы рассматриваем некоторую лексическую единицу (ЛЕ) интересующего нас языка, то ее лингвоспецифичность тем более вероятна, чем больше имеющих приблизительно равную частотность „моделей перевода“ она имеет; чем более неоднословными они являются; чем чаще при переводе происходит замена части речи (напр. существительному соответствует глагол); чем больше количество имеющих приблизительно равную частотность „стимулов перевода“; чем более неоднословными являются эти „стимулы“; чем в большем проценте случаев в иностранном оригинале вообще отсутствует какая-либо единица-„стимул“» [Зализняк, 2025, с. 655–656]. Применительно к нашему материалу мы видим большой разброс «дополнительных стимулов» наряду с основным, при этом эти стимулы примерно сопоставимы по частотности; среди этих стимулов существенную роль играют неоднословные номинации; и кроме того, значимую группу здесь составляют случаи безэквивалентного употребления словацкого наречия. Особенность *neraz* состоит в маркировке ситуации, соотносимой в плане ее соответствия ожиданиям говорящего и принадлежности его «личной сфере», что в немецкой системе фреквентативных наречий не наблюдается.

Библиографический список

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Механизмы квантификации в русском языке: семантика количественной оценки // Референция проблемы текстообразования. Москва, 1988. С. 5–18.
2. Ващенко Д. Ю. Словацкие наречия группы «часто»: проблема квазисинонимии // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 152–174.
3. Всеволодова М. В. Язык как система и проблемы объективной грамматики // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 3. С. 7–37.

4. Всеволодова М. В., Куликова Е. В. Грамматика словосочетаний в контексте функциональнокоммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 4. С. 67–88.
5. Всеволодова М. В., Панков Ф. И. К вопросу о категориальном характере актуального членения и его роли в русском высказывании. Статья вторая. Коммуникативная парадигма слова // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 1. С. 9–33.
6. Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Немецко-русский параллельный корпус как инструмент исследования модальности долженствования: о семантических различиях между *müssen* и *sollen*. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19 (4). С. 799–820.
7. Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог». Вып. 14 (21). Москва, 2015. С. 651–662.
8. Кондратенко М. М. О семантических параллелях и заимствованиях в немецких и славянских диалектах // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I. С. 133–136.
9. Кондратенко М. М. Обозначение времени в славянских говорах // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 150–153.
10. Кондратенко М. М. Особенности диалектной семантики и проблема языковой картины мира // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 63–67.
11. Падучева Е. В. Наречие как кванторное слово // Падучева Е. В. Статьи разных лет. Москва, 2009. С. 231–244.
12. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Москва, 2009.
13. Степаныхева Е. М. К вопросу о грамматико-лексикографическом описании русских кванторных наречий (лингводидактический аспект // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2010. № 5. С. 69–79.
14. Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни». // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14 (21), т. I. Москва : Изд-во РГГУ, 2015. С. 584–594.
15. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Москва : Гнозис, 1994. 344 с.
16. Benko V. Aranea: Ďalšia rodina (porovnatel'nej) webovej korporácie. In: P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pálek (eds.), Text, reč a dialóg. 17. medzinárodná konferencia, TSD 2014. Brno, Česká republika, 8. – 20. september 2014. Zborník. LNCS 8655. Springer International Publishing Switzerland, 57–264. URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html. (дата обращения: 18.05.2025)
17. KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka, Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M., red., 4 výd., Bratislava, Veda. 2003, 985 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 14.05.2025)
18. SNK – Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения: 22.03.2025)
19. SSS – Synonymický slovník slovenčiny. Red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2004. 998 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 14.05.2025)
20. SSSJ – Slovník súčasného slovenského jazyka, 1, A – G, Buzássyová K., Jarošová A., eds., Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006, 1134 s.; 3, M – N, Jarošová A., ed., Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2015. 1100 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения: 14.05.2025)

Reference list

1. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Mehanizmy kvantifikacii v russkom jazyke: semantika kolichestvennoj ocenki = Quantification mechanisms in the Russian language: semantics of quantitative assessment // Referencija problemy tekstoobrazovanija. Moskva, 1988. S. 5–18.
2. Vashhenko D. Ju. Slovačské narečija grupy «chasto»: problema kvazisinonimii = Slovak adverbs of the «frequently» group: the problem of quasi-synonyms // Slavjanskij al'manah. 2021. № 3–4. S. 152–174.
3. Vsevolodova M. V. Jazyk kak sistema i problemy obektivnoj grammatiki = Language as a system and problems of objective grammar // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2016. № 3. S. 7–37.
4. Vsevolodova M. V., Kulikova E. V. Grammatika slovosochetanj v kontekste funkcional'no-kommunikativnoj lingvodidaktičeskoj modeli jazyka = Grammar of phrases in the context of the functional-communicative linguodidactic language model // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija. 2009. № 4. S. 67–88.
5. Vsevolodova M. V., Pankov F. I. K voprosu o kategorial'nom haraktere aktual'nogo chlenenija i ego roli v russkom vyskazyvanii. Stat'ja vtoraja. Kommunikativnaja paradigma slova = On categorical nature of actual division and its role in Russian utterance. Article two. The word communicative paradigm // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija. 2009. № 1. S. 9–33.
6. Dobrovol'skij D. O., Zaliznjak A. A. Nemecko-russkij parallel'nyj korpus kak instrument issledovanija modal'nosti dolzhenstvovanija: o semanticheskikh razlichijah mezhdju müssen i sollen = German-russian parallel corpus as a tool for studying the modality of obligation: on semantic differences between müssen and sol-

len.Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura. 2022. № 19 (4). S. 799–820.

7. Zaliznjak A. A. Lingvospecifichnye edinicy russkogo jazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza = Linguistically specific units of the Russian language in terms of contrastive corpus analysis // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: po materialam ezhegod. mezhdunar. konf. «Dialog». Vyp. 14 (21). Moskva, 2015. S. 651–662.

8. Kondratenko M. M. O semanticheskikh paralleljah i zaimstvovanijah v nemeckih i slavjanskikh dialektah = On semantic parallels and borrowings in German and Slavic dialects // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2013. № 3. T. I. S. 133–136.

9. Kondratenko M. M. Oboznachenie vremeni v slavjanskikh govorah = Time designation in Slavic dialects // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2015. № 1. S. 150–153.

10. Kondratenko M. M. Osobennosti dialektnoj semantiki i problema jazykovoj kartiny mira = Specifics of dialect semantics and the problem of linguistic worldview // Verhnevolszhskij filologičeskij vestnik. 2016. № 1. S. 63–67.

11. Paducheva E. V. Narechie kak kvantornoe slovo = Adverb as a quantifier word // Paducheva E.V. Stat'i raznyh let. Moskva, 2009. S. 231–244.

12. Pankov F. I. Funkcional'no-kommunikativnaja grammatika russkogo narechija = Functional and communicative grammar of the Russian adverb. Moskva, 2009.

13. Stepanycheva E. M. K voprosu o grammatiko-leksikograficheskom opisanii russkih kvantornyh narechij (lingvodidaktičeskij aspekt = On the issue of grammatical and lexicographic description of Russian quantifier adverbs (linguodidactic aspect) // Vestnik MGU. Serija 9: Filologija. 2010. № 5. S. 69–79.

14. Shmelev A. D. Russkie lingvospecifichnye leksicheskie edinicy v parallel'nyh korpusah: vozmozhnosti issledovaniya i «podvodnye kamni» = Russian linguistically specific lexical units in parallel corpora: research opportunities and pitfalls // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog». Vyp. 14 (21), t. 1. Moskva : Izd-vo RGGU, 2015. C. 584–594.

15. Jakovleva E. S. Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija) = Fragments of the Russian linguistic worldview (models of space, time and perception). Moskva : Gnozis, 1994. 344 s.

16. Benko V. Aranea: Ďalšia rodina (porovnatel'nej) webovej korporácie. In: P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pále (eds.), Text, reč a dialóg. 17. medzinárodná konferencia, TSD 2014. Brno, Česká republika, 8. – 20. september 2014. Zborník. LNCS 8655. Springer International Publishing Switzerland, 57–264. URL: http://unesco.uniba.sk/aranea_about/index.html. (data obrashhenija: 18.05.2025)

17. KSSJ – Krátky slovník slovenského jazyka, Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M., red., 4 vŕd., Bratislava, Veda. 2003, 985 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (data obrashhenija: 14.05.2025)

18. SNK – Slovenský národný korpus – prim-10.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2020. URL: <http://korpus.juls.savba.sk> (data obrashhenija: 22.03.2025)

19. SSS – Synonymický slovník slovenčiny. Red. M. Pisárčiková. 3. nezm. vyd. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2004. 998 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (data obrashhenija: 14.05.2025)

20. SSSJ – Slovník súčasného slovenského jazyka, 1, A – G, Buzássyová K., Jarošová A., eds., Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006, 1134 s.; 3, M – N, Jarošová A., ed., Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2015. 1100 s. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (data obrashhenija: 14.05.2025)

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 12.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 21.05.2025; approved after reviewing 12.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья
УДК 811.111:004
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-172
EDN: LTBGNA

**Англоязычные словарные порталы и их практический потенциал
(на материале словарной поисковой системы OneLook)**

Екатерина Михайловна Григорьева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
grigoryeva.ekaterina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9682-9021>

Аннотация. В настоящее время наблюдается продуктивное развитие электронной лексикографии, что определяется всеобщей цифровизацией. Происходят изменения в традиционной устоявшейся лексикографической картине: наряду с печатными словарями популярность получают справочники, представленные в интернете, мобильные словарные приложения, а также издания в формате электронной книги. Новаторской чертой современной лексикографии становится появление словарных порталов.

Целью данной работы является исследование англоязычных словарных порталов и возможностей, которые они предоставляют пользователю. Среди задач, которые необходимо решить в ходе проведения исследования, следует выделить следующий ряд: изучить понятие «портал» в науке, рассмотреть категории порталов (лексикологические, энциклопедические и словарные), проанализировать классификацию словарных порталов, которая включает словарные коллекции, поисковые системы, сети и симуляции. Автором также рассматриваются характерные особенности каждого типа словарного портала. В ходе организации исследования поставлена задача провести подробный анализ словарной англоязычной поисковой системы OneLook с точки зрения таких позиций, как репертуар включенных в состав платформы словарей, пользовательский интерфейс и разделы системы, возможности ее использования для решения поставленных перед пользователем вопросов. Кроме того, автором исследуются такие аспекты, как категория адресата, который может обратиться к поисковой системе, возможности участия потенциальной аудитории в оценивании материалов OneLook для дальнейшего совершенствования содержательной базы поисковой системы ее разработчиками.

Ключевые слова: электронная лексикография; онлайн-словарь; словарный портал; словарные поисковые системы; структуры доступа; справочник для общих целей; словарь для специальных целей

Для цитирования: Григорьева Е. М. Англоязычные словарные порталы и их практический потенциал (на материале словарной поисковой системы OneLook) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 172–181. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-172>. <https://elibrary.ru/LTBGNA>

Original article

**Dictionary portals in english and their practical potential
(based on the dictionary search engine OneLook)**

Ekaterina M. Grigorieva

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of foreign philology, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak str., 39
grigoryeva.ekaterina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9682-9021>

Abstract. At present, there is a productive development of e-lexicography, which is determined by universal digitalization. There are certain changes in the traditionally established lexicographic picture: Internet reference books, mobile dictionary applications as well as publications in e-book format are gaining popularity along with printed dictionaries. The emergence of dictionary portals has become an innovative feature of modern lexicography.

The aim of this work is to study english dictionary portals and the opportunities they provide for the user. Among the tasks to be solved in the course of the study are the following: to study the concept of portal, to consider the categories of portals (lexicological, encyclopedic and dictionary), to analyze the classification of dictionary portals that includes dictionary collections, search engines, networks and simulations. The author also focuses on the characteristic

features of each type of dictionary portal. Another task to be fulfilled in the course of the research is to conduct a detailed analysis of the english dictionary search engine OneLook in terms of the repertoire of platform dictionaries, the user interface and the sections of the system, the possibilities of using it to solve users' problems. In addition, the author studies such aspects as the category of the addressee who can use the search engine, the possibilities of the potential audience to take part in the evaluation of OneLook materials in order to further improve the search engine content base by its developers.

Key words: e-lexicography; online dictionary; dictionary portal; dictionary search engines; access structures; general purpose dictionary; special purpose dictionary

For citation: Grigorieva E. M. Dictionary portals in english and their practical potential (based on the dictionary search engine OneLook). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):172–181. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-172>. <https://elibrary.ru/LTBGNA>

Введение

Цифровизация, охватившая различные сферы деятельности человека XXI в., способствует увеличению роли онлайн-словарей в рамках текущей лексикографической картины мира. Для современного пользователя ключевым и решающим является возможность получить быстрый доступ к информации путем использования современных информационных средств, таких как мобильный телефон, ноутбук, компьютер, планшет и др.

Раздел лексикографии, в центре которого находятся теория и практика составления онлайн-словарей (справочников, энциклопедий, глоссариев, терминологических баз данных), к которым можно получить доступ онлайн, называется цифровой / электронная лексикография. В английской традиции данный термин звучит как *e-lexicography* [Fuentes-Olivera, 2022, p. 361].

Создание словарей представляет собой сложный процесс, которых включает фазы планирования, разработки и публикации. Каждый из данных этапов в свою очередь подразделяется на отдельные фазы. Сегодня неотъемлемой частью создания справочников становятся корпусные технологии. Корпус представляет собой набор данных – текста и речи – с точки зрения исследования языка. Корпусные данные могут активно использоваться на следующих этапах создания справочника:

- а) разработка списка заглавных слов;
- б) написание словарных статей:
 - определение значений слов и других лексических единиц (например, устойчивых словосочетаний);
 - выявление основных особенностей представленных лексем;
 - определение синтаксического поведения единиц;
 - словосочетания, в которых единица выступает в качестве одного из компонентов;
- в) предоставление примеров и переводов [Kilgarriff, 2022, p. 71].

Вместе с Европейской ассоциацией лексикографов создаются цифровые профессиональные организации, например, Союз специалистов по электронной лексикографии (E-lexicography), которые на симпозиумах обсуждают исследования и новые цифровые лексикографические проекты в сфере интернет-лексикографии с использованием широкого репертуара компьютерных технологий, что определяет ее приоритеты в проектировании инновационных типов общих и специальных словарей английского языка XXI в. [Карпова, 2022, с. 286].

Наряду с созданием новых печатных справочников наблюдается активное перемещение авторитетных словарей английского языка в Интернет. Это приводит к изменению традиционной и созданию цифровой лексикографической парадигмы:

- видоизменяются и интегрируются лексикографические формы, в которых представлены англоязычные словари;
- многие издания снабжаются компакт-дисками;
- появляются цифровые аналоги различных словарей английского языка;
- предлагаются новые способы маршрутизации и оптимизации информационного поиска;
- вводятся мультимедийные характеристики и иные инновационные способы лексикографической обработки входных единиц;
- основой толковых и специальных словарей становятся общие и специальные электронные корпуса [Карпова, 2022, с. 292–293].

Еще одним проявлением цифровизации, которая наблюдается в разных сферах жизни общества, является появление словарей на мобильных телефонах. Справочники на подобных устройствах просты в использовании, имеют удобную навигацию, предоставляют быстрый доступ к языковому материалу, таким образом отвечая конкретным нуждам и потребностям пользователей XXI в. [Григорьева, Карпова, 2022, с. 65].

Кроме того, важность для науки приобретают

базы данных, становящиеся отдельным инструментом лексикографа XXI в. Выделяют лексикографические базы данных. Согласно работам В. Н. Шевчука, к лексикографическим базам данных относят информационные системы, обеспечивающие автоматический поиск лингвистических и экстралингвистических сведений в интернете, а также управление информационными потоками (энциклопедии, банки терминов, электронные библиотечные каталоги и др.) [Гусева, 2021, с. 71].

Отдельное место в современной отечественной и зарубежной лексикографии отводится веб-порталам, являющимся одними из первых веб-сервисов, которые помогают пользователям найти необходимую информацию в постоянно расширяющейся Всемирной паутине. Веб-портал представляет собой веб-сайт, который объединяет ссылки на информацию, доступную в интернете. Эти ссылки выбираются на основе определенных критериев. Некоторые веб-порталы объединяют ссылки, относящиеся к определенной сфере интересов (например, теннис). Такой портал по классификации является вертикальным, поскольку он может включать несколько категорий, такие как история тенниса, биографии игроков, производители спортивной атрибутики. С другой стороны, горизонтальные веб-порталы объединяют ссылки на определенную категорию ресурсов [Boelhouwer, Dykstra, Sijens, 2018, p. 754].

В центре данного исследования находится изучение словарных порталов и их типов, таких как словарные коллекции, поисковые системы, сети и симуляции. Основной акцент сделан на исследовании практического потенциала использования словарных поисковых систем.

Методы исследования

В ходе исследования были использованы следующие методы: теоретико-лингвистический анализ литературы, который представляет собой обзор основных источников теоретического характера по исследуемой проблематике, метод лексикографического анализа, суть которого состоит в изучении мега-, макро- и микроструктур рассматриваемых изданий, а также метод классификации.

Результаты исследования

Согласно словарю *Oxford Learner's Dictionary*, портал – это вебсайт, который используется как точка входа в интернет, где собрана информация, которая будет полезна человеку, интересующему-

ся определенными темами (a website that is used as a point of entry to the internet, where information has been collected that will be useful to a person interested in particular kinds of things) [Oxford Learner's Dictionary //

<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/portal?q=portal>].

В пределах интернет-домена слово «портал» используется по отношению к интернет-страницам, которые предназначены для использования в качестве отправных точек в процессе поиска информации в определенных тематических доменах. Они содержат ссылки на другие веб-страницы, поисковые функции и веб-приложения.

Выделяют различные категории порталов. Информационные порталы на основе лемм (lemma-based information portals) включают несколько категорий:

1) *лексикологические порталы* (lexicological portals): предоставляют лингвистическую информацию, составлены не по лексикографическим канонам, как правило, интегрируется одна справочная работа;

2) *словарные порталы* (dictionary portals): содержат лингвистическую информацию, составлены по лексикографическим правилам, могут быть интегрированы несколько справочных изданий;

3) *энциклопедические порталы* (encyclopedic portals): включают энциклопедические знания, составлены лексикографически, интегрируются несколько справочных работ.

Собрания электронных словарей, иногда содержащих перекрестные ссылки и снабженные новыми структурами доступа, называют словарными порталами.

Исследователи определяют словарный портал следующим образом: это структура данных, которая представлена как страница или набор взаимосвязанных страниц на экране компьютера, предоставляющая доступ к ряду электронных словарей. При этом к справочникам также можно обратиться как к отдельным изданиям [Engelberg, Müller-Spitzer, 2013, p. 1023–1024].

Словарные порталы содержат как общие, так и специализированные источники. Например, они могут включать ссылки на различные типы словарей, в том числе специализированные лингвистические издания, например, справочники синонимов и антонимов, архаичных слов, диалектных форм и др. [Sinu, 2017, p. 314].

Словарный портал функционирует как отправная точка, откуда могут использоваться многообразные варианты доступа, ведущие к разным сло-

варям и объектам в этих изданиях. У пользователя есть вариант получить доступ либо к одному изданию, либо посмотреть данные относительно одного поискового запроса в ряду нескольких словарей [Gouws, 2018, p. 220].

Словарные порталы классифицировать по ряду критериев: целостность словаря (the integrity of the dictionary), структура доступа (the access structure), способ интеграции справочников (the way of integration of dictionaries) и цифровое оформление портала (digital layout of the portal) [Engelberg, Storrer, 2024, p. 42].

Основная функция словарных порталов состоит в предоставлении доступа к ряду словарей таким образом, что пользователь справочника получает необходимую информацию. В пределах словарных порталов выделяют три вида доступа:

1) external access structures (внешние структуры доступа): в данном случае речь идет о структурах, включающих ссылки на стартовые страницы словарей. Типы поиска определенной лексикографической информации осуществляются в пределах изданий, то есть вне портала;

2) outer access structures (открытые структуры доступа): служат для предоставления доступа к словарным статьям путем поиска через список лемм интегрированных словарей;

3) inner access structures (внутренние структуры доступа): позволяют получить информацию со специфических информационных позиций в пределах микроструктуры представленных изданий.

Словарные порталы также отличаются по языку. Существуют порталы, которые посвящены одному языку – одноязычные порталы (monolanguage portals) или нескольким языкам – многоязычные порталы (multi-language portals). Порталы, сосредотачивающиеся на одном языке, предоставляют доступ к одноязычным и / или двуязычным справочникам, которые связывают язык, на котором сфокусирован портал, с другими языками (например, *Cambridge Dictionaries Online*, *ASL Dictionary Portal*). Примером многоязычного портала является *YourDictionary.com*, а фокусирующегося на двуязычных словарях – *the Pons Portal* [Engelberg, Müller-Spitzer, 2013, p. 1026, p. 1028].

Согласно автономности словарей, входящих в портал и степени интеграции справочников (структура доступа, перекрестные словарные ссылки, оформление), исследователи выделяют *словарные коллекции* (dictionary collections), *словарные поисковые системы* (dictionary search engines), *словарные сети* (dictionary networks) и *словарные симуляции* (dictionary simulations).

Отдельно рассмотрим каждый из представленных типов.

Словарные коллекции поддерживают полную автономность своих справочников и не пытаются объединить их. Они предоставляют только внешний доступ к отдельным изданиям через гиперссылки. Примерами словарных коллекций являются *The DD-LINGUISTIKPORTAL*, *The Slang-Portal*, предоставляющий доступ к большому количеству словарей сленга на разных языках, а также база данных *OBELEXDICT*, которая предлагает аннотированные ссылки на более чем 10000 интернет-словарей через многомерные поисковые запросы.

Словарные поисковые системы также характеризуются высокой автономностью включенных словарей. Однако они предоставляют открытый доступ к леммам своих справочников, без их дальнейшей интеграции. Примерами словарных поисковых систем являются *ONELOOK* с множественным открытым доступом, *ORDNET* с единым открытым доступом и *European Dictionary Portal (EDP)* с внешним и открытым доступом.

Словарные сети подразумевают высокую степень интеграции, тщательно проработанные структуры доступа и единообразие в представлении материала. Они не препятствуют цельности справочников. Примерами словарных сетей становятся *AISRI*, *FRAN*, *OWID* и др.

Словарные симуляции интегрированы в высокой степени и стандартизированы с точки зрения макета и структур доступа, в то время как автономность интегрированных словарей ограничена. Примерами являются двуязычные порталы *LEO* и *LINGUEE* [Engelberg, Storrer, 2024, p. 47–49].

Многие современные лексикографические порталы имеют открытый словник и приглашают пользователей принимать участие в обогащении проектов новыми знаниями и наблюдениями [Карпова, 2025, с. 21].

Лексикографический процесс по созданию словарной коллекции выглядит следующим образом. Он включает подготовительную фазу, этап сбора данных, небольшой по продолжительности период компьютеризации по организации сайта, фазу онлайн-выпуска. Данные стадии следуют одна за другой в линейном порядке. Сначала требуется решить, какие словари войдут в состав коллекции, далее происходит планирование сайта и, наконец, стадия перевода портала в онлайн-формат.

Лексикографический процесс по созданию словарных поисковых систем похож на процесс разработки словарной коллекции. Однако фаза

компьютеризации более сложная, поскольку необходимо составить объединенный список лемм для всех словарей на портале, реализовать функцию поиска и индексировать данные. Нажимая на ссылку, пользователи переходят в отдельный справочник и покидают портал [Klosa-Kückelhaus, Tiberius, 2024, p. 89].

Одной из востребованных на сегодняшний день словарных поисковых систем является OneLook [<https://onelook.com/>], анализ которой будет проведен далее. Данная система предназначена для поиска английских лексем и фраз. Она сканирует 16 965 772 словарных статей в 805 словарях. Поиск лексем может быть организован разными способами. При этом пользователю, осуществляющему поиск, необходимо добавлять определенные символы, которые позволяют найти в системе требующиеся единицы:

1) поиск конкретной входной единицы, например, *bluebird*;

2) поиск лексем, в которых входная единица является одним из элементов (например, *blue**: перечислите слова, которые начинаются с компонента *blue* или **bird*: назовите лексемы, заканчивающиеся на слово *bird*);

3) *bl????rd* (слова, начинающиеся с буквосочетания *bl*, заканчивающиеся на *rd* и содержащие четыре буквы между ними);

4) *// fuljyo* (лексемы, содержащие данные буквы);

5) *:snow* (лексические единицы, связанные со словом «снег»);

6) *:winter sport* (лексемы, имеющие связь с концептом «зимние виды спорта»);

7) ***winter*** (фразы, которые включают слово «зима») и некоторые другие виды поиска.

К каждому символу, который может использоваться в системе осуществления поиска, дается описание, которое облегчает для пользователя понимание того, каким образом искать необходимые единицы.

Система включает предметный указатель, в котором представлены группы лексических единиц определенной тематики: например, *positive qualities, negative qualities, actions, activities, tasks, food, drink* и др. Нажав на определенную группу, появляется ряд подгрупп. Например, в группе *food* присутствуют следующие разделы: *Asian cuisine or dishes, baked goods and desserts, butter making, crab dishes, different types of tea* и др.

Поиск лексем может осуществляться в разделах *Definitions* и *Thesaurus*. Рассмотрим варианты поиска лексемы *tree* в части *Definitions*:

Рисунок 1. Лексикографическое представление лексемы *tree* // <https://onelook.com/?w=tree>

Как видно по данным рисункам №1, в рассматриваемой поисковой системе найдено 58 словарей английского языка, в которых представлены дефиниции к данной лексеме. При этом справочники принадлежат к различным типам: 28 изданий для общих целей (*Oxford Learner's Dictionary, Collins English Dictionary, Cambridge Advanced Learner's Dictionary* и др.), 1 словарь по искусству (*Dictionary of Symbolism*), 3 справочника предметной области «информатика» (*Free Online Dictionary of Computing*), 9 словарей предметной области «наука» (*Eric Weisstein's World of Mathematics*) и некоторые другие. Нажимаю на лексему, пользователь получает словарную статью к ней, непосредственно оставаясь в рамках поисковой системы.

Включение в единую систему нескольких справочников одновременно и получение доступа к словарным статьям из разных справочников позволяет аудитории экономить время на поиск информации о лексеме, включая специфические данные и ее характеристики в зависимости от значения и области знаний. Также отметим широкий репертуар представленных в системе словарей различных типов, что может способствовать увеличению круга потенциальной аудитории.

Сравним словарные статьи к входной единице *tree*, представленные в *Oxford Learner's Dictionary*, словаре предметной области «наука» *Eric Weisstein's World of Mathematics*, справочнике *Dictionary of Symbolism* и словаре сленга *Green's Dictionary of Slang*:

Рисунок 2. Дефиниция к лексеме *tree* из словаря *Oxford Learner's Dictionary* // <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/tree>

Рисунок 3. Дефиниция к лексеме *tree* из словаря *Eric Weisstein's World of Mathematics* // <https://mathworld.wolfram.com/Tree.html>

Рисунок 4. Дефиниция к лексеме *tree* из словаря *Dictionary of Symbolism* // <https://websites.umich.edu/~umfandsf/symbolismproject/symbolism.html/T/tree.html>

Рисунок 5. Дефиниция к лексеме *tree* из словаря *Green's Dictionary of Slang* // <https://greensdictofslang.com/entry/eqwgqaa>

Как можно видеть по словарным статьям из учебного справочника издательства Оксфорд и словаря по математике *Eric Weisstein's World of Mathematics*, представленная информация о лексеме *tree* в них значительно отличается. Если словарь *Oxford Learner's Dictionary* предоставляет общее значение входной единицы *tree* как дерева, имеющего ствол, ветви и листья на них, то в издании *Eric Weisstein's World of Mathematics* зарегистрировано специальное значение исследуемой лексемы, которое характерно для математической сферы: дерево – это математическая структура, которую можно рассматривать в качестве графа или системы данных. Такое значение интересно для специалистов, а, именно, для математиков. В издании предметной области «искусство» зафиксировано значение лексемы «дерево» как динамической жизни, результата небес, земли и воды; это женственный, питающий, укрывающий образ Великой Матери, укорененной в земле и тянущейся к небесам, вызывающей воспоминания о вечности. Вечнозеленое растение символизирует бессмертие, а Древо Жизни и Древо Познания находятся в Раю. Подобное значение будет интересно узкому кругу пользователей, специалисту в области литературоведения, искусства или культурологии. В справочнике сленга *Green's Dictionary of Slang* зарегистрированы такие значения слова *tree* как: 1) полицейский, склонный брать взятки; 2) очень высокая женщина; 3) голова, разум.

Исходя из проанализированных значений лексемы *tree*, можно сделать вывод, что адресатом словарного портала OneLook может стать широ-

кий круг аудитории, специализирующейся в разных сферах деятельности.

Кроме дефиниций, зафиксированных в словарях различных типов в рамках анализируемой словарной поисковой системы, пользователь получает доступ к таким категориям как *related words* (связанные слова), *phrases* (фразы), *mentions* (упоминания), *lyrics* (стихотворения), *history* (история) и *colors* (цвета). Проведем анализ данных частей.

Раздел *related words* представляет собой список лексем, которые связаны с искомой единицей (в данном случае речь идет о слове *tree*). Это слова следующих групп:

similar (похожие лексемы): *tree diagram* (синтаксическое дерево), *twig* (ответвление, веточка), *forest* (лес) и др.;

types (виды): *oak* (дуб), *maple* (клен), *pine* (сосна) и др.;

meter (метр): в данном случае представлены римские цифровые обозначения: *l*, *lx*, *xl*, *ll*, *lxx* и др. Нажимая на обозначение, пользователь получает список лексем, связанных с исходным словом. При этом появляется ряд фильтров: например, пользователь может выбрать опции *closest meaning first* (сначала ближайшее значение), *most modern* (самое современное), *most lyrical* (самое лирическое) и др. Если выбрать фильтр «сначала ближайшее значение», а также все части речи, аудитория получит следующую таблицу:

Рисунок 6. Представление лексемы *tree* в разделе *Related Words* // https://onelook.com/thesaurus/?loc=meterfilter&s=tree&f_stress=/

В подразделе *adjectives* зафиксированы прилагательные, выступающие в качестве одного из компонентов в словосочетаниях с рассматриваемой единицей: *large* (большой), *old* (старый), *small* (маленький) и др.

Кроме того, в категории «связанные слова» представлены группы концептов, в которые входит рассматриваемая единица (в данном случае слово *tree*). Это такие группы концептов как *geography and topography* (география и топография), *shoes and boots* (туфли и ботинки), *tournament* (турниры) и др. В каждой из зарегистрированных групп представлено специальное значение лексемы, которое не является общеупотребительным и в подавляющем большинстве случаев неизвестно

среднестатистическому пользователю. Например, в группе «туфли и ботинки», в которой зафиксированы единицы, обозначающие обувь, лексема *tree* имеет значение *a device used to hold or stretch a shoe open* (колодка, распорка для обуви).

Следующий раздел «фразы» включает словосочетания, в которых рассматриваемая входная единица является одним из компонентов (*Christmas tree, family tree, decision tree* и др.).

Часть «упоминания» содержит примеры из различных источников, в которых употребляется определенная лексема. Рядом с каждым примером также дано указание источника. Это могут быть художественные произведения различных жанров, газеты, журналы, песенные тексты, мюзиклы, цитаты известных личностей и др. Такой широкий охват текстов различных жанров позволяет пользователю проследить особенности функционирования лексем в разных контекстах:

We can try to graft the elm tree so that it will bear pears, but at the same time we must plant pear trees. – Che Guevara [Similar quotes, lyrics] [OneLook // <https://onelook.com/?w=tree&mentions=1>].

Раздел «стихотворения» включает отрывки из стихотворных произведений различных жанров, в которых лексема выступает в качестве одного из компонентов с указанием источника:

From Robin Redbreast (Mother Goose rhyme):

Little Robin Redbreast sat upon a **tree**,

Up went Pussy-Cat, down went **he** [OneLook // <https://onelook.com/?w=tree&verses=1>].

Часть «История» включает информацию о частоте употреблении лексемы с 1800 г.

Рисунок 7. Раздел «История» // <https://onelook.com/?w=tree&history=1>

Эта схема основана на данных поискового онлайн-сервиса Google Books Ngrams, который предоставляет возможность строить графики частоты употребления языковых единиц. В подобной диаграмме зарегистрировано количество раз, когда слово встречается в книгах и периодических изданиях, представленных в коллекции Google.

Новым разделом является часть «цвета», включающая список цветов, ассоциирующихся с определенной лексемой. В случае со словом *tree* зарегистрированы следующие цвета: *green, brown,*

olive, forest green, moss green, pine green, bark brown и др.

Интерес для адресата представляет раздел словесные игры (word games): *threepeat, compound your joy* и *pandergram*. Суть задания *threepeat* состоит в том, что даны три слова с одинаковыми пропущенными буквами. Нужно угадать пропущенные буквы и добавить их в пропуски, чтобы получились полноценные лексемы. В игре *compound your joy* необходимо переставить слова в цепочку из фраз, включающих два компонента. В задании *pandergram* в представленных словах используются все буквы алфавита, за исключением тех, что показаны красным. Задача состоит в том, чтобы избавиться от красного цвета, убедившись, что включены все буквы от А до Z.

Следует отметить, что анализируемая поисковая система включает ссылку на раздел *Spruce*, который дает пользователю возможность получить список цитат, стихотворений, пословиц, шуток и анекдотов.

Рисунок 8. Раздел *Spruce* // <https://onelook.com/spruce/>

В настоящее время наблюдается антропоцентрический характер современной лексикографии. Во главу угла встают нужды и потребности пользователей. Учет мнения потенциального адресата является важным параметром в ходе планирования справочника. Кроме того, обычные пользователи могут принимать активное участие в создании лексикографических продуктов. Исследователи А. Абел и Кр.М. Мейер выделяют несколько типов участия пользователей в процессе разработки справочников. Это прямое (непосредственно вклад в партнерские и полупартнерские словари), не прямое (явный и неявный вклад) и дополнительное участие (осуществление коммуникации между пользователями и авторами словарей) [Abel, Meyer, 2024, p. 230].

В случае словарной поисковой системы OneLook речь идет о не прямом способе участие пользователей, явном вкладе. Система включает раздел *Feedback*. Пользователь может направить авторам проекта вопрос, внести предложение по содержанию или написать о встретившейся ему ошибке. Авторы проекта просят пользователей оставлять адреса электронной почты, чтобы они

впоследствии могли отправить ответы на возникшие вопросы.

На наш взгляд, предоставление аудитории возможности оставить комментарий, отклик или поделиться впечатлениями от использования поисковой системы OneLook в процессе работы является положительным аспектом работы системы. Авторы словарного портала принимают во внимание мнение пользователя, при необходимости внося дополнения и изменения в материалы с учетом интересов аудитории. Таким образом, адресат вносит свой вклад в создание и редактуру материалов, которые впоследствии будут доступны широкому кругу пользователей.

Заключение

Итак, современная англоязычная лексикография активно развивается по различным направлениям. Она характеризуется цифровым характером, что проявляется в появлении интернет-изданий, представленных онлайн, словарей на мобильных телефонах, справочниках в формате электронной книги. Для современного пользователя особое значение приобретает получение моментального доступа к интересующей информации, что становится возможным благодаря миграции словарей в интернет-пространство. В процессе создания справочников авторы используют достижения корпусной лингвистики, лингвистические корпусы, которые содержат большое количество иллюстрированных примеров, показывающих функционирование лексем в контексте.

В XXI в. популярностью пользуются веб-порталы, предоставляющие пользователям доступ к различным категориям данных в интернете в пределах единой системы. Порталы можно разделить на несколько категорий: лексикологические, энциклопедические и словарные. В центре данного исследования находятся словарные порталы, использующиеся в современной лексикографической практике. Это особые электронные платформы, включающие совокупность словарей и предоставляющие пользователям различные варианты доступа к зарегистрированным данным. Выделяют несколько типов словарных порталов, такие как словарные коллекции, поисковые системы, сети и симуляции.

В рамках данного исследования нами был проведен анализ словарной поисковой системы OneLook. Это словарный портал, предоставляющий сведения о лексемах и словосочетаниях английского языка. Словарный портал включает как словари для общих целей, так и справочники для

специальных целей (например, справочники различных предметных областей: медицина, математика, экономика, архитектура и др., а также издания, в которых зарегистрированы отдельные слои лексики: сленг, архаизмы, фразеологизмы, словосочетания и др.). Помимо получения необходимой справки о лексемах, адресат может проследить частоту употребления. Данная платформа также включает ряд игр на лексику, которые доступны для пользователя онлайн и позволяют ему поработать с лексическими единицами в увлекательной форме. Несомненным плюсом поисковой системы OneLook является добавление формы обратной связи, когда у пользователя появляется возможность внести комментарии относительно представленных на платформе данных. Таким образом проявляется активная позиция адресата, стремящегося не только получить необходимые данные, но выразить свое мнение в форме отклика или отзыва, сообщения об ошибке для авторов проекта. Впоследствии авторы поисковой системы смогут использовать полученные от пользователя данные для редактирования и улучшения платформы. Кроме того, OneLook имеет интуитивно понятный интерфейс, что позволяет адресату быстро ориентироваться в процессе поиска необходимой информации.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время словарные порталы появляются не только в зарубежной, но и в отечественной лексикографии. Одним из наиболее популярных является справочно-информационный портал Грамота.ру, который предоставляет комплексный доступ к различным словарям, справочным службам, справочникам, учебникам и журналам [Грамота.ру]. Другим примером отечественного словарного портала становится Словари.ру. Данный ресурс включает 21 том основных интерактивных словарей русского языка [Словари.ру].

Таким образом, одним из актуальных направлений развития современной англоязычной лексикографии является появление словарных порталов. Несомненным плюсом таких ресурсов становится предоставление доступа к широкому репертуару словарей различных типов, возможность познакомиться с разными значениями входных единиц в рамках использования единого портала, удобная система поиска и навигации. Подобные словарные порталы являются одним из проявлений цифрового характера лексикографии XX века. Они являются незаменимыми помощниками современных лексикографов и исследователей, стремящихся оптимизировать временные ресурсы

на поиск необходимых сведений и в то же время получать точную и верную информацию о словарном составе того или иного языка.

Библиографический список

1. Грамота.ру. URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 09.05.2025).
2. Григорьева Е. М., Карпова О. М. Современные англоязычные словари на мобильных телефонах // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 4. С. 58–66.
3. Гусева А. Х. Типология БД как лексикографического продукта: основные характеристики и преимущества // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 10-2 (61). С. 71–74.
4. Карпова О. М. Цифровая лексикографическая парадигма (на материале новых словарей английского языка) // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 4 / отв. ред. А. В. Иванов. Москва: ФЛИНТА, 2022. С. 273–294.
5. Карпова О. М. Шекспировская лексикография: расширение границ и изменение стереотипов // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2025. № 1. С. 17–23.
6. Словари.ру. URL: <https://slovari.ru/start2.aspx?s=0&p=5638> (дата обращения: 10.05.2025).
7. Abel A., Meyer Ch.M. User Participation // Internet Lexicography. An Introduction / ed. by A. Klosa-Kückelhaus. Berlin/Boston: De Gruyter, 2024. P. 227–260.
8. Boelhouwer B., Dykstra A., Sijens H. Dictionary portals // The Routledge Handbook of Lexicography / ed. by P.A. Fuertes-Olivera. Abingdon: Routledge, 2018. P. 754–766.
9. Dictionary of Symbolism. URL: <https://websites.umich.edu/~umfandsf/symbolismproject/symbolism.html/index.html> (дата обращения: 05.05.2025).
10. Engelberg S., Müller-Spitzer C. Dictionary portals // Dictionaries. An International Encyclopedia of Lexicography. Supplementary Volume: Recent Developments with Focus on Electronic and Computational Lexicography / ed. by R.H. Gouws, U. Heid, W. Schweickard, H.E. Wiegand. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2013. P. 1023–1035.
11. Engelberg S., Storrer A. A Typology of Internet Dictionaries and Portals // Internet Lexicography. An Introduction / ed. by A. Klosa-Kückelhaus. Berlin/Boston: De Gruyter, 2024. P. 31–59.
12. Eric Weisstein's World of Mathematics. URL: <https://mathworld.wolfram.com/> (дата обращения: 05.05.2025).
13. Fuertes-Olivera P. A. Theoretical, technological and financial challenges: Some reflections for making online dictionaries // The Bloomsbury Handbook of Lexicography / ed. by H. Jackson. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic, 2022. P. 361–374.
14. Gouws R. Internet lexicography in the 21st century // Wortschatz: Theorie, Empirie, Dokumentation / ed. by H. Kämper, P. Storjohann, S. Engelberg. Berlin/Boston: De Gruyter, 2018. P. 215–236.
15. Green's Dictionary of Slang. URL: <https://greensdictofslang.com/> (дата обращения: 09.05.2025).
16. Kilgarriff A. Using corpora as data sources for dictionaries // The Bloomsbury Handbook of Lexicography / ed. by H. Jackson. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Academic, 2022. P. 71–88.
17. Klosa-Kückelhaus A., Tiberius C. The Lexicographic Process // Internet Lexicography. An Introduction / ed. by A. Klosa-Kückelhaus. Berlin/Boston: De Gruyter, 2024. P. 61–96.
18. OneLook. URL: <https://onelook.com/> (дата обращения: 27.04.2025).
19. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/portal?q=portal> (дата обращения: 10.05.2025).
20. Sinu R. Monolingual Dictionaries of Romanian and the Internet // 13th Conference on British and American Studies: Language Diversity in a Globalized World / ed. by M. Burada, O. Tatu, R. Sinu. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 308–323.

Reference list

1. Gramota.ru = Gramota.ru. URL: <https://gramota.ru/> (data obrashheniya: 09.05.2025).
2. Grigor'eva E. M., Karpova O. M. Sovremennye anglojazychnye slovni na mobil'nyh telefonah = Modern English dictionaries on mobile phones // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universitet. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2022. № 4. S. 58–66.
3. Guseva A. H. Tipologija BD kak leksikograficheskogo produkta: osnovnye harakteristiki i preimushhestva = Typology of DB as a lexicographic product: main characteristics and advantages // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 10-2 (61). S. 71–74.
4. Karpova O. M. Cifrovaja leksikograficheskaja paradigma (na materiale novyh slovarej anglijskogo jazyka) = Digital lexicographic paradigm (based on new English dictionaries) // Sovremennaja germanistika i zapadnoevropejskaja literatura: kollektivnaja monografija. Vyp. 4 / отв. ред. А. В. Иванов. Москва: FLINTA, 2022. S. 273–294.
5. Karpova O. M. Shekspirovskaja leksikografija: rasshirenie granic i izmenenie stereotipov = Shakespearean lexicography: expanding boundaries and changing stereotypes // Vestnik VGU. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija». 2025. № 1. S. 17–23.
6. Slovari.ru = Dictionaries.ru. URL: <https://slovari.ru/start2.aspx?s=0&p=5638> (data obrashhenija: 10.05.2025).
7. Abel A., Meyer Ch.M. User Participation // Internet Lexicography. An Introduction / ed. by A. Klosa-

Kückelhaus. Berlin/Boston : De Gruyter, 2024. P. 227–260.

8. Boelhouwer B., Dykstra A., Sijens H. Dictionary portals // *The Routledge Handbook of Lexicography* / ed. by P.A. Fuertes-Olivera. Abingdon : Routledge, 2018. P. 754–766.

9. Dictionary of Symbolism. URL: <https://websites.umich.edu/~umfandsf/symbolismproject/symbolism.html/index.html> (data obrashhenija: 05.05.2025).

10. Engelberg S., Müller-Spitzer C. Dictionary portals // *Dictionaries. An International Encyclopedia of Lexicography. Supplementary Volume: Recent Developments with Focus on Electronic and Computational Lexicography* / ed. by R.H. Gouws, U. Heid, W. Schweickard, H.E. Wiegand. Berlin/Boston : De Gruyter Mouton, 2013. P. 1023–1035.

11. Engelberg S., Storrer A. A Typology of Internet Dictionaries and Portals // *Internet Lexicography. An Introduction* / ed. by A. Klosa-Kückelhaus. Berlin/Boston: De Gruyter, 2024. P. 31–59.

12. Eric Weisstein's World of Mathematics. URL: <https://mathworld.wolfram.com/> (data obrashhenija: 05.05.2025).

13. Fuertes-Olivera P. A. Theoretical, technological and financial challenges: Some reflections for making online dictionaries // *The Bloomsbury Handbook of Lexicography* / ed. by H. Jackson. London, New York, Ox-

ford, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Academic, 2022. P. 361–374.

14. Gouws R. Internet lexicography in the 21st century // *Wortschatz: Theorie, Empirie, Dokumentation* / ed. by H. Kämper, P. Storjohann, S. Engelberg. Berlin/Boston: De Gruyter, 2018. P. 215–236.

15. Green's Dictionary of Slang. URL: <https://greensdictofslang.com/> (data obrashhenija: 09.05.2025).

16. Kilgariff A. Using corpora as data sources for dictionaries // *The Bloomsbury Handbook of Lexicography* / ed. by H. Jackson. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Academic, 2022. P. 71–88.

17. Klosa-Kückelhaus A., Tiberius C. The Lexicographic Process // *Internet Lexicography. An Introduction* / ed. by A. Klosa-Kückelhaus. Berlin/Boston : De Gruyter, 2024. P. 61–96.

18. OneLook. URL: <https://onelook.com/> (data obrashhenija: 27.04.2025).

19. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/portal?q=portal> (data obrashhenija: 10.05.2025).

20. Sinu R. Monolingual Dictionaries of Romanian and the Internet // *13th Conference on British and American Studies: Language Diversity in a Globalized World* / ed. by M. Burada, O. Tatu, R. Sinu. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 308–323.

Статья поступила в редакцию 24.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 24.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 81'42:316.334.56:316.776.22(410.13)(518.3)

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-182

EDN: JVONYM

**Лингвистический анализ компонентов имиджа города
(на материале англоязычных отзывов о Кембридже и Харбине в социальных медиа)**

Светлана Евгеньевна Карцева

Аспирант 2 курса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 163002, г. Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, д. 17

s.karceva@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2108-7140>

Аннотация. Актуальность изучения имиджа города в текстах социальных медиа обусловлена востребованностью социальных медиа как площадки для социального взаимодействия пользователей по разным вопросам, в т.ч. с целью обсуждения города как места проживания или как цели туристической поездки. Социальные медиа, являющиеся сегодня одним из популярных коммуникативных инструментов для формирования имиджа города во всей совокупности его черт, позитивных и негативных, относятся к разным типам, в том числе среди них выделяются потребительские сообщества, включающие платформы с обзорами и рейтингами различных объектов, платформы социальных покупок и социальной коммерции, социальные рынки с обменом информацией. В статье производится сравнение состава и лингвистических средств оценки компонентов имиджа двух городов – британского Кембриджа и китайского Харбина, представленных в англоязычных текстах сайтов потребительских сообществ: Tripadvisor.com, Quora.com, Reddit.com. Для анализа применена модель Ш. Эхтнер и Б. Ричи, в которой компоненты описания имиджа города расположены на стыке функциональных, физически наблюдаемых, и психологических, абстрактных аспектов имиджа. Собранный практический материал призван, в первую очередь, продемонстрировать рабочий характер модели анализа, а кроме того, позволяет выявить некоторые общие и культурно-специфичные закономерности в создании имиджа города. К собранному материалу применялся семантический и прагмалингвистический анализ с элементами сравнения. В результате исследования сделан вывод о составе аспектов имиджа двух рассмотренных городов в континууме функциональное – психологическое; а также определены положительные и отрицательные характеристики имиджа.

Ключевые слова: имидж города; Кембридж; Харбин; социальные медиа; сайт отзывов; лингвистические средства оценки

Для цитирования: Карцева С. Е. Лингвистический анализ компонентов имиджа города (на материале англоязычных отзывов о Кембридже и Харбине в социальных медиа) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 182–189. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-182>. <https://elibrary.ru/JVONYM>

Original article

**Linguistic analysis of the city image components
(based on english-language social media reviews of Cambridge and Harbin)**

Svetlana E. Kartseva

2nd year postgraduate student, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 163002, Arkhangelsk, Embankment of the Northern Dvina, 17

s.karceva@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2108-7140>

Abstract. The relevance of studying the image of the city in social media texts is due to the demand for social media as a platform for users' social interaction on various issues, including discussing the city as a place of residence or as the destination of a tourist trip. Social media, being today one of the most popular communication tools for shaping the image of a city with all its positive and negative features, include different types, among which are consumer communities – platforms with reviews and ratings of various facilities, platforms for social shopping and social commerce, and social markets for exchanging information. The article compares the structure and linguistic means of assessing the image components of two cities – British Cambridge and Chinese Harbin, described in English-language texts on the consumer community websites: Tripadvisor.com, Quora.com, Reddit.com. The model by Echtner, C.M. and

Ritchie, J.R.B. is used for the analysis, in which the components of the city image description are located in the continuum of functional and psychological characteristics, as well as attributes and holistic aspects. The collected practical material is primarily intended to demonstrate operational nature of the analytical model, and in addition, it helps to identify some general and culturally specific patterns in creating the city image. The collected data are analyzed using semantic and pragmatic-linguistic methods with elements of comparison. As a result of the study, the author makes a conclusion about the structural composition of the image aspects of the two cities considered in the functional-psychological continuum; and determines positive and negative characteristics of the image.

Key words: image of the city; Cambridge; Harbin; social media; reviews website; linguistic assessment tools

For citation: Kartseva S. E. Linguistic analysis of the city image components (based on english-language social media reviews of Cambridge and Harbin). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):182–189. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-182>. <https://elibrary.ru/JVONYM>

Введение

В настоящее время социальные медиа как интернет-площадки для создания и обмена информацией широкой аудиторией играют важную роль в разных сферах жизни человека, в том числе они используются для формирования имиджа города. Имидж города, который в общем смысле можно трактовать как образ города, намеренно создаваемый для произведения наиболее благоприятного впечатления у определенных групп людей [Морозова, 2010], привлекает сегодня внимание большого количества ученых, но лингвистическое изучение имиджа в социальных медиа – достаточно новый объект исследования, имеющий ряд нерешенных вопросов. Во-первых, сами социальные медиа могут быть достаточно разнообразными, и важно решить, что относить к социальным медиа и как они используются для создания имиджа города. Во-вторых, понятие имиджа города и состав его компонентов, формируемый в социальных медиа, может строиться особым образом. И здесь важно выяснить, сопоставимы ли перечни компонентов при формировании имиджа разных городов, на какой основе (по какой модели) их можно изучать и, конечно, для лингвистического анализа одной из первоочередных задач является выяснение того, какими средствами осуществляется оценка этих компонентов.

Таким образом, в настоящей статье ставится задача выявления состава компонентов имиджа города в социальных медиа и выбора модели для их классификации, а также сравнительный анализ компонентов и знака оценки для двух городов – британского Кембриджа и китайского Харбина, которые являют собой примеры двух университетских городов из разных культур и случайным образом иллюстрируют рабочий характер предлагаемой методики анализа. Работа выполнена в русле дискурсивных и лингвосемантических исследований. В качестве основных методов исследова-

ования привлекаются моделирование и семантический анализ.

Рассмотрим далее теоретические понятия исследования.

Имидж города

Понятие имиджа города трактуется в разных работах по-разному в зависимости от сферы научных интересов исследователя. Судя по количеству исследований, более всего имидж соотносится с экономическими и социально-психологическими аспектами (например, [Важенина, Важенин, 2008; Беляева, Самкова, 2016; Лобанова, 2017; Ghafar et al., 2022] и др.). В этих направлениях имидж, как правило, связан с брендингом территории. Лингвистических же исследований имиджа на настоящий момент не так много (ср. [Сушненкова 2011; Катинская 2012]), и в них обычно подчеркивается необходимость изучения механизмов речевого воздействия, особенностей функционирования массмедийного дискурса в интернет-пространстве, расширения и углубления теоретических основ моделирования имиджа вербальными средствами [Друкер, Яновская, 2021].

На основе анализа толкований имиджа предлагаемых в разных работах и в рамках разных научных отраслей, мы предлагаем свое определение имиджа города: это *совокупность характеристик территориального объекта, целенаправленно и/или стихийно формируемая с помощью вербальных и визуальных средств с целью закрепления у целевой аудитории устойчивого набора представлений, связанных с данным городом (территорией, местом).*

Для понимания сути имиджа целесообразно привлечь метод моделирования данного понятия, когда имидж разбивается на несколько крупных категорий или конкретных составляющих, которые определенным образом соотносятся друг с другом. После изучения нескольких моделей описания имиджа города (в частности, модели А. Бу-

мана [Buhmann, 2016], И. А. Сушненко-вой [Сушненко-ва, 2011] и других авторов), в своем исследовании мы решили применить модель имиджа, включающую таблицу параметров имиджа города и схему, предложенную канадскими исследователями Ш. Эхтнер и Б. Ричи [Echtner, Ritchie, 2003, с. 40]. Данная схема наиболее приемлема для выявления не только общих, но и уникальных параметров разных территориальных объектов.

По теории Ш. Эхтнер и Б. Ричи, имидж города может быть описан через шесть различных групп компонентов, размещенных на параллелях трех взаимно пересекающихся осей: (1) ось функциональных и психологических характеристик, (2) ось общих и уникальных компонентов и (3) ось компонентов, основанных на индивидуально воспринимаемых атрибутах, и целостных компонентов. Основная группа компонентов, по которым возможно оценить все города, включает такие физические характеристики, как уровень цен, транспортная инфраструктура, климат и т. д., а также определенные психологические характеристики (уровень дружелюбия, безопасности, ожидаемому качеству обслуживания, известности и т. д.). К тому же образ места может включать уникальные (функциональные) черты и события или уникальные психологические характеристики [Echtner, Ritchie, 2003, с. 43].

Именно по этой комплексной модели попытаемся представить и сопоставить имидж двух городов, представляющих разные мировые культуры – британскую и китайскую, формирующийся через призму социальных медиа.

Социальные медиа в формировании имиджа города

Социальные медиа традиционно определяются как платформы для обмена информацией и общения [Апанасюк, Бодня, 2018, с. 20]. Дж. Л. Девис, американский исследователь, определяет социальные медиа как набор интерактивных интернет-приложений, которые облегчают (совместное или индивидуальное) создание, курирование и обмен созданным пользователями контентом [Davis, 2015]. В целом социальные медиа по-разному трактуются в различных источниках, но можно отметить, что это понятие предполагает один общий признак – интерактивность, или взаимодействие.

Для понимания, какие виды социальных медиа следует использовать для изучения имиджа города, нами были рассмотрены классификации, созданные отечественными и зарубежными автора-

ми [Safko, 2009, с. 23–32; Пустовалов, 2021; Друкер, Яновская, 2021]. Все эти классификации включают похожие виды социальных медиа: социальные сети, блоггинг, сетевые игры, платформы обмена аудио- и видеоконтентом, службы обмена данными и другие. Наиболее удобной для исследования имиджа города в социальных медиа нам представляется классификация М. Фабера: он делит социальные медиа на четыре класса (сообщества знаний, потребительские сообщества, обмен контентом и развлекательные медиа, социальные сети) [Faber, 2015], каждый из которых имеет определенный потенциал в представлении имиджа города. Для данного исследования остановимся подробнее на потребительских сообществах, то есть платформах с обзорами и рейтингами различных объектов, социальных покупок и социальной коммерции, социальные рынки с обменом информацией [Faber, 2015]. Примерами таких платформ выступают Tripadvisor, eBay, Оззовик и другие. Город на этих интернет-площадках рассматривается как объект, о котором люди оставляют свое мнение, как положительное, так и отрицательное. Отзывы о городе в потребительских сообществах касаются всех сфер жизни общества в конкретном городе, содержат правдивые впечатления жителей и туристов (ср. определение отзыва на туристическом сайте в работе [Ефремова, 2021, с. 138]).

Используя материал с таких площадок, мы можем говорить о формировании на них как «неофициального» внутреннего имиджа (жителями), так и внешнего имиджа (туристами, для туристов). Такие тексты ориентированы, во-первых, на адресата, прежде всего интересующегося сервисом и степенью комфорта жизни в определенном городе, и, во-вторых, на самого автора, который удовлетворяет этот интерес, доверительно повествуя о собственном субъективном опыте [Осетрова, 2014, с. 202]. В данной работе мы рассмотрим стихийно создаваемый внутренний и внешний имидж (жителями, гостями, для гостей).

Материал и методы исследования

Для исследования имиджа города в потребительских социальных медиа мы привлекаем сообщения на английском языке как языке международного общения на международных сайтах отзывов Tripadvisor.com [Explore Cambridge; Harbin, China], Quora.com [Good things...; Has anyone...], Reddit.com [What are the pros...; What is like...]. Для исследования нами были отобраны методом сплошной выборки 92 отзыва о Кембри-

дже и 88 отзывов о Харбине на английском языке. Авторами отзывов являются жители города и туристы из разных стран мира. Используемые для изучения отзывы были разными по объему: компактно излагающими мнение о городе или подробно комментирующими впечатления автора. Во всех случаях из отзывов были выделены предложения, словосочетания и отдельные слова, описывающие ту или иную сферу жизни города (компонент имиджа). Далее компоненты имиджа были классифицированы нами по модели Ш. Эхтнер и Б. Ричи: к функциональным общим характеристикам были отнесены комментарии, содержащие такие маркеры, как: *university, parks, buildings, etc.*; к психологическим общим – *history, people, safety, healthcare*. Примеров общих целостных характеристик в материале исследования отмечено не так много, их можно проиллюстрировать выражением, подобным *city (is lovely)*. Признаками уникальности является превосходная степень прилагательных (*the most picturesque*), метафоры (*fairytale village*) и имена собственные (*Chinese Paris*). В рассмотренных фрагментах определен знак оценки, а также типичные оценочные средства с позитивной (*beautiful, tasty* и др.) и негативной (например, *dirty, packed*) семантикой.

Результаты исследования

В результате проведенного анализа отзывов жителей и туристов о Кембридже и Харбине мы выявили перечень компонентов имиджа по модели Ш. Эхтнер и Б. Ричи. Некоторые наиболее показательные примеры из них приведены на схемах, демонстрирующих разные стороны имиджа и уникальные характеристики рассмотренных городов (Рисунок 1, Рисунок 2). Во время анализа мы также выявляли знак оценки – положительно или отрицательно оценивается тот или иной компонент, в итоге получая список слабых и сильных сторон каждого города. Большинство характеристик позволяют однозначно определить их оценку (на схеме отмечены знаками + и –), но некоторые стороны можно трактовать по-разному, и положительно, и отрицательно, в этом случае на схеме применялся знак «?». Некоторую сложность составляло также отнесение конкретных характеристик к функциональным или психологическим, к индивидуально воспринимаемым или целостным, поскольку границы между ними не всегда четко проводятся. Но в целом схемы 1 и 2 дают адекватное отражение всего объема рассмотренного материала.

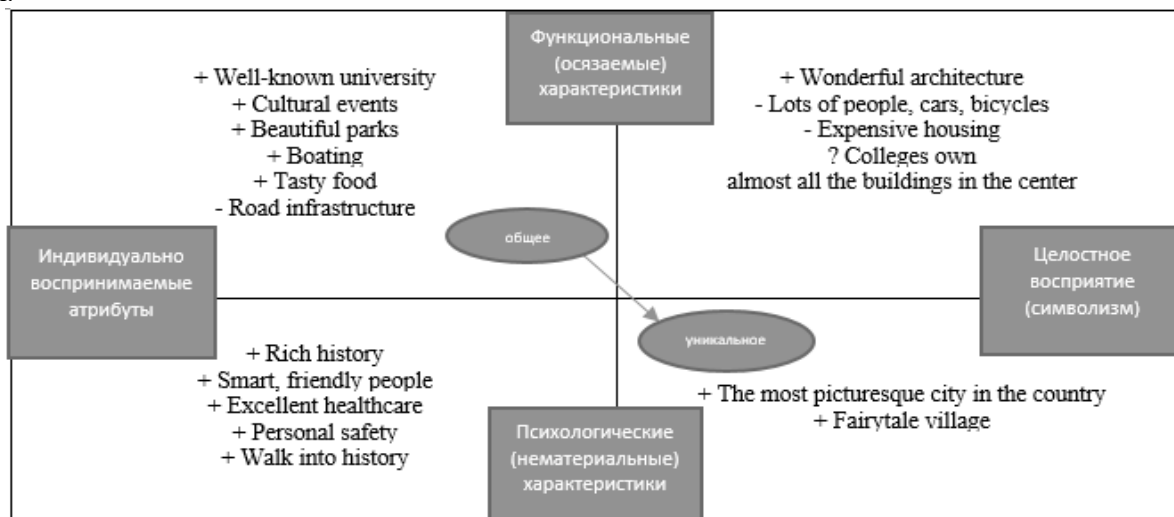

Рисунок 1. Характеристика имиджа города Кембриджа на основе отзывов из социальных медиа по модели Ш. Эхтнер и Б. Ричи [Ehtner, Ritchie, 2003]

По итогам исследования имиджа британского Кембриджа на сайтах отзывов, представленного в виде модели на рисунке 1, город предстает в социальных медиа развитым студенческим и туристическим центром, в котором безопасно и спокойно. В нем красивая архитектура, природа, достопримечательности. Город близок к столице страны и крупным транспортным развязкам. По-

ложительные лингвистические маркеры имиджа, которые мы отметили при анализе комментариев, это: *full of history* (полон истории); *best in the world* (лучший в мире); *safety* (безопасный); *friendly* (дружелюбный); *smart* (умный); *liberal* (либеральный); *fairytale* (сказочный); *internationally-renowned* (всемирно известный); *major art collections* (крупные коллекции произведений искус-

ства); *picturesque* (живописный).

Среди отрицательных характеристик города мы выявили высокую стоимость аренды и покупки жилья, плохую приспособленность городских дорог для большого количества автомобильного транспорта и большое количество велосипедистов, нарушающих правила дорожного движения. Отмеченные нами отрицательные маркеры имиджа: *awful* (ужасный); *expensive* (дорогой); *horrible* (ужасный); *too packed* (слишком многолюдно); *it may not be perfect for everyone* (может подойти не всем) и другие.

Самый уникальный комментарий о Кембридже, который мы зафиксировали в нашем материале, – это «сказочная деревня». В данном словосочетании присутствует ощущение красоты, без-

опасности, экологичности города и верности традициям, народной культуре.

Что касается Харбина, имидж которого представлен в виде модели на рисунке 2, мы можем увидеть, что это также популярный туристический город, во многом благодаря Фестивалю снежных и ледяных фигур, который довольно часто упоминается в комментариях туристов. В городе есть университеты, привлекающие студентов со всего Китая, однако при сравнении отзывов, о качестве образования здесь говорят не так часто, как в отзывах о Кембридже. Отмечается доброжелательность живущих в Харбине людей, безопасность и интересное сочетание в архитектуре русской, европейской и японской культур.

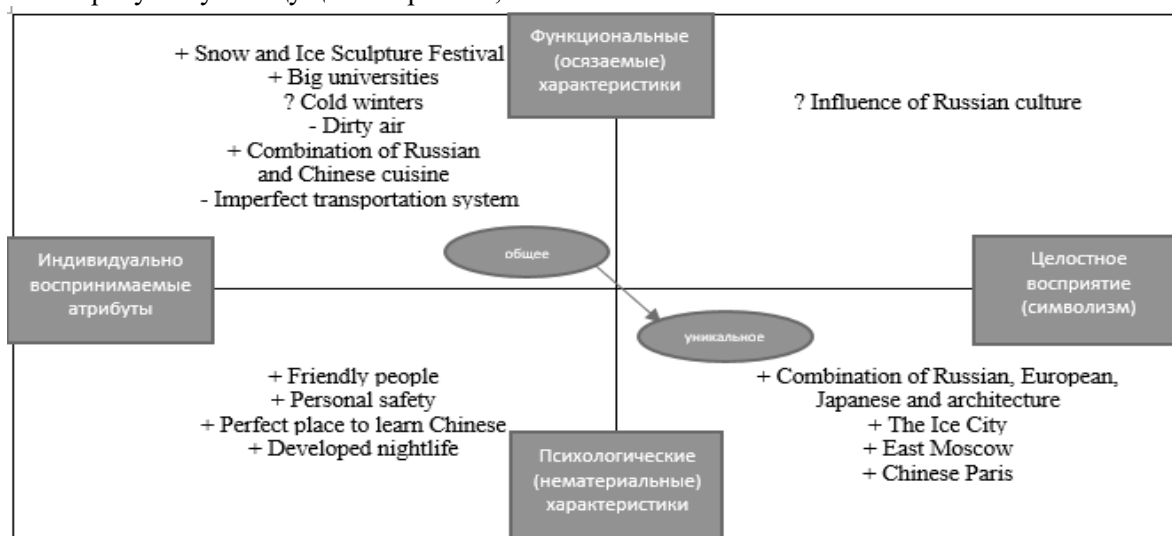

Рисунок 2. Характеристика имиджа города Харбина на основе отзывов из социальных медиа по модели III. Эхтнер и Б. Ричи [Echtner, Ritchie, 1993]

Положительные лингвистические маркеры имиджа, которые мы отметили при анализе отзывов о Харбине: *amazing* (удивительный), *beautiful* (красивый), *delicious* (вкусный (о еде)), *impressive* (впечатляющий), *spectacular* (зрелищный), *good range of choices* (хороший выбор), *colourful* (красочный), *magic place* (волшебное место), *marvellous* (изумительный), *unbelievable* (невероятный), *worth going to* (стоит поехать), *awesome* (потрясающий).

Из отрицательных характеристик имиджа можно выделить несовершенную транспортную систему (как и в Кембридже), а также экологические проблемы (грязный воздух). Отмеченные нами отрицательные маркеры: *expensive* (дорогой), *long queues* (длинные очереди), *not budget friendly* (дорогой), *traffic is bad* (плохое дорожное

движение), *inadequate* (несовершенный), *insanely cold* (безумно холодный).

К уникальным характеристикам города можно отнести такие словосочетания, как «Ледяной город», «Восточная Москва», «Китайский Париж». Данные характеристики показывают то, чем привлекателен данный город (ледяной фестиваль) и чем он отличается от других городов страны и даже мира (влияние различных культур).

Общий анализ компонентов модели имиджа города показал, что в характеристике городов преобладают общие функциональные и индивидуально воспринимаемые характеристики, что говорит о их важности для авторов отзывов о любом городе (дорожное движение, безопасность, кухня и т. д.). Уникальные характеристики единичны, для их выявления нужно иметь опыт сравнения разных городов, чтобы выявить, что Кем-

бридж – это «сказочная деревня» с древней интересной архитектурой и коллекциями искусства, а Харбин – «китайский Париж» с элементами разных культур в архитектуре и со своим магнитом притяжения в виде Фестиваля ледяных фигур. Уникальные характеристики и большинство общих оцениваются позитивно. Основное назначение положительно окрашенных характеристик – показать позитивные впечатления от посещенного города, что служит продвижению города и привлечению в него туристов. Указание на отрицательные характеристики помогает выявить проблемы в функционировании города и привлечь к ним внимание властей для скорейшего решения обозначенных проблем. В целом в имидже двух университетских городов – европейского и азиатского – наблюдаем примерно одинаковый набор разнообразных характеристик имиджа, функциональных и психологических, с небольшим перевесом последних в создании имиджа китайского Харбина, что можно объяснить большим прагматизмом европейских авторов сообщений в сравнении с созерцательно настроенными жителями и посетителями китайского города.

Таким образом, оба города имеют как положительные, так и отрицательные составляющие имиджа, относящиеся, большей частью, к типовым характеристикам любого города, которые оцениваются соответствующими маркерами положительной или отрицательной оценки (чаще всего, прилагательными). Можно заметить тенденцию предпочтения маркеров определенного типа с функциональными характеристиками разных городов (*safety* (безопасный); *awful /horrible* (ужасный); *expensive* (дорогой); *too packed* (переполненный)) и психологическими характеристиками (*full of history* (полон истории); *best in the world* (лучший в мире); *friendly* (дружелюбный)). Маркеры эмоциональной оценки комментариев показывают важные признаки, на которые стоит обратить внимание при восприятии имиджа города и работе над проблемными зонами.

Расширение спектра городов, являющихся объектами анализа, подсчет количественных данных, а также увеличение объема сообщений и типов социальных медиа как источника формирования имиджа города позволит уточнить и дополнить представленные результаты исследования в будущем.

Заключение

Проведенное исследование имиджа двух городов – Кембриджа и Харбина – с помощью метода

моделирования компонентов и выявления знака их оценки позволяет:

1) апробировать одну из моделей группировки компонентов имиджа с выделением общих и уникальных, физически воспринимаемых, функциональных, и психологических характеристики имиджа, дополняя ее знаком оценки компонента, на материале изучения имиджа двух разных городов и тем самым предложить рабочий инструмент для анализа имиджа города;

2) предложить наглядное сравнение имиджа двух городов Кембриджа и Харбина: через отзывы в социальных медиа выясняется, что эти города имеют типичные положительные компоненты имиджа (крупные университеты, богатая история и культура, личная безопасность, хорошие люди, вкусная еда) и отрицательные (несовершенная транспортная система; много людей, машин), а также уникальные для разных городов моменты: для Кембриджа в Великобритании – это отличное здравоохранение, известный на весь мир университет, принадлежность колледжам недвижимости в центре; для Харбина в Китае – холодная зима, грязный воздух, сочетание русской, европейской, японской и архитектуры; отметим, что именно социальные медиа позволяют получить разноплановый и приближенный к реальности состав компонентов имиджа, в отличие, например, от туристических сайтов или городских порталов официальных властей, которые будут стремиться акцентировать сильные моменты своего города;

3) произвести анализ оценки компонентов имиджа с выявлением знака оценки и сочетаемости соответствующих оценочных маркеров с тем или иным компонентом, что позволяет лучше понять лингвистические механизмы формирования имиджа города, а также обратить внимание на привлекательные, брендовые элементы имиджа и проблемные стороны, требующие исправления.

В качестве перспективы исследования целесообразно привлечь официальные источники (официальные сайты городских администраций, городских масс-медиа и туристические порталы) для сравнения искусственно создаваемого (через официальные медиа) и реального имиджа города (через сайты отзывов), что в перспективе подскажет вектор развития города и наилучшее решение существующих в нем проблем.

Библиографический список

1. Апанасюк Л. А., Бодня А. А. Социальные медиа как инновационный инструмент продвижения предприятий индустрии гостеприимства и туризма // АНИ: педагогика и психология. 2018. №1 (22). С. 20–22.

2. Беляева М. А., Самкова В. А. Азы имиджелогии: имидж личности, организации, территории : учебное пособие для вузов; Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т социал. образования. Екатеринбург : [б. и.], 2016. 182 с.
3. Важенина И. С., Важенин С. Г. Имидж, репутация и бренд территории // ЭКО. 2008. № 8 (410). С. 3–16.
4. Друкер М. М., Яновская Г. В. Социальные медиа: подходы к дефиниции понятия // Медиаскоп. 2021. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2699> DOI: 10.30547/mediascope.2.2021.2
5. Ефремова К. А. Языковые средства экспрессивности в англоязычном туристическом дискурсе // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей X Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Пенза, 20 мая 2021 года. Том Часть 1. Пенза : Общество с ограниченной ответственностью «Наука и Просвещение», 2021. С. 137–139.
6. Катинская М. В. Лингвистическое моделирование имиджа. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2012. 168 с.
7. Лобанова И. П. Возможные методы изучения имиджа города // Череповецкие научные чтения – 2017: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 4х частях. Том Часть 1. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2018. С. 76–78.
8. Морозова Т. А. Имидж города как основа его продвижения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 73–77.
9. Осетрова Е. В. Речевой жанр отзыва в коммуникативной практике интернет-сообщества. Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Н. С. Цветова. Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. С. 200–203.
10. Пустовалов А. В. Социальные коммуникации в интернет : учебно-методическое пособие. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 91 с.
11. Сушненкова И. А. Лингвокогнитивное моделирование как перспективный метод исследования регионального имиджа (на примере имиджа Омской области) // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 4. С. 233–237.
12. Buhmann A. Measuring Country Image. Theory, Method, and Effects. Wiesbaden : Springer VS, 2016. 147 p.
13. Davis J. Social Media // The International Encyclopedia of Political Communication. Hoboken, N. J.: Wiley, 2015. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118541555.wbiepc004> (accessed 12.01.2025).
14. Echtner C. M., Ritchie, J. R. B. The Meaning and Measurement of Destination Image // The Journal of Tourism Studies. 2003. Vol. 14(1). P. 37–48.
15. Faber M. Die World of Social Media – ein Überblick über die sozialen Medien // Realizing Progress [Blog]. 02.12.2015. URL: <https://www.realizingprogress.com/2015/12/world-of-social-media-plattformen/> (accessed 12.03.2024).
16. Ghafar N. A., Che Ghani N. M., Adam M. A review of the Essence of City branding in Enhancing Image and Identity of a City // Planning Malaysia. 2022. Vol. 20 Issue 5, P. 66–78. DOI: 10.21837/pm.v20i24.1184
17. Safko L., Brake D. K. The social media bible: tactics, tools, and strategies for business success. Hoboken, N. J. : John Wiley & Sons, 2009. 821 p.
18. Explore Cambridge // TripAdvisor. URL: https://www.tripadvisor.co.uk/Tourism-g186225-Cambridge_Cambridgeshire_England-Vacations.html (дата обращения: 17.01.2024).
19. Good things about living in Cambridge // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/cambridge/comments/p2vsi7/good_things_about_living_in_cambridge/ (accessed 10.04.2024).
20. Harbin, China // TripAdvisor. URL: https://www.tripadvisor.com/Tourism-g297433-Harbin_Heilongjiang-Vacations.html (accessed 15.06.2024).
21. Has anyone ever been to Harbin before? What is it like? // Reddit. URL: [https://www.reddit.com/r/China/comments/8dgg9b/has_a](https://www.reddit.com/r/China/comments/8dgg9b/has_anyone_ever_been_to_harbin_before_what_is_it/) nyone_ever_been_to_harbin_before_what_is_it/ (accessed 15.06.2024).
22. What are the pros and cons of living in Cambridge, UK // Quora. URL: <https://www.quora.com/What-are-the-pros-and-cons-of-living-in-Cambridge-UK#:~:text=Overall%2C%20Cambridge%20is%20a%20great,prefer%20quieter%2C%20more%20rural%20areas> (accessed 12.03.2024).
23. What is like to live in Harbin city in China? // Quora. URL: <https://www.quora.com/Whats-it-like-to-live-in-Harbin-city-in-China> (accessed 17.01.2024).

Reference list

1. Apanasjuk L. A., Bodnja A. A. Social'nye media kak innovacionnyj instrument prodvizhenija predpriyatij industrii gostepriimstva i turizma = Social media as an innovative tool for promoting hospitality and tourism industry enterprises // ANI: pedagogika i psihologija. 2018. №1 (22). S. 20–22.
2. Beljaeva M. A., Samkova V. A. Azy imidzhelologii: imidzh lichnosti, organizacii, territorii = Basics of imageology: image of personality, organization, territory: uchebnoe posobie dlja vuzov; Ural. gos. ped. un-t, In-t social. obrazovanija. Ekaterinburg : [b. i.], 2016. 182 s.
3. Vazhenina I. S., Vazhenin S. G. Imidzh, reputacija i brend territorii = Image, reputation and brand of the area // JeKO. 2008. № 8 (410). S. 3–16.
4. Druker M. M., Janovskaja G. V. Social'nye media: podhody k definicii ponjatija = Social media: approaches to defining the concept // Mediaskop. 2021. Vyp. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2699> DOI: 10.30547/mediascope.2.2021.2
5. Efremova K. A. Jazykovye sredstva jekspressivnosti v anglojazychnom turisticheskom diskurse = Expressive

linguistic means in English-language tourist discourse // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya: sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii : v 2 ch., Penza, 20 maja 2021 goda. Tom Chast' 1. Penza : Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Nauka i Prosveshhenie», 2021. S. 137–139.

6. Katynskaja M. V. Lingvisticheskoe modelirovanie imidzha = Image linguistic modelling. Blagoveshensk : Izd-vo AmGU, 2012. 168 s.

7. Lobanova I. P. Vozmozhnye metody izuchenija imidzha goroda = Possible methods for studying the city image // Cherepoveckie nauchnye chtenija – 2017: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 4h chastjah. Tom Chast' 1. Cherepovec : Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 76–78.

8. Morozova T. A. Imidzh goroda kak osnova ego prodvizhenija = The image of the city as the basis for its promotion // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. 2010. № 1. S. 73–77.

9. Osetrova E. V. Rechevoj zhanr otzyva v kommunikativnoj praktike internet-soobshhestva. Medialingvistika. Vyp. 3. Rechevye zhanry v massmedia: sb. statej = The review speech genre in communicative practice of the Internet community. Medialinguistics. Issue 3. Speech genres in the mass media: collection of articles / pod red. L. R. Duskaev; otv. red. N. S. Cvetova. Sankt-Peterburg : S.-Peterb. gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikacij», 2014. S. 200–203.

10. Pustovalov A. V. Social'nye kommunikacii v internet = Social communications on the Internet: uchebno-metodicheskoe posobie. Perm' : Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2021. 91 s.

11. Sushnenkova I. A. Lingvokognitivnoe modelirovanie kak perspektivnyj metod issledovaniya regional'nogo imidzha (na primere imidzha Omskoj oblasti) = Lingvocognitive modeling as a promising method for studying regional image (the case of the Omsk region image) // Vestn. Om. un-ta. 2011. № 4. S. 233–237.

12. Buhmann A. Measuring Country Image. Theory, Method, and Effects. Wiesbaden : Springer VS, 2016. 147 p.

13. Davis J. Social Media // The International Encyclopedia of Political Communication. Hoboken, N. J.: Wiley, 2015.

<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118541555.wbiepc004> (accessed 12.01.2025).

14. Echtner C. M., Ritchie, J. R. B. The Meaning and Measurement of Destination Image // The Journal of Tourism Studies. 2003. Vol. 14(1). P. 37–48.

15. Faber M. Die World of Social Media – ein Überblick über die sozialen Medien // Realizing Progress [Blog]. 02.12.2015. URL: <https://www.realizingprogress.com/2015/12/world-of-social-media-plattformen/> (accessed 12.03.2024).

16. Ghafar N. A., Che Ghani N. M., Adam M. A review of the Essence of City branding in Enhancing Image and Identity of a City // Planning Malaysia. 2022. Vol. 20 Issue 5, P. 66–78. DOI: 10.21837/pm.v20i24.1184

17. Safko L., Brake D. K. The social media bible: tactics, tools, and strategies for business success. Hoboken, N. J. : John Wiley & Sons, 2009. 821 p.

18. Explore Cambridge // TripAdvisor. URL: https://www.tripadvisor.co.uk/Tourism-g186225-Cambridge_Cambridgeshire_England-Vacations.html (data obrashhenija: 17.01.2024).

19. Good things about living in Cambridge // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/cambridge/comments/p2vsi7/good_things_about_living_in_cambridge/ (accessed 10.04.2024).

20. Harbin, China // TripAdvisor. URL: https://www.tripadvisor.com/Tourism-g297433-Harbin_Heilongjiang-Vacations.html (accessed 15.06.2024).

21. Has anyone ever been to Harbin before? What is it like? // Reddit. URL: https://www.reddit.com/r/China/comments/8dgg9b/has_anyone_ever_been_to_harbin_before_what_is_it/ (accessed 15.06.2024).

22. What are the pros and cons of living in Cambridge, UK // Quora. URL: <https://www.quora.com/What-are-the-pros-and-cons-of-living-in-Cambridge-UK#:~:text=Overall%2C%20Cambridge%20is%20a%20great,prefer%20quieter%2C%20more%20rural%20areas> (accessed 12.03.2024).

23. What is like to live in Harbin city in China? // Quora. URL: <https://www.quora.com/Whats-it-like-to-live-in-Harbin-city-in-China> (accessed 17.01.2024).

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 22.05.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 81-114.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-190

EDN: JDVREN

Когнитивный и когнитивно-биологический подходы как новое видение традиционных форм исследования языкового знака (на материале романских языков)

Михаил Сергеевич Бурак

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32

bertran4442000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

Аннотация. Данная статья посвящена природе языкового знака и особенностям его функционирования в языке. Предмет статьи представляется актуальным в связи с тем, что языковой знак – это одно из ключевых понятий лингвистической науки. Указанная проблематика находится на стыке лингвистики, философии и психологии и предоставляет возможность для исследований междисциплинарного характера. Методология исследования заключается в сопоставлении доктрин, касающихся предмета исследования, с привлечением как наиболее традиционных концепций, так и когнитивного, а также когнитивно-биологического подхода. В рамках статьи анализируются, прежде всего, доктрины Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста и Ч. Пирса. Безусловной заслугой Соссюра является его роль пионера в области структурной лингвистики и первые теоретические разработки в том, что касается языкового знака. Споря с Соссюром, Бенвенист утверждает, что языковой знак связан с наименованием предмета не через него самого, а посредством акустического образа и смысла. Бенвенист выводит окружающую действительность – предметный мир за пределы человеческого мышления. Согласно мнению У. Эко, семантический треугольник Пирса демонстрирует большую объективность и емкость, так как отражает тройственную природу знака, по сравнению с системой Соссюра, описавшего его природу как дуалистичную. В противоположность традиционным точкам зрения когнитивная лингвистика утверждает неразрывную связь языка с опытом. Представители данного направления говорят о концептуализации как об одном из краеугольных камней человеческой психики, что отражается на процессе порождения языковых структур и функционировании языкового знака. Н. Л. Сухачев определяет словесный знак как «индивидуально-социальный „сигнал сигналов”». Приводимые в статье примеры на материале романских языков демонстрируют обоснованность существования и взаимодополняемости различных подходов к проблеме функционирования языкового знака. Повсеместное внедрение в жизнь искусственного интеллекта неизбежно ведет к пересмотру данной проблематики и открывает широкие перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: языковой знак; означающее; означаемое; денотат; когнитивный; сигнал; отражение

Для цитирования: Бурак М. С. Когнитивный и когнитивно-биологический подходы как новое видение традиционных форм исследования языкового знака (на материале романских языков) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 190–200. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-190>. <https://elibrary.ru/JDVREN>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Cognitive and biological-cognitive approaches as a new vision of traditional forms in linguistic sign research (based on romance languages data)

Mikhail S. Burak

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of romance-germanic philology and translation, St. Petersburg state university of economics. 191023, St. Petersburg, Emb. Griboyedov Canal, 30-32

bertran4442000@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

Abstract. This paper concerns the linguistic sign nature and its functioning in human language. The subject is relevant because the linguistic sign is one of the key points of linguistics as a science. It lies at the intersection of linguistics, philosophy and psychology and provides an opportunity for interdisciplinary research. The research methodology consists of comparing the doctrines related to the research subject, involving both the most traditional concepts, and a cognitive as well as a cognitive-biological approach. The author analyses primarily the doctrines by F. de Saussure, É. Benveniste and Ch. Peirce. The obvious Saussure's merit is his role as a pioneer in structural linguistics and the first theoretical works concerning the linguistic sign nature. Debating with Saussure, Benveniste argues that the linguistic sign is not a link between the name of the object and the object itself, but a link between the concept and an acoustic image, e.g., sound pattern. Benveniste takes the surrounding reality, the world of material things, beyond the limits of human thought. According to U. Eco's opinion, Peirce's semantic triangle describing the triadic character of the linguistic sign proves to be more objective and succinct as a model, compared with Saussure's double-natured one. Unlike the traditional doctrines the cognitive approach states inextricable connection between language and experience. The scientists supporting this trend emphasize conceptualization as a foundation stone of human mind, which affects linguistic structures formation and the linguistic sign functioning. N. L. Sukhachev defines the verbal sign as a «signal of signals» of both individual and social nature. The pervading introduction of artificial intelligence opens up broad prospects for further research in this area.

Key words: linguistic sign; significant; signified; denotatum; cognitive; signal; reflection

For citation: Burak M. S. Cognitive and biological-cognitive approaches as a new vision of traditional forms in linguistic sign research (based on romance languages data). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):190–200. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-190>. <https://elibrary.ru/JDVREN>

Введение

Данное исследование рассматривает специфику природы языкового знака и особенности его функционирования в языке. Поскольку языковой знак является одним из ключевых понятий лингвистической науки, предмет статьи представляется актуальным. При этом указанная проблематика находится на стыке лингвистики, философии и психологии и предоставляет возможность для исследований междисциплинарного характера.

Как известно, язык, являющийся главным способом человеческой коммуникации, представляет собой систему знаков. В связи с этим ученых давно занимает вопрос об онтологии языкового знака и его интерпретации.

Методология исследования заключается в рассмотрении и сопоставлении основных доктрин, касающихся указанного выше предмета, с привлечением как наиболее традиционных концепций, так и когнитивного, а также когнитивно-биологического подхода.

Так, в соответствии с доктриной Б. Потье, языковая коммуникация – это, прежде всего, как минимум обмен сообщениями между двумя собеседниками при условии сопоставимости их языковой компетенции [Pottier, 1967, с. 13]. С этой точки зрения язык являлся и является объектом исследований философов, психологов и лингвистов.

Спор между «номиналистами» – сторонниками конвенциональной связи между знаком и вещью и «реалистами», постулировавшими наличие имманентного родства между словом и обозначаемым

им предметом, уходит корнями в античность. Так, Платон утверждает присутствие в слове некоего априорного значения, соответствующего идее, вечной и неизменной. Иными словами, между объектом или явлением окружающего мира и его наименованием существует онтологическая связь. Платон и его последователи в этом отношении считали, что слово по своему фонетическому облику выражает самую суть обозначаемой им вещи. Последнее из приведенных суждений, возможно, обусловлено примерами ономастопеи, роль которой в языке была явно преувеличена [Gómez, 2012, с. 15].

Согласно наблюдениям С. Чепмена и К. Раутледжа, базирующимся на учении Аристотеля: «Окружающая действительность явлена нам, скорее, в отдельных объектах и сущностях, нежели посредством общих идей. Согласно Аристотелю, существует естественное соответствие между объектом и его ментальной репрезентацией, конвенционально представленной в виде произвольно установленного знака, как в устной речи, так и в письменной» (*здесь и далее перевод мой – М. Б.*) [Chapman, Routledge, 2008, с. 34–50]. Полемизируя с Платоном, Аристотель отрицает принцип отражения в слове идеи, изначально присущей предмету или явлению и неразрывно с ними связанной [Gómez, 2012, с. 15].

Отталкиваясь, в частности, от этого положения, Фердинанд де Соссюр пишет свой «Курс общей лингвистики», послуживший основой всех последующих разработок в области теоретического языкознания и в особенности структуралистских теорий. Согласно наблюдению исследовате-

ля, язык реализует свои функции в зависимости от отношений слова и мысли, с одной стороны, и слова и его звуковой оболочки с другой. При этом истоки формирования акустического образа лексемы в основном не связаны с причинами обретения ею данной семантики [Saussure, 1945, с. 91].

Знаки *не есть* непосредственная имитация обозначаемого ими объекта, так как их, как правило, нельзя объяснить, исходя из их собственной природы. Согласно мнению Ф. де Соссюра, каждый знак является произвольным. Тем не менее, естественная необходимость в объяснении окружающего мира, изначально присущая человеку, неизбежно приводит к появлению классов знаков, произвольность которых относительна [Gómez, 2012, с. 15]. Речь идет, в частности, о криптографии или о клинописных текстах, о древнейших алфавитах.

Сам Соссюр приводит следующий пример в связи с вводимым им понятием языковой *мотивации*. Число 19 (по-французски *dix-neuf*) есть особого рода синтагма, состоящая из знаков *dix* (10) и *neuf* (9). Значение целого скомпоновано здесь из значений составных элементов. Прозрачность общего смысла, то есть «мотивированность» данной синтагмы проистекает из ясности значений её элементов [Gómez, 2012, с. 16].

При этом фонетическая трансформация, согласно справедливому наблюдению Ф. де Соссюра, может существенно изменить вышеописанную ситуацию. Л. Ф. Гомес приводит в этой связи следующий пример на материале испанской лексемы *enemigo* («враг»), произошедшей от латинской лексемы *amicus* («друг») с префиксом – *in*, обозначающим в данном случае отрицание [Gómez, 2012, с. 16]. Латинское *in-amicus* (букв. «не друг / недруг») превратилось сначала в *inimicus* [Дворецкий, 1976, с. 527], минимально изменив свой внешний облик.

Inimicus же превратилось в *enemigo* («враг», «недруг»), по всей видимости, уже в период преобразования народной латыни в будущий кастильский язык, но не позже XII в. Подтверждение мы находим, в частности, в «Поэме о Сиде». *¡Esto me han buuelto mis **enemigos malos**!* («Вот что учинили мне лихие недруги») [Cantar de mio Cid, с. 10]. Являясь очевидным плеоназмом («злые враги / лихие недруги»), приведенный пример транслирует фольклорный стереотип, свойственный средневековому эпосу.

При анализе рассматриваемого явления в «Поэме о Сиде» представляется уместным подход И. А. Мельчука, обращающего внимание на «лексическую функцию» (ЛФ) [Мельчук, 2012, с. 166].

ЛФ проявляется в коллокациях различных типов [Мельчук, 2012, с. 165]. В качестве таковой выступает сочетание *enemigos malos*, где *ключевым словом* или *базой* («аргументом» ЛФ) служит лексема *enemigos*, а её «коллокатом» (или «функцией») – лексема *malos*. Данный вид ЛФ Мельчук определяет как *Magn* («интенсификатор»). Среди приводимых им примеров присутствуют коллокации, образованные в том числе по данному типу: в роли *базы* выступает имя существительное, а в роли *коллоката* – имя прилагательное. Данная ЛФ выражается в виде общей формулы $Magn(S) = Adj$, где *S* – существительное, а *Adj* – прилагательное. В нашем случае: *Magn(enemigos «враги») = malos «злые»* [Мельчук, 2012, с. 76–77].

Исходя из внутренней цельности синтагмы *enemigos malos* или даже *mis enemigos malos* («мои заклятые враги»), внутри которой существительное *enemigos* имеет обязательную валентность [Кацнельсон, 1987] на *malos* и на *mis* как на определения, её можно воспринимать как речевой знак, маркирующий средневековую ментальность в её устной фольклорной традиции.

Разумеется, при этом оба приведенных варианта в современном испанском языке утратили бы необходимую контекстуальную и культурологическую обусловленность и с точки зрения стиля выглядели бы неуместно. То есть, выражение *enemigos malos* («злые враги / лихие недруги»), скорее всего, было бы заменено на *enemigos mortales* («заклятые / смертельные враги»). Причем по нашему наблюдению данная синтагма в современном языке уже не выглядела бы в такой же степени единым целым, как *enemigos malos* («злые враги / лихие недруги») в «Поэме о Сиде».

С другой стороны, в современном испанском языке лексема *volver* («возвращать(ся)», «поворачивать», «переворачивать» и проч.) не является полноточным синонимом глагола *hacer* («делать»). В переводе на современный язык вышеуказанная фраза могла бы быть трансформирована, как минимум, тремя способами. 1) *Esto **me han hecho** mis enemigos mortales* (букв. «*Это мне сделали мои смертельные враги*»). 2) *Así **me han puesto** mis enemigos mortales* (букв. «*Так меня поставили мои смертельные враги*»). 3) *Muy desgraciado **me han vuelto** mis enemigos mortales* (букв. «*Очень несчастным меня повернули мои смертельные враги*»).

Первый вариант почти полностью совпадает со средневековой версией с той лишь разницей, что слово «злой» заменено на «смертельный», а гла-

гол с центральной семей «обращать, возвращать, переворачивать» заменен на глагол «делать». При этом синтаксис полностью сохраняется. Во втором варианте замена глагола сопровождается изменением падежного управления. С адресата акцент смещается на объект («мне учинили») преобразовывается в «меня поставили»). Наконец, в третьем случае при частичном сохранении синтаксиса и попытке сохранить поэтический стиль всё же очевидно изменение в употреблении глагола *volver*. В средневековом испанском языке (по крайней мере, в эпосе) он обладает фактитивным значением, но формально требует наличие адресата действия, а не его объекта. В современном же языке подобное употребление данного глагола невозможно. Однако, его фактитивное значение проявляет себя в серии устойчивых выражений, где данный глагол требует не только наличия объекта воздействия, но и прилагательного, сопровождающего данный объект, и относящегося к результату указанного воздействия. Например, *volverle a alguien feliz / desgraciado / loco, etc.* («сделать (то есть букв. «повернуть») кого-то счастливым / несчастным / сумасшедшим» (то есть свести с ума и т. д.).

Как можно видеть, несмотря на существенные различия между средневековым кастильским вариантом и его современными условными эквивалентами, есть и сходства, в том числе в плане синтаксиса. Во всех трех случаях речь идет не только о сохранении в употреблении времени *Preterito Perfecto Compuesto* (условный аналог английского *Present Perfect*), но и о сохранении (в большей или меньшей степени) общей структуры высказывания. Что касается лексического наполнения, глаголы *hacer, poner, volver* сопоставимы друг с другом с точки зрения наличия у них общей глубинной семы, связанной с воздействием на одушевленный объект.

Исходя из всего вышеизложенного, представляются справедливыми следующие выводы: 1) пути варьирования языкового знака в диахронии могут делать акцент как на аффиксах, так и на «приращении» к смысловому ядру «обязательных» коллокатов; 2) изменения в семантике и синтаксисе в диахронии могут допускать наличие особого рода преемственности в отношении восприятия действительности в рамках одного языка.

От Ф. де Соссюра к Э. Бенвенисту

Возвращаясь к учению Ф. де Соссюра, следует отметить его рассуждение о языке как о наборе взаимосвязанных структур, которым присуща

внутренняя оппозиция *означающего* и *означаемого* [Saussure, 1945].

Как известно, Ф. де Соссюр, говоря о языке в совокупности его разносторонних черт, выделяет отдельно *language, langue, parole*. *Language*, то есть язык как феномен имеет индивидуально-социальную природу [Золотухин, 2016, с. 332]. Обладая различными аспектами: физическим, физиологическим и психическим, он представляет собой комплексное явление, которое невозможно вместить в жесткие рамки [Saussure, 1945].

Language в свою очередь делится на *langue* (то есть язык в узком смысле слова) и *parole* (речь). Швейцарский исследователь объявляет объектом исследования лингвистики *langue* как автономную и устойчивую систему, подчиняющуюся классификации, оставляя в стороне *parole* (речь). Последняя по наблюдению ученого является в каждом случае уникальной и зависит от индивидуальных особенностей того, кто её произносит [Saussure, 1945].

Для Ф. де Соссюра главным компонентом *langue* является языковой знак – *z*, который присутствует в мозгу носителей определенного языка. Этот знак амбивалентен и представляет собой «соединение двух психических составляющих»: *означаемого*, то есть смысловой сущности и *означающего*, то есть акустического образа [Saussure, 1945, с. 91]. Языковой знак является произвольным, то есть для каждого языка соотношение *означаемого* и *означающего* будет в каждом случае индивидуальным. Поэтому, *означающее* не является в строгом смысле слов наименованием объекта, но лишь его звуковой репрезентацией, «ментальным впечатком». В противоположность ему *означаемое*, то есть концептуальное содержание является более абстрактной сущностью.

Также Ф. де Соссюр говорит о «линейности» *означающего*, которое представляет собой цепочку морфем, следующих друг за другом. То есть акустический образ языкового знака реализует себя во времени [Saussure, 1945, с. 91].

В свою очередь Э. Бенвенист утверждает, что языковой знак связан с наименованием предмета не через него самого, а посредством акустического образа и смысла, то есть *означающего* и *означаемого*. Согласно мнению Э. Бенвениста, это подтверждается произвольностью языкового знака. Полемизируя с Ф. де Соссюром по поводу вышеуказанной референциальной соотносительности, он выводит окружающую действительность – предметный мир за пределы человеческого мышления. По его мнению, если языковой знак при-

сутствует в уме говорящего, нет оснований считать, что он указывает на реальный предмет, находящийся вне нашего ментального пространства [Benveniste, 1971, с. 54].

Э. Бенвенист соглашается с Ф. де Соссюром по поводу произвольности языкового знака в связи с тем, что в каждом языке для данного *означаемого* будет свое *означающее*. Однако, он оспаривает его идею об амбивалентности отношений *означаемого* и *означающего*. Согласно мнению Ф. де Соссюра, их связь одновременно неизменна и подвижна. Она неизменна в том смысле, что данное *означающее* достается нам в каждом языке от предыдущих поколений, и мы не можем в одночасье его изменить или заменить на другое. В то же время в силу различных факторов, например, социального, постепенная замена подобного плана оказывается возможной [Saussure, 1945, с. 100]. Э. Бенвенист в этой связи говорит о том, что подобная двойственность отношений присутствует не между *означающим* и *означаемым*, а между языковым знаком и реальным объектом. Таким образом, в каждой повседневной ситуации тот или иной языковой коллектив, называя вещи именами, создает собственные «конвенциональные объекты» [Benveniste, 1971, с. 54].

Вербально-коммуникативный аспект реализации языкового знака

А. Шафф, польский философ, социолог и лингвист переносит языковой знак непосредственно в область вербальной коммуникации, то есть речи. Исследователь подчеркивает тот факт, что знак несет в себе значение, унифицированное для всех носителей данного языкового коллектива, что и обеспечивает их взаимопонимание [Schaff, 1966, с. 164]. В отличие от Ф. де Соссюра, А. Шафф говорит не о языковом, а о *речевом* знаке. Ученый делает акцент на том, что «речевой знак несет в себе не просто значение, но также и звук, который имеет материальную природу и распространяется в пространстве волны, без чего коммуникация была бы невозможна» [Schaff, 1966, с. 203].

Исследователь подчеркивает прозрачность языкового смысла и органическую связь между языком и мышлением. В связи с чем с его точки зрения речевой знак следует воспринимать в его целостности, не подразделяя на составные элементы.

Кроме того, по мнению А. Шаффа указанная выше прозрачность позволяет речевому знаку достигнуть максимально высокой степени абстрак-

ции, недоступной знакам другого плана [Schaff, 1966, с. 213].

Согласно наблюдению У. Эко, в отношении языкового знака возможен семиотический подход двух типов. Первый тип рассматривает аспект коммуникации, второй концентрирует внимание на процедуре обозначения.

В том, что касается первого типа, по мнению У. Эко, Ф. де Соссюр недостаточно четко определил характер *означаемого*, оставив его в пограничной области на стыке «ментальной репрезентации», идеи и «отпечатка психологической реальности» [Есо, 1991, с. 32]. Как отмечает У. Эко, Ф. де Соссюр уподобляет лингвистические знаки конвенциональным атрибутам, полностью искусственным по своей природе, таким как: правила этикета, алфавит или система дорожных обозначений [Товар-Вьера, 2014, с. 113].

Второй тип связан с семантическим треугольником Ч. С. Пирса, включающим знак, объект (*референт* или иначе *денотат*) и знак, выполняющий функцию интерпретации по отношению к первичному знаку. Важно то, что и *денотат*, и первичный знак имеют объективный характер. Первичный знак является конвенционально обусловленным. Это результат определенной «договоренности» между членами данного сообщества в случае, если речь идет о языке, или нескольких сообществах, если имеются в виду другие знаковые системы. В то же время знак-интерпретатор имеет подчеркнуто субъективный характер, существует только в мозгу данного конкретного индивида в конкретной ситуации и является результатом соединения влияния на этого индивида *объекта-референта (денотата)*, первичного объективного, «общественно узаконенного» знака и его (индивида) ментально-эмоциональной реакции на указанную выше ситуацию [Пирс, 2000, с. 91].

В некоторых случаях, однако, первичный знак может выступать таковым в пределах своего языка, но быть *вторичным образованием* по отношению к другим языкам и даже представлять особый конструкт, состоящий из сцепления более простых первичных знаков. В качестве примера можно привести французское обозначение числа «90» *quatre-vingt-dix* (букв. 4-20-10).

В тех ситуациях, когда мы имеем дело с метафорой или рядом метафор, вторичный десигнат – интерпретатор первичного знака может приобретать теоретически бесконечное число коннотаций. В частности, если речь идет о поэзии, о художественной литературе, о песенном творчестве. В качестве примера можно привести песню знамени-

того каталонского барда Ж. М. Серрата на испанском языке «*A la orilla de la chimenea*» (букв. «*На побережье у камина*»). Путем серии многослойных метафор мужчина и женщина осуществляют диалог, исполненный любви к друг другу. Однако, при этом очевиден сложный и многоуровневый характер их отношений. Ж. М. Серрат говорит своей любимой: «*Y si quieres, también puedo ser tu estación y tu tren*» [Serrat] («И, если ты хочешь, я так же могу быть для тебя вокзалом и поездом»). И автор, и исполнитель, и любой новый слушатель будет вкладывать в эти строки свой глубоко индивидуальный смысл, ведомый лишь ему одному, если строки найдут отклик в его душе.

В связи со всем вышеизложенным представляется обоснованным предпочтение У. Эко тройственной природы знака в соответствии с концепцией Ч. С. Пирса по сравнению с его дуалистичной природой согласно Ф. де Соссюру [Есо, 1991, с. 32].

В свою очередь Э. Косериу отмечает тождественность природы иллокутивных актов в том или ином языковом сообществе при отсутствии между ними полной идентичности. Исходя из данного положения и обращая особое внимание на аспект речи, ученый определяет язык как «совокупность индивидуальных иллокутивных актов, одинаково доступных в реализации и восприятии участникам данного языкового коллектива» [Coseriu, 1983, с. 11].

Говоря те или иные слова, люди преследуют одну и ту же цель: донести до собеседника определенное содержание. Индивидуальные особенности сознания говорящего способствуют индивидуализации каждого иллокутивного акта и превращают его в акт творчества, осознанного или неосознанного, где присутствует интуиция. Поэтому, в каждом конкретном случае тот или иной носитель языка придает данному языковому знаку свое, *частное* значение в зависимости от ситуации [Tovar-Viera, 2014, с. 115]. Согласно мнению Косериу, языком называется «любая система знаков, обладающих символическим значением, используемая для коммуникации внутри группы или сообщества. То есть любая система знаков, годная для выражения идей и чувств, иначе говоря: определенного *состояния сознания*» [Coseriu, 1983, с. 8]. Таким образом, человеческий язык *распознает* такие знаки как слова в качестве *входящих стимулов*, в качестве реакций на определенные ментальные образы и в качестве выражения ментальных репрезентаций [Tovar-Viera, 2014, с. 115].

С другой стороны, символический характер знака конвенционально связывает его с реальностью, в основе своей не зависящей ни от говорящего, ни от реципиента [Coseriu, 1983, с. 8].

Когнитивный подход

В противоположность традиционным точкам зрения когнитивная лингвистика утверждает неразрывную связь языка, как и других *компетенций*, присущих человеку, с опытом. Это означает, что значение не существует независимо в отрыве от человеческой психики, но является её частью. Поэтому, языковая структура в большой степени зависит от вида и формы концептуализации. Индивидуальные типы последней, свойственные каждому участнику языкового коллектива, совместимы и сопоставимы друг с другом, что в итоге обеспечивает эффективную межличностную коммуникацию [Lakoff, Johnson, 1980].

Дж. Лакофф также подчеркивает тот факт, что подход, основанный на опыте, прежде всего, сенсорного характера, в наибольшей степени соответствует реальному положению вещей. Язык не является по наблюдению ученого механизмом, изолированным от других когнитивных свойств человека, но, напротив, связан с ними непосредственно. Язык как часть общего мыслительного аппарата позволяет структурировать концепты, использовать одну структуру для категоризации другой, моделировать и воспринимать ситуацию на разных уровнях абстракции и комбинировать простые модели для создания более сложных. Все эти явления наглядно демонстрируют связь языка, мира и мышления [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1987].

Язык – это когнитивная способность индивида, которая «питается» его взаимодействием с окружающей средой и с другими индивидами внутри определенного языкового коллектива. Таким образом, говорящий или его собеседник пользуется набором языковых знаков, которые они оба ассоциируют с определенными фонологическими и семантическими репрезентациями. Это значит, что важность символической функции языка кроется именно в обозначении явлений и предметов, то есть в референциальности, в соотношении одного с другим, что и составляет его природу.

Беря за основу идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона, можно говорить об особом рода референциальности, проявляющей себя в многоплановом и многослойном мире метафоры, пронизывающем человеческий язык насквозь. Метафора в нашем понимании является не только одной из

наиболее гибких и пластичных форм категоризации. Будучи основанной порой на индивидуальном опыте, а чаще на опыте всего языкового коллектива, она позволяет удивительным образом моделировать так-называемые *концептуальные структуры*. При этом символическая роль достигает в ней апогея, ибо способствует нетривиальному переносу признаков и черт одних концептов на другие. И даже в тех случаях, когда подобный перенос укладывается в рамки формальной логики, он представляет собой сложное явление, так как не является полностью *линейным* и однонаправленным.

В связи со всем вышесказанным Гомес обращает внимание на тот факт, что две метафоры (или целая группа таковых) подчас связывают в единое пространство разные лексико- и фразеосемантические поля, за счет того, что в основе лежит одна стержневая идея, одна концептуальная метафора. При этом трансформации, которые происходят в указанном пространстве могут относиться не только к его лексической составляющей, но и отражаться в грамматике. В качестве примера исследователь приводит следующую концептуальную метафору: *гнев – есть горячая жидкость, помещенная в контейнер*. Соответственно, метафорическое содержание приводимых далее испанских выражений при всей их разнородности будет подчинено этой центральной идее: гнев, готовый выплеснуться наружу, подобен горячей жидкости в контейнере, которой в нем тесно. Примеры:

1. *Está que explota* – он/она вот-вот взорвется (от ярости), (букв. «находится в состоянии готовности к взрыву»)

2. *le sale humo por las orejas* – у него/у неё валит дым из ушей

3. *me tiene hasta la coronilla* – он/она/это меня достал/ла/ло, (букв. «владеет мной аж до темени») [Gómez, 2012, с. 19].

Как можно наблюдать, приведенные фразы различаются не только по своему лексическому составу, но и по своей грамматической структуре. Все три выражения подразумевают в своей основе одну главную мысль, но выражают её по-разному. Каждый раз при выборе того или иного способа выражения мысли носитель языка опирается на фон общих знаний, которыми владеет. При этом в каждой конкретной ситуации его выбор так же обусловлен тем уникальным состоянием его ментальных процессов, которое в данную минуту актуально для него как для отдельного индивида.

В связи с этим П. Н. Барышников утверждает: проблемы семантики связаны с особенностями

психофизической природы сознания человека. А этот факт в свою очередь обуславливает содержание языкового выражения [Барышников, 2016, с. 122]. Ученый ссылается в этой связи на исследования лингвиста и философа Р. Джекендоффа [Jackendoff, 1983], теории которого всегда были на стыке генеративной и когнитивной лингвистики. Рассуждая в подобном русле, П. Н. Барышников приходит к верным, на наш взгляд, выводам. Языковые структуры «обуславливают работу сознания» в значительной степени и одновременно являются её результатом, как бы ««вбирая» специфические черты физического носителя сознания» [Барышников, 2016, с. 122].

Данный процесс представляется взаимонаправленным. Сознание как совокупность существенных характеристик индивида, формируемых в том числе во взаимодействии с окружающим миром, в большой мере определяет природу создания им устных и письменных текстов. Это подтверждается, в частности, теорией В. фон Гумбольдта о том, что каждый человек говорит на своем собственном языке [Гумбольдт, 1984]. Данный тезис в свою очередь коррелирует с тем, что «семантические свойства языка включают в себя особенности свойств мозга, тела, социального и природного окружения, культурно-исторического контекста и т. п.» [Барышников, 2016, с. 122].

При этом и язык, и сознание человека являются системными феноменами. Поэтому, с нашей точки зрения предыдущие тезисы коррелируют также с идеей Н. Л. Сухачёва, рассуждающего о природе языка как системы. «За системностью языка стоят, с одной стороны, структура человеческого сознания, а с другой – конкретные языковые традиции, каждая из которых системна по своему» [Сухачёв, 2007, с. 279].

С другой стороны, если ту или иную языковую традицию можно описать, то человеческое сознание поддается описанию лишь косвенным путем через порождаемые им *материальные единицы*, например, языковые знаки и тексты. Непознаваемость внутреннего мира человека связана также и с тем, что на психические процессы могут влиять факторы разного свойства. Начиная от собственно языковых знаков и текстов, проходя через многоаспектный мир эмоций и чувств, и заканчивая биологическими процессами. В случае, если речь идет о духовно развитом человеке, подчас сложно определить грань, где заканчивается мир символов, и где начинаются факторы биологического характера. Всё это скрыто от взора непосредственного наблюдателя.

При этом несомненным является факт посредничества мозга во взаимодействиях организма и среды, что в свою очередь обуславливает существование когнитивно-биологического подхода к функционированию языкового знака.

Ниже приводятся рассуждения Н. Л. Сухачёва и Н. Ф. Алефиренко, которые роднит стремление связать воедино разные материи, в частности: лингвистику, биологию и психологию. На наш взгляд, данная попытка представляется удачной, поскольку эти рассуждения характеризуются внутренней цельностью. Их философская подоплека – фундаментальное единство всего сущего.

Когнитивно-биологический подход

В рамках своей теории Н. Л. Сухачёв высказывает любопытную мысль. «В живой природе в специфических формах проявляются законы отражения, определяющие связность всех природных образований. Иными словами, нервно-психические сигналы онтологически восходят к универсальным законам отражения, и важнейшая их функция – экзистенциальная. Что касается индивидуально-социального „сигнала сигналов” (словесного знака), то по мере аккумуляции человеческого опыта и повышения уровня рефлексии он перерастает в своего рода форму отражения отражений, обретая уникальную когнитивную и неотъемлемую от неё коммуникативную функцию» [Сухачёв, 2007, с. 259].

Переход взаимоотношений со средой на более сложный уровень предусматривает в каждом случае перестройку психической структуры.

При этом только сигналы высшей нервной деятельности, в частности «речевые „сигналы сигналов”» предопределяют зарождение сознания и последующую его эволюцию» [Сухачёв, 2007, с. 260].

Н. Ф. Алефиренко отмечает в этой связи единство восприятия человеком среды своего обитания и себя самого на первых этапах существования. Постепенное дистанцирование своей идентичности от окружающего пространства, а затем и противопоставление себя ему происходит под воздействием возрастающей способности к аналитическому мышлению [Алефиренко, 2005, с. 185]. В результате упомянутые выше универсальные законы отражения приобретают следующую специфику. Окружающая реальность оставляет свой слепок в сознании человека, превращаясь в «психический феномен – в образ мира», где человек является субъектом отражения, а внеш-

ний мир – его объектом [Алефиренко, 2005, с. 185; Schwarz, 1992, с. 36].

Делая акцент на биологических основах возникновения знаковых систем, Н. Ф. Алефиренко утверждает: «„Замыкание временных связей” (т. е. „формирование новых временных связей между различными элементами мозга” [Павлов, 1951, с. 362]) является центральным звеном в процессе знакообразования» [Алефиренко, 2005, с. 186]. Именно в этот момент происходит «превращение индифферентного раздражителя в *значимый, сигнальный...*», сопровождаемое возникновением «обратной связи» [Алефиренко, 2005, с. 186].

При этом ученый называет биологическую часть процесса лишь «общей канвой», на которой вырисовывается «психологический узор», подчеркивая тем самым двойственную природу возникновения знака [Алефиренко, 2005, с. 186]. Как справедливо отмечает исследователь, «именно здесь (то есть в момент возникновения обратной связи) и происходит рождение в семиозисе идеального ... „замыкание временных связей” и „снятие” (идеализация) отражаемого предмета превращает сигналы в знак (сигналы сигналов), поскольку у них появляется важнейшее семиотическое свойство – оказывать *мотивационное* воздействие на психику человека» [Алефиренко, 2005, с. 186].

Далее Н. Ф. Алефиренко обращает внимание на полифункциональный характер словесного знака как единицы «второй сигнальной системы» [Павлов, 1951, с. 362]. Кроме рефлекторной, с одной стороны, а с другой – когнитивной и коммуникативной функций, он приобретает возможность выполнять также индикативную, номинативную, прагматическую (как средство воздействия) и экспрессивную функции [Алефиренко, 2005, с. 186].

При этом следует отметить тот факт, что в разных ситуациях удельный вес той или иной функции может существенно меняться. В частности, плеоназм в примере из «Поэмы о Сиде», приведенный нами ранее (*mis enemigos malos – лихие мои недруги*), призван был предельным образом усилить эмоциональное воздействие на слушателя, а позднее на читателя. В современных испанских выражениях экспрессивная функция может также реализовываться путем усиления признака, релевантного для данной ситуации. Однако, речь будет идти уже не о плеоназме, а о повторе. Например, ¡*Cochino más que cochino!* – *Ну ты/он/она и свинья!* (букв. «Свинья, и больше, чем свинья»). Другим видом *экспрессива*, где ин-

тенсификация признака выражена с помощью прилагательного *menudo*, может служить следующая конструкция. ¡*Menudo holgazán estás hecho!* – Ну ты и лентяй (ну и лентяем же ты стал!) (букв. «Этаким лентяем ты заделался»). Первоначальное значение прилагательного *menudo* – *мелкий, крошечный* в подобного рода контекстах постепенно преобразовалось в *жалкий, ничтожный* [Moliner, 1998, с. 327]. А это в ряде случаев может отражать не только экспрессивную, но и прагматическую функцию, связанную с воспитанием. Однако, в некоторых ситуациях употребление *menudo* в данной конструкции может приводить к обратному эффекту: восхищение собеседником (или третьим лицом), выражаемое за счет усиления соответствующего признака [Moliner, 1998, с. 327]. Это особенно заметно в рамках подчеркнуто разговорного стиля. Подобное явление наглядно демонстрируется, например, в отзыве о тренере по подводному плаванию, оставленном на сайте *tripadvisor*: ¡*Menudo crack! Este tío es la caña, es un orgullo haber buceado con él.* – «Вот это спец! (букв. «потрясающий дока»). Мужик реально крут. Горжусь, что нырял вместе с ним» [Tripadvisor].

В связи с приведенным примером следует отметить переосмысление в испанском разговорном языке англицизма *crack*. С точки зрения английского языка центральной семой здесь является момент разрушения, влекущего за собой ряд дополнительных отрицательных коннотаций. В то время как нейтральные или позитивные коннотации имеют в процентном отношении гораздо более низкий удельный вес. Кроме того, в английском языке это слово может относиться к разным стилевым регистрам. В испанском же языке данная лексема, во-первых, является принадлежностью подчеркнуто разговорного стиля, во-вторых, употребляется в положительном смысле, подразумевающим восхищение собеседником или третьим лицом.

Результаты исследования

Представленные выше примеры подтверждают обоснованность существования различных подходов к интерпретации языкового знака. На наш взгляд, при сравнительно большей объективности и *вещественной направленности* когнитивного и когнитивно-биологического подходов, они не опровергают, а удачно дополняют концепции Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста и Ч. С. Пирса. Каждая из вышеупомянутых доктрин стремится к рас-

крытию с новой стороны сложнейшего явления на стыке лингвистики, философии и психологии.

Э. Бенвенист рассуждает об этом в следующем ключе. Языковая форма – есть условие «реализации и передачи мысли» [Бенвенист, 2002, с. 104–106].

По наблюдению Л. С. Выготского, несмотря на отсутствие полного тождества между мыслью и словом, значение слова – есть «акт мышления» [Песина, 2009, с. 179; Выготский, 1999].

В качестве следствия из выше приведенных тезисов можно очередной раз констатировать: языковой знак обретает подлинный смысл, когда соответствующая коммуникативная ситуация и соответствующее контекстуальное окружение задают ему рамки посредничества между языком и ментальным пространством человека.

Заключение

В качестве заключения представляется уместным еще раз подчеркнуть сопоставимость природы языковых и ментальных процессов в том смысле, что и язык, и сознание человека являются структурированными системами. В связи с этим выглядит удачным определение структуры, данное Н. Л. Сухачёвым со ссылкой на Ж. Пиаже как «системы преобразований». «Структура включает ... три условия (*les trois caractères*): цельности, трансформируемости и саморегуляции» [Сухачёв, 2007, с. 279; Piaget, 1974, с. 7]. И если вопрос саморегуляции и цельности сознания человека подчас кажется спорным, то безусловным является факт его трансформируемости. Что касается языка, все три характеристики здесь вполне справедливы.

О взаимной соотнесенности процессов, свойственных языку и мышлению, говорит, в частности, С. А. Песина со ссылкой на Г. Гийома. По справедливому наблюдению исследователя, «язык овеществляет ментальное. Ментальное обращается к физическому, последнее должно обеспечить ему чувственное восприятие» [Песина, 2009, с. 178]. Однако физическое воспроизведение ментального, ограниченное по своей природе, никогда не сможет передать ментальное в полной мере достоверно. На протяжении всего периода своего существования человеческий язык осуществляет непрерывный поиск путей максимально точной передачи содержания мысли, образа или чувства [Песина, 2009, с. 178; Гийом, 1992].

По справедливому наблюдению Н. Хомского, язык – один из главных ключей к раскрытию тайн сознания [Chomsky, 1957]. Выражаем надежду на

то, что уважаемые коллеги и будущие исследователи прольют новый свет на природу языкового знака, расширив диапазон корреляций между языком и сознанием, включая, например, такой важный и в то же время сравнительно новый для нас аспект, как роль искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-лингвистические механизмы семиозиса // Научни трудове. Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Серия: Филология. 2005. Т. 43, кн. 1. С. 185–192.
2. Барышников П. Н. Когнитивная лингвистика и философия сознания: объяснительный разрыв в онтологии языкового знака // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50, № 4. С. 119–134.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва : Эдиториал УРСС, 2002. 448 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Издание 5-ое, исправленное. Москва : Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва : Прогресс, 1992. 224 с.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва : Прогресс, 1984. 400 с.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Москва : Русский язык, 1976. 1096 с.
8. Золотухин Д. С. Терминологическая триада «langue-langage-parole» Фердинанда де Соссюра в работах разной степени аутентичности // Преподаватель XXI век. 2016. Т. 3, № 2. С. 329–334.
9. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.
10. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. Москва : Языки славянской культуры, 2012. 176 с.
11. Павлов И. П. Полное собрание сочинений: в 5-и т. Т. 3, кн. 2. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1951. 439 с.
12. Песина С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления // Вестник ОГУ. 2009. № 7 (101). С. 178–180.
13. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков // Начала прагматизма. Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. 352 с.
14. Сухачев Н. Л. Об онтологии и генезисе речевого знака (семиотический и нозматический аспекты) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2007. Т. III, ч. 1. С. 258–284.
15. Cantar de Mio Cid. [б.г., б.и.]. 115 p. URL: <https://ww2.ac-poitiers.fr/espagnol/sites/espagnol/IMG/pdf/cantar-de-mio-cid.pdf> (дата обращения: 17/01/2025).
16. Chapman S., Routledge C. Key ideas in linguistics and the philosophy of language. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 272 p.
17. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague : Mouton, 1957. 117 p.
18. Coseriu E. Introducción a la lingüística. México : Universidad Nacional Autónoma de México, 1983. 112 p.
19. Eco U. Tratado de semiótica general. Barcelona : Lumen, 1991. 520 p.
20. Gómez L.-F. La relación del signo lingüístico con la mente y los procesos cognitivos: un ensayo de conceptualización desde una perspectiva histórico-cultural // Revista Rastros Rostros. 2012. Vol. 14. № 27. P. 14–24.
21. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge : The MIT Press, 1983. 288 p.
22. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
24. Moliner M. Diccionario de uso del español en 2 volúmenes. Vol. 1. Madrid : Gredos S. A., 1998. 1519 p.
25. Piaget J. Le structuralisme. Paris : Presses Universitaires de France, 1974. 125 p.
26. Pottier B. Lingüística General: teoría y descripción. Madrid : Gredos S. A., 1976. 426 p.
27. Saussure F. Curso de lingüística general. Buenos Aires : Losada, 1945. 260 p.
28. Schaff A. Introducción a la semántica. México : Fondo de cultura económica, 1966. 400 p.
29. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. Tübingen : Francke, 1992. 289 p.
30. Serrat J. M. A la orilla de la chimenea. URL: <https://genius.com/Joan-manuel-serrat-and-rozalen-a-la-orilla-de-la-chimenea-lyrics> (дата обращения: 14/02/2025).
31. Tovar-Viera R. El signo lingüístico y sus concepciones teóricas // Ciencia y Tecnología al servicio del pueblo. 2014. Vol. 1. № 3. P. 107–117.
32. Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/LocationPhotoDirectLink-g1036817-d6888682-i196287684-Pata_Negra_Divers-Panglao_Island_Bohol_Province_Visayas.html (дата обращения: 12/02/2025).

Reference list

1. Alefirenko N. F. Kognitivno-lingvisticheskie mehanizmy semiozisa = Cognitive-linguistic mechanisms of semiosis // Nauchni trudove. Plovdivski universitet «Paisij Hilendarski». Serija: Filologija. 2005. T. 43, kn. 1. S. 185–192.
2. Baryshnikov P. N. Kognitivnaja lingvistika i filosofija soznaniya: ob#jasnitel'nyj razryv v ontologii jazykovogo znaka = Cognitive linguistics and philosophy of mind: an explanatory gap in the linguistic sign ontology // Jepistemologija i filosofija nauki. 2016. T. 50, № 4. S. 119–134.
3. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika = General linguistics. Moskva : Jeditorial URSS, 2002. 448 s.
4. Vygot'skij L. S. Myshlenie i rech' = Thinking and speech. Izdanie 5-oe, ispravlennoe. Moskva : Labirint, 1999. 352 s.

5. Gijom G. Principy teoreticheskoy lingvistiki = Principles of theoretical linguistics. Moskva : Progress, 1992. 224 s.
6. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju = Selected works on linguistics. Moskva : Progress, 1984. 400 s.
7. Dvoreckij I. H. Latinsko-russkij slovar' = Latin-Russian dictionary. Moskva : Russkij jazyk, 1976. 1096 s.
8. Zolotuhin D. S. Terminologicheskaja triada «langue-langage-parole» Ferdinanda de Sossjura v rabotah raznoj stepeni autentichnosti = Ferdinand de Saussure's terminological triad «langue-langage-parole» in works of varying authenticity degrees // Prepodavatel' HHI vek. 2016. T. 3, № 2. S. 329–334.
9. Kacnel'son S. D. K ponjatiju tipov valentnosti = On the concept of valence types // Voprosy jazykoznanija. 1987. № 3. S. 20–32.
10. Mel'chuk I. A. Jazyk: ot smysla k tekstu = Language: from meaning to text. Moskva : Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2012. 176 s.
11. Pavlov I. P. Polnoe sobranie sochinenij: v 5-i t. T. 3, kn. 2 = Complete Works: in 5 volumes. Vol. 3, book 2. Moskva : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 439 s.
12. Pesina S. A. Kognitivnyj podhod k vzaimodejstviyu jazyka i myshlenija = A cognitive approach to the interaction of language and thought // Vestnik OGU. 2009. № 7 (101). S. 178–180.
13. Pirs Ch. S. Logicheskie osnovanija teorii znakov = Logical bases of the sign theory // Nachala pragmatizma. Sankt-Peterburg : Aleteja, 2000. 352 s.
14. Suhachev N. L. Ob ontologii i genezise rechevogo znaka (semioticheskij i nojematicheskij aspekt) = On the ontology and genesis of the speech sign (semiotic and noematic aspects) // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij. 2007. T. III, ch. 1. S. 258–284.
15. Cantar de Mio Cid. [b.g., b.i.]. 115 p. URL: <https://ww2.ac-poitiers.fr/espagnol/sites/espagnol/IMG/pdf/cantar-de-mio-cid.pdf> (data obrashhenija: 17/01/2025).
16. Chapman S., Routledge C. Key ideas in linguistics and the philosophy of language. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 272 p.
17. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague : Mouton, 1957. 117 p.
18. Coseriu E. Introducción a la lingüística. México : Universidad Nacional Autónoma de México, 1983. 112 p.
19. Eco U. Tratado de semiótica general. Barcelona : Lumen, 1991. 520 p.
20. Gómez L.-F. La relación del signo lingüístico con la mente y los procesos cognitivos: un ensayo de conceptualización desde una perspectiva histórico-cultural // Revista Rastros Rostros. 2012. Vol. 14. № 27. P. 14–24.
21. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge : The MIT Press, 1983. 288 p.
22. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
24. Moliner M. Diccionario de uso del español en 2 volúmenes. Vol. 1. Madrid : Gredos S.A., 1998. 1519 p.
25. Piaget J. Le structuralisme. Paris : Presses Universitaires de France, 1974. 125 p.
26. Pottier B. Lingüística General: teoría y descripción. Madrid : Gredos S.A., 1976. 426 p.
27. Saussure F. Curso de lingüística general. Buenos Aires : Losada, 1945. 260 p.
28. Schaff A. Introducción a la semántica. México : Fondo de cultura económica, 1966. 400 p.
29. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. Tübingen : Francke, 1992. 289 p.
30. Serrat J. M. A la orilla de la chimenea. URL: <https://genius.com/Joan-manuel-serrat-and-rozalen-a-la-orilla-de-la-chimenea-lyrics> (data obrashhenija: 14/02/2025).
31. Tovar-Viera R. El signo lingüístico y sus concepciones teóricas // Ciencia y Tecnología al servicio del pueblo. 2014. Vol. 1. № 3. P. 107–117.
32. Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/LocationPhotoDirectLink-g1036817-d6888682-i196287684-Pata_Negra_Divers-Panglao_Island_Bohol_Province_Visayas.html (data obrashhenija: 12/02/2025).

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 27.05.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-201

EDN: HPJDHR

Лексико-грамматический анализ названий статей во французской спортивной прессе

Юлия Андреевна Дроздова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ. 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А
connectinfo1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8143-9386>

Аннотация. Целью данного исследования являлось изучение основных лексических и морфолого-синтаксических средств французского языка, применяемых авторами для реализации своих коммуникативных задач в рамках заголовков статей спортивных изданий.

В процессе анализа языкового материала было установлено, что выбор конкретных морфолого-синтаксических структур, а также лексических единиц с соответствующей семантической нагрузкой обусловлен совокупностью факторов, как непосредственно языковых, так и экстралингвистических. Так, авторы отдают предпочтение сжатым, эллиптическим конструкциям как на уровне предложения, так и на уровне словосочетания. Это проявляется в отказе от сложных форм, особенно глагольных, что позволяет достичь максимальной лаконичности и эффективности заголовка. Для привлечения внимания и создания эмоционального отклика у читателя активно используются экспрессивно окрашенная лексика, метафоры и игра слов. Такой подход помогает сделать заголовок более ярким и запоминающимся. Важнейшим элементом является стремление к точности и достоверности информации. Авторы часто цитируют высказывания участников событий, уделяют особое внимание правильности приведенных цифр и фактов, а также активно используют числительные и другие части речи с семантикой количественности, что придает заголовкам убедительность и надежность. Чтобы привлечь и удержать интерес читателя применяются различные приемы интерактивного воздействия. Среди них – использование вопросительных конструкций, создающих интригу и побуждающих к дальнейшему чтению, а также повелительного наклонения, которое напрямую обращается к читателю и стимулирует его к действию. Исследование позволило раскрыть механизмы взаимодействия этих элементов, определяющих формирование заголовков, и продемонстрировать, каким образом авторы статей достигают поставленных целей, используя определенные языковые ресурсы.

Анализ был выполнен на основе корпуса заголовков статей спортивной тематики, опубликованных в ведущих французских периодических изданиях. Временной диапазон выборки составил два календарных года, что позволило учесть актуальные тенденции и изменения в языке спортивных заголовков.

Ключевые слова: газетный заголовок; вопросительные конструкции; цитирование; французская пресса; спортивная тематика; семантика количественности; активный залог

Для цитирования: Дроздова Ю. А. Лексико-грамматический анализ названий статей во французской спортивной прессе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 201–208. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-201>. <https://elibrary.ru/HPJDHR>

Original article

Lexical-grammatical analysis of article titles in french sports press

Yulia A. Drozdova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of romance-germanic languages, All-Russian academy of foreign trade, the Ministry of economic development, RF. 119285, Moscow Vorobievskoye shosse, 6A
connectinfo1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8143-9386>

Abstract. The aim of this research is to study the main lexical and morphological-syntactic means of the french language used by authors to realize their communicative tasks in headlines of sports articles.

The analysis shows that the choice of certain morphological-syntactic structures and lexical units with an adequate semantic load is conditioned by a number of factors, both linguistic and extralinguistic. The authors of the articles under study prefer abbreviated constructions at the level of a sentence and at the level of word-combinations. This is evident

as the authors do not use complex forms, especially verb forms, which makes the headlines extremely laconic and effective. Expressive vocabulary, metaphors, and puns are used to attract the reader's attention and elicit an emotional response. This approach helps to make the headline more vivid and memorable. The important element is the desire for accuracy and reliability of information. The authors often quote participants of events, pay special attention to the correctness of figures and facts, and widely use numerals and other parts of speech with quantitative semantics, which gives the headlines credibility and reliability. Various interactive techniques are used to attract and hold the reader's interest. Some of them are: the use of interrogative constructions that create intrigue and encourage further reading, as well as the imperative mood, addresses the readers directly and stimulating them to act. The study helps to reveal the mechanisms of interaction between the elements that determine the headline structure and demonstrate how to achieve the goals using certain linguistic resources.

The analysis is based on the corpus of sports-related headlines published in leading French periodicals. The duration of sampling is two calendar years, which made it possible to consider current trends and changes in the language of sports headlines.

Key words: newspaper headline; interrogative constructions; quotation; French press; sports topics; quantitative semantics; active voice

For citation: Drozdova Yu. A. Lexical-grammatical analysis of article titles in french sports press. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):201–208. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-201>. <https://elibrary.ru/HPJDHR>

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей передачи фактов, процессов, явлений внеязыковой реальности через спектр морфолого-синтаксических и лексических средств в рамках заголовков статей французской спортивной прессы. В настоящее время ученых привлекает, с одной стороны, изучение профессиональных дискурсов в разных сферах деятельности. Поскольку спорт является неотъемлемой частью человеческой жизни, изучению его языка с точки зрения терминологии [Жук, 2023; Dasovkhadzhieva, 2021; Skosyrsky, 2024], стилистики и социологии [Калистратова, 2023; Reshetova, 2017; Thomas, 2021], теории перевода [Кандаева, 2023; Мурзанаева, 2023; Рамирес Родригес, 2022; Салхенова, 2024; Сопина, 2022], лексико-грамматических особенностей [Кузьмичева, 2023; Синельникова, 2023; Aubry, 2024; Grochala, 2021; Voisin, 2024], теории дискурса [Лапина, 2023; Abrosimova, 2015; Cerovšek, 2021; Chemerik, 2021; Zandrahimi, 2017], посвящается значительное количество научных работ. С другой стороны, неизменным остается интерес лингвистов к газетным статьям как к ценному источнику исследования языкового материала. Именно на базе этих двух тенденций современной лингвистики было проведено данное исследование.

Основной целью анализа являлось выявление наиболее распространенных языковых явлений французского языка, отражающих специфику непосредственно спортивного заголовка. Исследование базировалось на материале корпуса названий статей спортивной тематики, опубликованных в ведущих французских периодических изданиях за последние два года. При проведении

анализа основное внимание было сосредоточено на функционально-прагматическом подходе к изучению материала. Таким образом, языковые единицы рассматривались не только с точки зрения их формальных характеристик, но и с учетом их функций в реальном общении и взаимодействии. Полученные результаты исследования могут быть использованы при преподавании французского языка в рамках изучения газетных статей, а также в спец.курсах по языку прессы как на уровне старших курсов бакалавриата и специалитета, так и магистратуры.

Методы исследования

В процессе исследования было изучено более 2 000 названий статей спортивных рубрик крупнейших франкоязычных изданий за последние два года, полученных методом сплошной выборки, что обеспечило большой охват и объективность результатов. Методологической основой проведенного анализа послужили приемы контекстного, коммуникативно-прагматического и экстралингвистического описания изучаемых языковых явлений, а также метод лингвистического наблюдения. Примеры заголовков статей были проанализированы с точки зрения синтаксической структуры, специфики грамматических явлений и используемой лексики.

Заголовки спортивных статей в французской прессе: лексический и грамматический аспекты

Проведенный анализ языкового материала выявил, что морфолого-синтаксические, стилистические и лексические особенности заголовков статей спортивной прессы на французском языке

неразрывно связаны с самой спецификой спорта как важной части человеческой деятельности. Такие характерные черты спортивной жизни, как нацеленность на результат, активная вовлеченность, эмоциональность, точность и четкость, находят отражение в ряде языковых особенностей спортивного заголовка. В структуре названия статьи отдается предпочтение коротким и емким конструкциям как на уровне предложения, так и на уровне словосочетания; авторы избегают сложных форм, в частности, глагольных. Для вовлечения читателя в тематику статьи используются вопросы, в том числе риторические, повелительное наклонение.

Нередко название статьи начинается с конкретизации того вида спорта, которому она посвящена, подробности содержания раскрываются после двоеточия.

Cyclisme: la 5e étape du Tour de Pologne pour Van den Berg, Mohoric reste leader (Le Monde, 01.08.2023)

Basket: les Metropolitans 92 tiennent leur 3e recrue (Le Figaro, 22.08.2024)

Foot: Marcelo en pleurs après avoir involontairement disloqué le genou d'un adversaire (Le Monde, 02.08.2023)

Вопрос в начале заголовка часто служит для привлечения внимания читателя к дискуссионной теме, раскрываемой в тексте самой статьи; в некоторых случаях такой вопрос может быть риторическим, что способствует усилению эффекта вовлеченности читателя в проблематику статьи:

Kylian Mbappé peut-il tenir tête au PSG? (Le Monde, 01.08.2023)

Comment les femmes ont-elles obtenu leur propre Coupe du monde de football? (Le Monde, 05.08.2023)

Paris 2024: comment se déroulera la cérémonie d'ouverture des JO? (Le Figaro, 20.07.2024)

Mercato: Lukaku d'accord pour s'engager avec la Juventus Turin? (Le Figaro, 22.08.2024)

Повелительное наклонение в рамках названия спортивной статьи на французском языке позволяет автору обратиться напрямую к читателю, помогает включить целевую аудиторию в контекст определенного события, почувствовать себя частью спортивной жизни.

Découvrez les notes attribuées aux joueuses de l'équipe de France après la large victoire face au Panama (3-6), ce mercredi à Sydney (Le Monde, 01.08.2024)

Paris 2024: **revivez** notre journée spéciale consacrée aux Jeux olympiques à un an de la cérémonie d'ouverture (Le Figaro, 29.08.2024)

Rumeurs, déclarations, arrivées, départs, officialisations... **Retrouvez** toutes les informations du mercato foot (Le Figaro, 22.08.2024)

Стремление к максимальной краткости заголовков часто приводит к опущению сказуемого либо к его замене причастием, что помогает донести до читателя полную информацию, одновременно в более сжатой форме. Простые предложения традиционно предпочитают авторами статей спортивных изданий в заголовках, в отличие от текста самой статьи, где повествование ведется более подробно и обстоятельно.

Football: Sylvain Ripoll **démis** de ses fonctions de sélectionneur des Espoirs, à moins d'un an de Paris 2024 (Le Figaro, 03.08.2024)

Alex Baudin **disqualifié** du Tour d'Italie pour usage de tramadol (Le Monde, 03.08.2023)

Le club de Soyaux, pionnier du football féminin, **contraint** de repartir au niveau amateur (Le Figaro, 19.08.2024)

Применение богатого спектра разнообразных лексических средств также позволяет авторам спортивных статей сокращать заголовки за счет опущения глагольной части:

Coupe du monde féminine 2023: les Marocaines **aux portes** de l'exploit (Le Monde, 04.08.2023)

Le FC Sochaux-Montbéliard **vers** le dépôt de bilan à la suite d'un avis défavorable du CNOSF sur son maintien en Ligue 2 (Le Monde, 02.08.2023)

Les All Blacks champions de l'hémisphère Sud **à l'approche** de la Coupe du monde du rugby en France (Le Monde, 01.08.2023)

Поскольку в спорте важнейшей составляющей является личность того или иного спортсмена, его имя нередко содержится в названии статьи, иногда в самом начале.

Caeleb Dressel, Kristof Milak et Adam Peaty, ces nageurs stars qui ont perdu l'envie de nager (Le Monde, 10.08.2023)

L'attaquant **Sadio Mané** quitte le Bayern Munich et le football européen pour le club saoudien d'Al-Nassr (Le Figaro, 17.09.2024)

Le footballeur **Dani Alves** va être jugé pour viol en Espagne (Le Monde, 06.08.2023)

Журналисты могут использовать не только полное имя известного спортсмена, но и его общепринятое прозвище или сокращение.

«**Zizou!**»: la foule acclame Zidane lors de la cérémonie d'ouverture des Jeux olympiques (Le Figaro, 27.08.2024)

Ligue Europa: en vidéo, le but sublime «à la **Zlatan**» d'un joueur d'Hoffenheim (Le Monde, 08.08.2023)

Цитаты участников соревнований, тренеров и экспертов включаются в заголовки статей фран-

цузской прессы для придания им достоверности и живости. Прямая речь помогает передать эмоции и мнения лиц, упоминаемых в статье:

Philippe Tayeb: «L'Aviron Bayonnais grandit mais il ne faut pas s'enflammer» (Le Figaro, 03.10.2024)

PSG: «On n'était pas très bien, il faut le dire», reconnaît Vitorino (Le Figaro, 13.09.2024)

F1: «Si j'étais dans la voiture de Pérez, ça ne se passerait pas comme ça pour Verstappen», tacle Hamilton (Le Monde, 19.08.2023)

Игра слов традиционно позволяет обогатить текст заголовка статьи метафорическим смыслом. В спортивных статьях часто эта метафора основана на специфике определенного вида спорта.

Surf: la nouvelle **vague** africaine (Le Monde, 11.08.2023)

«**L'océan est une cure de désintox**»: en Afrique du Sud, **le surf** à la rescousse des enfants des townships (Le Monde, 03.09.2023)

Maxime Grousset, champion du monde du 100 mètres papillon, **un coup d'essai et un coup de maître** (Le Monde, 12.08.2023)

Le football féminin français ne veut pas **manquer le dernier train** du professionnalisme (Le Monde, 20.08.2023)

Mondial de handball 2025: **les Pharaons** et leur **pyramide** sur la route des Bleus (Le Figaro, 27.01.2025)

Так как спорт непосредственно связан с достижениями, рекордами, высокими показателями, в заголовках статей французской прессы нередко прилагательные, обозначающие уникальность, глаголы и существительные с семантикой лидерства, победы, превосходства.

Foot: «Il est **unique**», Ronaldo encensé par son sélectionneur (Le Figaro, 15.08.2024)

Top 14: Favre à la place de Nowell, **seul** changement de La Rochelle pour affronter Montpellier

Portugal: Changement de **leader**, le Benfica vire en tête (Le Figaro, 14.09.2024)

Vendée Globe: Charlie Dalin, sensationnel **vainqueur, pulvérise le record** de l'épreuve (Le Figaro, 03.08.2024)

«Ça a réveillé en moi la rage de **vaincre**»: **boostés** par les héros des JO 2024, ces Français qui se (re)mettent au sport (Le Figaro, 25.09.2024)

Natation: Léon Marchand **explose le record** d'Europe sur le 100 m 4 nages à Singapour (Le Figaro, 22.09.2024)

Спортивные достижения характеризуются числовыми показателями, поэтому числительные играют важную роль в заголовках статей французской спортивной прессы. Журналисты часто

употребляют глаголы, причастия, существительные с количественным значением.

Formule 1: Max Verstappen remporte le Grand Prix de Belgique, sa **dixième** victoire en **douze** courses (Le Monde, 04.09.2023)

Cyclisme: Remco Evenepoel remporte la Clásica San Sebastian et signe un **triplé** record (Le Monde, 04.08.2023)

Vendée Globe: Richomme **double** son avance sur Dalin (Le Monde, 12.08.2023)

JO - BMX: **triplé** français historique, Daudet en or devant André et Mahieu (Le Figaro, 23.08.2024)

Bundesliga: Schick porte Leverkusen avec un quadruplé (Le Monde, 02.09.2023)

Исключительные успехи в спорте подчеркиваются сравнением спортсменов с существами, обладающими сверхъестественными возможностями и ловкостью.

Léon Marchand, champion du monde sur 200 m papillon, le «nouveau **monstre**» de la natation qui fascine les Japonais (Le Monde, 01.08.2023)

Mondiaux de natation: face à l'**extraterrestre** Popovici, Maxime Grousset en embuscade dans le 100 mètres nage libre (Le Monde, 03.09.2023)

Après les retraites de Rafael Nadal et de Roger Federer, Novak Djokovic devient le dernier des **géants** du tennis (Le Monde, 07.08.2023)

Поскольку спорт так или иначе подразумевает соревнования, то в названиях статей периодически встречаются военные термины, существительные и глаголы со значением борьбы, победы, поражения.

Tour de France 2023: **le duel** entre Jonas Vingegaard et Tadej Pogacar, de **la guerre** des secondes au K.-O. final (Le Monde, 01.08.2023)

Tour de France Femmes: **duel** annoncé entre Van Vleuten et Vollering, la Française Labous en **embuscade**... Ce qu'il faut savoir avant le départ de la Grande Boucle (Le Monde, 01.09.2023)

L'équipe de France féminine commence sa Coupe du monde **en affrontant** la Jamaïque (Le Monde, 11.08.2023)

Эмоциональная вовлеченность читателей в определенный вид спорта достигается за счет применения прилагательных и глаголов яркой экспрессивной окраски:

Liga: en vidéo, le but **magnifique** de Mbappé face à Alavés (Le Figaro, 07.08.2024)

Top 14: le **poignant** hommage de Toulouse à Medhi Narjissi, ancien joueur de son centre de formation (Le Figaro, 12.09.2024)

NBA: Yabusele, un contre **spectaculaire** et décisif pour clore une soirée **fantastique** (Le Figaro, 09.08.2024)

Champions Cup: l'UBB coule les Sharks avec un **monumental** Damian Penaud (Le Figaro, 12.09.2024)

NBA: l'**improbable** panier de Gobert qui **a enflammé** Minnesota contre Denver (Le Figaro, 22.08.2024)

Coupe du monde 2030 sur six pays, Mondial 2034 en Arabie saoudite... **Êtes-vous choqués** par le choix de la Fifa? (Le Figaro, 11.12.2024)

Aurélien Jean: «Comment les algorithmes vont profondément **bouleverser** la pratique sportive dans le futur» (Le Figaro, 24.07.2024)

Обращает на себя внимание все более частое использование феминитивов при описании женских видов спорта, тем более, традиционно более «мужские» виды сейчас все больше выбираются женщинами.

Le crescendo de Kadidiatou Diani, **autrice** du premier triplé d'une Française en Coupe du monde (Le Monde, 05.08.2023)

Coupe du monde féminine: Amel Majri et Selma Bacha, **la gauche** lyonnaise au service des **Bleues** (Le Monde, 13.08.2023)

Les **archères** Lisa Barbelin, Audrey Adiceom et Caroline Lopez se sont qualifiées pour les demi-finales des championnats du monde au parc olympique de Berlin. (Le Figaro, 05.08.2024)

Для описания спортивных событий, больших достижений нередко используются прилагательные в превосходной степени:

Gianluigi Buffon, **l'un des plus célèbres** gardiens de but du monde, annonce la fin de sa carrière (Le Monde, 12.08.2023)

JO 2024: Hafnaoui veut devenir le Tunisien **le plus médaillé** aux Jeux (Le Figaro, 03.08.2024)

L'un des joueurs chinois les plus célèbres de l'histoire est accusé d'avoir accepté des pots-de-vin, alors que Pékin tente d'endiguer les malversations dans le milieu du sport. (Le Monde, 02.09.2023)

Характерной чертой названий спортивных статей является предпочтение активного залога пассивному, что связано с самой спецификой спорта как вида человеческой деятельности, направленного на достижение конкретного результата.

Hervé Renard **opère** cinq changements dans son 11 de départ. La jeune Vicky Bécot, 19 ans, va connaître sa première titularisation. (Le Monde, 02.08.2023)

Moto GP: Alex Rins **rejoint** Fabio Quartararo chez Yamaha en 2024 (Le Monde, 03.12.2024)

Coupe du monde: les Bleues **écrasent** le Panama et **valident** haut la main leur qualification (Le Monde, 03.08.2023)

Употребление артикля в заголовках французских спортивных статей в целом аналогично об-

щим тенденциям грамматического строя заголовков, однако обращает на себя внимание некоторая специфика. В частности, доля нулевого артикля в названиях статей спортивной тематики относительно меньше, чем определенного или неопределенного артиклем, однако существуют некоторые случаи, когда его выбор представляется авторам необходимым. Наиболее часто нулевой артикль встречается в начале заголовков статей спортивной тематики, когда он предшествует существительному, отражающему основную тему текста, которая затем подробно раскрывается после двоеточия.

Jeux d'hiver 2030: Barnier en visite à Nice (Le Figaro, 27.01.2025)

Ligue des champions: le PSG (presque) au complet à Stuttgart (Le Figaro, 28.01.2025)

Patinage artistique: Adam Siao Him Fa en quête d'un triplé (Le Figaro, 28.01.2025)

Также нулевой артикль используется в названиях статей для оформления однородных членов предложения при перечислении, особенно если автор хочет подчеркнуть массовость какого-либо явления или понятия.

Vendée Globe: **position, classement**, la cartographie de la course en direct (Le Figaro, 28.01.2025)

Заголовки статей спортивных изданий на французском языке характеризует значительная насыщенность определенным артиклем, что связано с высокой степенью конкретизации описываемых фактов, явлений и процессов. В частности, определенный артикль встречается в тех случаях, когда речь идет о широко известных понятиях или явлениях, знакомых целевой аудитории.

Bundesliga: **le championnat allemand** va tester les micros ouverts pour les arbitres (Le Figaro, 27.01.2025)

Foot: Thiago Motta possiblement en danger sur le banc de **la Juventus**, Xavi appelé? (Le Figaro, 28.01.2025)

Кроме того, существительное может быть детерминировано прямо внутри заголовка другими грамматическими средствами, такими как дополнения, относительные придаточные предложения, определения с семантикой уникальности, прилагательные в превосходной степени и т. д.

Le journal du mercato: un milliard d'euros pour Vinicius? **L'offre** mirobolante que **préparerait l'Arabie saoudite** (Le Figaro, 27.01.2025)

Premier League: Ruben Amorim plaisante sur **l'absence de Marcus Rashford** (Le Figaro, 27.01.2025)

Pour vous, qui est **le plus grand joueur** de l'histoire du tennis? (Le Figaro, 28.01.2025)

Ligue des champions: le Sporting est «favori» mais «**l'équipe la plus faible** peut toujours battre **la plus forte**» en C1, souligne Bruno Genesio (Le Figaro, 27.01.2025)

Formule 1: Norris remporte **l'unique séance** d'essais libres au Brésil (Le Figaro, 28.01.2025)

Неопределенный артикль чаще всего используется авторами статей спортивной тематики, когда они хотят избежать указания на конкретное лицо, понятие или явление, упомянутые в заголовке.

«Graves chutes», sept membres de l'équipe allemande de cyclisme sur piste percutés par **une voiture** (Le Figaro, 28.01.2025)

Tennis: pour la première fois depuis 11 ans, **un Français** remporte le Tournoi des Petits As (Le Figaro, 28.01.2025)

Foot: **un ancien joueur** de Ligue 1 expulsé dans le championnat turc pour avoir giflé son coéquipier (Le Figaro, 27.01.2025)

Выбор неопределенного артикля в заголовке статьи может быть также обусловлен влиянием некоторых грамматических конструкций, таких как использование неопределенного артикля в значении числительного «один» или употребления определений, придающих существительному оттенок неопределенности. Например:

Athlétisme: le lancer de marteau tourne au drame aux États-Unis, **un spectateur** tué (Le Figaro, 28.01.2025)

«J'ai exprimé **un certain mal-être**», «Mon épouse me pousse à ne pas prendre le risque de continuer à jouer»... Les phrases fortes de l'année rugby (Le Figaro, 27.01.2025)

PSG: «Safonov a permis de générer **une certaine supériorité**, il a été très bon», analyse Luis Enrique (Le Figaro, 27.01.2025)

Таким образом, употребление артиклей в заголовках спортивных статей во французской прессе имеет свои особенности, связанные с необходимостью точного и полного представления информации, а также стремлением к ясности и четкости в выражении определенности или неопределенности рассматриваемых понятий и явлений.

Отличительной особенностью языка спортивных заголовков является умелое сочетание специальной спортивной терминологии с профессиональными жаргонизмами, а также с лексикой нейтральной стилистической окраски. Такое смешение стилей обусловлено необходимостью учитывать язык разных слоев общества, проявляющих интерес к спортивной тематике. Спортивный заголовок, таким образом, выполняет функцию своеобразного моста между специалистами в области спорта и широкой аудиторией, обеспечивая

доступность информации для всех заинтересованных сторон.

France – Jamaïque: les Bleues **butent contre** les Jamaïcaines pour leur **entrée en lice** (Le Monde, 11.08.2023)

Top 14: Owen Franks, double champion du monde avec les All Blacks, rejoint Toulouse comme **joker** Coupe du monde (Le Monde, 07.08.2023)

Coupe du monde féminine: le Brésil **prend la porte**, la Jamaïque qualifiée (Le Monde, 02.09.2023)

Cyclisme: **suspendu pour violation des règles antidopage**, l'Australien Rob Stannard manquera les Mondiaux (Le Monde, 21.08.2023)

Заключение

Исследование показало, что в заголовках французских статей спортивной тематики органично сочетаются разнообразные лексические, морфолого-синтаксические и стилистические средства для эффективной реализации целеустановок авторов статей. Такие экстралингвистические характеристики спорта, как сферы человеческой деятельности, мотивированность на результат, активное участие в процессе, эмоциональная вовлеченность, точность и четкость, отражаются в следующих языковых особенностях спортивного заголовка:

- Краткость: выбор сокращенных и концентрированных конструкций как на уровне предложения, так и на уровне словосочетания; избегание сложных форм, в частности, глагольных;

- Экспрессивность: использование эмоционально ярко окрашенной лексики, метафор, игры слов;

- Достоверность: цитирование реплик, внимание к точности приведенных цифр, фактов, частое использование числительных и других частей речи с семантикой количественности;

- Вовлечение читателя: использование вопросительных конструкций, повелительного наклонения.

Сочетание научной, в данном случае спортивной, терминологии с профессиональными жаргонизмами, а также с лексикой нейтральной окраски является отличительной чертой языка спортивного заголовка как отражения аспекта деятельности человека с высокой степенью социального взаимодействия всех слоев общества.

Таким образом, названия французских спортивных статей представляют собой сложную комбинацию авторских намерений, воплощенных в сочетании широкого спектра стилистических, лексических и морфолого-синтаксических средств.

Библиографический список

1. Жук Е. Е. Спортивные профессионализмы в языке англоязычной прессы // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Сборник научных статей. Краснодар, 2023. С. 39–44.
2. Калистратова Е. А. Метафоры спорта в современной англоязычной прессе (на материале новостных порталов Де Таймс и Де Гардиан) // Молодежная наука – первый шаг в науку большую. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2023. С. 199–204.
3. Кандаева Е. М. Сравнительно-сопоставительный анализ перевода газетно-журнальной публицистики с французского на русский язык (на материале спортивной статьи «Rugby» журнала «Label France») / Е. М. Кандаева, Е. К. Кузьмина // Проблемы теории и методики профессионального лингвистического образования. Материалы V международной научно-практической конференции. Казань, 2023. С. 500–512.
4. Кузьмичева М. Д. Языковые особенности спортивных пресс-релизов на примере компании Adidas / М. Д. Кузьмичева, Е. В. Сотскова / Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации // Сборник материалов Международной научной конференции молодых исследователей. Москва, 2023. С. 220–225.
5. Лапина А. А. Способы репрезентации эмоций гнева в современном англоязычном спортивном дискурсе / А. А. Лапина, Е. В. Николаева // Исследование различных направлений современной науки: социальные и гуманитарные науки. Сборник материалов XXVII международной очно-заочной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 83–85.
6. Мурзанаева Н. Е. Особенности перевода спортивной терминологии фигурного катания с английского языка на русский язык (на материале прессы США) // Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции. Сборник научных трудов по материалам II Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции. Уфа, 2023. С. 309–314.
7. Рамирес Родригес П. Фразеологический перевод специализированной речи: контрастивный анализ спортивной прессы на русском и испанском языках // Филология: научные исследования. 2022. № 3. С. 64–81.
8. Салхенова А. А. Французские спортивные PR-тексты в переводческом аспекте (на примере футбольной прессы) / А. А. Салхенова, И. А. Федорова, Л. Г. Карандеева // Многоязычие в образовательном пространстве. 2024. Т. 16. № 1 (20). С. 126–134.
9. Синельникова И. И. Феминитивы названий профессий в спортивной сфере (на материале французской публицистики) / И. И. Синельникова, О. Д. Найдено // Научный альманах. 2023. № 11-4 (109). С. 121–124.
10. Сопина В. В. Перевод английской футбольной терминологии в спортивной прессе // Интернаука. 2022. № 1-2 (224). С. 87–89.
11. Abrosimova L. S. Jargon in sport discourse: formation and functioning / L. S. Abrosimova, M. A. Bogdanova // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. Т. 1. № 4 (6). С. 12–17.
12. Aubry L. Les noms d'humains dans la presse sportive en suisse romande: un facteur d'inégalité de traitement entre les athlètes féminines et masculins? / L. Aubry, A. Pamuksaç // SHS Web of Conferences. 2024. Т. 191. С. 10–15.
13. Cerovšek M. L'imitation de la conversation en tant que strategie de connivence dans le discours journalistique sportif // Journal for Foreign Languages. 2021. Т. 13. № 1. С. 109–126.
14. Chemerik F. Le rôle du parler populaire dans la structuration du discours médiatique de la presse algérienne lors d'un événement sportif // Communication. 2021. № Vol. 38/1.
15. Dasovkhadzhiyeva A. A. Formation of sport terms on the material of Chechen and Russian languages // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (34). С. 14–17.
16. Grochala B. Sport texts in teaching Polish as a foreign language // Acta Universitatis Lodzianensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców. 2021. Т. 28. С. 297–307.
17. Reshetova E. G. Socio-functional characteristics of phraseological units with somatic component in the texts of technology, politics and sport // European Journal of Literature and Linguistics. 2017. № 2. С. 54–57.
18. Skosyrsky D. S. Some peculiarities of origin of English ski sport terminology / D. S. Skosyrsky, I. L. Kuchesheva // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2024. № 15 (24). С. 219–221.
19. Thomas C. Un processus postcolonial: la genèse de la domination kényane dans les courses de fond vue par la presse sportive spécialisée française // Sur le journalisme, About journalism, Sobre jornalismo. 2021. Т. 10. № 2. С. 138–151.
20. Voisin N. Ce qu'un média sportif et ses lecteurs font aux compétitions de jeux vidéo. Analyse des discours de la rubrique esport de l'équipe.fr // Études de Communication. 2024. Т. 62. С. 103–144.
21. Zandrahimi M. Translation of acronyms, initialisms and abbreviations (aia) in Persian political and sport journalistic texts / M. Zandrahimi, H. Afzoon // Journal of Research in Applied Linguistics. 2017. Т. 8. С. 192–199.

Reference list

1. Zhuk E. E. Sportivnye professionalizmy v jazyke anglojazychnoj pressy = Sports professionalisms in the English press language // Aktual'nye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoj kommunikacii. Sbornik nauchnyh statej. Krasnodar, 2023. S. 39–44.
2. Kalistratova E. A. Metaforы sporta v sovremennoj anglojazychnoj presse (na materiale novostnyh portalov De Tajms i De Gardian) = Sports metaphors in contemporary English press (based on the news portals The Times and The Guardian) // Molodezhnaja nauka – pervyj shag v nauku bol'shuju. Sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Petrozavodsk, 2023. S. 199–204.

3. Kandaeva E. M. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz perevoda gazetno-zhurnal'noj publicistiki s francuzskogo na russkij jazyk (na materiale sportivnoj stat'i «Rugby» zhurnala «Label France») = A comparative analysis of translating newspaper and magazine articles from French into Russian (the case of the sports article «Rugby» from the magazine «Label France») / E. M. Kandaeva, E. K. Kuz'mina // Problemy teorii i metodiki professional'nogo lingvisticheskogo obrazovanija. Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kazan', 2023. S. 500–512.
4. Kuz'micheva M. D. Jazykovye osobennosti sportivnyh press-relizov na primere kompanii Adidas = Linguistic features of sports press releases using Adidas as an example / M. D. Kuz'micheva, E. V. Sotskova / Social'no-gumanitarnye problemy obrazovanija i professional'noj samorealizacii // Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh issledovatelej. Moskva, 2023. S. 220–225.
5. Lapina A. A. Sposoby reprezentacii jemocij gneva v sovremennom anglojazychnom sportivnom diskurse = Ways of representing the emotions of anger in modern English sports discourse / A. A. Lapina, E. V. Nikolaeva // Issledovanie razlichnyh napravlenij sovremennoj nauki: social'nye i humanitarnye nauki. Sbornik materialov XXVII mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 2023. S. 83–85.
6. Murzanaeva N. E. Osobennosti perevoda sportivnoj terminologii figurnogo katanija s anglijskogo jazyka na russkij jazyk (na materiale pressy SShA) = Specifics of translating sports terminology for figure skating from English into Russian (based on the US press) // Lingvisticheskie i metodicheskie aspekty formirovanija mezhkul'turnoj kompetencii. Sbornik nauchnyh trudov po materialam II Vserossijskoj ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ufa, 2023. S. 309–314.
7. Ramires Rodrigues P. Frazеологический перевод специализированной речи: контрастивный анализ спортивной прессы на русском и испанском языках = Phraseological translation of specialist speech: contrastive analysis of sports press in Russian and Spanish // Filologija: nauchnye issledovaniya. 2022. № 3. S. 64–81.
8. Salhenova A. A. Francuzskie sportivnye PR-teksty v perevodcheskom aspekte (na primere futbol'noj pressy) = French sports PR texts in terms of translation (based on football press) / A. A. Salhenova, I. A. Fedorova, L. G. Karandeeva // Mnogojazychie v obrazovatel'nom prostanstve. 2024. T. 16. № 1 (20). S. 126–134.
9. Sinel'nikova I. I. Feminitivy nazvanij professij v sportivnoj sfere (na materiale francuzskoj publicistiki) = Feminitives naming professions in the sports sphere (based on French journalism) / I. I. Sinel'nikova, O. D. Najdenko // Nauchnyj al'manah. 2023. № 11-4 (109). S. 121–124.
10. Sopina V. V. Perevod anglijskoj futbol'noj terminologii v sportivnoj presse = Translating English football terminology in the sports press // Internauka. 2022. № 1-2 (224). S. 87–89.
11. Abrosimova L. S. Jargon in sport discourse: formation and functioning / L. S. Abrosimova, M. A. Bogdanova // Nauchnyj rezul'tat. Serija: Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. 2015. T. 1. № 4 (6). S. 12–17.
12. Aubry L. Les noms d'humains dans la presse sportive en suisse romande: un facteur d'inégalité de traitement entre les athlètes féminines et masculins? / L. Aubry, A. Pamuksaç // SHS Web of Conferences. 2024. T. 191. S. 10–15.
13. Cerovšek M. L'imitation de la conversation en tant que strategie de connivence dans le discours journalistique sportif // Journal for Foreign Languages. 2021. T. 13. № 1. S. 109–126.
14. Chemerik F. Le rôle du parler populaire dans la structuration du discours médiatique de la presse algérienne lors d'un événement sportif // Communication. 2021. № Vol. 38/1.
15. Dasovkhadzheva A. A. Formation of sport terms on the material of Chechen and Russian languages // Izvestija Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Serija 1. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2021. № 2 (34). S. 14–17.
16. Grochala B. Sport texts in teaching Polish as a foreign language // Acta Universitatis Lodzensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców. 2021. T. 28. S. 297–307.
17. Reshetova E. G. Socio-functional characteristics of phraseological units with somatic component in the texts of technology, politics and sport // European Journal of Literature and Linguistics. 2017. № 2. S. 54–57.
18. Skosyrsky D. S. Some peculiarities of origin of English ski sport terminology / D. S. Skosyrsky, I. L. Kuchsheva // Chelovek i jazyk v kommunikativnom prostanstve: sbornik nauchnyh statej. 2024. № 15 (24). S. 219–221.
19. Thomas C. Un processus postcolonial: la genèse de la domination kényane dans les courses de fond vue par la presse sportive spécialisée française // Sur le journalisme, About journalism, Sobre jornalismo. 2021. T. 10. № 2. S. 138–151.
20. Voisin N. Ce qu'un média sportif et ses lecteurs font aux compétitions de jeux vidéo. Analyse des discours de la rubrique sport de l'équipe.fr // Études de Communication. 2024. T. 62. S. 103–144.
21. Zandrahimi M. Translation of acronyms, initialisms and abbreviations (aia) in Persian political and sport journalistic texts / M. Zandrahimi, H. Afzoon // Journal of Research in Applied Linguistics. 2017. T. 8. S. 192–199.

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 23.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-209

EDN: GQIGXO

Современные тенденции французской орфографии в аспекте нормы и эволюции

Анна Михайловна Яковлева¹, Наталья Владимировна Полякова^{2✉}

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2

¹anyamp@list.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3395-1642>

²nv.polyakova@guppros.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-3695-6181>

Аннотация. Настоящая статья представляет собой комплексное исследование, в котором производится обзор теоретических трудов, посвященных основным этапам развития современной французской орфографии, предпринимается попытка анализа «новой орфографии» на основе языковой реформы 1991 года во Франции. Кроме того, производится анализ «электронной орфографии» с привлечением открытого корпуса текстов электронных сообщений «88milSMS» и рассматриваются особенности французского «инклюзивного письма».

Цель статьи заключается в выявлении современных тенденций развития французской орфографии, базирующихся на таких факторах, как широкое распространение цифровых средств коммуникации, государственная языковая политика, современный этикет общения во Франции, требующий признания равенства полов.

Актуальность исследования определяется необходимостью систематизации орфографических и графических особенностей современной французской письменной речи.

Материалом для данного исследования послужили три основные группы данных: перечни так называемой «новой» и «старой» орфографии, корпус 88milSMS, примеры инклюзивного письма, взятые из статей в интернете. В ходе исследования использовалась комплексная методика анализа, включающая методы описательного, дискурсивного, корпусного анализа, а также исторический подход, элементы которого позволяют раскрыть процесс формирования французской системы орфографии, а также проследить за динамикой её развития.

Результаты проведенного исследования показали, что французская орфография – это не застывшая система, она развивается, откликаясь на происходящие в обществе процессы. Специфической чертой французской орфографии на современном этапе её развития является вариативность, признанная официально. Корректировка орфографических правил выступает как закономерный процесс, отвечающий естественным потребностям развития языка.

Ключевые слова: французская орфография; языковая реформа; электронное сообщение; цифровое письмо; инклюзивное письмо; письменная речь; французская Академия

Работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта-победителя конкурса на получение гранта федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения» в 2025 году.

Для цитирования: Яковлева А. М., Полякова Н. В. Современные тенденции французской орфографии в аспекте нормы и эволюции // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 209–217. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-209>. <https://elibrary.ru/GQIGXO>

Original article

Modern trends in french orthography in terms of the norm and evolution

Anna M. Yakovleva¹, Natalia V. Polyakova^{2✉}

¹Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of german and romance philology, State university of education. 105005, Moscow, Radio str., 10A, bld.2

²Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of german and romance philology, State university of education. 105005, Moscow, Radio str., 10A, bld.2

¹anyamp@list.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3395-1642>

²nv.polyakova@guppros.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3695-6181>

Abstract. This article is a complex study that reviews theoretical works on the main stages of the modern french orthography evolution. Attempts are made to analyze the ‘new orthography’ based on the 1991 language reform in France. In addition, the article analyzes ‘electronic orthography’ using the 88milSMS open text corpus of electronic messages and considers specific features of french ‘inclusive writing’.

The aim of the article is to identify modern trends in the development of french orthography based on such factors as: the widespread use of digital means of communication, the state language policy and modern communication etiquette in France, requiring recognition of gender equality.

The relevance of the study is determined by the need to classify orthographic and graphic features of modern French written speech.

The material for this research consists of three main groups of data: lists of the so-called ‘new’ and ‘old’ orthography, corpus 88milSMS, and examples of inclusive writing taken from Internet articles. In the course of the research, the authors used a complex methodology of analysis, including methods of descriptive, discourse and corpus analysis, as well as a historical approach, which help to outline the evolution of the french orthography system, as well as to trace the dynamics of its development.

The results of the study show that french orthography is not a fixed system; it is developing, responding to the processes taking place in society. A specific feature of french orthography at the present stage of its development is variability, which is officially recognized. The adjustment of spelling rules is a natural process that meets the demands of language development.

Key words: french orthography; language reform; electronic communication; digital writing; inclusive writing; written language; french Academy

The work was carried out as part of the implementation of the research project that won the competition for a grant from the Federal state autonomous educational institution of higher education «State university of education» in 2025.

For citation: Yakovleva A. M., Polyakova N. V. Modern trends in french orthography in terms of the norm and evolution. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):209–217. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-209>. <https://elibrary.ru/GQIGXO>

Введение

Французская орфография как графическая система фиксации языка и ее состояние на современном этапе развития остаются одними из важных и актуальных тем современной романистики. Дискуссии в этой области связаны с многочисленными изменениями во французской орфографии, с появлением и распространением вариантов написаний.

Многие лингвисты традиционно рассматривают французскую письменную речь как эталон использования языка, поэтому изменения, которые происходят во французской орфографии, вызывают разную, даже диаметрально противоположную реакцию не только в профессиональной среде исследователей языка, но и во франкоговорящем обществе в целом: от утверждений, что именно сейчас французский язык «переживает период упадка», до активной поддержки процессов изменения.

Французский язык, как и другие языки, живо реагирует на современные, порой, стремительные изменения в обществе. Политические и социальные процессы, изменение менталитета, новые технологии и явления находят свое проявление в лексическом составе, грамматическом строе и графическом облике языка [Скуратов, Полякова, 2021, с. 77–86].

Актуальность данного исследования определяется необходимостью систематизации орфо-

графических и графических особенностей современной французской письменной речи.

Цель статьи заключается в выявлении современных тенденций развития французской орфографии, базирующихся на таких факторах, как: широкое распространение цифровых средств коммуникации, государственная языковая политика, современный этикет общения во Франции, требующий признания равенства полов.

Задачи данной статьи включают в себя:

- обзор теоретического материала по теме;
- анализ «новой орфографии» на основе языковой реформы 1991 года во Франции;
- анализ «электронной орфографии» с привлечением открытого корпуса текстов электронных сообщений «88milSMS»;
- рассмотрение особенностей «инклюзивного письма».

Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужили три основные группы данных:

- перечни так называемой «новой» и «старой» орфографии, взятые из работ, посвященных обобщению результатов реформы французского языка 1991 года, также привлекались данные французских словарей (Larousse, Le Robert);
- корпус 88milSMS, созданный в рамках международного языкового проекта франкофонных государств sms4science. Проект координирован католическим университетом Лувен

(l'Université catholique de Louvain) в Бельгии. Корпус 88milSMS составлен командой лингвистов и специалистов по информационным технологиям университета Поль-Валери Монпелье (l'Université Paul-Valéry Montpellier 3), он включает в себя 88000 аутентичных сообщений на французском языке / «SMS authentiques en français». К анализу привлекался как сам корпус, так и проект на его основе: «100_SMS_annotations_chercheurs.ods» — экспликация 100 SMS, составленная исследователями проекта;

- примеры инклюзивного письма, взятые из статей в интернете, посвященных данному явлению, а также из практического пособия по «инклюзивному письму» на французском языке «Pour une communication publique sans stéréotype de sexe. Guide pratique» (La documentation Française, Paris, 2016).

В ходе исследования использовалась комплексная методика анализа, включающая методы описательного, дискурсивного, корпусного анализа, а также исторический подход, элементы которых позволяют раскрыть процесс формирования французской системы орфографии, а также проследить за динамикой её развития.

Результаты и обсуждение

Теоретические основы исследования

Несмотря на то, что владение орфографией воспринимается как нечто необходимое и обязательное, французские лингвисты отмечают, что в письменной речи их соотечественников встречается значительное количество орфографических ошибок [Legros, Moreau, 2017, с. 8]. Возникает вопрос: речь идет об ошибках, вызванных орфографической неграмотностью, или о новых языковых явлениях. Отметим, что различие между ошибкой и новой тенденцией развития можно рассматривать в том, каким образом употребление данного языкового явления проявляется и будет проявляться в речи, письменной и устной, носителей языка, в данном случае во Франции и в других франкоговорящих странах. Частотность этого употребления также имеет значение. Языковая форма, считающаяся правильной сегодня, ранее могла рассматриваться как ошибка. В исследованиях лингвистов встречается термин *l'usage majoritaire*, который следует трактовать как «широкое использование», «использование большинством носителей». Именно это «широкое использование» различных языковых явлений, требующее тщательного изучения, лежит в основе развития языка [Legros, Moreau, 2017, с. 9].

Есть мнение, что орфографию нельзя приравнивать к собственно языку: она остается лишь средством (*outil*), обслуживающим конкретный язык [Legros, Moreau, 2017, с. 9]. Модификация орфографии не может «навредить» языку. В качестве примера в работе Жорж Легро и Мари-Луиз Моро анализируется двойное написание *clé / clef*. При том, что французский язык сохраняет двойное графическое изображение, речь идет об одном и том же слове, с одним и тем же лексическим значением, с одинаковым набором грамматических характеристик: существительное женского рода, имеющее формы единственного и множественного числа, может выступать в роли подлежащего или дополнения и т. п., то есть орфография не меняет набор основных лингвистических характеристик слова [Legros, Moreau, 2017, с. 11].

Ситуация с омонимами и омофонами, а французский язык, как известно, обладает большим количеством омонимично звучащих слов, выглядит гораздо сложнее. В данном случае особенности орфографии способствуют разграничению слов, то есть орфография становится особым «визуальным образом» слова [Legros, Moreau, 2017, с. 12]. Например, диакритические знаки, различающие значение таких слов, как *cû / cru*, *tâche / tache*, *dû / du*. Особую сложность представляют так называемые «грамматические омофоны» (*les homophones grammaticaux*). Устный французский язык в большинстве случаев не различает единственное и множественное число имен существительных и имен прилагательных, личные окончания глаголов. Письменный язык требует соблюдения грамматических правил, что приводит к появлению значительного числа омофонов. Например, формы глагола: *je chante*, *tu chantes*, *il chante*, *ils chantent* в устной речи различаются только личными местоимениями, а в третьем лице и местоимения звучат одинаково.

Жорж Легро и Мари-Луиз Моро указывают, что специфика французской орфографии проявляется также в объединении двух базовых принципов: фонографии (*phonographie*), то есть графическое изображение произношения слов при помощи букв и их сочетаний, и семиографии (*sémiographie*), когда в графическом облике заключено не только произношение, но и значение. В их работе приводится классификация европейских языков по степени «прозрачности» (*transparence*), то есть по степени связности произношения → графического изображения → лексического значения, их орфографии. На первом месте по «прозрачности» находится финский язык; на втором — испанский, итальянский, греческий и немецкий; на третьем — голландский; на

четвертом месте расположен французский и датский языки; на пятом месте, с наиболее сложной орфографической системой, находится английский язык [Legros, Moreau, 2017, с.14].

Одна из причин «непрозрачности» французской орфографии заключается в соотношении графем и фонем. Французский алфавит содержит 26 букв, при этом специалисты насчитывают от 130 до 175 графем, необходимых французскому языку для отображения его фонетического строя (приблизительно 35 фонем). Для сравнения: финский язык содержит 23 графемы для отображения 23 фонем, испанский – 29 для 25. Такая высокая графическая поливалентность французского языка становится источником орфографических трудностей [Baccus, 2003, с. 7; Legros, Moreau, 2017, с. 14]. Приведем интересный пример, представленный уже упомянутыми выше Жорж Легро и Мари-Луиз Моро. Этот пример наглядно демонстрирует сложность соотношения французских фонем и графем. Выдуманное слово /krɛfisjɔ̃/ может иметь несколько вариантов графической фиксации: crèfission, krèfission, craifission, crèfition, crèphition, creffission, craifiscion и этот список может быть продолжен [Legros, Moreau, 2017, с. 15].

Становление французской системы орфографии: история вопроса

Реформирование французской системы орфографии началось в XVI веке, когда в науке о языке стали происходить значительные изменения, связанные с распространением рационалистической философии. В этот период изменяются также и требования к письменности, и принципы её формирования.

К XVI веку во французской орфографии накопилось значительное количество несоответствий между изменившимся произношением и графическим обликом слова. Эти несоответствия были связаны с тем, прежде всего, в написании слов сохранялись «следы» произношения, характерного для предыдущих эпох, а также, частыми отсылками к латинской этимологии с помощью графического облика слова [Катагощина, Васильева, 1997, с. 296–298]. Соответственно, в проектах по улучшению французской орфографии наблюдалось два разнонаправленных подхода: 1) сохранение этимологии слова, 2) приближение графического облика слова к его произношению.

В XVI веке пришло осознание того, что французский язык ничем не уступает латыни по своим возможностям, но одновременно с этим пришло стремление улучшить язык. Предложения по совершенствованию языка зависели от установок авторов, от того, видели ли они преимущество

французского языка в его своеобразии или же в его наследовании латинскому. В зависимости от этого предлагалось либо исправлять орфографию под существующие нормы произношения, либо же сохранять в написании слов те буквы, которые со временем перестали читаться, но служат для указания на этимологию слова [Baddeley, 1997, с. 24–31]. Важным следствием этого этапа стало то, что, стремясь объяснить противоречие между фонетикой и графикой современного им французского языка, грамматисты осознали, что графика сохраняет некоторые отжившие явления. Таким образом, они пришли к осознанию исторической изменчивости языка.

В дальнейшем, в 1694 году в 1 издании словаря Французская Академия точно определила свою позицию: не вносить никаких изменений в написание слов из тех соображений, что как бы сложна ни была орфография, она должна отражать происхождение и историю развития слова. Среди членов Академии в вопросах орфографии наметились два направления: одни стояли за сохранение традиции, другие – за «usage». В 1 издании словаря были отражены оба принципа [Brunot, 1927, с. 126–127].

Академия решительно отвергла более прогрессивные предложения (P. Corneille, P. Richelet), предлагавшие устранить непроизносимые буквы или упростить двойные согласные. Никаких существенных изменений в орфографию ни в 1, ни во 2 издании словаря снесено не было.

В XVIII веке всё настойчивее поднимался вопрос о реформе орфографии. Её сложность приводила к тому, что во многих учебных заведениях создавалась собственная система орфографии, что внесло ещё большую беспорядочность в написание слов. Некоторые члены Академии предлагали приблизить орфографию к произношению. Однако французская орфография настолько укрепилась, что полностью изменить её уже было трудно [Полянская, 2016, с. 2066–2070].

Однако в 3 издании словаря (1740 г.) был введен ряд существенных изменений. Например, были упрощены двойные согласные (agraffer – agrafer); устранены этимологические буквы (faict – fait); устранена непроизносимая перед согласным буква s (teste – tête), устранены непроизносимые гласные буквы (veoir – voir), буква u заменена на i во всех случаях, где она не указывала на двойное произношение (moу - moi).

В 4 издании словаря (1762 г.) были внесены ещё дополнительные изменения такого же характера. Таким образом, из 18 000 слов, орфография 5 000 слов подверглась реформе [Cohen, 1966, с. 235].

Таким образом, современная французская орфография отражает четыре орфографических принципа: фонетический (mur, la), исторический (fleur, eau), этимологический (hier, nid) и морфологический (tiens, drap).

Реформа 1990 года – «упрощение написания»

Целям «упрощения написания» на государственном уровне служила языковая реформа 1990 года, поддержанная французской Академией. Хотя французская Академия не назвала этот процесс орфографической реформой, а именно «внесением исправлений» (les rectifications orthographiques).

Исправления направлены на «устранения колебаний в изучении слов и на облегчение изучения орфографии» [Антонова, Гурьянова, Зайцева, 2023, с. 12–15]. Например,

- все сложные числительные пишутся через дефис: vingt-quatre, quatre-vingt-dix-neuf, quatre-vingt-dix-mille, trente-et-un, cent-deuxième, sept-cent-mille-trois-cent-vingt-et-un;

- в сложных существительных, образованных по типу глагол + существительное и предлог + существительное, показатель множественного числа присутствует у существительных только во множественном числе: un abat-jour → des abat-jours, un sèche-cheveu → des sèche-cheveux;

- использование диакритического знака l'accent circonflexe не является обязательным над гласными «и» и «i», если речь не идет о разграничении значений: abîme, maître, voute, aout, cout. С основными правилами новой орфографии можно ознакомиться, например, на сайте словаря Le Robert.

Вступление в силу новых орфографических правил во франкоязычных странах происходит по-разному. Во Франции «исправленная орфография» имеет статус допустимого, но не обязательного написания. В учебниках оба варианта написания – традиционное и новое – официально признаны. В экзаменационных заданиях также допускаются оба варианта орфографии. Словарь Le Robert ввел новшества, начиная с издания 2009 года, представив слова с указанием вариантов написания [Farid, 2012, с. 2055–2069]. В настоящий момент слова с исправленной орфографией на сайте словаря Le Robert даны наравне с традиционной орфографией и имеют пометку RO. Словарь Larousse в первый раз включил все виды «исправленной орфографии 1990г.» в издание 2012 года [Farid, 2012, с. 2055–2069]. В Бельгии преподавание новой орфографии наряду с традиционной рекомендовалось учителям с 1998 года, с 2008 года новая орфография считается приори-

тетной. В Канадской провинции Квебек новая орфография допускается на экзаменах с 2010 года [Антонова, Гурьянова, Зайцева, 2023, с. 12–15].

Отметим, что в России, где французский язык является не только школьным предметом, но и предметом, выносимым на Государственную итоговую аттестацию в 9 и 11 классах, орфография является одним из критериев оценивания письменных экзаменационных заданий. Важным показателем для оценивания является факт фиксации в официальном словаре, таком как Le Robert или Larousse, то есть на сегодняшний день, например, зафиксированное в словаре написание ognon не должно санкционироваться как ошибка.

Электронное письмо

Рассмотрим еще одно явление, значительно повлиявшее на современный французский язык в целом и на французскую орфографию в частности: массовое распространение новых средств коммуникации. Новые виды электронной письменной коммуникации привели к распространению новых форм письма, способствовали упрощению орфографических норм и правил, в работах французских исследователей появился термин «l'écrit numérique» (в качестве перевода можно предложить цифровое или электронное письмо, используя термин «письмо» в значении графического изображения слова) [Abeillé, Godard, 2021, с. 2241]. Специфика современной письменной коммуникации в том, что люди все больше общаются при помощи электронных носителей (речь идет о всех видах цифровых гаджетов), то есть рукописные и печатные тексты имеют одинаковое распространение. Технические возможности систем цифровой коммуникации, так называемых мессенджеров, следует рассматривать как одну из причин модификации «электронной орфографии». Например, SMS-сообщение изначально ограничивалось 160 знаками. Технические возможности социальных сетей совершенствуются, например в сети Whatsapp в настоящее время пользователи имеют возможность писать длинные сообщения, до 4096 знаков. Однако при использовании мессенджеров для «быстрого общения», максимально приближенного к устному, собеседники вынуждены писать «компактно», используя различные графические и морфосинтаксические средства. К подобным графическим средствам или вариантам, называемым текстизмы [Abeillé, Godard, 2021, с. 2243], относятся фонетическое письмо, использование нелингвистических символов и т. п. Автоматическое причисление этих вариантов к орфографическим ошибкам или опечаткам не всегда правомерно. Особенности цифровой коммуника-

ции – краткость и скорость – выступают объективными причинами необходимости модифицировать графический образ слова. Абейе и Годар относят к «осознанному текстизму»:

- консонантное письмо (*l'écriture consonantique*) – самый распространенный способ графического сокращения слов в цифровом письме, например: grv → grave, srx → sérieux, bcp → beaucoup, pq → pourquoi, bjr → bonjour, jtm → je t'aime [Abeillé, Godard, 2021, с. 2243];

- отсутствие диакритических знаков, например: Ok sa marche, il va avoir quel age? :) (Corpus 88milSMS, 45, 15 sept 2011) [Abeillé, Godard, 2021, с. 2243];

- фонетическое письмо, основывающееся на фонетических эквивалентах как букв, так и цифр, например: gt → j'étais, g → j'ai, kan → quand, mwa oci → moi aussi, demain → dm1, koi de 9 ? → quoi de neuf [Abeillé, Godard, 2021, с. 2244];

- для выражения эмоций и придаче сообщению экспрессивной окраски используется дублирование букв, даже чрезмерное, а также заглавные буквы. Дублируются как простые гласные, так и согласные буквы. Если же речь идет о сложных графемах (oi, ai, ch), то, как правило, дублируется вторая буква. Например:

Tes pas malaade tas un rhuuume (Corpus 88milSMS, 20640, 29 sept.2011)

Waw mais tu fais quiiii (Corpus 88milSMS, 11743, 24 sept.2011)

Jamiiiiis (Corpus 88milSMS, 20616, 29 sept.2011)

Donc cortisone à outrance avec un look de casper en prime. GééééééééNIIIIIIIIALLLLLLLLLL!!! (Forum, atouute.org, 15 juil.2005) [Abeillé, Godard, 2021, с. 2245]

Подобные особенности цифрового (или электронного) письма выходят за пределы орфографии. В данном случае адресат вынужден не столько читать, сколько декодировать сообщение [Abeillé, Godard, 2021, с. 2245].

Исследователи проекта sms4science, координированного католическим университетом Лувен (*l'Université catholique de Louvain*) в Бельгии, также выявляют различные языковые явления, свойственные современному электронному письму. К подобным явлениям они относят: усечения, неологизмы, заимствования, устойчивые выражения и т. д. Говоря о такой специфической черте электронного языка, как его кодификация, они вводят термин *codes scripturaux*, то есть уже не орфография, а некий скрипт. Среди специфических черт отмечаются явления, перекликающиеся с тем, о чем пишут Анн Абейе и Даниэла Годар: фонетизация некоторых написаний (ki → «qui»,

kom → «comme», alé → «aller»), использование букв и цифр в качестве графических кодов (tu mM → «tu m'aimes», 2vient → «devient»), широкое использование сокращений (lgtps → «longtemps», pscq → «parce que»). При этом отмечается, что нет единой тенденции написания, в одном сообщении одно и то же слово может быть «закодировано» по-разному, например: fame / fam → «femme». [Fairen, Klein & Paumier, 2006].

При анализе примеров, собранных в корпусе 88milSMS, становится понятным, что есть сообщения, которые можно «декодировать», то есть прочесть исходя из принципов фонетического письма, консонантного письма или других, названных выше языковых явлений, а есть сообщения, которые прочесть невозможно. Рассмотрим несколько примеров по принципу возможности / невозможности их прочтения вне контекста:

eske t es forte en synthese?!! Notre prof d anglais vien de nous donner une synthese de FOU a faire en FRaNcAIs!!! Allo koi (Corpus 88milSMS, 4789, 21 sept. 2011)

Автор этого сообщения использовал несколько видов «быстрого» письма: фонетическое письмо, опущение диакритических знаков и апострофа, сокращения, разные регистры. Тем не менее, смысл сообщения и даже эмоциональное состояние автора, его возмущение, легко «считываются»: Est-ce que tu es forte en synthèse?!! Notre professeur d'anglais vient de nous donner une synthèse de fou à faire en français!!! Allo quoi

Cc tu va mieux. Mam ma dis ke tètè retmbè malade. Et bb? Bisx (Corpus 88milSMS, 5536, 21 sept. 2011)

В данном примере мы также можем видеть несколько отличительных черт электронного письма: сокращения, фонетическое письмо. Это сообщение, так же как и предыдущее, можно «декодировать» (авторы статьи добавили пунктуационные знаки, соответствующие смыслу): Couscou! Tu vas mieux? Maman m'a dit que tu étais retombé(e). Et le bébé? Bisous

Ffghoeksjclfpzozkdkfoeogrjzjglelsjloe (Corpus 88milSMS, 4671, 21 sept. 2011). Вне контекста трудно интерпретировать это сообщение, в котором также отсутствуют какие-либо знаки препинания, которые могли бы указывать на разочарование, отчаяние, гнев и т. д.

Анализ примеров с точки зрения грамматической правильности показывает, что в случае опущения конечной непроизносимой согласной или гласной, что также часто встречается в электронных сообщениях, нет возможности определить ошибка это или осознанное сокращение, например:

Salu :) (Corpus 88milSMS, 7808, 23 sept.2011)

Tu vien me chercher ou je vais devant chez toi ? (Corpus 88milSMS, 20825, 29 sept.2011) (Abeillé, Godard, 2021, с. 2243).

Таким образом, электронное письмо можно считать своеобразной неографией, то есть вариантом стандартного написания. Такие явления, как сокращения не свидетельствуют об ухудшении орфографических навыков носителей. Тем более, что они не являются новшеством в истории французской орфографии, если вспомнить монахов-переписчиков Средних веков, использовавших подобную практику фиксации языка задолго до изобретения смартфонов [Le français va très bien, merci, 2023, с. 38].

Инклюзивное письмо

Если цифровое (или электронное) письмо распространено в личном повседневном общении и выступает как языковое явление, сближающее письменную и устную речь, то «инклюзивное письмо» имеет другой статус.

Так называемый «инклюзивный язык» – языковое явление, ставшее следствием новых социально-политических процессов в обществе. Это языковое явление зародилось в США в прошлом веке и имеет большое количество сторонников, оно предполагает развитие языка в сторону не только гендерного равенства, но и политкорректности во всех сферах: расовая, национальная и т. п. Во французском языке сторонники инклюзивного языка в основном анализируют формы и способы передачи гендерного равенства, что связано с исторически сложившимся во французском языке преимущественным употреблением форм мужского рода. Ряд принципов инклюзивного языка затрагивает употребление лексики и предполагает преимущественное использование нейтральных слов, которые не разграничивают мужской / женский род, например: *bénéficiaires*, *titulaires*, *membres*, *partenaires*. Другие правила распространились на грамматику и орфографию, например феминизация существительных или внедрение новых форм местоимений: *iels* (*ells* / *ils*); *toustes* (*tous* / *toutes*); *elleux* (*elles* / *eux*) *ceulles* / *celleux* (*celles* / *ceux*) [Panis, 2023]. Отметим, что феминизация французских существительных поддерживается лингвистическим сообществом. Такие формы, как *auteure* / *autrice*, *docteure*, *professeure* зафиксированы в словарях, например, они представлены на электронных страницах словарей Le Robert и Larousse. Интересно, что из всех перечисленных новых форм местоимений в словаре Le Robert есть только форма *iel* / *iels* (словарная статья трактует эту форму как личное местоимение-

подлежащее единственного (*iel*) и множественного числа (*iels*), обозначающее лицо любого пола); в словаре Larousse новых форм местоимений нет.

Инклюзивное письмо подразумевает графическое изображение слов со специфическим включением форм женского рода. Например, через точку, косую черту или дефис. Данное явление вызывает споры и негативную реакцию у целого ряда лингвистов. Согласно правилам инклюзивного письма, следует писать не «*acheteur*», а «*acheteur.euse*», слово «*intellectuel*» будет выглядеть как «*intellectuel.le*». Пример инклюзивного письма, приведенного в словаре Le Robert в статье местоимения *iel*: *Un·e locuteur·ice, lorsqu'iel parle ou écoute, se fait une certaine idée de la situation dans laquelle iel se trouve ainsi que de sa relation d'interlocution. Langage & société, 2021, Manon Him-Aquilli (Cairn.info).*

В ходе проведения данного исследования были также встречены тексты, написанные с применением принципов «инклюзивного письма». В основном это статьи и практические пособия, в которых разъясняются принципы применения и правила использования инклюзивного письма. Так, в работе «*Guide égalité femmes-hommes*» используется специфическое графическое изображение форм женского рода в самом тексте, а не только в рекомендованных примерах:

Jusqu'au XVIIe siècle, tous les noms de métiers, fonctions et dignités exercé.e.s par des femmes étaient nommé.e.s au féminin, de même que tous les métiers, fonctions et dignités exercé.e.s par des hommes l'étaient au masculin [Pour une communication publique sans stéréotype de sexe. Guide pratique, 2016, с. 22].

В качестве преимущественного графического варианта в статье Каролин Пани предлагается именно «серединная точка» (*le point médiant*): «*Ils/Elles sont tou·te·s candidat·e·s à la Présidence de la République*» [Panis, 2023]. Такая фиксация устраняет эффект противопоставления по роду, как, например, при использовании косой черты, и не имеет другой функциональной нагрузки (точка в конце предложения).

Несмотря на то, что Французская Академия не признает инклюзивный язык, а, например, в Швейцарском кантоне Валэ инклюзивное письмо вообще официально запрещено [Challet, 2022, с. 10–12], это языковое явление имеет достаточно широкое распространение не только в научных работах его сторонников, но и в языке прессы, в образовании. Каролин Пани перечисляет семь французских учреждений высшего образования, официально использующих инклюзивное письмо, среди которых: *le Conservatoire national des arts et*

métiers (Cnam), l'École nationale d'administration (ENA), l'École normale supérieure (ENS) de Rennes. Ни одна экзаменационная комиссия этих учебных заведений не может официально запретить использование инклюзивного письма своим студентам [Panis, 2023].

Заключение

В заключение отметим, что современная французская орфографическая система – это не застывшая система, она развивается, откликаясь на происходящие в обществе процессы. Специфической чертой французской орфографии на современном этапе развития является вариативность, признанная официально. Корректировка орфографических правил выступает как закономерный процесс, отвечающий естественным потребностям развития языка. Орфография широко распространенного письменного цифрового общения характеризуется вариативностью по отношению к норме, максимальной приближенностью к устной речи.

Электронное письмо, формой проявления которого становятся все виды электронного или цифрового общения, например, SMS, онлайн-сообщения, чаты и т. п., позволяет быстро и спонтанно обмениваться мнениями, близкими к ритму устной беседы. В этом отношении французский язык цифрового письма не является «плохим» французским: это просто одна из многих разновидностей французского языка, существующих сегодня.

Проведенный обзор ряда научных исследований и анализ фактического материала показал, что французская цифровая письменность обладает огромным богатством. Происходящие инновации не предвещают конец французского языка. Напротив, они свидетельствуют о жизнеспособности французского языка и доказывают, что язык идет в ногу со временем.

Даже такое спорное явление, как инклюзивное письмо, свидетельствует о потребности французского языка в развитии и поиске новых форм орфографии и графики, позволяющих оптимально отобразить актуальные социально-политические реалии.

Исследования, проводимые в области современной французской орфографии, позволяют подчеркнуть границы между различными письменными ситуациями общения. Графические особенности современного письменного французского языка не свидетельствуют об ухудшении орфографических навыков носителей. Напротив, новые условия общения предполагают умение создавать и интерпретировать неографические письменные

тексты, что требует развитых лингвистических навыков, которые не разрушают, а дополняют базовые навыки в области орфографии.

Библиографический список

1. Антонова Л. В., Гурьянова Т. Ю., Зайцева Е. Л. Тенденции в современной французской орфографии: образовательный аспект // Проблемы современного педагогического образования. № 79 (3). 2023. С. 12–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-v-sovremennoy-frantsuzskoy-orfografii-obrazovatelnyy-aspekt/viewer> (дата обращения 15.05.2025)
2. Катагощина Н. А. Курс истории французского языка : [Учеб. для вузов по специальности «Фр. яз. и лит.»] / Н. А. Катагощина, Н. М. Васильева. Москва : Фирма «Диана», 1997. 420 [1] с.
3. Полянская Л. П. Французская орфография в ретроспективе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 2066–2070.
4. Скуратов И. В. Сохранение французского национального языка как стратегия активного созидательного творчества (на примере информатики и интернет-терминологии) / И. В. Скуратов, Н. В. Полякова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 3(35). С. 77–86.
5. Abeillé A., Godard D. La Grande grammaire du français. Actes Sud, Arles, 2021. 2537 с. URL: www.grandegrammairedufrancais.com (дата обращения 15.05.2025)
6. Baccus N. Orthographe française. Paris : Librio, 2003. 112 p.
7. Baddeley S. L'orthographe de la première moitié du XVI siècle: variation et changement // L'Information grammaticale. № 74. 1997. P. 24–31.
8. Brunot F. Histoire de la langue française. Vol.II; le seizième siècle. Paris, 1927. 600 p.
9. Challet Au. L'écriture dite «inclusive» n'est pas officielle en Suisse // Défense de la langue française, № 286. Paris, 2022. P. 10–12. URL: http://www.langue-francaise.org/Revue_telechargement_garde_10_ans.php (дата обращения 15.05.2025)
10. Cohen M. Encore des regards sur la langue française. Paris : Hachette, 1966. 310 p.
11. Dasinières L. L'écriture inclusive par-delà le point médian // CNRS Le journal. 05.02.2024. URL: <https://lejournel.cnrs.fr/articles/lecriture-inclusive-par-dela-le-point-median> (дата обращения 15.05.2025)
12. Fairon C., Klein J.-R., Paumier S. SMS pour la science. Corpus de 30 000 SMS et logiciel de consultation, Presses universitaires de Louvain, 2006. URL: <http://sms4science.org/projet> (дата обращения 15.05.2025)
13. Farid G. La « nouvelle orthographe », 21 ans plus tard // Congrès Mondial de Linguistique Française, 2012. С. 2055–2069. URL: https://www.researchgate.net/publication/273750369_La_nouvelle_orthographe_21_ans_plus_tard (дата обращения 15.05.2025)
14. Le français va très bien, merci / Les linguistes atterrées / Collectif de linguistes: tract-linguistes.org. Paris : ÉDITIONS GALLIMARD, 2023. 62 с.

15. Larousse: encyclopédie et dictionnaire gratuits en ligne. URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения 15.05.2025)

16. Legros G., Moreau M.-L. Orthographe qui a peur de la réforme. Bruxelles : version numérique Primento et le Ministère de la Fédération Wallonie Bruxelles, 2017. 132 с.

17. Panis C. L'écriture inclusive en français // Scribbr, 2023. URL: <https://www.scribbr.fr/astuces/ecriture-inclusive/> (дата обращения 15.05.2025)

18. Richy C., Burnett H. Démêler les effets des stéréotypes et le genre grammatical dans le biais masculin: une approche expérimentale, GLAD!, 2021. URL: <https://doi.org/10.4000/glad.2839> (дата обращения 15.05.2025)

19. Le Robert: Dictionnaire français gratuit. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения 15.05.2025)

20. Pour une communication publique sans stéréotype de sexe. Guide pratique. Direction de l'information légale et administrative, La documentation Française, Paris, 2016. 68 с.

Reference list

1. Antonova L. V., Gur'janova T. Ju., Zajceva E. L. Tendencii v sovremennoj francuzskoj orfografii: obrazovatel'nyj aspekt = Trends in modern French orthography: educational aspect // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. № 79 (3). 2023. S. 12–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-v-sovremennoj-francuzskoj-orfografii-obrazovatelnyy-aspekt/viewer> (data obrashhenija 15.05.2025)

2. Katagoshhina N. A. Kurs istorii francuzskogo jazyka = A course in history of the French language: [Ucheb. dlja vuzov po special'nosti «Fr. jaz. i lit.»] / N. A. Katagoshhina, N. M. Vasil'eva. Moskva : Firma «Diana», 1997. 420 [1] s.

3. Poljanskaja L. P. Francuzskaja orfografija v retrospektive = French orthography in retrospect // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2016. T. 15. S. 2066–2070.

4. Skuratov I. V. Sohranenie francuzskogo nacional'nogo jazyka kak strategija aktivnogo sozidatel'nogo tvorchestva (na primere informatiki i internet-terminologii) = Preserving the French national language as a strategy of active creative work (based on computer science and Internet terminology) / I. V. Skuratov, N. V. Poljakova // Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. 2021. № 3(35). S. 77–86.

5. Abeillé A., Godard D. La Grande grammaire du français. Actes Sud, Arles, 2021. 2537 с. URL: www.grandegrammairedufrancais.com (data obrashhenija 15.05.2025)

6. Baccus N. Orthographe française. Paris : Libro, 2003. 112 p.

7. Baddeley S. L'orthographe de la première moitié du XVI siècle: variation et changement // L'Information grammaticale. № 74. 1997. P. 24–31.

8. Brunot F. Histoire de la langue française. Vol.II; le seizième siècle. Paris, 1927. 600 p.

9. Challet Au. L'écriture dite «inclusive» n'est pas officielle en Suisse // Défense de la langue française, № 286. Paris, 2022. R. 10–12. URL: http://www.langue-francaise.org/Revue_telechargement_garde_10_ans.php (data obrashhenija 15.05.2025)

10. Cohen M. Encore des regards sur la langue française. Paris : Hachette, 1966. 310 p.

11. Dasinières L. L'écriture inclusive par-delà le point médian // CNRS Le journal. 05.02.2024. URL: <https://lejournel.cnrs.fr/articles/le-critere-inclusive-par-delale-point-median> (data obrashhenija 15.05.2025)

12. Fairon C., Klein J.-R., Paumier S. SMS pour la science. Corpus de 30 000 SMS et logiciel de consultation, Presses universitaires de Louvain, 2006. URL: <http://sms4science.org/projet> (data obrashhenija 15.05.2025)

13. Farid G. La « nouvelle orthographe », 21 ans plus tard // Congrès Mondial de Linguistique Française, 2012. S. 2055–2069. URL: https://www.researchgate.net/publication/273750369_La_nouvelle_orthographe_21_ans_plus_tard (data obrashhenija 15.05.2025)

14. Le français va très bien, merci / Les linguistes atterrées / Collectif de linguistes: tract-linguistes.org. Paris : ÉDITIONS GALLIMARD, 2023. 62 s.

15. Larousse: encyclopédie et dictionnaire gratuits en ligne. URL: <https://www.larousse.fr/> (data obrashhenija 15.05.2025)

16. Legros G., Moreau M.-L. Orthographe qui a peur de la réforme. Bruxelles : version numérique Primento et le Ministère de la Fédération Wallonie Bruxelles, 2017. 132 s.

17. Panis C. L'écriture inclusive en français // Scribbr, 2023. URL: <https://www.scribbr.fr/astuces/ecriture-inclusive/> (data obrashhenija 15.05.2025)

18. Richy C., Burnett H. Démêler les effets des stéréotypes et le genre grammatical dans le biais masculin: une approche expérimentale, GLAD!, 2021. URL: <https://doi.org/10.4000/glad.2839> (data obrashhenija 15.05.2025)

19. Le Robert: Dictionnaire français gratuit. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (data obrashhenija 15.05.2025)

20. Pour une communication publique sans stéréotype de sexe. Guide pratique. Direction de l'information légale et administrative, La documentation Française, Paris, 2016. 68 s.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 26.05.2025; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-218

EDN: BFLOKK

Стратегия самопрезентации и ее исчисление методом параметризации в латиноамериканском политическом дискурсе

Евгений Владимирович Бочаров

Старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета заочного обучения, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

bev95@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4883-7635>

Аннотация. Объектом параметризации является дискурс как пространство коммуникации, представленный системой координат (специфическими коммуникативными параметрами), которые способны охарактеризовать высказывание с точки зрения аксиологической характеристики и социального контекста. Описание стратегии самопрезентации политика является одним из способов параметризации публичных выступлений. На фоне роста интереса со стороны ученых и специалистов разных областей к изучению способов эффективного речевого воздействия в публичной плоскости выявление стержневых характеристик и особенностей политической коммуникации становится актуальным вектором дискурсивных исследований. Совокупность используемых методов лингвистического анализа позволила прийти к важным выводам о специфике политической коммуникации латиноамериканских политиков. Во-первых, было доказано, что основным элементом стратегии самопрезентации является «я / мы-прием». Во-вторых, стратегия самопрезентации богата апелляциями к прецедентным феноменам, ориентированным на усиление собственной позиции или убеждение в правильности проводимого политического курса. В-третьих, политические сообщения содержат апелляции к статистике, знание которой усиливает ингерентный имидж политика. Подобные апелляции содержат отрицательную и положительную оценку в зависимости от интенции оратора. В условиях идеологической поляризации стран Латинской Америки речи лидеров стран региона характеризуются дихотомией «богатый-бедный», популизмом, демонизацией оппонентов посредством отрицательно маркированной лексики, лексикой эмотивной и оценочной семантики. Консолидационная функция современной политической речи латиноамериканских политиков реализуется посредством деления на два идеологически оппозиционных блока: «проамериканский» и «просевероамериканский», имеющих строгие коммуникативные параметры. Проведенное исследование свидетельствует о том, что выявленные компоненты стратегии самопрезентации обладают значительной прагматической и экспрессивной функцией.

Ключевые слова: политический дискурс; латиноамериканский дискурс; стратегия самопрезентации; параметризация; институциональный дискурс; коммуникативные тактики; внешняя адресация; прагмалингвистика

Для цитирования: Бочаров Е. В. Стратегия самопрезентации и ее исчисление методом параметризации в латиноамериканском политическом дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 218–227. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-218>. <https://elibrary.ru/BFLOKK>

Original article

Self-presentation strategy as a method of parameterization of speeches by latin american politicians

Evgeny V. Bocharov

Senior lecturer at the department of linguistics and intercultural communication, faculty of distance learning, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka Street, 38

bev95@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4883-7635>

Abstract. The parameterization of discourse focuses on its communicative domain, defined by specific communicative parameters that describe utterances based on their axiological characteristics and speech context. Public addresses can be parameterized by describing a politician's self-presentation strategy. With growing interest in studying effective speech influence in public settings, identifying core features of political communication has become crucial in discourse research. Linguistic analysis methods have provided insights into latin american political communication. The

primary element of self-presentation strategy is the «I / we-technique». Self-presentation strategies also include appeals to precedent phenomena to strengthen one's position or convince others of the validity of the political course. Political messages often include references to statistical data that elicit emotional responses from the audience. These appeals can have negative or positive connotations depending on the speaker's intent. In the context of ideological polarization in latin american countries, regional leaders often use the «rich-poor» dichotomy, populism, and demonization of opponents through negative language and evaluative semantics. Contemporary political speech in Latin America is divided into two ideologically opposing blocs: «pro-american» and «pro-north american», each with distinct communicative parameters. The identified components of self-presentation strategies hold significant pragmatic and expressive value.

Key words: political discourse, latin american discourse, self-presentation strategy, parameterization, institutional discourse, communicative tactics, external addressing, pragmalinguistics

For citation: Bocharov E. V. Self-presentation strategy as a method of parameterization of speeches by latin american politicians. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):218–227. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-218>. <https://elibrary.ru/BFLOKK>

Введение

Исследование публичной политической речи государственных и политических лидеров представляет собой динамически развивающееся направление в современном языкознании (Э. В. Будаев, О. И. Воробьева, В. Е. Чернявская, А. П. Чудинов, Р. Сар, Q. Cassam, P. Chilton, C. Mills, J. Pan, J. Saul и др.). Актуальность выбранной темы обусловлена повышенным интересом специалистов (лингвистов, политологов, политтехнологов) к изучению способов речевого воздействия и поиску эффективных стратегий самопрезентации в политическом дискурсе.

В научной литературе (Л. Альтюссер, Р. Барт, М. М. Бахтин, П. Бурдьё, А. Грамши, М. Пешё, М. Фуко, Ю. Хабермас) *политический дискурс* трактуется как властный ресурс, выполняющий функции (а) конструирования и деконструирования социально-политического образа мира; (б) регулирования, распределения и воспроизводства властных отношений; (в) формирования социальных, политических и идеологических идентичностей как способа позиционирования по принципу «свой – чужой»; (г) артикуляции социальных притязаний, интересов, ценностных ориентаций в политической борьбе [Русакова, 2008, с. 118]. Политический дискурс, наряду с дипломатическим, юридическим, религиозным и др., позиционируется как часть институционального дискурса – общения в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Основным признаком институционального дискурса изначально называлось наличие двух участников – агентов и клиентов [Карасик, 2000]. Позднее О. Л. Михалева дополнила понимание институционального дискурса, выделив адресанта (говорящего), прямого адресата (слушающего) и адресата-наблюдателя (народ) [Михалева, 2009].

Относительно недавно в обиход научного инструментария было введено исследование стратегии самопрезентации политика, которая определяет выбор речевых формул, языковых средств и тактик, согласующихся с интенциями ораторов. При этом в исследовании институционального дискурса просматривается определенное поле, к которому относятся публичные выступления лидеров латиноамериканских стран на Генеральной Ассамблее ООН (ГА ООН), требующее дальнейшего научного осмысления и систематизации уже накопленного знания. В этой связи параметризация политического языка латиноамериканских лидеров, выступающих на Генеральной Ассамблее ООН, имеет особый научный интерес, поскольку содержание подобных выступлений определяется историческими, социокультурными и изменчивыми общественно-политическими факторами. Описание семиотической сущности деловитивного имиджа, представленной *ингерентным имиджем политической персоны* [Тамразова, 2020], является сопутствующей задачей параметризации.

Обзор литературы и определение направления исследования стратегии самопрезентации применительно к латиноамериканскому дискурсу

Стратегия определена И. Ф. Исламовой как значимая для речевого поведения языковой личности соотнесенность типа позиции в коммуникации («чужому» / «другому»), включающая моделирование отношений «адресант – адресат», и текстовой модели дискурса как языкового способа представления этой позиции [Исламова, 2024]. Выбор стратегии, согласно Л. Г. Хоревой, «всегда совершается в соответствии с позицией, которую занимает субъект речи по отношению к тому, что он говорит, а также по отношению к

адресату высказывания» [Хорева, 2022, с. 47]. Е. В. Шелестюк и А. С. Варламова называют коммуникативную стратегию коммуникативно-прагматической категорией, связанной с закономерностями коммуникации и речевого воздействия [Шелестюк, Варламова, 2024]. Некоторые исследователи связывают речевое воздействие с прямой ложью, намеренным введением в заблуждение, политикой «собачьего свистка» [Saul, 2018], другие обращают внимание на прагматические импликатуры глаголов, содержащие пресуппозитивную интерпретацию [Chilton, 2023], или на преследуемую политиком задачу легитимизировать себя и делегитимизировать другого [Сар, 2021]. Отдельное внимание уделяется прецедентным именам [Будаев, 2021]. С точки зрения прагматики специфика анализа публичных политических выступлений получила подробное описание в трудах зарубежных ученых [Pan, 2024; Berrocal, Thielemann, 2024].

Стратегия самопрезентации была изучена с различных ракурсов, например, политической лингвоперсонологии [Ахмадеев, 2022], оформления интернет-блогов [Лежнина, Шаховнина, 2023], персуазивных особенностей в ток-шоу [Игнатенко, Вавиленкова, 2023], языковой личности блогера [Антонова, Лебедева, 2015], англоязычных СМИ [Федорова, Николаева, 2016] и др. Применительно к исследованию дискурса латиноамериканских политиков мы определили стратегию как «намеренное поведение политика-адресанта, направленное на создание и закрепление индивидуального (своего) или коллективного (странового) статуса и имиджа с целью извлечения личной, политической, экономической или имиджевой выгоды» [Бочаров, 2024, с. 122].

Будучи регионально обусловленным, политический язык латиноамериканских политиков испытывает интерференцию ценностей и идеологии широких масс, коммуникативная деятельность которых развивается в определенных географических границах. Одним из примеров такого процесса является латиноамериканский дискурс (ЛД), который строился на последовательном разграничении «своего» и «чужого», то есть на диалектике самообретения через отрицание. Он сосредотачивается на таких понятиях, как единая культурная идентичность, историческое наследие, этническое многообразие и общие «народные» ценности, выраженные обращениями к символическим фигурам, историческим событиям и культурным практикам. ЛД начал формироваться в первой четверти XX в. Его кон-

цептуальное и идеологическое наполнение определили такие исторические события, как Мексиканская революция (1910–1917), создание Американского народно-революционного альянса в Перу (1931), зарождение и формализация перонистского движения в Аргентине (1945), победа Кубинской революции (1959) на фоне частой смены политических режимов в условиях ожесточенной избирательной и идеологической борьбы [Bolívar, Block, 2024]. В качестве отличительной категории латиноамериканского дискурса называется дискурс расизма и дискриминации как свидетельство противоборства коренных народов и потомков колонизаторов [van Dijk, 2009]. Одной из основополагающих черт ЛД стал популизм как ответ на вызовы переходного периода. По словам О. Ю. Бондарь, в ядре популизма содержится (а) установка на холизм и историческая оправданность коллективной субъектности; (б) подмена понятия народного типа коллективной идентичности национальной по принципу «ex negativo»; (в) синдром «авторитарного рефлекса» – парадигма политического поведения, определяющегося иррациональной верой в харизматическую личность (вождя); (г) этатистско-патерналистская форма государственного устройства, утверждающая ведущую роль государства в политической и социальной жизни общества; (д) отцовско-сыновний характер отношений власти и граждан; (е) патрон-клиентские отношения как способ социальной и политической интеграции [Бондарь, 2016].

Анализ речевого общения в рамках статусно-ролевых отношений требует учитывать коммуникативное намерение оратора. Публичная речь всегда обращена к массам или группам (целевой аудитории) с целью информировать, убедить, аргументировать и др. Наблюдения исследователей (В. М. Лейчик, Дж. Остин, Дж. Серль и др.) показывают, что высказывания, имеющие одно и то же лексическое, грамматическое или синтаксическое оформление, могут иметь различные прагматические функции.

Данная теоретическая рамка позволяет говорить о том, что дискурс политиков на ГА ООН обладает определенным набором языковых форм, речевых формул и тактик воздействия, детерминированных прагматической рамкой коммуникативной ситуации. При этом важно помнить о том, что публичные выступления в ООН носят ярко выраженный декларативный характер с определенной степенью ангажированности, в котором находит свое отражение со-

временный социально-политический контекст в стране и в мире. Таким образом, данный тип публичных выступлений преследует цель убедить и сопровождается различными имплицитными и эксплицитными иллокутивными актами, которые образуют интенциональное поле высказывания.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений, сделанные на испанском языке политиками-лидерами стран мира на 73 и 77 сессии Общих прений ГА ООН.

В качестве методов исследования используется *метод лингвистического наблюдения и описания, метод систематизации и классификации, метод дискурсивного анализа, метод прагмалингвистики, методы сравнительного анализа и обобщения данных.*

Ход и результаты исследования

Цель исследования состоит в проведении параметризации выступлений латиноамериканских политиков на ГА ООН. Объект параметризации – дискурс как пространство коммуникации, структура которого представлена системой координат, измерительными категориями, коммуникативными параметрами, которые позволяют определять смысл высказывания, устанавливать аксиологическую характеристику, определять обстоятельства коммуникации, выстраивать ингерентную имиджевую характеристику. Одним из основных средств, используемых в целях параметризации публичных выступлений, является описание стратегии самопрезентации политика.

Анализ исследования публичных выступлений латиноамериканских политиков показывает, что основным элементом является «я / мы-прием» – особый способ использования местоимений первого лица единственного и множественного числа как части популистского дискурса, в котором «я» лидера трансформируется в «мы», включая сторонников своей идеологии и исключая ее противников [Bolívar, 2017]:

irlo superando **nos ha permitido** obtener muy buenos resultados – *преодоление этого препятствия позволило нам достичь прекрасных результатов* (из выступления Гватемалы на 77 сессии ГА ООН) (перевод используемых источников, цитат и примеров с испанского языка на русский выполнен нами – Е. Б.);

la humanidad que hoy **nos ve y nos escucha** tiene derecho a saber – *люди, которые сегодня смотрят и слушают нас, имеют право знать правду* (из выступления Венесуэлы на 77 сессии ГА ООН);

bajo ese compromiso, **mi gobierno** ya aprobó la Comisión nacional para la implementación de la Agenda 2030 – *в соответствии с этим обязательством мое правительство уже создало Национальную комиссию по реализации Повестки дня на период до 2030 года* (из выступления Гондураса на 73 сессии ГА ООН).

Данный прием также ориентирован на создание положительного образа вокруг себя и своей страны, выражен существительными, прилагательными и глаголами положительного аксиологического модуса (*paz, impactar de manera positiva, comprometido, responsable, capacidades industriales, honrar la confianza, reducir la pobreza* и др.) и глагольными формами 1 л. ед. и мн. ч.:

desplegamos nuestras capacidades industriales y generamos valor agregado – *мы расширяем свои производственные мощности и создаем дополнительную ценность* (из выступления Аргентины на 77 сессии ГА ООН);

hemos reducido la pobreza extrema – *мы снизили уровень крайней нищеты* (из выступления Боливии на 73 сессии ГА ООН);

haremos lo posible por honrar la confianza depositada en nosotros – *мы приложим все усилия, чтобы оправдать оказанное нам доверие* (из выступления Доминиканы на 73 сессии ГА ООН);

México, **como Estado responsable y comprometido** con la promoción de la solución pacífica de las controversias. – *Мексика, будучи ответственным и проверженным принципу мирного разрешения споров государством* (из выступления Мексики на 77 сессии ГА ООН).

En la región, Nicaragua tiene un alto reconocimiento como **factor de estabilidad, paz y seguridad regional** con importantes **indicadores positivos en desarrollo económico, político, social, disminución de la pobreza, equidad de género y de seguridad ciudadana.** – *В регионе Никарагуа уважают за стабильность, мир и региональную безопасность, хорошие показатели экономического, политического и социального развития, снижение уровня нищеты, равенство полов и безопасность каждого гражданина* (из выступления Никарагуа на 73 сессии ГА ООН).

Особый способ использования местоимений первого лица единственного и множественного числа как части популистского дискурса, в котором «я» лидера трансформируется в «мы», включая сторонников своей идеологии и исключая ее противников [Bolívar, 2017].

Частью стратегии самопрезентации являются сообщения, содержащие апелляции к прецедентным феноменам – историческим фактам, событиям из жизни известных исторических личностей, официальным документам, лидерам мнений современности. Прецеденты ориентированы на усиление собственной позиции, аргументацию проводимой политики, убеждение в правильности предлагаемых путей решения проблем, оказание эмоциональной поддержки, воодушевление массового адресата посредством апелляций к событиям прошлого:

Como se señala en el preámbulo de la **constitución de la UNESCO**. – *Как указано в преамбуле устава ЮНЕСКО...* (из выступления Перу на 77 сессии ГА ООН).

El exsecretario general de la ONU, **Ban Ki-Moon**, decía ... – *Бывший генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун сказал ...* (из выступления Эквадора на 77 сессии ГА ООН).

Traigo la voz del pueblo que tiene el honor de ser la cuna del **gran Libertador Simón Bolívar**. – *Я передаю голос народа, который имеет честь быть колыбелью великого Освободителя Симона Боливара* (из выступления Венесуэлы на 73 сессии ГА ООН).

Como la declaración de Independencia de los Estados Unidos de América, que tiene su famosa segunda frase, de la pluma de Thomas Jefferson, y los aportes de Adams y Benjamín Franklin. – *Как и Декларация независимости Соединенных Штатов Америки, в которой есть знаменитая вторая фраза, написанная пером Томаса Джефферсона, и материалы Адамса и Бенджамина Франклина* (из выступления Эквадора на 73 сессии ГА ООН).

Сообщения также содержат апелляции к статистическим данным, служащие цели оказать эмотивный эффект, повысить авторитет оратора как информированного руководителя и демонстрации приверженности страны принятому мировым сообществом курсу и ее участия в вопросах глобального характера. Использование статистических данных содержит отрицательную (голод, безработица, смертность от пандемии) и положительную (климат, темпы экономического роста) оценку.

35 % de nuestro territorio nacional y 30,5 % de nuestros mares, están declarados como áreas naturales protegidas. – *35 % нашей территории и 30,5 % нашего моря являются природными заповедниками* (из выступления Панамы на 77 сессии ГА ООН).

El 80 % de la energía eléctrica de Guatemala, producida a partir de fuentes renovables. – *80 % электроэнергии Гватемалы произведено за счет возобновляемых источников энергии* (из выступления Гватемалы на 77 сессии ГА ООН).

hemos reducido la pobreza extrema de 37 % a 17 %. – *мы сократили уровни крайней нищеты с 37 % до 17 %* (из выступления Боливии на 73 сессии ГА ООН).

828 millones personas, el 10 por ciento de la población mundial, padecen de hambre. – *828 млн человек, 10 % от мирового населения, голодают* (из выступления Кубы на 77 сессии ГА ООН).

Важно иметь в виду, что политический язык латиноамериканских политиков развивается в условиях идеологической поляризации. Сложившийся внешнеполитический контекст в странах Латинской Америки создает условия для политической борьбы и частой смены властных режимов, в которых диалектика самообретения через отрицание приобретает дискурсивно-идеологическое измерение. Функция разделения на «своих» и «чужих» реализуется в языке через специфические дискурсивные стратегии, акцентирующие внимание на противостоянии между различными политическими силами или противопоставлении различных групп. Формы подобного противостояния выражены:

1) дихотомией «богатый-бедный»

Es como si alguien viviera en una casita muy pequeña y muy humilde, pero tuviera un vecino muy rico, cuya casa es un hermoso y gigantesco palacio, con inmensas extensiones de tierra y con tesoros inimaginables. – *Как будто кто-то живет в очень маленьком и очень скромном домике, но у него очень, очень богатый сосед, чей дом представляет собой красивый гигантский дворец с огромными участками земли и невообразимыми сокровищами* (из выступления Эль-Сальвадора на 77 сессии ГА ООН).

2) популистскими лозунгами

Ante esa dramática realidad que enfrenta el mundo, hay que **levantar la bandera de sustituir los gastos militares** para la fabricación de armas de destrucción masiva **por una justa compensación económica** que **los países del capitalismo central le deben**, moral e históricamente, **a los países de la**

periferia y a los pobres del mundo. – *Драматические события, охватывающие мир, требуют от нас единства в призыве заменить военные расходы на производство оружия массового уничтожения справедливой компенсацией странам периферии и бедствующим. Это моральный и исторический долг, который лежит на плечах капиталистических стран* (из выступления Боливии на 77 сессии ГА ООН).

Imponiendo su relato falso **nos acusan de ser una dictadura** y un **Estado fallido**, para ocultarle al mundo la verdad: durante las últimas dos décadas se han celebrado en mi país **29 elecciones libres** – *Их фантазии не заканчиваются: они называют нас диктатурой и несостоявшимся государством в попытке скрыть от мира правду – за последние два десятилетия в моей стране прошло 29 свободных выборов* (из выступления Венесуэлы на 77 сессии ГА ООН).

¡Es ahora o nunca! No más guerras fratricidas. No más conflictos innecesarios e injustificados. **No más muertes.** – *Сейчас или никогда! Довольно братских войн. Довольно необоснованных и несправедливых конфликтов. Довольно смертей* (из выступления Гватемалы на 77 сессии ГА ООН).

3) демонизацией оппонентов (с отрицательно маркированными лексемами *dictadura, pobreza extrema, dictadura monetaria, medidas draconianas, sufrimiento, mayorías postergadas, presunta austeridad, desigualdad, desaparición forzada* и др.).

Son los **hermanos venezolanos** que huyen de la **dictadura.** – *Именно братья венесуэльцы бегут от диктатуры* (из выступления Колумбии на 73 сессии ГА ООН).

La actual administración estadounidense ha proclamado la vigencia de la Doctrina Monroe y en un nuevo despliegue de su **política imperial** en la región, **ataca con especial saña a Venezuela.** – *Нынешнее руководство США подтвердило приверженность Доктрине Монро, и их имперская политика в регионе наносит особо жестокие удары по Венесуэле* (из выступления Кубы на 73 сессии ГА ООН).

4) лексикой эмотивной и оценочной семантики (*nuestras tierras sagradas, nuestro Maestro Mágico, el egoísmo que asesina, bárbaros instintos de las fieras, montañas de egolatría e indiferencia*)

Vengo de un país de **belleza ensangrentada.** – *Я прибыл из страны окровавленной красоты* (из выступления Колумбии на 77 сессии ГА ООН);

Muchas veces en la historia, **los magnicidios han sido prólogos** de grandes tragedias. – *История помнит множество примеров, когда убийства выдающихся личностей становились прологом больших трагедий* (из выступления Аргентины на 77 сессии ГА ООН);

De Nicaragua los invasores han salido **expulsados y derrotados** por la **bravura** del Patriotismo Nicaragüense. Nuestro coraje propio ha sido también inspirado por las **Grandes Luchas Libertarias, Revolucionarias y Evolucionarias, de Admirables Pueblos** de este Mundo. – *Из Никарагуа захватчики были изгнаны и побеждены храбростью никарагуанского патриотизма. Наше собственное мужество также было вдохновлено Великой Освободительной, Революционной и Эволюционной Борьбой Замечательных Народов этого Мира* (из выступления Никарагуа на 77 сессии ГА ООН).

Современная политическая речь латиноамериканских политиков имеет консолидационную функцию, содержит ключевые коммуникативные параметры, которые позволяют подтвердить или опровергнуть идейно-прагматическую ориентацию страны. К таким параметрам относится «проамериканская» концепция «Наша Америка», детерминируемая «братской» адресацией (*hermano americano, pueblos Hermanos de nuestra América*), и «просевероамериканская» концепция противостояния, ориентированная на США и содержащая критику правительства Венесуэлы, Кубы и Никарагуа (*dictadura bolivariana, tradición de la democracia*):

En primer lugar, **hermano Csaba Korosi**, permítame saludar su elección como Presidente de la Asamblea General de las Naciones Unidas. – *Прежде всего, дорогой брат Чаба Кёрёши, позвольте мне поздравить вас в связи с избранием в должность председателя Генеральной Ассамблеи ООН* (из выступления Боливии на 77 сессии ГА ООН).

Hoy enfrentamos una vez **la amenaza de los Estados Unidos** para frenar el desarrollo social, económico y cultural de nuestro pueblo. Denunciamos su **intervencionismo** e **injerencismo** – *Сегодня мы вновь стоим перед лицом угрозы США, стремящихся замедлить социальное, экономическое и культурное развитие нашего народа. Мы осуждаем их вмешательство и интервенцию.* (из выступления Никарагуа на 73 сессии ГА ООН).

Desde la República Bolivariana de Venezuela extendemos **un saludo de hermandad.** – *От лица*

Боливарианской республики Венесуэла передаем **братское приветствие** (из выступления Венесуэлы на 77 сессии ГА ООН).

... que fija la hoja de ruta para el desarrollo de ese **continente hermano**. – ... в котором изложена дорожная карта развития этого **братского континента** (из выступления Кубы на 77 сессии ГА ООН).

К другим параметрам относится:

1) дискредитация стран оппозитивного блока

La Argentina llevará a la Corte Penal Internacional la situación relativa a **los crímenes de lesa humanidad de la dictadura venezolana**. – Аргентина обратится в Международный уголовный суд на фоне совершаемых венесуэльской диктатурой преступлений против человечества (из выступления Аргентины на 73 сессии ГА ООН).

Expresamos nuestra solidaridad con **los pueblos de Venezuela y de Nicaragua frente a los abusos del poder**. – Мы солидарны с народом Венесуэлы и Никарагуа, чьи власти злоупотребляют своими полномочиями (из выступления Парагвая на 73 сессии ГА ООН).

2) дихотомия аксиологем «демократия-антиимпериализм»

México continuará haciendo sus mejores esfuerzos diplomáticos para que **la democracia, la paz y el respeto a los derechos humanos se restablezcan** en todos los rincones del continente. – Мексика продолжит прилагать всемерные дипломатические усилия, чтобы **демократия, мир и соблюдение прав человека стали повседневностью на всем континенте** (из выступления Мексики на 73 сессии ГА ООН).

Para el Uruguay, el **sistema democrático forma parte de su historia y de sus mejores tradiciones**. Constituye un rasgo de identidad de nuestra sociedad. – В Уругвае **демократия является частью истории и наших традиций**. Демократия – это отличительная черта нашего общества (из выступления Уругвая на 77 сессии ГА ООН).

Por eso, los invito a trabajar en conjunto para **fortalecer la democracia** en todos los espacios, en cada uno de nuestros países y en la relación entre nuestros países. – Поэтому я приглашаю вас всех совместно работать над **укреплением демократии во всех сферах, в каждой из наших стран и в отношениях между нашими странами** (из выступления Чили на 77 сессии ГА ООН).

El asalto, el atraco, la innoble y abominable depredación, el latrocinio y los genocidios

desatados por los **Colonialistas e Imperialistas**. – **Нападения, грабежи, гнусный и отвратительный разбой, мародерство и геноцид, которые развязали колониалисты и империалисты** (из выступления Никарагуа на 77 сессии ГА ООН).

Continuamos siendo testigos de un mundo en crisis originadas por el **capitalismo salvaje**, por la **injerencia** y las **violaciones al derecho internacional** y a la soberanía de nuestros pueblos, con el uso de la fuerza, intentos de golpes de Estados y desestabilizaciones que amenazan la consecución de los Objetivos del Desarrollo Sostenible planteados en la Agenda 2030. – Мы продолжаем наблюдать за миром, охваченным кризисом **дикого капитализма, в котором вмешательство во внутренние дела стран и нарушения международного права и суверенитета наших народов, наряду с использованием силы, попытками устроить государственный переворот и дестабилизировать нашу экономику, от стабильности которой зависит достижение Целей устойчивого развития Повестки 2030, уже не вызывает удивления** (из выступления Никарагуа на 73 сессии ГА ООН).

3) маркированность аксиологем «свобода» (положительная) и «капитализм» (отрицательная) как коммуникативных параметров идейно-прагматической ориентации

Chile tendrá **una Constitución** <...> que sea capaz de reflejar **los anhelos de justicia y libertad**. – Чили будет иметь **Конституцию** <...>, закрепляющая **стремление к справедливости и свободе** (из выступления Чили на 77 сессии ГА ООН).

No podemos dar cabida a discursos que busquen, con ofertas engañosas, **sacrificar la libertad**. – Мы не можем допускать выступлений, в которых политики пытаются, вводя нас всех в заблуждение, **заставить нас принести свободу в жертву** (из выступления Парагвая на 77 сессии ГА ООН).

Esas realidades señora Presidenta, no son fruto del socialismo, **son consecuencia del capitalismo**, especialmente del **imperialismo** y el **neoliberalismo**. – Эти реалии, госпожа председатель, **следствие не социализма, а капитализма, и в особенности империализма и неолиберализма** (из выступления Кубы на 73 сессии ГА ООН).

El **cambio climático** es consecuencia inseparable del **capitalismo**. – Именно **капитализм несет ответственность за изменение климата** (из выступления Боливии на 73 сессии ГА ООН).

Отдельного внимания заслуживают случаи, когда объектом «братской» адресации в речах стран «просевероамериканского» толка является народ, а не дискриминируемое руководство:

Y sé que el mundo también nos apoyará con este plan de regularización de hermanos venezolanos, que han tenido que salir de su país (из выступления Эквадора на 77 сессии ГА ООН).

Las denuncias de violaciones a los derechos humanos y de las libertades fundamentales de los hermanos nicaraguenses pueden generar otro flujo migratorio en Centroamerica (из выступления Панама на 73 сессии ГА ООН).

Guatemala comparte los mismos intereses y retos con sus hermanos caribeños (из выступления Гватемалы на 77 сессии ГА ООН).

No podemos correr la vista de lo que sucede en otros territorios y dejar a su suerte a naciones hermanas (из выступления Парагвая на 77 сессии ГА ООН).

Por esta razón el Perú condena la ruptura del orden constitucional en Venezuela <...> para ayudar al restablecimiento de la democracia en ese hermano país (из выступления Перу на 73 сессии ГА ООН).

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что параметризация посредством анализа стратегии самопрезентации политика-оратора не только возможна, но и демонстрирует высокий прагматический и экспрессивный потенциал в политическом дискурсе латиноамериканских лидеров. Параметризация в отношении стратегии самопрезентации – это результат разработки системы координат, измерительных категорий и коммуникативных параметров, которые позволяют установить смысл высказывания, определить социальный контекст и прагматическую функцию коммуникативного акта, составить ингерентную имиджевую характеристику. Стратегия самопрезентации может быть исчислена методом прагматического анализа дискурса и разработки модели самопрезентации путем выявления параметрических данных. В политическом дискурсе вербализуются разнообразные аспекты политической, экономической, социальной, исторической, культурной и бытовой жизни социума. Встречаются апелляции к прецедентным феноменам, имеющие целью создать искомый образ страны и ее руководства, сформировать необходимое общественное мнение. Выбор конкретных прецедентных имен характеризует идентичность

политика, служит целям его самопрезентации. Поляризованностью будут характеризоваться выступления лидеров, апеллирующих к таким прецедентным именам, как Фидель Кастро, Эрнесто Че Гевара, Уго Чавес, Симон Боливар, Нельсон Мандела, и, с другой стороны, – Томасу Джефферсону и Бенджамину Франклину.

Выявленные параметры стратегии самопрезентации являются ключевыми элементами концептуальной картины мира политика-оратора, репрезентируют персонализированную и коллективную картину мира.

Библиографический список

1. Антонова Л. Г., Лебедева Е. А. Стратегии самопрезентации языковой личности блогера // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 89–94.
2. Ахмадеев И. Р. Стратегия самопрезентации в ракурсе политической лингвоперсонологии // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 2. С. 466–472.
3. Бондарь О. Ю. Архитектоника латиноамериканского идентификационного дискурса в XX в. (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 21–28.
4. Бочаров Е. В. Стратегия саморепрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестник НГУ Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 120–131.
5. Будаев Э. В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 22–36.
6. Зененко Н. В. Параметры системного анализа институционального дискурса разных этнокультур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 39–47.
7. Игнатенко А. В., Вавиленкова Д. В. Персуазивные особенности самопрезентации ораторов в китайских и русских ток-шоу // Modern oriental studies. 2023. № 4. Vol. 5. С. 46–55.
8. Исламова И. Ф. К основаниям типологии коммуникативных стратегий в корпоративном дискурсе // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». 2024. № 9 (78). Т. 2. С. 256–263.
9. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
10. Лежнина А. С., Шаховнина Ю. Б. Речевые тактики реализации стратегии самопрезентации в немецкоязычных lifestyle-блогах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3449–3454.
11. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

12. Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. 120 с.

13. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия УрГУ. 2008. № 61. С. 114–122.

14. Сон Л. П. Язык разговорной среды интернет-коммуникации в аспектах системного формирования. Москва, 2023. 352 с.

15. Тамразова И. Г. Речевая персонология: эристическая тональность и имидж политика // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Т. 16. Вып. 2 (48). С. 48–54.

16. Федорова К. И., Николаева С. В. Реализация речевой агрессии: стратегия самопрезентации в англоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2016. № 8 (62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 162–165.

17. Хорева Л. Г. Этикетная речевая стратегия в испанском дипломатическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 3. С. 44–54.

18. Шелестюк Е. В., Варламова А. С. Коммуникативные интенции, жанры и стратегии: разграничение понятий и классификации // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 96–107.

19. Berrocal M., Thielemann N. Pragmatic patterns and discourses on Twitter: Unpacking perspectives in the discussion of the Turów lignite mine // Journal of Pragmatics. 2024. Volume 224. P. 20–35.

20. Bolívar A. Political Discourse as Dialogue: A Latin American Perspective (1st ed.). London : Routledge, 2017. 224 p.

21. Bolívar A., Block E. The Latin American political discourse // The Routledge Handbook of Political Communication in Ibero-America. 2024. P. 49–60.

22. Cap P. The Discourse of Conflict and Crisis: Poland's Political Rhetoric in the European Perspective. London : Bloomsbury. 2021. 184 p.

23. Chilton P. A., Schaeffner C. Discourse and politics // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. London : Discourse as Social Interaction, 1997. Vol. 2. P. 206–230.

24. Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London : Sage Publications, 1981. P. 195–224.

25. Guervós de Santiago J. La relexicalización en el discurso político actual: el ejemplo de populismo a través de la prensa española // Boletín de la Real Academia Española. DRAE. 2015. Tomo XCV. Cuaderno CCCXII. Julio-Diciembre. P. 471–500.

26. Pan J. An Analytical Framework and a Comparative Study of Policy Speeches in the United Kingdom and Hong Kong. In: J. Pan, S. L. Halverson and J. Munday

(eds), *Interlingual Readings of Political Discourse*. Leiden : Brill. 2024. P. 180–215.

27. Saul J. Dog whistles, political manipulation, and the philosophy of language. In D. Fogal, D. Harris and M. Moss (eds), *New Work on Speech Acts*. Oxford : Oxford University Press. 2018. P. 360–383.

28. van Dijk, T. *Racism and Discourse in Latin America*. Plymouth : Lexington Books, 2009. 258 p.

Reference list

1. Antonova L. G., Lebedeva E. A. Strategii samoprezentacii jazykovoj lichnosti blogera = Strategies for self-presentation of a blogger's linguistic personality // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2015. № 2. S. 89–94.

2. Ahmadeev I. R. Strategija samoprezentacii v rakurse politicheskoy lingvopersonologii = Self-presentation strategy in terms of political linguistic personology // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2022. T. 27. № 2. S. 466–472.

3. Bondar' O. Ju. Arhitektonika latinoamerikanskogo identifikacionnogo diskursa v XX v. (chast' 1) = Architectonics of Latin American identity discourse in the XXth century (part 1) // *Vestnik RUDN. Serija: Filosofija*. 2016. № 2. S. 21–28.

4. Bocharov E. V. Strategija samoreprezentacii i rechevye taktiki v politicheskom diskurse (na materiale publicnyh vystuplenij politikov Latinskoj Ameriki v OON) = Self-representation strategy and speech tactics in political discourse (based on public speeches of Latin American politicians at the UN) // *Vestnik NGU Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2024. T. 22. № 1. S. 120–131.

5. Budaev Je. V. Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovanija = Precedent names in the media: research methodologies // *Politicheskaja lingvistika*. 2021. № 3 (87). S. 22–36.

6. Zenenko N. V. Parametry sistemnogo analiza institucional'nogo diskursa raznyh jetnokul'tur = Systemic analysis parameters of different ethnocultures' institutional discourse // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika*. 2023. № 3. S. 39–47.

7. Ignatenko A. V., Vavilenkova D. V. Persuazivnye osobennosti samoprezentacii oratorov v kitajskih i russkih tok-shou = Persuasive features of speakers' self-presentation in Chinese and Russian talk shows // *Modern oriental studies*. 2023. № 4. Vol. 5. S. 46–55.

8. Islamova I. F. K osnovanijam tipologii kommunikativnyh strategij v korporativnom diskurse = Towards the basics of typology of communication strategies in corporate discourse // *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «VESTNIK NAUKI»*. 2024. № 9 (78). T. 2. S. 256–263.

9. Karasik V. I. O tipah diskursa = On types of discourse // *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs*. Sb. nauch. tr. Volgograd : Peremena, 2000. S. 5–20.

10. Lezhnina A. S., Shahovnina Ju. B. Rechevye taktiki realizacii strategii samoprezentacii v nemeckojazych-

nyh lifestyle-blogah = Speech tactics for implementing self-presentation strategies in German-language lifestyle blogs // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2023. T. 16. Vyp. 10. S. 3449–3454.

11. Mihaleva O. L. Politicheskij diskurs. Specifika manipuljativnogo vozdejstvija = Political discourse. Specificity of manipulative influence. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.

12. Romanova T. V. Ideologemy i aksiologemy russkogo jazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki nacional'noj mental'nosti = Ideologemes and axiologemes in Russian linguistic mind as a reflection of the constants and dynamics of national mentality: monografija. Nizhnij Novgorod : DEKOM, 2019. 120 s.

13. Rusakova O. F. Politicheskaja diskursologija: aktual'nost' issledovaniya i teoretiko-metodologicheskie osnovaniya = Political discourseology: relevance of research, theoretical and methodological foundations // *Izvestija UrGU*. 2008. № 61. S. 114–122.

14. Son L. P. Jazyk razgovornoj sredy internet-kommunikacii v aspektah sistemnogo formirovaniya = The language of the speech environment in Internet communication from the point of view of systemic formation. Moskva, 2023. 352 s.

15. Tamrazova I. G. Rechevaja personologija: jeristicheskaja tonal'nost' i imidzh politika = Speech personology: eristic tone and the image of a politician // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. T. 16. Vyp. 2 (48). S. 48–54.

16. Fedorova K. I., Nikolaeva S. V. Realizacija rechevoj agressii: strategija samoprezentacii v anglojazychnyh SMI = Implementing speech aggression: self-presentation strategy in English-language media // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota. 2016. № 8 (62): v 2-h ch. Ch. 2. C. 162–165.

17. Horeva L. G. Jetiketnaja rechevaja strategija v ispanskom diplomaticheskom diskurse = Etiquette speech strategy in Spanish diplomatic discourse // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2022. № 3. S. 44–54.

18. Shelestjuk E. V., Varlamova A. S. Kommunikativnye intencii, zhanry i strategii: razgranichenie

ponjatij i klassifikacii = Communicative intentions, genres and strategies: delimitation of concepts and classifications // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024. № 8 (490). S. 96–107.

19. Berrocal M., Thielemann N. Pragmatic patterns and discourses on Twitter: Unpacking perspectives in the discussion of the Turów lignite mine // *Journal of Pragmatics*. 2024. Volume 224. P. 20–35.

20. Bolívar A. Political Discourse as Dialogue: A Latin American Perspective (1st ed.). London : Routledge, 2017. 224 p.

21. Bolívar A., Block E. The Latin American political discourse // *The Routledge Handbook of Political Communication in Ibero-America*. 2024. P. 49–60.

22. Cap P. The Discourse of Conflict and Crisis: Poland's Political Rhetoric in the European Perspective. London : Bloomsbury. 2021. 184 p.

23. Chilton P. A., Schaeffner C. Discourse and politics // *Discourse Studies: A multidisciplinary introduction*. London : Discourse as Social Interaction, 1997. Vol. 2. P. 206–230.

24. Graber D. Political Languages // *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London : Sage Publications, 1981. P. 195–224.

25. Guervós de Santiago J. La relexicalización en el discurso político actual: el ejemplo de populismo a través de la prensa española // *Boletín de la Real Academia Española. DRAE*. 2015. Tomo XCV. Cuaderno CCCXII. Julio-Diciembre. P. 471–500.

26. Pan J. An Analytical Framework and a Comparative Study of Policy Speeches in the United Kingdom and Hong Kong. In: J. Pan, S. L. Halverson and J. Munday (eds), *Interlingual Readings of Political Discourse*. Leiden : Brill. 2024. P. 180–215.

27. Saul J. Dog whistles, political manipulation, and the philosophy of language. In D. Fogal, D. Harris and M. Moss (eds), *New Work on Speech Acts*. Oxford : Oxford University Press. 2018. P. 360–383.

28. van Dijk, T. Racism and Discourse in Latin America. Plymouth : Lexington Books, 2009. 258 p.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 20.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 008;792

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-228

EDN: BYMJSF

Гастроли театра Мэй Ланьфана в СССР в 1935 г. и их отражение в советской и китайской печати

Михаил Васильевич Новиков^{1✉}, Пань Сюанье²

¹Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Доктор исторических наук, Институт истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР

¹m.novikov@yspu.org✉, <https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

²panxuanye@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6709-8028>

Аннотация. В статье рассматриваются события, связанные с организацией и проведением гастролей театра великого китайского артиста Мэй Ланьфана в СССР в 1935 г., а также отражение гастролей в центральной советской печати и в печати буржуазно-демократической Китайской Республики. Подчеркивается, что организация гастролей была тесно связана с политической линией руководства Советского Союза и Китайской Республики, направленной на развитие политико-дипломатических отношений и культурного сотрудничества в условиях военной угрозы для обеих стран со стороны милитаристско-фашистской Японии. Отмечается особая роль второго восточного отдела Народного комиссариата иностранных дел СССР и советского посольства в Китае как в развитии всего культурного сотрудничества с Китайской Республикой, так и в организации гастролей. Обращается внимание на вовлеченность практически всех советских организаций культуры, их руководителей в процессы приема и сопровождения на территории СССР театра Мэй Ланьфана. Особое внимание уделено отражению в советской печати («Правда», «Известие», «Комсомольская правда») всех событий, связанных с творческими встречами Мэй Ланьфана, со спектаклями его театра в Москве и Ленинграде. Отмечается позитивный тон всех публикаций, подчеркивается, что авторами статей в центральных газетах были такие известные политические и общественные деятели, деятели культуры, как К. Б. Радек, С. М. Эйзенштейн, С. М. Третьяков и др. Подчеркивается, что китайская печать начала публиковать материалы о предстоящих гастролях труппы Мэй Ланьфана задолго до поездки в Москву, поддерживая или критикуя с модернистских позиций. Поскольку МИД Китайской Республики придавал большое значение гастролям Мэй Ланьфана, исходя из политических соображений, последовало указание газетам воздержаться от публикации критических статей. Отмечается, что успех гастролей нашел отражение в китайской печати, которая стала представлять Мэй Ланьфана как национального героя.

Ключевые слова: Советский Союз; Китайская Республика; НКВД; культурное сотрудничество; гастроли; театр Мэй Ланьфана; советские центральные газеты; китайские газеты

Для цитирования: Новиков М. В., Пань Сюанье Гастроли театра Мэй Ланьфана в СССР в 1935 г. и их отражение в советской и китайской печати // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 228–241. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-228>. <https://elibrary.ru/BYMJSF>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

The 1935 tour of the Mei Lanfang theater in the USSR and its coverage in the soviet and chinese press

Mikhail V. Novikov^{1✉}, Pan Xuan²

¹Doctor of historical sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation, head of the department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

²Doctor of historical sciences, Institute of history and culture, Central China pedagogical university, Wuhan, China

¹m.novikov@yspu.org[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

²panxuanye@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6709-8028>

Abstract. The article examines the events related to organizing and conducting the 1935 USSR tour by the theater of the great Chinese actor Mei Lanfang as well as how the tour was covered both in the central Soviet press and in the press of the bourgeois-democratic Republic of China. The authors emphasize that the tour organization was related to the political line of the Soviet and Chinese leaders aimed at the development of political and diplomatic relations as well as cultural cooperation in the context of the military threat to both countries from the militaristic fascist Japan. The article stresses the role of the Second Eastern Department of the USSR People's Commissariat of Foreign Affairs and the Soviet Embassy in China both in developing cultural cooperation with the Republic of China and in organizing the tour. Special attention is paid to the involvement of practically all Soviet cultural organizations and their executives in receiving Mei Lanfang's theater and accompanying it while in the USSR. The authors focus on reporting all the events related to Mei Lanfang's meetings with the audience and his theater performances in Moscow and Leningrad by the Soviet press (*Pravda*, *Izvestia*, *Komsomolskaya Pravda*). All publications are characterized by a positive tone; the authors of the newspaper articles were prominent political, public and cultural figures such as K. B. Radek, S. M. Eisenstein, S. M. Tretyakov and others. The Chinese press began publishing materials about the upcoming tour of Mei Lanfang's troupe long before their trip to Moscow, either supporting or criticizing it from modernist points of view.

Since the Chinese Foreign Ministry attached great importance to Mei Lanfang's tour for political reasons, newspapers were instructed to refrain from publishing criticism. The authors note that the Chinese press reported on the success of the tour and started presenting Mei Lanfang as a national hero.

Key words: Soviet Union; Republic of China; PCIA; cultural cooperation; tours; Mei Lanfang's theater; Soviet central newspapers; Chinese newspapers

For citation: Novikov M. V., Pan Xuanye The 1935 tour of the Mei Lanfang theater in the USSR and its coverage in the Soviet and Chinese press. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):228–241. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-228>. <https://elibrary.ru/BYMJSF>

Введение

Гастроли труппы Мэй Ланьфана из Пекинского оперного театра в СССР в марте-апреле 1935 г. можно рассматривать только в контексте развития советско-китайских отношений в 1920–1930-е гг., которые включали в себя и установление официальных дипломатических отношений с пекинским правительством Китайской Республики (КР) в 1924 г., и военно-экономическую помощь китайским демократам-националистам (Гоминьдану) в борьбе с реакционным пекинским правительством в 1924–1927 гг., и организационно-финансовую поддержку китайского коммунистического движения, и разрыв дипломатических отношений с правительством Гоминьдана в 1929 г., возглавившим Китайскую Республику после победы над

пекинским правительством. Дипломатические отношения были восстановлены 12 декабря 1932 г. по инициативе гоминьдановского правительства Чан Кайши, оказавшегося в сложном положении после захвата милитаристско-фашистской Японией [Манн, 2020, с. 536] трех Северо-Восточных провинций Китая в 1931–1932 гг. и создания там марионеточного государства Маньчжоу-Го.

С созданием Маньчжоу-Го Япония вышла на сухопутные границы с Советским Союзом и приступила к созданию там военного плацдарма для возможного нападения на СССР, что в свою очередь заставило советское руководство также серьезно относиться к восстановлению отношений с Китайской Республикой – потенциальным союзником в будущей возможной войне с Японией.

Военно-политическое сотрудничество, включавшее в себя процесс подготовки договора о ненападении и секретные договоренности о продаже Советским Союзом Китайской Республике военной техники и оружия, дополнялись активным развитием культурных связей, причем с советской стороны осуществлялось партийно-государственное руководство этими процессами [Новиков, 2025].

Результаты исследования

Среди многих реализованных проектов в области советско-китайского культурного сотрудничества в 1930-е гг. выделяется организация гастролей в СССР труппы Мэй Ланьфана из Пекинского театра оперы весной 1935 г. К этому времени имя Мэй Ланьфана (1894–1961) было широко известно и китайской, и зарубежной аудитории, в 1927 г. он был назван одним из четырех выдающихся актеров Китая. В 1930 г. Мэй Ланьфан совершил успешный гастрольный тур по США, выступив во многих городах, включая Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес и др. Немаловажное значение имела и общественно-политическая позиция Мэй Ланьфана, открыто осудившего японскую агрессию против Китая, отказавшегося выступать перед японскими захватчиками путем отрачивания усов во время антияпонской войны (1937–1945), и лояльно относившегося к грандиозному социальному эксперименту – к СССР, где он впоследствии гастролировал еще трижды – в 1952-м, 1957-м и 1960-х годах.

Мэй Ланьфану и его творчеству в Китае и за рубежом, включая СССР-Россию, посвящена обширная научная и научно-популярная литература [Мэй Ланьфан..., 1935; Образцов, 1957; Серова, 1970]. В данной статье мы поставили своей целью провести сравнительный анализ советских и китайских газетных и журнальных публикаций о первых гастролях в СССР труппы Мэй Ланьфана в 1935 г.

Второй восточный отдел Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) и посольство СССР в Китае были главными инициаторами и организаторами большинства советских проектов в сфере культуры в тот период, так было и в случае с гастролями труппы Мэй Ланьфана. Согласно Второму историческому архиву Китая, 21 марта 1934 г. посольство Китая в Советском Союзе направило в МИД КР сообщение: «Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), получив информацию о предстоящих европейских гастролях Мэй Ланьфана, неодно-

кратно через наше посольство выражало горячее желание организовать его выступления в СССР» [Цзи цзинбинь, ч. 1, 2001]. В целях развития культурных связей правительство СССР могло бы «обеспечить труппе Мэй Ланьфана в питание и гостеприимство в СССР, но ему было бы трудно получить зарплату в иностранной валюте». [Цзи цзинбинь, ч. 1, 2001]. 12 апреля 1934 г. Мэй Ланьфан отправил телеграмму китайскому корреспонденту в Москве Гэ Гунчжэню, в которой выразил намерение выступить в СССР: «Советская культура и искусство давно вызывают у меня уважение и обожание, и если поездка в Европу может быть осуществлена, я обязательно поеду в СССР. Прошу сначала поблагодарить ВОКС за щедрость». [Цзи цзинбинь, ч. 1, 2001]. 9 мая 1934 г. второй восточный отдел проинформировал посла СССР в Китае Д. В. Богомолова о готовящемся в СССР приеме труппы Мэй Ланьфана, если условия гастролей «не будут связаны с крупными затратами инвалюты» [Записки..., 9 мая 1934 г.]. С июля 1934 по январь 1935 г. Гэ Гунчжэнь и Мэй Ланьфан более десяти раз обменивались телеграммами через посольство и МИД Китая, обсуждая время поездки, маршруты, источники финансирования и организацию выступлений в СССР.

Через китайского корреспондента Гэ Гунчжэня в конце 1934 г. до Мэй Ланьфана были доведены советские условия организации гастролей его труппы в СССР, которые были одобрены китайской стороной. Официальное приглашение Мэй Ланьфану было направлено по дипломатическим каналам через временного поверенного в делах СССР в КР И.И. Спильванека. В сопроводительном письме второй восточный отдел НКВД представил Спильванеку основное содержание официального приглашения: Мэй Ланьфан и его труппа (25–26 человек) являются гостями и СССР берет на себя все расходы по их пребыванию на советской территории; китайская труппа дает 4–5 спектаклей в Москве и 3 в Ленинграде; обслуживание труппы поручено Государственному объединению музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий (ГОМЭЦу), представитель которого будет встречать китайских артистов во Владивостоке; Мэй Ланьфан и его ближайшие помощники должны получить особое обслуживание, отличное от обслуживания основной труппы, проезд по маршруту Владивосток–Москва Мэй Ланьфана и его ближайших помощников обеспечивается в международном вагоне, проживание в «Метрополе», остальной части труппы – в мягком вагоне,

проживание в специальном общежитии ГОМЭЦ для иностранных артистов; спектакли китайской труппы планируется проводить в «Мюзик-холле»; предполагается посещение китайскими артистами ряда советских театров; Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) и ГОМЭЦ планируют специальный прием в честь китайских гостей; для организации гастролей создается общественный комитет из представителей НКВД, ГОМЭЦ, советских театральных деятелей, представителей посольства КР в Москве [Письмо М. В. Юшкевича... 17 декабря 1934 г.].

В докладной записке заместителю наркома иностранных дел Б. С. Стомонякову второй восточный отдел сообщал, что согласно предварительно оговоренным условиям с представителем Мэй Ланьфана в Москве, ГОМЭЦ оплачивает все расходы, связанные с пребыванием китайских артистов в СССР и что «никто из состава труппы не получает никакого гонорара» [Докладная записка..., 2 февраля 1935 г., с. 389]. В докладной записке подчеркивалось особое общественно-политическое значение предстоящей поездки труппы Мэй Ланьфана, в связи с чем предлагалось «придать ей характер известной общественной демонстрации», тем более, что гастроль в СССР одобрило китайское правительство и выделило крупные средства, а «Мэй Ланьфан отказался от поездки как в Европу, так и в Японию, чтобы подчеркнуть, что целью его поездки является только СССР». Докладная записка заканчивалась конкретными предложениями второго восточного отдела по организации гастролей труппы Мэй Ланьфана в СССР: «1. Создать в Москве общественный комитет по приему Мэй Ланьфана в составе гг. Стомонякова, Бубнова, Аросева и посла д-ра Яня, народных артистов Станиславского, Мейерхольда, Таирова, писателя Третьякова и других, по усмотрению ВОКСа. 2. Первый спектакль Мэй Ланьфана сделать закрытым для правительства, дипкорпуса и советской общественности, приглашения на который будут рассылаться ВОКСом. 3. Поручить ВОКСу издание художественной брошюры о китайском театре Мэй Ланьфана, равно как и либретто для спектакля. 4. Поручить ВОКСу по приезду Мэй Ланьфана устроить большой прием в его честь, равно как и организовать прием представителями советского театра. 5. В связи с тем, что Мэй Ланьфан и его труппа не получают никакого гонорара, обязать ГОМЭЦ, по окончании гастролей, преподнести Мэй Ланьфану и его ближайшим помощникам ценные подарки в память о пребывании в Союзе.

Просим Ваших указаний» [Докладная записка... 2 февраля 1935 г., с. 389].

Судя по документам, предложения второго восточного отдела НКВД по организации гастролей труппы Мэй Ланьфана обсуждались на самом высоком уровне. Получив соответствующие поручения от народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова, второй восточный отдел подготовил директивные указания для руководства ВОКС: «I. Создать общественный комитет под председательством китайского посла в СССР д-ра Яня и председателя ВОКС т. Аросева, с участием в этом комитете народных артистов: Станиславского, Мейерхольда, Таирова, советника китайского посольства г. У Наньжу, писателя Третьякова, кинорежиссера Эйзенштейна и других по усмотрению ВОКСа. Участие представителей НКВД, Наркомпроса считать нецелесообразным. II. Народный комиссар не видит необходимости в устройстве, как это было намечено на первом совещании в ВОКСе, закрытого спектакля для правительства, дипкорпуса и советской общественности... III. Не возражать против издания ВОКСом специальной художественной брошюры о китайском театре Мэй Ланьфана, равно как считать необходимым издание либретто для спектаклей. IV. Считать необходимым устройство в ВОКСе большого приема по приезду Мэй Ланьфана в его честь. Также считать возможным организовать прием Мэй Ланьфана представителями советского театра и советской общественности. V. Не возражать против преподношения Мэй Ланьфану и его ближайшим помощникам ценных подарков по окончании гастролей в память пребывания в СССР» [Письмо 2-го Восточного... 9 февраля 1935 г., с. 392].

По случаю гастролей театра Мэй Ланьфана при ВОКС был образован специальный комитет в следующем составе: сопредседатель комитета — председатель ВОКС А. Я. Аросев и посол Китайской Республики в СССР доктор Янь Хуйцын; члены комитета — народные артисты республики К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, В. Э. Мейерхольд, А. Я. Таиров, главный директор ГОМЭЦ Я. Е. Ганецкий, председатель ЦК Союза работников искусств Я. О. Боярский, заслуженный деятель искусств С. М. Эйзенштейн и писатель С. М. Третьяков.

В Москве и Ленинграде театр Мэй Ланьфана планировал дать несколько спектаклей — «Месть угнетенных», «Радужный перевал», «Фей Чэн-о и генерал Тигр», «Опьяневшая красавица», часть в отрывках, а также ряд танцевальных инсцениро-

вок. Гастроли театра Мэй Ланьфана достаточно широко освещались в советской печати, включая ключевые центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда». Все публикации по этой теме условно можно разделить на информационные, в которых сообщалось о начале и окончании гастролей, о переезде театра Мэй Ланьфана в Ленинград и т. д., на аналитические, ставившие своей целью познакомить советскую аудиторию с историей и особенностями китайского театра, с местом театра Мэй Ланьфана в иерархии китайского сценического искусства, и рефлексивные, ставшие следствием посещения спектаклей театра Мэй Ланьфана и возникших в связи с этим эмоций и размышлений.

Среди авторов публикаций в центральных газетах не было рядовых журналистов. Так, Карл Бернгардович Радек в начале 1920-х гг. входил в состав ЦК большевистской партии и Исполкома Коминтерна, в 1935 г. заведовал бюро международной информации ЦК ВКП(б), являлся корреспондентом «Правды» и «Известий». Илья Израилевич Бачелис являлся лауреатом Сталинской премии, был известен как театральный критик, сценарист, журналист, а Борис Александрович Васильев — как авторитетный филолог-китаевед. Среди авторов публикаций и члены комитета, созданного по случаю гастролей театра Мэй Ланьфана — Сергей Михайлович Эйзенштейн и Сергей Михайлович Третьяков.

За день до приезда Мэй Ланьфана в Москву «Комсомольская правда» опубликовала большую статью Эйзенштейна, посвященную Мэй Ланьфану и его творчеству. Великий советский режиссер, среди прочего, отметил, что, как правило, статья о китайском театре строится по принципу перечисления тех странностей, которые поражают поверхностного и малоподготовленного зрителя, привычного к рутине европейской сцены. Поразительная система и техника китайского театра заслуживают больше, чем перечисления ее условностей, заслуживают того, чтобы вдуматься в тот строй мышления, который порождает такие удивительные формы выражения. Главной заслугой Мэй Ланьфана, этого великого артиста, эрудита и знатока китайской национальной культуры Эйзенштейн считал восстановление им древнейшей традиции — возвращение мастерства актера к былой синтетичности, воскрешение зрелищности и сложного сочетания движения с музыкой и «роскошью древних сценических облачений» [Эйзенштейн, 1935].

Но, как пишет Эйзенштейн, «Мэй Ланьфан не просто реставратор. Он умеет сочетать воссоздание совершенных форм старой традиции с обновленным содержанием. Он старается расширить тематику. Причем расширить ее в сторону вопросов социальных... Некоторые касаются борьбы против отсталости и религиозных суеверий и предрассудков. Эти драмы, исполненные в старинном условном стиле, но рисующие современные по тематике проблемы, приобретают особую остроту и прелесть» [Эйзенштейн, 1935].

Эйзенштейн отмечает, что очень важной в его спектаклях является тема женщины, причем Мэй Ланьфан владеет разными видами женского амплуа (добродетельная, страдающая, бойкая, легкомысленная, злодейка, интриганка) и это также является особенностью мастерства данного артиста. Подводя итог, Эйзенштейн заключает, что опыт знакомства с китайским театром должен дать советским деятелям искусства «огромные материалы для изучения и обогащения нашей художественной методики» [Эйзенштейн, 1935].

В день приезда театра Мэй Ланьфана в Москву «Известия» опубликовали статью Васильева «Мэй Ланьфан и китайский театр». Статья содержала информацию о древней истории китайского театра, о существовании в Китае двух основных типов театрального искусства — классического (театр феодального наследия) и реалистического (аналог европейского драматического искусства). Далее автор подробно характеризует особенности классического театра, к которому он относит и театр Мэй Ланьфана: режиссуры спектаклей в нашем понимании нет, все решает ведущий актер; все женские роли исполняются мужчинами; репертуар на три четверти состоит из пьес исторического типа, новых пьес пишется мало и основной репертуар составлен из примерно 200 основных произведений; классический театр не знает декораций. В статье приводится подробная история становления Мэй Ланьфана как великого артиста, подчеркивается, что новизна в его творчестве во все не означала разрыва с традицией классического театра, а заключалась в оригинальной трактовке, видоизменении традиционных амплуа. Новое также заключалось в акцентировании танца и движения, в углублении психологической трактовки сюжетов. Автор статьи был уверен, что приезд Мэй Ланьфана в СССР послужит укреплению культурных связей между народами Китая и СССР [Васильев, 1935].

12 марта 1935 г. дальневосточным экспрессом театр Мэй Ланьфана прибыл в Москву. Вместе с

ним приехали директор труппы профессор Чжан Пэнчунь, его помощник профессор Юй Шаньюнь, 12 артистов, 4 музыканта, костюмеры и обслуживающий персонал – всего 24 человека. С. М. Третьяков встречал китайского гостя на последнем перегоне перед Москвой и далее ехал вместе с ним. Он отметил чрезвычайно молодое лицо крепкого и статного мужчины, уже 32 года (с 8 лет) перевоплощающегося на сцене в хрупких, трогательных, обворожительных женщин. В ходе дорожной беседы выяснилось, что Мэй Ланьфан поражен необъятностью страны и с нетерпеливым интересом ждет встречи с Москвой и Ленинградом, где в первую очередь хочет познакомиться с работой театров, театральных школ, студий и с советскими музеями. Третьяков цитирует в своей статье выдержку из беседы с Мэй Ланьфаном: «Мы придерживаемся очень высокого мнения о театральных достижениях Советского Союза и мы искренне надеемся увидеть прекрасные постановки в Москве и Ленинграде, обогащая ими свой опыт... Мы приехали к вам, чтобы показать характернейшие формы китайского театра, наше искреннее желание – услышать вашу откровенную критику...» [Третьяков, 14 марта 1935]. Третьяков завершает свою небольшую статью о приезде Мэй Ланьфана следующим словами: «Выходя на перроне под свет электрических солнц киноэкранов, Мэй Ланьфан говорит: „Заветное желание исполнилось. Я – в Москве“» [Третьяков, 14 марта 1935].

14 марта 1935 г. в редакционной колонке «Правды» появилось сообщение о приеме накануне Мэй Ланьфана и его ближайших сотрудников председателем ВОКС А. Я. Аросевым, в ходе которого Мэй Ланьфан заявил следующее: «Приезд китайского театра должен послужить стимулом для дальнейшего культурного сближения СССР и Китая не только в области искусства, но и в других областях». Выступая в тот же день в ночном выпуске «Последних известий по радио», Мэй Ланьфан сказал, что глубоко тронут теплым приемом и радушием, «от лица моей труппы прошу всех вас принять нашу горячую благодарность» [«Правда», 14 марта 1935].

15 марта Мэй Ланьфан в сопровождении представителей ВОКС посетил выставку «Художники советского театра за 17 лет» и отметил, что «выставка прекрасно отражает размах творческой деятельности советского театра». Вечером Мэй Ланьфан присутствовал на спектакле «Египетские ночи» в Камерном театре, после окончания спек-

такля он был принят директором театра А. Я. Таировым [«Правда», 16 марта 1935].

Двумя днями ранее Третьяков опубликовал в «Правде» аналитическую статью о китайском театре, отметив некоторые его особенности и пробудив интерес советской театральной общественности к предстоящим гастролям. Подчеркнув, что театр в Китае зародился несколько тысячелетий назад, Третьяков не мог не обратить внимание на его функцию как проводника «феодалных добродетелей и конфуцианских принципов... почитания предков, покорность, церемонность сквозит в жестах и интонациях». В то же время, отмечает Третьяков, китайский театр, зародившись как дворцовый, «в дальнейшем стал достоянием широчайших масс... Живуч этот театр необычайно. Содержание его пьес обесмысливалось давно. Но с каким трудом сегодняшняя эпоха взрывает старую театральную форму! Медленно растут в городах реалистические театры на европейский лад» [Третьяков, 12 марта 1935].

Переходя к характеристике театра Мэй Ланьфана, Третьяков сообщает его театральную родословную то, что его театр, ставший ровесником Синхайской революции 1911 г., называется «Новый театр старых форм», и что в этом названии состоит сущность природы театрального реформаторства Мэй Ланьфана: «Он не трогает содержание пьес. Его интересуют только средства выражения. Он сливает воедино два раньше разьединенных амплуа – добродетельной героини и соблазнительницы, и женский образ в его исполнении становится много психологичнее, чем иконописный образ классического театра... В его лице впервые китайский театр выходит на мировую арену» [Третьяков, 12 марта 1935].

Третьяков, конечно, не мог не подчеркнуть классовые различия западных буржуазных и советских зрителей китайского театра: «Если буржуазный зритель Европы и Америки приучен относиться к китайскому театру свысока, как к экзотическому, дикому, непонятному зрелищу, то советский зритель, воспитанный в духе величайшего внимания к национальному творчеству, несомненно окажет этому театру и лучшему его представителю то внимание, которого заслуживает театр, близкий и родной почти половине населения всего земного шара». Свою статью Третьяков завершил словами о том, что приезд театра Мэй Ланьфана в Москву приобретает «особо высокое культурное значение» [Третьяков, 12 марта 1935].

Посетив спектакль театра Мэй Ланьфана, Третьяков обратил внимание на декорации и написал по этому поводу специальную небольшую статью, подчеркнув следующее: «Исключительна роскошь тканей реквизита. Занавеси на дверях, сменное панно между дверьми, пунцовые скатерти и стульные покрывала. Все это — шелк, покрытый тончайшими вышивками от руки. Такая же вышитая от руки ветвь с цветами пересекает гигантскую занавесь шелка, которая до начала спектакля закрывает сцену. Занавесь эта — своего рода „визитная карточка знаменитого артиста”» [Третьяков, 18 марта 1935].

20 марта 1935 г. редакционная колонка «Правды» сообщила о состоявшемся накануне приеме в посольстве Китайской Республики «в честь известного китайского артиста и режиссера д-ра Мэй Ланьфана». С советской стороны на приеме присутствовали народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов и его заместитель Н. Н. Крестинский, посол СССР в Китае Д. В. Богомолов, дипломатический корпус, председатель ВОКС А. Я. Аросев, ответственные сотрудники наркоматов иностранных дел, обороны и просвещения, ВОКС, народные и заслуженные артисты республики, директора московских театров, композиторы, крупнейшие деятели советского театра и кино, представители печати. Сообщалось, что в большом зале посольства была устроена импровизированная сцена, на которой театр Мэй Ланьфана показал две короткие пьесы, которые имели «громадный успех» [«Правда», 20 марта 1935].

23 марта в редакционной статье «Известий» были опубликованы отзывы на состоявшийся накануне общественный просмотр первой гастрольной программы театра Мэй Ланьфана: «Спектакль имел огромный успех. Продолжительными, горячими овациями сопровождалось каждое выступление блестящего мастера китайской сцены д-ра Мэй Ланьфана, сыгравшего центральные женские роли в пьесах „Подозрительная туфля” и „Фей Чэн-о и генерал Тигр” и исполнившего замечательный танец мечей из пьесы „Девушка-героиня”» [«Известия», 23 марта 1935].

В этом же номере газеты была опубликована статья Карла Радека «Старый Китай говорит о новом», которая стала рефлексией конкретного зрителя, присутствовавшего на общественном просмотре 22 марта: «Я не знаю китайского театра и не знаю, так ли он оторван от жизни, страданий и борьбы китайских народных масс, как оторваны те сцены, которые показал нам театр Мэй Ланьфана. Все, что мы видели, абсолютно чуждо

нам по своему содержанию... И все-таки? Все-таки мы потрясены игрой Мэй Ланьфана. Этот мужчина, играющий женские роли на незнакомом нам языке, захватывает зрителя, своим волшебным искусством создавая образы, вполне живые и убедительные... Очарование игры глаз, рук, движений тела заставляет забыть все чужое. Гений Мэй Ланьфана переносит через века и моря *человеческое* и делает его понятным» [Радек, 1935].

Рефлексия от посещения Третьяковым спектакля «Месть угнетенных» стала поводом для публикации еще одной его статьи в «Правде». Пересказав содержание пьесы, Третьяков подчеркнул, что зрительный зал то и дело разражался аплодисментами, «аудитория приветствовала в этой пьесе мастерство актеров. Виденное нами представление... говорит о том, что в традиционном китайском театре заключены громадные запасы жизненности. Реализм в игре и соответствие интересам народным масс в тематике — вот элементы, развивая которые может расти китайский театр» [Третьяков, 26 марта 1935].

Подводя предварительный итог московским гастролям, Бачелис публикует в «Комсомольской правде» статью «Театр Мэй Ланьфана», в которой он отмечает, что «содержание пьес слишком далеко от современной жизни и чуждо зрителю. Центр тяжести, естественно, переносится на игру. И здесь, в игре, многое поражает аудиторию. Китайский театр синтетичен: весь спектакль построен на музыке и музыкальном отчетливом ритме, которому подчиняется актер... Несмотря на незнание языка и пресловутые условности, можно легко проследить достоинство актерской игры. И здесь становится очевидной вся прелесть искусства Мэй Ланьфана, выступающего в женских ролях... Искусству Мэй Ланьфана мы обязаны тем, что нам становятся понятны не только образы далекого прошлого, но и гений китайского народа, который на опыте этого искусства будет создавать свой новый театр» [Бачелис, 1935].

30 марта 1935 г. «Правда» напечатала краткое сообщение о завершении гастролей театра Мэй Ланьфана в Москве и об отъезде 31 марта в Ленинград. Подводя итоги гастролей, «Правда» отметила, что в Москве театр дал 7 спектаклей, которые посетили 12 тыс. зрителей, подчеркивая, что «гастроли театра и особенно выступление знаменитого китайского артиста имели в Москве исключительный успех». «Правда» сообщала о состоявшихся накануне съемках сцен из двух спектаклей театра, о посещении Мэй Ланьфаном балета «Лебединое озеро» в Большом театре, а

также о предстоящих в Ленинграде гастролях — 2–5 апреля театру Мэй Ланьфана предстояло дать там 4 спектакля [«Правда», 30 марта 1935].

2 апреля 1935 г. «Правда» сообщила о прибытии накануне в Ленинград театра Мэй Ланьфана. На Московском вокзале театр встречали представители общественности, киноорганизаций и печати. В интервью корреспонденту «Правды» Мэй Ланьфань сказал, что он очень тронут исключительным приемом в Москве, что «московские зрители проявили огромное внимание, вдумчивое и серьезное отношение к нашим постановкам. Гастроли театра, несомненно, будут способствовать укреплению культурных отношений между двумя дружественными народами». Он также сообщил, что на обратном пути его театр даст прощальный спектакль в Большом театре, а 12–13 апреля в Москве состоится дискуссия с его участием «о методах творческой театральной работы, в которой примут участие крупнейшие представители советского искусства» [«Правда», 2 апреля 1935].

Перед тем как труппа Мэй Ланьфана отправилась на гастроли в СССР, китайская печать, в том числе «Дагун бао» и «Шэнбао», широко освещали это событие и рассказывали о культурной миссии Мэй Ланьфана в СССР. Газета «Шэнбао» — самая влиятельная издававшаяся в городе Шанхае с 1872 по 1949 гг. газета, считалась аналогом «The Times» и «The New York Times» и называлась «живой энциклопедией новой эпохи Китая» за всестороннее освещение событий. «Дагун бао» являлась одной из самых влиятельных китайских газет XX в., основана в 1902 г., издавалась сначала в Тяньцзине, позднее в Шанхае, Гонконге и других городах, ее часто называют газетой интеллектуалов за её аналитический подход и культурную направленность. В обеих газетах было написано о том, что советское правительство придает большое значение поездке Мэй Ланьфана в СССР. 6 января 1935 г. ВОКС пригласил Мэй Ланьфана выступить в СССР: «Ваше художественное мастерство перешагнуло национальные границы и вызывает глубокое восхищение у народов СССР. Поэтому мы сердечно приглашаем вас приехать в Москву 15 числа этого месяца, чтобы народ СССР имел честь увидеть вас. Мы уверены, что этот визит будет способствовать дальнейшему углублению культурных обменов между нашими двумя странами и будет иметь огромное значение!» [«Дагун бао», 6 января 1935]. 8 февраля 1935 г. в обеих газетах одновременно было опубликовано сообщение о том, что труппа Мэй Ланьфана отправится на специальном русском корабле вместе

с послом КР в СССР Янем через Владивосток в Москву: «Мэй Ланьфан рассказал о своей поездке в СССР и вежливо отказал и поблагодарил японцев за гостеприимство в связи с изменением маршрута» [«Шэнбао», 8 февраля 1935]. С января по апрель 1935 г. «Дагун бао» и «Шэнбао» следили за новостями о гастролях труппы Мэй Ланьфана в СССР.

Труппа Мэй Ланьфана отправилась на гастроли в СССР при финансовой и политической поддержке правительства Китайской Республики. 6 февраля 1935 г. председатель Исполнительного Юаня Ван Цзинвэй подписал распоряжение, в котором говорилось: «От имени КР приглашаем нашего доктора Мэй Ланьфана выступить в СССР. Для обеспечения надлежащей организации создан комитет, в который вошли председатель ВОКС Аросев, директор Первого художественного театра Станиславский, директор театра Мейерхольд, директор Камерного театра Таиров, начальник Восточного отдела Народного комиссариата иностранных дел СССР Баров, а также советник посольства Китая в СССР У Наньжу, специально ответственный за это дело. Вопросы, касающиеся репертуара, сценариев, транспорта, проживания и сроков, были согласованы». Ван Цзинвэй подчеркивал, что гастроли труппы Мэй Ланьфана в СССР «имеют важное значение для пропаганды китайского искусства», и приказал «выделить 50 000 юаней из резервного фонда первой категории расходов на иностранные дела текущего года» для поддержки гастролей доктора Мэй Ланьфана в СССР [Цзи цзинбинь, ч.2, 2001,].

Более того, 19 января 1935 г. посольство Китая в СССР направило телеграмму в МИД Китая, в которой указывалось, что господин Мэй, приглашенный дружественной страной и поддержанный правительством, отправляется за границу для демонстрации искусства. Гастроли являются «вопросом репутации всего национального театра, а не личным успехом или неудачей самого Мэй Ланьфана». Посольство Китая в СССР посоветовало МИДу Китая «связаться с Центральной пропагандистской комиссией и потребовать от оппозиционных газет прекратить публикацию критических статей», все политические группировки внутри страны должны поставить внешние интересы выше всего, воздержаться от возражений и совместно способствовать успеху этого мероприятия [Цзи цзинбинь, ч. 2, 2001]. Китайское правительство обратило внимание на противодействие гастролям труппы Мэй Ланьфана в Советском Союзе, на что и отреагировал МИД Китая 26 ян-

варя; «Запрет на противодействие театральным выступлениям Мэй Ланьфана в СССР был одобрен письмом Центрального комитета пропаганды, который отметил, что уже предупредил все газеты и цензурные бюро о необходимости соблюдения запрета» [Цзи цзинбинь, ч. 2, 2001].

Перед поездкой китайцы по-разному относились к гастролям труппы Мэй Ланьфана в СССР. Сторонники считали, что гастролы труппы Мэй Ланьфана в СССР – это акт распространения китайского искусства и культуры, а также честь для китайской нации. По случаю отъезда труппы Мэй Ланьфана представители из всех слоев общества собрались в Шанхае, чтобы проводить его. «18-го числа в 16:30 в Международном отеле состоялся грандиозный чайный прием в честь проводов посла Янь Хуэйцина и Мэй Ланьфана. На мероприятии присутствовало более 500 представителей различных кругов общества. Среди гостей особое внимание привлекли исполняющий обязанности представителя СССР, супруги Гу Вэйцзюнь, Ли Шицзэн, Чу Минь, супруги Сюн Силян и другие» [«Дагун бао», 19 февраля 1935]. Ду Юэшэн как глава шанхайского дворянства для поездки Мэй Ланьфана в Советский Союз выделил более 100 000 юаней. Некоторые из этих сторонников были приверженцами традиционного китайского театра и надеялись, что Мэй Ланьфан использует гастролы как средство продвижения старого, приходящего в упадок китайского театра. Критик Ду Хэн предложил Мэй Ланьфану пригласить Сталина посмотреть спектакль, чтобы «величие господина Мэй не только получило всеобщее признание в СССР, но и было по-новому оценено в его собственной стране» [Ду Хэн, 1934].

Некоторые критики, выступая против гастролей, отрицали традиционную китайскую Пекинскую оперу и поэтому не поддерживали, чтобы старый китайский театр выезжал за границу. Еще во времена китайского движения за новую культуру традиционный китайский театр критиковался как продукт феодальной эпохи, оторванный от интересов масс и противоречащий новой идеологии социализма. Критиками были в основном левые интеллектуалы, представленные писателями Лу Сюнем и Тянь Хань, которые считали, что традиционный китайский театр в лице Мэй Ланьфана был средством распространения феодальной идеологии, а большинство ролей, сыгранных Мэй Ланьфаном, были ролями феодальных придворных красавиц. Тянь Хань отмечал, что феодальное содержание искусства Мэй Ланьфана делает его

непригодным для современной жизни [Тянь Хань, 1934]. Мало того, некоторые люди считали, что переодевание Мэй Ланьфана в женскую одежду вызовет у иностранцев презрение к китайской культуре, и поэтому зарубежные турне Мэй Ланьфана не только не принесут славы его стране, но и станут позором для китайской нации.

Другие критики не возражали против гастролей Мэй Ланьфана в СССР, но подчеркивали, что самое важное, это правильно подобрать репертуар, отвечающий духу времени. Цзяо Сичэнь предложил Мэй Ланьфану выбрать оперы, имеющие революционное и воспитательное значение, такие как «Фей Чэн-о и генерал Тигр» и «Месть угнетенных» [Цзяо Сичэнь, 1934]. Лю Чуньхуа отметил, что Мэй Ланьфан мог бы сыграть героиню в «Мулан в армии» или «Фей Чэн-о и генерал Тигр» вместо наложниц феодальных императоров, таких как «Си Ши» и «Ло Шэнь» [Лю Чуньхуа, 1935]. Следует отметить, что труппа Мэй Ланьфана исполнила в СССР именно традиционные пекинские оперы «Фей Чэн-о и генерал Тигр» и «Месть угнетенных», относившиеся к классическим операм, посвященным теме «борьбы против угнетения».

Во время выступлений в СССР несколько китайских авторитетных газет, в том числе «Дагун бао» и «Шэнбао», сообщали о громких банкетах в честь Мэй Ланьфана в Москве и Ленинграде. 14 марта 1935 г. ВОКС устроил банкет по случаю встречи Мэй Ланьфана и его труппы, на который были приглашены посол Янь, посол Богомолов, известная китайская актриса Ху Дие, различные члены комитета гостеприимства, важный персонал российского иностранного и китайского посольств, а также ряд писателей и художников. «Председатель Александр Яковлевич Аросев выступил с приветственной речью, выразил искренность русских в приеме Мэй, упомянул о российско-советской международной киновыставке с участием китайских представителей и возобновлении китайской стороной российско-советской выставки живописи, что свидетельствует о прогрессе культурного общения между двумя странами и выражает надежду на дальнейшее экономическое и политическое сотрудничество» [«Шэнбао», 16 марта 1935]. 21 марта посол Богомолов устроил банкет, чтобы поприветствовать Мэй Ланьфана [«Дагун бао», 23 марта 1935]. 2 апреля труппа Мэй Ланьфана дала предварительный показ в Ленинграде, и руководители советской театральной общественности устроили банкет в честь Мэй и его труппы, на котором присут-

ствовало более ста человек, включая ученых-востоковедов, представителей посольства и русских деятелей искусства [«Шэнбао», 3 апреля 1935].

Китайская пресса также сообщала о популярности выступлений труппы Мэй Ланьфана в СССР. Мало того, что премьера труппы Мэй Ланьфана в Москве 19 марта прошла с большим успехом, так еще и билеты на спектакли в Москве и Ленинграде давно были распроданы [«Дагунбао», 21 марта 1935]. 4 апреля 1935 г. Мэй Ланьфан поставил в Ленинграде спектакли «Фей Чэн-о и генерал Тигр» и «Месть угнетенных», «после спектакля раздались громкие аплодисменты, бесчисленные люди дарили цветы, а занавес поднимался целых шестнадцать раз» [«Шэнбао», 5 апреля 1935].

Несмотря на то, что большинство китайских газет сообщали об успешных выступлениях Мэй Ланьфана, в прессе не обошлось без политической иронии по поводу его гастролей в СССР, поскольку 23 марта 1935 г. СССР и Япония, несмотря на протесты китайского правительства, продали Китайскую Восточную железную дорогу Маньчжоу-Го, и почти в то же время состоялась премьера спектакля труппы Мэй Ланьфана в Москве, имевшая колоссальный успех. Такой резкий контраст вызвал иронию в Китае. В газете «Норт-Чайна Дейли Ньюс» появилась карикатура, на которой советские чиновники наблюдали за спектаклями Мэй Ланьфана, а на заднем плане Советский Союз продавал Японии Китайскую восточную железную дорогу [«Норт-Чайна Дейли Ньюс», 26 марта 1935]. Надо отметить, что газета «Норт-Чайна Дейли Ньюс» (1850–1951) являлась одной из наиболее влиятельных англоязычных газет Китая XX в. и британским колониальным изданием в Шанхае.

В своих воспоминаниях Гэ Гунчжэнь объяснял, что успех гастролей труппы Мэй Ланьфана в СССР был обусловлен гостеприимством советского правительства, а также тем, что «Советский Союз, стремясь быть добрым к китайскому народу, не был слишком холоден в своих чувствах» [Гэ Гунчжэнь, 1935, с. 212]. Очевидно, что ради своих национальных и политических интересов и китайское, и советское правительства пытались скрыть свои политические и дипломатические разногласия и конфликты с помощью культурных обменов, таких как гастроли Мэй Ланьфана в СССР.

После гастролей Мэй Ланьфана в СССР дискуссии об этом событии не прекратились. С одной

стороны, официальная печать и многие критики высоко оценили тур Мэй Ланьфана в СССР. Чжай Гуанлянь, представитель Китайской туристической службы, отметил, что тур Мэй Ланьфана связал китайскую и советскую культуры, укрепил китайско-советские дипломатические отношения и позволил советским людям глубже понять китайскую культуру. Некоторые критики называли Мэй Ланьфана «национальным героем» и выразили надежду, что он воспользуется успехом своих зарубежных гастролей для продвижения китайского национального театра [Му Тао, 1935]. Чжан Пэнчунь, профессор Нанкинского университета, отметил, что большое количество сообщений и комментариев в советских партийных и правительственных газетах, искренняя признательность и изучение китайского театра известными советскими драматургами, восторженная реакция советских зрителей — все это доказывает, что «постановки Мэй Ланьфана по старым китайским драмам имели успех в социалистической стране, развивающей пролетарскую культуру. Советский Союз высоко оценил и был заинтересован в изучении именно техники китайского театра, а не его преимущественно феодального содержания» [Чжан Пэнчунь, 1935].

В связи с высокой оценкой советской стороной гастролей труппы Мэй Ланьфана и широким распространением новостей об успехе визита Мэй в СССР в китайских критических кругах появились и скептические голоса. Одна из точек зрения ставила под сомнение искренность высокой оценки в СССР выступлений Мэй Ланьфана, утверждая, что такая похвала в первую очередь политически мотивирована. Левый критик Ху Цзиньсюй утверждал, что Мэй Ланьфан распространяет феодальную мораль и отравляет сознание масс, а леств Советского Союза в адрес Мэй Ланьфана лицемерна, бюрократична и презрительна по отношению к современной китайской культуре [Ху Цзиньсюй, 1935]. Другая точка зрения заключалась в том, что выступления Мэй Ланьфана были популярны из-за своеобразной экзотики, а не из-за подлинной советской оценки китайской культуры [Тянь Минь, 2022, с. 182].

Заключение

В начале 1930-х гг. руководство Китайской Республики во главе с Чан Кайши и руководство Советского Союза во главе с И. В. Сталиным были одинаково заинтересованы в преодолении последствий конфликтной ситуации 1927 г. и разрыва дипломатических отношений в 1929 г., что

объяснялось агрессивными планами и действиями милитаристско-фашистской Японии в отношении обеих стран. Это внешнеполитическое обстоятельство подталкивало обе стороны к форсированному развитию отношений в политической, экономической и военной сферах, а также к сотрудничеству в области культуры, что объясняет активное участие органов государственной власти обеих стран в планировании и реализации различных гуманитарных проектов.

Гастроли театра Мэй Ланьфана в Москве в 1935 г. были некоммерческим проектом, профинансированным правительствами СССР и КР. Дипломаты обеих стран, выполняя поручения своих правительств, оказались глубоко вовлечены в подготовку и проведение гастролей, то же самое касалось и государственной советской печати. В газетных статьях еще накануне гастролей уже сообщалось, что «гастроли театра Мэй Ланьфана внесут важный вклад в развитие дружественных отношений между народами Китая и СССР».

Редакции центральных газет отслеживали ход гастролей, публикуя как редакционные заметки, так и аналитические статьи С. М. Эйзенштейна, С. М. Третьякова, К. Б. Радека и др. В целом, советская центральная печать, выполняя государственный заказ, давала положительную оценку спектаклям театра Мэй Ланьфана, особо выделяя сюжеты, имевшие хотя бы какое-то отношение к классовой борьбе народных масс против угнетателей. Для сравнения, Б. Брехт, находившийся в то время в Москве, и посетивший спектакли театра Мэй Ланьфана, скептически относился «к сочувствующей реакции большинства зрителей» [Кочетова].

В целом, гастроли труппы Мэй Ланьфана в СССР вызвали бурную реакцию китайских СМИ и критиков того времени. С одной стороны, китайское правительство поддержало визит Мэй Ланьфана в Советский Союз из политических интересов, надеясь ослабить напряженность путем сближения с СССР через народный культурный обмен, и визит Мэй Ланьфана в СССР в 1935 г. стал одним из важнейших событий в китайско-советском культурном обмене, как и выставка картин, организованная Сюй Бэйхуном, известным китайским художником, в Москве в 1934 г.

С другой стороны, китайские критики комментировали гастроли труппы Мэй Ланьфана в СССР в основном с политической и идеологической точек зрения, и здесь было две крайности: интеллектуалы, представлявшие традиционализм и национализм, утверждали, что успех гастролей под-

твердил жизнеспособность и ценность традиционного китайского театра, показал очарование китайской культуры и способствовал культурным обменам между Китаем и СССР. В 1936 г. гастролы труппы Мэй Ланьфана в СССР все еще освещались в средствах массовой информации, а один из его спектаклей в СССР был снят на киноплёнку, которая хранится до сих пор. Газета «Дагунбао» писала, что «королева экрана Ху Дие и король пекинской оперы Мэй Ланьфан, посетившие в прошлом году СССР, были сняты в Москве в момент триумфального приема. Советские кинематографисты создали полнометражный звуковой фильм с их диалогами и вокальными номерами. Это первый случай совместного появления двух великих мастеров на экране, что представляет исключительную культурную ценность» [«Дагунбао» 23 марта 1936].

Радикальная интеллигенция, напротив, утверждала, что гастроли труппы Мэй Ланьфана в СССР не имели никакого значения, поскольку они распространяли устаревшую феодальную культуру, противоречащую социалистической культуре СССР, что похвалы Мэй Ланьфану со стороны Советского Союза не были искренними, и что поэтому необходимо перестроить китайскую культуру.

На самом деле гастроли труппы Мэй Ланьфана в СССР преследовали двойную цель – распространение культуры и развитие китайско-советских отношений. Визит Мэй Ланьфана в СССР не только способствовал изучению сильных сторон советского театра и обновлению традиционного театра в его собственной стране, но и помог китайскому традиционному театру выйти за пределы Китая и дать возможность миру познать китайский театр. Успех гастролей труппы Мэй Ланьфана СССР был бы невозможен без поддержки правительств обеих стран, и гастроли труппы Мэй Ланьфана также стали сигналом к будущему политическому сотрудничеству между Китаем и СССР.

Библиографический список

1. Бачелис И. И. Театр Мэй Ланьфана // Комсомольская правда. 24 марта 1935.
2. Васильев Б. А. Мэй Ланьфан и китайский театр // Известия. 12 марта 1935.
3. Докладная записка 2-го Восточного отдела НКВД СССР заместителю наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякову о необходимости указаний центра по программе организации гастролей труппы Мэй Ланьфана в Москве и Ленинграде. 2 февраля 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т.

III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2010. С. 388–389.

4. Записки врид. зав. 2-м Восточным отделом НКВД СССР М.В. Юшкевича, помощника зав. отделом П. Ю. Борового полпреда СССР в КР Д.В. Богомолу об открытии в Москве в залах Исторического музея выставки работ известного китайского живописца Сюй Бэйхуна. 9 мая 1934 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2010. С. 294–295.

5. Известия. 23 марта 1935.

6. Манн М. Источники социальной власти: В 4 т. Т. 3: Глобальные империи и революции, 1890-1945 годы / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. 2-е изд. Москва: Дело, РАНХиГС, 2020. 696 с.

7. Мэй Лань-Фан и китайский театр: [Сборник]: К гастроллям в СССР. Москва; Ленинград: ВОКС, 1935. 35 с.

8. Образцов С. В. Театр китайского народа. Москва: Искусство, 1957. 379 с.

9. Серова С. А. Пекинская музыкальная драма (середина XIX – 40-е годы XX в.). Москва: Наука, 1970. 195 с.

10. Новиков М. В. Партийно-государственное руководство развитием советско-китайского культурного сотрудничества в 1934–1945 гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1. С. 210–223.

11. Письмо М. В. Юшкевича поверенному в делах СССР в КР И.И. Спильвану об организации в СССР гастролей театральной группы Мэй Ланьфана. 17 декабря 1934 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2010. С. 365–366.

12. Письмо 2-го Восточного отдела НКВД СССР заместителю председателя ВОКС Кулябко об организации гастролей в СССР труппы Мэй Ланьфан. 9 февраля 1935 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Москва: Памятники исторической мысли, 2010. С. 392.

13. Правда. 16 марта 1935; 20 марта 1935; 30 марта 1935; 2 апреля 1935.

14. Радек К. Б. Старый Китай говорит о новом // Известия. 23 марта 1935.

15. Третьяков С. М. Мэй Ланьфан в Москве // Правда. 14 марта 1935.

16. Третьяков С. М. Мэй Ланьфан – наш гость // Правда. 12 марта 1935.

17. Третьяков С. М. Декорации театра Мэй Ланьфана // Правда. 18 марта 1935.

18. Третьяков С. М. Новый театр старых форм // Правда. 26 марта 1935.

19. Эйзенштейн С. М. Театр Мэй Ланьфана // Комсомольская правда. 12 марта 1935.

20. Гэ Гунчжэнь. С Севера-Востока Китая в СССР. Чанша: Народное издательство Хунань, 1935. 274 с. (戈公振:《从东北到苏联》, 长沙: 湖南人民出版社, 1935.) (Ge Gongzhen, From Manchuria to the USSR, Changsha: Hunan People's Press, 1935.)

21. Дагун бао. 6 января 1935; 19 февраля 1935; 21 марта 1935; 23 марта 1935. (大公报, 1935年1月6日, 2月19日, 3月21日, 3月23日.) (Ta Kung Pao. January 6, February 19, March 21, and March 23, 1935.)

22. Ду Хэн. Мэй Ланьфан в Советский Союз // Литература и искусство. 1934. Том 1. № 1. С. 1–2. (杜衡:《梅兰芳到苏联去》,《文艺画报》1934年第1卷第1期,第1–2页.) (Du Heng, Mei Lanfang Goes to the Soviet Union // Literary Pictorial, vol. 1, no. 1, 1934, p. 1–2.)

23. Лю Чунхуа. Тур Мэй Ланьфана в СССР // Журнал новости. 22 января 1935. (刘春华,《梅兰芳赴俄》,《新闻报》1935年1月22日.) (Liu Chunhua, Mei Lanfang's Visit to Soviet Union // The News, January 22, 1935.)

24. Му Тао. Впечатление встречи с Мэй Ланьфаном // Мир театра. 3 августа 1935. (慕陶,《迎梅杂感》,《戏世界》1935年8月3日.) (Mu Tao, "Thoughts on Welcoming Mei Lanfang // Theatrical World, August 3, 1935.)

25. Норт-Чайна Дейли Ньюс. 26 марта 1935 (《字林西报》, 1935年3月26日) (The North-China Daily News, March 26, 1935.)

26. Тянь Минь. Мэй Ланьфан и международная сцена XX в. Нанкин: Народное издательство Цзянсу, 2022. 450 с. (田民,《梅兰芳与20世纪国际舞台》,南京:江苏人民出版社,2022年) (Tian Min, Mei Lanfang and the Twentieth-Century International Stage, Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2022.)

27. Тянь Хань. Старая китайская опера и рекритика Мэй Ланьфана: исследование проблемы выступлений Мэй Ланьфана в СССР // Ежедневная газета Китая. 21 октября 1934. (田汉,《中国旧戏与梅兰芳的再批判:梅兰芳赴俄演剧问题的考察之一》,《中华日报》1934年10月21日) (Tian Han, Re-examining Chinese Traditional Theater and Mei Lanfang: A Study of the Issues Surrounding Mei Lanfang's Russian Theater Tour (Part One), Zhonghua Daily, October 21, 1934.)

28. Ху Цзиньсюй. Мэй Ланьфан в СССР // Ежедневная газета Китая. 31 марта 1935. (胡今虚,《梅兰芳在苏联》,《中华日报》1935年3月31日.) (Hu Jinxu, Mei Lanfang in the Soviet Union // Zhonghua Daily, March 31, 1935.)

29. Цзи цзинбинь. Архивные материалы о визите Мэй Ланьфана в СССР ч.1 // Национальные архивы. 2001. №3. С. 8–11.

(纪清彬, 《梅兰芳访苏档案史料(一)》, 《民国档案》, 2001年第三期。) (Ji Qingbin, Archival Materials on Mei Lanfang's Visit to the USSR (Part 1) // National Archives, no. 3 (2001): 8-11.)

30. Цзи цзинбинь. Архивные материалы о визите Мэй Ланьфана в СССР ч. 1 // Национальные архивы. 2001. №4. С. 9–23.

(纪清彬, 《梅兰芳访苏档案史料(二)》, 《民国档案》, 2001年第四期) (Ji Qingbin, Archival Materials on Mei Lanfang's Visit to the USSR (Part 2) // National Archives, no. 4 (2001): 9-23.)

31. Цзяо Сичэнь. Мои советы, возлагаемые на Мэй Ланьфана перед его поездкой в СССР // Шибао. 12 сентября 1934 г.

(焦西辰, 《去俄之前我对梅兰芳之希望》《时报》1934年9月12日。) (Jiao Xichen, Cultural Ambitions for Mei Lanfang: Expectations Before his Soviet Tour // The Eastern Times, September 12, 1934.)

32. Чжан Пэнчунь. Лекции профессора Чжан Пэнчунь о старом и новом театре // Утренние новости Пекина. 28–29 мая 1935 г.

(张彭春, 《张彭春教授讲演旧剧和新剧》, 《北平晨报》1935年5月28–29日。) (Zhang Pengchun, Professor Zhang Pengchun's Lecture on Traditional and New Drama // Peiping Morning Post, May 28-29, 1935.)

33. Шэнбао. 8 февраля 1935; 16 марта; 3 апреля 1935; 5 апреля

1935.(《申报》1935年2月8日, 1935年3月16日, 1935年4月3日, 1935年4月5日) (Shen bao, feb.8, mar.16, ap.3,ap.5 1935.)

Reference list

1. Bachelis I. I. Teatr Mjej Lan'fana = Mei Lanfang theatre // Komsomol'skaja pravda. 24 marta 1935.

2. Vasil'ev B. A. Mjej Lan'fan i kitajskij teatr = Mei Lanfang and the Chinese theatre // Izvestija. 12 marta 1935.

3. Dokladnaja zapiska 2-go Vostochnogo otdela NKID SSSR zamestitelju narkoma inostrannyh del SSSR B.S. Stomonjakovu o neobhodimosti ukazanij centra po programme organizacii gastrolej truppy Mjej Lan'fana v Moskve i Leningrade. 2 fevralja 1935 g. = Report from the 2nd Eastern Department of the USSR PCFA to Deputy Commissar for Foreign Affairs of the USSR B.S. Stomonjakov on the need for instructions from the center on organizing tours of the Mei Lanfang troupe in Moscow and Leningrad. February 2, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2010. S. 388–389.

4. Zapiski vrid. zav. 2-m Vostochnym otdelom NKID SSSR M.V. Jushkevicha, pomoshhnika zav. otdelom P. Ju. Borovogo polpredu SSSR v KR D.V. Bogomolovu ob

otkrytii v Moskve v zalah Istoricheskogo muzeja vystavki rabot izvestnogo kitajskogo zhivopisca Sjuj Bjejhuna. 9 maja 1934 g. = Notes of M.V. Yushkevich, deputy head of the 2nd Eastern Department of the USSR People's Commissariat of Foreign Affairs, and P.Y. Borovoy, assistant head of the department, to D.V. Bogomolov, USSR envoy to the Kyrgyz Republic, on the opening of an exhibition of works by the famous Chinese painter Xu Beihong in the halls of the Moscow Historical Museum. May 9, 1934 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2010. S. 294–295.

5. Izvestija. 23 marta 1935. = Izvestiya. 23 March 1935.

6. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: V 4 t. T.3: Global'nye imperii i revoljucii, 1890-1945 gody = Sources of social power: In 4 vols. Vol. 3: Global empires and revolutions, 1890-1945 / per. s angl. D. Ju. Karaseva; pod nauch. red. S. Moiseeva. 2-e izd. Moskva : Delo, RANHiGS, 2020. 696 s.

7. Mjej Lan'-Fan i kitajskij teatr = Mei Lan-Fang and the Chinese theatre: [Sbornik]: K gastroljam v SSSR. Moskva; Leningrad : VOKS, 1935. 35 s.

8. Obrazcov S. V. Teatr kitajskogo naroda = Theatre of Chinese people. Moskva : Iskustvo, 1957. 379 s.

9. Serova S. A. Pekinskaja muzykal'naja drama (seredina XIX – 40-e gody HH v.). = Beijing musical drama (mid- XIX - 40s of the XX century). Moskva : Nauka, 1970. 195 s.

10. Novikov M. V. Partijno-gosudarstvennoe rukovodstvo razvitiem sovetsko-kitajskogo kul'turnogo sotrudnichestva v 1934–1945 gg. = Party and state regulation of the Soviet-Chinese cultural cooperation development in 1934-1945 years // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2025. № 1. S. 210–223.

11. Pis'mo M. V. Jushkevicha poverennomu v delah SSSR v KR I.I. Spil'vaneku ob organizacii v SSSR gastrolej teatral'noj gruppy Mjej Lan'fana. 17 dekabnja 1934 g. = M. V. Yushkevich to I.I. Spilvanek, Chargé d'Affaires of the USSR in the Kyrgyz Republic, about the organization of Mei Lanfang's theatrical group tour in the USSR. December 17, 1934 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2010. S. 365–366.

12. Pis'mo 2-go Vostochnogo otdela NKID SSSR zamestitelju predsedatelja VOKS Kuljabko ob organizacii gastrolej v SSSR truppy Mjej Lan'fan. 9 fevralja 1935 g. = Letter from the 2nd Eastern Department of the USSR People's Commissariat of Foreign Affairs to the deputy chairman of the VOKS Kuliabko on the organization of Mei Lanfang's troupe's tour in the USSR. February 9, 1935 // Russko-kitajskie otnoshenija v HH veke. T. III: Sovetsko-kitajskie otnoshenija (sentjabr' 1931 – sentjabr' 1937 gg.) / otv. red. S. L. Tihvinskij. Moskva : Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2010. S. 392.

13. Pravda. 16 marta 1935; 20 marta 1935; 30 marta 1935; 2 aprlja 1935 = Pravda. March 16, 1935; March 20, 1935; March 30, 1935; April 2, 1935.

14. Radek K. B. Staryj Kitaj govorit o novom = Old China speaks about the new one // Izvestija. 23 marta 1935.

15. Tret'jakov S. M. Mjej Lan'fan v Moskve = Mei Lanfang in Moscow // Pravda. 14 marta 1935.

16. Tret'jakov S. M. Mjej Lan'fan – nash gost' = Our guest Mei Lanfang // Pravda. 12 marta 1935.

17. Tret'jakov S. M. Dekoracii teatra Mjej Lan'fana = The scenery in Mei Lanfang's theatre // Pravda. 18 marta 1935.

18. Tret'jakov S. M. Novyj teatr staryh form = The new theatre of old forms // Pravda. 26 marta 1935.

19. Jezenshtejn S. M. Teatr Mjej Lan'fana = Mei Lanfang theatre // Komsomol'skaja pravda. 12 marta 1935.

20. Gje Gunchzhjen'. S Severa-Vostoka Kitaja v SSSR = From the North-East of China to the USSR. Chansha: Narodnoe izdatel'stvo Hunan', 1935. 274 s. (戈公振: 《从东北到苏联》, 长沙: 湖南人民出版社, 1935.) (Ge Gongzhen, From Manchuria to the USSR, Changsha: Hunan People's Press, 1935.)

21. Dagun bao. 6 janvarja 1935; 19 fevralja 1935; 21 marta 1935; 23 marta 1935. (大公报, 1935年1月6日, 2月19日, 3月21日, 3月23日。) (Ta Kung Pao. January 6, February 19, March 21, and March 23, 1935.)

22. Du Hjen. Mjej Lan'fan v Sovetskij Sojuz // Literatura i iskusstvo. 1934. Tom 1. № 1. S. 1–2. (杜衡: 《梅兰芳到苏联去》, 《文艺画报》1934年第1卷第1期, 第1–2页。) (Du Heng, Mei Lanfang Goes to the Soviet Union // Literary Pictorial, vol. 1, no. 1, 1934, p. 1–2.)

23. Lju Chun'hua. Tur Mjej Lan'fana v SSSR // Zhurnal novosti. 22 janvarja 1935. (刘春华, 《梅兰芳赴俄》, 《新闻报》1935年1月22日。) (Liu Chunhua, Mei Lanfang's Visit to Soviet Union // The News, January 22, 1935.)

24. Mu Tao. Vpechatlenie vstrechi s Mjej Lan'fanom // Mir teatra. 3 avgusta 1935. (慕陶, 《迎梅杂感》, 《戏世界》1935年8月3日。) (Mu Tao, Thoughts on Welcoming Mei Lanfang // Theatrical World, August 3, 1935.)

25. Nort-Chajna Dejli N'jus. 26 marta 1935(《字林西报》, 1935年3月26日) (The North-China Daily News, March 26, 1935.)

26. Tjan' Min'. Mjej Lan'fan i mezhdunarodnaja scena v Nankin: Narodnoe izdatel'stvo Czjansu, 2022. 450 s. (田民, 《梅兰芳与20世纪国际舞台》, 南京: 江苏人民出版社, 2022年) (Tian Min, Mei Lanfang and the Twentieth-Century International Stage, Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2022.)

27. Tjan' Han'. Staraja kitajskaja opera i rekritika Mjej Lan'fana: issledovanie problemy vystuplenij Mjej

Lan'fana v CCCR // Ezhednevnaia gazeta Kitaja. 21 oktjabrja 1934.

(田汉, 《中国旧戏与梅兰芳的再批判: 梅兰芳赴俄演剧问题的考察之一》, 《中华日报》1934年10月21日)

(Tian Han, Re-examining Chinese Traditional Theater and Mei Lanfang: A Study of the Issues Surrounding Mei Lanfang's Russian Theater Tour (Part One), Zhonghua Daily, October 21, 1934.)

28. Hu Czin'sjui. Mjej Lan'fan v SSSR/Ezhednevnaia gazeta Kitaja. 31 marta 1935.(胡今虚, 《梅兰芳在苏联》, 《中华日报》1935年3月31日。) (Hu Jinxu, Mei Lanfang in the Soviet Union // Zhonghua Daily, March 31, 1935.)

29. Czi czinbin'. Arhivnye materialy o vizite Mjej Lan'fana v SSSR ch.1 // Nacional'nye arhivy. 2001. №3. S. 8–11.

(纪清彬, 《梅兰芳访苏档案史料(一)》, 《民国档案》, 2001年第三期。) (Ji Qingbin, Archival Materials on Mei Lanfang's Visit to the USSR (Part 1) // National Archives, no. 3 (2001): 8–11.)

30. Czi czinbin'. Arhivnye materialy o vizite Mjej Lan'fana v SSSR ch.1 // Nacional'nye arhivy. 2001. №4. S. 9–23.

(纪清彬, 《梅兰芳访苏档案史料(二)》, 《民国档案》, 2001年第四期) (Ji Qingbin, Archival Materials on Mei Lanfang's Visit to the USSR (Part 2) // National Archives, no. 4 (2001): 9–23.)

31. Czjao Sichjen'. Moi sovery, vozлагаemye na Mjej Lan'fana pered ego poezdskoj v SSSR // Shibao. 12 sentjabrja 1934 g. (焦西辰, 《去俄之前我对梅兰芳之希望》《时报》1934年9月12日。) (Jiao Xichen, Cultural Ambitions for Mei Lanfang: Expectations Before his Soviet Tour // The Eastern Times, September 12, 1934.)

32. Chzhan Pjenchun'. Lekcii professora Chzhan Pjenchun' o starom i novom teatre // Utrennie novosti Pekina. 28–29 maja 1935 g. (张彭春, 《张彭春教授讲演旧剧和新剧》, 《北平晨报》1935年5月28–29日。) (Zhang Pengchun, Professor Zhang Pengchun's Lecture on Traditional and New Drama // Peiping Morning Post, May 28–29, 1935.)

33. Shjenbao. 8 fevralja 1935; 16 marta; 3 aprlja 1935; 5 aprlja 1935. (《申报》1935年2月8日, 1935年3月16日, 1935年4月3日, 1935年4月5日) (Shen bao, feb.8, mar.16, ap.3, ap.5 1935.)

Статья поступила в редакцию 24.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 24.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 726.5

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-242

EDN: CBZCPF

Заводской храм в историко-культурной среде Сестрорецка

Елена Михайловна Никифорова^{1✉}, Семён Юрьевич Щур²

¹Кандидат искусствоведения, доцент Высшей школы дизайна и архитектуры, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

²Доцент Высшей школы дизайна и архитектуры Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

¹ya.nikiforenko@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0009-0003-0436-4338>

²semmyon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3913-2647>

Аннотация. Формирование Сестрорецкого оружейного завода, основанного по указу и под личным контролем Петра I, началось в первой четверти XVIII в. Планировочная структура и композиция сложились к 30-м годам XVIII в. и до конца всего столетия практически не менялись. Крупный этап строительства завода имел место в 1770–1780-е гг., завод был в очередной раз реконструирован. Перестроенные в камне цеха и служебные здания сохраняли архитектурную композицию до середины XIX в. Построенные в конце XIX в. производственные цеха нарушили планировочную структуру и внешний облик завода XVIII – первой половины XIX в., но уже сами по себе являются памятниками промышленной архитектуры конца XIX в.

История заводских храмов неразрывно связана с промышленной историей России и насчитывает уже более трехсот с лишним лет. Церкви строили и на территориях больших заводов и рабочих слободок. На территории Сестрорецкого оружейного завода в разное время было построено несколько храмов и часовня, она располагалась в глубине главной аллеи по одной оси со зданием заводууправления. В часовне часто служились молебны в память основателя завода Петра I. В начале XX в. здание часовни было разобрано, однако современные компьютерные технологии и программные средства позволяют получить не только улучшенное изображение на основе собранной трехмерной модели, но и представить, как часовня выглядела раньше, используя сохранившиеся архивные материалы.

Ключевые слова: памятник промышленной архитектуры; заводской храм; православная культура; архитектурная композиция; церковное искусство; строительство; реконструкция

Для цитирования: Никифорова Е. М., Щур С. Ю. Заводской храм в историко-культурной среде Сестрорецка // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 242–249. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-242>. <https://elibrary.ru/CBZCPF>

Original article

Factory church in Sestroretsk historical and cultural environment

Elena M. Nikiforenko^{1✉}, Semyon Yu. Shchur²

¹Candidate of art history, associate professor at the Higher school of design and architecture, Peter the Great St. Petersburg polytechnic university. 195251, St. Petersburg, Politechnicheskaya str., 29

²Associate professor at the Higher school of design and architecture, Peter the Great St. Petersburg polytechnic university. 195251, St. Petersburg, Politechnicheskaya str., 29

¹ya.nikiforenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0436-4338>

²semmyon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3913-2647>

Abstract. The Sestroretsk arms factory was founded by Peter the Great's order and under his personal control in the first quarter of the 18th century. The design and structure of the building took shape by the 30s of the XVIII century and remained practically unchanged until the end of the century. A major construction stage took place in the 1770s and 1780s, and the factory was once again reconstructed in 1790–1800s. The shops and service buildings rebuilt in stone retained their architectural structure until the mid XIX century. The production workshops built at the end of the XIX century disrupted the planning structure and exterior the factory had in the XVIII – early XIX century, yet they themselves are monuments of industrial architecture of the late XIX century.

The history of factory churches is inextricably linked with Russia's industrial history and goes back more than three hundred years. Churches were built both on the territories of large factories and in workers' settlements. Several churches and a chapel were built on the territory of the Sestroretsk Arms factory at different times; the chapel was located in the main alley on the same axis as the factory administration building. Prayers were often held in the chapel in memory of Peter the Great. In the early XX century, the chapel was dismantled, but modern computer technologies and software make it possible to obtain not only an improved picture based on the three-dimensional model, but also to visualize what the chapel looked like before, using the archive materials.

Key words: monuments of industrial architecture; factory church; Orthodox culture; architectural design; religious art; construction; reconstruction

For citation: Nikiforenko E. M., Shchur S. Yu. Factory church in Sestroretsk historical and cultural environment. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):242–249. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-242>. <https://elibrary.ru/CBZCPF>

Введение

История заводских храмов неразрывно связана с промышленной историей России и насчитывает уже более трехсот с лишним лет. Церкви строили и на территориях больших заводов, и рабочих слободок. Правила возведения церквей при заводах были общепринятыми. Особенностью строительства заводских храмов было то, что церковь или часовню не строили как органическое включение в заводскую застройку и порой это была вернакулярная практика. Реформы Петра I во многих сферах деятельности вызвали значительную ломку. Так учреждение Синода практически на два века лишило Русскую Православную Церковь патриаршества. Русское зодчество захлестнула волна европейских специалистов. Однако, лестничный образ русского православного храма подчинил «нерусскость» своим традициям. Уже с елизаветинских времен начинается преобразование западных стилей в русских храмах в образ лестничной структуры. Именно с этих лет домовые, ведомственные и т. п. храмы не читаются в общей композиции, а лишь золотые главки сверкают на фоне неба.

Издrevле жизнь русского человека от крещения и до отпевания находится в прямой зависимости от церкви, и, даже для людей, утративших или просто никогда не имевших осознанной связи с православной культурой, эта подсознательная «зависимость» или «независимость» присутствует.

С молитвы начинался и ею же заканчивался каждый день Российской Империи. Практически везде были свои домовые храмы – в министерствах и ведомствах, на заводах и фабриках, в школах и университетах, в тюрьмах и больницах. И молиться в них могли не только находившиеся или работающие там люди, но и все, для кого этот храм был ближайшим. Содержание причта, храма и его ремонты оплачивались непосредственно тем или ведомством.

Были храмы и на территории Сестрорецкого оружейного завода. Память о былом величии этого легендарного завода жива и сегодня [Бранденбург, 1882]. Там чеканили монеты, производили порох, выполняли сложные разовые заказы, но главное, там ковалось отечественное стрелковое оружие от петровской фузеи до автоматической винтовки.

Создание Сестрорецкого завода

В начале XVIII в. по указу Петра I повсеместно началось строительство казенных металлургических мануфактур. В Санкт-Петербурге такие заводы были заложены Петром I не только в пределах городского центра, но и в пригородах. Они сразу создавались как крупнейшие заводы своего времени в стране.

В начале XVIII в. Россия вела длительную и тяжелую Северную войну с Швецией за выход к Балтийскому морю. К этому времени Петр уже практически завершил создание регулярной русской армии, но производство стрелкового оружия было еще недостаточно развито. Первые русские оружейные мастерские не могли полностью обеспечить армию оружием, и Петр вынужден был закупать его за границей. Необходим был завод, который мог бы снабжать Российскую империю стрелковым оружием [История Сестрорецка..., 2006].

Исторические документы свидетельствуют о том, что в 1714 г. Петр I приступил к поиску места для такого завода и главным критерием выбора была возможность использования при производстве энергии воды. В том же 1714 г. такое место нашли на берегу реки Сестры, где и решили соорудить новое вододействующее предприятие с устройством деревянной плотины, перекрывающей реку с образованием разлива. В 1720 г. с Олонекских заводов был призван плотинный мастер Венедикт Беэр. А также в июне 1721 г. сюда были переведены инженер горного дела, военной

техники, металлургии, командир Олонецких заводов Виллим Иванович Геннин (Георг Вильгельм де Геннин) [Берх, 1826], олонекские плотники, «работные люди», рекруты, унтер-офицеры, капралы и солдаты [Сестрорецкий..., 1968]. С 1721 по 1726 год были осуществлены главные постройки на Сестрорецком заводе [Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3080. 1789 г.].

Кроме плотины с руслами, здесь построили 17 деревянных и мазанковых фабрик с двадцатью восемью вододействующими колесами, 10 магазинов и кладовых, жилые дома для рабочих и мастеровых людей. Оружейный завод строился очень быстро. [Ф. 6. Оп. 61 Д. 23. 1850 г.; Матвеев, 2012; Памятник..., 1843]. Одна за другой вырастали якорная, ствольная, замочная и другие мастерские, которые впоследствии стали цехами завода. Все механические мастерские располагались параллельно друг к другу на небольшом расстоянии. В более удаленных от плотины местах строились заготовительные мастерские. Склады завода – магазины, располагались полукругом непосредственно за мастерскими и заменяли ограду завода [Ф. 6. Оп. 61. Д. 24. 1890–1913 гг.; Ф. 27. Оп. 16. Д. 2. 1799 г.]. От здания конторы, находящегося первым в ряду магазинов, всю территорию прорезал широкий проезд, по сторонам которого, торцами к проезду, симметрично строились здания цехов. Проезд завершался двухэтажным зданием приемной комиссии. Вторая перпендикулярная ось шла параллельно руслу внутризаводского канала от Большой литейной мастерской к дому, расположенному на холме – в разных источниках его называют «Вторым дворцом Петра I», после «Дубковского», находившегося в двух километрах от завода [Ф. 27. Оп. 16. Д. 1. 1776–1777 гг.].

Историко-архитектурный аспект

В исторической справке Л. В. Зельтена приведена выписка из ведомости о казенных домах Сестрорецкого оружейного завода за 1777 г., в которой также значится дом 1722 г. постройки, называемый дворцом, в котором жил главный командир завода [Историческая..., 1953]. От дворца, по оси, соединяющей его с «Большой Литейной», от ограды завода с выходом в сад, к дворцу располагалась тенистая аллея, связывающая завод с дворцом. Вокруг дворца был спланирован небольшой сад, в котором устроили круглый пруд, обсаженный тенистыми липами. Зельтен, на основе изученных архивных документов, выполнил

реконструкцию заводских зданий ориентировочно на середину XVIII в.

Рисунок 1. Предполагаемый вид Сестрорецкого оружейного завода после реконструкции 1760 г. Арх. Л. В. Зельтен. 1953 г. (НМИИС КГИОП. П 484 Н-803/1) Дворец Петра I изображен в левом верхнем углу

Однако, так как никаких исторических чертежей или иных графических изображений дворца на этот период в архивах не было выявлено, представленная реконструкция имеет гипотетический характер. Документально подтверждено лишь то, что это здание какое-то время использовали для проживания командиров завода.

При строительстве в Дубках резиденции для Петра I в «лагере работных людей» построили и часовню – первый храм на месте современного Сестрорецка [Ривкин, 2007; Волков, 1993; Волков, 2009].

Русская культура всегда была органично связана с храмовой. В тот период русская православная церковь уже возглавлялась «Правительствующим Синодом», что в значительной степени определило и характер архитектурного облика, и художественные традиции церковного искусства. Характерной чертой этого времени было сближение церковного и светского направлений в художественном творчестве, включение русского церковного искусства в процесс общеевропейской эволюции художественных стилей. Не только Императорский двор, но и Русская Православная Церковь были крупнейшими заказчиками и меценатами.

Вот и на территории Сестрорецкого оружейного завода возвели деревянную Петропавловскую, – в честь Святых Апостолов Петра и Павла – церковь, чтобы работному человеку надо было где «преклонить колена» и вознести молитву Богу. [Ривкин, 2007; Ф. 6. Оп. 61. Д. 5. 1880 г.] Уже летом 1722 г. Синод рассмотрел дело «О постройке деревянной церкви при Сестрорецких железных заводах по рисунку генерал-майора Генина» [Записка..., 1915]. «1722 года, июля в 20-й день, – свидетельствует архивный документ, – при Сестрорецке, новостроящихся фабрик в канцелярии у комиссара Антона Бекмана Кармедона, Олонцкого уезду Шуйского погосту Гаврила Тупицын договорился подрядом построить своими наемными плотниками... при Сестре-реке, на показанном месте... Церковь деревянную брущатую...

Против показанного рисунка» [Ф. 3. Оп. 109. Д. 620. 1846 г.].

20 июля 1724 г. полковник Вырубов доложил об окончании строительства. Второго декабря 1725 г. церковь освятили в честь святых апостолов Петра и Павла, о чем начальник завода доложил Синоду. Первым священником стал «поп Мефодий Стефанов» [Волков, 1993; Сестрорецк, 1990]. Однако, уже 4 января 1730 г. церковь сгорела, но на её месте построили новую, тоже деревянную. В сороковых годах на её колокольне установили башенные часы [Волков, 2000].

В июле 1765 г. граф Григорий Орлов обратился в Синод с прошением: «При Сестрорецких заводах деревянная церковь пришла в опасную ветхость, и требуется разобрать ее на дрова» [Ф. 6. Оп. 61 Д. 23. 1850 г.]. Однако, церковь простояла еще до 1780 г., прежде чем было получено разрешение строить новую из кирпича, полученного от разобранного каменного дворца Петра I в Дубках. Уже в 1781 г. ее построили напротив Сестрорецкого завода по заказу Синода. Храм строился в византийском стиле по проекту и под надзором епархиального архитектора Г. И. Карпова. Рядом стояла трехъярусная тридцати восьми метровая колокольня со звонницей из восьми колоколов. В храме, кроме главного придела, был еще боковой, освященный во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Это было первое не заводское каменное строение в Сестрорецке!

Из домово́й церкви Дубковского дворца в новый храм Святых Апостолов Петра и Павла был перенесен иконостас, церковная утварь и икона Николая Чудотворца, преподнесенная в свое время митрополитом Феофаном Петру I при освящении дворца в Дубках.

Рисунок 2. Заводоуправление с видом на церковь Св. Петра и Павла. Фото конца XIX нач. XX вв. (НМИИС КГИОП)

В 1885 г. настоятель церкви вынужден был отметить, что религиозность прихожан начинает падать: «Многие не соблюдают постов и праздников, не исполняют долга исповеди и причастия» [Записка..., 1915]. В 1931 г. Петропавловская церковь была закрыта и в 1932–1933 гг. взорвана и разобрана. На ее месте построили школу № 433.

Еще один храм возвели на погосте в 1734 г. для отпевания умерших на территории завода.

Это была кладбищенская деревянная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца [Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3080. 1789 г.]. Позже само кладбище и церковь вынесли за пределы города. На месте первой церкви святителя Николая ныне находится здание бывшей Ремесленной школы Сестрорецкого оружейного завода. В 1870 г. случился пожар и «новая» Никольская церковь сгорела, в 1871 г. она была вновь отстроена на деньги, собранные рабочими завода. Новую Никольскую церковь освятили 28 июня 1871 г. «На церкви одна глава с железным крестом; над папертью — колокольня. Длина 25,2 м, ширина 8,4 м, высота 21 м. Дверей створчатых две, одиноких одна, окон 13, печей 3. Стены снаружи обшиты досками и окрашены, внутри обиты картоном и оклеены обоями. Иконостас деревянный, окрашенный масляной краской, с позолоченными украшениями колоколов пять, самый большой в 70 пудов (1120 кг)» [Ф. 6. Оп. 61 Д. 23. 1850 г.].

Рисунок 3. Фото из личного архива краеведа Ривкина Б. Е. Сестрорецк, Первая четверть XX века

На этой старинной фотографии справа вверху виден небольшой лесной массив, — это территория сестрорецкого православного кладбища. Сюда в период строительства собора Петра и Павла была перенесена Никольская церковь, верх колокольни которой виден на снимке. Этот храм действовал еще в 1940 г., но во время Великой Отечественной войны был утрачен.

Планировочная структура и композиция завода сложились еще в 30-е годы XVIII в. и до конца всего столетия практически не менялись. Крупный этап строительства на территории завода имел место в 1770–1780-е гг., когда завод был в очередной раз реконструирован. Перестроенные в камне цеха и служебные здания сохраняли архитектурную композицию до середины XIX в. Каменные северо-восточные корпуса каре завода возвели на месте деревянных построек в начале 1808 г. В этот период, в частности, были построены и другие каменные здания — раскочная мастерская (не сохранилась, на ее месте во второй половине XIX в. построен основной объем производственного корпуса; якорная, плющильная и резная мастерская (не сохранилась), письменное правление с кордегардией (не сохранились), на их месте в 1898 г. построено заводууправление,

большая литейная мастерская (или литейная тяжеловесных вещей). Она была высокой доминантой комплекса, завершена четырьмя башнями, «...двухэтажная, крытая по башням и плоским местам железом, а самый верх черепицей» [Ф. 27. Оп. 16. Д. 15. 1810–1911 гг.].

Историко-градостроительный анализ, основанный на материалах исследователей, иконографических материалах и ключевых исторических планах рассматриваемой территории, а также на основе архивных материалов – исторической справки и паспорта объекта культурного наследия (архив КГИОП) [Историко-культурные..., 2008], позволяет предположить, что прилегающие территории не только завода, но и жилой застройки были ориентированы именно на заводские доминанты – высокий объем литейной, церковь святых Петра и Павла, церковь святого Николая на кладбище, водонапорную башню. К сожалению, в результате роста городских территорий и капитальной застройки последующих лет, утрачены почти все исторические доминанты.

Объемно-планировочное решение здания Большой литейной, как и других заводских построек, было во многом продиктовано рационально-технологическими соображениями. Башни, например, одновременно служили вытяжками и играли роль архитектурного акцента, подчеркивающего значимость сооружения в технологическом процессе и композиции завода. «В плане Сестрорецкого завода четко прослеживается композиционный замысел, построенный на двух взаимно перпендикулярных осях, закрепленных большой литейной и дворцом Петра в одном направлении; канцелярией и кордегардией – в другом. По периметру здания сблокированы так, что образовали сплошную ограду производственной площадки со зданием канцелярии во главе и охранными вышками по углам. Планировка В. Геннина была настолько рациональна, что сохранялась в основных чертежах, несмотря на перестройки отдельных зданий, в течение двухсот лет» [Сестрорецкий..., 1968].

Отделка заводских построек в основном была достаточно лаконичной – членение фасадов лопатками, которые служили также конструктивным утолщением несущих стен, и оформление центральных входов в корпуса. Выделены были только несколько зданий, наиболее ответственных в композиции комплекса [Ф. 27. Оп. 16. Д. 16. 1811–1824 гг.; Ф. 27. Оп. 16. Д. 47. 1834 г.]. Наиболее богатое декоративное убранство получили оформлявшие главный вход кордегардии и

контора, а также Большая литейная. Сохранились чертежи, изображающие два различных варианта ее оформления. Однако в обоих вариантах декоративная отделка была решена в вычурных формах, несколько «выпадала» из общей стилистики построек.

К настоящему времени здание Большой литейной не сохранилось. Уже на плане завода 1834 г. на том же месте обозначено большое строение с полукруглым объемом со стороны западного фасада. Было ли это новое здание, или перестроенная Большая литейная, установить не представляется возможным, его разобрали в 1920-е гг. В 1830-х–1850-х гг. корпуса завода подверглись перестройкам и расширению. Канцелярия и кордегардия перестроены в 1836 г.

Строительство храмов на территории завода продолжалось и в конце XIX столетия. В 1881 г. в память о пребывании императора Александра II на Сестрорецком оружейном заводе была возведена каменная часовня.

Рисунок 4. Сестрорецкий Оружейный завод. Внутренний двор. Часовня. Фото между 1904 и 1915 гг. (РНБ)

Она располагалась в глубине главной аллеи по одной оси со зданием заводоуправления. В часовне служились молебны в память основателя завода Петра I. На планах завода часовня не значилась вплоть до 1928 г. По всей видимости, эта часовня не являлась результатом осознанной архитектурно-технической деятельности и не оставила какой-либо проектной документации. Однако, сохранившиеся фотографии позволяют заметить, что отделка фасада часовни была достаточно лаконичной и членение фасадов лопатками послужило также конструктивным утолщением несущих стен, как собственно и отделка фасадов других заводских построек. Строительство данной часовни, скорее всего, было обусловлено важными для рабочих завода функциями жизнедеятельности и пространственно-самоорганизационного решения, как говорится, она выросла из концепций «чувства места».

В советское время на плане уже сестрорецкого инструментального завода часовня значилась под № 27. В нач. XX в. на территории завода проводились большие строительные работы, в результате чего к 1914 г. его планировочная структура

претерпела значительные изменения. Двухэтажный корпус цеха № 8 перекрыл подход к часовне, вследствие чего ее хотели разобрать и перенести на берег озера Разлив. Но началась Первая Мировая война, часовню успели разобрать, а вот работы по возведению ее на берегу Разлива не были завершены. В 1930-е гг. часовня была разобрана.

Виртуальная реконструкция часовни

Несмотря на отсутствие достаточного количества материала для понимания того, каких размеров была часовня, какие объекты находились рядом с ней, можно это предположить исходя из фотоматериала. С использованием современных компьютерных технологий и программных средств можно не только получить улучшенное изображение на основе собранной трехмерной модели, но и представить, как часовня выглядела раньше, используя сохранившиеся архивные материалы.

Изучение фотоматериалов [Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1. 1868–1925 гг.; Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1. Л. 9–16; Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5. 1912 г. Л. 1–4; Ф. 1290. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–16; Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5. Л. 1] привело к мысли о том, что можно получить примерные размеры строения, основываясь на размерах других объектов на изображении. На фотографии представлен внутренний двор Оружейного завода и часовня. Известно, что мерой всего был и остается человек, а на фотографии можно увидеть рабочих завода. Их можно взять за основу в качестве модуля для оценки и вычисления размеров строения.

Исходя из данных о росте среднестатистического мужчины, можно предположить, что рост мужчин на фотографии 175–180 см. В графическом редакторе строится рамка вокруг выбранного человека. В дальнейшем размер рамки будет сопоставлен с величиной строения. Исходя из законов прямой линейной перспективы, чем ближе объект находится к горизонту, тем меньше он нам кажется. Если мы мысленно будем «отдалять» эту фигуру, то рано или поздно она приблизится к часовне, уменьшившись до определенных размеров.

Однако не совсем понятно, до каких пределов необходимо фигуру уменьшать. В решении этой задачи нам помогут все те же основы перспективного сокращения. Необходимо создать линии построения, которыми обычно пользуются для создания рисунка. Линия горизонта – одно из того, что в первую очередь определяет художник перед тем, как приступить к рисунку. В нашем случае уже имеется фотография. Необходимо определить

линию горизонта по уже имеющимся объектам, изображенным на ней.

Ракурс фотографии выбран таким образом, чтобы изобразить перспективу, вследствие чего все линии построения будут сходиться в одной точке. Требуется определить где будет располагаться эта точка, чтобы от нее построить лучи до рамки, которую мы изобразили ранее вокруг человека.

Рисунок 5. Демонстрация процесса работы с фотографией (1)

В фотографии имеются определенные искажения: люди по бокам вытянуты, а также линия горизонта сильно завалена, что не позволяет рассуждать о доскональной точности пропорций изображенных объектов. Однако пропорции человека в центре изображения вполне верны и могут быть использованы в качестве модуля. Было выбрано еще два человека на фотографии для проверки размеров. То, насколько уменьшается размер человека по мере приближения к часовне можно увидеть на следующей иллюстрации.

Рисунок 6. Демонстрация процесса работы с фотографией (2)

На плоскости изображения человек у часовни должен быть меньше в 5.5 раза человека на переднем плане. Однако низкая детализация часовни на данном изображении затрудняет дальнейшие исследования и не позволяет в полной мере понять, какой размер у нее был. Привяжем размер найденной рамки, который может соответствовать росту человека, к высоте дверного проема часовни и обратимся к более детализированной фотографии. Результат сопоставления размеров можно увидеть на следующей иллюстрации.

Рисунок 7. Демонстрация процесса работы с фотографией (3)

Таким образом было определено, что высота часовни от основания до вершины креста состав-

ляла 14,5 метра, что соответствует размерам других сохранившихся часовен. Габаритная ширина составляет около 6 метров. Определение размеров в дальнейшем позволит говорить о восстановлении часовни в трехмерном представлении, а также о разработке виртуальной среды в рамках сохранения культурного наследия.

Заключение

Комплекс Сестрорецкого Оружейного завода привлек внимание исследователей так как в достаточной целостности и сохранности дошел до наших дней, что позволяет судить не только о его первоначальной композиции и архитектурном облике, но и проанализировать ступени его дальнейшего формирования.

Созданный в 1721–1726 гг. комплекс заводских построек был дополнен деревянным храмом (построен в 1722–1724 гг.) в честь Святых Апостолов Петра и Павла. В 1734 г. на территории завода возвели храм Николая Чудотворца, наконец в память о посещении Сестрорецкого оружейного завода императором Александром II в 1881 г., в год его гибели, на территории завода была возведена каменная часовня [Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1. Л. 9–16]. Пережив пожары и реставрацию, все заводские храмы Сестрорецкого оружейного завода были утрачены в 1930–1940 гг. Можно предположить, что часовня в память о пребывании императора Александра II на Сестрорецком оружейном заводе являлась одним из вернакулярных случаев, то есть постройка храма и оформление его фасада была произведена непрофессиональными архитекторами. Часовня имеет специфические черты – такие как несоответствие архитектурно-строительным нормам и стандартам своего времени и отсутствие стиливых рамок и приемов. По всей видимости, именно в связи с этими причинами храм на протяжении почти 50 лет не обозначался в топографических документах завода.

К сожалению, именно вернакулярность этой заводской часовни не позволила ей стать объектом сохранения. Данное исследование – это попытка раскрыть ценность вернакуляра в храмовом зодчестве в целом и, особенно, касаясь заводских комплексов XVIII – начала XX веков, которое развивалось по горизонтали и вне всяких идеологических теорий и, как правило, отторгало чуждое, навязанное хоть извне, хоть сверху. Вернакуляр – это язык традиции.

Источники

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС)

1. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3080. 1789 г. – Опись строений Сестрорецкого оружейного завода и по другим вопросам завода.
2. Ф. 3. Оп. 109. Д. 620. 1846 г. – О плохом состоянии лесов, дач и строений Сестрорецкого оружейного завода и о расходе денег на ремонт их.
3. Ф. 6. Оп. 61. Д. 23. 1850 г. – Ведомости о казенных строениях Сестрорецкого оружейного завода.
4. Ф. 6. Оп. 61. Д. 5. 1880 г. – Смета о представлении на ремонт зданий Сестрорецкого оружейного завода.
5. Ф. 6. Оп. 61. Д. 24. 1890–1913 гг. – Ведомости капитально-строительным работам по зданиям Сестрорецкого оружейного завода.
6. Ф. 27. Оп. 16. Д. 1. 1776–1777 гг. – План приписным по именным <...> указам 1719 и 1720 годов к Сестрорецким оружейным заводам лесам.
7. Ф. 27. Оп. 16. Д. 2. 1799 г. – Геометрический план Сестрорецкого оружейного завода со слободами и окружным местоположением.
8. Ф. 27. Оп. 16. Д. 15. 1810 – 1911 гг. – План Сестрорецкого оружейного завода с обозначением новой плотины.
9. Ф. 27. Оп. 16. Д. 16. 1811–1824 гг. – План государственного Сестрорецкого оружейного завода с показанием всех фабрик с машинами и прочих казенных строений а также части строений сестрорецких жителей.
10. Ф. 27. Оп. 16. Д. 47. 1834 г. – План Сестрорецкого оружейного завода и окрестностей оного с показанием предполагаемых оборонительных мер от приближения неприятельских судов.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)

11. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1. 1868–1925 гг. – Планы участка земли и строений Сестрорецкого оружейного завода.
12. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1. Л. 9–16 – План Сестрорецкого оружейного завода. б/д (между 1872 и 1898 гг.)
13. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5. 1912 г. Л. 1–4 – План Сестрорецкого оружейного завода. б/д (между 1898 и 1902 гг.)
14. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–16 – План Сестрорецкого оружейного завода с обозначением всех зданий принадлежащих Военному Министерству. Составлен в 1904 г.
15. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5. Л. 1 – План сестрорецкого оружейного завода. 1912 г..
16. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1. Л. 9–16 – План Сестрорецкого оружейного завода с обозначением всех зданий принадлежащих Военному министерству (исправлен в 1914 г.)

**Архив Комитета по государственному контролю,
использованию и охране памятников истории и
культуры (Архив КГИОП)**

17. Историко-культурные градостроительные исследования объектов культурного наследия федерального значения «Дом командира завода», регионального значения «Завод оружейный Сестрорецкий» с целью уточнения границ территорий и состава объектов. ООО «Архитектурная мастерская Н.Ф. Никитина». Санкт-Петербург, 2008 г. с.87 // П. 484-1/Н-8333(5)

18. Историческая справка по зданиям Сестрорецкого оружейного завода. Составлена кандидатом архитектуры, арх. Зельтемом Л.В. Ленинград. 1953, с. 67 // Н-803, П 484.

Библиографический список

1. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1–5. С. 9.

2. Бранденбург Н. Сестрорецкий завод в первой половине XVIII столетия. // Оружейный сборник. № 3. Отдел III. С. 1–21. Санкт-Петербург, 1882.

3. Волков Г. Спаси, сохрани, веруй! // В курортном городе «С». № 1(116). 7 января 2000 г. С. 1.

4. Волков Г. Из жизни Сестрорецка // Петербургская здравница. № 100–101 (8019). 2 января 1993 г. С. 4.

5. Волков Г. // Сестрорецкие берега. № 22(201). 24.10.–06.11.2009 г. С. 2.

6. Записка для памяти о 200-летнем юбилее Сестрорецкого Оружейного Завода. С. С. Гамченко. Петроград, 1915. 1 л.

7. История Сестрорецка и его окрестностей. Том 1. От истоков до конца XVIII века. Санкт-Петербург : Издательство «Остров», 2006. 167 с.

8. Матвеев Б. М. Деконструкция архитектурного наследия. Санкт-Петербург : Политехника-сервис, 2012. 64 с.

9. Памятник искусств и вспомогательных знаний. Т. 2. Тетр. 5. Сестрорецк. Санкт-Петербург, 1843. 593 с.

10. Сестрорецк. Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта / сост. А. Орфеев, М. Неклюдов. Санкт-Петербург, 1900. 18 с.

11. Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. Ленинград : Лениздат, 1968. С. 13–43.

12. Ривкин Б. Е. Без храма и погоста нет жилого места // История Сестрорецка и его окрестностей. Том II. Санкт-Петербург, 2007. С. 155–172.

Reference list

1. Berh V. Zhizneopisanie general-lejtenanta V. I. Gennina, osnovatelja rossijskich gornyh zavodov = Biography of Lieutenant General V. I. Gennin, the founder of Russian mining factories // Gornyj zhurnal. 1826. Kn. 1–5. S. 9.

2. Brandenburg N. Sestroreckij zavod v pervoj polovine XVIII stoletija = Sestroretsk factory in the first half of the 18th century // Oruzhejnyj sbornik. № 3. Otdel III. S. 1–21. Sankt-Peterburg, 1882.

3. Volkov G. Spasi, sohrani, veruj! = Save, protect, believe! // V kurortnom gorode «S». № 1(116). 7 janvarja 2000 g. S. 1.

4. Volkov G. Iz zhizni Sestrorecka = From the life of Sestroretsk // Peterburgskaja zdravnica. № 100–101 (8019). 2 janvarja 1993 g. S. 4.

5. Volkov G. Sestroreckie berega = Sestroretsk shores. № 22(201). 24.10.–06.11.2009 g. S. 2.

6. Zapiska dlja pamjati o 200-letnem jubilee Sestroreckogo Oruzhejnogo Zavoda. S. S. Gamchenko = A note to remember the 200th anniversary of the Sestroretsk Gun Factory. S. S. Gamchenko. Petrograd, 1915. 1 l.

7. Istoriya Sestrorecka i ego okrestnostej. Tom 1. Ot istokov do konca XVIII veka = History of Sestroretsk and its surroundings. Volume 1. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Ostrov», 2006. 167 s.

8. Matveev B. M. Dekonstrukcija arhitekturnogo nasledija = Deconstructing architectural heritage. Sankt-Peterburg : Politehnika-servis, 2012. 64 s.

9. Pamjatnik iskusstv i vspomogatel'nyh znanij. T. 2. Tetr. 5. Sestroreck = Monument to the arts and auxiliary knowledge. T. 2. notebook. 5. Sestroretsk. Sankt-Peterburg, 1843. 593 s.

10. Sestroreck. Kratkij istoricheskij i sovremennyj ocherk s opisaniem kurorta = Sestroretsk. A brief historical and modern sketch with the resort description / sost. A. Orfeev, M. Nekljudov. Sankt-Peterburg, 1900. 18 s.

11. Sestroreckij instrumental'nyj zavod im. Voskova = Sestroretsk Voskov tool factory. Leningrad : Lenizdat, 1968. S. 13–43.

12. Rivkin B. E. Bez hrama i pogosta net zhilogo mesta = Without a temple and a graveyard, there is no dwelling place // Istoriya Sestrorecka i ego okrestnostej. Tom II. Sankt-Peterburg, 2007. S. 155–172.

Статья поступила в редакцию 29.05.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 29.05.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-250
EDN: CZCCYH

Аксиологические аспекты африканской образности в русской культуре

Наталья Николаевна Летина

Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, ул. Республиканская, д. 108/1
liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Аннотация. В статье представлены результаты культурологического анализа аксиологической составляющей африканской образности в русской культуре. Представленное исследование было осуществлено в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К. Д. Ушинского на 2025 год от Минпросвещения РФ по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д'Ивуар)» (720000Ф.99.1.БН62АБ84000). Основная задача статьи – определить ключевые векторы аксиологической модальности репрезентаций африканской образности в русской культуре. Эмпирический материал включает произведения классической русской и современной российской художественной культуры (литература, живопись, экранное искусство) и медиасреды. Научная значимость детерминирована необходимостью выявления и изучения аксиологических и социокультурных оснований российско-африканского культурного диалога в ситуации современных глобальных вызовов и потребности поддержки устойчивости многополярного мира с учетом принципов культурной и образовательной политики Российской Федерации. Научная значимость статьи подкреплена интегративным исследовательским алгоритмом, объединяющим на основе аксиологического подхода культурологический и историко-культурный анализ, социокультурный подход, семиотику, мифокритику, герменевтику, литературоведческий, искусствоведческий, киноведческий анализ, анализ медийного контента. В статье определены историко-культурные истоки актуализации африканской образности в русской художественной культуре. Осмыслено влияние эстетических детерминант на аксиологию африканской образности русской литературы. Выявлены аксиологические доминанты африканских образов современной русской литературы. Концептуализирована амбивалентная аксиология образа Африки в детской литературе и анимации советского периода, балансирующая между позитивным и негативным полюсами. Зафиксированы аксиологические приоритеты африканской образности отечественных визуальных и экранных искусств, в числе прочего на материале виртуальной выставки «Африка в русском искусстве» Русского музея. Ключевыми аспектами актуализации африканской образности в русской литературе и искусстве определены упрощенность, фрагментарность, синергийность, ситуативность, диагностирующие контекстуально обусловленную и тенденциозную аксиологию образа Африки.

Ключевые слова: аксиологические основы; ценности; диалог культур; российско-африканский диалог культур; Россия и Африка; африканская образность; африканский текст русской культуры; русская и российская культура; русское и российское искусство; советская детская литература; советский кинематограф и анимация

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К. Д. Ушинского на 2025 год от Минпросвещения РФ по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д'Ивуар)» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000)

Для цитирования: Летина Н. Н. Аксиологические аспекты африканской образности в русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 250–259. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-250>. <https://elibrary.ru/CZCCYH>

Original article

Axiological aspects of african imagery in russian culture

Natalia N. Letina

Doctor of cultural studies, associate professor, professor at the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Abstract. The article analyzes the axiological component of african imagery in russian culture. This research has been carried out as part of the State assignment to Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky for 2025 from the RF Ministry of Education on the topic «Axiological bases for students' value orientations formation within the framework of international academic mobility in higher education systems of Russia and West Africa (Ghana, Cote d'Ivoire)» (720000Ф.99.1.БН62АБ84000). The main objective of the article is to identify the key vectors of axiological modality in presenting african imagery in russian culture. The empirical material includes russian classical and contemporary works of the arts (literature, painting, cinema) and the media environment. The scientific significance is determined by the need to identify and study the axiological and socio-cultural foundations for the russian-african cultural dialog in the context of modern global challenges and the need to support the multi-polar world stability, with regard to the principles of the Russian Federation's cultural and educational policy. The scientific significance of the article is reinforced by an integrative research algorithm that combines, on the basis of axiological approach, culturological, historical and cultural analysis, sociocultural approach, semiotics, mythocriticism, hermeneutics, as well as literary, art and film studies, and media content analysis. The article defines historical and cultural origins of actualizing african imagery in russian artistic culture. The author interprets the influence of aesthetic determinants on the axiology of african imagery in russian literature and identifies african axiological dominants in contemporary russian literature. The article conceptualizes the ambivalent axiology of Africa's image in soviet children's literature and cartoons, balancing between positive and negative poles. The virtual exhibition «Africa in russian art» in the Russian museum, among other materials, show axiological priorities of african imagery for russian visual and screen arts. The key aspects of actualizing african imagery in russian literature and the arts are defined as simplicity, fragmentation, synergy, and situationality, which diagnose the contextually conditioned and tendentious axiology of Africa's image.

Key words: axiological bases; values; dialog of cultures; russian-african dialog of cultures; Russia and Africa; african imagery; african text of russian culture; russian culture; russian art; soviet children's literature; soviet cinema and animation

This article has been written as part of the State assignment to Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky for 2025 from the RF Ministry of Education on the topic «Axiological bases for students' value orientations formation within the framework of international academic mobility in higher education systems of Russia and West Africa (Ghana, Cote d'Ivoire)» (720000Ф.99.1.БН62АБ84000)

For citation: Letina N. N. Axiological aspects of african imagery in russian culture. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):250–259. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-250>. <https://elibrary.ru/CZCCYN>

Введение

Происходящая в последнее десятилетие на фоне «геостратегической схватки за Африку» [Абрамова, 2019] активизация российско-африканского взаимодействия [Декларация второго саммита...], межкультурного [Жиляева, 2024] и образовательного [Грибанова, Усачёва, 2024] диалога инспирировала усиление интереса к научному освоению российско-африканского диалога [Африка в судьбе..., 2019; Африка в условиях..., 2020; Летина, 2023], репрезентации африканской образности русской культурой.

Активизация затронула многие сферы: политику, экономику, образование, социокультурные практики, искусство, науку. Научный формат актуализации африканистики репрезентируют инициативы Министерства просвещения РФ и Министерства образования и науки РФ в отношении государственных заданий; растущее количество публикаций; интенсификация научных мероприятий, как прецедентных, единичных (Международная научно-практическая конференция «Россия – Африка 2023: парадигма образования», Ярославль, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского [Программа Международной научно-практической]), так и

ставших традиционными (Форум «Россия – Африка: политика, экономика, история и культура», Казань, Казанский федеральный университет [Россия-Африка: политика]).

В русской культуре, литературе и искусстве актуализация африканской образности являет собой отражение и выражение африканского текста русской культуры. Его изучение, пока скорее эпизодическое и фрагментарное – потенциально важное направление социальных и гуманитарных исследований, раскрывающее механизмы межкультурного и межкультурного диалога России и Африки, а также историко-культурные истоки африканской образности в русской культуре, реализацию в различных видах искусства, динамику развития и актуальное состояние, аксиологическую модальность.

Методы исследования

Методы исследования основываются на аксиологическом подходе и включают культурологический анализ, историко-культурный анализ, социокультурный анализ, герменевтический подход, семиотику, мифокритику, литературоведческий, искусствоведческий, киноведческий анализ, анализ контента медиасреды.

Результаты исследования

Историко-культурные истоки. Историко-культурные истоки интереса к Африке в русской художественной культуре связаны с традиционной для отечественного культурного опыта рецепцией – в данном случае рецепцией африканских образов мирового искусства. Палитра воспринятых интенций богата: от феминного образа антропоморфной Африки из античной мифологии, темных фигур «Сада земных наслаждений» И. Босха, африканца – персонажа «Поклонения волхвов» И. Босха и Эль Греко, «мавританских» страстей «Отелло» У. Шекспира, образа Африки А. Рембо, авантюры и опасностей «африканских» романов Ж. Верна, социальных акцентов «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу или «Унесенных ветром» М. Митчелл до импульсов «гарлемского ренессанса». Генетически именно опосредованная рецепция западных интерпретаций африканского культурного кода, а не прямое культурное взаимодействие с Африкой определили формы и смысловые доминанты африканского текста русской культуры.

Знаковым социокультурным прецедентом интеграции африканского кода в русскую культуру является феномен «арапов» в боярском и царском окружении. Репрезентативна персона крестного царя всея Руси и первого императора Всероссийского – Ибрагима (Абрама Петровича) Ганнибала. «Арап Петра Великого», прадед великого русского поэта – безусловно, рубежная, возможно, начальная фигура в аспекте формирования африканского дискурса русской литературы. А. С. Пушкин целенаправленно генерирует и формирует специфический личностный пушкинский «арапский» текст. Исторический роман «Арап Петра Великого» (1827–1828 гг.) связан с биографически направленной саморефлексией автора. В нем задается амбивалентная аксиологическая позиция, которая сочетает интерес к собственным корням, а значит, к личности и судьбе прадеда-арапа с имплицитной фиксацией проявлений расистской предубежденности. И хотя драматизм переживаний А. С. Пушкиным собственного происхождения вряд ли был полностью нивелирован, романтическая эстетическая парадигма позволила легитимировать «арапскую», африканскую идентичность персонажа (и автора) как проявление экстраординарности, характерной для романтического героя и романтического гения. Иная аксиологическая интенция представлена в поэзии: романтизация «полуденных зыбей» и неба «Африки моей» корреспондировала с ценностью свободы.

Отметим, что африканские корни А. С. Пушкина – предмет рефлексии иностранных исследователей [Somers Cocks], авторов биографических романов [Marsden]; блогеров [Alexander Pushkin], а также предмет аксиологически значимого радостного узнавания и обретения точки соприкосновения для африканских студентов, приехавших по программе академического обмена в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, согласно проведенному опросу [Летина, 2024]. Проакцентируем: включение в образовательный контент информации и эмпирического материала, который может выступить точкой опоры для осознания близости русской и африканской культур, мы полагаем эффективным инструментом адаптации африканских студентов к жизни и обучению в России.

Эстетические детерминанты аксиологии африканской образности русской литературы. Литературный дискурс Африки – наиболее репрезентативный для отечественной культуры художественный комплекс репрезентации африканской образности. Эпизодические литературоведческие [Кувшинов, 2015; Мулахи Самиха, 2023; Древис-Сылла, 2018], лингвистические [Уде Фрайдей Эменка, 2008], лингвокультурологические [Попова, Шурупова, 2022] исследования образа Африки фиксируют отдельные авторские интерпретации (И. А. Бунин, И. С. Гончаров, Н. С. Гумилев, К. И. Чуковский) и определяют их важные семантические аспекты. Отметим выявление имманентной противоречивости образа Африки, которая проявляется в характеристике локуса и переживания пребывания в нем, отражающих «представления об Африке как о месте, где человека ожидают сильные и не всегда приятные ощущения», ощущения присутствия Бога и опасности [Попова, Шурупова, 2022, с. 360–361].

Мы предлагаем определить аксиологические и семантические тренды репрезентации африканской образности в литературе на основании не только индивидуальных авторских дискурсов, но и отдельных эстетических парадигм.

В романтической эстетике Африка – мыслямая, воображаемая версия грани двоемирия – свободы, неизведанности, экзотики, иного (по отношению к России). В русской литературе представлена в творчестве А. С. Пушкина, впервые отчетливо обозначившего интерес к теме Африки в художественной литературе (эпизодические упоминания ранее были, например, в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, но носили эпизодический характер). В творчестве А. С. Пушкина африканский дискурс носил личностный ха-

ракти, определив тем самым локальность масштаба африканской проблематики в литературе русского романтизма.

Более репрезентативным африканский литературный дискурс стал в парадигме реалистической эстетики. Жанр путевых заметок, перерастающий в книги травелогов, очерков или рассказов, свидетельствовал об значимости эмпирического открытия мира, рационального познания других континентов, стран, народов. В них позиционировалась нейтральная аксиологическая позиция самодостаточного наблюдения – без анализа, но и без осуждения, нивелировался художественный компонент, акцентировалась объективность фиксации сцен и событий. «Благодаря «Фрегату „Палладе”» (1855) И. А. Гончарова Африка становится не просто ближе русскому читателю: с нее наконец-то снимается покров таинственности и неизвестности», определяет решающее значение для реалистического освоения африканской образности исследователь [Кувшинов, 2015, с. 46]. Интерпретация африканских образов в русской литературе ушла от нейтральной авторской позиции позитивизма к тенденциозности социального типизирующего реализма. В составе морских рассказов К. М. Станюковича, отчасти сохранивших влияние романизма, но развивающихся в позитивистском реалистическом ключе, дополненным социальным обличением африканская тематика наполняется гуманистическим пафосом сострадания маленькому человеку, ребенку («Максимка», первое издание 1896 г.).

В XX столетии к африканской образности обращались А. Т. Аверченко, И. А. Бунин, К. К. Вагинов, А. М. Горький, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, Ф. Сологуб, К. И. Чуковский и др. И здесь индивидуальные решения и эстетические практики модернизма дали показательную вариативность.

В парадигме неоромантизма на рубеже XIX–XX вв. Африка позиционировалась как ойкумена экзотики, авантюризма, драматических контрастов (Н. С. Гумилев, В. Я. Брюсов), но также и утраченного рая (Н. С. Гумилев).

В художественном и мемуарном преломлении персонального опыта посещения африканского континента актуализирована парадигма впечатлений – потрясающих, ужасающих, удивляющих, ценных своей экспрессивностью и расширением личностного опыта, культурной памяти, картины мира (И. А. Бунин, Н. С. Гумилев). Показательно, что аксиологические аспекты интерпретации африканской темы акмеиста Н. С. Гумилева связаны

с рецепцией европоцентричной имперской позиции: среди вербализированных целей экспедиции в Африку – охота на диких животных, коллекционирование этнографических экспонатов [Древс-Сылла, 2018, с. 82].

Синтетичный художественный метод, характерный для представителей первой трети XX века, формирует как экстраординарные интерпретации африканской образности, так и тенденции, поддерживающие стереотипы массового восприятия. В. В. Маяковский использует африканские образы в комической модальности, как средство буффонады. Л. Н. Андреев («На станции»), М. Горький («Жизнь Клима Самгина»), М. А. Булгаков («Тьма египетская») актуализируют сравнительно-сопоставительную тенденцию, в которой Африка становится аллегорией отсталости и дикости, с которой сравнивается Россия.

Аксиологические тенденции африканских образов современной русской литературы. Современная российская литература отражает и продолжает заложенные в классические периоды тенденции, в том числе – мозаичность и эпизодичность проявлений интереса к африканской тематике, а также обусловленность историко-культурной ситуацией. Книга В. В. Редькина «Как мы открывали банк в Африке, или Путешествие на другую сторону Земли» (2017) сочетает принципы мемуаристики с авантюрно-приключенческим и ироническим в духе постмодернизма дискурсами Африки. Приключенческая книга «Мама-Африка» В. Пипы, переработанной из киносценария (2022 г.), продвигает внутренне противоречивый, сложенный из контрастов образ Африки, в котором ключевую роль играет использованное в название выражение «мама-Африка», которым называют песни, певицу, филиппинский футбольный клуб и, главное – свой континент покинувшие его африканцы. В авторских заметках о путешествии по Африке, помимо шокирующей информации (о насилии, воровстве, многоженстве, нищете), аксиологически значимым акцентом выступила реплика местного гида, прокомментировавшего вопрос о поразившем автора количестве веселых людей: «Всё просто, – ответил он, – они не знают, доживут ли до завтра. Поэтому каждый день они живут, как последний...» [Мама-Африка].

Фантастический роман И. В. Рясного рассказывает историю работы российских спецслужб в Африке в параллельной Вселенной «Призраки черного континента» (2024) и позиционирует locus как место битвы с мировым злом. И хотя лек-

сика ознакомительного фрагмента на <https://author.today> местами недостаточно толерантна, социально-политический пафос авторского дискурса устанавливает связь Африки и России в аксиологическом контексте предназначения «русских» на «черном континенте»: «России, никуда не деться от своей миссии по привнесению на нашу заштатную планетку хоть какой-то справедливости и гармонии. /.../ Бремя русского человека» [Рясной]. Неслучайны перефразирование известного выражения Р. Киплинга «бремя белого человека», использование имени «Максимки» в определении типичного африканца – неявной аллюзии на фильм В. Брауна (1952 г.) или рассказ К. М. Станюковича, апелляции к советскому опыту взаимодействия с Африкой. Они диагностируют соотносительность рефлексий автора об Африке с устоявшимися культурными традициями – полемики с имперской идеологией колониализма в первом случае, аксиологии заботы и помощи со стороны «русских» во втором, реализации определенной политики в третьем. Развернутый комментарий автора содержит отчетливый антропологический акцент, реализованный в характерной для мифосознания дихотомии «они» и «мы». И в контексте контрастных характеристик показательна фиксация общности через качество этнокультурного мироощущения – «близкое нам по духу в стремлении объять необъятное» [Рясной].

В 2024 году издательство Эксмо знакомит русскоязычную аудиторию со сборником «Кириньяга. Килиманджаро» классика зарубежной фантастики М. Д. Резника (первые десять рассказов вышли в 1998 г., одиннадцатый – «Килиманджаро: Сказка об утопии» – в 2008 г.), в котором образ Африки представлен через противоречивую попытку создать утопию на терраформированной планете, напоминающей Африку предков. Экпликация автором своей позиции через комментарии и дидактическая модальность дискурса позволяют допустить условность фантастической африканской образности, которая декорирует определенную мировоззренческую позицию. Так, образ Африки оказывается способом организации авторского нарратива о глобальных алгоритмах организации человеческой цивилизации – традиции и инновации, реставрации и развитии, природосообразности и технизме. Подобная модальность, когда образ Африки выступает конструктом разговора о другом, как уже ранее было обозначено, характерна и для русской литературы (М. А. Булгаков, А. П. Платонов), и для современной русской фантастики. Авантюрные фанта-

стические романы О. И. Дивова «Техподдержка» (2019) и «Техподдержка. Мертвая зона» (2020) задействуют Африку как место действия со всеми вытекающими коннотациями – приключениями, жарой, дикими животными, змеями, насекомыми, военными конфликтами, опасностью со стороны местных жителей, этническими зарисовками. Африка выступает в романах и как сатирическая модель современного геополитического и общественного устройства, не только и не столько африканского. Африка имеет лирическое измерение – герой не просто связан с ней эмоционально, только здесь он чувствует себя по-настоящему живым и востребованным. На глубинном уровне Африка становится экзистенциальным испытанием – жарой, недостатком ресурсов, опасностью, экстремизмом, абсурдом, разгильдяйством, локальными особенностями.

Африка для детей: детская литература советского периода. В советской литературе для детей был сформирован репрезентативный в плане реализации аксиологии дружбы народов и одновременно парадоксальный пласт африканской образности.

Образовательно-просветительская аксиологическая позиция детской литературы подкреплялась необходимостью знакомить круг юных читателей с иными континентами, странами, народами, ориентируя на «дружбу народов». Данная тенденция нашла выражение в последовательной издательской политике. В Советском союзе публиковали специализированную образовательную и энциклопедическую литературу, в том числе – по теме Африки (Дюбош А. «Пешком через всю Африку. Детгиз, 1960). Были изданы несколько сборников красочно иллюстрированных африканских сказок (Дармодохин С. Волшебная калейбаса. М.: Советская Россия, 1968. 142 с. Художник И. Прагер; Живой огонь. Сказки Западной Африки. М., 1986 384 с. Художник М. Ромадин; Волшебный цветок: Сказки Восточной Африки. Африканский фольклор. М.: Художественная литература, 1987. Иллюстратор Е. Соколов). Тиражировали альбомы для раскрашивания на африканские темы (Животные Африки, М.: Малыш, 1991).

В художественной литературе парадоксальным образом оказался сформирован иной аксиологический подход интерпретации Африки. Подчеркнем влияние стихотворений К. Чуковского «Бармалей» и «Айболит», африканские образы в котором закрепили за Африкой ценности запретного и притягательного экзотичного пространства, наполненного приключениями и рисками

(акулы, гориллы, крокодилы) («Бармалей»); географической обширности (Занзибар, Лимпопо, Килиманджаро), близости к природе, населенностью животными, пространства страдания, повода для проявления милосердия («Айболит»). Констатируем, что в стихотворениях К. И. Чуковского не отражены подлинные африканские ценности, упомянутые африканские реалии стереотипичны и шаблонны. Ценностно Африка оказывается амбивалентной, она сочетает опасность («не ходите, дети, в Африку гулять») и радость («да здравствует милая Африка!»). В силу удаленности от СССР и слабой транспортной доступности риск побега детей – читателей и почитателей стихотворений К. Чуковского в реальную Африку не воспринимался реалистичным сценарием. Наивный реализм восприятия детской аудиторией подобного африканского текста не имел возможности воплотиться в подобном действии. Экстраполяция же морального урока – демонстрации детской аудитории положительного значения эмпатии, доброты, заботы, воспитания, помощи, – была вполне реальным аксиологически значимым наполнением «африканских» текстов и созданных по ним анимационным фильмам.

Аксиологические приоритеты африканской образности визуальных и экранных искусств. Значимым пластом актуализации африканской образности является отечественное изобразительное искусство и экранные искусства.

Генетически африканские интенции проникали в отечественную живопись опосредованно, через европейскую культурную среду (например, авангардизм), но встречи с африканской культурой случались и в ином формате. Импульсом целенаправленной систематизации произведений русской живописи указанной направленности стали саммиты Россия – Африка, в частности, II саммит 2023 года.

Летом 2023 года в Санкт-Петербурге на площадках Государственного Русского музея была организована тематическая выставка «Африка в русском искусстве». Материалы указанной выставки выступили основой для формирования виртуальной выставки Русского музея «Африка в произведениях русских художников» [Африка в произведениях]. Выставка объединила более 100 произведений из собрания Русского музея, так или иначе связанных с Африкой: созданных русскими художниками на африканском континенте или посвященных африканскому культурному опыту. Аксиологические приоритеты, как и в случае с литературой, инспирированы комплексом

факторов: историко-культурным контекстом, эстетическими принципами, личностными позициями и индивидуальным мировоззрением.

Самым ранним по хронологии произведением виртуальной выставки является медальон «Аллегорическое изображение Африки» (овальный) неизвестного художника (начало XVIII века, экспонируется в Летнем дворце Петра I). В коллекции Русского музея экспонируются четыре овальные медальона начала XVIII века, выполненные неизвестным художником (или художниками – медальон «Похищение Европы» выделяется мифологическим сюжетом и тщательной проработкой деталей), и посвященные аллегорике мыслимых в качестве основных частей света – Азии, Америки, Африки и Европы. Каждый медальон включает в овал – динамическую версию трансформированного ренессансного тондо, – изображение части пейзажа (небо с облаками, характерный, по мнению автора, ландшафт и растительность), несколько антропоморфных персонажей, одно мифологическое или аллегорическое животное (кроме одного медальона – аллегии Америки). Форма овала ограничивает репрезентацию мира и события, при этом расположение фигур в пространстве медальона создает театрализованную мизансцену. Два взрослых маскулинных персонажа с характерными расовыми признаками в набедренных повязках стоят и выполняют, скорее всего, охранительную роль: один алым полотном отвлекает дикое животное, похожее на львицу, удерживая ее с краю композиции, второй, по центру, держит наизготове лук со стрелой, за его спиной – колчан со стрелами. В левой нижней части на выгоревшей и сухой почве полусидит – полулежит, возможно, женский персонаж с ребенком на руках (единственная фигура с головным убором). И хотя статуарность поз нивелирует драматический эффект, демонстрация противостояния человека, культуры, цивилизации дикой природе носит определяющий смыслы медальона характер. Семантическое ядро аллегии включает также экзотизм, визуализацию расовых антропологических особенностей и невысокую оценку уровня культуры персонажей, чье облачение ограничено набедренными повязками и повязкой на голове. Полагаем, образ Африки – элемент мировоззренческой европоцентричной и аллегорической живописной системы начала XVIII века, условный и эмблематичный.

Романтическая эпоха и эстетика романтизма определили интерес к этническому и национальному в культуре, к ориентализму, в контексте ко-

торого воспринимали и Африку, путешествиям в экзотические страны и художественному отражению впечатлений, актуальный и для неоромантических проявлений модернизма. Пребывание русских художников в Египте в первой половине XIX века (братья Н. и Г. Чернецовы), в конце XIX века (кн. Г. Гагарин), первой трети XX века (И. Билибин) закрепилось в фиксации памятников египетской древности, архитектуры Александрии, Каира, Луксора.

Рационализация гносеологического потенциала в позитивизме и, соответственно, эстетике реализма закрепили исследовательский потенциал искусства. Сложные взаимоотношения романтизма, академизма, реализма, в том числе – передвижничества, их взаимное противоборство и пересечение в творчестве отдельных авторов выразились в разнообразии стилистических решений и общности предмета живописи ориентализма. Его аксиологическая модальность в живописи отчасти корреспондирует с традицией травелогов и путевых заметок в литературе. Отличительный момент – декоративизм, выраженная эстетизация, нивелирующая нейтральную объективацию. Разнообразные этнографические и социальные зарисовки из жизни и культуры населения Северной Африки оставили кн. Г. Гагарин, Н. и К. Маковские, В. Якоби.

К аксиологии антропологического и героического отнесем галерею портретов известных персон С. Александровского, запечатлевшего в акварели членов Первого марокканского посольства в Российскую империю (лето 1901 года).

Характерную грань ориентализма в живописи – стилизацию и использование приемов аутентичного этнического искусства мы предлагаем осмыслить в аксиологическом аспекте как признание ценности самобытной африканской культуры. Безусловно, имея в виду нюансировку ее вариативности – от обращения к модному тренду, условного декоративизма, до целенаправленной и осмысленной интерпретации. Эстетические эксперименты с цветом отличают представленный на виртуальной выставке работы З. Серебряковой, К. Петров-Водкина, осознанная экстраполяция приемов африканского искусства характерна для африканских полотен В. Лебедева, Н. Лапшина, В. Исаевой.

Экранные искусства советского периода и современности репрезентируют африканскую образность скорее эпизодически, актуализация происходит при активизации интереса к Африке в геополитической повестке и культурной политике.

Ключевые ценности, продвигаемые в отечественных экранных искусствах при обращении к африканской тематике – противостояние расизму и продвижение советской по происхождению идеи дружбы народов. Показательная в этом отношении советская рецепция «гарлемского ренессанса» которая отозвалась в антирасистской аксиологии кинематографа 1930-х гг., в числе прочего – в широко известном финале фильма «Цирк» Г. Александрова.

Аксиологические приоритеты африканской образности советского кинематографа концентрируются в коррелятивных с литературой полях: романтизация экзотики, позиционирование дружественных намерений, дружбы народов (мультфильмы «В Африке жарко», 1936, «Каникулы Бонифация», 1965, «В порту», 1975) авантюрно-приключенческая атмосфера («Пятнадцатилетний капитан», 1945, В. Журавлев, мультфильмы «Самый большой друг», 1968, «Катерок», 1970, «Приключения барона Мюнхгаузена. Между крокодилом и львом», 1972), эстетика комического («Человек ниоткуда», Э. Рязанов, 1961).

В неигровом кино отчетливо позиционируется демонстрация помощи («Мы с тобой, Африка!» (1963), «Говорят века Африки» (1966), «Ритмы Африки» (1966), «Дружба с народами Африки» (1980)).

Новые импульсы активизации российско-африканского взаимодействия в 2020-е гг. вызвали размещение на канале «Карусель» анимационного сериала «Тинга-Тинга. Страна африканских мифов», серию «Африка» детского анимационного сериала «Про Миру и Гошу» (2022), обсуждение съемок фильма «Мама-Африка» по сценарию В. Пипы, съемки комедийного сериала «Афродеревня» (2025 г., А. Кещян), запуск в производство мультфильма «Кукумба. Закон Африки» (2025 г., В. Торопчин). Показательно, что в комедийном сериале «Афродеревня» российская сторона в традициях советского африканского дискурса предлагает помощь африканцам, лишившимся места жизни из-за стихийного бедствия.

Отметим, что современные экранные решения актуализируют африканскую образность преимущественно в развлекательной и комедийной версии массовой культуры, привлекая молодежную и детскую аудиторию.

Заключение

В ходе работ над Государственным заданием Министерства просвещения Российской Федерации Ярославскому государственному педагогиче-

скому университету им. К. Д. Ушинского по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д'Ивуар)» отдельным ракурсом исследования стало выявление и определение контекстных аксиологически значимых факторов, определяющих представления об Африке в российском обществе, в том числе – молодежной среде.

Африканская образность, сформированная в русской и советской культуре, развивающаяся в современных социокультурных и художественных практиках, несомненно, определяет мировоззренчески и аксиологически значимые основы выстраивания взаимодействия России и Африки, в том числе – в области просвещения и образования, в организации процессов академической мобильности. При этом значимость культурной составляющей до недавних пор явно недооценивалась – как при модерации продвижения русского языка и культуры в Африке, так и при адаптации российского общества к усилению африканского присутствия в России. Западный источник в 2019 г. фиксирует, что мягкая сила России в Африке проявляется в области медицины, СМИ, «образование и профессиональная подготовка представляют собой еще один столп российской мягкой силы в Африке» [Dubien]. Культура, искусство, просвещение не упоминаются. Динамика последнего пятилетия показывает, что исследователи и модераторы российско-африканского диалога акцентируют как значимость, так и недостаточное внимание к области культурного взаимодействия «Африка в целом до сих пор остается мифом для большинства россиян. Россия также остается мало открытой африканцами» [Агоннуде]. Российские исследователи подтверждают: «большинство современных молодых носителей лингвокультуры, к сожалению, не проявляет к посвященным Африке текстам глубокого интереса» [Попова, Шурупова, с. 364].

Ожидается, что выявленные аспекты актуализации африканской образности, представленные в русской литературе и искусстве, а именно упрощенность, фрагментарность, синергичность, ситуативность, позволяют диагностировать контекстуально обусловленную, тенденциозную аксиологическую формируемость образа Африки.

И все же важно отметить: недостаточное знание, неверное понимание, искажение африканского культурного кода в современной российской

массовой культуре и искусстве сопровождаются растущим интересом к Африке, усилением осмысленной интеллектуальной и целенаправленной научной рефлексии, которые при их эффективном развитии способны привести к появлению эстетически и этически корректных художественных образов.

Библиографический список

1. Абрамова И. О. Геостратегическая схватка за Африку // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. 632 с.
2. Агоннуде Б. В. Ф., Глебов В., Маслов А. Российско-африканское сотрудничество: состояние и приоритетные направления // Международная жизнь. 2024. №3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2968> (дата обращения 08.07.2025)
3. Африка в произведениях русских художников. URL: https://rusmuseumvrm.ru/online_resources/art_gallery/africa/index.php (дата обращения 12.07.2025).
4. Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки / А. В. Антошин и др.; ред. А. С. Балезин [и др.]; Институт всеобщей истории РАН, Отдел региональных исследований, Центр африканских исследований. Москва : РОССПЭН, 2019. 605 с.
5. Африка в условиях формирования полицентричного мира / отв. ред.: С. Н. Волков, Т. Л. Дейч, С. В. Ненашев; Институт Африки РАН. Москва : ИАФР РАН, 2020. 357 с.
6. Грибанова В. В., Усачёва В. В. Участие России в подготовке африканских специалистов // Сфера услуг в Африке / Е. В. Морозенская, Е. А. Абрамова, А. К. Баринов и др. Москва : Институт Африки РАН, 2024. С. 260–272.
7. Декларация второго саммита «Россия – Африка». URL <http://www.kremlin.ru/supplement/5972> (дата обращения 12.07.2025).
8. Древе-Сылла Г. «Тоска по мировой культуре» и «civilisation de l'universel»: поэтическое конструирование Африки и мировая культура в акмеизме и негритуде. Часть 1 // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 80–110.
9. Жилыева Я. Открытие Африки: как российское искусство взяло курс на Глобальный Юг // ForbesLife. 21.01.2024 URL: <https://www.forbes.ru/society/503130-otkrytie-afriki-kak-rossijskoe-iskusstvo-vzalo-kurs-na-global-nuj-ug>? (дата обращения 08.07.2025).
10. Кувшинов Ф. В. Тема Африки в русской литературе первой трети XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 45–50. URL: <https://rucont.ru/efd/512105> (дата обращения: 12.07.2025)

11. Летина Н. Н. Культуросообразный алгоритм исследования оснований российско-африканского диалога // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 261–272.

12. Летина Н. Н. Мониторинг потенциала применения цифровых дидактических решений для популяризации русского языка и культуры в странах западной Африки (Республики Кот-д'Ивуар и Гана) / Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024625213, 15.11.2024. Заявка № 2024625171 от 12.11.2024.

13. Мама-Африка / В. Пипа. URL: <https://mama-afrika.ru/> (дата обращения 12.07.2025)

14. Мулахи Самиха. Геокультурный образ Северной Африки в русской литературе путешествий конца XIX – начала XX веков. Москва, 2023. 26 с.

15. Попова Е. А., Шурупова О. С. Образ Африки в русской лингвокультуре // Новый филологический вестник. 2022. № 4(63). С. 357–367.

16. Программа Международной научно-практической конференции «Россия - Африка 2023: парадигма образования» 14–15 декабря 2023 года, г. Ярославль. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. URL: https://newyspu.ru/wp-content/uploads/2023/11/Programma_russia-afrika.pdf (дата обращения 08.07.2025).

17. Россия–Африка: политика, экономика, история и культура // Материалы III Международного научного форума, Казань, 13 октября 2022 г. Казань, 2022. 161 с. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_922571704/Sbornik.Rossiya.Afrika.13.oktyabrya.2022.goda.Kazan.pdf (дата обращения 12.07.2025)

18. Рясной И. В. Про призраков Африки... URL: <https://author.today/post/484071> (дата обращения 12.07.2025).

19. Уде Фрайдей Эменка. Образ Африки в русском языковом сознании. Волгоград, 2008. 16 с.

20. Alexander Pushkin, the Black father of Russian literature // African Heritage. URL: <https://afroleghends.com/2010/03/30/alexander-pushkin-the-black-father-of-russian-literature/> (дата обращения: 08.07.2025)

21. Dubien A. Note №19. La Russie et l'Afrique: mythes et réalités // L'observatoire. Centre d'analyse de la CCI France Russie. URL: <https://fr.obsfr.ru/analytics/notes/10953/> (дата обращения: 08.07.2025).

22. Marsden Ph. From slave to Slav // The Guardian. 22.10.2005. URL: https://www.theguardian.com/books/2005/oct/22/featuresreviews.guardianreview4?CMP=share_btn_url (дата обращения: 08.07.2025)

23. Somers Cocks F. M. Abraham Hannibal – Ethiopian or Central African? // URL: <https://anglo-ethiopian.org/publications/articles.php?type=A&reference=publi>

[cations/articles/2006spring/abrahamhannibal.php](https://anglo-ethiopian.org/publications/articles.php?type=A&reference=publi) (дата обращения: 08.07.2025).

Reference list

1. Abramova I. O. Geostrategicheskaja shvatka za Afriku = The geostrategic battle for Africa // Mirovye razvitiye: problemy predskazuemosti i upravljajemosti: XIX Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija, 22–24 maja 2019 g. Sankt-Peterburg : SPbGUP, 2019. 632 s.

2. Agonnude B. V. F., Glebov V., Maslov A. Rossijsko-afrikanskoe sotrudnichestvo: sostojanie i prioritetye napravlenija = Russian-African cooperation: status and priority areas // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2024. №3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2968> (data obrashhenija 08.07.2025)

3. Afrika v proizvedenijah russkih hudozhnikov = Africa in the works of Russian artists. URL: https://rusmuseumvrm.ru/online_resources/art_gallery/afrika/index.php (data obrashhenija 12.07.2025).

4. Afrika v sud'be Rossii. Rossija v sud'be Afriki = Africa in Russia's fate. Russia in Africa's fate / A. V. Antoshin i dr.; red. A. S. Balezin [i dr.]; Institut vseobshhej istorii RAN, Otdel regional'nyh issledovanij, Centr afrikanskih issledovanij. Moskva : ROSSPJeN, 2019. 605 s.

5. Afrika v uslovijah formirovanija policentrichnogo mira = Africa in the context of forming a polycentric world / otv. red.: S. N. Volkov, T. L. Dejch, S. V. Nenashev; Institut Afriki RAN. Moskva : IAfr RAN, 2020. 357 s.

6. Gribanova V. V., Usachjova V. V. Uchastie Rossii v podgotovke afrikanskih specialistov = Russia's participation in training African specialists // Sfera uslug v Afrike / E. V. Morozenskaja, E. A. Abramova, A. K. Barinov i dr. Moskva : Institut Afriki RAN, 2024. S. 260–272.

7. Deklaracija vtorogo sammita «Rossija – Afrika» = The Second Russia – Africa Summit Declaration. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5972> (data obrashhenija 12.07.2025).

8. Drevs-Sylla G. «Toska po mirovoj kul'ture» i «civilisation de l'umversel»: pojeticheskoe konstruirovanie Afriki i mirovaja kul'tura v akmeizme i negritjude. Chast' 1 = «Longing for world culture» and «civilization de l'umversel»: the poetic construction of Africa and world culture in Acmeism and Negritude. Part 1 // Imagologija i komparativistika. 2018. № 9. S. 80–110.

9. Zhiljaeva Ja. Otkrytie Afriki: kak rossijskoe iskusstvo vzjalo kurs na Global'nyj Jug = Discovering Africa: how Russian art headed for the Global South // ForbesLife. 21.01.2024 URL: <https://www.forbes.ru/society/503130-otkrytie-afriki-kak-rossijskoe-iskusstvo-vzalo-kurs-na-global-nyj-ug?> (data obrashhenija 08.07.2025).

10. Kuvshinov F. V. Tema Afriki v russkoj literature pervoj treti XIX veka = The theme of Africa in Russian literature of the first third of the XIX century // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2015. № 2. S. 45–50. URL: <https://rucont.ru/efd/512105> (data obrashhenija: 12.07.2025)

11. Letina N. N. Kul'turosoobraznyj algoritm issledovaniya osnovanij rossijsko-afrikanskogo dialoga = A culturally congruous algorithm for studying the foundations of the Russian-African dialogue // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2023. № 4 (35). S. 261–272.
12. Letina N. N. Monitoring potenciala primenenija cifrovych didakticheskikh reshenij dlja popularizacii russkogo jazyka i kul'tury v stranah zapadnoj Afriki (Respubliki Kot-d'Ivuar i Gana) = Monitoring the potential of digital didactic solutions to popularize the Russian language and culture in West African countries (Republics of Côte d'Ivoire and Ghana) / *Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh RU* 2024625213, 15.11.2024. Zajavka № 2024625171 ot 12.11.2024.
13. Mama-Afrika = Mother Africa / V. Pipa. URL: <https://mama-afrika.ru/> (data obrashhenija 12.07.2025)
14. Mulahi Samiha. Geokul'turnyj obraz Severnoj Afriki v russkoj literature puteshestvij konca XIX – nachala XX vekov = Geocultural image of North Africa in Russian travel literature of the late XIX – early XX centuries. Moskva, 2023. 26 s.
15. Popova E. A., Shurupova O. S. Obraz Afriki v russkoj lingvokul'ture = The image of Africa in Russian linguoculture // *Novyj filologicheskij vestnik*. 2022. № 4(63). S. 357–367.
16. Programma Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Rossija – Afrika 2023: paradigma obrazovanija» 14–15 dekabrja 2023 goda, g. Jaroslavl' = The program of the International Scientific and Practical Conference «Russia – Africa 2023: the education paradigm» December 14-15, 2023, Yaroslavl. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2023. URL: https://newyspu.ru/wp-content/uploads/2023/11/Programma_russia-africa.pdf (data obrashhenija 08.07.2025).
17. Rossija–Afrika: politika, jekonomika, istorija i kul'tura = Russia-Africa: politics, economy, history and culture // *Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Kazan', 13 oktjabrja 2022 g. Kazan', 2022*. 161 s. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_922571704/Sbornik.Rossiya.Afrika.13.oktyabrya.2022.goda.Kazan.pdf (data obrashhenija 12.07.2025)
18. Rjasnoj I. V. Pro prizrakov Afriki... = On ghosts of Africa... URL: <https://author.today/post/484071> (data obrashhenija 12.07.2025).
19. Ude Frajdey Jemenka. Obraz Afriki v russkom jazykovom soznanii = The image of Africa in the Russian linguistic mind. Volgograd, 2008. 16 s.
20. Alexander Pushkin, the Black father of Russian literature // *African Heritage*. URL: <https://afroleghends.com/2010/03/30/alexander-pushkin-the-black-father-of-russian-literature/> (data obrashhenija: 08.07.2025)
21. Dubien A. Note №19. La Russie et l'Afrique: mythes et réalités // *L'observatoire. Centre d'analyse de la CCI France Russie*. URL: <https://fr.obsfr.ru/analytics/notes/10953/> (data obrashhenija: 08.07.2025).
22. Marsden Ph. From slave to Slav // *The Guardian*. 22.10.2005. URL: https://www.theguardian.com/books/2005/oct/22/featuresreviews.guardianreview4?CMP=share_btn_url (data obrashhenija: 08.07.2025)
23. Somers Cocks F. M. Abraham Hannibal – Ethiopian or Central African? // URL: <https://anglo-ethiopian.org/publications/articles.php?type=A&reference=publications/articles/2006spring/abrahamhannibal.php> (data obrashhenija: 08.07.2025).

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 23.05.2025; approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 168.522

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-260

EDN: DBIUOL

Лингвокультурологическое прочтение лексических единиц тематической группы «гастрономия» во французском языке

Анастасия Алексеевна Яцкевич

Кандидат культурологии, преподаватель кафедры французского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

yatskevichna@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2944-6319>

Аннотация. Гастрономический дискурс во Франции является общественно значимым, в нем заложены ценностно-ориентированные категории, представляющие интерес для исследователей различных сфер гуманитарного знания. В статье анализируются лингвокультурологические особенности лексических единиц французского языка тематической группы «гастрономия». Исследование показало, что смысловые значения лексических единиц могут меняться и эволюционировать в процессе изменения социально-исторического и культурно-бытового контекста, что обуславливает необходимость изучения языка и культуры во взаимосвязи, а также необходимость перевода лексических единиц с учетом этого контекста. Проведенный анализ позволил установить, что лингвокультурологический уровень исследования лексем обеспечивает выход за пределы языковых значений слов как единиц и дает возможность расшифровать скрытые за ними национально-детерминированные экстралингвистические смыслы. Погружаясь в культуру, слова могут приобретать новые значения, проявлять внеязыковую семантику, проникать вглубь культурных ценностей, одновременно формируя их. Обращение к культуре как важному фактору, в том числе обуславливающему смысловые значения лексем, позволяет минимизировать риски расхождений в смысловых соответствиях между языками в переводческой практике. Лингвокультурологическая понятийная компетенция, зачастую не прописанная в словарях, но отражающая национальную специфику восприятия действительности носителями языка, требует особого осмысления и внимания как в работе переводчика, так и в процессе обучения иностранному языку.

Методологическую базу исследования составил комплекс научных методов, в том числе диахронического исследования, контекстуально-интерпретационного анализа, теоретического обобщения и работы с оригинальным языковым материалом на французском языке.

Ключевые слова: лингвокультурология; лингвокультурема; гастрономия; Франция; языковая картина мира; язык; французский язык

Для цитирования: Яцкевич А. А. Лингвокультурологическое прочтение лексических единиц тематической группы «гастрономия» во французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 260–266. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-260>. <https://elibrary.ru/DBIUOL>

Original article

Linguoculturological interpretation of lexical units from the thematic group «gastronomy» in the french language

Anastasiya A. Yatskevich

Candidate of cultural studies, lecturer at the department of the french language, Moscow state institute of international relations (university), MFA RF. 119454, Moscow, Vernadsky avenue, 76

yatskevichna@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2944-6319>

Abstract. Gastronomic discourse in France is socially significant; it contains value-oriented categories that are of interest to researchers in various fields of humanities. The article analyzes linguoculturological features of lexical units from the french thematic group «gastronomy». The study has shown that the semantic meanings of lexical units can change and evolve in the course of social, historical, cultural and everyday changes, which determines the need to study the interrelation of language and culture, as well as the need to translate lexical units with regard to these context changes. The analysis suggests that the linguo-culturological level of lexeme research provides an opportunity to go beyond the linguistic meanings of words as units and to decipher the nationally-determined extra-linguistic meanings

hidden in them. In cultural contexts, words can acquire new meanings, express extra-linguistic semantics, and penetrate deep into cultural values while simultaneously shaping them. Referring to culture as an important factor that determines the semantic meanings of lexemes, helps minimize the risks of discrepancies in semantic correlations between languages while translating. Linguoculturological conceptual competence, often not defined in dictionaries, but reflecting the national specificity of native speakers' worldview, requires deep understanding and particular attention both in the translator's work and in foreign language teaching. The methodological basis for the study is a range of scientific methods, including diachronic research, contextual interpretation analysis, theoretical generalization and working with authentic linguistic material in french.

Key words: linguoculturology; linguocultureme; gastronomy; France; linguistic worldview; language; the french language

For citation: Yatskevich A. A. Linguoculturological interpretation of lexical units from the thematic group «gastronomy» in the french language. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):260–266. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-260>. <https://elibrary.ru/DBIUOL>

Введение

Перевод лексических единиц с языка оригинала на родной язык может представлять трудности с точки зрения скрывающихся за ним лингвокультурологических смыслов. Можно лишь догадываться о том, какие семантические значения, выходящие за рамки языка, то есть слов-знаков, в них заложены. Незнание культурного «ореола» оставит реципиента или переводчика на языковом уровне, на уровне слова-знака и не позволит проникнуть вглубь культурных ассоциаций и понять внеязыковые значения данных лексических единиц. Встретившись в текстах или иных высказываниях, они останутся недопонятыми или будут домыслены реципиентом, что во многом может исказить суть текста или высказывания, нарушить его образную и смысловую структуру.

Напротив, знание лингвокультурологического контекста, который окружает лексическую единицу, является ключом к пониманию глубинного смысла, скрывающегося за словом-знаком. Такое экстралингвистическое знание позволяет перейти от «туманности» семантического значения лексической единицы к его «расшифровке». Лексические единицы, интерпретируемые сквозь культурный фон, приобретают ясность, а их значения – глубинный смысл. Происходит переход от «угадывания» смысла к его пониманию на уровне системы культурных ассоциаций, свойственных той или иной нации. По словам В. В. Воробьева, «будучи зависимы от социокультурного контекста, коннотативные смыслы, как правило, не фиксируются в толковых словарях, их распознавание зависит от кругозора интерпретатора» [Воробьев, 2008, с. 47].

Исходные положения исследования. Теоретическая основа, цель и методы

Теоретической основой настоящего исследования стали труды по языкознанию и лингвокультурологии В. В. Воробьева [Воробьев, 2008], В. Н. Телия [Телия, 1996], В. А. Масловой [Маслова, 2024], С. Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 2000], Л. Г. Ведениной [Веденина, 1997], Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2010] и др., а также более ранние исследования В. Гумбольдта [Гумбольдт, 1985], Л. Вайсгербера [Вайсгербер, 2004], Э. Сепира [Сепир, 2024] и др. ученых, которые стояли у истоков изучения культуры и языка в синтезе и взаимосвязи.

Методологическая база опирается на междисциплинарный подход и включает комплекс научных методов, в том числе контекстуально-интерпретационный анализ, направленный на системное выделение и описание контекстов изучаемого понятия; дискурс-анализ, предполагающий смысловые интерпретации исследуемых лексем; метод структурно-семантического и лингвокультурологического анализа лексических единиц; метод исторического описания и диахронический подход, позволившие проследить эволюцию смыслов изучаемых лингвокультурем; метод сопоставления теоретического обобщения и результатов анализа языкового материала в первоисточниках на французском языке.

Под лингвокультуремой мы понимаем единицу, синтезирующую в себе лингвистическое и экстралингвистическое содержание. По В. В. Воробьеву, который впервые ввел в научный оборот данный термин, «это единица более „глубокая“ по своей сути, чем слово» [Воробьев, 2008, с. 45]. И. И. Кушакова считает: «Любая языковая единица, обладающая культурно значимой интерпретацией, является лингвокультуремой» [Кушакова, 2018, с. 13]. А. А. Потебня, размышляя на тему

значения слов, утверждал: «Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук» [Потебня, 2024, с. 15]. Ученый прямо заявляет, что языкознание – это не единственная наука, которая может заниматься изучением содержания и значения слов. Он добавляет: «... под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, – дальнейшим значением слова» [Потебня, 2024, с. 15]. Дальнейшее значение слова может быть исследовано лингвокультурологией. По В. В. Воробьеву: «„Погружение” слов в культуру полнее проявляет их языковую и внеязыковую семантику, помогает глубже проникнуть в суть культурных ценностей, понять их национальную специфику» [Воробьев, 2008, с. 48]. В предложенной им в качестве единицы описания лингвокультуре, помимо собственно языкового значения, заложен культурно-понятийный компонент, который позволяет раскрыть внеязыковое содержание исследуемой реалии культуры. Часто оно раскрывается не напрямую, но в сложном «процессе намекания», через «устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны» [Воробьев, 2008, с. 48–49]. «Глубинный смысл (прим. автора: понятия, реальности культуры) [...] разворачивается в смысловой сети культурно-понятийного содержания лингвокультуры» [Воробьев, 2008, с. 50]. При этом ее языковые и внеязыковые компоненты часто неравны между собой и могут вступать в противоречие в определенных контекстах. Здесь стоит особо отметить «подвижный» характер лингвокультуры, которая может выступать как интерпретация, намек, угадывание. Это ее свойство отражено в определении лингвокультурологии В. А. Масловой: «Лингвокультурология – наука синергетически ориентированная, потому что предметом ее исследования являются механизмы самопроизвольного возникновения, относительно устойчивого существования и самораспада упорядоченных структур в системах разного рода» [Маслова, 2024, с. 21].

Распознавание намека, угадывание, выстраивание относительно устойчивых ассоциативных связей диктует необходимость развития лингво-

культурологической компетенции, то есть того знания, погружаясь в которое, человек, не являющийся носителем языка, расширяет пространство понимания реалий и концептов культуры. Он как бы приоткрывает для себя завесу «тайны» языка, за которой скрывается значительный пласт внеязыковой информации, в том числе «этнопсихологические характеристики (прим. автора: изучаемого народа), систему нравственных ценностей, традиции и обычаи, систему ролевых ожиданий, речевой этикет» [Веденина, 2019, с. 28].

Рассмотрим лексические единицы французского языка с греческим корнем *gastro*, а также синонимичные или близкие им по значению: «*la gastronomie*» (гастрономия), «*le gastronome*» (гурман), «*la gastrologie*» (гастрология – специальный термин, встречающийся во французском лексиконе XVI в.), «*la gourmandise*» (обжорство, чревоугодие), «*le gourmand*» (обжора, сладкоежка), «*le gourmet*» (гурман) и пр. Семантические значения входящих в исследуемую группу единиц могут показаться «расплывчатыми» и недостаточно четко очерченными для тех, кто не является носителем французского языка, и представлять сложность при переводе.

Цель статьи – проанализировать приведенные выше лексические единицы на лингвокультурологическом уровне, то есть погруженными в культурный и исторический контекст; обосновать необходимость их перевода с учетом культурно-понятийной составляющей; показать сложность взаимосвязи языка и культуры и необходимость их изучения в синтезе.

Результаты исследования

Важное для менталитета французской нации слово «*la gastronomie*» (гастрономия) вошло в употребление в XVII в., точнее, оно впервые было упомянуто в «Занимательной доктрине о нравах того времени...» (здесь и далее перевод автора статьи) («*La Doctrine curieuse des beaux esprits de ce temps*») [Garasse, 1624], написанной писателем Франсуа Гарассом (François Garasse, 1585–1631) и опубликованной в 1624 г. Слово «*la gastronomie*» было использовано автором в значении «свода законов и правил в процессе приема пищи» и заимствовано из греческого языка. Греческое слово «*gastronomia*» является производным от слов «*gaster*» (греч. живот) и «*nomos*» (греч. закон).

В данном контексте чрезвычайно важно отметить, что понятие «приема пищи» в то время обозначалось другим французским словом «*la gourmandise*». Основным значением слова «*la gour-*

mandise» до настоящего времени является «чревоугодие». Оно имеет негативно окрашенный семантический оттенок и восходит к понятию «чревоугодия» как одного из человеческих грехов. Именно это слово, «la gourmandise», широко использовалось до середины XVII в. Интересно, что оно означало не только все то, что связано с «чревоугодием» и «обжорством», но также и все то, что относилось к процессам приготовления и приема пищи в целом. Понимание этого слова зависело от контекста.

Процесс разделения семантических смыслов, а точнее процесс выделения отдельного понятия «гастрономии» со значением «знания о кухне и искусства приготовления и приема пищи», происходил небыстро. Потребовалось несколько веков, чтобы за словом «la gourmandise» остались первоначальные значения «чревоугодия» и «обжорства», имеющие негативные смысловые оттенки, и появилось новое понятие «гастрономия» со значением «знания о кухне, подаче блюд и искусстве дегустации и приема блюд», которое закрепилось во французском языке за словом «la gastronomie» (гастрономия).

Процесс выделения понятия «гастрономия» в самостоятельное со значением «искусства о еде» теснейшим образом связан с эволюцией самого поварского дела во Франции и в целом с изменением отношения французского общества ко вкушению пищи. Так, еще в начале XVI в. Франсуа Рабле (François Rablais, 1494 предположительно – 1553) писал о «gastrolâtres» [François Rabelais: la langue au service de la gastronomie] – «тех, кто возводит вкусную еду в культ» (сейчас этого слова нет в словаре французского языка Французской Академии). Мишель де Монтень (Michel de Montaigne, 1533–1592) называл то, что сейчас принято называть «гастрономией», «наукой рта» (science de gueule) [Montaigne, 1595]. В XVII в. при дворе короля Людовика XIV (Louis XIV, 1638–1715) понятие «гастрономия» передавалось словом «gastrologie» (сейчас этого слова нет в словаре французского языка Французской Академии) [Drouard, 2010, p. 20]. Понятие «гастрономия», еще не закрепившись за словом «la gastronomie», постепенно с развитием французской национальной кухни и этикета завоевывало свое право на самостоятельное существование и приобретало все новые и новые смыслы и значимость.

Слово «la gastronomie» в значении «гастрономия», впервые использованное писателем Франсуа Гарассом, еще какое-то время сосуществовало со словом «la gourmandise» в одном из его семан-

тических значений. Так, например, кавалер Луи дю Жокур (Chevalier Louis du Jaucourt, 1704–1779) в научном труде «Энциклопедия» («Encyclopédie»), над которым он работал в соавторстве, настаивал на том, что слово «la gourmandise» включает следующее значение, отличное от «обжорства» и «чревоугодия»: «утонченная и непомерная любовь к хорошей еде» (l'amour raffiné et désordonné de la bonne chère) [Drouard, 2010, p. 19]. Он утверждал, что понятие «la gourmandise» является достоинством в странах, где «роскошь и тщеславие вменяются в добродетель» [Drouard, 2010, p. 19]. Связывая одно из значений слова «la gourmandise» с роскошью, он пояснял, что оно приобретает новый смысл, поскольку роскошь неразрывным и естественным образом связана с изобилием, качеством и изысканностью подаваемой еды. Так зарождалось понятие «гастрономии» как «особого знания о еде, еде вкусной и изысканной». Его появление означало переосмысление простого процесса приготовления и приема пищи. Зарождалось новое отношение к приготовлению и приему пищи как к экспертному знанию, которое подразумевало умение правильно выбрать и подобрать продукты, с вниманием относиться к рецептуре, вкусно приготовить блюда и с удовольствием и изяществом их съесть.

В дальнейшем за словом «la gourmandise» осталось единственное значение «обжорства», «чревоугодия». Оно фактически утратило прочие значения, поскольку в лексикон вошло и прочно обосновалось новое слово «la gastronomie».

После Французской революции слово «la gastronomie» уже громко и отчетливо звучало во французском лексиконе. Оно было обращено к новому классу буржуазии. В поэме Жозефа Бершу (Joseph Berchoux, 1765–1839) оно даже было вынесено автором в заглавие. В поэме «La Gastronomie» [Berchoux, 1837], состоящей из четырех песен и написанной в 1801 г., автор обращается к «человеку за столом» (l'homme à table), который ранее ел все подряд и не применял научных методов ни в выборе блюд, ни в своих вкусовых предпочтениях, более того, даже не подозревал о том, что еда может быть искусством. Автор поэмы призывал «человека за столом» обратиться к его литературному труду, где тот мог найти некоторые ценные советы. Главным из них был следующий: «человеку за столом» следует довериться профессиональному повару в выборе блюд и кулинарных предпочтений и не делать дилетантский выбор самостоятельно, а также следить за манерами за столом. Эти инструкции и наставления

автор записал в поэтической форме.

Двумя годами позднее, а именно в 1803 г., в названии еще одного литературного произведения прозвучало слово «la gastronomie», а также производное от него слово «**le gastronome**», которое означало «эксперта в гастрономии», «гурмана» и «любителя вкусной пищи». Это значение слова «le gastronome» сохранилось до настоящего времени. Его можно найти в словаре французского языка Larousse [Larousse]. Французский писатель Симон Селестан Кроз-Манан (Simon Célestin Croze-Magnan, 1750–1818) написал литературный труд под названием «Гурман в Париже, Послание создателю Гастрономии» («Le Gastronom à Paris, Épître à l'auteur de La Gastronomie ou l'Homme des champs à table») [S.C.C.M., 1803].

Слово «la gastronomie», которое уже нельзя было спутать со словом «la gourmandise», в 1835 г. попадает в словарь Французской Академии [Drouard, 2010, p. 23]. Отныне оно стало обозначать доминанту французского отношения к еде как к искусству, а также научно обоснованное знание законов питания человека.

В 1826 г. французский философ и кулинар Жан Антельм Брийа-Саварен (Jean Anthelme Brillat-Savarin, 1755–1826), которого считают одним из отцов основателей французской гастрономии, в своей знаменитой книге «Физиология вкуса» («Physiologie du goût») еще больше переосмысливает понятие «гастрономии». Он говорит о нем в самом широком смысле и дает ему свое определение: «Гастрономия – это обоснованные знания о человеке во всем, что касается процесса поглощения пищи. <...> Гастрономия занимается:

- естественной историей, так как классифицирует пищевые вещества;
- физикой, так как исследует свойства и составляющие пищевых веществ;
- химией, так как анализирует и расщепляет их;
- кухней, так как занимается искусством составлять блюда и делать их приятными на вкус;
- торговлей, так как, с одной стороны, ищет лучшие продукты на рынке, а с другой стороны, наиболее выгодно сбывает по пятницам то, что выращено;
- политической экономикой, так как платит налоги с того, что выращено, и налаживает торговые связи с другими странами [Brillat-Savarin, 1848].

Обращаясь к словам «le gastronome», «le gourmet», «gourmand», «glouton», «goulu», «goinfre» (при написании четырех последних слов артикль намеренно опускается, так как все эти слова могут

быть как именами существительными и сопровождаться артиклем, так и прилагательными, а значит – использоваться без него), можно сказать, что они схожи по своей семантике лишь на первый взгляд. На самом деле значения этих слов различны, и они могут представлять сложность при переводе. Для правильного их понимания важен культурологический контекст их использования. Смысловые оттенки этих лексем, так же, как и в случае со значениями лексем «la gastronomie» и «la gourmandise», детализировались и принимали более четкие семантические очертания с течением времени.

Согласно словарю Larousse, как упоминалось выше, слово «le gastronome» обозначает «эксперта в гастрономии», «гурмана» и «любителя вкусной пищи». Основным его синонимом является слово «**le gourmet**», которое семантически соответствует понятию «эксперт», «знаток и любитель хорошей еды», а именно, «человек, разбирающийся в хорошей кухне и хороших винах и способный их оценить» [Larousse].

Что касается слова «**gourmand**», во французском языке в первую очередь оно соответствует таким понятиям, как «обжора», «сладкоежка», «прожорливый», «жадный», то есть обозначает того, кто ест в больших количествах. Эта количественная коннотация в слове «gourmand» ярко выражена. В семантике этого слова, так же как и в семантике слова «la gourmandise», присутствует отрицательный оттенок, отрицательная коннотация. Ее также можно отметить и в словах «glouton», «goinfre», «goulu», которые, согласно Словарю Французской Академии 1787 г., были его синонимами. Они остаются ими и сегодня, согласно современной версии словаря Larousse [Larousse].

Вторым значением слова «gourmand» является следующее значение: «любитель» (amateur), «фанат», «заядлый поклонник» чего-то, но не обязательно еды.

И лишь при употреблении в качестве прилагательного, слово «gourmand» может использоваться в значении «относящегося к гастрономии», но это отнюдь не первое его значение.

В связи с этим фонетическое прочтение слова «gourmand» на французском языке может ввести в заблуждение русскоговорящего реципиента, глубоко не погруженного в культурно-исторический контекст. Фонетически слово «gourmand» будет отсылать реципиента к укоренившемуся в русском языке слову «гурман» со значением «эксперта в гастрономии», «любителя вкусной еды».

Напомним, что первичное его значение – это «обжора». И велика вероятность того, что русскоговорящий реципиент, в том числе и в достаточной степени владеющий французским языком, но не посвященный в тонкости семантических значений, обусловленных экстралингвистическим культурным контекстом, услышав французское слово «gourmand», может неточно или ошибочно перевести его как «любитель изысканной пищи», что может «превратиться в чистую случайность перевода» [Иванов, 2018, с. 67] и повлечь за собой неверную интерпретацию смысла целых текстовых отрывков. Напротив, лингвокультурологический уровень исследования слов и словосочетаний обеспечивает выход за пределы собственно языковых значений слов как единиц и позволяет раскрыть понятия и смыслы, стоящие за ними в полноте их национальной специфики.

Заключение

В статье рассмотрены лексические единицы французского языка тематической группы «гастрономия». Установлено, что с течением времени и под влиянием меняющегося социокультурного контекста их значения эволюционировали. Проведенный анализ позволил констатировать, что поиск и толкование экстралингвистических характеристик слов уходит корнями в область культуры, а раскрытие их полного семантического значения невозможно без погружения в культурно-исторический контекст. Перед переводчиком может встать вопрос о вариативности перевода и необходимости соотнесения слова на уровне языка и на уровне культуры и поиске релевантных эквивалентов с учетом национально-детерминированного культурно-фонового компонента. Это требует особо пристального фокуса внимания в таких значимых областях жизни, какой является гастрономическая культура для французов, поскольку французская гастрономическая традиция, формировавшаяся в тесной связи языка и культуры, является доминантой в общей системе ценностей французов, а также обладает универсальной общекультурной значимостью.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие. Москва : Флинта, Наука, 2010. 224 с.
2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
3. Веденина Л. Г. Лингвистика – культурология – лингвокультурология – лингвострановедение // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 1. С. 23–29.
4. Веденина Л. Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранные языки в школе. 1997. № 3. С. 72–110.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Москва : РУДН, 2008. 336 с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. Москва : Прогресс, 1985. 448 с.
7. Иванов Н. В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. Москва : Международные отношения, 2018. 152 с.
8. Кушакова И. И. Французская языковая картина мира сквозь призму фразеологии и лингвокультурологии (анализ лингвокультурем с лексемами «rain», «vin», «fromage» в современном французском языке) // Интеграция наук. 2018. № 4 (19). С. 13–16.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024. 208 с.
10. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Составные члены предложения и их замены: в 2 частях. Ч. 1. Москва : Юрайт, 2024. 292 с.
11. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Москва : Юрайт, 2024. 211 с.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
13. Тер-Минасова С. Г. Языки в межкультурной коммуникации. Москва : Слово, 2000. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf> (дата обращения: 19.06.2025).
14. Berchoux J. La gastronomie. 10-ème édition. Bruxelles, Société belge librairie, 1837. URL: https://books.google.ru/books?id=A0JGAAAYAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_atb&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 19.06.2025).
15. Brillat-Savarin J. A. Physiologie du goût. Paris, G. de Gonet, 1848. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1063697/f1.texteImage> (дата обращения: 19.06.2025).
16. Drouard A. Le mythe gastronomique français. Paris, CNRS éditions, 2010. 155 p.
17. François Rabelais: la langue au service de la gastronomie // Canal Académies. 15.03.2009. URL: <https://www.canalacademies.com/emissions/les-chroniques/histoire-et-gastronomie-la-chronique-de-jean-vitoux/francois-rabelais-la-langue-au-service-de-la-gastronomie> (дата обращения: 19.06.2025).
18. Garasse F. La Doctrine curieuse des beaux esprits de ce temps. Paris, S. Chappelet, 1624. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k109743b#> (дата обращения: 19.06.2025).
19. Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/> (дата обращения: 19.06.2025).
20. Montaigne de M. Essais. Paris, chez Abel l'Angelier, 1595. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Essais/Livre_I/Chapitre_51

(дата обращения: 19.06.2025).

21. S. C. C. M. Le Gastronom à Paris, Épitre à l'auteur de La Gastronomie ou l'Homme des champs à table. Paris, l'imprimerie de Suret, 1803. URL: https://books.google.ru/books?id=AwJVAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 19.06.2025).

Reference list

1. Alefirenko N. F. Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka = Linguoculturology. Value- meaning linguistic space : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta, Nauka, 2010. 224 s.

2. Vajsgerber J. L. Rodnoj jazyk i formirovanie duha = Native language and the spirit formation. Moskva : Editorial URSS, 2004. 232 s.

3. Vedenina L. G. Lingvistika – kul'turologija – lingvokul'turologija – lingvostranovedenie = Linguistics – cultural studies – linguocultural studies – linguocountry studies // Koncept: filosofija, religija, kul'tura. 2019. № 1. S. 23–29.

4. Vedenina L. G. Teorija mezhkul'turnoj kommunikacii i znachenie slova = Intercultural communication theory and the meaning of the word // Inostrannye jazyki v shkole. 1997. № 3. S. 72–110.

5. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologija = Linguoculturology. Moskva : RUDN, 2008. 336 s.

6. Gumbol'dt V. Jazyk i filosofija kul'tury = Language and philosophy of culture. Moskva : Progress, 1985. 448 s.

7. Ivanov N. V. Interpretacija v znakovoj ontologii jazyka i v perevode = Interpretation in the sign ontology of language and in translation. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2018. 152 s.

8. Kushakova I. I. Francuzskaja jazykovaja kartina mira skvoz' prizmu frazeologii i lingvokul'turologii (analiz lingvokul'turem s leksemami «pain», «vin», «fromage» v sovremennom francuzskom jazyke) = French linguistic worldview through the prism of phraseology and linguoculturology (analysis of linguoculturemes with lexemes «pain», «vin», «fromage» in modern French) // Integracija nauk. 2018. № 4 (19). S. 13–16.

9. Maslova V. A. Lingvokul'turologija. Vvedenie = Linguoculturology. Introduction : uchebnoe posobie dlja vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Jurajt, 2024. 208 s.

10. Potebnja A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. Sostavnye chleny predlozhenija i ih zameny = From the notes on Russian grammar. Compound members of the sentence and their substitutions : v 2 chastjah. Ch. 1. Moskva : Jurajt, 2024. 292 s.

11. Sepir Je. Jazyk. Vvedenie v izuchenie rechi = Language. An introduction to the study of speech. Moskva : Jurajt, 2024. 211 s.

12. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. 288 s.

13. Ter-Minasova S. G. Jazyki v mezhkul'turnoj kommunikacii = Languages in cross-cultural communication. Moskva : Slovo, 2000. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf> (data obrashhenija: 19.06.2025).

14. Berchoux J. La gastronomie. 10-ème édition. Bruxelles, Société belge librairie, 1837. URL: https://books.google.ru/books?id=A0JGAAAAYAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_atb&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (data obrashhenija: 19.06.2025).

15. Brillat-Savarin J. A. Physiologie du goût. Paris, G. de Gonet, 1848. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1063697/f1.texteImage> (data obrashhenija: 19.06.2025).

16. Drouard A. Le mythe gastronomique français. Paris, CNRS éditions, 2010. 155 p.

17. François Rabelais: la langue au service de la gastronomie // Canal Académies. 15.03.2009. URL: <https://www.canalacademies.com/emissions/les-chroniques/histoire-et-gastronomie-la-chronique-de-jean-vitoux/francois-rabelais-la-langue-au-service-de-la-gastronomie> (data obrashhenija: 19.06.2025).

18. Garasse F. La Doctrine curieuse des beaux esprits de ce temps. Paris, S. Chappelet, 1624. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k109743b#> (data obrashhenija: 19.06.2025).

19. Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/> (data obrashhenija: 19.06.2025).

20. Montaigne de M. Essais. Paris, chez Abel l'Angelier, 1595. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Essais/Livre_I/Chapitre_51 (data obrashhenija: 19.06.2025).

21. S. C. C. M. Le Gastronom à Paris, Épitre à l'auteur de La Gastronomie ou l'Homme des champs à table. Paris, l'imprimerie de Suret, 1803. URL: https://books.google.ru/books?id=AwJVAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (data obrashhenija: 19.06.2025).

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 22.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

Научная статья

УДК 792.09

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-267

EDN: DIMKYA

**Визуальный образ вишневого сада и дома в отечественном театре последней четверти XX века
(А. П. Чехов «Вишневый сад»)**

Алёна Игоревна Смоленская

Директор, Музей Ярославского театра и кино «Ваксман-центр». 150000, г. Ярославль, ул. Кирова, д. 5А
hexe_1990@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9568-3833>

Аннотация. Целью данного исследования является выявление и анализ основных способов сценического воплощения визуального образа вишневого сада и дома в отечественных постановках пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в последней четверти XX века. В рамках достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: 1) рассмотреть специфику визуального образа в искусстве; 2) раскрыть онтологический статус визуального образа имения в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»; 3) проанализировать визуальный образ вишневого сада и дома в отечественных постановках пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в последней четверти XX века.

В статье рассмотрены особенности функционирования визуального образа в искусстве, в том числе в театре, как семиотической системе, обладающей способностью к многозначной интерпретации. Особое внимание уделяется онтологическому статусу визуального образа имения в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад», который оказывает непосредственное влияние на выбор художниками способа воплощения визуального образа в спектаклях. Анализ визуального образа вишневого сада и дома в отечественных постановках пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в последней четверти XX века позволяет выявить два способа интерпретации этих ключевых элементов в зависимости от выбора художниками онтологического статуса имения в пьесе. Сценические решения варьируются от реалистичного воспроизведения визуального образа вишневого сада и дома до абстрактных конструкций, символизирующих утраченное прошлое. Автор приходит к выводу, что визуальный образ вишневого сада и дома в отечественных постановках пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в последней четверти XX века представляет собой динамичное поле для различных интерпретаций, отражающих исторические тенденции в развитии театрального искусства, обусловленных становлением «визуального поворота».

Ключевые слова: визуальный образ; отечественный театр; вишневый сад; дом; А. П. Чехов; сценография; спектакль; пространство

Для цитирования: Смоленская А. И. Визуальный образ вишневого сада и дома в отечественном театре последней четверти XX века (А. П. Чехов «Вишневый сад») // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 267–275. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-267>. <https://elibrary.ru/DIMKYA>

Original article

**Visual image of the cherry orchard and the house in the russian theater of the late XX century
(A. P. Chekhov's The Cherry Orchard)**

Alyona I. Smolenskaya

Director, the Museum of Yaroslavl theater and cinema «Waksman center». 150000, Yaroslavl, Kirova str., 5A
hexe_1990@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9568-3833>

Abstract. The study aims to identify and analyze the main stage ways of embodying the visual image of the cherry orchard and the house in russian productions of A. P. Chekhov's play The Cherry Orchard in the last quarter of XX century. To achieve this goal, the following tasks are to be solved: 1) to consider the specificity of the visual image in art; 2) to reveal the ontological status of the estate image in A. P. Chekhov's play The Cherry Orchard; 3) to analyze the visual image of the cherry orchard and the house in the national productions of The Cherry Orchard in the last quarter of the XX century.

The author examines specific functioning of the visual image in art, particularly in the theater as a semiotic system capable of polysemantic interpretation. Special attention is paid to the ontological status of the estate's visual image in A. P. Chekhov's play The Cherry Orchard, which directly influences the artists' choice of how to embody the visual image on stage. Analyzing the visual image of the cherry orchard and the house in the last quarter of the XX century the author

identifies two ways of interpreting these key elements depending on the artists' choice of the estate's ontological status in the play. The scenic designs range from realistic reproductions of the cherry orchard and the house images to abstract designs symbolizing the lost past. The author comes to the conclusion that the visual image of the cherry orchard and the house in the national productions of A. P. Chekhov's play *The Cherry Orchard* in the last quarter of the XX century is a dynamic field for various interpretations, reflecting historical trends in the theater evolution, conditioned by the formation of the «visual turn».

Key words: visual image; national theater; cherry orchard; house; A. P. Chekhov; scenography; performance; space

For citation: Smolenskaya A. I. Visual image of the cherry orchard and the house in the russian theater of the late XX century (A. P. Chekhov's *The Cherry Orchard*). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):267–275. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-267>. <https://elibrary.ru/DIMKYA>

Введение

Актуальность темы научного исследования обусловлена многогранностью пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» и разнообразием её интерпретаций на сцене. Особое значение приобретает анализ визуального воплощения ключевых образов, таких как вишневый сад и дом, поскольку они служат не просто элементами сценографии, но и репрезентируют глубинные смыслы пьесы, её проблематику и систему ценностей. Визуальный образ вишневого сада и дома, создаваемый театральными художниками, не только отражает режиссерское видение, но и вступает в диалог с текстом пьесы, углубляя и расширяя его смысловое пространство. В контексте чеховской драматургии, где подтекст и символизм играют онтологически значимую роль, визуальный образ воплощения пьесы на сцене театра приобретает особую значимость.

Специфика сценического воплощения «Вишневого сада» в последней четверти XX века обусловлена периодом активного поиска новых форм и выразительных средств в театре, характеризующимся стремлением к эксперименту и переосмыслению классического наследия, а также становлением «визуального поворота». Режиссеры и художники-постановщики стремились увидеть в «Вишневом саду» отражение современных проблем и конфликтов, что приводит к неожиданным сценическим решениям. Анализ конкретных постановок пьесы позволяет выявить разнообразие сценических решений: от реалистического материально-предметного воплощения визуального образа вишневого сада и дома до их символического воплощения в зависимости от определения онтологического статуса имения в пьесе.

Научная значимость исследования состоит в систематизации и анализе визуальных решений, использованных в отечественных постановках пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в последней четверти XX века, с акцентом на репрезентацию образов вишневого сада и дома. Данное исследо-

вание способствует расширению представлений о визуальном образе, как значимой части спектакля, обладающей самостоятельной семиотической ценностью. Цель исследования – выявление и классификация основных способов визуального воплощения образов вишневого сада и дома, что, в свою очередь, позволит проследить трансформацию интерпретаций пьесы и выявить влияние социокультурного контекста на сценические решения.

Методы исследования

Теоретико-методологическая база исследования включает следующие методы:

- философский, представленный в научных исследованиях Х. Белтинга [Belting, 2001], Я. М. Власовой [Власова, 2010], В. В. Заманской [Заманская, 2002], А. Ю. Ивлевой [Ивлева, 2008], Т. Ю. Казариной [Казарина, 2015], С. А. Сендеровича [Сендерович, 2007], В. Флюссера [Flusser, 1983].
- историко-театральный с опорой на научные исследования Г. Ю. Бродской [Бродская, 1993; Бродская, 2000], А. С. Демидовой [Демидова, 1993], Т. С. Злотниковой [Злотникова, 2011], С. Л. Шелехова [Шелехов, 2012]
- театрально-критический, востребованный в работах Ю. А. Дмитриева [Дмитриев, 1997], В. Петрова [Петров, 1982], А. Шендеровича [Шендерович, 2006].
- историко-искусствоведческий с акцентом на проблемы сценографии, актуализированный в исследованиях В. И. Березкина [Березкин, 2001; Березкин, 2011а; Березкин, 2011б; Березкин, 2011в], А. А. Михайловой [Михайлова, 1979].

Результаты исследования

Визуальные образы являются основой для создания произведений искусства и служат ключом к пониманию различных культурных символов. Они не только отражают социальную реальность, но также и создают среду, в которой слито мате-

риальное и идеальное, рациональное и иррациональное. Исследователи считают, что визуальный образ предстает как динамическая конструкция, формирующаяся в процессе активного взаимодействия сознания творческой личности с окружающим миром [Власова, 2010, с. 127–128; Казарина, 2015, с. 40; Ивлева, 2008]. Немецкий философ искусства Вилем Флюссер предлагает рассматривать отношения между текстом и образом как диалектический процесс, где каждый элемент является одновременно и кодом, и метакодом. Задача текста – объяснить образы, сделать концепции и идеи понятными. В то же время образы иллюстрируют текст, чтобы сделать его мыслимым. Так образы становятся всё более концептуальными, а тексты – всё более образными [Flusser, 1983, с. 8–11]. Этот процесс ведет к взаимному обогащению и усложнению способов репрезентации визуального образа в театральных постановках. Немецкий историк культуры и искусства Ханс Белтинг считает, что производство образов является символическим актом и поэтому требует столь же символического способа восприятия [Belting, 2001, с. 19–20]. В условиях доминирования визуальной культуры, трансформирующей способы восприятия и обработки информации, возрастает роль визуальных образов как основного средства репрезентации.

Визуальный образ спектакля – это ключевой элемент сценического языка, охватывающий всё, что зритель воспринимает визуально: от сценографии и костюмов до светового оформления и грима. Визуальный образ спектакля, по определению А. А. Михайловой, – это идеальное субъективное явление, которое принадлежит сфере сознания художника, зарождается и формируется в нем, затем получает вещественное содержание и переходит в сознание воспринимающего [Михайлова, 1979, с. 26–30]. Анализ визуального образа спектакля позволяет глубже проникнуть в замысел режиссера и художника-постановщика, раскрыть интерпретацию драматургического материала, выявить символику, лежащую в основе визуального решения, понять, какие смыслы авторы вкладывают в каждый элемент сценического пространства. Этот комплексный подход, опирающийся на принципы семиотики и визуальной культуры, позволяет рассматривать спектакль как сложное произведение искусства, насыщенное смыслами и символами.

Одним из центральных вопросов при анализе пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» является определение онтологического статуса имения, что

оказывает непосредственное влияние на выбор художниками способа воплощения визуального образа в постановках. Если имение с вишневым садом рассматривается как конкретное, локализованное в пространстве и времени место, то сценическое воплощение стремится к высокой степени аутентичности, воспроизводя детали повседневной жизни, архитектурные особенности и природные элементы, соответствующие историческому периоду и социальному статусу персонажей. Так, исследователь Г. Ю. Бродская уверена, что прототипом имения с вишневым садом для А. П. Чехова стала усадьба Алексеевых Любимовка, расположенная на берегу реки Клязьмы, где летом 1902 года Чехов жил со своей женой [Бродская, 1993, с. 84]. По утверждению Бродской без Любимовки не было бы «Вишневого сада» или он был бы другим [Бродская, 2000, с. 61]. В противовес данной точке зрения, С. Л. Шелехов считает, что у вишневого сада не было никакого прототипа по замыслу самого Чехова. Он только ироничный вымысел, неудержимая и мудрая фантазия, которая должна отражать хитросплетения тысяч старых русских дворянских усадеб [Шелехов, 2012, с. 44]. Исследователь отмечает, что в жизни А. П. Чехова было множество усадеб и имений: дом, где он провел детство, Бабкино, Любимовка, наконец, Мелихово. Таким образом, можно заключить, что усадьбы, в которых жил писатель, с их обветшалым очарованием, олицетворяют ускользающую жизнь, которая сопротивляется изменению, а выдуманный им вишневый сад служит символом утраченных надежд и несбывшихся мечтаний. Эти элементы становятся в пьесе не просто фоном, но активными участниками сюжета, подчеркивая трагизм и комизм человеческого существования. Так, в противовес трактовке имения и вишневого сада как конкретного места, возникает его интерпретация как символического пространства, характеризующего уходящую эпоху дворянства и утраченные иллюзии, что позволяет режиссерам и художникам отходить от буквального воспроизведения реальности. В таком прочтении на первый план выходит создание атмосферы ностальгии, хрупкости и увядания, что достигается за счет использования символических визуальных образов. Вишневый сад и дом перестают быть просто местом действия, превращаясь в визуальный эквивалент эмоционального состояния персонажей и их неспособности адаптироваться к новым социально-экономическим условиям.

В связи со всем вышесказанным, можно заключить, что визуальный образ вишневого сада и дома в постановках пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» может быть представлен в качестве реалистического материально-предметного, а также символического воплощения.

Реалистическое материально-предметное воплощение визуального образа вишневого сада и дома предполагает создание убедительной иллюзии реальности, основанной на тщательно отобранных деталях и акцентах. При таком способе воплощения визуальный образ соответствует определенной эпохе, отражая её особенности в архитектуре, мебели, костюмах и реквизите. Особое внимание уделяется деталям, которые создают иллюзию реальности: текстура стен, цвет обивки мебели, форма светильников, материалы, соответствующие историческим аналогам. Таким образом, визуальный образ вишневого сада и дома становится живым и убедительным отражением реальности.

В сценической интерпретации пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», осуществленной И. Ильинским в 1982 году в Малом театре с художественным оформлением В. Клотца, визуальный образ, созданный в русле реалистического материально-предметного воплощения визуального образа вишневого сада и дома, обретает осязаемую предметность. Режиссер и художник стремились к аутентичному прочтению произведения, подчеркивая свою приверженность авторскому замыслу и правде характеров [Дмитриев, 1997]. Ильинский видел задачу в раскрытии комической стороны человеческого существования [Петров, 1982, с. 4]. Спектакль воссоздает поэтическую атмосферу дворянской усадьбы: просторный зал с застекленными дверьми, ведущими на веранду, потемневшие стены, портреты в рамах, стол с кружевной скатертью, кушетка, мебель в стиле модерн, пуфик, массивный книжный шкаф и письменный стол. Из окон и через приоткрытую дверь на веранду виднеется цветущий вишневый сад. Сценография Клотца, выдержанная в традициях реалистического материально-предметного воплощения визуального образа вишневого сада и дома, акцентирует внимание на детализации быта уходящей эпохи. Предметы обстановки, тщательно подобранные и размещенные на сцене, выполняют функцию не только визуального оформления, но и являются носителями смысловой нагрузки, отражая увядание дворянского гнезда и постепенное исчезновение привычного мира для Раневской и Гаева. Тяжеловесная мебель, потемневшие стены,

свидетельствуют о бремени прошлого, о неспособности героев адаптироваться к новым экономическим реалиям. Вишневый сад, визуально представленный на сцене как цветущий, но уже обреченный на гибель, олицетворяет не только красоту и поэзию уходящего мира, но и непрактичность, неспособность героев к рациональному ведению хозяйства.

Первое действие, разворачивающееся в детской комнате, в сценографии Клотца лишено признаков детской. Художник визуализирует комнату в период взросления детей, на что указывают письменный стол и шкаф с книгами. Комната перестает быть игровым пространством, превращаясь в место для размышлений. Этот контраст между воспоминаниями и настоящим подчеркивает трагизм Раневской и Гаева, застрявших в прошлом. Книжный шкаф символизирует знания, необходимые для ориентации в новом мире, но бесполезные для Раневской и Гаева, не способных применить их для спасения сада. Визуальный образ вишневого сада и дома подчеркивает конфликт между прошлым и настоящим, между иллюзиями и реальностью.

Вторая картина переносит действие в сад, к скамейке среди цветущих вишневых деревьев, старого забора, покосившейся часовни и колодца на фоне заходящего солнца. Часовня и колодец, традиционно являющиеся символами духовности и источником жизни, здесь предстают в состоянии упадка, что свидетельствует о кризисе ценностей и утрате веры. Вишневый сад здесь — это поэтический символ Родины. Раневская покидает имение пять лет назад, охваченная воспоминаниями о гибели сына. Сад утопает в зелени и цветах, несмотря на летнее время, словно желая продлить свое последнее цветение для Раневской и Гаева. Использование пейзажа как зеркала душевного состояния героев восходит к традициям русского реалистического романа, где природа активно участвует в раскрытии психологической глубины персонажей.

Третья картина переносит действие в ту же детскую комнату, обстановка которой претерпела изменения: посреди комнаты установлен круглый диван, кое-где расставлены стулья и столик без скатерти. Бал, устраиваемый Раневской, представляет собой попытку сохранить иллюзию благополучия. За закрытыми окнами едва угадываются очертания вишневых деревьев, как уходящей красоты и ценностей, которые героиня не в силах сохранить. Сцена бала в детской становится метафорой самообмана: Раневская, устраивая этот

бал, пытается убежать от реальности, спрятаться за ширмой веселья. Изменение обстановки комнаты свидетельствует о временном и поверхностном характере создаваемой атмосферы благополучия. Контраст между роскошью и запустением создает ощущение заброшенности, охватывающее души героев, осознающих свою беспомощность перед лицом грядущих перемен.

В четвертой картине окна заколочены досками, двери распахнуты. Стоит одинокое вишневое деревце, под которым опавшая листва. Сложены чемоданы и сундуки, одинокая тумба, сломанный стул, голые стены. Пространство исполнено предчувствием невозвратности: заколоченные окна, являющиеся метафорой утраченной связи с внешним миром, контрастируют с распахнутыми дверями, символизирующими открытость навстречу неизбежному. Предметы мебели, вынесенные из привычного контекста, свидетельствуют о завершении определенного этапа жизни и подготовке к новому, пока еще неопределенному. Голые стены подчеркивают ощущение пустоты и утраты, лишая пространство индивидуальности и уюта. Данная дихотомия акцентирует внутреннюю противоречивость ситуации, характерную для переходных периодов. Грусть ностальгическая, без страданий и надрыва. Смерть оставленного Фирса воспринимается как должное: он — часть ушедшей эпохи. Прошлое остается в прошлом, а неопределенность будущего героев не вызывает беспокойства, скорее, она воспринимается как возможность выбора нового пути, как шанс построить жизнь заново, основываясь на полученном опыте и учитывая реалии настоящего. Такое сценическое решение позволяет увидеть в пьесе не столько трагедию уходящего дворянства, сколько размышления о природе времени, перемен и необходимости принять новую жизнь.

В спектакле И. Ильинского каждая деталь интерьера, созданная Клотцом, пронизана историей старой дворянской усадьбы и её упадком. Обветшавшая мебель, старинные портреты на стенах, вишневые деревья за окном — всё это говорит о былом величии и неминуемом крахе. Реалистическое материально-предметное воплощение здесь служит фоном, на котором разворачивается действие. Но этот фон имеет немаловажное значение для раскрытия истории и характеров персонажей. Использование приемов реалистической сценографии, детальная проработка интерьера, от обветшавших обоев до старой мебели, создают ощущение подлинности происходящего, погружая зрителя в атмосферу предреволюционной

России. Каждый предмет несет в себе информацию о прошлом, о связях между поколениями, о несбывшихся надеждах. Предметная среда становится своеобразным нарративом, отражающим социально-экономические изменения, происходящие в России на рубеже XIX–XX веков.

Символическое воплощение визуального образа вишневого сада и дома подразумевает комплексный подход к организации сценического пространства, который отражает не только общественное положение действующих лиц, но и их внутренние конфликты. Визуальный образ вишневого сада и дома при таком способе воплощения реализуется посредством применения специфических архитектурных форм, колористических схем, текстурных решений и композиционных приемов. Здесь используются визуальные образы, близкие к символистской абстракции, допускающие множественные интерпретации, что позволяет художникам сфокусировать внимание зрителя на эмоциональном и психологическом состоянии персонажей, избегая буквального воспроизведения окружающей обстановки. Визуальный образ, отказываясь от реалистичной детализации, преобразуется в семантическое пространство, где каждый элемент, начиная от декораций и заканчивая мебелью и реквизитом, наделяется ярко выраженной символической нагрузкой.

Символическое воплощение визуального образа вишневого сада и дома представлено в постановке Л. А. Додина в Малом драматическом театре — Театре Европы, 1994 года, режиссер — В. Туманов, художник — Э. С. Кочергин. Здесь возникает композиция из окон-зеркал разной высоты, выстроенных тремя модулями: центральным и боковыми. Использование зеркал, как основного элемента сценографии, не только визуально расширяет пространство сцены, но и создает многослойность восприятия, позволяя видеть персонажей и окружающий мир в искаженном, фрагментированном виде. Это отражает внутреннее состояние героев, их неспособность адекватно воспринимать происходящее и предвидеть будущее, акцентируя трагическую дихотомию между иллюзорными надеждами и неотвратимостью надвигающейся катастрофы. Цветущие ветви вишневых деревьев, отражаясь в зеркалах, становятся символом иллюзорности и самообмана, усиливая чувство безысходности и неспособности героев увидеть реальное положение дел: сад разросся, за ним никто не ухаживает, отчего он утрачивает не только свою былую красоту и величие, но и способность приносить плоды, что создает дополни-

тельный контраст между красотой уходящей эпохи и суровой реальностью, в которой оказались герои. Цветущий сад, традиционно являющийся символом надежды и возрождения, в данном случае превращается в призрачное воспоминание о прошлом, которое невозможно вернуть. Модульность конструкции из окон-зеркал можно интерпретировать как отражение социальной структуры, в которой каждый блок представляет собой отдельный социальный слой или группу, чьи судьбы неразрывно связаны с судьбой имения и вишневого сада. Их разная высота может указывать на иерархию этих слоев и на разное восприятие происходящих событий. Примечательно, что зеркала на переднем плане выше и роскошнее в художественном отношении, чем на дальнем, что позволяет им отражать вишневые деревья во всей красе весеннего цветения. Иерархия отражений подчеркивает неравенство и неспособность различных социальных групп к взаимопониманию и солидарности. Оптическое искажение реальности, производимое зеркалами, усиливает акцент на субъективном восприятии происходящего, намекая на то, что каждый персонаж видит лишь то, что хочет видеть, игнорируя объективные признаки упадка.

В центре сценического пространства находится водоем, подобный «колдовскому озеру», являясь своеобразным порталом, соединяющим прошлое и настоящее, который собирает вокруг себя персонажей. Он, по словам В. И. Берёзкина, «и еще одно зеркальное отражение, и место пуска кораблика, и бездонная воронка, затягивающая в себя люстру» в четвертом действии [Берёзкин, 2011, с. 85]. Кроме того, он может быть и напоминанием об утонувшем сыне Раневской. Этот образ, связанный с личной утратой, перекликается с более масштабной драмой: коллективным историческим потрясением, предопределяющим трагический финал — уходом дворянского мира. Вода, как символ очищения и обновления, в данном контексте приобретает зловещий оттенок, предвещающая гибель старого мира. Наклонный планшет сцены, направленный к «колдовскому озеру», визуально усиливает ощущение нестабильности и обреченности, создавая ощущение дискомфорта и неустойчивости. Этот прием создает эффект воронки, в которую постепенно «сползают» все персонажи, неспособные противостоять воле времени и историческим переменам. Водоем, таким образом, становится полисемантическим символом, интегрированным в визуальную структуру спектакля. Здесь, по словам Т. С. Злотниковой, в еди-

ном пространстве сочетаются экстерьер и интерьер [Злотникова, 2011, с. 102], что зрительно размывает границы между внешним и внутренним миром, между объективной реальностью и субъективным восприятием.

По ходу действия зеркала покидают рамы, их количество уменьшается [Берёзкин, 2011в, с. 288], тем самым отражений вишневых деревьев становится все меньше, что является визуальным эквивалентом утраты, деградации и исчезновения. Этот процесс несет в себе глубокий символический смысл, отражая не только физическую гибель, но и духовное опустошение персонажей. Зеркала, теряющие свои отражающие свойства, символизируют утрату способности видеть истинное положение вещей и адаптироваться к новым условиям. Как отмечает В. И. Берёзкин: «Жизнь покидает не только этот дом, но мир существования чеховских героев в более широком смысле» [Берёзкин, 2011б, с. 85]. Под жизнью здесь можно понимать и вишневый сад, как образ существования дворянского сословия.

Мебель, используемая в спектакле, дана в минимальном количестве, только для того, чтобы было, на что сесть и на что поставить предметы быта: венские стулья, маленький круглый стол и металлическая садовая скамейка с кованой спинкой и подлокотниками. Такое художественное решение акцентирует внимание на эфемерности бытия, ускользающей красоте и трагической обреченности персонажей. Отсутствие излишеств в обстановке создает контраст с воспоминаниями героев о прошлом величии усадьбы, подчеркивая произошедшие перемены и надвигающуюся катастрофу.

Э. Кочергин отказывается от детализированной репрезентации дворянского быта в пользу универсализации проблематики пьесы, переноса акцента с конкретной социальной среды на символическое воплощение обобщенного визуального образа вишневого сада и дома. Художник воспроизводит абстрагированное пространство, где доминируют мотивы увядания и разрушения, что коррелирует с общим настроением пьесы и способствует созданию атмосферы надвигающейся катастрофы, утраты и необратимости. Здесь не только дом и вишневый сад, интерьер и экстерьер, но все имение со всеми землями и постройками, со всеми обитателями сливаются в единое пространство, где прошлое и настоящее переплетаются, создавая ощущение непрерывности времени и неизбежности перемен. Благодаря такому решению спектакль перестает быть исторической дра-

мой о судьбе дворянства, а превращается в универсальную притчу о времени, утрате, поиске смысла жизни и вечном стремлении человека к гармонии, недостижимой в условиях дисгармоничного мира.

Символическое воплощение визуального образа вишневого сада и дома представлено также в спектакле А. В. Эфроса, поставленного им в 1975 году на сцене Театра на Таганке, художник — В. Я. Левенталь. Сценическое пространство, ограниченное могильным холмом, трансформируется в универсальную модель мира, включающую как элементы детской наивности (старая кукла), так и символы конечности существования (могильные плиты). Данная концепция акцентирует внимание на эфемерности жизни и неизбежности распада, представляя холм как микрокосм жизни, чьим финальным этапом является смерть. Вишневый сад интегрируется в атмосферу кладбища через кресты, семейные портреты, функционирующие как надгробия, и могильный холм с цветущими деревьями, что подчеркивает тщетность бытия. Минималистичными средствами Левенталь создает образ тотальной конечности, где прошлое, настоящее и будущее сливаются в пространстве неминуемой утраты, представляя пространство дома и вишневого сада как кладбище [Берёзкин, 2001, с. 168], где погребены не только члены семьи Раневской, но и отжившие элементы дворянского уклада. Кладбищенская атмосфера не только символизирует утрату прошлого, но и предвещает кризис настоящего и неопределенность будущего. Контраст между цветущим вишневым садом и могильными символами создает диссонанс, усиливающий ощущение абсурдности существования, превращая сад из символа процветания в монумент увядания.

Алла Демидова интерпретирует постановку Эфроса как историю «тяжелой, неизлечимой болезни, умирания и смерти» [Демидова, 1993, с. 54]. Развитие сюжета сопоставляется со стадиями принятия смерти: отрицание (первая картина), принятие (вторая картина), обострение (третья картина) и, наконец, смерть (четвертая картина). Монолог Раневской и звук топора символизируют поминки и погребение. Подобная интерпретация подчеркивает экзистенциальную проблематику пьесы, связанную с осознанием конечности бытия [Шендерович, 2007, с. 166–168, 176–177; Заманская, 2002, с. 32–33].

А. Шендерова утверждает, что вишневый сад «растворен в Раневской», сила духа которой имеет поэтическую природу, словно они одно неде-

лимое целое [Шендерова, 2006, с. 62]. В этой трактовке Раневская является не просто владелицей, а органическим продолжением сада, воплощением его эстетической сущности, что позволяет рассматривать её как символ уходящей эпохи. Неспособность к прагматизму делает её уязвимой перед реальностью и предопределяет поражение. Продажа имения трактуется как акт саморазрушения, экзистенциальный кризис.

Преобладающий белый цвет в оформлении и костюмах символизирует жизнь и смерть, начало и конец. Цветущие деревья и колышущиеся занавески создают визуальную символику экзистенциальной проблематики. Белый цвет ассоциируется с чистотой и погребальным ритуалом, подчеркивая отстраненность персонажей от реальности и обнажая их внутреннюю пустоту. В концепции Эфроса персонажи рассматриваются не как представители социальных классов, а как индивидуумы, переживающие экзистенциальный кризис [Берёзкин, 2011а, с. 173], что позволяет рассматривать пьесу как исследование человеческой природы.

Эфрос и Левенталь создают светлое, но пугающее пространство, акцентирующее внимание на экзистенциальных аспектах бытия персонажей. Визуальный образ создает атмосферу философских и духовных исканий. Данное художественное решение погружает зрителя в сферу высших ценностей человеческого существования, философских концепций, духовного развития, фокусируя внимание на экзистенциальных дилеммах, с которыми сталкиваются персонажи. Визуальный образ вишневого сада и дома, разработанный художником В. Левенталем, играет определяющую роль в экспликации экзистенциальной проблематики; привычный ландшафт вишневого сада и старинного поместья трансформируется в арену потери, изоляции и бессмысленности существования. Отказ от реалистического оформления в пользу символического воплощения визуального образа позволяет акцентировать внимание не на внешних атрибутах дворянского имения, а на внутреннем мире персонажей, их эмоциональных переживаниях и столкновении с абсурдностью бытия. Эфрос и Левенталь предлагают глубокую интроспекцию в универсальные вопросы человеческого бытия, побуждая к размышлениям о мимолетности времени, уязвимости надежд и неизбежности утраты, напоминая о поиске смысла в кажущейся бессмысленности жизни.

Заключение

Таким образом, рассмотрев три постановки пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» последней четверти XX века, можно утверждать, что визуальный образ вишневого сада и дома может быть представлен в качестве реалистического материально-предметного, а также символического воплощения. При этом выбор художниками способа воплощения визуального образа вишневого сада и дома базируется на определении онтологического статуса имения при анализе пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». При реалистическом подходе, характерном для постановок, стремящихся к максимальной достоверности, вишневый сад и дом предстают как конкретные объекты, детализированные и функциональные. В этом случае художники опираются на исторические исследования и этнографические материалы, воссоздавая атмосферу помещичьей усадьбы конца XIX – начала XX века. В символическом же ключе вишневый сад и дом становятся метафорами уходящей дворянской культуры, утраченных иллюзий и надвигающихся перемен. В таких постановках визуальный образ вишневого сада и дома может быть схематичным, абстрактным или трансформированным, чтобы подчеркнуть символическое значение. Художники используют условные формы и нетрадиционные материалы, чтобы передать ощущение трагизма и необратимости исторических изменений.

Выбор между реалистическим и символическим воплощением визуального образа вишневого сада и дома тесно связан с пониманием онтологического статуса имения в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». Если имение рассматривается как конкретное место действия, в котором разворачиваются повседневные события, то предпочтение отдается реалистическому подходу, благодаря которому возникает эффект погружения зрителя в атмосферу чеховской эпохи, позволяя почувствовать дух времени и понять психологию персонажей. Если же имение видится как символ эпохи и определенного мировоззрения, то более уместным становится символическое воплощение, которое акцентирует внимание на вневременных проблемах и философских вопросах, поднимаемых в пьесе. Подобный подход созвучен театральной эстетике символизма, динамично развивавшейся в последней четверти XX века и связанной со становлением «визуального поворота» и активном исследовании восприятия визуального образа в искусстве. Таким образом, визуальный образ вишневого сада и дома становится важным эле-

ментом сценической интерпретации пьесы, определяющим ее смысловое поле.

Библиографический список:

1. Берёзкин В. И. Искусство сценографии мирового театра Т. 8: Сценографы России: Борис Мессерер, Валерий Левенталь. Владимир Серебровский. Москва : КРАСАНД, 2011а. 416 с.
2. Берёзкин В. И. Искусство сценографии мирового театра Т. 10: Сценографы России: Эдуард Кочергин. Игорь Попов. Олег Шейнцис. Москва : КРАСАНД, 2011б. 496 с.
3. Берёзкин В. И. Искусство сценографии мирового театра Т. 12: Сценографы России в контексте истории и современной практики мирового театра. Москва : КРАСАНД, 2011в. 656 с.
4. Берёзкин В. И. Искусство сценографии мирового театра. Вторая половина XX века. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 808 с.
5. Бродская Г. До «Вишневого сада» А. П. Чехова // Театр. 1993. № 9. С. 80–107.
6. Бродская Г. Ю. Вишневосадская эпопея. Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. В 2-х томах. Т. 2. 1902–1950-е. Москва : Аграф, 2000. 592 с.
7. Власова Я. М. Визуальный образ в современной культуре: к постановке проблемы // Вестник ВолГУ. Серия 9. Выпуск 8. Ч. 1. 2010. С. 127–129.
8. Демидова А. С. Тени зазеркалья. Роль актера: тема жизни и творчества. Москва : Просвещение, 1993. 375 с.
9. Дмитриев Ю. А. Академический Малый театр (1941–1995). Хроникальные очерки, спектакли, роли. Москва : Искусство, 1997. 462 с.
10. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий : учебное пособие. Москва : Флинта, Наука, 2002. 304 с.
11. Злотникова Т. С. Эстетические парадоксы русской драмы. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. 288 с.
12. Ивлева А. Ю. Визуализация как метод конструирования символов в разных видах искусства // Язык. Культура. Общество. Выпуск 1. 2008. URL: <https://yazik.englishleo.ru/2008-18.php?ysclid=lf18hqn9he612893102> (дата обращения: 21.03.2023)
13. Казарина Т. Ю. Современная культура в визуальном пространстве // Вестник КемГУКИ. № 30. 2015. С. 39–48.
14. Михайлова А. А. Образный мир сцены (Заметки о современной сценографии) // Новое в жизни, науке, технике. Серия «Искусство». 1979. № 1. 48 с.
15. Петров В. «Вишневый сад» И. Ильинского на сцене Малого театра // Театр. Москва. 1982. № 13.
16. Сендерович С. А. П. Чехов и Л. И. Шестов. А также кое-что об экзистенциальной социологии // Вопросы литературы. Ноябрь-декабрь. 2007. С. 163–179.

17. Чехов А. П. Малое собрание сочинений / сост. А. Д. Степанова. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 800 с.

18. Шелехов С. Л. Путеводитель по комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» : учебное пособие. Москва : Издательство Московского университета, 2012. 150 с.

19. Шендерова А. Любовь Андреевна Раневская как женщина серебряного века. Алла Демидова в спектакле Анатолия Эфроса // Proscenium – Вопросы театра. 2006. С. 56–64.

20. Belting H. Bild-Anthropologie: Entwürfe für eine Bildwissenschaft (Bild und Text). München : Wilhelm Fink Verlag, 2001. 278 s.

21. Flusser V. Für eine Philosophie der Fotografie. Berlin : European Photography, 2006. 77 s.

Reference list

1. Berjzkin V. I. Iskusstvo scenografii mirovogo teatra T. 8: Scenografy Rossii: Boris Messerer, Valerij Levental'. Vladimir Serebrovskij = The art of scenography in world theater Vol. 8: Russian scenographers: Boris Messerer, Valery Leventhal. Vladimir Serebrovsky. Moskva : KRASAND, 2011a. 416 s.

2. Berjzkin V. I. Iskusstvo scenografii mirovogo teatra T. 10: Scenografy Rossii: Jeduard Kochergin. Igor' Popov. Oleg Shejncis = The art of scenography in world theater Vol. 10: Russian scenographers: Eduard Kochergin. Igor Popov. Oleg Sheintzis. Moskva : KRASAND, 2011b. 496 s.

3. Berjzkin V. I. Iskusstvo scenografii mirovogo teatra T. 12: Scenografy Rossii v kontekste istorii i sovremennoj praktiki mirovogo teatra = The art of scenography in world theater Vol. 12: Russian scenographers in the context of history and contemporary practice of world theater. Moskva : KRASAND, 2011v. 656 s.

4. Berjzkin V. I. Iskusstvo scenografii mirovogo teatra. Vtoraja polovina XX veka = The art of scenography in world theater. Second half of XX century. Moskva : Jeditorial URSS, 2001. 808 s.

5. Brodskaja G. Do «Vishnjovogo sada» A. P. Chehova = Before The Cherry Orchard by A.P.Chekhov // Teatr. 1993. № 9. S. 80–107.

6. Brodskaja G. Ju. Vishnjovosadskaja jepopeja. Alekseev-Stanislavskij, Chehov i drugie = The-Cherry-Orchard epic. Alekseev-Stanislavsky, Chekhov and others. V 2-h tomah. T. 2. 1902–1950-e. Moskva : Agraf, 2000. 592 s.

7. Vlasova Ja. M. Vizual'nyj obraz v sovremennoj kul'ture: k postanovke problemy = Visual image in contemporary culture: towards stating the problem // Vestnik VolGU. Serija 9. Vypusk 8. Ch. 1. 2010. S. 127–129.

8. Demidova A. S. Teni zazerkal'ja. Rol' aktjora: tema zhizni i tvorchestva = Shadows behind the looking glass. The role of the actor: the theme of life and work. Moskva : Prosveshhenie, 1993. 375 s.

9. Dmitriev Ju. A. Akademicheskij Malyj teatr (1941–1995). Hronikal'nye ocherki, spektakli, roli = Academic Maly Theater (1941–1995). Moskva : Iskusstvo, 1997. 462 s.

10. Zamanskaja V. V. Jekzistencial'naja tradicija v russkoj literature XX veka. Dialogi na granicah stoletij = Existential tradition in Russian literature of the XX century. Dialogues on the turns of centuries: uchebnoe posobie. Moskva : Flinta, Nauka, 2002. 304 s.

11. Zlotnikova T. S. Jesteticheskie paradoksy russkoj dramy = Aesthetic paradoxes of Russian drama. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2011. 288 s.

12. Ivleva A. Ju. Vizualizacija kak metod konstruirovaniya simvolov v raznyh vidah iskusstva = Visualization as a method of constructing symbols in different arts // Jazyk. Kul'tura. Obshhestvo. Vypusk 1. 2008. URL: <https://yazik.englishleo.ru/2008-18.php?ysclid=lf8hqn9he612893102> (data obrashhenija: 21.03.2023)

13. Kazarina T. Ju. Sovremennaja kul'tura v vizual'nom prostranstve = Contemporary culture in visual space // Vestnik KemGUKI. № 30. 2015. S. 39–48.

14. Mihajlova A. A. Obraznyj mir sceny (Zametki o sovremennoj scenografii) = Figurative world of the stage (Notes on contemporary scenography) // Novoe v zhizni, nauke, tehnike. Serija «Iskusstvo». 1979. № 1. 48 s.

15. Petrov V. «Vishnjovyj sad» I. Il'inskogo na scene Malogo teatra = I. Ilyinsky's «The Cherry Orchard» on stage of the Maly Theater // Teatr. Moskva. 1982. № 13.

16. Senderovich S. A. P. Chehov i L. I. Shestov. A takzhe koe-cto ob jekzistencial'noj sociologii = A. P. Chekhov and L. I. Shestov. And also something about existential sociology // Voprosy literatury. Nojabr'-dekabr'. 2007. S. 163–179.

17. Chehov A. P. Maloe sobranie sochinenij = Small Collection of Works / sost. A. D. Stepanova. Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. 800 s.

18. Shelekhov S. L. Putevoditel' po komedii A. P. Chehova «Vishnjovyj sad» = A guide to A. P. Chekhov's comedy «The Cherry Orchard» : uchebnoe posobie. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012. 150 s.

19. Shenderova A. Ljubov' Andreevna Ranevskaja kak zhenshina serebrjanogo veka. Alla Demidova v spektakle Anatolija Jefrosa = Lyubov Andreyevna Ranevskaya as a woman of the Silver Age. Alla Demidova in Anatoly Efros's production // Proscenium – Voprosy teatra. 2006. S. 56–64.

20. Belting H. Bild-Anthropologie: Entwürfe für eine Bildwissenschaft (Bild und Text). München : Wilhelm Fink Verlag, 2001. 278 s.

21. Flusser V. Für eine Philosophie der Fotografie. Berlin : European Photography, 2006. 77 s.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 21.05.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Воронина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 34,5 п. л., 30,15 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.

Печать ризографическая. Заказ № 127. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 27.10.2025

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150066, г. Ярославль, Которосльская наб., 44

Тел.: (4852) 32-98-69